

К 84(2Рос=Рус)6
К 59
Сергей Козлов
ВРЕМЯ
ЛЮБИТЬ

Сергей Козлов

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К59

К59 – **Козлов Сергей Сергеевич**
Время любить: Роман. Повести. Рассказы. – Екатеринбург: «Издательство «Баско», 2006. – 448 с.: ил.

От автора

Выражаю сердечную признательность моим друзьям – Ханты-Мансийскому банку и издательству «Баско», благодаря которым вышла в свет эта книга. И лично: поэту и государственному мужу Дмитрию Александровичу Мизгулину и путешественнику во времени и пространстве Сергею Павловичу Симакову.

«О всеблагая и животворящая Троице, прими благодарение за вся милости Твоя и яви нас достойными Твоих благодеяний, дабы, умножив вверенные нам таланты, мы вошли в вечную радость Господа своего с победной хвалой: Аллилуиа!» **(Кондак 13)**

МАЛЬЧИК БЕЗ ШПАГИ

МАЛЬЧИК БЕЗ ШПАГИ

1

Мир вокруг ещё спал, когда Тимофей вышел на улицу. Утро начиналось тонкой густо-красной полосой в фиолетовом мареве над восточной грядой тайги, обступавшей с трех сторон посёлок геологов. Точнее, холмы, на коих и был выстроен жилой анклав. С четвертой стороны – с юга – обрывистый берег облизывали волны Иртыша, несущего помутневшие от времени воды на соединение с Обью. Сейчас Иртыш почивал под толстой крышей льда, над которой, как антенны, там и сям высились разнокалиберные вешки местных рыбаков. А иногда – причудливые торосы.

Час был такой, что уже не брехали собаки, и вязкую арию тишины нарушал только шелестящий фон воздушного движения. Это дремлющий на ходу ветер цеплялся за кедровые лапы. Иногда кедры, раскачиваясь, постанывали, поскрипывали, и, если закрыть глаза, то нетрудно было представить себя стоящим на палубе парусника, бороздящего далёкие моря. Промеж вековых стволов скользил по февральскому насту мелкий лесной мусор. В окрестностях не слышно никакого движения; в морозном воздухе легкой дымкой клубится извечная тайна бытия... Да кто не знает? Рождение нового дня – чудо, доступное каждому.

Некоторое время мальчик стоял на крыльце, очарованный безмолвием и недвижностью окружающего мира. Со стороны он был похож на маленького капитана, замершего на носу корабля. Правда, корабль вмёрз во льды. Взгляд серых задумчивых глаз устремлен на горизонт, где, разбивая низкую облачность, полыхали заревые протуберанцы; видавшая виды ушанка сбита, как бескозырка, на затылок, из-под нее торчит короткая русая чёлка; брови чуть сдвинуты на переносицу, усеянную веснушками, отчего вид у паренька по-взрослому серьёзный и потому смешной. Ему бы в книгу Крапивина, а он...

Постояв так пару минут, Тимоха (так звали его друзья-однокашники) подхватил стоявший у ног школьный рюкзак и шустро сбежал с крыльца.

Ещё через полчаса он браво шагал по зимнику, ведущему на трассу до Тюмени. Шестьдесят километров по тайге и болотам его не пугали, он твёрдо знал: всё равно кто-нибудь подберёт. В этом краю людей на дороге ещё не оставляют. Оставишь ты, оставят тебя, и пронзительное чувство всеобщего презрения сделает такого человека сначала изгоем, а потом и впрямь заставит сорваться с насиженного места, чтобы, проглотив собственную озлобленность и обиду, попробовать начать новую жизнь. Обычно неуживчивые люди кочуют по северу, от посёлка к посёлку, от города к городу, и остаются на одном месте, пока не кончится в людях исконная приветливость, не сотрётся первое о них впечатление.

Эти неписаные законы здесь впитывают с раннего детства.

Косолапый КрАЗ-трубовоз догнал Тимофея уже за поворотом, и, отпыхтевшись на стылом мыле, замер чуть впереди. Тимофей резво забрался в кабину и был приятно удивлен. За рулём оказался знакомый водитель – дядя Вася из соседнего дома, а уж кабина была отделана, как маленькая квартира. Под ногами вырезан кусок старого домашнего ковра, приборная панель украшена плетёнкой, в нее вмонтированы вертолетные часы и магнитофон, на сидениях самошитые вельветовые чехлы, в левом водительском углу к стене приторочен на манер огнетушителя солидный термос, а на задней стене – фотографии красивых девушек. Из-под сидений, где были установлены динамики, пел страдальческую песню о потерянной воле хриплый баритон. А главное – чисто, как в кабинете у фельдшера!

– Дядь Вась, а девки-то зачем? Жена, небось, заругает? – с ходу спросил Тимофей.

– Не скажи, я пока в рейсе, она тоже журналы листает, кино смотрит с красивыми актёрами. А это мои валькирии! – оглянулся на вырезки водитель.

– Кто? Валь… Кирии?

– Ну да. Читал когда-то, что они над полями сражений летают. А мои – над трассой. Короче, не скучно с ними.

– А почему фотографию жены не прилепить?

– Скажешь! Так я по ней больше соскучусь. Тебе не понять, мал ещё.

– Почему не понять? Всё понять.

– Ну-ну. Ты лучше скажи, куда тебя в такую рань понесло? В Бобровку, что ль?

– Не, дальше. На трассу мне надо. В Демьянку. К бабушке.

– Да?

– Ага.

– Батя-то дома? Неужто одного в такую даль отпустили? В каком хоть ты классе-то, не помню?

– Батя уж неделю как с буровой приехал. Через неделю снова туда. А я шестой класс нынче заканчиваю.

– Запил, поди, опять? Отец-то... – пронзительно прищурился на паренька водитель.

– Да не, – не моргнув, соврал Тимофей, – на рыбалку всё нынче. Вот меня отправил бабушке рыбки отвезти. – И для вящей убедительности раскрыл школьный рюкзак, откуда выстрелили мороженые хвосты.

– Чё сразу не сказал, – притормозил дядя Вася, – кто в кабине рыбу возит? Оттает. Давай, я ее снаружи прилажу. Не боись, не потеряем твоих налимов.

– Не налимы там! – чуть не обиделся Тимофей. – Муксуны благородные да ещё пара стерлядок!

– Ишь ты, – ухмыльнулся дядя Вася, – благородные. А бабушка разве в Демьянке у вас живёт?

– Ну да, – ещё раз соврал Тимоха, а сам почему-то вспомнил учительницу русского языка, которая, морщась, принимала его тетради с домашним заданием, пахнущие рыбой.

«Ты что, Трофимов, с одним портфелем и в школу, и на рыбалку ходишь?» – каждый раз так говорит. «Нет, – честно отвечает Тимофей, – я в портфеле рыбу бабушке вожу, больше не в чем, но я в три газеты и в пакеты ее заворачиваю, но она всё равно пахнет». «Двойкой за четверть у тебя пахнет, Тимофей», – вздыхает Вера Андреевна, но всегда в конце четверти ставит тройку. Натягивает, так это называется на их учительском языке. И Сергей Сергеевич – историю, и Светлана Васильевна – математику... По физкультуре и то пятерка не выходит. В основном из-за прогулов.

– Тебя точно не потеряют? А то будут меня потом менты таскать, – снова появился в кабине дядя Вася.

– Не-а. Не потеряют, – не соврал Тимоха. – Я к вечеру вернусь. Меня наш сосед, дядя Олег Доценко заберёт.

– Смотри! – КрАЗ тяжело вздохнул и снова стал набирать свою невысокую крейсерскую скорость.

«Не потеряют, – подумал про себя Тимофей. – Точно не потеряют. Себя бы не потеряли...» Нынче отец, вернувшись с буровой, в дом пришёл уже пьяный. Раньше мать ругалась, плакала, водила его к врачам, а потом сама стала пить с ним. Не ссорились, но и света Божьего не видели. Оба с опухшими лицами просыпались по утрам и первым делом искали опохмелку. Тимоха сначала выливал проклятую водку в унитаз, но потом понял:

бесполезно. И самое страшное начиналось, когда у родителей кончались деньги, а взаймы никто не давал... В последние два дня отец переходил на пиво, сидел часами в ванне и худо-бедно к вахте превращался в человека, а вот мать болела тяжело и не всегда находила в себе силы остановиться. Пила, пока он был на работе, меньше, но бутылку в холодильнике держала постоянно. В редкие минуты трезвости вспоминали о сыне: «Тимоха, ты ел чего? Тимоша ты уроки-то выучил? Тимофей вынеси мусор да сходи за хлебом...» А кто хлеб до этого дня купил, не спрашивали. И колбасу, что с соседями умяли с вечера...

Однажды Тимофей тоже решил напиться. Как это говорят взрослые: с горя. Родители в этот час посапывали у себя в комнате, он же подошел к холодильнику, налил себе из початой бутылки полстакана какого-то хитро улыбающегося «Кузьмича» и даже огурец соленый на закуску достал, подражая отцу. Выпил холодную, обжигающую жидкость и даже не закашлялся. Огурчиком похрумкал, налил, как полагается, по второй. И снова – прокатилась. Вкуса не понял. Но что-то приторное в горле осталось. Зато сразу уяснил, что приторность эту хорошо проталкивать внутрь огурцом, а то и рассолом. Перебил вкус водки, подмигнул Кузьмичу и потянулся к отцовским сигаретам, чтоб, как говорится, полный комплект. Прикурил, пару раз взял дым в щеки, а потом и в затяг потянул... Пол под ногами качнулся, а потолок вообще завертело, как лопасти вертолета. С трудом устоял на ногах, схватив голову руками, чтоб ее не вывернуло на все триста шестьдесят градусов. До туалета шёл, как матрос во время шторма. Еле дотянул. Так и уснул, обнимая унитаз.

– Глянь, красота какая! – перебил дяди Васин голос хриплого уркагана, что призывал на всю кабину: «Воруй, Россия...».

КрАЗ выехал на болото. Зимник здесь шёл почти по прямой, среди худосочных сосенок – метр с кепкой – и низкорослых кустарников. На десятки километров вокруг была гулкая заснеженная равнина, по восточному краю которой ослепительным оранжевым шаром катилось солнце.

– Ищут, понимаешь, край света, а вон он!

– А почему, дядь Вась, на трассе Большая земля начинается? У нас тут что – маленькая?

– Не скажи, маленькая. Видал, какой простор. Это потому что мы в тайге, как на острове. Зелёное море тайги, слышал песню? Ну вот, представь, что в зеленом море остров – наш посёлок. А мы, стало быть, на материк с тобой едем. Уразумел?

– Вроде, – закусил губы Тимофей.

Некоторое время ехали молча. Любовались пейзажем. И тот и другой не впервой, но всякий раз за окном даль открывала себя как-то по-новому, с другим настроением что ли?..

Изношенные паруса облаков в низком, но пронзительно голубом небе превращались в диковинные письмена, похожие на египетские иероглифы. Они перетекали за далекую гряду тайги, отчего небосвод, казалось, наклонился в сторону той самой Большой земли. Чувство простора захватывало и несло Тимофея в сказочные страны, о которых мама читала ему в оные времена по вечерам. О таких сказочных, что когда он переспрашивал у неё непонятные слова, она и сама не могла толком объяснить их значения. Дорога заставляла забыть и печальное, и радостное и оставляла лишь два чувства: либо восторг причастности к огромному миру, либо в худшем случае да в зависимости от условий (метели, сильной оттепели, разбитости) – невеселое ревущее качание, от которого ни сна, ни бодрости, а лишь чувство затяжной борьбы, притуплённое смирением перед обстоятельствами. Машина в такое время вгрызается в пространство, точно бур, и управляет ею слившийся с баранкой и педалями нерв, искрящий вперемешку народной мудростью и матерками.

– Тебя на повороте высадить или к дому какому подвезти?

– На повороте.

2

В первую очередь Тимофей направился на рынок к той самой бабушке. Бабушкой он называл седую армянку, которая владела маленькой столовой и магазином напротив заправки. Она встретила мальчика с улыбкой:

– Давно не был, Тимофей, здравствуй. Что привёз?

– Три муксуна, одна нельма и две стерляди.

– Ай, молодец! Хорошая, свежая рыба. Деньги даю как всегда. Считай внимательно. Четыре по семьдесят, и две по пятьдесят. Всего – триста восемьдесят рублей. Считать в школе учат?

– Вы уже спрашивали, баба Ануш, – Тимофей торопливо спрятал купюры в потайной карман куртки, который собственноручно вшил в подклад.

– Хороший ты парень, Тимофей, маме помогаешь, а мои сыновья не хотят мне помогать. Только деньги просят. Каждый месяц новый бизнес начинают, прогорают и снова начинают. Торговать здесь им, понимаешь, зазорно. Видел бы ты, какие у них машины?! Когда в Карабахе жили на ишаке ездили, а теперь... Эх-хе-хе...

– Да видел как-то, приезжали они, гыркали тут по-вашему.

– Вот-вот, только языками мелют. Всем землякам вдоль трассы рассказывают, как много они зарабатывают, а сами ко мне едут – денег дай!

– А я учусь плохо, – вздохнул Тимоха. – Ладно, пойду, мне ещё на заправку надо.

– Иди. Осторожнее там, здоров будь. Удачи.

– Спасибо, и вам тоже, баба Ануш.

Тимофей знал, что его рыба будет продаваться по сто тридцать, а то и сто пятьдесят рублей за килограмм, но торговые отношения с бабушкой Ануш его вполне устраивали. Любой рыбак мог целый день простоять со своими хвостами и ни одного не продать, а тут была возможность уехать из Демьянки хоть при каких-то деньгах.

Отойдя в сторону, он некоторое время озирался, высматривая нужного человека. Рынок жил обычной жизнью. В центре стоянки сгрудились большегрузные фуры, жались друг к другу так, словно никогда не разъедутся. Чумазые водители пили дешёвый и плохой кофе, грызли горелые шашлыки – экономили командировочные. По периметру рынка выстроились «Газели», а легковые и, особенно, иномарки останавливались, где вздумается. Машины подъезжали и уезжали, и только запах копчёной рыбы, нанизанный на дым из мангалов, оставался здесь всегда, пропитав не только воздух, но и окружающее редколесье. В некоторых лавках гремела из разбитых динамиков музыка, приблатнённая, однообразная и хриплая, как вся нынешняя жизнь.

На другой стороне дороги находилась заправка с выстроенным на прилегающей территории довольно крупным для здешних мест маркетом и кафе повышенной комфортности. Там тоже останавливались проезжие, но заметно меньше, чем на рынке.

Тимофей, не торопясь, перешёл на другую сторону. Послонялся вокруг заправки и решился зайти в кафе. Посетителей было немного, и нужного человека он увидел почти сразу. За крайним, ближним к входу столиком сидел парень лет двадцати. Перед ним стояла ополовиненная бутылка пива и надкусанный пирог на блюдце. Он смотрел на мир слегка брезгливо, будто оказался здесь случайно, и если сталкивался с кем-то глазами, то никогда первым не отводил взгляда. Хроническая наглость и странное, не соответствующее внешнему виду высокомерие отражались на его лице. Лоб его наискось рассекал пополам свежий шрам, одним концом ломая бровь, а другим – короткий ёжик волос. Чёрные цепкие глаза буровили посетителей; под плоским боксёрским носом и вокруг слегка искривленных губ неровно цвела щетина. Из-под рукава свитера выползала на внешнюю сторону правой кисти татуировка змеи.

– Здорово, Миша! – Тимофей плюхнулся на стул напротив, не спрашивая разрешения.

– Здоровей видали, – ухмыльнулся парень и протянул мальчику голову змеи. – Есть хочешь, Тимох?

– Да, пирожок бы не отказался. С чаем.

Миша кивнул худенькой официантке, и та немедленно подошла с блокнотом, точно он был в этом зале самый важный гость.

– Беляш и чай... И это... Шоколадку, «Сникерс» какой-нибудь.

– Да ладно, Миш, – смутился Тимофей, – чё на меня тратиться?

– Отработаешь...

На разогретый в микроволновке беляш и стакан чая Тимофею понадобилось чуть больше минуты. Только после этого Михаил начал деловой разговор.

– Сегодня есть две цепочки, просим по две штуки, отдаем по полторы, мобила одна есть с фотиком, проси три, отдашь в случае чего за две с половиной, камера есть цифровая, запомни, цифровая! Японка настоящая! Меньше пяти не отдаем, она в магазине пятьсот баксов стоит, и вот ещё какая штука есть... – синяя змея скользнула во внутренний карман куртки, и Тимофей увидел на ладони старую пуговицу.

Обычная с виду пуговица военного, похоже, образца. На бронзовой металлической шляпке – двуглавый орёл, но что-то с ним было не так. Не такой, какие приходилось видеть нынче. Тимофей осторожно взял пуговицу в руки. Осмотрел со всех сторон. Металлическая петля с обратной стороны, пообтершаяся местами поверхность и, показалось, несоответствующая размерам пуговицы тяжесть.

– Пуговица? – пожал плечами Тимоха.

– Пуговица, да не простая. Ребята из Екатеринбурга слили. Проиграли короче. Если не врут, то эта пуговица из Ипатьевского дома. Слышал про такой?

– Не-а...

– Там царскую семью расстреляли. Николая и всех его родственников. Про это-то слыхал?

– Немного. Революция какая-то была, Ленин там, флаги красные...

– Во-во. Лет десять назад тебе эту историю в башку, как собственное имя, вдолбили бы. А теперь...

– Мы по истории пока средние века проходили. Королей всяких, папу римского. А русскую историю только начали. Интересно, только я их плохо запоминаю, князей много. Так эта пуговица что – золотая?

– Да нет, обычная. Но, возможно, она у царя на мундире была или у сына его, царевича Алексея. Он чуть старше тебя был. Я по телеку программу смотрел. Короче, Тимоха, это антиквариат. Пуговицу очкарикам впарить можно. Но цену я ей, Тимоха, не знаю.

– Эх, спросить бы историка нашего!

– В общем, когда их расстреляли, то сняли с них все драгоценности, забрали личные вещи и, выходит, даже пуговицы содрали. Говорят, в брюликах царевен потом большевистские жёны рисовались. Даже туфлями не побрезговали. Во, блин, какая у нас революция была, Тимоха. – Миша скривился и опрокинул в себя остатки пива из бутылки.

– Так почем её толкать?

– Не знаю, Тим, но и, чувствую, в моём кармане ей делать нечего. Тянет чего-то. Да и поверит кто? Пацаны эту пуговицу, может, у какого видного антиквара поимели. Кто его знает? За такими вещицами, бывает, контора охотится.

– Какая контора?

– ФСБ, слышал? Федеральная служба безопасности.

– Круче ментов?

– Круче. Если этим чё надо – они до печёнки достанут. Так что пуговка эта... – Миша задумчиво прищурился. – Хотя вряд ли. Всё-таки пуговица не брюлик и не золотой портсигар. Попробуй, если какой-нибудь лох за неё хоть что-то даст, отдавай. Верю тебе на слово! За остальное, как обычно, десять процентов твои. Всё в пакете. – Кивнул под стол. – Вначале подстрахую, потом уйду. Часа через три вернусь, встречаемся здесь же.

Тимофей взял пакет, мельком глянул на содержимое и по-взрослому протянул руку.

– Удачи, напарник, – улыбнулся Михаил, пожимая ладошку мальчика, и эта улыбка вмиг стёрла с лица презрительное напускное выражение.

– Удачи, напарник, – в тон повторил Тимоха и браво направился к выходу.

– Напарник – это не подельник, – одобрительно покивал вслед Михаил.

3

Михаил «нанял» Тимофея месяца три назад. Тот появился на заправке, как только встал зимник. Продав рыбу, бродил кругами по рынку и нарвался на местных пацанов. Человек пять мутузили его в подлеске, пытаясь отобрать деньги. Тимоха отчаянно сопротивлялся и одному даже

прокусил ухо. Уже были разбиты нос и губы, уже согнулся он калачом, пытаясь поймать пинающие его ноги. И тут в драку вмешался Михаил. Местные отступили по первому его слову, но сквозь зубы ругались: мол, пришлый не заплатил дань.

– Ох, рэкетиры! – цыкнул на них Михаил, потом подал руку Тимохе: – Зачем тебе деньги?

– Жрать дома не на что, – сплюнув кровь, ответил Тимофей.

– Пошли... Со мной пошли. Ну? Не дрейфь, пошли. Я тут пообедать собрался, напарник нужен. Поможешь? Зовут-то как?

С тех пор местные обходили Тимофея стороной, как заговоренного. Несколько раз подкатывали поболтать, стрельнуть закурить, время от времени брали взаймы, но всегда отдавали. На рынке они подрабатывали «принеси-унеси» и «последи за огнём». Иной раз обламывалось что-нибудь посолидней. С заправки, где поначалу пацаны нанялись услужливо вставлять пистолеты в баки, дабы водители не марали рук, их прогнали. Сам Тимофей не курил, но за козырьком шапки всегда носил пару сигарет – угостить. За это его почему-то уважали и здесь и дома, в школе.

В первый раз Михаил попросил Тимофея продать какие-то иностранные часы, и последнему удалось провернуть сделку за десять минут с первым же клиентом.

– У тебя, напарник, талант, – признал Михаил.

Талант заключался в том, что Тимофей безошибочно чувствовал человека, у которого есть лишние деньги и который не побрезгует купить вещь сомнительного происхождения. В качестве катализатора сделки неплохо проходило давить на жалость, при этом Тимоха почти не врал: мама с папой пьют, дома кушать нечего, а я вон какую вещь вполцены отдаю, не возьмёте – пришибут дома. И покупали. Почти не торгуясь. С каждой сделки юный посредник получал свои десять процентов, иной раз ему удавалось заработать полторы, а то и две тысячи рублей.

– Тимоша... – только-то и сказала мать, увидев на столе первую выданную Михаилом тысячу рублей.

– Я заработал, мама, – упредил он, но со спокойной совестью промолчал о заначке в потайном кармане. Мало ли, может, этой тысячи уже к вечеру не будет.

Однажды он вернулся домой и увидел неровный квадрат пыли на том месте, где стоял телевизор. Мать спала в своей комнате, на кухонном столе – батарея пустых бутылок и консервных банок. Картина была ясна даже младенцу. Он стал раскачивать её за плечо, пытаясь разузнать, где телевизор. С трудом выбил из нее: дядя Стёпа. Пришлось идти к соседу Степану Михайловичу, у которого мать часто занимала деньги.

– Дядя Стёпа, наш телевизор у вас?

– Да, Тимош, мать продала. Я бы не стал брать, у меня своих два. Но она унесла бы его на рынок. Отдаст деньги, верну.

– Сколько? – очень по-взрослому спросил Тимофей.

– Сейчас отдала за тысячу, а ещё до этого брала полторы.

– Дядь Стёп, я вам сейчас тысячу отдам, а через пару недель – остальное. Можно?

– Можно, Тимош, но если она завтра телевизор унесёт в другое место, я ничем помочь тебе не смогу.

– Понятно, – грустно согласился мальчик.

В следующий раз исчез музыкальный центр. Его вернуть не удалось, потому что концы потерялись где-то на зимнике с гастролировавшей компанией подпитых молодцев. Ушёл он за две бутылки водки и двухлитровый пластиковый жбан пива. Вернувшийся с буровой отец в первый раз на глазах сына начал избивать мать. Правда, Тимофею показалось, точнее он инстинктивно понял, что музыкальный центр здесь ни при чём. Он не пытался повиснуть на руках отца, просто забился в угол своей комнаты и слышал только одно:

– Гоша! Я ничего не помню! Гоша, прости! Они сами пришли-и-и-и...

В тот же вечер мать и отец помирились за бутылкой, и папа Гоша горделиво целовал кровоподтёки на лице мамы Иры. Целовал так, будто это были подаренные им украшения. А она затравленно улыбалась и почему-то украдкой подмигивала сыну. Ночью у Тимофея случилась истерика, он проснулся от того, что плакал навзрыд, сна не помнил. Его хотели отпоить валерьянкой, но её в доме не нашлось, и тогда отец принёс ему рюмку водки. Мол, ничего страшного, он читал, что это лучший транквилизатор. Слово «транквилизатор» напугало Тимофея не меньше, чем напугало бы слово «яд» или воспоминание о том, как его выворачивало после выпитой водки.

Последние два-три месяца Тимофей не знал, куда себя деть. Утром не хотел идти в школу, потому как не помнил, когда последний раз выполнял домашнее задание, а после обеда не хотел возвращаться домой. Бывало, допоздна слонялся по улицам посёлка, уходил в лес, в лучшем случае – навязывался на рыбалку со взрослыми. Брали его с удовольствием. Парень и здесь приносил удачу. При этом был вынослив и терпелив, не хныкал и не просился поскорее домой.

С Михаилом ему было спокойно, как со старшим братом. Тимофею хотелось быть похожим на этого уверенного в себе парня, у которого свой

кодекс чести, своё понимание этого мира. А самое главное – он честен со своим младшим партнёром. Однажды Тимофей спросил у него:

– Миш, а ты, правда, ничего не боишься?

– Я разве такое говорил?

– Нет, но вот ты такой... – и не нашлось слов.

– Какой? – ухмыльнулся Михаил. – Ты с меня пример не бери, Тимоха, у меня ничего впереди и пустота позади. Только день сегодняшний. И я в жизни не встречал человека, который бы ничего не боялся. Даже самые отчаянные ребята имеют слабую точку. Кто-то боится Бога, кто-то позора, кто-то самого себя... Я, например, тумана боюсь.

– Ту-ма-на-а? – удивлённо растянул Тимофей.

– Ага. Смешно?

– Нет. А почему боишься?

– Не знаю. Но меня дрожь пробирает, когда туман. Выйдешь на улицу, а вокруг больше чем на двадцать метров ничего не видно. И такое странное чувство возникает, что за этой белой пеленой ничего и нет! Всё! Мир такой маленький, сжался вокруг тебя, а там – пустота! Ничего! И ты весь мир можешь обойти за минуту. Как камеру.

– Как что?

– Да ладно, фигня это всё. Не парься. Незачем тебе чужие страхи знать. Меня не вылечишь, а сам заболеешь.

– А мне туман нравится, – признался Тимофей, хотя некоторое время думал, говорить ли об этом, как это понравится Михаилу?

– Вот видишь! Значит, в чём-то ты круче меня! Не зря я тебя, партнёр, приметил. Слушай, ты мне не говорил, а кем ты хочешь стать?

– Я?

– Ну да.

– Не знаю, – смутился Тимоха, – я учусь плохо. Учителя говорят, что в институт меня не возьмут. Я бы в путешественники пошёл, но отец смеётся, мол, сейчас за это не платят, а чтобы путешествовать, самому платить надо.

– Путешествовать... – задумался Михаил.

– Путешествовать. Всё повидать. Потом книгу бы написал с фотографиями, чтобы все видели.

– Я сейчас тебе, Тимох, умную мысль скажу, только не смейся, – предупредил Михаил.

– С чего?

– Ну, мало ли. Ты от меня таких не слышал, – и закурил, чтобы сосредоточиться и выдержать паузу, дабы Тимофей мог прочувствовать важность

сказанного. – Я так, парень, думаю. Путешествовать – это не профессия, это призвание. Разницу чувствуешь?

Тимоха долго пережёвывал в уме слова Михаила. Слово «призвание» ему очень понравилось. Оставалось только додуматься, кто его призывает. Но он боялся признаться Михаилу в том, что ему не всё здесь ясно. Тем не менее через минуту он отчётливо и взвешенно сказал:

– Понимаю.

4

Отец начал пить, когда стали задерживать зарплату, точнее, вообще перестали платить. Продукты в поселковом магазине выдавали под запись. И первое, что брали отчаявшиеся мужики, была водка. Русский парадокс: денег нет, выпить всегда найдётся.

Когда геология не вписалась в рыночную экономику, не стало и работы. Полпосёлка перебивались случайными заработками, шабашили на Большой земле, некоторые уезжали, но потом возвращались – там было ещё хуже, там никто не ждал. Тимофей тогда учился в первом классе и очень старался, правда, оценок им не ставили, но он был на хорошем счету. Мама каждое утро любовно гладила ему новый костюмчик и белую рубашку, обязательно белую. И приговаривала при этом:

– Хоть ты у нас, Тимоша, выучишься.

Сама Ирина Андреевна до того, как её уволили за пьяные прогулы, работала нянечкой в детском саду. И когда Тимоша ходил в детский сад, ему все завидовали. Ещё бы: он и дома, и в детском саду с мамой. Как он гордо вышагивал, приговаривая: «Мама, мы к тебе на лаботу идём, я тозэ буду там лаботать...»

Иногда ему снились эти добрые дни...

Разумеется, и раньше в семье бывали застолья. К родителям приходили друзья, рассказывали смешные истории, пели песни, в доме становилось тесно и накурено, стояли на большом столе разные бутылки, всё было както по-другому. И заканчивались посиделки неизменно чаем и огромным тортом. Ох, и не терпелось – когда же начнут разрезать эту пропитанную сладким кремом мякоть?!

Утром после таких праздников отец бывал хмур, но оставался добрым и часто, взяв с собой Тимофея, уходил на рыбалку. По старинке – с удочками. Они часами разговаривали на берегу и мечтали о том, как поедут летом в отпуск. На берегу Егор Семёнович мог выпить бутылку пива. Одну.

И почему-то всегда в этом случае спрашивал разрешения у Тимоши. Обратно возвращались счастливые и усталые, в рюкзаке непременно дюжина чебаков, язей, лещей, а то и цеплялась за отцовский спиннинг щука. Когда это было?

В третьем классе Тимофей начал пропускать уроки, а воротничок его рубашки стал серым. Часто приходилось ходить в школу в спортивном костюме и рваных кроссовках. И тогда он стал замечать, что вокруг него образуется пустота. Нет, внешне о нём все проявляли заботу, даже ругали как-то осторожно, точно не он, а учителя и воспитатели перед ним виноваты, но именно из такого отношения вырастала вокруг холодная пустота. На беседы к себе стала приглашать психолог, и многих трудов стоило объяснить этой вкрадчивой женщине, что с мозгами у него всё в порядке. Она поверила, но всё же раз от раза приглашала в свой маленький, но уютный кабинет «поговорить по душам». Чего она хотела? Вероятно, как и все педагоги, добра, но получалось почему-то... Ничего не получалось! Тимофей как будто в одночасье оказался в другом мире, приходил в школу из другого измерения. И когда после окончания четвертого класса им всем подарили красивые фотоальбомы, оказалось, что у него даже нет фотографий, кроме тех, что в обязательном порядке (а для таких, как он, со скидкой, а то и бесплатно) делали в школе. Вместе с альбомом подарили книгу. Она называлась «Мальчик со шпагой», написал её Владислав Крапивин. На обложке действительно был нарисован мальчик со шпагой в одежде мушкетёра. Мальчик, как и Тимофей, жил совсем в другом мире. Иногда очень хотелось окунуться в этот мир, казалось даже – он действительно существует. Нужно только открыть книгу. Тимофей же никак не решался. Всё откладывал на потом. Книгу всегда хранил на письменном столе, и мальчик со шпагой по вечерам был рядом. Случалось, Тимофей всё же раскрывал книгу наугад, но не читал, а просто смотрел на выстроившиеся абзацы, и они сливались в его воображении то в высокие скалы, о которые разбивается океанская волна, то в небоскрёбы далёких шумных городов, то мчался в ночи между строк скорый поезд... Наверное, где-то там жил мальчик с обложки.

За последние пять лет Тимофей только раз побывал у моря. А ведь в Крыму жила бабушка! Перед самой школой всей семьёй съездили к ней, однако потом всё как-то не получалось. Это была мама отца. И с тех пор, как отец стал пить, от неё перестали приходить даже письма. Скорее все-

го, потому что ни отец, ни мать не писали ей, не звонили и не посылали денег, как делали раньше. Тимофей написал письмо сам, но помнил только, что живёт она в посёлке рядом с Ялтой. А название какое-то нерусское из головы выветрилось. Да тут ещё узнал, что бабушка теперь живёт в другом царстве-государстве. Непонятно это было Тимофею, ведь говорили в Крыму на русском языке. Так и лежало письмо в столе.

На море он попал после четвертого класса с группой ребят. Тогда и услышал обидную фразу «неблагополучная семья». Именно как члена такой семьи его отправили за счёт государства в летний лагерь под Новороссийском. Но не поездом, как мечталось, а самолётом, который поднялся над облаками, и ничего, кроме волнистой снежной перины, увидеть не удалось. В лагере всё было устроено строго по режиму, и однажды, когда Тимофей убежал утром на море, чтобы посмотреть, как поднимается над бесконечной лазурной гладью солнце, его чуть не отправили домой. Воспитательница потом до конца смены водила за руку, а если что-то случалось, то первым начинали допрашивать Трофимова.

И тогда он дал себе слово, что накопит денег и обязательно вернётся сюда на поезде через всю страну. Привезёт с собой родителей и покажет им... Покажет, как прекрасен этот мир. Прекрасен, как огромное блюдо спелых черешен в добрых бабушкиных руках. Как ни с чем не сравнимые по вкусу домашние оладьи с холодной густой сметаной. Как тихий шёпот моря и шелестящий ответ тайги. Как прикосновение маминых рук к взлохмаченной мальчишеской голове, без которого не бывает настоящего детства.

5

На крыльце Тимофей аккуратно спрятал пуговицу в потайной карман. Ещё в кафе он почувствовал – пуговица действительно необыкновенная. И решил: обязательно всё узнает про императора Николая Второго и его сына. Вот ведь получалось: царь и царевич – всё у них было, дворец, слуги, армия, целая страна, огромная Россия, и ничего не стало! Даже пуговицы отобрали! И расстреляли. Чем провинился мальчик перед большой страной?..

На заправке стояла «Газель» и приземистый «Форд-мустанг». Тимоха подошёл поближе, чтобы рассмотреть людей. От «Газели» к кассе за-

правки метнулся водитель. По его весёлым глазам Тимофей понял, что он находится в хорошем настроении, а значит – можно попробовать впарить (так говорил Михаил) ему что-нибудь из пакета. На пуговицу этот даже не посмотрит. Уже с чеком в руках он чуть не сшиб с ног Тимофея.

– Ты чего, малец, светофора не видел? Прёшь сто двадцать по встречной! Щас права отберу!

– Я к вам, дядя.

– Ко мне? Денег, что ли, надо?

– А, может, вам мобильный надо? Недорого совсем. С фотоаппаратом. Такие, знаете, сколько в магазине стоят?

– Глянуть дай. Хоть и не люблю я эти помеси, смешают бульдога с носорогом, а потом ни то, ни другое нормально не работает. Телефон должен быть телефоном, а фотоаппарат – фотоаппаратом.

– Щас так модно, дядя.

– Ишь ты, коммерсант. Я бы башку тому оторвал, кто тебя сюда послал.

От этих слов Тимофей невольно покосился на огромные витрины кафе, за которыми невозмутимо стоял Михаил. Показалось, даже подмигнул: не дрейфь, парень.

– Это мне родители башку оторвут, дядя, если я на опохмелку не принесу.

– А вот я сейчас возьму тебя за шиворот, и поедем к твоим родителям.

– Поедем, – спокойно и грустно ответил мальчик, – только что от этого изменится?

– Ладно, – уже более добродушно кивнул водитель, – сколько просишь?

– Три с половиной, но вам отдам за три.

– Ну да, мне как постоянному клиенту скидка, – хитро ухмыльнулся водитель. – Может, ещё дисконтную карту дашь?

– Какую карту?

– Тут намедни цыганки гадали со скидкой, я чуть без штанов не остался. Правда, сообразил вовремя, одной волосы на кардан намотал, – он показал для вящей убедительности слегка покрытый сажей кулак, – пока скидку не вернули. Они потом от меня, как группа Шумахеров, рванули. Я столько проклятий в свой адрес за всю жизнь от жены не слышал. Ну, чего припух? Вот тебе три штуки, вдруг не врёшь, отдашь родителям, а это лично тебе – на мороженое, – добавил ещё сто рублей, подумал и выгреб из кармана всю мелочь. – Куда, на хрен, наше правительство смотрит?

Тимоха хотел, было, предложить ещё что-нибудь, но интуитивно уловил – будет лишнее, а может и вообще разрушить только что возникшую дружескую идиллию.

– Как хоть тебя зовут-то, коммерсант?

– Тимоха!

– Ну, ищи другого лоха, Тимоха! – подмигнул рифмой водитель и той же стремительной походкой устремился к своей «Газели».

Уже у машины помахал на прощанье мобильным:

– Будут проблемы, звони, подъеду.

Тимофей махнул в ответ свободной рукой и неторопливо направился к «Форду», чтобы присмотреться к пассажирам. Михаил за стеклом подбадривающе отогнул над змеёй большой палец.

Нет, в иномарке были явно не те ребята. Из тех, что отбирают, а не покупают. И разговоры у них какие-то непонятные. Вроде на русском языке говорят, а ничего в толк не возьмёшь. Сделав почётный круг на безопасном расстоянии, Тимофей направился в сторону кафе. Следовало немного переждать, когда сложится благоприятная коммерческая обстановка. Михаил никогда не торопил, не отправлял к тем, кто, с его взрослой и опытной точки зрения, «был с башлями». Сразу понял, Тимохе главное не мешать, не подрезать инициативу, и всё будет тип-топ. Вероятно, срабатывал какой-то особый закон сохранения энергии, по которому человеку хоть в чём-то должно было везти, хоть в каком-то деле ему должна будет сопутствовать удача. Однажды Михаил, чтобы проверить свою версию Тимохиного везения, усадил мальца играть в карты. И через час сдался со словами: «Если с тобой честно играть, то банка не видать. Эх! В казино бы попробовать! Но кодекс запрещает эксплуатацию несовершеннолетних...»

Некоторое время на заправке было тихо, а потом, как говорится, пошла масть. Меньше часа потребовалось Тимофею, чтобы распродать содержимое пакета по значительно более высоким ценам, чем называл Михаил. Оставалась только пуговица в тайном кармане.

Как раз под неё подъехал на синей «Ниве»-пятидверке молодой священник с семьей. Тимофей с интересом посмотрел на четырех ребятишек, ютившихся на заднем сиденье, на худенькую матушку в стареньком платке, на самого батюшку, что вышел из машины в черной рясе с золочёным крестом на груди и пошёл неторопливо к кассе заправки.

– Здравствуйте, – сказал ему Тимофей.

– Здравствуй, – улыбнулся священник.

– У меня вот к вам вопрос есть, – смутился мальчик под пристальным взглядом и замялся.

– Ну, спрашивай? – иерей подчёркнуто не торопился.

– Посмотрите, – и достал из кармана пуговицу.

Священник внимательно осмотрел её со всех сторон, вскинул бровями:

– Что ж, старая пуговица...

– Скажите... батюшка, – вспомнил, как обращалась к священникам бабушка, что жила в Крыму, – а вот если эта пуговица из этого... Из Ипатьевского дома и принадлежала кому-нибудь из царской семьи?..

Священник стал ещё более серьёзен и буквально насквозь прошил Тимофея испытующим взглядом.

– А у тебя она откуда?

– Друг дал. А ему случайно досталась, он и сам не знает, правда это или нет.

– А тебе самому известно, что царь Николай Второй и его семья святые?

– Святые? И за это их расстреляли?

– Их недавно причислили к лику святых. Большевики-безбожники уничтожили следы своего злодеяния, все следы замели. Обливали кислотой и несколько раз сжигали их тела. Недавно, правда, захоронили в Петербурге какие-то останки, найденные под Екатеринбургом, даже экспертиза была, но почему-то в Англии. Я вот не верю, что это их прах. Император предрекал, что тело его не найдут. Поэтому, если у тебя в руках то, о чем ты сейчас сказал, это частица святого.

– Ух, ты... – не удержался от непонятного самому себе восхищения Тимофей.

– И относиться к ней надо соответственно. Но, как я понимаю, проверить мы это вряд ли сможем.

– А сколько она может стоить? – сначала спросил, а потом испугался своего вопроса мальчик.

Батюшка глубоко вздохнул и отвел глаза в сторону. Сколько-то помолчал, обдумывая ответ доступный пониманию отрока.

– А сколько стоит частица неба? – ответил вопросом на вопрос.

– Неба? Да разве... Это... Ну, разве может быть... Чтоб небо...

– И я о том, – грустно улыбнулся священник, – хотя, знаешь, могут найтись дельцы, которые и небо разделят и начнут продавать частями. Землю уже продают, леса, воду... У них всё имеет цену, потому как деньги для них мерило всего. Понимаешь?

– Понимаю.

– Как тебя зовут?

– Тимофеем.

– Крещёный?

– Да, меня бабушка в церкви Александра Невского крестила.

– Вот видишь, Тимофей, имя у тебя апостольское. Знаешь об апостолах?

Тимофей теперь был ещё больше озадачен, чем в тот момент, когда задал первый вопрос. Он в смятении сжимал в руке пуговицу и очень хотел отдать её священнику. Пусть проверит. Пусть узнает. Но за витриной кафе стоял Михаил, которому она принадлежала, и мальчик не знал, как ему поступить. Зато знал батюшка. Он положил ему руки на плечи и заглянул в глаза:

– Не мучайся. Если это та пуговица, то она сама найдёт нужные руки. Но помни главное, продавать её нельзя. Только дарить. А может, кому-то удастся проследить её путь, найти доказательства.

– Спасибо, батюшка, – облегченно вздохнул Тимофей.

– И тебя спаси Бог.

Священник направился, было, к заправке, но вдруг вернулся к машине, открыл багажник и стал рыться в сумке.

– Тимофей, постой, – окликнул он мальчика, и, когда тот подошёл к нему, протянул в руке маленькую красную книжицу.

«Православный молитвослов», – прочитал Тимофей. А батюшка в это время вручил ему вторую – тонкую, наверное, из серии «для самых маленьких». На стальном по цвету титульном листе был напечатан портрет – с него внимательно смотрел на Тимофея последний император – и золотыми буквами вверху и внизу: «Детям о царе».

6

После обеда в кафе Михаил и Тимофей подводили итоги. Получилось, что Тимофей выручил тринадцать тысяч рублей. При этом он выложил на стол даже те деньги, которые давали лично ему. На мороженое. Михаил, глядя на пачку купюр, одобрительно щелкнул языком:

– Отлично! Прекрасная работа, напарник! Полторы штуки твои.

– Но ведь должно быть только тысячу триста?

– Двести – премия за честность и скорость. Убери в свой специальный карман.

– Вот пуговица, – Тимофей робко выложил её на стол.

– Узнал что-нибудь у попа? – не торопился взять реликвию в руки Михаил.

– Узнал, – и Тимофей подробно пересказал весь разговор с батюшкой и показал книги.

Михаил слушал его, нервно покусывая губы, и при этом, пристально глядя в глаза, отчего даже ни на йоту не лгавшему Тимохе приходилось опускать свои. Будто в душе у него кто копался. Но в итоге Михаил повёл себя совершенно неожиданно:

– Вот что, парень, оставь её себе. Мне она карман тянет. Ну? Чего раскис? Бери, пока дают. Я же вижу, она тебе нравится. Раз цены ей нет, то и продавать её нельзя. Кто знает, может, это, правда, грех. Мне и так грехов хватает.

Тимофей зажал пуговицу в ладошку и некоторое время не насмеливался задать мучивший его вопрос. В конце концов решился.

– Миш, а эта пуговица что – ворованная?

Старший партнёр не повёл даже бровью.

– Слышь, Тимох, ты мне вроде никогда не врёшь?

– Никогда, – поторопился подтвердить Тимофей.

– А почему тогда думаешь, что я тебя обманываю? Я же сказал тебе – на кону я её взял! В карты! Понял?

– Понял.

– Понял, – передразнил Михаил, – что ворованное – ты и так прекрасно знаешь. И знаешь, сколько мне светит за то, что я с малолеткой связался!

– Я тебя не выдам! – вскинулся Тимофей. – Никогда!

– Не выдам, – криво ухмыльнулся Михаил, так, как будто Тимофей уже давно сдал его с потрохами. – Тебя кто спросит?

– Извини, Миш, – Тимофею почему-то захотелось заплакать от непонятной и жёстокой обиды, и он с трудом сдержался.

– Ладно, забыли... – добродушно обмяк Михаил.

– А можно я ещё спрошу?

– Валяй, тебе всё можно. Ты мне, Тимоха, как младший брат. Только никогда не пользуйся этим. Что нужно, я тебе сам всегда отдам. Спрашивай.

– Миш, а ты в тюрьме за что сидел?

– За драку, – без паузы ответил Михаил, – с тяжёлыми последствиями. Достаточно?

– А в тюрьме как?

– В тюрьме, Тим, как в тюрьме. И народец там разный, и начальство. И как везде – сильный давит слабого и при этом делает вид, что так положено. Не надо тебе этого, Тимох, поверь мне на слово. Не надо. Нету там никакой романтики. Не верь, не бойся, не проси... И везде эта долбаная иерархия! Всем надо, чтобы ты в ряд встал, понимаешь? Не в один, так в другой, не в красный, так в черный! Никакой свободы. Свобода только здесь! – Михаил ударил себя кулаком по груди. – Всё остальное – слова для дураков. И дураков, Тим, больше, запомни это. Больше! И эти дураки, даже зная, что они дураки, корчат из себя умных и находят оправдание своей дурости. Вот из-за таких дураков наша страна в отхожем месте! Ай, да ладно... Не люблю я все эти базары, уж сколько говорено.

– Ну, – захотел успокоить его Тимофей, – ты же мне, как брату.

– Как брату, – согласился Михаил.

– Знаешь, я раньше думал, что ты пьёшь водку, как мой батя. А потом смотрю, ты только пиво, и то никогда не видел, чтоб ты больше одной бутылки выпил.

– А это тоже вопрос свободы, но лучше тебе его никогда на вкус не пробовать.

– Пиво?

– Ну, на фиг, пиво! – хохотнул Михаил. – Вопрос! Если распробуешь, поймёшь, что такое свобода, но у тебя её уже не будет. Такая ситуация, я в энциклопедии специально читал, парадокс называется. А у человека без внутренней свободы – вся жизнь парадокс. Тебе пока не понять...

– Чё не понять-то? – попытался заспорить Тимофей, но сам осёкся, действительно – не понять.

– Свобода – это выбор пути. Причём можно выбрать всегда, в любое время. Выбрал – пошёл.

– Как путешественник?

– Ну... И как путешественник. У тебя свой путь, у меня – свой. И не ходи по моему. Это не твой! – глаза Михаила сверкнули суровой предупредительностью. – Мы с тобой два ручья. Слились на время в одном русле и разбежимся. Ты моей воды возьмёшь, я – твоей. И, если честно, чем меньше ты возьмёшь от меня, тем лучше. Знаешь, Тимох, у тебя в душе свет есть, его по глазам видно. А у меня... Короче, напоследок так растолкую: свобода, по-моему, – это когда человек ни от чего не зависит, ни от жратвы, ни от выпивки, ни от покровителей, ни от чиновников, ни от сильных, ни от слабых, ни от родителей, ни от ментов, ни от чего и ни от кого! Усёк?!

– Разве так бывает?

– В идеале нет, но близко к идеалу – это уже от самого человека зависит.

– Надо быть сильным?

– Ты в смысле про мышцы спрашиваешь?

– Угу.

– Мышцы, конечно, хорошо, но не обязательно. Это состояние души и напряжение воли, вот что такое настоящая свобода. Меня в школе учили, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Красиво сказано и всё, вроде, верно. Но, когда посмотришь на это общество, чем оно живёт, то подумаешь – обмелел народ. И везде сейчас одно: деньги, деньги, деньги...

– Но ведь и мы деньги делаем?

– Делаем, ты прав. Но ты – для того, чтобы выжить, а я – для того, чтобы жить, как умею, как хочу. Я каждый вечер думаю, вот – завтра начнётся счастливая жизнь, а она не начинается. Таким, как я, думать так нельзя. Это слабость. Так что, ничего мне ни от кого не надо. И пусть меня не трогают.

– Миша, а ты совсем один живёшь? У тебя что, никого нет?

– Сейчас никого. Да зачем тебе всё это, Тимох?! Не грузись ты! Жизнь и так, как самосвал, ты едешь, а тебе из-за каждого угла подбрасывают. – В глазах у Михаила полыхнули злые огни. – Козлы! Козлы они все! Уроды! Плевать им и народ и на страну! У меня нутро кипит, когда я телевизор смотрю! Призывают жить честно, с себя бы начали! А эти... Как их? Олигархи! Это вообще... – но глянул на съежившегося Тимофея и сдержался, не выругался. – Такие, как эти новые миллионеры, они либо бывшие комсомольцы, либо фарца самая низкопробная.

– Фарца? – повторил Тимоха.

– Ну, спекулянты. У них папаши и мамаши на «тёплых» местах работали, они через них всякие редкие товары добывали и своим же друзьями втридорога впаривали. У нас в школе такие были. Кучковались с нами, шпаной, под своих косили. А после школы – мы на нары, а они в академии и банки!

– Тогда точно – козлы, – согласился Тимофей.

– А то...

– У меня отец, когда пьяный, сидит на кухне и долдонит: нет правды в России...

– Правильно долдонит, но на том всё и кончается. Зальют глаза и орут. Вот бы Ленину таких пролетариев, обломался бы он со своей революцией.

– Не, иногда батя такой страшный бывает. Смотрю на него и думаю – щас весь дом разнесёт. И не слышит, и не видит ничего!

– И это мы умеем, – задумчиво кивнул Михаил, он, похоже, начал думать о чём-то своём.

Заметив это, Тимофей замолчал.

– Знаешь, Тим, если б я мог собрать, как Ермак, отряд отчаянных ребят, я бы партизанить начал, ушел бы в тайгу...

– Здорово! – восхитился Тимофей.

– Ну-ну... Теперь это называется ОПГ.

– О-пэ-гэ?

– Организованная преступная группировка! Так что иди-ка ты, Тимоха, лучше в путешественники. И дуй отсюда в дальние страны! В пустыню какую-нибудь Сахару, там тебе точно никто мозги компостировать не будет.

Услышав такую перспективу, Тимофей тяжело вздохнул. Не знал, что ответить. Жизнь в будущем никак не представлялась. Её впереди не было, как не было вчера и сегодня. Сколько ещё можно возить рыбу бабушке Ануш, торговать цацками на заправке? И саднило в мальчишеской душе вполне ясное понимание, что школу бесконечно пропускать нельзя, что когда-нибудь за это спросят по большому счету, что с родителями может произойти беда. Уж почти случилась. Однажды отец уснул с непогашенной сигаретой в руках. Тлеющий окурок выпал на ковёр, а через двадцать минут всю комнату заполнил едкий дым. Вовремя вернулся домой Тимофей и быстро залил из ведра начинавшийся пожар, потом открыл окна. Родители даже не проснулись. Остатки ковра отец утром выкинул, а на полу так и осталось чёрное выгоревшее пятно и кратеры лопнувших пузырей краски по краям. Никто Тимофею спасибо не сказал...

– Ладно, Тимох, надо мне к моим наркоманам ехать, их, наверное, уже плющит по полной. Когда в следующий раз будешь?

– Сегодня вторник, я и так школу пропустил, в субботу рвану. Там у нас так себе уроки. В субботу будешь?

– Раз ты приедешь, буду. Хочешь, я тебя посажу на машину?

– Не, не надо. Сосед обещал заехать. Я пока посижу, мне здесь нравится. Скажи только этим, – он кивнул на официанток, – чтоб не выгоняли.

– Скажу. Ну бывай, напарник, – Михаил протянул Тимофею руку-змею.

7

В этот вечер Тимофей не рассчитал с возвращением. Видимо, отец должен был лететь на вахту раньше, и поэтому, когда Тимофей пришел домой он отмокал в ванне, а на кухонном столе вместо водочных бутылок уже пузатились пластиковые пивные. Значит, отец приводит себя в порядок. Проскочить незамеченным в свою комнату не удалось, Егор Семёнович распаренный вышел в прихожую.

– Ты где опять шлялся весь день?

– Ездил в Демьянку, – не стал врать Тимофей.

– Один? Вместо школы? Совсем от рук отбился! – хмурый, красный, измученный алкоголем Егор Семёнович был настроен серьёзно.

Ничего хорошего это Тимофею не сулило. Сбрасывая похмелье трясущимися руками, отец пытался в два-три дня нагнать пропитые дни. Он хватался вдруг за покосившийся забор во дворе, смазывал заскрипевшие дверные петли, ремонтировал сломанную в пьяном угаре мебель и – самое неприятное – требовал на просмотр дневник и тетради...

– Пап, я с друзьями ездил, думал, деньги в доме кончились, рыбу продал.

– Ну, ё! – вскинулся Егор Семёнович. – Я что – мало зарабатываю! Вкалываю, как проклятый, а ты учиться не хочешь!

И тут к глазам Тимофея подступили слезы, и обида сама выкрикнула себя:

– А вчера тебе на это плевать было!

Егор Семёнович остолбенел, а Тимоха закрыл голову руками, готовясь к тяжелому удару. Но отец вдруг обмяк, присел рядом на корточки и, проглатывая какой-то жуткий комок, не своим, глухим и дрожащим голосом сказал:

– Прости, сынок. Гад я последний... – обнял и крепко прижал к своей груди. – Прости... Просто жизнь такая... Всё... завязывать надо. Всё, сынок, сейчас потихоньку пивком отойду и боле не буду.

– Правда? – сколько раз верил в это Тимофей.

– Я очень постараюсь. И ты постарайся. Надо учиться. Надо, сын. Иначе никто тебя уважать не будет, на работу не возьмут, даже к нам в бригаду. У нас ведь тоже среднее образование надо. Хотя... Никому мы сейчас не нужны, никто никому не нужен! Что с народом сделалось? Я, конечно, от слабости пью, но и от злости. Тебе пока не понять.

– Почему не понять? Наш историк часто говорит, что родину в очередной раз предают.

– Правильно говорит. Только что делать-то? Что мы можем?

«Водку пить», – подумал Тимофей, но вслух говорить не стал, побоялся обидеть трезвеющего отца. Егор Семёнович тяжело вздохнул, поднялся во весь рост и потрепал Тимохины волосы. Он и сам знал такой ответ.

В этот момент из спальни появилась мать. Растрёпанные волосы, глаза с хмельной поволокой, мятый халат без двух пуговиц...

– Тимоша пришёл, – обрадовалась.

Отец же нашёл новую мишень. Он посмотрел вдруг на неё с едва скрываемым раздражением.

– Ты-то кому пьёшь?! Парня совсем забросила! Посмотри на себя! Сыну на глаза показываться не стыдно?

– Ой, дак я щас умоюсь, кушать чего-нибудь приготовлю. Ты пивка, Гоша, принёс? А то голова чего-то болит.

– То-то и оно, пивка! Я уеду, а ты опять со стакана не слезешь! Без пивка обойдёшься.

– Так помру ведь я, – остолбенела Ирина Андреевна, – ты ж сам мне вчера наливал, Егор?

– Вчера? А сегодня уже сегодня! Всё! Валяй в ванну... – и снова повернулся к сыну. – А чего у тебя книги не в портфеле? – заметил и удивился Егор Семёнович.

– Их в портфель нельзя, там рыбой пахнет, – объяснил Тимофей.

– Неужто читать начал?

– Начал, – опередил своё желание Тимоха.

– Ну и хорошо, иди тоже умывайся, да хоть учебники к завтрему собери.

Нет, всё-таки была у отца воля. Ведь мог же, если хотел. И сейчас пошёл, выпил стакан пива и, захватив ящик с инструментами, направился на лоджию, чинить покосившиеся рамы. Ещё совсем недавно Тимофей мог часами наблюдать, как отец работает, подавать ему инструменты, шурупы, гвозди, шайбы, держать, если надо, рулетку и обрадованно подмигивать в ответ. И время в такие часы становилось незаметным, просто исчезало, пока в конце концов неожиданно не придёт из кухни мама и скажет: «Обедать, труженики». И оттого над столом витает вовсе не аромат наваристого борща или поджаренных золотистых язей, а слившийся из трех ручьёв дух семьи. Кто не знает этого чувства, тот не пробовал на вкус счастье тихого семейного обеда. Как легко было выпросить у отца в такой момент новую игрушку!

Вот и сейчас, Тимофей рванулся, было, следом за Егором Семеновичем, но увидел вышедшую из ванной мать. Та стремительно направи-

лась на кухню, но не готовить ужин, а украдкой, пока муж не видит – налить из припрятанной чекушки в грязный пивной стакан водки и запить прямо из горлышка пивом. Только после этого глаза её станут проясняться, чтобы потом вновь покрыться туманом. Синие мамины глаза.

Да и много ли отец наделает в наступающей быстро темноте? Так, отвлекает голову руками.

И Тимофей тоже решил отвлечься, открыл подаренную книгу и начал читать: «Дорогие мальчики и девочки! Мы с вами живём в замечательной стране, которая называется Россией. Когда-то это было самое прекрасное место на земле – потому что именно здесь люди свято хранили веру православную и служили Господу и Богу нашему Иисусу Христу всем своим сердцем, а если согрешали, то каялись, и потому Бог хранил русских людей в мире и благоденствии...»

Когда-то это было самое прекрасное место на земле?.. Когда-то Тимофею не было так горько приходить домой. Когда-то мама любовно гладила ему белые рубашечки. Когда-то отец брал его с собой на рыбалку...

Что-то близкое и понятное открывалось на каждой странице этой книги.

Далее Тимофей узнал, как за неверие, за предательство царской семьи Бог наказал русский народ сатанинской властью. Оказывается, теперь государь-император молится за Россию и русский народ на небе и даже помогает людям на земле. В книге был также описан чудесный случай, когда царская дочь княжна Мария пришла к больной девушке и помогла ей выздороветь. Тимофей и верил, и не верил, но оторваться от книги не мог, рассказы давались легко, а на свободных страницах размещались большие картинки.

В конце книги был напечатан рассказ «Видение матроса Силаева». От прочитанного у Тимофея перехватило дух, и он даже не заметил, что плачет.

«В первую же ночь после причастия, – рассказывает матрос Силаев, – видел я страшный сон. Вышел я на огромную поляну, которой конца краю нет: сверху, ярче солнечного, льется свет, на который нет мочи взглянуть, но этот свет не доходит до земли, и она как будто вся окутана не то туманом, не то дымом. Вдруг в небесах раздалось пение, да такое стройное, умилительное: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Несколько раз повторилось оно, и вот вся поляна заполнилась людьми в каких-то особых одеяниях. Впереди всех был наш Государь-Мученик в царской порфире и короне, держа в руках чашу, до краев наполненную кровью. Справа рядом с ним – прекрасный отрок, Наслед-

ник Цесаревич, в мундирчике, тоже с чашей крови в руках, а сзади них, на коленях – вся умученная Царская семья в белых одеждах, и у всех в руках – по чаше крови. Впереди Государя и Наследника на коленях, воздев руки к небесному сиянию, стоит и горячо молится отец Иоанн Кронштадтский, обращаясь к Господу Богу, словно к существу живому, словно он видит Его, за Россию, погрязшую в нечисти. От этой молитвы меня в пот бросило: «Владыко Всесвятый, виждь кровь сию невинную, услыши стенания верных чад Твоих, иже не погубиша таланта Твоего, и сотвори по великому милосердию Твоему ныне павшему избранному народу Твоему! Не лиши его Твоего святого избранничества, но восстави ему разум спасения, похищенный у него по простоте его мудрыми века сего, да поднявшись из глубины падения и на крылах духовных воспаряя в горняя, прославят во вселенной имя Твое пресвятое. Верные мученики молят Тя, принося Тебе в жертву кровь свою. Прими её в очищение беззаконий вольных и невольных народа Твоего, прости и помилуй». После этого Государь поднимает чашу с кровью и говорит: «Владыко, Царю царствующих и Господь господствующих! Приими кровь мою и моей семьи во очищение всех вольных и невольных прегрешений народа моего, Тобою мне вверенного, и возведи его из глубины падения нынешнего. Всем правосудие Твое, но и безграничную милость благоутробия Твоего. Вся прости и милостивно помилуй, и спаси Россию». За ним, простирая вверх свою чашу, детским голосом заговорил чистый отрок Царевич: «Боже, воззри на погибающий народ Твой и простри ему руку избавления. Боже всемилостивый, приими и мою чистую кровь во спасение невинных детей, на земле нашей развращаемых и гибнущих, и слезы мои за них приими». И зарыдал мальчик, расплескивая свою кровь из чаши на землю».

Тимофей очнулся от чтения, когда буквы стали расплываться, а по щекам катились крупные солёные капли. Это о нём, о Тимофее, молит Бога убитый Царевич. Вот он стоит на картинке со страшной чашей в руках! В военном мундире, как простой солдат. И вежды его, обращенные вверх, полны слёз.

Не успел провести по глазам рукавом, как дверь в комнату открыл отец и замер на пороге.

– Ты чего плачешь, Тимош?

– Я не знаю, пап, – и он правда не знал, отчего плачет. Какое-то новое, незнакомое чувство боли и сострадания давило в груди, что слёзы текли сами.

– Пойдём ужинать, – позвал Егор Семёнович и добавил, будто самому себе: – Совсем у парня нервы никуда...

Ночью Тимофей не слышал, как мать ходит на цыпочках на кухню, чтобы приложится к спрятанной в шкафу бутылке, как отец встаёт покурить в туалете и подолгу там кашляет, как февральский ветер стонет в кедровом бору и тоскливо поскрипывает навстречу ветру дверь подъезда. Он крепко и быстро уснул, точно провалился в тёмную и мягкую яму, но резко проснулся посреди ночи от странного до уверенности чувства присутствия постороннего. Ещё не открыв глаз, сел на кровати и стал тереть глаза кулаками. И едва разорвал веки, сразу увидел в падающей из окна полосе лунного света мальчика в военном мундире. «Царевич», – мелькнуло в голове. Да, это точно был он. Очень похож на того, что стоял картинке с чашей, похожей на спортивный кубок, в руках. Он внимательно и с интересом смотрел на Тимофея, но ничего не говорил. И Тимофей зачарованно молчал, хотя в голове его кружились тысячи вопросов, но все они сливались в один, который невозможно было задать, ибо он был обо всём.

И вдруг царевич протянул руку ладонью вверх. В лунном свете Тимофей сразу увидел знакомую пуговицу, и душа его вскрикнула. Испуганной птицей юркнула в сердце, и оно содрогнулось, принимая её. Только сейчас он заметил, что на мундире мальчика не было ни единой пуговицы.

– Я должен отдать пуговицу, – то ли сказал, то ли спросил, то ли подумал Тимофей.

Царевич же отрицательно покачал головой, и, показалось, слегка улыбнулся.

– Ты отдаёшь её мне? – ведь он сам протягивал её на ладони.

Несмело, в два приема, Тимофей подошёл к царевичу Алексею и протянул навстречу свою руку. Осторожно взял пуговицу и заметил, что пальцы его свободно проходят сквозь кисть наследника. Но пуговицу в своей руке почувствовал, как настоящую. Вспомнились вдруг слова батюшки, что пуговицу можно только дарить. Выходит, Тимофею, её подарил сам царевич?! Только на миг Тимофей сосредоточил внимание на пуговице. Двуглавый орёл гордо сиял в лунном свете. И эта не казалась такой истертой, как та, что он держал в руках сегодня днём. А когда поднял глаза – царевича уже не было. Даже лунный свет исчез, а может, и не лунный он был? В комнате стало темно и прохладно, и Тимофей попятился к кровати, зажав в руке царский подарок.

В соседней комнате очередной раз поднялся донимаемый похмельем отец, отправился перекурить бессонницу. Что, если рассказать ему? Не поверит. Никто не поверит. Вот если б Михаилу, тот не будет смеяться. Точно не будет.

Босые ноги отца задержались у двери в детскую, и Тимофей предпочел неслышно юркнуть под одеяло.

Утром Тимофей проснулся от того, что в руке у него была пуговица. А ведь успел и подумать, и убедить себя, что царевича видел во сне. На всякий случай проверил потайной карман, там, кроме денег, ничего не было. Значит, пуговица была не вторая, а именно та.

8

Прямо на входе в школу Тимофея остановила завуч Ольга Ивановна и отправила по знакомому маршруту в кабинет директора. Он не боялся заходить туда. Вячеслав Иванович разговаривал с ним, как со старым другом, и никогда не кричал. Вот и сейчас, завидев Тимофея на пороге, он даже улыбнулся.

– Ну, знакомые всё лица. Заходи, Тимофей. Знаешь, почему вызвал?

– В школе вчера не был, – сразу признался Тимофей.

– Какую сегодня причину придумал?

– Никакой. У меня дела были.

– Вот как? Дела? А тут, понимаешь, контрольные работы... Это, конечно, не дела. Тут мы все развлекаемся и мешаем Тимофею заниматься делами! Я тут штаны протираю. Не подскажешь, где у нас теперь дела делаются, я тоже пойду делами заниматься?

– Вы надо мной смеётесь, Вячеслав Иванович.

– Нет, парень, это ты надо мной смеёшься и над всеми учителями. Мы за тобой всей школой бегаем: где у нас Тимофей? Почему не учится? А у него, оказывается, дела.

– Я деньги зарабатывал, – не выдержал Тимофей.

После этих слов Вячеслав Иванович посерьёзнел.

– А что, родители уже не работают? Знаю-знаю, – махнул рукой, – у многих ребят такая проблема, так что не думай, что ты самый несчастный. Помни, всегда есть тот, кому значительно хуже. Но если ты не будешь учиться, ничего в жизни не добьёшься. Хороший человек – не профессия. Немало, конечно, но недостаточно, чтоб по этой жизни шагать.

– Я знаю, – вздохнул Тимоха. – Вы в прошлый раз говорили.

– Знаю... – передразнил Вячеслав Иванович, – вот ты ещё не знаешь, что вызывают тебя вместе с родителями на КДН, комиссию по делам несовершеннолетних. Спросят с тебя, как ты дальше жить собираешься, и с родителей спросят, как они тебя воспитывают. А знаешь, какое самое страшное решение может принять эта комиссия?

– Нет.

– Могут отправить тебя в интернат.

Директор поглядел на мальчика, ожидая реакции. Но в лице Тимофея ничего не изменилось.

– Завтра, в пятнадцать ноль-ноль, вот тебе повестка. Передашь родителям, или мне самому к ним заехать?

– Передам, не переживайте.

– Это ты переживать должен. Как четверть закрывать будешь? Ты ведь в начальной школе неплохо учился. Да и, судя по всему, ты добрый парень. А сколько раз ты мне слово давал? А? Тимофей!

Мальчик вскочил, как будто вернулся из забытья.

– Иди на уроки.

– До свидания, Вячеслав Иванович.

– До свидания.

Но, закрыв за собой дверь, Тимофей вдруг принял неожиданное решение и снова сунул голову в кабинет директора.

– Вячеслав Иванович, а можно спросить?

– Спрашивай.

– Я войду?

– Ну, конечно, войди, – улыбнулся, отрываясь от монитора компьютера, директор.

– Вот! – Тимофей вытащил из кармана пуговицу. – Посмотрите.

Вячеслав Иванович покрутил пуговицу в руках.

– Старая пуговица. Царского образца. С военного мундира, похоже. Что, историей решил заняться?

– Я вчера книгу прочитал. Знаете, царскую семью расстреляли?

– Знаю.

– А сейчас говорят, они святые.

– Ну, это церковь.

– Там с ними мальчика, царевича расстреляли.

– Ну?

– Это его пуговица, – и не обращая внимания на скептическую улыбку директора, продолжил: – Те, которые расстреливали, они потом всё у покойников забрали. Даже пуговицы.

– У тебя-то она в таком случае откуда? – вскинул бровь директор.

– Сначала мне её один друг подарил, а сегодня ночью сам царевич!

– Ну ты – фантазёр, – уже не сдерживал улыбки Вячеслав Иванович.

– Не верите? Вот я и хотел проверить, так и знал, – как-то очень серьёзно сказал Тимофей.

Директор на минуту задумался. Внимательнее стал осматривать пуговицу. Ироничный взгляд, коим постреливал в Тимофея, сменился на нескрываемое любопытство.

– Знаешь, Тимофей, что мне кажется? Тяжелая пуговица эта. Будто залита внутри. Я бы не удержался, вскрыл, посмотрел. Хотя, может, они такие и были. У меня, правда, вообще мания – знать предмет изнутри. Ну, ты тут сам думай, фантазёр...

– Я даже не знаю. – Тимофею тоже захотелось вскрыть пуговицу, но вдруг потом не удастся собрать её в первозданном виде? – А если потом не соберём?

– Аккуратно нужно. Ну ладно, смотри сам, некогда мне. Иди, скоро звонок, – поторопил Вячеслав Иванович.

Тимофей считал, что отношения с директором у него хорошие. Был даже случай, Вячеслав Иванович по каким-то своим каналам узнал, что в трофимовском бюджете полный провал. Тимофей тогда порой обходился на ужин чаем и хлебом, отец же лежал в районной больнице, а мать пустилась во все тяжкие. Директор вызвал к себе Трофимова под каким-то предлогом, а потом, когда он уже был у двери, вдруг сказал:

– Да, постой... – Вячеслав Иванович некоторое время раздумывал, потом вдруг достал из кармана несколько крупных купюр. – Тимофей, вот деньги, это помощь от школы... Возьми...

Тимоха растерялся, хотя ситуацию оценил правильно.

– Это не школа, это ваши деньги, Вячеслав Иванович, – опустил голову.

– Да не переживай, я потом тебе дам в ведомости расписаться. Сам понимаешь, родителям твоим отдать не могу. Понимаешь?

– Понимаю. Но это ведь вы сами помочь хотите!

– Давай, бери. Тебе вон пора новую куртку купить, костюм надо. Купишь, принесёшь мне чеки. Хорошо? – деньги продвинулись по директорскому столу в сторону Тимофея. Тот на всякий случай отступил подальше.

– Не, не буду.

– Тогда я сам матери завезу, деньги ей отдам.

– Не, не надо, Вячеслав Иванович.

– Тогда бери и дуй на уроки. Потом вызову – в ведомости расписаться.

Тимофей с усилием убедил сам себя, что деньги не из директорского кармана и взял купюры. На глаз, тысячи три. До выписки отца из больницы перекантоваться хватило. Через пару месяцев Трофимов принес деньги

обратно в директорский кабинет. Вячеслав Иванович страшно удивился и не хотел их брать. Он или хорошо прикидывался или, правда, напрочь забыл, что давал их Тимофею. Но тот напомнил ему про ведомость, в которой он так и не расписался. В конце концов Тимофей сам нашел выход:

– Вячеслав Иванович, вы положите их у себя, как в сберкассу, будет совсем плохо, я сам приду и попрошу.

– Точно придёшь? – с улыбкой прищурился директор.

– Точно. Слово даю.

8

Оказавшись в шумном школьном коридоре, Тимофей ещё некоторое время стоял в раздумьях. Потом направился к расписанию.

Уже в классе, перекинувшись со всеми «приветами», подсел к своему другу Кольке Степанову. Тот сидел за партой, запрокинув голову.

– Ты чего?

– Да, Чирик нос разбил.

– За что?

– Под руку подвернулся.

Гена Чирков, в мальчишеском обиходе Чирик, учился в восьмом классе и был на два года старше. Славился драчливостью и старался быть главарём любой компании. Трофимова он не трогал, предпочитая брать у него сигареты.

– Чё он хотел-то?

– Чтобы я его портфель в класс отнёс, а он покурить собирался.

– Ты не стал?

– Ага, а он давай мне руки крутить. Я вырвался, а он мне по носу ладошкой дал. И не больно, а нос потёк, обидно...

– Чё, старшаки не заступились никто?

– Не. Стояли, ржали, он же, типа, несильно. А он каждый день ко мне пристаёт. Достал уже. То портфель унеси, то сигарету принеси, то за колой сбегай, то позови кого-нибудь... Был бы у меня старший брат!..

– Слышь, Колян, надо ему по башке настучать, а то он тебя всю жизнь будет мучить.

– Да как ты ему настучишь, он вон какой здоровый.

– Неважно. Пусть хотя бы трусом тебя не считает. Я с тобой пойду.

– И тебе достанется.

– Может, и достанется, а фига ли терпеть? Я твой друг, будет мне плохо, ты поможешь. Знаешь, у меня на Большой земле есть друг, как

старший брат, он мне говорил, что свобода должна вот тут быть, – постучал себя кулаком в грудь, – что сдаваться никогда нельзя. Упавший тратит силы на то, чтобы подняться, вот как он мне говорил. Ну чё – боишься?

Колька опустил голову, нерешительно покрутил губами из стороны в сторону.

– Боюсь, конечно. Чё я – амбал?

– Мы же вдвоём. И знаешь, позовём Саню Липенко из десятого. Он у меня в долг брал. Всё равно не отдаст, но помочь не откажет. Пусть хотя бы дружков чириковских подержит, случай чего. На большой перемене пойдём.

– Пойдём, – вздохнул Колька.

На большой перемене Тимофей нашёл Саню Липенко, и тот без лишних вопросов предложил напинать под зад кому надо. Тимоха же попросил, чтоб никто не вмешивался. Мол, прикрой и только. Так и пошли втроём в почти официальную школьную курилку, которая располагалась на пятачке меж хозяйственных построек на заднем дворе. Чирик был там, добивал чей-то бычок и рассказывал какую-то смешную историю. Одиннадцатиклассники и десятиклассники курили чуть в стороне, дистанцируясь от «мелочи», иронично поглядывая в их сторону. Опять же, если накроет директор, то нагорит лишь старшим за то, что не выгоняют отсюда младших. И старшаки периодически проводили зачистку рядов, выпинывая пяти-, шести- и семиклашек подальше в сторону. Типа – эти ребята не с нами. Мы их не видим и знать не хотим. Сейчас была вторая смена, и курили только десятиклассники. Липенко первым делом подошёл к своим, поручкался и, видимо, вкратце объяснил суть дела. Те с интересом стали наблюдать за группой Чирика, к которой подошли Трофимов и Степанов.

Чирик, завидев Кольку, обрадовался:

– Чё, Степан, закурить мне принёс?

Колька, насупившись, молчал. Тимофей же достал из кармана сигарету и протянул её Чиркову.

– На, кури, порти здоровье, разговор будет.

– Ух ты, салапет, чё, тема есть? – но сигарету взял и тут же прикурил от тлевшего меж пальцами короткого окурка.

– Есть. Ты если Коляна ещё донимать будешь, мы тебе вломим.

– Чё-ё? – сигарета повисла на презрительно оттопыренной нижней губе.

– Ты слышал, – Тимоха пытался унять мандраж в коленках. Всё-таки было страшно.

Толпа вокруг захохотала:

– О! Развёл мелкий!

– Ты чё, попутал?

– Гена, ты их сильно не бей, а то маме скажут.

– Чирик, бойся!

– Слышь, может, они на спор с кем пришли?

Кто-то уже потянул Степанова за шиворот, но тут в круг вошёл Липенко. По его виду поняли, что расклад немного другой, поутихли.

– Э, чё толпой оскалились? Пацаны с реальным разговором пришли. Кто лишний влезет... – подумал, обводя взглядом пространство, – будет урну нюхать, – кивнул на ведро, поставленное для окурков, в которое редко кто попадал.

– Так это, Саня, их двое? – попытался рассудить друг Чиркова Зяба – Антон Зябликов.

– Они и младше, – рассудил Липенко.

– Да чё там, на два года всего, Трофим вон какой крепкий, – подал голос кто-то ещё.

– Я один буду, – решил вдруг Тимофей и запоздало испугался своего решения.

– Ладно, – ухмыльнулся Чирик, – только, чур, потом не жаловаться.

– Сам не побеги, – отступать было некуда.

– Понеслась! – крикнул Чирков и резко ударил Тимоху в челюсть.

Голова мотнулась в сторону, ноги сдали назад, но Тимофей устоял.

– Ещё? – ехидно спросил Чирков. – Степан, может, тебе отвесить? Я тебе – левой. У Трофима челюсть в одну сторону будет, а у тебя – в другую.

По толпе прошел одобрительный хохоток. Колька стоял, понурив голову. Тимофей сплюнул под ноги кровавой слюной, глубоко вдохнул и на выдохе пошёл в атаку. Такой прыти от него, похоже, никто не ждал.

Уже через минуту они дрались неистово, точно солдаты двух противостоящих армий. Буквально не на жизнь, а на смерть. Руки мелькали со скоростью лопастей вентилятора, каждый третий удар – мимо, на лицах у обоих – кровь – расхлёстаны губы и носы, Чирик к тому же рассёк Тимофею бровь. Гул и улюлюканье вокруг приутихли, уступив место настороженному молчанию. Чирик, пользуясь явным преимуществом, наседал, и Тимоха пару раз падал, припадал на колено, но быстро поднимался

и снова бросался на противника. Когда Чирков сбил-таки Тимоху с ног, неожиданно в бой кинулся Степанов. Маленький ростом Колька просто запрыгнул со спины на шею обидчика и вцепился, как клещ. Чирик, не сбрасывая его, бросился сверху на упавшего Тимофея, норовя вбить его голову в землю. Никто не знает, что было бы дальше, если б престарелому учителю технологии Николаю Алексеевичу не понадобился пиломатериал, что складировался в сараях. Увлеченные зрелищем бойни, пацаны не заметили, как он протиснулся сквозь толпу. На «атасе» никто не стоял. Николай Алексеевич решительно вмешался в драку своими натруженными руками. Растащил парней за воротники, разбросав в разные стороны. Причем труднее всего ему пришлось со Степановым, который никак не хотел отпускать шею Чиркова. И когда это в конце концов удалось, он обвёл презрительным взглядом зевак:

– Что стоите? Ждёте, когда они мозги друг другу выбьют? Американских кино насмотрелись? Фашисты!

– Да чё, Николай Алексеевич, всё честно, – подал кто-то голос.

– Честно, это когда на фронте! А в армии вас не увидишь, у всех к призыву мамки болезни под микроскопом находят, или по институтам разбегаетесь. Что ж хорошего смотреть, как свои своих лупят? Смотрите, кровищи-то! А ну-ка пошли все трое к Вячеславу Ивановичу!

– Может, не надо, – попытался разрядить обстановку Липенко.

– Не надо пакостить! – вскинулся на него учитель.

– Да я вообще – просто рядом стоял.

– В том-то и дело, что рядом стоял. Лоб такой! Мог растащить и пендаля дать, чтоб не повадно было.

– Дак у них тема была! Чё, вы, Николай Алексеевич, в детстве не дрались?

– Дрался, – признался и поутих учитель, – но как-то по-другому. До первой крови, к примеру. Лежачих не бить! Вы ж, как фашисты, какие...

– Дядь Коль, не надо к директору, – взмолился Тимофей, для которого Николай Алексеевич был ещё и соседом по подъезду, – меня и так завтра на комиссию по делам несовершеннолетних...

– Во! Вишь как! Уже залетел, а продолжаешь, Тимоха.

– Он за меня заступился, – встрял Колька.

– Ага, а Чирков, значит ответчик.

– Ща-ас, – сплюнул сквозь зубы Чирков.

– А ты, Гена, в мою сторону не поплевывай, – я тебя на пятьдесят с гаком лет старше. Всякого повидал. Если ты себе дорожку в жизнь через нары выбираешь – твоё дело, но замашки свои блатные брось. Я, Гена, вот

этими руками не один дом построил, а ещё и китайцев на границе бить приходилось. Так что остынь, пацан. У тебя геройства на пару окурков и стакан пива, а добрых дел и вовсе нет.

– Да ладно, – обиделся Чирик, – будет и на моей улице праздник. Успею ещё погеройствовать.

– У вас, я посмотрю, через день праздник, а между ними – выходной. Так, – хлопнул в ладоши Николай Алексеевич, – разбежались все. Быстро! Чтоб ни одного здесь и на следующей перемене не видел! Драчуны – умываться! Ну, дёргайте быстро...

Липенко напоследок подошёл к Чиркову:

– Слышь, Чирик, ты больше их не трогай. Всё честно было. Не хрен мелких донимать.

Услышав это, Колька повернулся к обидчику, и сквозь зубы сказал:

– Не отстанешь, я твой мопед вместе с сараем сожгу. Ночью! И не узнает никто!

Чирков кинулся, было, в сторону Степанова, но Липенко его жёстко остановил:

– Ну, уймись, ботало, Алексеич совсем разозлится. Он же по-человечески всё сказал. Всё! Замяли.

Когда вошли в школу, там все уже знали, что и как было на заднем дворе. Улей гудел. А значит, как водится, к следующей перемене будет знать Вячеслав Иванович. У него своя тайная полиция.

Тимоха морщился от восхищения одноклассников, он прекрасно понимал, что не останови драку Николай Алексеевич, туго бы ему пришлось под Чирковым. А что не струсил – так Чирков всё равно не уймётся, ему авторитет нельзя терять. Так что ещё придется держать марку.

10

Трёхэтажное здание школы из белого кирпича было одним из немногих каменных в посёлке. Если смотреть с вертолёта – школа высилась как этакий штаб среди типовых деревянных двухэтажек и частных огородов. Она поднялась в те времена, когда одним из немногих осязаемых лозунгов оставался «всё лучшее – детям!».

Невзирая на сложности с учёбой, Тимофей любил приходить в школу. С одной стороны, по большому счёту податься особенно некуда, кроме тайги, с другой – в школе всегда было чем заняться. Хочешь – играй в теннис, хочешь – иди в секцию, в кружок какой-нибудь, а можно просто посидеть на первом этаже – никто не прогонит.

Вечером, когда упругий февральский ветер разогнал толщу клубящихся туч, надраив до блеска звезды, и успокоился где-то в лесной глуши, Тимофей вышел на улицу. Дома было тягостно. В спальне стонала мать, которой отец не давал опохмелиться. Сам же сидел у громко включенного телевизора и смотрел всё подряд, отвлекаясь только ради перекуров или очередного похода в душ. Увидев повестку, отец в очередной раз выругал мать:

– Я там, на буровой, корячусь, а она за сыном уследить не может.

«Пьёте-то вместе», – подумал Тимофей, но промолчал. Ещё предстояло получить свою порцию, но отец вдруг обрушился на саму комиссию. Перебрал кости всем: от учителей до президента. Разошелся так, что Тимоха зажмурился, сидя в своей комнате, и повторял мысленно только одну фразу: «Только бы не пошёл за бутылкой». Вот и мать прохрипела из спальни:

– Кто они такие, Егорушка, нас судить. Ты бы принёс от нервов-то... Хоть фляжечку небольшую. Нельзя так резко...

Лучше бы она молчала! Отец буквально взорвался, и Тимофей предпочел выскользнуть в подъезд, бросив учебники, которые в кои-то веки открыл, пытаясь выполнить домашнее задание.

На крыльце выдохнул так, будто сбросил с плеч тяжёлый груз. Ноги сами понесли его в школу. В воздухе в этот вечер вдруг запахло весной, хотя до тепла в этих краях было ещё далеко. Высыпавшие в небе звёзды, может, и значили завтрашний мороз, однако сейчас были похожи не на колкие мелкие снежинки, а на подтаявшие леденцы. Весна пробовала силу, проводила разведку боем. Тимофей почувствовал дыхание новой жизни, остановился и прислушался: ему показалось, что за рубежом окружавших посёлок болот разносится эхо перестука вагонных колёс. А вдруг и правда – мелькая жёлтой вереницей квадратных окон, летит на юг скорый поезд, и здесь его слышно? Не все звуки теряются в тайге, иногда услышишь такое, что будешь долго думать над природой, происхождением услышанного, и чего только ни почудится, особенно если стоишь один, а вокруг – лесная глушь. И тогда начинаешь чувствовать чей-то внимательный взгляд. Со всех сторон. Потому и хочется часто оглядываться и быстрее оказаться поближе к человеческому жилью.

В школе и в девять часов вечера было шумно. В спортзале стучали мячи, старшеклассники терзали в музыкальном кабинете электрогитары, взвизгивала циркулярка в кабинете Николая Алексеевича, по каким-то своим делам с лёгкой тайной на лице фланировали по этажам старшеклас-

сницы, да скользили в усталом вальсе технички в обнимку со швабрами.

Постояв немного на первом этаже, Тимофей двинулся на второй. Ещё с улицы заметил, что в лаборантской кабинета истории горит свет. На лестнице столкнулся с двумя семиклассниками, за которыми в школе были закреплены смешные прозвища – Анальгин и Фильмоскоп. Первого – Анвара Алиева – так прозвали за то, что он постоянно держал во рту таблетку обезболивающего, жаловался на зубы, а к врачу идти боялся, второго – Толика Зуева – за мощные двояковыпуклые линзы очков. Зрение у него с младенчества было никуда.

– О! Тимоха! Слышали, как ты сёдня с Чириком бился. Маладец! – Анвар похлопал Тимофея по плечу.

– Смелый, – согласился Толик. – Куда намылился?

– Хочу с историками поговорить.

– Чё, учиться вздумал? – удивился Анальгин.

– Да не, тема есть. Частное расследование, – серьёзно ответил Тимофей, нащупывая в кармане пуговицу.

– Круто, – одобрил Фильмоскоп, картинно вскинув к потолку огромные, многократно увеличенные выпуклыми линзами глаза, – я реферат писал, там у них такие видеокассеты есть классные.

– А чё хочешь-то? – хитро прищурился Анвар.

– Да так...

– Ломайся, Тимоха, чё тайна, что ли?

– Ну, не тайна, так, дело одно, спросить надо.

– А чё, нам западло поделиться? – Анальгин становился обиженно наглым, а вторая ссора Тимофею была не нужна.

– Смеяться не будешь?

– Чё смеяться-то, правда, Фильмоскоп? Рассказывай.

– Мне надо историкам пуговицу показать. Она царская.

– Пуговицу? Царская? Закаж...

– Да чего, смотри, только, чур, не лапать.

Анальгин всё же взял пуговицу в руки.

– Ну и чё? Орёл на ней. Старая пуговица. У меня дед монеты старинные собирал, я ими играл. Вот это круто. Там такие монеты были, что за каждую тысячу долларов давали. Отец потом продал их, чтоб на магазин больше денег было. На Большой земле. А тут пуговица...

– Ладно, посмотрел, отдавай, – Тимофей протянул руку.

– Падажди!.. – аж взвизгнул Анальгин. – Дай внимательно смотреть! Почему царская?

– Потому, вот и иду к историкам спросить.

– Откуда взял?

– Да какая тебе разница, Анвар? Отдай, пошли, нас пацаны ждут, – Фильмоскоп попытался потянуть его за рукав.

– Ну падажди, да. Где взял пуговицу?

– Друг дал. Подарил. – Тимофею начинало всё это не нравиться.

– Ага, пуговица царская, а он тебе просто так дал. Кто?

– Ты его всё равно не знаешь. Давай пуговицу.

– Тимоха, ты чё, в натуре, я же с тобой разговариваю, что я тебе плохого сделал? – вскинулся Анальгин. – Она что – удачу приносит?

– Не знаю, говорю же, к историкам шёл показать.

– Да откуда им знать. Они только учебники свои знают. Ни фига они тебе не скажут, – и затараторил, будто гадающая цыганка. – А вдруг она удачу приносит. Это круто, да... Слышь, Тимоха, дай мне на один день, я отцу дам. Он в магазине положит, вдруг прибыль пойдёт. А? Дашь? Завтра вечером отдам, а?

– Не могу, эту пуговицу продавать нельзя, только... – и осёкся.

– Да я на один день всего! Проверим, вдруг удачу приносит. Ты богатый станешь, Тимоха. Ну хочешь, я тебе на это время что-нибудь дам?

– Чего ты к этой пуговице привязался? – попытался встрять Фильмоскоп.

– Не понимаешь – молчи! – отрезал Анальгин. – Ты нудный, Толян, как моя зубная боль! У меня у отца в магазине прибыль совсем не идёт. Он талисман покупал, арабскую молитву над входом писал, русскую икону в угол поставил, всё равно прибыль не идёт. Дай попробовать, Тимоха? Я тебе на всю жизнь не забуду, братан будешь, – Анвар упрашивал так, что отказать было уже нельзя.

Тимофей нерешительно переминался с ноги на ногу. Сто раз проклял себя за то, что сунулся в школу, а более за то, что не держал язык за зубами. Анальгин между тем, хитро сверкая тёмными глазами, уже по-братски хлопал его по плечу, предлагая различные блага дружбы и даже скидку в папашином магазине.

– Да не приносит она удачу. Это реликвия, – попытался последний раз сопротивляться Тимоха.

– Реликвия-меликвия – проверим! Всё узнаем.

Тимофей собрал всю твердость и решимость в голосе:

– Анвар, если потеряешь или не вернёшь, тебе ни арабская ни русская молитва не поможет.

– Ты чё, Тимоха, пугать меня не надо. Сказал же – завтра отдам. Придёшь вечером так же в школу. И всё. Если вдруг удача попрёт – я тебе, Тимоха, разрешу в магазине у отца любые видеофильмы выбрать. Мамой клянусь! Ну?..

Пуговица в этот момент уже лежала в кармане Алиева.

Ну, точно – анальгин – все мозги обезболил. Эх, квашня ты, Тимоха, и как только эти нерусские всё ценное распознают? Ведь невзрачная пуговица. А поди ж ты... Звериное чутьё у них. И всеми правдами-неправдами любую понравившуюся вещь заимеют. Фильмоскоп-то с ним потому и ходит, что Анальгин у него очки для исправления зрения взял поносить. Неделю уже носит, не отдаёт, думает, зубы болеть перестанут. Правда, кормит Толика халявными сладостями, фисташками и прочей лабудой, что у отца в магазине продаётся.

Так и не дойдя до кабинета истории, Тимофей снова вышел на школьное крыльцо. Успокаивал себя только тем, что дал себе твёрдое слово, завтра любой ценой вернуть пуговицу. И больше никому её не показывать...

11

Утром мать всё-таки втихую похмелилась. Нашла повод – сходить к соседке за подсолнечным маслом – а оттуда уже пришла подобревшая. Отец только вздохнул, глядя на неё.

– Ира, я завтра на буровую уеду, что делать будешь? Ты хоть помнишь, что нам сегодня на эту долбаную комиссию идти? Как там на людей смотреть будешь?

– Егор, да я ни в одном глазу! – будто сама в это верила, вскрикнула мать. – Плевать мне на эту комиссию. А Тимошка мог бы и постараться учиться, чтоб родителей не таскали по всяким... – и замолчала, напоровшись на суровый взгляд Егора Семёновича.

День начинался неважно. Тимофей долго плескался в ванной, не хотелось попадаться родителям на глаза. Отец не пил уже и пиво, его бросало то в пот, то в озноб, но он держался, хотя в любое время мог взорваться. Полночи Тимофей ворочался с боку на бок, переживая, что отдал пуговицу. Кому теперь пожаловаться? Только Вячеславу Ивановичу, он хоть её видел, в случае чего подтвердит да и вернуть поможет. Но жаловаться – это последнее дело. «Ничего, – успокаивал он себя, – ещё не вечер. Отдаст, небось...»

До обеда Тимофей делал вид, что сидит за учебниками. Отец несколько раз заглядывал в его комнату, но, увидев сына за рабочим столом, закрывал дверь.

Из-за комиссии был повод не пойти в школу. Всё равно со второго урока надо будет уходить. Но Тимофей решил пойти, тем более что на литературе было нескучно. Вера Андреевна рассказывала о книгах так, что можно было их не читать. Слушаешь её, и сразу видно, как в кино, что происходит, какие герои, даже как они выглядят. Опять же в школе Тимофей надеялся лишний раз увидеть Алиева, который тоже учился во вторую смену.

Обедали молча. Мать только делала вид, что ест, большей частью просто ковыряла вилкой жареный картофель, отец с силой заталкивал в себя пищу, со лба его капали в тарелку крупные капли пота. И Тимофей жевал еле-еле, погружённый в клубок мыслей сразу обо всём, отчего ни за одну из них нельзя зацепиться.

Полдня прошли как будто по телевизору. Смотришь, узнаёшь, понимаешь, а жизнь всё равно как чужая. Нет, есть более масштабное сравнение: земля под ногами вращается, а ты стоишь на заколдованном полюсе, на который не распространяются законы физики, стоишь и не можешь сдвинуться с места, наблюдая, как вместе с вращением Земли бессмысленно тает твоя единственная жизнь. Тоскливая безысходность зависала в сером небе, а Тимофей всё стоял на этом полюсе, как примагниченный, и отец его стоял рядом. И мать лежала, постанывая, в спальне... И верилось с трудом, что эту серую пелену может пробить когда-нибудь живительный луч солнца.

Тимофей в такие минуты улавливал в себе особое внутрисердечное знание, каковое прорывалось иногда наружу состоянием непонятной и одновременно знакомой тревоги. Оно было огромным, как Вселенная, и едва помещалось в маленьком мальчишеском сердце. Весь внутренний мир Тимофея вдруг начинал расти до космических размеров с одновременным пониманием, что всё окружающее, включая страдания, боль, смерть, не может быть бессмысленным и нелепым. Это знание саднило и пульсировало в нём, взывая к высшей справедливости, которая обязательно должна быть, иначе вся жизнь действительно теряет смысл. И ещё: это знание, как аксиома, убеждало Тимофея, что всё неправильное вокруг происходит от недостатка, от убывания в людях любви, а значит – добра. И вот что странно: понимая это, он всё равно порой поступал неправильно, а, понимая, злился, но почему-то не на себя, а на всех вокруг, и получалось, вместо того чтобы сделать шаг к добру, он уходил от него всё дальше. И голос высшей справедливости в душе, в сердце, в сознании, постепенно затихал… Однажды он спросил у отца есть ли внутри него такой голос, и

тот, не долго думая, ответил: «Есть, это совесть, этот голос подсказывает, правильно ли ты поступаешь». Получалось, что бессовестными называют тех, в ком этот голос молчит, или они его не слушают…

О совести он спросил и у Веры Андреевны. Некоторое время учительница молчала и смотрела на Тимоху так, будто хотела в нём самом увидеть эту самую совесть. Потом ответила:

– Знаешь, Тимофей, школа у нас светская, но самый лучший ответ на твой вопрос я нашла в церкви. Совесть – это славянское слово со-весть. Со-вестник, который ведает наши добрые и злые дела. Святые называют совесть голосом Бога в человеке. Ведь частица Бога есть в каждом из нас. И нет людей без совести, есть люди, которые заставляют её молчать. Представляешь, как это страшно звучит: заставить молчать в себе Бога? Он не заставляет нас выбирать поступки, Он может только подсказать… Вот для этого и нужна совесть.

– А нам на уроке права говорили, что у нас в стране свобода совести? – озадачился Тимофей.

– Ага, – кивнула учительница, – но этого я тебе объяснить не смогу, сама не знаю, что значит – иметь свободную совесть. Вообще-то под этим понимают право верить в Бога так, как тебе это нравится, или вообще не верить. Но я в этом слышу только одно: свобода от совести.

– Слышать Бога или не слышать? – додумал Тимофей.

На уроке литературы разбирали рассказ Валентина Распутина «Уроки французского». Сначала Тимофей слушал, потом как-то сам собой начал читать. Вера Андреевна, заметив это, не стала его спрашивать, а работала с другими ребятами. Ещё в пятом классе, когда она вела у них первые уроки, кто-то из ребят погрузился в чтение хрестоматии, а остальные, заметив это, стали над ним подтрунивать. Учительница тогда приложила палец к губам и шёпотом попросила: «Тише, ребята, Слово коснулось человека. Это таинство...» Вот и Тимофей целиком погрузился в таинство. В голодную послевоенную осень тысяча девятьсот сорок восьмого года. И вдруг понял: что не одному ему тяжело. О себе, что ли, этот писатель рассказывал? Так или иначе получалось, что мальчик, который был на год младше Тимофея, жил ещё хуже. Один в чужом городе, голодный, исхудавший до анемии... И как хотелось помочь ему в драке против въедливого Птахи и рыжего властолюбивого Вадика. Представляя себе эту уличную битву, Тимофей видел почему-то вместо Вадика Генку Чиркова, хотя у того отродясь не было рыжей чёлки. А вместо Птахи вдруг представил Анвара, хотя его кавказская внешность вообще не вписывалась в этот ряд.

А вот на месте Лидии Михайловны явственно виделась Вера Андреевна. Пусть и не французский, а родной, русский язык она преподавала.

Время потеряло скорость и осязаемость. Текст перестал состоять из отдельных предложений, фраз, знаков препинания... Он просто слился с воображением и воспроизводился перед глазами не знаками, требующими осмысления и расшифровки, а целыми видимыми эпизодами.

И какой же дурак у них директор! Неужели он не понял, почему Лидия Михайловна играла с учеником в «пристенок»? Дурак бездушный! Урод! Такую учительницу обидел... Выходит, Тимохе, и с директором больше повезло. Эх! Сыграть бы в «чику» или «пристенок», проверить себя, да много ли выиграешь? Пожалуй, даже на молоко не хватит.

– Тимофей... – это позвала откуда-то из другого мира Вера Андреевна. – Звонок был. Понравился рассказ?

– Да, – задумчиво ответил Тимоха, медленно возвращаясь в реальность. – Я теперь могу вам ответить.

– Что ответить? Опрос уже прошёл.

– Знаете, Вера Андреевна, он ведь такой же, как я! – И осёкся. – Нет, другой... Он учился хорошо. А директор у них... – и решился всё-таки, сказал: – Дурак набитый! Ему в зоопарке работать и то нельзя, зверей распугает. «Что тебя побудило?», – передразнил книжного директора Тимофей, будто ему доводилось его слышать.

Вера Андреевна улыбнулась:

– Ты не возражаешь, если я тебе поставлю пятёрку за сегодняшний урок?

– За что? – спросил, но уже догадался Тимофей.

– Материал ты знаешь, думаю, и сочинение написать сможешь. В том числе, исходя из собственного опыта.

– Не возражаю, – опустил голову Тимофей, скрывая радость. Это была первая пятерка по литературе в этом году.

– Я не думал, что читать можно так быстро, – сказал он уже с порога.

– Это когда захватывает. Хорошая книга спать не даст. Если втянешься, поймёшь. Тебе тогда многое откроется...

– Спасибо, Вера Андреевна... – и, недослушав её «За что? Попробуй почитать «Тараса Бульбу», рванул по коридору вниз. Нужно было ещё повидать Алиева.

По ходу налетел на Сергея Сергеевича, у которого был следующий урок.

– Я это, – сбивая дыханием слова, сообщил, – Сергей Сергеевич, мне на комиссию... По делам... Этих... несовершенных... летних...

– Знаю, Тимоха, – историк почему-то иногда называл Тимофея так, как обращались к нему сверстники. – А жаль, у нас интересный урок.

– Про что?

– Владимир Мономах. Был такой князь на Руси. Его ни разу никто не победил... Но ты, к сожалению, опять ничего об этом не узнаешь.

– Я учебник прочитаю, клянусь! – Тимофею не терпелось найти на перемене Алиева.

– А, – махнул рукой Сергей Сергеевич, – учебник это полдела... Не люблю я нынешние учебники.

– Сергей Сергеевич, я тут вспомнил, вопрос у меня: вы свободный человек? – выпалил вдруг Тимоха, пристально глядя на историка. Догнал его вдруг в шумном коридоре разговор с Михаилом.

– Я?.. – Сергей Сергеевич не на шутку растерялся.

– Вы, – и уже начал чувствовать себя неудобно, что поставил учителя в такое положение.

Но тот неожиданно нашелся, посмотрел в открытый дверной проём кабинета истории, где висел на стене видимый из коридора портрет Суворова.

– Вот он – свободен!

– Это?..

– Суворов Александр Васильевич. Свободен, потому что всю жизнь служил Богу и Отечеству!

– Но ведь служил, значит, подчинялся?

– Точно! Но подчинялся, чтобы служить Богу и Отечеству. Прикажи ему делать что-либо против Бога и Родины, он подчинился бы только своему высшему служению.

– Высшему?

– Да…

– А этот? О котором урок? Мономах.

– И Мономах стремился к этому идеалу.

– А вы?

– Я?.. – снова смутился учитель. – Я по мере своих скромных сил…

Но Тимофея уже подстёгивало двигаться дальше.

– Может, у вас книга есть про этого Мономаха?

– Есть, конечно, но ты ведь не станешь читать.

– Стану, Сергей Сергеевич! Теперь стану! Я к вам всё равно ещё с одним важным вопросом приду. Вы мне книгу дадите, хорошо? – и, подмигнув недоверчивой улыбке учителя, метнулся на лестницу, надеясь в бурных школьных потоках столкнуться с Анальгином.

Анвара не нашел. Ни по расписанию, ни в курилке. Даже на всякий случай заглянул в кабинет зубного врача, вдруг тот именно сегодня насмелился. В итоге оказался на школьном крыльце, внутренне содрогаясь от только что услышанного жужжания бормашины. Точно по собственным зубам сверлом прошлись.

12

Комиссия по делам несовершеннолетних – собрание ответственное. Кого там только нет. Глава администрации, инспектор по делам несовершеннолетних, директора разные, социальные работники, даже тренер по баскетболу зачем-то там сидит. Всех этих известных в посёлке людей Тимофей успел разглядеть в приоткрытую дверь кабинета, где заседала комиссия. Но самого его туда сначала не пустили, пригласив только родителей. Пришлось плюхнуться в мягкое кресло в коридоре, пытаясь вслушиваться в негромкий разговор за стеной. Когда стало ясно, что слов не разобрать, а только «бу-бу-бу» в разных тембрах и тональностях, Тимофей открыл портфель.

Порылся среди потрёпанных учебников, словно там можно было найти то, чего не положил туда, отправляясь в школу. Из портфеля действительно и отвратительно пахло рыбой, отчего сразу вспомнилась Вера Андреевна. И тут только заметил, что сунул второпях в портфель чужую книгу. А может, Вера Андреевна, специально подложила? Типа случайно. Так и есть: «Н.В. Гоголь. Тарас Бульба».

Как и в первый раз, книга с первой страницы потянула Тимофея в себя, завораживая вереницей образов и удивительным, плавным языком, что больше был похож на нерифмованные стихи. Как-то необыкновенно легко увиделась-представилась незнакомая казачья жизнь, могучий Днепр, коснулся души понятный каждому мужчине дух воинского братства. Не удержался и, как случается со многими нетерпеливыми читателями, заглянул в конец книги. Ужаснулся, увидев привязанного к дереву Тараса... «А уже огонь подымался над костром, захватывая его ноги, и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» Нет! Назад! В начало... Не может такой герой погибнуть. Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила...

И хорошо, что не видел и не слышал Тимофей, как опустили головы под перекрестным опросом родители. Как скользят по седеющим вискам

отца крупные капли пота, как поминутно утирает подступающие слёзы мать. Отец иногда вскидывает голову, отвечая, повышает голос. Но опускает ещё ниже, под напором неопровержимых фактов и упрёков. Ирина Андреевна совсем сникла, и куда делся былой задор? А что может ответить мать на вопрос: вы видели, в каком виде ваш сын уходит в школу, вы за питанием его следите?

В итоге родителям был поставлен жёсткий ультиматум: покончить с пьянкой в течение недели, вплоть до принудительного лечения. И, в первую очередь, это касалось, конечно, Ирины Андреевны, ибо Егор Семёнович всё же работал, и там к нему особых претензий не было. Всего этого Тимофей не слышал. Его пригласили в конце заседания.

Он робко вошёл в душный кабинет. И тут же попал под тот самый перекрестный допрос. Теперь ответственные дяди и тёти взялись за него, правда, вопросами хоть и сыпали, не ёрничали, не издевались, хотя порой жестко напирали, и не угадывалось в строгих голосах доводящее до слёз «что тебя побудило?» из только что прочитанного рассказа. Под общим напором тщательно собранных улик оставалось только низко опустить голову:

– Ну, Тимофей Егорович, расскажи, как до такой жизни докатился? – это начал глава администрации.

– У тебя пятьдесят три процента пропусков уроков, и ты будешь не аттестован по пяти предметам, Тимофей... – это уже Вячеслав Иванович.

И со всех сторон:

– Тимофей, что ты собираешься дальше делать?

– Кто у тебя друзья? Они тоже не желают учиться?

– Ты же можешь хорошо учиться, вот в начальной школе...

– Может, тебе нужна помощь?

– Тебя кто-нибудь обижает в школе? Учителя?

– Ситуация такая, что ты можешь оказаться в интернате...

– Кем ты хочешь стать?

Вот на этот вопрос Тимофей встрепенулся и твёрдо ответил:

– Путешественником.

Сначала в кабинете повисло этакое вопросительное молчание, потом кто-то повторил:

– Путешественником?

– Думаешь, для этого не надо учиться?

– Нет, не думаю...

– А я что говорил, – буркнул где-то за спиной отец.

– Ну вот видишь, оказывается, у тебя цель в жизни есть, а ты к ней не идёшь, – сказал Вячеслав Иванович. – Путешественники, Тимофей, как раз тем и отличаются, что, невзирая на трудности, они идут к своей цели. Представь себе, что Колумб отправился в море, не зная навигации? Или повернул бы на полпути из-за трудностей? Или наши командоры испугались бы арктических льдов? Беллинсгаузен и Лазарев?

Тимофей снова опустил голову, директор был прав. И осознание его правоты больно цепляло рождающееся мужское самолюбие.

– Вячеслав Иванович, я уже решил, буду стараться. Сегодня пятёрку по литературе получил, – пробубнил в пол.

– По литературе? Молодец. Чем отличился?

– За «Уроки французского»...

Тут не к месту встрял тренер по баскетболу:

– А при чем французский на литературе?

Все присутствующие выразительно на него посмотрели, и далее смущенный тренер предпочёл молчать. Тимоха, правда, этой мизансцены не заметил.

– Вот что, Тимофей Егорович, – подытожил глава администрации, – мы тут собрались не для того, чтобы загнать тебя в угол, а чтобы помочь. Ты это понимаешь?

Пришлось кивнуть, хотя Тимофей не совсем понимал, чем могут ему помочь эти взрослые, облеченные должностями люди.

– Давай с тобой договоримся, мы даем тебе срок – две недели на исправление оценок, материал, какой пропущен, учителям сдашь. До конца марта – конца четверти – время ещё есть. Ты уж пока отложи свои путешествия, пожалуйста. Иначе нам придётся ставить вопрос о твоём положении совсем в другом ракурсе. Ни нам, ни твоим родителям, ни тем более тебе самому этого не надо. Ещё вот что скажи: надо ли, чтоб тебя, такого взрослого парня, мама водила за руку в школу? А?

Тимофей сразу представил себе картину, как смеются над ним одноклассники, как краснеет мама, хуже того, как она сидит на задней парте на каждом уроке. В начальной школе в семьях неуспевающих такое практиковалось. И весь класс нет-нет да оглянется... А самое страшное – это полупьяная мама с плывущим мутным взглядом, заплетающимся языком и въедливым, почти ацетоновым запахом.

– Нет, я сам, – вздрогнул Тимофей, – обещаю.

– Точно?

– Точно.

– Ну, иди, погуляй, нам тут ещё с твоими родителями надо пару вопросов решить.

Тимоха с облегчением вышел в коридор и тут грудь в грудь столкнулся с Чирковым. Тот будто обрадовался:

– О! Трофимыч! Тебя-то за что?

– За прогулы, – выдохнул Тимофей. – А ты?

– А меня за это... Как его? Вымогательство. – Чирков, похоже, нисколько не боялся комиссии. – Я тут поднапряг кое-кого. На бабки поставил.

– У-у, – понимающе потянул Тимофей.

– Говорят, могу по малолетке загреметь. – Чирик точно хвастался да ещё по ходу дела хотел слегка надавить на Тимоху.

– Ну ты чумодел! – вспомнил Тимофей, слышанное от Михаила слово.

Странно, но оно подействовало. Чирик вдруг изменился в лице и без кривляния сказал:

– Я, Тимоха, на тебя зла не держу. Ты нормальный пацан. Не олень ссыкливый. Не из этих... – он не договорил, но и так было ясно.

Тимофей внутри себя облегчённо вздохнул. Значит, война отменяется.

– Я на тебя, Гена, тоже зла не держу.

– Ну вот и добазарились, не буксуем, – и протянул Тимофею руку.

– Не буксуем, – согласился Тимоха и принял рукопожатие.

– А Степанов твой – кисель. Чё ты с ним возишься? – в голос Чиркова снова вернулись пренебрежение и развязность.

Нет, таких, как Чирков комиссиями не исправить. Это понимал даже Тимофей, как и то, что перемирие условное. Продолжать разговор дальше не хотелось, он мог ещё пару раз кривульнуть и закончиться самыми непредвиденными последствиями. Ждать родителей в таком обществе? Через пару минут Чирик придумает какое-нибудь совместное «дело», и тогда точно придётся вернуться в этот душный кабинет со всеми вытекающими и отягчающими.

– Ладно, Ген, я пошёл. Мне ещё Анальгина повидать надо.

– Дался тебе этот нерусский?

– Да должен он мне кое-что.

– Долг – это святое. Если чё – шепни, мы с него по полной стрясём. Папа у него с покупателями дружит. Сам знаешь. Ладно, бывай, щас мои родаки подтянутся.

– А мои ещё там, – кивнул Тимофей на дверь.

– Чё, готовь задницу к ременной передаче, как мой батя говорит?

– Посмотрим, – уклончиво ответил Тимоха.

– Ну-ну, смотри, – скривился напоследок Чирик, которому надо было, чтоб последнее слово было за ним. И слово это должно было настораживать, поддерживая вокруг Чиркова определенную ауру юного бандита.

13

Алиева в школе не было.

Тимофей бессмысленно покружил по первому этажу, предварительно сделав обход второго и третьего. Заглянул во все подсобки и туалеты, в спортивные раздевалки. Уходя из спортивного пристроя, вдруг понял, что здесь его всегда отталкивало: впитавшийся даже в кафельную плитку кислый запах пота. Анальгином здесь даже не пахло. Поспрашивал у тех, кого встречал. Нет, Анвар не приходил, и что-то подсказывало – не собирался. Причём Тимофей изобличил себя на мысли, что понимал это ещё вчера.

Ноги сами понесли его в магазин с ёмким названием «Дружба», который принадлежал отцу Анвара. По пути встретил Кольку Степанова.

– А я к тебе! – объявил тот. – Хотел узнать, что там с комиссией по делам несовершеннолетних?

– Да-а-а, так, – неопределённо потянул Тимофей. – Родителям крепко досталось, значит, и мне перепадёт.

– Из школы не выгонят?

– Не-а, я пообещал учиться.

– Давно пора, – искренне обрадовался Колька.

Сам Степанов учился прилежно. Как принято говорить, на 4 и 5. Раньше в классе над ним часто подтрунивали, дразнили. Мол, заучка, Степашка, заяц из передачи «В гостях у сказки». Бывало, весь класс не выполнил домашнее задание, потому как ходили в поход или играли в «вышибалы» с параллельным классом, а Коля – всегда готов. Учительница, как водится, похвалит, поставит в пример, вот тут весь класс с кривыми ухмылочками промолчит, а на перемене – оттянутся на нём по полной программе. Однажды Степанов не выдержал и, едва сдерживая слёзы, крикнул в лицо обидчикам:

– Что вы меня достаёте?! За то, что я учусь?! Я же не издеваюсь над вами, за то, что вы не учитесь?! Вы так делаете, потому что я прав! Потому что учиться труднее, чем ни фига не делать! А мне нельзя не учиться, мне мама сказала, что за меня в институте никто платить не будет, нет у нас таких денег. Ясно?! У меня мать одна, а нас с сестрой у неё двое...

В классе повисло настороженное молчание. Даже отъявленные заводилы не знали, что можно добавить к сказанному. В эти мину-

ты события могли повернуться в любую сторону. Найди кто-нибудь зацепку в словах Коли, переведи в смех его поджатые от обиды губы, и всё – будут травить до выпускного класса. И тогда к Степанову подошёл Тимофей, взял за плечи, встряхнул и сказал:

– Колёк, ты не обижайся. Делать просто нечего, вот и говорят. Всё, больше никто не будет, – он повернулся к классу, – никто, ясно? Может, из Кольки потом великий учёный вырастет, инженер какой-нибудь. А мы тут ржём, как последние идиоты.

Авторитет Трофимова был непререкаем. С этого дня смеяться над Степановым перестали, зато часто просили списывать, и он никому не отказывал. А на контрольных по математике он успевал выполнить оба варианта: себе и Тимофею. Правда, Тимохе учительница всё равно ставила тройку, потому как объяснить решения он не мог, и она справедливо полагала, что работа списана. Кольке же теперь не доставалось даже уже ставших привычными тычков на физкультуре, когда он мог замешкаться в игре или беспомощно повиснуть на спортивном снаряде. Да и сам он стал решительнее, увереннее, а ради Тимофея готов был на любую крайность: прогулять урок или даже два, стырить за компанию порцию в столовой, уйти без спроса в тайгу.

– Я, Коль, в «Дружбу» иду, у меня там одна вещь. Надо, чтобы вернули.

– Я с тобой, – даже не спрашивая о чём идёт речь, решил Степанов.

Тимофей вкратце рассказал ему историю пуговицы, оставив за кадром сюжеты с торговлей на заправке. Коля даже остановился, удерживая Тимофея за рукав куртки.

– Ты представляешь себе, если это, правда, пуговица царевича? Это же круто! Историческая ценность! А это... Ну... Сон всё-таки был или не сон?

– Не знаю, но проснулся, а пуговица в руке, а рука под подушкой. Прикидываешь?

– М-да... Мистика.

– Чё?

– Мистика, говорю. Чудеса, короче, – Колькины глаза горели восторженностью прикосновения к тайне.

– Ладно, пошли, её ещё вернуть надо.

В магазине за прилавком оказался сам дядя Исмаил. Видимо, продавщица заболела, или он ждал ночную. Увидев ребят, он доброжелательно пригласил:

– Заходите, молодые люди, что желаете?

Тимофей начал с порога:

– Дядя Иса, вам Анвар давал пуговицу? Ну как талисман?

Какое-то время в глазах хозяина магазина менялись несколько настроений. Если бы Тимоха умел читать по глазам, то понял бы, что в душе дяди Исмаила боролись два чувства: а не послать ли этих мальцов, ответить: ничего не знаю, видеть не видел, слышать не слышал. Но, видимо, лица у ребят были чересчур решительные и серьёзные.

– Ты, значит, Трофимов, – кивнул он на Тимофея.

– Да.

– Послушай, парень, я не знаю, где ты взял эту пуговицу...

– Мне её подарили!

– Хорошо-хорошо, ты не волнуйся. Я же ничего не говорю. Понимаешь, парень, я сегодня весь день сам торгую. У меня прибыль в два раза больше, чем обычно. Понимаешь?

– Понимаю, – Тимофею не нравилась уклончивость коммерсанта.

– Может, это оттого, что я сам работаю, надо бы ещё посмотреть, когда продавщица будет.

– Мне пуговица сейчас нужна, мы с Анваром договаривались, – отрезал Тимоха.

– Это, может быть, историческая ценность! – подпел Коля, но, получилось, только подлил масла в огонь.

– Конечно! Конечно! Историческая ценность, мало ли, потеряете. Такое детям доверять нельзя.

– Но это моя пуговица! – возмутился Тимофей.

– Если историческая ценность, значит, не твоя, это государственное – понял?

– Да никакая не царская она! – стал сдавать в сторону Тимофей. – Я просто перед пацанами хвастался. Старинная, но обычная пуговица. Вам-то она зачем, думаете, денег больше заработаете?

– Правильно говоришь, я уже заработал. Целый месяц такая непруха, а сегодня, понимаешь, как будто магнит в магазине. Слушай, Трофимов, давай договоримся по-мужски. Ты мне оставь пока пуговицу, а я тебе буду целый процент от прибыли отдавать. Давай попробуем, вдруг она правда удачу приносит?

– Дядя Исмаил, ваша прибыль это же случайно. Совпадение. Вы просто умеете посетителей заговорить.

– Вот и давай проверим? А? Ну что ты смотришь, будто я у тебя что-то украл? – глаза коммерсанта полыхнули недобрым тёмным огнём, но Тимофей знал – это обычная психическая атака.

– Если вы не отдадите пуговицу, я приду сюда с отцом, – твёрдо сказал он.

– Да что с отцом?! Твой отец!.. – и осёкся.

Тимофей и без продолжения услышал всё, что ему хотели сказать: алкоголик, что он может, да он у меня водку в долг берёт и т.д. и т.п. Обида захлестнула его внутри настолько, что ему захотелось разбить в этом магазине все витрины. Колька мгновенно уловил его напряжение, схватил за руку и прошептал:

– Тимоха, не надо...

Уловил это и дядя Исмаил, порылся в отделении для мелочи кассового аппарата и с легко улавливаемым пренебрежением бросил пуговицу на прилавок.

– Забери... Никогда у вас не будет богатства... – он едва сдерживал раздражение.

– У кого – у нас? – это Колька первым подхватил пуговицу, которая чуть не скатилась на пол.

Но коммерсант уже сел на стул за прилавком и сделал вид, что ребят рядом не существует. Тимофей и Колька вышли на улицу.

С северо-запада на посёлок надвигался вертолётный гул. В наступающих сумерках это мог быть только вертолёт санавиации. Обычные рейсы и буровики летали днём. В темноте и неблагоприятных погодных условиях летали пилоты высокого класса, которым обстоятельства жизни на севере не оставляли выбора.

– Щас кружить будет, – со знанием дела определил Колька.

– Иногда на стадион садится, я пару раз сам видел. Там до больницы ближе.

– У меня есть идея, надо пойти в школу, к информатикам! – засветился Коля.

– Зачем?

– В Интернете можно поискать фотографии царской семьи, царевича, там посмотрим.

– Что посмотрим?

– Пуговицы, вдруг удастся различить.

На том и порешили. Учителя информатики задерживались в школе допоздна. Иногда в кабинетах, где выстроились у стен компьютеры, бушевала сетевая игра: то «стрелялки», то «ходилки», то стратегии. Туда же приходили редакторы школьной газеты и те, у кого не было возможности редактировать дома рефераты, макетировать специальные задания, и, разумеется, все, кому нужно было что-нибудь добыть из всемирной сети.

Учителя информатики, как на подбор, были молодыми людьми и, как водится, фанатами своего дела. В обмен на доскональный осмотр пуговицы и краткое обсуждение её возможной ценности, они «накачали» целый фотоальбом. Тимофей и Коля внимательно рассматривали изображения на мониторе. При этом Тимоха вглядывался в лица, а Колька, как настоящий исследователь, в детали одежды, иногда увеличивая ряды пуговиц на экране для сравнения.

– Знаешь, Коль, они как живые, будто из того мира прямо на нас смотрят, – поделился Тимофей впечатлением от общей семейной фотографии.

– Это эффект такой, они в объектив смотрят, а нам кажется, что на нас, – научно пояснил Степанов.

– Да я понимаю, что в объектив, но, как тебе сказать, они словно рядом.

– Эффект присутствия...

– Ну да...

– О, смотри! – Коля крутнул колесо мыши, и на экране появился царевич в военном мундире. – То, что нужно. А то там матроски всякие, даже девчачья одежда какая-то...

– Дак он там маленький совсем... – заступился за наследника Тимофей.

– Ага, а здесь уже почти как мы. Смотри, пуговицы... Похоже, те.

Царевич на фотографии стоял вместе с отцом и старшей сестрой в морском бушлате, бескозырке с надписью «Штандарт». Император и Татьяна Николаевна стояли чуть за спиной. В руках Николая Александровича лопата, одежда брата и сестры припорошена снегом. Все трое смотрят в объектив, будто пытаются увидеть сквозь линзы фотоаппарата будущее.

– Игорь Леонидович, а нельзя увеличить фрагмент ещё больше? – обратился Колька к учителю.

Сухощавый Игорь Леонидович буквально сломался, заглядывая в монитор. Испещрённые красными прожилками глаза оценили ситуацию.

– Нет, вы всё из машины выжали. Что хотите увидеть?

– Да нам пуговицы сравнить, – объяснил Тимофей и показал свою реликвию. – Вроде похожа.

– Так у него военных мундиров гляньте сколько. Вон, в казачьей форме, и бурка даже на голове, вон обычная полевая... Вам какого времени фотография нужна?

– Да нам бы перед самым расстрелом.

– А-а? – озадаченно потянул Игорь Леонидович. – Сергей Сергеевич как-то рассказывал, что в Тобольске хранятся последние фотографии цар-

ской семьи перед отправкой в Екатеринбург, да их всем даже не показывают. Прячут от народа. Но в последние дни царевич был в обычной гимнастерке. Вот что-то подобное... – учитель выбрал одну из фотографий и выделил её.

Наследник стоял навытяжку, рядом любимая собака – спаниель. Полевая пехотная форма и три медали на груди.

– Вот, точно, в такой форме... Я его видел... – прошептал Кольке Тимофей.

– Но здесь нет крупных пуговиц, на бушлате были, а здесь нет. Металлические вообще только наверху.

– Да неважно, – решил вдруг Тимофей. – Батюшка сказал, пуговица сама себя найдёт, зря мы здесь паримся.

– О! А медали-то у него за что? – спросил кто-то из старшеклассников, проявивших интерес к фотографиям.

– Он на фронт с отцом ездил, на передовую выходил. Сам император чин полковника имел. Не помнишь? Нам же рассказывали, – ответил другой.

– Игорь Леонидович, а можно мне распечатать пару фотографий? – попросил Тимофей.

– Реферат, что ли, будешь писать?

– Ага.

– Да нет проблем.

Получив через минуту желаемое, Тимоха аккуратно вырезал фотографию по краю и, порывшись в портфеле, решил вложить в «Тараса Бульбу». Книга сама распахнулась на последних страницах, и взгляд Тимофея ещё раз скользнул по уже знакомым абзацам, так его поразившим. Прощальные слова отважного казака врезались в душу: «Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»

Тимофей задумался. Он представил себе, что наследник чудом выжил, бежал из страшного подвала, представил себе, как царевич во главе армии возвращается судить убийц своего отца, предателей – генералов и министров... Но образ Алексея, его добрый и как будто всезнающий взгляд не увязывались ни с какими военными действиями. Ни с какими карами. Хоть и в военной форме он был запечатлен почти на всех фотографиях.

«Мальчик без шпаги», – подумал Тимофей.

– Эй, ребята, гляньте, что я вам нашёл! – позвал откуда-то из другого мира Игорь Леонидович.

Колька и Тимофей оба подошли к монитору.

– Это, конечно, не фотография, рисунок, но, по-моему, здесь всё передано очень точно.

Комната, заполненная дымом от ружейных и револьверных залпов. На переднем плане падающий император с наследником на руках. За его спиной – жена, дочери, пытающиеся закрыться руками, прижимающиеся к матери, удивлённый доктор, кто-то уже упал... Лиц убийц не видно. Со спины можно понять только их ослеплённый яростью порыв. И почему-то сразу стало ясно: нет, не убежал царевич из подвала, никто не убежал. Никого эти люди не могли пожалеть. Да и люди ли это?..

14

Отец сидел дома в кресле в полной тишине и полумраке, обняв голову руками. В углу горел торшер. Тимофей осторожно вошёл в комнату.

– Маму увезли в больницу, – не поднимая головы, сообщил отец.

– В город? – всем сердцем вздрогнул Тимоха.

– В город, вертолётом. Меня не взяли. Я до борта проводил. Хотел лететь, но доктора не пустили, да ты ещё где-то шляешься. Тебя ж одного не оставишь...

– Пап, я же не знал... Так это за ней вертолёт присылали... – слёзы потекли сами по себе. – Что с мамой? Это надолго?

– Сердце. Пришли с ней с этой комиссии, она легла, а потом попросила вызвать «скорую». В нашей-то ей экгэ сделали и сразу санборт вызывать стали...

– Папа, а мама не умрёт? – страшный испуг сжал горло, спазм исковеркал слова, и от этого уже не было сил сдержаться, Тимофей зарыдал, содрогаясь всем телом.

Отец притянул его к себе, прижал к груди.

– Доктор сказал, что она у нас молодая. Ничего, сынок, всё будет хорошо... Ну нельзя, чтоб очень долго всё было плохо. Нельзя! Не должно так быть. Я же ей говорил... – закрыл глаза и добавил: – И себе говорил...

– Папа, давай поедем к ней, вдруг помощь нужна...

– Поедем, сынок, вот только мне надо начальству позвонить. Мне же завтра на вахту... Что делать, ума не приложу... В больницу я уже звонил, ты не волнуйся. Говорят: состояние средней тяжести, стабильное.

– Может, ей лекарства нужны дорогие? У меня есть деньги, пап... – Тимофей говорил сквозь рыдания, никак не мог унять охватившую его дрожь.

– Да, это... Мне под зарплату дадут, если надо. В таких случаях нам не отказывают. А если откажут, я... – отец не стал договаривать, только крепче прижал к груди сына. – Тут я сам виноват...

Они ещё долго сидели, обнявшись, в одном кресле. Неожиданная пустота в доме ощущалась ясно и гулко, помаленьку давила со всех сторон и от слышимых женских голосов за стенами и в подъезде не рассеивалась, а наоборот – сгущалась. Двое мужчин – большой и маленький – ощущали себя перед ней беспомощными, бессильными. Где-то у соседей телевизор блеял надоевшими голосами неутомимых юмористов. Хотелось ворваться туда – и разбить кинескоп молотком. Вдруг оттуда побегут во все стороны маленькие бессменные паяцы, и тогда, возвышаясь над ними, можно будет решать, кого раздавить первым, как обнаглевшего пруссака.

Тимофей вспомнил, как летом, перед самым первым классом заболел ангиной. Горло покрылось страшными гнойниками, и он практически не мог глотать, градусник показывал самые высокие цифры на своей шкале. Мама долго не решалась отвезти его в больницу, хотя приезжавшие врачи весьма резко на этом настаивали. Целый день она наводила ему лекарство для полоскания, таскала стаканы с морсом, строго по часам давала антибиотики, но ничто не помогало. Ночью, когда Тимофей стал проваливаться в липкий горячий бред, не выдержала, вызвала неотложку и повезла его в больницу. Отец был на буровой, и она сама несла его на руках до машины, отказавшись от носилок и помощи водителя.

Дальше Тимофей уже почти ничего не помнил. Только отдельные, всплывающие, как нефтяные пятна на воде, картины. Горячая темнота наваливалась всё сильнее, и не было сил даже открыть глаза, да и не хотелось. И он с трудом осознавал, что мама где-то рядом, сидит на стуле, раскачиваясь от волнения, в тесном маленьком боксе участковой больницы, что-то шепчет и плачет. Он не видел, как пожилая санитарка принесла ей маленькую икону Богородицы и от руки написала молитву. И мать, которая до сих пор даже не осеняла себя крестным знамением, разве что могла вскрикнуть «Ой, Господи!», стала шептать молитву и бить поклоны. Педиатр, который ежечасно промывал горло Тимофею, невольно тоже стал осенять себя крестом перед каждой процедурой. Тимофей не чувствовал, как каждые четыре часа ему ставят уколы, протирают тело мокрой прохладной ватой, но почему-то слышал, как надрывно шепчет мать.

И утром мальчику стало легче. Он открыл глаза и увидел руки матери, обнимавшие его завёрнутые в одеяло ноги. Она уснула, сидя на полу, склонив голову в изножье кровати на выбившийся из-под застиранной

простыни старый матрас, что сплошь был в подтёках и кляксах от чужих болезней. В правой руке у нее была маленькая икона Богородицы.

Утром пришла и санитарка.

– О, Тимоша! – с порога начала она. – Вымолила тебя мама, смотри-ка, уже глаза у тебя живые. И я за тебя молилась, знаешь кому? Не знаешь, а я за тебя царевичу Алексею молилась. Ему, говорят, о детках молиться надо, чтобы он заступился. Мне дочь из Екатеринбурга иконку привезла, там храм на крови строят. Глянь-ка. Да поцелуй, поцелуй образ-то! Поблагодари святого отрока.

И только сейчас Тимофей вспомнил, что уже видел наследника! На иконе он был всё в той же гимнастерке с застегнутым под горло воротом, с маленьким крестом в руках, а на плечи наброшен красный плащ...

Но потом всё как-то забылось. Стёрлось. Да и жизнь вильнула кривым коленцем, родители выпали из неё, как выпадают усталые птицы из стаи, возвращающейся из далёких краёв. А теперь надо было молиться за маму. Как? Где-то была та маленькая икона Богородицы. Где? Он побродил по квартире, заглядывая в шкафы и на полки, но безуспешно. Вдруг стало стыдно. Когда болел, мать стояла перед иконой, а как выздоровел, то про неё забыли. Стыдно стало от собственной неблагодарности. За себя и за родителей стало стыдно. Доктору, который из-за Тимохи ночевал в стационаре две ночи подряд, спасибо сказали, не забыли, отец отнёс бутылку дорогого коньяка и коробку конфет. А Богородице? А царевичу?

Вдруг Тимофея осенило, он полез в портфель и достал оттуда томик Гоголя. Распечатанные на принтере фотографии мало походили на иконы, но, как сказал батюшка, царская семья святая, значит, можно молиться и так. Вот царевич Алексей, а вот и вся семья... В конце концов он обращается не к бумаге, а к образу. Тимофей вырезал из картона соответствующие подклады и приклеил на них фотографии, а затем поставил их на полку, где скучали учебники.

Сначала он просто стоял, подбирая слова, но ничего не получалось. Вспомнил, что Вера Андреевна как-то целый урок посвятила молитвам. Читали и разбирали «Отче наш», «Песнь Пресвятой Богородице», «Символ веры»... Но сейчас в голове пролетали только обрывки. «Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое...» Смутившись, Тимофей опустил голову, правой рукой нащупал на груди нательный крестик.

– Царевич Алексей, пусть только моя мама не умрёт, я очень тебя прошу... Пожалуйста... Попроси Богородицу, чтобы Она... Чтобы мама выздоровела...

Нескладно получалось, и Тимофей снова заплакал.

В эту ночь ничего не снилось. Но Тимофей часто просыпался, казалось бы, совсем без причины. Иной раз слышал, как ходит курить на кухню отец, сдавленно кашляет, наливает себе воды. Да подвывал за окном ночной февральский ветер, будто только что умчался из ужасной истории. И сразу же все ещё не родившиеся мысли выстраивались в одну: как там сейчас мама? Как ей, наверное, обидно, что у её кровати никто не сидит, никто не приносит ей воды, а только привыкшая к чужим страданиям медсестра изредка заглядывает в палату, чтобы окинуть взглядом: всё ли в порядке...

15

Утром они с отцом позвонили в больницу. Регистратор с голосом автоответчика сообщила: состояние средней тяжести, стабильное... Но Егор Семёнович выклянчил номер телефона ординаторской и пригласил к телефону лечащего врача – Мстислава Иосифовича. Тот более подробно разъяснил, что такое стенокардия, экстрасистолы и возможное шунтирование коронарных сосудов. При этом вскользь заметил, что, разумеется, если потребуется операция, она будет сделана в счет страхового полиса, но есть ещё и платный вариант, который гарантирует высокое качество и прочие прелести рыночной медицины.

– Сколько? – спросил Егор Семёнович.

– Ну, я могу говорить только о порядке цен, – уклончиво ответил Мстислав Иосифович, – всё зависит от сложности операции... Иногда цена достигает трёх тысяч условных единиц...

– Машину купить можно, – сам себе сказал Егор Семёнович.

– А сердце, это, собственно, и есть машина, – Мстислав Иосифович решил закончить разговор: – Но вы не переживайте, сейчас её жизни ничто не угрожает, кризис миновал, медикаменты, которые она получает перорально и внутривенно, всё равно сделают свою работу, но сердечко, конечно, запущенное. Износ много выше возрастных показателей.

– Жизнь такая, – опять буркнул для себя Егор Семёнович и хотел, было, добавить, что мужики нынче вообще до шестидесяти редко доживают, чуть что – хватаются за сердце, а вот у них в семье наоборот получилось... Но не стал. Зачем это врачу? Он и так знает.

– Решать, конечно, должен пациент и его близкие, – закончил Мстислав Иосифович и вежливо попрощался.

– А когда к ней можно поехать? – не удовлетворился разговором взрослых Тимоха.

– В воскресение поедем, возьму отгулы. Я уже договорился, что подменюсь, пойдёт «Газель», место в ней будет, – отец, оказывается, уже всё предусмотрел.

Перед уроками Тимофей поскрёбся в кабинет Вячеслава Ивановича, нерешительно сунул голову в проём.

– Можно?

– Трофимов? Тимофей? Ну заходи... Присаживайся. Какие новости?

Тимоха также нерешительно присел на край одного из стульев, стоявших в ряд вдоль стены. Директор как обычно парил над ворохом бумаг, поглядывая на монитор компьютера.

– Вячеслав Иванович, я пришёл попросить, это очень важно. Мама в больнице, а мне очень надо пропустить уроки в субботу.

– Уроки? В субботу? – похоже, директор ещё не совсем понимал смысл просьбы Тимофея.

– Да, мне очень нужно. Я обещал другу, что приеду, и ещё нам с папой надо собирать деньги на операцию маме.

– Подожди, – наконец-то отвлёкся от экрана, – а какая связь?

– Обычно я по субботам ездил подрабатывать. Вы же знаете, когда папа и мама пили, денег у нас не хватало, а мама не работала. А теперь мама совсем попала в больницу. Но я на комиссии обещал учиться.

– И?

– Но в субботу мне очень нужно пропустить уроки. Понимаете, у меня там настоящий друг...

– Где?

– Я не могу сказать.

– Если настоящий, значит, должен понимать, что тебе надо учиться, а не подрабатывать. Чем или кем, кстати, ты подрабатываешь?

– Рыбу продаю, – сказал половину правды Тимоха.

– Рыбу...

– Но я хотел поехать попрощаться. Чтобы уже не пропускать. А в понедельник мы поедем в больницу к маме. С отцом.

– Не понимаю, а когда ты собираешься учиться и не пропускать уроков?

Тимофей опустил голову, запас убедительности у него кончился. Последнее, что пришло на ум:

– Вот, Вячеслав Иванович, вы бы ради друга, который вам очень помог, бросили бы всё? Бросили?

– Ну, знаешь, я взрослый человек...

– Бросили бы?

– Бросил, конечно, – честно сказал директор. – Если ради настоящего друга.

– У меня настоящий. Помните, вы приходили к нам на классный час, там ещё парень был, который воевал в Чечне? И он, и вы рассказывали про настоящую мужскую дружбу...

– Помню, но речь шла о взрослых людях.

– Значит, по-вашему, у пацанов настоящей дружбы быть не может?

– Ну, почему не может... Просто ты забываешь о том, что школа несёт за тебя ответственность. Лично я несу. Случись с тобой что-нибудь в то время, когда ты должен быть на уроках, и мне даже трудно представить, чем это для меня кончится. Вот ты будешь свои мужские дела делать, а отвечать за них мне? Справедливо? По-мужски?

Тимофей опустил голову, больше аргументов не было.

– Вячеслав Иванович, я всё равно уеду, хоть с милицией меня держите. Очень прошу... Отпустите... Ну... просто... не заметьте, что меня нет...

– Это после комиссии-то?.. – директор, у коего тоже кончился запас убеждения, тяжело вздохнул. – Ладно, Тимофей, только скажи мне, с кем опять поедешь в Демьянку и кто тебя обратно заберёт?

– А вы откуда знаете?! – даже подпрыгнул от удивления Тимоха.

– Да я много чего знаю, иначе бы не работал здесь.

– Ух ты...

– Отец-то знает?

– Да, он меня и отправит с дядей Олегом на бензовозе. А обратно из Тобольска машина прихватит. Я ему тоже всё объяснил, он понял. Но сказал, что если вы не отпустите, то тогда ничего не получится. Вот, он записку написал, но это на понедельник, на больницу.

– Вот даёт! – хитро ухмыльнулся в усы Вячеслав Иванович. – Меня, значит, спросить надо? – покачал в недоумении головой. – Только учти, Тимофей, если что-то не так с тобой, сидеть мне в тюрьме. Понял? – спросил так серьёзно, что ученик вздрогнул от передавшейся ему меры ответственности.

– Понял... – теперь Тимофей даже испугался, что смог уговорить директора. Как будто хорошего человека убедил совершить подлость. – Я... очень постараюсь... А как из больницы вернёмся, я на все уроки ходить буду, честно... Может, и папа с мамой... – хотел сказать «пить бросят», но не стал, испугался то ли спугнуть саму возможность, то ли мнения директора о родителях.

Но тот, похоже, всё понял. Он поднялся со своего кресла-вертушки и подошёл к мальчику. Взял Тимоху за плечи:

– Родителям, Тимофей, иногда тоже помогать надо. Не только зарабатыванием денег или, к примеру, по дому. Я тебе честно скажу, – он перешёл на тон заговорщика, – взрослые иногда намного слабее детей бывают. Понимаешь?

Тимофей кивнул. Уж что-что, а это он знал лучше других.

– И придумывают для своего поведения миллион оправданий. В таком случае тебе надо быть взрослым. Уразумел? Ну ладно, мы с тобой обо всём договорились, как мужчины, верно?

– Точно, – согласился Тимофей и с радостью ответил на директорское рукопожатие. – Я этого никогда не забуду, Вячеслав Иванович.

– Забудешь, ещё как забудешь. А вот обещания нужно помнить. Иначе тебя никто не будет принимать за серьезного человека. Усёк?

– Усёк.

– Ну, давай. И желательно, чтобы ты о нашем разговоре ни с кем не трепался.

– Это будет не по-мужски, – уже с порога определил Тимофей.

– Правильно мыслишь...

Вторая половина дня пролетела незаметно. Правда, на математике третьим уроком чуть не получил двойку. Задача у доски никак не давалась, хоть дома с утра добросовестно зубрил параграф. Но в том-то и дело, что зубрил. Заучивал, не понимая. В математику с любой страницы не влезешь: либо с самого начала – въедливо и подробно, либо – никак. Еле-еле насобирал на тройку, благодаря Колькиным подсказкам, который чуть не упал со стула, показывая на листке шаг за шагом решение, когда математичка поворачивалась спиной к классу. В остальных случаях Тимоха под ужимки и смешки однокашников тянул неопределенное «э-бэ-мэ» и морщил лоб. Другое дело на истории. Параграф о Владимире Мономахе и его сыне Мстиславе Великом Тимофею дался легко, как книга о царской семье. При этом он не поленился вернуться на три параграфа назад и начать чтение оттуда, чтобы не потерять нить исторических событий. Во время опроса он смело тянул руку и был награждён за усердие долгожданной пятёркой. Когда Тимофей рассказывал о битве с половцами, Сергей Сергеевич одобрительно кивал и даже сказал: «Да у тебя талант, парень!». Одноклассники к такому выступлению Трофимова отнеслись по-разному. Кто-то показал большой палец, а кое-кто и процедил сквозь зубы: «Это он после комиссии по делам несовершеннолетних». Больше всех радовался за Тимофея друг Колька, который, было, начал шептать ответы, но потом понял, что здесь его подсказки неуместны. На остальных уроках уда-

лось отсидеться. Учителя, по всей видимости, были рады, что Трофимов присутствует, и будто бы боялись его спугнуть. Кого другого даже после болезни стали бы гонять вдоль домашнего задания, но Тимофея сегодня заметно жалели.

На последней перемене к Тимофею подошёл Чирик. Он протянул ему руку с вопросом:

– Слышь, Тимох, говорят, у тебя какая-то крутая пуговица есть? Закеж.

– С собой не взял, – соврал Тимофей, отвечая на рукопожатие.

– Да не гони. Бакланят, ты её, как талисман, с собой таскаешь. Дай погонять, может, и я полный портфель пятёрок наполучаю, – недоверчиво хохотнул Генка.

Хорошо, что Тимофей не относился к категории ребят, которым такие, как Чирков, могли «прохлопать» карманы «на пустоту».

– Не таскаю. Это, Ген, подарок. Парень один подарил. Я её пока бате отдал на хранение, – так было вернее всего, иначе не отвяжется.

– А не боишься, что пропьёт? – едко прищурился Чирков.

Тимофей внутренне напрягся. Чирков говорил с едва уловимой издёвкой, и непонятно было, как правильно реагировать на его слова. Зацепить хочет, обидеть или просто по ходу он всегда так говорит? Скорее всего, и то и другое. Но накалять страсти было не в трофимовских интересах. Сразу вспомнился недавний разговор с Вячеславом Ивановичем. Начни опять драку, что он скажет?

«Разрулим», – решил Тимофей, а вслух сказал твёрдо и на такой ноте, которая не допускала издёвок и вариаций:

– Он завязал, маму в больницу увезли. Вертолёт вчера был.

– Чё, в натуре?

– В натуре.

– Блин, ну ты держись, короче. Потом дашь хоть погонять? Типа, я слышал, царская пуговица. Вы ж вчера со Степашкой весь Интернет перерыли.

– Да обычная, старинная, орёл на ней.

– Ладно, мне тут некогда тереть, короче, ты мне побожился, что погонять дашь. Заметано?

Нет, не мог Чирик хоть напоследок не наехать. Даже если Тимофей никогда не даст ему желаемое, хотя бы сейчас он должен уйти хозяином положения.

– Заметано... – уклончиво ответил Тимоха и предпочёл двинуться по своим делам.

Войдя вечером в подъезд, Тимофей замер на лестнице. Он внезапно почувствовал, что знакомые с детства стены стали другими. Вдруг постарели. Заметнее стали трещины на панелях, иссекающие тёмно-синюю эмаль точно иссохшее русло реки. Лампочка, подёрнутая паутиной, горела подслеповатым ядовито-желтым, каким-то потусторонним светом, отчего возникала иллюзия заполненности окружающего пространства густым эфиром. Подвешенный на собственном электрическом проводе патрон слегка покачивался на сквозняке. Островки мрака в углах и под лестницей ответно колыхались как протуберанцы вечной тьмы. Резким и чужим показался привычный затхлый запах гнилого дерева. И точно письмена древней цивилизации испещряли стены глупые и похабные надписи, названия популярных групп, понятные только авторам аббревиатур, имена нескольких поколений, врезавшиеся глубоко в штукатурку. Каждая дверь в подъезде скрывала за собой маленькую печальную жизнь. Войди в неё – и окажешься в зоне вечного и грустного ожидания чего-то лучшего. Само время здесь когда-то поменяло свои свойства или просто забыло, что есть этот дом, и отсутствие времени сказалось намного страшнее, чем его обычная кропотливая разрушительная работа. В подъезде царило забвение, которое не могли перекричать телевизоры и музыкальные центры, не могли рассеять голые и одетые люстрами да торшерами лампы, и от этого потусторонними казались голоса, доносившиеся из-за этих дверей. Будто из недавнего прошлого. Люди, отравленные этим забвением, жили по некой бесконечной инерции, соскочить с каковой также сложно, как с поезда, идущего над пропастью.

«Как же мы здесь живём? – ужаснулся Тимофей. – Может, нас всех нет? Может, всё вокруг только сон?». Если бы он мог, то объяснил бы сам себе новое восприятие последствием резкой утраты чувства детской защищенности, которое до сих пор подпитывали в нём эти стены. Оно исчезло так неожиданно, что в душе стало холодно и тускло. «Как мы здесь живём?», – снова подумал мальчик, вспоминая прилизанные, уютные дома из телевизионных фильмов, где бурлила насыщенная событиями и, получалось, совсем чужая, далёкая от провинциальной реальности жизнь. Нет, она не казалась привлекательной, скорее, пугающе чужой, ещё более иллюзорной, просто это наваждение отлито в камень. А люди в огромных стеклобетонных муравейниках были ещё дальше друг от друга, чем здесь, разделённые северным стылым ветром и нетронутыми человеком парсеками тайги. В том и в другом случае у каждого из этих миров была своя жуткая огромность и заполняющая её, давящая человека гулкая пустота.

Над всем этим должен быть обязательно высший смысл. Иначе зачем всё? Зачем радость наступающего утра? Тревожная даль сваливающегося за горизонт неба? Зачем отсчёт этих дней-ступеней, если лестница когда-нибудь кончится, а то и провалится в любой миг? И зачем это нарастающее день ото дня чувство боли, которого ещё совсем недавно не было?..

Делая следующий шаг по скрипучей лестнице, он внезапно подумал, что за трофимовской дверью жизнь ещё ужаснее, а самое страшное – открыть её и увидеть пьяного отца, узнать, что мама... Нет! Только не это! Не должно быть!

И, слава Богу, не было...

– Пап, ты звонил ещё в больницу? – с порога спросил Тимофей.

– Состояние стабильное, средней тяжести, – бесцветно процитировал регистратора Егор Семёнович. Он, как в пустой ящик, смотрел на экран телевизора, выкупленного когда-то Тимофеем. В пустом ящике убивали, взрывали, давали награды и состязались в красноречии... То есть – множили пустоту.

Тимофей сел на пол в ногах отца и тоже без интереса и смысла стал смотреть на экран.

– Пап, я сейчас шёл и боялся, что ты мне скажешь, что мама умерла...

Егор Семёнович подтянул сына ближе к себе, склонился к уху.

– Ну что ты, сынок, сейчас медицина вон какая... Всё будет хорошо.

Отец говорил, а сын не слышал в его словах уверенности.

– Пап, а что значит умереть?

Некоторое время Егор Семёнович обдумывал ответ.

– Для того чтобы это понять, надо умереть, Тимош. Думаю, умереть – это узнать последнюю и главную тайну: есть там что-то или ничего нет?

Тимофей с внутренним содроганием осмысливал отцовский вывод. Он помнил, какое жуткое впечатление произвели на него первые увиденные им похороны. Тогда умерла баба Нюра из их подъезда. Открытый гроб вынесли на улицу и поставили на табуретки, взрослые обступили его вокруг, и Тимофей случайно оказался внутри этого круга. Старшие вели себя так, будто это смерть по телевизору, а в гробу лежит не реальная баба Нюра, что ещё вчера ворчала на тех, кто не вытирал ноги, поднимаясь на крыльцо. Мельком глянув на пепельное лицо покойницы, иссечённое глубокими неровными морщинами, на связанные бинтом на груди старушечьи руки, Тимоха испытал мистический ужас, заставивший пулей пробить кольцо прощавшихся и убежать, куда глаза глядят, только бы подальше от увиденного. А чего он так испугался, не мог объяснить себе сам. Теперь он вдруг понял: глубинный этот страх тянул свои щупальца из черных ям,

куда опускали гробы, в которых ничего нет. В этих продолговатых ямах обрывается всё...

– Если там ничего нет, тогда зачем жить? – спросил Тимофей. – Это же всю жизнь надо бояться смерти. Зачем тогда рождаться? Когда ребёнок рождается, все так радуются. А чему радуются? Тому, что ему предстоит умереть?

– Каждый человек об этом думает, сынок. Бабушка твоя, к примеру, смерти не боится. Не торопится, конечно, умирать, но и не боится.

– Правда?

– Правда. Потому что верит, что Христос воскрес, а значит – и все мы воскреснем.

Тимофей широко раскрытыми глазами смотрел на отца. Новое чувство коснулось души, чувство еще неведомой радости и какой-то надежды. То большое знание, которое приходило в его сердце в трудные минуты, оказывается, было известно не только ему одному. Вспомнились немного усталые, но всегда добрые глаза бабушки, маленький золотой крестик на груди, и утро, когда она встает раньше всех, чтобы подойти к иконам: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое…» И не пропускала ни одного дня! А отец?..

– А ты? Ты… веришь в это?

– Не знаю, Тимош. Честно – не знаю. Иногда верю, а иногда нет. Когда в школе учился, мне в голову вбивали – никакого Бога нет. Над ребятами, которые в церковь ходили, смеялись, из пионеров их выгоняли... А потом со мной такие случаи бывали, что иначе как Божьим вмешательством их и не объяснишь. Так и живу – и ни туда, и ни сюда. Знаешь, раньше людей хоронили с оркестрами, провожали в последний путь под музыку. Так мне, когда эти трубы завоют, тошно становилось. Уж точно, только в последний путь под такую музыку. Бабушка твоя постоянно мне говорила: умру, не вздумай мне эти бесовские дудки заказывать, батюшку позови. Во как!

– Ты бы написал письмо бабушке.

– Я ей сегодня звонил...

16

В субботу на Демьянском рынке было оживлённее. Обычно в выходные сновало по рыночному пятачку больше легковушек. Неутомимо колдовали возле своих мангалов шашлычники, зазывая ломаным русским языком

клиентов. Оттепель размылила маслянистую грязь на укатанном ледяном поле, расшевелила вездесущих ворон и воробьёв, кои суетливо охотились за объедками, вытолкнула продавцов из натопленных теплушек-ларьков, добавила шума-гама и видимого мусора. Со всех сторон надрывалась глупая и неуместная музыка: от занудного шансона до вездесущей попсы, разбавленная порывистыми турецкими ритмами, кои ещё лет десять назад на сибирских просторах могли показаться аудиомиражом.

Тимофей, разыскивая Михаила, делал круг вдоль торговых точек. Поздоровался с бабушкой Ануш, извинился, что сегодня нет рыбы. Та приветливо махнула рукой:

– А, ничего, Тимофей, будет другой день, привезёшь. Сегодня день только по погоде хороший.

– Не знаю, привезу или нет. Я, баба Ануш, учиться решил.

– Вот и правильно, сынок. Рыбу продавать можно и с дипломом, а вот умным человеком без диплома не всегда стать можно. Сейчас, конечно, и диплом можно купить, но дурака с дипломом видно так же издалека, как и без диплома, – растолковав таким образом свой взгляд на образование, бабушка Ануш спросила: – А приехал зачем?

– Друга надо встретить.

– А-а... Друга. Ну-ну. Встретишь, конечно. А то сегодня день нехороший.

– Почему нехороший?

– Так с утра милиция понаехала, и такая, и в беретах. Паспорта спрашивают, в товаре роются. Двух таджиков и одного азербайджанца увезли, потом снова вернулись, по второму кругу проверяли. У Фёдора все видеокассеты забрали, у Ализамана всю водку. Кассеты, говорят, пиратские, а водка палёвая. Целый автобус милиции.

– Вас не трогали, баба Ануш?

– Как не трогали? Трогали, ещё как трогали. Пять хвостов отдала, чтоб не сильно трогали, да ещё пива выпили. Но у меня паспорт российский, так это хорошо. Кушать не хочешь?

– Не, пока не хочу.

– Захочешь, заходи. Я сегодня вкусный хаш сварила. Наваристый. Заходи.

– Спасибо, баба Ануш.

Михаила Тимофей нашёл на том же месте. В кафе на заправке. Он сидел в обществе бутылки пива и пакета чипсов. Выглядел утомлённым,

глаза испещрены кровавыми молниями, лицо бледное, а вот шрамы на нём, напротив, обрели иссиня-багровый цвет. Удивило другое: Михаил был гладко выбрит и одет в черный стильный костюм и красную сорочку, воротник которой ровной башней охватывал шею.

– Ты прямо как учитель, – восхитился Тимофей.

– Скажешь тоже... Я думал ты сегодня не приедешь. Чувство такое было.

Тимоха потупился.

– А я, Миш, наверное, теперь долго не приеду. Маму в больницу увезли. С сердцем очень плохо. А меня на комиссии по делам несовершеннолетних разбирали...

– Ого! Проторенными дорожками идёшь!

– Проторенными?

– Да, меня тоже туда постоянно таскали. Перевоспитывали.

– А ты?

– А что я? Свобода превыше всего. Я, Тимох, иногда умные книжки читаю. Было у меня однажды много времени, даже священник ко мне приходил. Книги приносил. В одной из них написано, что зло порождается неправильно истолкованной свободой. Врубаешься?

– Не очень...

– Ну, мне он так растолковал, что Бог дает каждому с рождения свободу выбора. Вот от того, как ты её истолкуешь, и будет зависеть, какие ты дела делаешь – добрые или злые. Так, примерно. Те, кто меня учили жить, кто меня судил, кто заламывал мне руки... Знаешь, Тим, глядя на них, я не могу сказать, что они правильно истолковали свободу. Для себя они, может быть, и правильно истолковали. Выбрали такую свободу, которая для них удобна. Теперь у нас всё государство такое – свобода грабить и быть ограбленным. Свобода для тех, у кого есть награбленные деньги, и свобода подохнуть для тех, у кого их нет. Я по малолетке за тухлый ларёк одного азербайджанца сел. Мы его с ребятами разбомбили. Конфеты там, «Сникерсы» всякие, жвачка, короче, тухляк импортный. Нас уже утром повязали. Кто-то трухнул и сдал. И, не поверишь, мент за мной приехал, тоже азербайджанец, родственник того, чей ларёк. А впаяли так, будто я государственный банк ограбил или у старушки пенсию отобрал. А на зоне мне за драку ещё накрутили. С тяжёлыми последствиями. Вот тебе этот самый парадокс: я на зоне очень хотел на свободу, но чтобы отстоять свою свободу внутри, за колючей проволокой пришлось драться не на жизнь, а на смерть, и отстояв одну свободу, я окончательно потерял другую…

Тимофей нахмурил лоб, следуя за мыслью своего друга. Заметив это, Михаил резко переменил тон и улыбнулся:

– Ладно, не парься. Сам всё поймёшь. Главная свобода в том, что ты можешь понять всё сам. Этого у тебя никто не отберёт. Я тогда у батюшки спросил, какая же у меня свобода в тюрьме, а он ответил: свобода верить, любить, надеяться. И это против неписаного тюремного закона: не верь, не бойся, не проси.

– А если просят у тебя? – вскинулся Тимофей.

Михаил вдруг осёкся и внимательно посмотрел в глаза юного напарника, точно до глубины души прожёг.

– Не по годам умные вопросы ты задаешь, – тихо и будто бы самому себе сказал Михаил.

Он приложился к бутылке пива и погрузился то ли в свои мысли, то ли в воспоминания. Тимофей не решался потревожить его другими вопросами. Пару минут напарник, что называется, отсутствовал. С Тимохой тоже не раз такое случалось, особенно на уроках математики. И он понимающе притих.

– Ладно, – вынырнул Михаил на поверхность, – работать будем?

– Будем, – улыбнулся Тимофей.

В списке товаров значились: автомобильная магнитола “Kenwood”, мобильный телефон “Siemens”, два абсолютно новых импортных набора автомобильных ключей в чемоданчиках и даже японский спиннинг. Михаил пообещал подстраховать до самого конца, никуда не уходить, но торговля с самого начала не заладилась. Рассеянный Тимофей в первый раз допустил ошибку. Подошёл с магнитолой к дородному рыжему дядьке, который рылся в двигателе своей «десятки». Не успел он сказать и двух слов, как тот обрушился на него с кучей ругательств, самым безобидным из которых было «писюн губастый».

– Вот ты и вытащил у меня магнитолу на стоянке! – орал он, отрывая Тимоху от земли за воротник.

Тимофей пытался вырваться, куртка трещала, мужик на всю стоянку обещал сдать незадачливого коммивояжера милиции. В это время на крыльце появился Михаил и крикнул оттуда:

– Эй, дядя, отпусти мальца! Тебя не учили, что маленьких обижать нельзя?!

Дядя чуть ослабил хватку, поставил Тимофея на землю и стал теперь орать в сторону Михаила:

– Я щас отпущу, я так отпущу, что мало не покажется. Чё ты там вы-

лупился?! Чё, на пару работаете? Я щас монтировкой как отпущу, будете дуэтом вместо магнитолы петь!

– Так ты отпусти, – спокойно ответил Михаил, – чё орать-то, бери свою монтировку, иди сюда, если такой герой, а парня отпусти.

– Буду я к тебе бегать, сам придёшь, – но воротник всё ж таки отпустил.

Тимоха рванулся в сторону кафе, процедив сквозь зубы: «Придурок конопатый». Мужик рванулся, было, за ним, но и Михаил сделал шаг навстречу, и тот предпочёл вернуться к машине, дабы взять монтировку. Вооружившись, он стоял в нерешительности, продолжая материться на всю округу.

– Хайло заткни! – крикнул ему Михаил. – Заводи свою шнягу и катись отсюда, пока тебе эту монтировку не воткнули, куда следует.

Рыжий зыркнул по сторонам и всё же предпочёл захлопнуть капот, сесть в машину и завести двигатель. Проезжая мимо крыльца, он разрядил в открытое окно последние отборные ругательства, пообещав вернуться, чтобы вытряхнуть из штанов всю местную шушеру. Тимофей на прощание покрутил указательным пальцем у виска.

– Потише надо, осторожнее, – предупредил Тимофея Михаил, – менты сёдня были. Вдруг ещё нелегкая принесёт. Испугался?

– Есть немного, – честно признался Тимоха, – думал, задушит.

– Не боись. Такие герои только орать умеют.

Со второго захода удалось продать добродушному толстяку на «бычке» набор инструментов, а его пассажирка позарилась на мобильный телефон. Потом владелец новой модели УАЗа очень обрадовался спиннингу, потому что долгое время искал именно такой. Михаил в это время заказал обед, при этом явно не поскупился. Столик был уставлен, как на праздник. Ароматные, ещё дымящиеся шашлыки, посыпанные тонкими кольцами лука, кувшин апельсинового сока, по две порции разных салатов, порезанные дольками свежие огурцы и по куску пиццы.

– Зачем столько? – радостно изумился Тимофей.

– У меня сегодня второй день рождения.

– Второй? День рожденья? А у меня подарка нет...

– На второй не дарят. Это просто особенный день в жизни, когда человек как бы родился во второй раз.

– Расскажешь?

– Расскажу, присаживайся. У нас обеденный перерыв.

Они разместились за столиком, который примыкал к окну-витрине,

позволяя обозревать всё кольцо заправки. В зале ненавязчиво играла музыка, было ещё несколько посетителей, а над барной стойкой висел плакат: «С Днём защитника Отечества!».

– Миша, ещё что-нибудь надо? – спросила молодая официантка и так посмотрела на Михаила, что Тимофей понимающе вскинул брови.

– Пока нет, – подмигнул ей Михаил, и она, приветливо улыбнувшись Тимохе, удалилась.

– Красивая, – лукаво намекнул Тимофей.

– Её Надей зовут.

– По-моему, она к тебе неравнодушна. А тебе она нравится?

Миша сделал наигранно серьёзное лицо:

– Слышь, напарник, тебе больше поговорить не о чем? Наливай, давай. Выпьем соку за удачу. А то шашлык стынет.

Они заправски чокнулись и ополовинили стаканы с соком. Углядев, как Михаил аккуратно нарезает большие куски шашлыка на маленькие, Тимофей удивился: было в его движениях нечто, не согласующееся с его внутренним миром. Хотя внешне сегодня он очень походил на респектабельного молодого человека, обедающего в ресторане.

Тимофей тоже взял в руки нож, но кусок мяса не давался, выскальзывал, сталкивал с тарелки другие куски и соус. Неудобно было, к тому же, держать нож в левой руке.

– Поменяй руки, сначала нарежь, а потом ешь, – посоветовал Михаил. – Вилкой придерживай...

Так действительно было сподручнее.

– Миш, если я долго не приеду, как ты без меня будешь?

– Прожуй сначала, потом спрашивай. Как-нибудь буду. Соскучишься – приедешь.

– Но я даже адреса твоего не знаю. Телефона.

– Сотовый я тебе дам. А домашнего у меня нет. Как и дома. Может, я сам тебя навещу. У вас там есть рынок?

– Ага, но там мне торговать никто не даст.

– А мне?

– Тебе, наверное, можно.

К самой витрине кафе подъехала потёртая «шестёрка». Из-за руля резко выскочил молодой мужчина, обошёл машину, открыл дверцу пассажира рядом с водителем и силой вытащил с сиденья пожилую женщину. Михаил и Тимофей стали невольными свидетелями происходящего, замерев над тарелками с салатом. Мужчина между тем что-то прокричал

женщине в лицо и со всего размаха ударил её. Губы женщины мгновенно разбухли и выстрелили сгустками крови. Если бы он не держал её другой рукой, она бы упала. Он же кричал что-то про деньги, которые ему нужны прямо сейчас.

– Интересно, такое уродство только в нашей стране увидеть можно? – зло спросил Михаил.

– За что он её? – прошептал Тимофей, вспоминая, как отец однажды побил маму.

Тогда тоже всё выглядело и звучало страшно, но было как-то иначе. Здесь же происходило нечто выходящее за любые рамки. Молодой человек бил пожилую женщину, которая была как минимум вдвое его старше. Он ударил её ещё и ещё, отбросил на землю, и она свернулась калачом, закрывая лицо руками. «Деньги, где мои деньги, ты же знаешь, я должен купить!», – всё время орал он. После того, как он её пнул, женщина стала истошно кричать:

– Игорь, Игорь, не надо!..

Испуганный и подавленный зрелищем Тимофей даже не заметил, как вскочил из-за стола Михаил и быстро направился к выходу. Он увидел его уже по ту сторону стекла. Напарник подошёл к мужчине со стороны спины, ничего не говоря, развернул его за плечо лицом к себе и одним ударом уложил его на землю.

– Отлично, классный удар, ещё ему приложить надо, – прокомментировал Тимофей и тоже ринулся на крыльцо.

Игорь, истошно матерясь, попытался подняться, но Михаил снова насадил его челюсть на кулак. Апперкот, вроде так он называл этот удар. Выгнутой дугой противник пролетел метра два и крепко ударился затылком, охнув, он на время затих. Из-за стекла за происходящим тревожно наблюдали Надя, ещё одна официантка и бармен.

– Э, ребята, шоу окончено, лучше позвоните в «скорую», вдруг кому-нибудь понадобится! – крикнул им Михаил.

– Миша, сзади! – успел предупредить Тимофей, когда Игорь внезапно бросился на Михаила со спины, в руке у него был нож.

Михаил резко качнулся в сторону, но не просто пропустил противника, а, просев в коленях, мастерски выставил ногу, за которую тот запнулся и упал. Далее, по всей видимости, он перестал себя контролировать. На руке, которая держала нож, Михаил станцевал такую чечётку, что можно было услышать, как трещали фаланги пальцев. Можно, но никто не слышал, потому что человек, коего женщина назвала Игорем, стал дико кри-

чать. Отбросив ногой нож в сторону, Михаил пустил в ход ботинки, и они стали методично превращать неприятеля в мешок с ломаными костями. И тут громче своего обидчика стала кричать женщина. Так, что у каждого, кто слышал, по спине пробежал холодок.

– Люди! По-мо-ги-те! Сына убива-ают! Сы-на-а-а!.. Изверги-и-и-и!.. Убивают!

Михаил замер в растерянности, удивление на его лице смешалось с разочарованием.

– Сына? – глухо переспросил он.

Но женщина не слышала его, в истерическом припадке она продолжала наполнять округу нечеловеческим воем, из которого можно было только разобрать, что изверги убивают сына. Оторопевший же «изувер» далее не предпринимал никаких действий. Михаил стоял, опустив руки, и на лице его отражалась последняя степень изумления и презрения к этому миру.

Из большегрузного КамАЗа-фуры выпрыгнули два водителя и кинулись в сторону происходящего. В руках у обоих были монтировки. Тимофей бросился им наперерез, перекрикивая так и не поднявшуюся на ноги женщину.

– Дяденьки, это не он виноват! Стойте, дяденьки! Он за неё заступился! Тот её избивал ногами!..

На стоянку перед кафе на полной скорости влетел темно-синий автобус-»Газель» с тонированными стеклами. Дверь открылась, и из салона посыпались на землю люди в масках и камуфляжной форме с надписью «ОМОН». Эти даже не пытались вникнуть в ситуацию. Один из них прикладом автомата сбил с ног Михаила и сверху добил его в спину каблуком, прижав к земле. В затылок напарника он направил ствол автомата. Другие мгновенно оцепили место событий. Тот, который, скорее всего, был главным и не скрывал своего лица, быстро осмотревшись, тут же нашел под машиной нож. Взвесив его на ладони, он криво ухмыльнулся и гаркнул на всю округу:

– Всем лежать! Никому не двигаться!

Но к нему уже бежал испуганный Тимоха, продолжая кричать, но теперь уже обращаясь к нему:

– Дяденька, Миша не виноват, он заступился! Дяденька, пусть его не трогают! Дяденька, я всё видел!

Но добежать мальчишке не дали. Ловко выставленная нога одного из бойцов оцепления подсекла его и заставила пару метров проехать на животе. Он тут же попытался встать, но сильная рука другого бойца букваль-

но подняла его за шиворот. Тимофей ещё что-то пытался крикнуть, но получился только сдавленный кашель.

– Тихо, малец, – сказала маска.

В это мгновение Михаил сделал резкий разворот, и прижимавший его к земле боец неуклюже полетел на землю, не выпуская из рук автомат. Вскочив на ноги, Миша одним ударом в челюсть вышиб из общего строя того, кто держал за воротник Тимофея, при этом успел перехватить мальчика левой рукой, не позволив ему упасть.

– Парня не трогайте, совсем озверели, – сказал он, отступая под наведенными на него стволами.

– Дяденьки, это мой друг! Не арестовывайте его! Он за тётеньку заступился, а теперь она орёт, что её сын бил! – снова заговорил Тимофей.

– Не того ты себе друга нашёл. Ты ему краденое продавал? – спросил командир, потом поднял глаза на Михаила: – Резвый, отпусти пацана.

Тимофей впервые услышал кличку Михаила, которая наверняка тянулась за ним из тюремного прошлого.

– Ничего я не продавал! Он просто мой друг!

Миша слегка оттолкнул Тимофея в сторону:

– Иди, Тим, иди, а то хуже будет.

В тот же момент сбитый ранее с ног Михаилом омоновец снова ударил его прикладом, на этот раз прямо в лицо. Напарник рухнул, как подкошенный и потерял сознание. Из обеих ноздрей выкатились струйки крови, губы были рассечены.

– Пакуйте, – приказал командир. – И пацана тоже!

– Мальчика вы никуда не повезёте.

Услышав знакомый голос, Тимофей оглянулся.

Со стороны заправки приближались Вячеслав Иванович и его водитель. Сумбурность и громкий ужас происходящего не позволили Тимофею задуматься над тем, откуда и зачем они здесь. Только молнией прошила затылок мысль: «Из-за меня?».

– Это ещё кто? – спросил командир окружающее пространство.

– Я директор школы, где учится этот мальчик. Он поедет со мной. Вам напомнить процедуру общения правоохранительных органов с несовершеннолетними? – Вячеслав Иванович положил руку на плечо Тимофею, давая понять, что никуда его не отпустит. – Если будете настаивать, я поеду с ним. Ни на какие вопросы он отвечать не будет.

– Тьфу! Правозащитники хреновы! – выругался командир. – Да он нам и не нужен. У его друга, господин директор, послужной список и без того на кавырнадцать лет тянет. Так что не мешайте работать и валите отсюда

со своим ученичком по-скорому, пока я не передумал. Хватит мне и без малолеток хлопот. Тоже мне – воспитатели, распустили всю страну.

Вячеслав Иванович повлёк Михаила к школьной «Газели», но после этих слов обернулся и ответил:

– Страну распустило правительство, которому вы служите. А мы – лишь пожинаем плоды. Вам бы хотелось, чтоб ваш ребенок попал в подобную переделку?

Командир снова сплюнул в сердцах на землю.

– Мой ребёнок?! – но не договорил, а только махнул рукой. – Да пошёл ты! – и уже в ближайшее пространство сквозь зубы: – Интеллигенция, мать её...

– Давай, пыли отсюда! – крикнул кто-то из омоновцев, дабы поддержать своего начальника.

Вячеслав Иванович осуждающе покачал головой, но предпочёл не продолжать перепалку. Дорогу им вдруг пересекла женщина, которую избивал собственный сын.

– Эх вы! – сквозь подступившие слёзы выдавил Тимоха. – Миша за вас заступился, а вы...

– Все вы бандиты! Все! Вас всех к стенке ставить надо! Почему это тебя отпустили? Ты с ним заодно!

Наверное, она не прекратила бы кричать, но тут к ней подошёл школьный водитель Андрей Николаевич и что-то тихо, но внушительно сказал на ухо. Услышав и переварив сказанное, женщина сама прикрыла разбитый рот рукой и с расширенными от ужаса глазами стала смотреть вслед уходящей троице. У самого автобуса Тимофей вдруг развернулся и побежал обратно.

– Вячеслав Иванович, они должны его отпустить! – на ходу говорил он. – Должны. Он же доброе дело делал!

В три шага его догнал Андрей Николаевич и обхватил с обеих сторон руками:

– Тише, парень. Ему уже точно не поможешь. Слышал, у них с ним старые счёты. Тише... Тише... Уймись... Лучше потом его проведаешь, чем они нас всех вместе упакуют.

Но Тимофею удалось выскользнуть из его железных объятий и снова побежать в сторону, где уже усаживали в «Газель», согнув пополам, Михаила. Тот, заметив, напарника, подмигнул ему и крикнул:

– Тим, не надо сюда! Помни про свободу!

Дюжий омоновец стал вталкивать его в боковую дверь-купе «Газели», но Миша вдруг выпрямился и попросил:

– Ну будь же ты человеком, дай два слова сказать!

Омоновец отступил на шаг, убрав руку с Мишиной головы, буркнул что-то: «Резче давай».

– Тим! Я тут подумал, путешественники – это свободные люди. Понял?

Тимофей кивнул, потому что ответить он не мог. Боялся заплакать, а показывать слёзы сейчас было никак нельзя. И не только из уважения к себе, но и из уважения к другу, коему сейчас было во сто крат хуже.

– И помни, что тебе отец про путешественников говорил! Поэтому – вскрой пуговицу. Она твоя. Тему понял?

Тимофей снова кивнул, хотя не совсем ещё понял, о чём сейчас говорил Михаил. Дверь «Газели» ухнула и застегнулась, мотор взревел, и машина с тонированными стеклами и красным щитом на борту повезла Михаила в печальную неизвестность.

17

– ...Когда от семьи изолировали мальчика-поваренка, друга Алексея, Леонида Седнева, все насторожились. В принципе, чувство смертельной угрозы не покидало Александру Фёдоровну ещё с того момента, как в Тобольск явился личный представитель Свердлова комиссар Яковлев. Это можно узнать из её дневника. Он привёз приказ о немедленном перевозе царской семьи в Екатеринбург. Алексей болел, и царица разрывалась между мужем и больным сыном. Но решила, что мужу она нужнее, и поехала с ним. Может, надеялась, что в её присутствии его не посмеют расстрелять. Кстати, когда они на разбитых тарантасах добирались из Тобольска в Тюмень, в одной из деревень местный старичок узнал государя и спросил у комиссара с поклоном: «Паря, ты уж будь добр, скажи, Бога ради, куда это царя-батюшку везут? В Москву, што ль?» «В Москву, в Москву, дедушка». Разумеется, комиссар никому не мог бы открыть всей правды. Но поразителен ответ деда: «Ну слава те, Господи, теперь будет порядок». В советские времена это, конечно, объяснили бы наивным монархизмом. А вот сегодня картина выглядит немного по-другому...

– Да ты, Сергей Сергеевич, у нас тоже наивный монархист, – улыбнулся Вячеслав Иванович.

– Я не наивный, я сознательный, – поправил учитель истории.

Они сидели вчетвером поздно вечером в кабинете директора – Тимофей, Егор Семенович, Вячеслав Иванович и Сергей Сергеевич. На дирек-

торском столе лежала та самая пуговица. Историк рассказывал, что ему известно о расстреле царской семьи. Вячеслав Иванович «прицеливался» со всех сторон к пуговице, вокруг которой были разложены инструменты, остальные внимательно слушали.

– Примечательно, что большевики разыграли целую детективную историю: условный язык, передача приказов не напрямую, а через третьих лиц. Приказ о ликвидации Янкель Юровский получил шестнадцатого июля вечером из Перми. Не из Москвы, а из Перми! Вообще, если сопоставить все имеющиеся данные, то можно смело утверждать, что у нового правительства был абсолютно сатанинский, четко продуманный план уничтожения царской семьи. Причём всех без исключения. А в подвале Ипатьевского дома расстреляли не только Романовых, но и доктора, лакея, комнатную девушку царицы, повара...

– Так и пролетариев, получается? – вскинул бровь Егор Семёнович.

– Получается, – кивнул Сергей Сергеевич, – правда, кто-нибудь может заявить, что это не пролетарии, а привилегированная прислуга, но, с моей точки зрения, просто это были преданные люди, в отличие от генералов, кичившихся своей храбростью и честью, но в одночасье изменивших своему государю и клятве. Это уж потом началось Белое движение. Но, видимо, не такое оно было белое, раз Бог не допустил им победить. А тут победителей не было. Русские убивали русских на радость врагам России. Убийство царской семьи было не только подлым злодейством, политическим актом, оно носило и мистический характер... Никого, даже детей не пощадили. Между тем сын самого Юровского дослужился до контр-адмирала флота и очень гордился тем, что его отец расстреливал царскую семью. В июле тысяча девятьсот восемнадцатого года ему было чуть меньше, чем царевичу.

– Неужели никому не удалось спастись? – спросил погруженный в задумчивость Тимофей.

– Никому. Да и трудно поверить в то, что абсолютно безграмотный Юровский, который даже отчёт собственноручно не мог написать, и окружавшие его палачи могли хоть на миг задуматься о милосердии. Не буду скрывать, есть несколько легенд, по которым якобы спаслись Алексей или Анастасия, либо оба вместе. К примеру, существуют несколько самозванцев, что ведут свой «царский» род от спасшихся. По одной из таких легенд Юровский якобы пожалел Алексея и заменил его в последний момент на сверстника – племянника повара – Леонида Седнева. Это, мол, и была причина, чтобы увезти его. Экая гуманность, заменить одного ребёнка

другим. Не верю. Царскую семью методично и безжалостно вырезали, не пощадили даже монахиню Елизавету – жену убиенного князя Сергея Александровича. Да и дальнейшие телеграммы в центр подтверждают, что расстреляли всех. Ну а потом старательно заметали следы. В ход шло всё – керосин, кислота, гранаты... Вот такая у нас история...

– М-да... Нас-то в школе, чё помню, совсем по-другому учили, – вздохнул Егор Семёнович. – Теперь каждый год новая история.

– Да нет, история у нас всегда одна. И сейчас её по заказу и за деньги перевирают.

– И чего тогда детям рассказывать?

Но на этот вопрос Сергей Сергеевич ответить не успел.

– Николай Александрович держал царевича на руках? Я картинку видел... – не удержался, поторопил Тимофей.

– Нет, если верить Юровскому, который диктовал отчёт о проделанном злодеянии, то в специально приготовленную комнату по просьбе царицы принесли два стула, на один из которых села сама Александра Фёдоровна, а на другой усадили царевича. Император же стоял рядом. Причем после первых залпов Алексей и три его сестры оставались живы. Жив был ещё доктор и эта девушка, которую почему-то называют фрейлиной. Их достреливали, добивали штыками. Пули рикошетили, потому что в корсажах у великих княжон были драгоценности.

– Что такое корсаж? – спросил Тимофей.

Мужчины переглянулись, ответ, как и полагается, взял на себя Егор Семёнович:

– Нижнее белье такое. Для поддержки правильной осанки.

– А... понял... – смутился Тимофей.

– Значит, они всё-таки хотели убежать, раз прятали драгоценности? – спросил в свою очередь Егор Семёнович.

– Не знаю... Может, и надеялись, может, просто хотели где-нибудь откупиться. Вы бы не надеялись? Не пытались? В любом случае все их ценности достались большевикам. Точнее, даже не большевикам, а их женам и дочерям. Особо престижным считалось выйти в свет в чём-нибудь из царского гардероба.

– Все да не все! – влился в разговор взволнованный голос Вячеслава Ивановича. – Кое-что нам оставили! Смотрите!.. – ловким движением скальпеля он подцепил крышку пуговицы, удерживая её маленькими пассатижами за ушко. Крышка легко отошла, и из пространства между ней и ножкой выпала мизерная тряпица. Не руками – пинцетом развернул её Вячеслав Иванович, и все четверо охнули...

На кусочке материи вспыхнул радужным спектром четко ограненный камень. В первое мгновение даже показалось – из кюлассы – навершия бриллианта ударил пучок искр. Он словно заждался света и теперь зазывно играл гранями пирамид.

Тимофей в эту минуту вспомнил, в скольких руках перебывала пуговица, как мог «потерять» её Анальгин или попадись она Чирку, и ужаснулся.

– А вообще, если задуматься, как могла сохраниться эта пуговица после стольких злоключений? Не думаю, что гимнастёрку царевича рвали на сувениры, – озадачился Вячеслав Иванович.

– Судя по сохранности, эту пуговицу берегли, значит, она могла попасть в чьи-то руки до расстрела. К примеру, Алексей мог подарить её тому же Леониду Седневу, мальчику-повару, когда стало ясно, что того куда-то увозят. Что мог подарить один мальчик другому? При этом о её содержимом он мог знать, а мог и не знать. Это не меняет самой сущности акта дарения, – такое предположение сделал Сергей Сергеевич. – Насколько я знаю, царевич любил собирать различные, казалось бы, ненужные вещи. Некоторые видели в этом даже определённую манию. Но я, когда был мальчишкой, собирал сломанные зажигалки, и даже сейчас не могу объяснить себе – зачем? И тоже держал в жестяной коробке всякие ненужные железяки.

– И я, – признался Вячеслав Иванович, – собирал всякие железяки.

– А я вообще мечтал мотоцикл собрать, – добавил Егор Семёнович. – Какого только металлолома во двор не перетаскал.

– Возможно, – продолжил Сергей Сергеевич, – пуговица оторвалась от бушлата или гимнастерки много раньше или накануне. В сумбуре последних дней никто не придал этому никакого значения.

– Но она может и не принадлежать наследнику? – усомнился Вячеслав Иванович.

– Да, если не брать в расчёт видение или сон Тимофея, – напомнил Сергей Сергеевич.

– Мистик ты у нас, Сергей Сергеевич, в чудеса веришь...

– Самое неприятное, что этот камушек принадлежит государству, – вышел из оцепенения Егор Семёнович.

– Не думаю. В лучшем случае он принадлежит царевичу Алексею, – возразил Сергей Сергеевич.

– Он принадлежит Тимофею, – поставил точку Вячеслав Иванович, испытующе оглядев притихших от неожиданности и точности поставленного вопроса мужчин.

Некоторое время все молча смотрели на бриллиант. Затем Вячеслав Иванович также ловко завернул его в материю и запаковал в пуговицу.

– М-да, ничего хорошего в том, что и этот «сувенир» достанется большевикам, ну, во всяком случае, их деткам-наследникам, я не вижу, – сам себе прокомментировал учитель истории. – Думаю, подробное обследование бриллианта ничего нового, проливающего свет на события в Ипатьевском доме не даст. А по каратам он, похоже, не тянет на именной камень. Так что его собственную его историю тоже вряд ли удастся выяснить.

– Н-но... – хотел, было, что-то сказать Егор Семёнович.

– Я ничего не вскрывал, – улыбнулся в усы Вячеслав Иванович.

– Я ничего не видел, – подтвердил Сергей Сергеевич.

– Да, вот ещё что – вы завтра или в понедельник едете в больницу? – перевёл разговор на другую тему директор, одновременно опуская пуговицу в карман Тимофея.

18

Вечером отец и сын чаёвничали на кухне. До этого, как и полагается двум мужчинам в отсутствие хозяйки, умяли пару тарелок лапши быстрого приготовления. Егор Семёнович в этот вечер чувствовал себя нормально. Алкоголь отступил, напоминая о себе только непродолжительными сбоями в сердечном ритме да излишней потливостью. Глядя на сына, он вдруг с тревогой подумал, что по всяким там генетическим каналам их с Ириной пьянство может передаться Тимофею. Или, что не менее страшно, его детям. В дни трезвости его всегда мучило разочарование в самом себе, разочарование в Ирине, которая из красивой женщины позволяла себе превращаться в отёкшую бомжеватую старуху. Муки совести накатывали, подобно цунами, напрочь смывая реальность, любой ход мыслей, и оставляли после себя кричащую пустоту. На улице, казалось, весь мир смотрит на тебя с пренебрежением и осуждением. И никакой, являемый внешней оболочкой мужской гонор не мог вытеснить или заполнить эту пустоту. Ночами на буровой сопровождаемая занудным нытьём дизеля эта пустота превращалась в мучительную бессонницу, поглощавшую пачками терпкие дешёвые сигареты. Мир казался неправильным и несправедливым как в пьяном, так и в трезвом виде. «Да не грузись, Семёныч!..» – успокаивали мужики и звали выпить в первый день на буровой. И они выпивали. Выпивали всё, что могли привезти с собой за один присест. Потом мучались, ловили отходняки, в особо тяжких случаях глотали одеколон, но работа-

ли... Тех, кто не находил в себе сил победить похмелье, увольняли. И на пятый день вахты Егор Семёнович обычно снова начинал себя уважать: он же трудится, зарабатывает на хлеб! Да, к тому же, не в уютном офисе с обогревателями и кондиционерами. Тут и фумитоксы-рапторы воткнуть некуда. А если вахту отстоял, то почему не... И только сегодня вдруг пришло в голову, вспомнилось откуда-то из глубин школьной программы: «...тварь я дрожащая или право имею?..» Так, пожалуй, заканчивались все сомнения вокруг непочатой бутылки или приглашения отметить окончание трудовых будней. Выходит, тварь...

Всему на свете человек может найти оправдание, особенно – собственным слабостям и страстям, но боль, которая передаётся детям, извинения не находит. Психически нормальные люди даже на последней ступени падения это понимают.

– Тимош, – попытался отвлечь себя отец, – я вот думаю, если маме операция понадобится...

– Щас, пап, – вдруг вскочил Тимофей, оставив недопитый чай, и устремился в свою комнату.

Егор Семёнович проводил его встревоженным взглядом, но через пару минут Тимофей вернулся с общей тетрадью в руках. Когда он открыл её, отец увидел, что в толщине листов вырезан на всю глубину аккуратный прямоугольник, из которого посыпались на стол купюры разного достоинства.

– Здесь двадцать две тысячи триста рублей! – гордо доложил Тимофей. – На мопед хотел, на Крым хотел, но теперь маме надо...

– Ого... – растерялся Егор Семёнович.

– Пап, это не за один день. Я рыбу продавал...

– И краденое, как мне Вячеслав Иванович сказал.

Тимофей опустил голову:

– Я об этом не думал. Извини, пап... Но вы, когда пьёте, денег даже на хлеб не бывает. А я вам подбрасывал.

Егор Семёнович скрипнул зубами.

– Ладно, сын, забыли... Я как-то на храм деньги сдавал. Ну и вместе со мной этакий отпетый мордоворот, из тех, что пальцы веером. Старушка одна, когда он ушел, и говорит: вот, мол, грехи замаливает, поганые деньги свои принёс. А я вдруг подумал: а что, было бы лучше, если б он эти деньги в казино проиграл, пропил или, хуже того, взрывчатку какую на них купил?.. Промолчал я тогда. А вот теперь сказал бы. Насчёт денег – не переживай. Меня с работы ещё не выгнали. Рассчитают – и на лечение хватит, и на Крым. Бабушка звала, даже плакала...

– Пап, а вот эти деньги надо обязательно передать моему другу. Понимаешь, пап? – Тимофей достал из кармана ещё несколько банкнот и с надеждой посмотрел на отца. – Даже если он в тюрьме. Понимаешь? Он мне друг. Настоящий.

Егор Семёнович привлёк сына к себе и крепко прижал.

– Раз друг, значит, найдём хоть в тридевятом царстве и передадим. Я вот думаю, куда твою пуговицу пришить?..

За окном вкрадчиво, как бывает на севере, начиналась весна. Одним ещё только будоражащим душу запахом. И потому так хотелось дышать.

ЭПИЛОГ

– Ну что ж, молодой человек, экзамены вы сдали достойно. Но в нашем вузе собеседование после вступительных испытаний – традиция. Даже удивительно, что парень из глубинки добился таких впечатляющих результатов.

– У меня были хорошие учителя.

– Все?

– Нет, конечно, но плохих не было.

– В чём же, позвольте узнать, заключался, в первую очередь, их профессионализм?

– Знаете, они хоть и вели нас вперёд, но как-то не впереди, а вместе. В одном ряду. Если кто-то отставал, то только по собственному нежеланию идти в ногу. И главное – они не врали.

– Ого! Завидую вашим сельским учителям. Наверное, вы не доставляли им хлопот.

– Ещё как доставлял!

– Тем более удивительно.

– Но, скорее всего, вы из тех, кто ещё читает книги?

– Из тех.

– А скажите, Тимофей, какую цель вы преследуете, поступая в наш университет? Нет, не так поставим вопрос, кто для вас является примером для подражания?

– Фёдор Конюхов.

– Фёдор Конюхов? Но при чём тогда увлечение историей?

– Я думаю, что Фёдор Конюхов – это один из самых свободных людей на нашей планете.

– Вот как? Я полагал, что на нашем факультете... Хотя нет, мне самому иногда кажется, что время Шлиманов уже прошло. И Троя, и Аркаим уже открыты, нет ни одной буквы в летописях и хрониках, на которых бы не задержался взгляд исследователя. Обидно! Мы, в сущности, больше занимаемся анализом уже открытого. Но кто знает? Кто знает?.. В чём же заключается, по-вашему, свобода Фёдора Конюхова? В том, что он колесит по миру, невзирая на границы, широты и параллели?

– В том, что он превозмогает самого себя.

– Превозмогает?.. Интересно... Оригинально... У меня к вам ещё один вопрос, правда, может быть, и не относящийся к делу. Не возражаете? Эта пуговица на вашем пиджаке, выпадающая из общего ряда... Это новая мода? Ни на панка, ни на хиппи вы не похожи?.. Даже, как это сейчас говорят, на продвинутого, с моей точки зрения, не тянете. Чем, кстати, мне и нравитесь. А эта пуговица, знаете ли, как-то выпадает...

– Если я скажу вам, что это талисман, то это будет не совсем верно. Скорее всё же реликвия. Отвечу так: это не моя пуговица. Я просто ищу человека, которому должен её отдать...

ВРЕ́МЯ ЛЮБИТЬ

Горноправдинск, январь – июнь 2005

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ
(Роман вне времени)

Да простит меня уважаемый читатель за столь многочисленные эпиграфы к моему скромному труду, в котором я попытался соединить любовь и время, но так ничего и не смог сказать о них. Поэтому я доверил это великим и святым, которые давно уже знают, что такое вечность. А вечность хранит их имена.

Кто выиграл время, тот выиграл все.
Мольер

Что есть время? Когда меня спрашивают, я знаю, о чём идёт речь. Но стоит мне начать объяснять, я не знаю, что и сказать.
Блаженный Августин

Если вы судите кого-либо, то у вас не остается времени его любить.
Мать Тереза

Любовь – единственная страсть, не признающая ни прошлого, ни будущего.
Бальзак

Среди неизвестного в окружающей нас природе самым неизвестным является время, ибо никто не знает, что такое время и как им управлять.
Аристотель

Время есть отношение бытия к небытию.
Достоевский
Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения.
Пушкин

Вы говорите – время идет. Безумцы – это вы проходите.
Талмуд

Время, возможно, существует, однако мы не знаем, где его следует искать.
Циолковский

И в мыслях даже не вмещается, чтобы было когда-нибудь время, когда никакого времени не было.
Цицерон

Время идет для разных лиц различно.
Шекспир

Тот, кто познал себя, познал своего господа.
Мухаммад (Магомед)

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу.
Библия

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.
Иоанн, любимый ученик Христа

* * *

Зачем изобретать машину времени? Историю уже не изменить, ибо пытаться менять историю, значит пытаться спорить с Богом. Есть желающие поспорить? Даже если за такой спор возьмется все человечество (что уже не единожды бывало), то дискуссия закончится явно не в его пользу. Да и можно ли путешествовать во времени глубже своей собственной жизни? Если можно, жизнь может потерять смысл, ну не смысл, так, собственно, интерес к этой самой отдельно взятой жизни.

Обо всем этом думал инженер-конструктор Сергей Кошкин, который месяц назад, пользуясь доступом к необходимым деталям и лабораториям, изобрел машину времени. Но одно дело изобрести, совсем другое – решиться на испытание, особенно если нет никаких сомнений, что изобретение оправдает надежды своего создателя. Прочитав в детстве книгу Уэллса, Сережа Кошкин воображал себя обладателем машины времени. В зависимости от возраста, обстоятельств или под влиянием других прочитанных книг машина меняла размеры, принцип действия и назначение. Пятиклассник Кошкин мечтал поучаствовать в Ледовом побоище и косить немецких псов-рыцарей из пулемета Дегтярева. Почему-то именно из пулемета Дегтярева с круглым диском на стволе. Таким же образом он мечтал остановить татарские орды под Рязанью. Еще одной, правда, уже тайной мечтой Сергея Кошкина было спасение царской семьи, но во времена развитого социализма он побаивался рассказывать об этом даже самым близким людям. Причиной такого неожиданного желания было смутное понимание катастрофы русской цивилизации в 1917 году и чувство ужасной несправедливости по отношению к монаршей семье. Особенно ему было жалко больного царевича Алексея. Чуть позже он очень жалел юных красивых царевен. И даже конституционно закрепленная идеология марксизма-ленинизма, диалектически обосновавшая неизбежность краха самодержавия и необходимость расправы над царской семьей, не могла поколебать этой мальчишеской жалости и стремления исправить страшный грех цареубийства.

Всякое приходило в голову Сергею Кошкину по поводу применения машины времени, но неизменным оставалось главное – машина должна быть изобретена. Работа на «ящике», как до сих пор называют закрытые НИИ и конструкторские бюро, где лучшие умы трудятся над освежением современного оружия, позволила Кошкину совмещать участие в изобретении новейших систем электронного наведения ракет «воздух-воздух» с воплощением детской мечты. Главный конструктор Марченко однажды застал его за чертежами хобби и, казалось, должен был покарать растратчика рабочего времени и похитителя деталей, но только улыбнулся и сказал: «Делай, Сережа, делай, из самых запредельных идей часто получаются неожиданные и нужные решения». И Сережа делал…

Работа заняла 15 лет и прерывалась только необходимостью выполнения служебных обязанностей, что обуславливалось природной ответственностью и добросовестностью Кошкина. Еще одним фактором снижения темпов была любовь, а чуть позже – женитьба.

Лена Варламова вошла в жизнь Кошкина на третьем курсе во время осенней кампании помощи спивающимся колхозам и совхозам. Будущие инженеры волею областного начальства оказались на одном капустном поле с будущими филологами. Впоследствии, выражения «рубить капусту» и «в капусте нашли» в семье Кошкиных обрели трансцендентный и одновременно иронический смысл. Вот так и сходились физики и лирики, спасая урожай и поддерживая имидж партийных вождей, радеющих об интенсификации сельскохозяйственного производства.

Зеленоглазая и гибкая, как хитрая домашняя кошка, Лена, высокая и стройная, напичканная Достоевским, Булгаковым, Маркесом, Гессе и модным тогда, но нудным всегда Набоковым, была соткана из другого, нежели Кошкин, материала. Но это не помешало им полыхнуть любовью с первого взгляда так, что свадьбу пришлось играть уже через месяц после знакомства. Кошкин в этом случае убивал несколько зайцев: получал самую красивую девушку университета, которую на протяжении более длительных ухаживаний могли и отбить, выигрывал время для работы над своим фантастическим прибором, получал сообщницу, которая хоть и не особо верила в успех инженерного гения Кошкина, но прагматично ценила его талант, не без оснований предполагая взлет его карьеры. Насчет машины времени она то ли серьезно, то ли полушутя приговаривала: «Вот слетаем, спасем второй том «Мертвых душ», вытащим из огня и докажем, что рукописи не горят». Кошкин молчал, он уже тогда догадывался, что сгоревшее не вернуть. А вот насчет карьеры Леночка была права. После института Кошкин был единственным, кого пригласили на очень хороших условиях с предоставлением жилья в «ящик». Днем Кошкин творил электронику для ракет, вечером корпел над собственной мечтой, а ночью сходил с ума от любви к своей жене, которая год от года становилась только прекраснее и подавала ему себя с ни чем несравнимым и неописуемым (в целях соблюдения нравственности) шармом. Коллеги Кошкина истекали слюной, когда она в вечернем платье посещала банкеты по случаю удачных испытаний нового советского оружия. Появление ее за столом определяло изменение идеологического содержания тостов: вместо того, чтобы произносить здравицы советскому оружию и чуткому руководству КПСС хотя бы в начале банкета, уже первый тост произносился «За дам», после чего главный конструктор, поглаживая мудрые седины, доставившие немало хлопот как вермахту, так и НАТО, начинал поименно хвалить своих подчиненных, а на Кошкине задерживался особо, потому как не мог

скрыть удовольствия, что повезло тому не только с талантом, но и с женой, что для мужчины является двойной удачей.

Ах, Леночка! От комплиментов и армянского коньяка у нее кружилась голова, и следом она сама кружилась в танце со всеми подряд, потому что Кошкин щедро делился красотой своей жены в допустимых общественной моралью пределах, а генетическая воспитанность интеллигента в адцатом поколении не позволяла инженеру увести ее до того, как она сама, падая ему на колени и обнимая за шею, начинала шептать: «Сереженька, пора, я уже так тебя хочу, что сейчас утащу в какую-нибудь подсобку с ракетным топливом, и мы очнемся завтра где-нибудь на Марсе». И Сереженька тут же подхватывал ее за талию и вел на выход. У него и самого аж челюсти сводило от страсти. При этом он едва успевал подумать о том, можно ли считать нормальной такую кипучую любовь, как уже наступало утро следующего дня, требовавшее от него усилий другого порядка. Следует признать, что любовь отодвинула изобретение машины времени примерно на 6–7 лет. Но на значительно больший срок остановила изобретение Кошкина эпоха, получившая в анналах истории название «перестройка».

К этому времени Сергей Павлович Кошкин уже был лауреатом нескольких государственных премий, стал правой рукой главного конструктора, а до изобретения машины времени оставалось «каких-то» 10 лет. И что мне вам рассказывать о том, как зарплаты ведущих инженеров оборонки в одночасье превратились в мизер, а потом и вообще перестали выплачиваться. Об этом уже написано в сотнях рассказов, повестей, романов, да так, что литература мутировала от социалистического реализма до постмодернизма и сопредельного с ним абсурда. Стоит ли в очередной раз рассказывать о крысах, бегущих с тонущего корабля и честных капитанах, уходящих под воду, кои, оставаясь на мостике, печально смотрят в непредсказуемую даль будущего. Кошкин числился в рядах последних.

Что-то недоброе происходило со страной, и что-то неладное происходило с любовью. Все реже Лена восхищалась талантом Кошкина и все чаще вечерами, ссылаясь на усталость, падала на помнящую лучшие времена двуспалку и отворачивалась к стене. Казалось бы, Кошкин должен целиком уйти в работу, в творчество, но он, напротив, расклеился и был крайне рассредоточен. Главный понимающе исправлял за него ошибки в расчетах и чертежах, за которые давно уже никто не платил. Оба они вздыхали, выпивали по рюмке коньяку с чаем и закусывали галетами. Первые два-три года говорили о политике, а потом уже просто многозначительно молчали, ибо время говорило само за себя. И вообще получалось, что дан-

ное время движется как-то само по себе, мимо оставшихся на полустанках людей, таких, как Марченко и Кошкин, а они, будто зомбированные, стоят и взирают со стороны на лакированные иномарки, на меняющиеся, но очень похожие (печатью порока) лица министров, на падающие самолеты и тонущие корабли, на останавливающиеся заводы и пустеющие по вечерам улицы, на заезжих забугорных советчиков и капиталистов, на экскурсии натовских генералов по собственному НИИ, что еще пять лет назад можно было считать не менее абсурдным, чем заначка в долларах. Все окружающее казалось им не более чем наваждением, которое вот-вот развеется и даже, показалось, рассеивается – 19 августа 1991 года, когда по радио читали обращение ГКЧП. Но только показалось. Туман над страной, напротив, сгущался. И, скорее, даже не туман, а какой-то ядовитый угар, который при вдыхании вызывал тяжелую стадию опьянения, превращающую массовый суицид в очередную галлюцинацию о светлом будущем.

Свою работу конструкторы делали по инерции, а также вследствие генетического патриотизма, свойственного настоящим русским людям независимо от фамилии, возраста и национальности. Так же, по инерции, продвигалась работа над мечтой Сергея Павловича Кошкина. Но любовь по инерции существовать не может, по инерции она может только угасать. И если вы с женой пять – семь лет не были на море, правильнее сказать, не возили ее на заслуженно-показательный отдых – нет вам оправдания! В конце концов она уедет туда с кем-нибудь другим. Для этого достаточно, чтобы у нее были соответствующие внешние данные, а в ее зараженном марксизмом-феминизмом сознании появилось надлежащее тому обоснование. И тогда в один из бесконечных ни к чему не обязывающих, но еще семейных вечеров она непременно скажет вам: «Сережа (Ваня, Петя, Вова и т.д.), я устала, я не вижу выхода, я от тебя ухожу». Куда можно уходить, если не видишь выхода? И что остается делать мужу?.. Нормальные люди будут продолжать изобретать машину времени.

Через пять лет в стране подуют другие ветры, туман не развеют, но качественно изменится его содержание, за изобретение оружия снова начнут платить деньги и даже вернут задолженность по зарплате за несколько предыдущих лет, но тем же ветром жену обратно в дом не надует. К этому времени выяснится, что сын Кошкина учится где-то в Сорбонне, что друзья семьи Кошкиных были в основном друзьями Елены, а круг близких друзей самого Кошкина сузится до трех человек: еле передвигающего ноги дважды Героя Социалистического Труда Михаила Ивановича Марченко, вечно хмурого, но добродушного героя чеченской войны ох-

ранника Дорохова и уборщицы служебных помещений с высокой степенью допуска Мариловны (Марьи Гавриловны). Седая и вечно причитающая, как профессиональная плакальщица, Мариловна была единственной нянькой и кормилицей непризнанного гения. Из своей скудной зарплаты она выкраивала средства для покупки нехитрой снеди, чтобы вечерами, когда он засиживался в лаборатории, подкармливать его вслед за чаем из чернопузой (от многолетнего налета) банки, где вечным кипятильником работали два самых безопасных в мире лезвия «Нева». В обмен на заботу брала немногое: право попричитать и право чего-нибудь посоветовать.

– Вот вижу же, не ракету нынче делаешь! Когда ракету делаешь, у тебя глаза горят, а когда не ракету – они у тебя с поволокой, как у оленя убитого.

– Не ракету, – отвечал автопилот Кошкина.

– Ну так чаво?

– Машину времени, Мариловна.

– А зачем? Она же не стреляет? – переживала за ВПК Мариловна.

– Не стреляет, – соглашался автопилот.

– А раз не стреляет – денег не заплатят!

– Не заплатят.

– А коль не заплатят, на кой ляд она нужна?

Автопилот Кошкина давал сбой, если в вопросе не звучал ответ. Сергей Павлович откладывал в сторону паяльник и с тоской смотрел на старушку:

– И действительно – на кой ляд она нужна?

Разговор этот повторялся почти ежедневно с 21.30 до 22.00 и заканчивался предложением Мариловны почаевничать, чтобы инженерная мысль не угасла от голода. На запах снеди всегда появлялся майор Дорохов с неизменной полевой фляжкой и некоторым запасом провианта, что собирала ему на дежурство зампотыл жена. И вставлял в разговор короткие, но емкие суждения, приперченные ненормативной лексикой по поводу состояния современной политики, семейной жизни и вооружения российской армии.

В один из майских вечеров, когда за бетонными стенами «ящика» в одночасье взорвались белым конфетти яблони и мир сходил с ума от любви, Мариловна нарушила вдруг штампованное течение разговора. Она вошла в лабораторию с явными следами недавнего умственного озарения на лице, хитро улыбаясь, будто только что выведала самую сокровенную тайну окружающей ее действительности, и тайна эта оказалась приватного характера.

– Я знаю, зачем ты машину времени делаешь! – огласила уборщица.

– Зачем? – бесцветным голосом спросил автопилот.

– Елену Прекрасную хочешь вернуть! – салютный залп через вставную челюсть.

Компьютер автопилота завис.

До сих пор Кошкин, если и задумывался над смыслом своего изобретения, то как-то несерьезно, используя второстепенные каналы своего мозга для движения мыслей по этому поводу, и всякий раз загонял их в глухие тупики, чтобы не высовывались до срока. В сущности, он боялся думать об этом, ибо вопрос этот ответа не имел. Больше приходилось обдумывать последствия подобного изобретения. А тут появился божий одуванчик со шваброй в руках и, пользуясь бытовой народной смекалкой, определил совершенно субъективную цель, которая, если и была самым неожиданным и безумным решением, но давно ожидала прямого попадания где-то в глухих закутках кошкинского сознания.

В этот вечер работа над прибором была закончена.

Кошкин позволил себе сходить в магазин и приобрести там бутылку коньяка, но Дорохов и Мариловна, принявшие самое деятельное участие в его употреблении, об окончании работ ничего не знали еще месяц. Преодолевая огромное искушение, Сергей Павлович аккуратно выполнял государственный заказ и обдумывал моральную сторону применения своего изобретения на практике. Пусковым моментом стал разговор с майором Дороховым.

– Знаешь, Палыч, если бы машина времени действительно была возможна, а не гундосила голосом Макаревича, я б вернул ротного номер три. Хороший был парень. Старлей. На таких Россия испокон веку стояла. Эх! Аулы-кишлаки, населенье мирное!.. – охранник сделал затяжку глубиной в полсигареты и окутался клубами дыма так, что осталась видна только неизменная на «боевом» дежурстве тельняшка.

Помолчав, он с сухой горечью в голосе продолжил:

– Я его с отделением разведчиков не той дорогой послал. Можно было в обход, огородами... Да мы ж все торопимся: вроде и чистили недавно. Чуял, там могут быть чехи, снайперов я шестым позвонком чую, а тут... На авось пошли... Облажался я, Палыч, и с тех пор мне Толик стабильно раз в неделю снится. По гражданке одет, улыбается и успокаивает: у меня, мол, все нормально, комбат, я здесь в отпуске... Он перед второй командировкой жениться успел, сына очень хотел. Жена красавица...

Кошкин вздрогнул, вздохнул, фамилия заскребла на душе. Вместе со словами Дорохова безысходная грусть дотянулась к сердцу инженера.

– Машина возможна, вот она – на столе. А вот вернуть кого-то с того света – невозможно. Промысел Божий не обойти. Это вроде как преступление…

– Знаешь что?! – полыхнуло еще полсигареты до самого фильтра. – Не попробовать – это преступление! Доморощенный фатализм это, Палыч! Вот ты меня туда пусти, а я разведгруппе задание по другому направлению дам. У меня такой камень с души упадет! Ты представь, тонет человек, просит о помощи, а тебе руку протянуть… И ты еще раздумываешь: морально – не морально, вернуть – не вернуть?..

– С той разницей, что человек уже утонул…

– Не мети пургу, Палыч! Если есть прошлое, есть настоящее, есть будущее, то прошлое – это когда-то и где-то длящееся настоящее! Оно все еще происходит. Это мы переместились относительно точки, а не точка относительно нас.

– Но причинно-следственные связи!..

– Тьфу ты! А кровнородственные связи?! Ты испытай на мне, я согласен, могу бумагу подписать. Тебе самому нельзя, вдруг что не так, ты хотя бы вернуть меня попробуешь.

Кошкин нахмурился. Его собственная идея испытаний машины была ничем не лучше.

– Хорошо, Вася, – он внимательно посмотрел Дорохову в глаза, – я включу эту штуку ради тебя, но ты мне пообещаешь: что бы ни случилось, ты сам никого убивать не будешь… И меня, после того, как вернешься.

– Обещаю, Серега! Слово офицера! – Дорохов достал заветную фляжку.

* * *

С вечера небо закрыли густые серые облака, не тучи еще, но уже не чистые белые перины и барашки. Сначала цепляли макушки гор, а затемно обленились и поползли по склонам в долину, сливаясь с туманом. Ночью же видимым осталось только одно подсвеченное луной, точно фонариком с подсевшими батарейками, облако. А на земле не жгли костров. Мишень с подсветкой – удача для снайпера.

Два Дороховых сидели друг напротив друга в командирской палатке, и младший очень хотел застрелить старшего, чтобы избавится от ночного наваждения. Но старший говорил такие вещи, что не верить в его присутствие и правдивость мог только абсолютно лишенный здравого смысла человек.

Представьте себе, что к вам вечером пришла ваша чуть поседевшая и неромантично погрустневшая копия. От такого двойника захочется избавиться, потому как его существование противоречит всяческим физическим и биологическим законам. Но вот он начинает рассказывать вам самое сокровенное из вашего прошлого, чего никто, кроме вас, не знает, да и вы хотели бы, чтоб этого и не было никогда, и потому упрятали воспоминания так глубоко внутри себя, что открыть их можно только на Страшном суде и то не по вашей воле. Никакие там гипнозы и детекторы лжи подобные тайны добыть из темных глубин человеческого сознания не могут, ибо индивид изначально самого себя убедил, что это к нему не относится. Но мысль – не магнитофонная запись, ее стереть нельзя, какой бы немыслимой она ни была.

Комбат Дорохов слушал свою копию и все больше понимал, что это именно он сам пришел к себе, только вот лет на пяток старше.

– А про Ленку Кирееву помнишь?.. – голосом прокурора пластами ворочал общую память старший Дорохов.

– Всё! Хватит! Всю душу вывернул! Это ж как ежом подавиться! Чего ты хочешь?

Старший Дорохов удовлетворенно хмыкнул.

– У меня четыре часа. Там, – он почему-то ткнул указательным пальцем вверх, – мой друг нажмет кнопку, и я вернусь. Во всяком случае, должен вернуться. Мы эту машину еще только испытываем.

Он сказал «мы» таким тоном, словно несколько лет вместе с Кошкиным корпел над чертежами и тыкал паяльником в микросхемы.

– Сейчас ты собираешься отправить через поселок в полковой штаб разведку и старшим – ротного Китаева. Пусть идут не по дороге, где на окраине недостроенные коттеджи и заброшенные халупы, а в обход. В седьмом справа доме несколько чехов скучают. У одного СВД.

– Но там же вчера эмвэдэшники чистили!

– Вот именно так я и думал. Слушай дальше, мы с тобой это гнездо поганое разворошим. Давай кинем еще два взвода к этому дому, ведро гранат в окна... Правда, есть одна загвоздка, сам я не могу пойти. Научный, понимаешь, – он передразнил Ельцина, – эксперимент не позволяет. Обещал я.

– А то мы без тебя не управимся!

– Ну так действуй. А я пока вздремну.

– Ты даже ничего не рассказал, что там будет! – кивнул комбат в сторону неопределенного будущего. – Хоть бы пару слов.

– Хреново будет, если ты эту падаль в огороде не закопаешь. Очень будет хреново! Вернешься, я тебе чего-нибудь расскажу, если успею. Говорю же, четыре часа у меня.

Младший озадаченно вздохнул, посидел молча еще минуту и шагнул за полог брезента в ночь.

Охранник Дорохов лег, не укрываясь, на спальник. Рука по привычке стала искать прохладный металл «Макарова». Чертыхнулся, какой пистолет у гражданского?! Закрыл глаза и начал по-своему, по-военному молиться.

Минут через сорок со стороны поселка раздались взрывы, следом несколько очередей. И все стихло. Слишком быстро. В кровь искусал губы, подмывало вскочить и броситься туда, где только что был короткий ночной бой. Останавливала не только клятва, данная Кошкину, но и легко представимая нелепость явления перед солдатами двух комбатов.

Еще минут через двадцать появился Дорохов-младший. Достал из полевого сейфа фляжку.

– Будешь? – и, не дождавшись ответа, налил по полкружки себе и старшему.

Старший не спрашивал: не пацан, сам расскажет.

– Шестерых завалили. Гранат не жалели, кишки на стенах. Они там в нарды играли. Так мы им с десяток шашек и кинули. Шесть чехов и двое наших. Пленные, с комендантской роты…Еще будешь? – и уже налил.

– Буду, – у старшего заиграли желваки.

Выпили, не закусывая. Спирт опалил нутро, но душу не прижег.

– Может, эти комендантские и не жильцы были, но ребятам не по себе. Надо было вашу машину еще считать научить…

– Это нас с тобой надо считать научить. Там двое комендантских, а тут ты бы ротного и еще двоих потерял, плюс два трехсотых.

– Я уже их отправил, через зеленку, не по дороге. Ты не знаешь, на хрена Старцеву отделение наших разведчиков?

– Нет, зато знаю, что он днем сказал, когда Толика на брезенте принесли.

– Что?

– Какая это разведка, если на грабли наступает.

– В генералы, сука, готовится.

– Да прав он, только правда у него неприятная. Мог бы и промолчать. А лампасов ему не видать. Это я точно знаю.

– Неужели?..

– Да не… Не убьют. Березовский его с обменом пленных подставит. Темная какая-то история. Переведут Старцева на Дальний Восток.

Младший выстрелил затяжной матерщиной и собрался, было, налить по третьей, но вдалеке жахнул выстрел.

– Винтовка! – сказали оба.

Через мгновение сухим собачим лаем залились «калаши». Звуки смешались, и уже было непонятно, какого рода бой идет в паре километров отсюда.

– Я пойду, – младший закрутил фляжку.

– Только побыстрей, мне чуть меньше часа осталось.

Неприятное, отдающее на язык свинцом предчувствие завладело старшим Дороховым. Он бессмысленно крутил в руках пустую кружку и каким-то задним, будто не своим умом начал понимать то, о чем говорил ему Кошкин. Нельзя спасти уже утонувшего? Или это прерогатива Господа Бога? И все равно упрямство русского майора было сильнее всех этих мудреных сентенций.

«Вроде моросить должно уже?», – с надеждой вспомнил серое утро отставной майор. Прислушался, первые мизерные капельки вкрадчиво топтались по палаточной ткани.

Когда вошел младший, он спросил, уже зная ответ:

– Толик?

– Толик… И еще двое… Раненых, правда, нет. Акбар этот хренов, в обнимку с СВД, в зеленке сидел. То ли раньше ушел, то ли не дошел, то ли на очке во дворе зад подмывал, когда мы дом окружили… Не сработало что-то, Вася, – младший впервые назвал старшего по имени.

Старший медленно смял в руках металл кружки.

– Я вот думаю, прав Кошкин, смерть не перехитрить, хотя я все равно не отступлюсь. В любом лабиринте должна быть нить Ариадны. У любой пули есть бесконечное множество траекторий полета. Если параллельные прямые все же не пересекаются, это не мешает стрелку, находящемуся на одной прямой, отстающему или опережающему цель, вести прицельный огонь в сторону другой параллели. Кто знает, может, это и имеется в виду, когда утверждают, что параллельные прямые пересекаются где-то в космическом пространстве, а там уже и не пространство оно в чистом виде, а то самое пространство-время! Черт, даже башка заболела от собственного умничанья.

– Вы там полегче машиной вашей балуйтесь. Я в детстве… – и поправился, – мы в детстве фантастику научную читали. Чревато это. Да и как бы машина эта в плохие руки не попала.

– Пулю из говна! – сказал старший и растворился в полумраке палатки,

Дорохов-младший остался один, покрутил в руках смятую кружку и, как мог, но почти на девяносто процентов выправил ее. Потом налил в обе и выпил за помин души старшего лейтенанта Китаева, хорошего парня. Вторую накрыл куском сыроватого, похожего по виду на пемзу, черного хлеба. Майору Дорохову было легче, чем могло быть. И старшему Дорохову тоже. Теперь они знали, что в смерти Толика они не виноваты. Правда, у обоих не пропало желание продырявить бородатого снайпера минутой раньше, чем он успеет прицелиться в старшего лейтенанта Китаева.

* * *

В лаборатории не было окон, чтобы первые солнечные лучи оплодотворили новым витком жизни застоявшийся воздух и поиграли пылью, невидимой под мертво сеющими лампами дневного света, дребезжание которых, вкупе с толщиной бетона, скрадывало щебетание ранних пташек.

– Ну что, получилось? – нетерпеливо стряхнул бессонную ночь Кошкин.

– Толика все равно убили. Правда, двоих не ранили!.. Это уже что-то. Но главное: я многое понял за эти несколько часов. Я понял, что не все решения и поступки человека принадлежат человеку, который считает, что он производит посредством их какое-либо действие. Витиевато, конечно. Хотя я не берусь утверждать, что это только Его решения, возможно, это решения того, кто пошел против Него, а может, это сумма, целая, но аморфная, с нашей точки зрения, вязь различных посылов. И данное объяснение не вступает в антагонизм с постулатом внутренней свободы человека, потому как решение – есть разность между накопленными положительными и отрицательными посылами, можно сказать порывами, которые не всегда даже оформляются ощутимыми и проговариваемыми умом мыслями. Я не сторонник экскаваторных решений на уровне подсознания, но оценить инстинктивные порывы человека имел возможность на практике.

– Это когда знаешь, где упадет следующий снаряд, но не можешь объяснить?

– Так точно.

Кошкин внимательно посмотрел на Василия Дорохова. Перед ним сидел совсем другой человек, кратно не похожий на того, что несколько часов назад покинул в неизвестном для землян направлении стены секретной лаборатории. Предыдущие беседы с Дороховым были обильно посыпаны красным армейским перцем, а его суждения никогда не были размерены отглагольными прилагательными и спотыкающимися деепричастиями, напротив, были односложно просты, как тот самый, упомянутый только что снаряд, летящий к выверенной цели.

– Я столько книг после встречи с собой в палатке перечитал, – продолжил Дорохов, – особенно после демобилизации. И верил и не верил. До сегодняшней ночи. И никому об этом не говорил. Иначе не миновать мне института Сербского. Что делать? Коллективное бессознательное витает в воздухе, мы вдыхаем его и начинаем принимать мир таким, какой он есть, или таким, которого нет! Все зависит от невидимой взвеси, поступающей в сознание из окружающей действительности-недействительности посредством дыхания, зрения, слуха и воздействия разного рода полей. Можно принимать это как данность, а можно по мере собственных сил участвовать в создании этой взвеси, наполняя ее индивидуальными качествами. Говоря проще, можно вдыхать сгущающийся яд и радоваться его наркотическому апокалипсическому воздействию, можно вдыхать и не радоваться, а терпеть, доколе хватит сил, а можно – пытаться хоть как-то разбавить его нейтрализующими и осветляющими ингредиентами.

– Мудрено.

– Все сказать – ночи не хватит.

Сергей Павлович понял, что перед ним действительно сидит совсем другой человек, с опытом, возведенным в степень прогулок во времени. С прежним майором его роднили только тельняшка и застиранный камуфляж.

– Полагаю, что парадокса времени нет! Упрощая суждения, берусь утверждать, что это не более чем борьба двух надисторических сил на определяемом только нами отрезке человеческого существования. Во вселенском понимании это не прямая, даже не спираль, а фигура, не представимая человеческим воображением. Алфавита не хватит, чтобы написать имя Бога. И Сына Его мы называем Царем и Спасителем, и два этих слова перевешивают Вселенную! Ни Юнг, ни Конфуций, никакая «И цзин» не смогли приоткрыть мне и доли того, что я увидел внутри себя, переходя из одного состояния в другое. По сути – машина твоя невозможна – ибо встреча с самим собой так же невозможна по простой причине обладания

душой в единичном масштабе. Плоть разделить можно, душу нельзя! Ее и так в течение земной жизни терзают на две части между светом и тьмой! Но я испытал на себе действие твоей машины, я говорил сам с собой, я подталкивал себя не только к действиям, но и к их нравственной оценке и пришел к заключению, что принцип действия твоей машины схож с тем, что будет применен на Страшном суде, когда человеку дано будет увидеть свою жизнь во всех ее прелестях и недостатках в одно мгновение, которое не будет измеряться временем. И еще, мне думается, ты не изобрел эту машину, ты ее выстрадал.

Молчание замерло на стрелках обесточенных приборов, юркнуло в разнокалиберные соединительные гнезда, прошелестело по дисплеям и упокоилось на дне неразменной банки для заварки чая.

– Ты хочешь попробовать еще раз? – тихо и настороженно спросил Кошкин, который понял, что опыт и знания не искореняют, а иногда, напротив, сопутствуют упрямству.

– Да. Но не сейчас. Мне нужно все рассчитать. Все продумать. Хотя вроде и было время, я ждал этой ночи пять долгих лет.

– Вася, у меня тоже есть некоторые виды на этот прибор. Ты не согласишься…

– В любое удобное для тебя время!

О путешествии Кошкина условились на следующую ночь.

* * *

Взяв у больного (в очередной раз) Марченко по телефону отгул, Сергей Кошкин покинул охраняемую территорию «ящика», пожелав доброго утра заспанным дежурным на двух КПП, ибо лаборатория, как матрешка, была спрятана в огромном дворе завода, который помимо ракет благодаря новомодному слову «конверсия» выпускал теперь тефлоновую (в отечественном исполнении фторопластовую) посуду и утюги «с вертикальным взлетом», как именовали хозяйки пароувлажнитель. Именно поэтому (а не только по поводу одностороннего российского разоружения) по заводу разрешалось сновать иностранным шпионам под видом озабоченных развитием совместных предприятий бизнесменов. Империалистические монстры не мытьем, так катаньем вторгались в святая святых российского ВПК и «конверсионным» способом получали пай или хотя бы возможность следить за тем, что еще могут выдумать угрожающего их мусорной демократии (от слова «урна») никак не желающие тихо спиться и умереть русские.

Но сейчас Кошкин был настолько далек от всей этой мироправительственной кутерьмы, что чуть, было, не прошел мимо своего излюбленного по утрам кафе, где всегда заказывал блинчики с мясом под сметаной и большую кружку «Амбассадора». Следует сказать, что, невзирая на смутное состояние Кошкина и других, отдельно взятых индивидуумов, да, в сущности, и в целом народа империи, майское утро дышало ни с чем не сравнимым запахом начала жизни. Вот у кого бы учиться парфюмерам! А они, говорят, создавая свои букеты, не брезгуют рыться даже в дерьме. Хотя последнему соответствует тоже вполне относящийся к жизни запах. Просто не лучший. Видимо, переработанная жизнь по-другому пахнуть не может. Дней пять назад, когда Кошкин радовался такому незатейливому, одетому в яблоневый цвет и голубое небо утру, его посетили отнюдь не пейзажные мысли, и он предполагал довести аналогии до логического конца. Место философских терзаний – кафе «Тещины блины», совсем недалеко от КПП. И, пожалуй, все закончилось бы рассуждением о том, что гадкий запах имеют реформы, потому как перерабатывают жизнь целых народов, а по сути – это есть адский запах, о котором предупреждал батюшка Серафим. И то, что с одной стороны может называться прогрессом, с другой видится отвратительной деградацией. И отнюдь не совдеповский образ мышления (который приписывали людям кошкинского типа либеральные журналисты), а врожденные, выстраданные на генетическом уровне уважение и любовь к своей стране, скрепленные с загадочной русской душой актом крещения в православном храме (пусть и втайне от пионерской организации, потому как мама не могла и не хотела вычеркнуть Сережу Кошкина из общесоветского детства, а против частых болезней пенициллин не молитва), определяли движения души инженера.

Кафе работало новомодно – нон-стопом. Узнавшая Кошкина официантка без слов принесла желаемое. Улыбнулась, на что потребовался не очень уместный для смурноватого хода мыслей ответ:

– Спасибо. Вы сегодня обворожительны.

– Может, рюмку коньяку? Опять ночь работали? – дежурный комплимент дороже чаевых. Официантка, которую звали Нина и у которой муж-дальнобойщик уехал и не вернулся, оставшись в другом городе с другой женщиной, стала улыбаться Кошкину как потенциальная невеста.

«А почему нет?» – мысленно ответил на ее улыбку конструктор, но вслух сказал другое:

– Сегодня можно и коньячку! Эх! Так бы на домашней кухне!

– Кто ж не дает?.. – и ушла с улыбкой профана из тайного общества, готового к загадочному, а по сути, простому обряду.

Рюмку с коньяком поставила молча. Так бы поступила и заботливая жена, дабы не прерывать рабочее течение мыслей в голове мужа, имеющего ответственную должность. У хорошей жены – это инстинкт, плохая – рефлексирует на то, что ею пренебрегают ради чего бы там ни было.

Жена...

Кошкин почувствовал вдруг острую необходимость сию минуту увидеть Лену. Коньячные звездочки в желудке своими огоньками разожгли это желание.

Он отставил недопитый кофе и подошел к зеркалу, висевшему у входа. Оттуда грустновато взглянул на него рано поседевший мужчина, близкий к сорокалетнему барьеру и далекий от современной суеты, погони за хлебом насущным и прочими потребительскими излишествами. Бледный от бессонных ночей, непричесанный, отчего руки сразу стали искать во внутреннем кармане расческу… Эх! Если б хоть мизер понимать в мужской красоте! А так? Можно только отметить, что седина на короткой челке вроде легко гармонирует с серыми, немного печальными глазами. Модная двухдневная щетина с точки зрения современной молодежи добавляла гармонии хаосу внешнего вида. Вот только маленький, но свежий поперечный шрам на прямом носу – уснул за работой – клюнул край стола. Впрочем, на витающего в потустороннем мире невезунчика тоже не похож... Галстук засаленный – в урну, и можно идти. Слава Богу, сорочку вчера темную одел, разводов на воротнике не видно.

Ну вот, официантка Нина украдкой постреливает в его сторону заинтересованным взглядом, будто он готовится сделать ей предложение. Но милая Нина – не Елена Андреевна Варламова, что ныне замужем за крупным предпринимателем и, как оказалось, потомственным дворянином Рузским.

Ох уж эти дворяне, сколько раз они предавали русский трон и больше всего радовались, когда получили от Екатерины жалованную грамоту да освободились от обязательной военной службы. Не в пример своим предкам. Не все, конечно, но чем ближе к трону – тем гаже. Потому и Рузские, а не русские... Хорошо, хоть Лена оставила себе свою фамилию, впрочем, как и в случае с Кошкиным. И не обида на удачливого соперника, разрушившего первую, а для Кошкина вечную любовь, клокотала в нем, а обычное пренебрежение к самовлюбленным людям, считающим себя пуповиной если не мира, то обозримого в пределах горизонта пространства.

Рузский Владимир Юрьевич – владелец сети бензоколонок и маркетов, известный в криминальном мире по кличке Вздор (любимое слово, применяемое новоявленным дворянином в случае проволочек с бизнесом и приобретением новых производственных мощностей), подарил жене супермаркет в центре города, который назвал в честь нее «Варламовским». Хороший, кстати, магазин, если говорить о номенклатуре и качестве товаров. И о ценах тоже… Приемного сына Виталия отправил в Сорбонну, подальше от материнской ласки и притязаний совкового отца на воспитание. А главное, чтобы не мешал нескромному семейному счастью... Елена Андреевна от дворянского титула отказалась, полагая, что он у нее тоже где-то пылится, если порыться в архивах, а вот Виталию Сергеевичу отчим его все-таки навязал.

Вздор! Действительно вздор!

А тут на улицах май! Бушующий май, стреляющий фейерверками цветущих яблонь, освежающий распыленным после первых дождей в воздухе озоном, опьяняющий загадочно зовущими женскими улыбками. Будь ты хоть трижды книжный червь, но в мае сердце твое тревожно замрет от взгляда в небо и зайдется скороговоркой в ответ на дробь каблучков правнучек Евы.

«Вараламовский» – двухэтажный кирпично-стеклянный куб с мансардным третьим этажом, где располагаются офисы, сиял зеркально вылизанными витринами и броскими щитами наружной рекламы. На входе – охранники с рациями. Суета иномарок на прилегающей к нему автостоянке. Суматошные грузчики в униформе. И горделивые дамы, которым очень хочется быть похожими на эмансипированных, живущих в Европе и Америке сестер. Кошкина принесло сюда совсем из другого пейзажа, поэтому охранники с вынужденным подозрением зыркнули на его неглаженый костюм и усталый вид совкового инженера. Ему не предложат помочь переложить из тележки груды ярких пакетов с заморскими яствами в багажник автомобиля, и не только потому, что у него нет багажника...

У входа на третий этаж двое охранников терзали компьютер, который гулко отстреливался и смачно ругал игроков, ведущих крутого героя по лабиринтам его шлейфов и плат.

– К кому? – удостоил коротким взглядом один из них Кошкина.

– К директору.

– По какому вопросу?

– Сообщите, – кивнул Кошкин на селектор, – что пришел Сергей Павлович по поводу патента на изобретение машины времени.

Тут уже оба охранника отвлеклись от компьютерной стрелялки и внимательно посмотрели на посетителя. На всякий случай взгляды их ничего не выражали. Мол, машина времени или атомная бомба – это не их дело.

– Елена Андреевна, извините, к вам некий Сергий Павлович по поводу машины времени?.. – вопросительно пробурчал в селектор тот, кто первым обратил внимание на Кошкина.

– Проводите его ко мне, – тон такой, как будто речь идет о поставщике лапши «Доширак».

Кабинет Елены Андреевны встретил кондиционерной прохладой, внушительными размерами, ароматами кожаной мебели, освежителей воздуха и ее собственных духов. В результате сочетания модерновой обстановки, всех этих запахов и того, что Кошкин не видел свою жену пять лет, у него сложилось впечатление, что он попал в какой-то сказочный мир, не имеющий ничего общего с тем, что происходит за окнами. Лена сидела в кожаном кресле в обществе ноутбука, пары телефонов, селектора и эксклюзивных канцелярских принадлежностей. Увидев на пороге Сергея, она встала и распорядилась маячившей за его спиной секретарше подать две чашки кофе и бутылку «Мартеля».

– Опять не спал всю ночь? – спросила Лена, как будто они расстались вчера.

Но Сергей Павлович даже не мог ответить. Сказать, что он обомлел, значит – ничего не сказать. Перед ним стояла тридцатипятилетняя женщина, ради которой стоило бы начать новую Троянскую войну. Строгий, но обтягивающий фигуру темно-зеленый вельветовый костюм так эротично подчеркивал ее формы, что служащие мужского пола, заходя в кабинет своего директора, должны были забывать о своих обязанностях напрочь. Воротника чуть касались коротко остриженные (а ля каре) русые волосы, из-под аккуратной челки на лбу на инженера смотрели любимые, буравящие душу, зеленые глаза. Влажные полные губы – грезы о поцелуе...

Несколько минут Кошкин не мог прийти в себя. Лена это заметила, но не обидела его победным пренебрежением. Напротив, прониклась участием.

– Ну как ты? Еще не надоело повышать обороноспособность страны? Я думала, ты меня презираешь, потому не заходишь, не звонишь...

– Я тебя люблю, Лена, – в миллионный раз признался Сергей Павлович.

– Не надо об этом. Мы теперь, как параллельные прямые. Единственно возможная точка нашего пересечения – это Виталий. У тебя какие-то

проблемы? – последний вопрос прозвучал таким тоном, будто перед успешным директором супермаркета сидит проситель, нуждающийся в меценатстве. Вот-вот денег предложит.

– Нет, у меня все хорошо. Зарплату повысили, к награде представили. Новый президент посетил нашу мастерскую и даже руку мне пожал. Из Марченко чуть весь песок от радости не высыпался…

– Как у него здоровье?

– Как у восьмидесятилетнего человека, который никогда за ним не следил, но еще может в силу огромной кинетической инерции предыдущих лет двигаться.

– Ясно. Передай ему привет.

Нет, она не знала, даже мысли не допускала, что сегодня в ее кабинет пришел победитель. И Кошкин, смакуя, оттягивал момент своего главного известия. Он не рассчитывал, что Леночка тут же бросится ему на шею, оставит процветающую коммерцию и ежемесячную езду по заграницам, но он надеялся увидеть хоть какое-то сожаление, смятение в ее глазах, пронизанное к тому же недоверием к возможности изобретения.

– Лена, я закончил свою работу.

– Новая ракета готова сбивать американские эф сто семнадцать? Давай, выпьем за это по маленькой. Я знаю, что ты гений, Сережа. Я всегда это знала. И знала, что недотягиваю до твоего астрального уровня.

– Лена, я закончил работу над машиной времени.

– Ты наконец-то бросил увлекаться фантастикой?

– Да, я бросил увлекаться фантастикой, машина стала реальностью и сегодня ночью прошла удачные испытания.

На минуту, которую так ждал Кошкин, Лена замерла. Глаза их встретились, и Сергей Павлович имел возможность увидеть целый шторм зеленоватой морской воды, который пронесся по ее взгляду в эти мгновения. Но торжества не было, он чуть губу себе не прокусил, оттого что испытывал невыносимое, сравнимое с самой страшной пыткой желание поцеловать любимую женщину. Главное – она не посчитала его сумасшедшим, потому что помнила – Кошкин человек серьезный, целеустремленный и умеет шутить только по поводу американского или китайского оружия.

– Ты можешь теперь стать известным. Нобелевским лауреатом. – Лена посмотрела на Кошкина с явным уважением, может, и мелькнуло в ее коммерчески перестроенном мозге, что – именно – она несколько лет назад потеряла, но только мелькнуло...

– Банальное решение...

– Ты что? Изобрел машину времени, чтобы закрыть ее в секретном военном ящике? Это достижение всего человечества!

Кошкин вдруг не на шутку разозлился, он словно не с бывшей женой разговаривал, а с клерком из министерства иностранных дел.

– Хренушки! Ты же знаешь, я квасной патриот, человечество не стоит того, чтобы ради него расшибаться и класть жизнь на алтарь науки. Все изобретения человечество использовало либо для убийства себе подобных, либо для того, чтобы заднице было мягче. Человечества нет! Есть общество зажравшихся потребителей и маргинальной нищеты! И даже для собственного народа в целом я не стал бы жертвовать собой, морщить мозг, а только для определенной его части, кого можно считать русскими людьми, причем независимо от национальности, – в глазах Кошкина играли злые огоньки, он подлил им полбокала «Мартеля», точно это был тот самый квас.

– Мы с мужем в эту категорию не попадаем, – сама утвердила Елена. – Для чего же тогда, позволь спросить, ты вымучил труд своей жизни, для удовлетворения собственного самолюбия, для самоутверждения? – наддала холода в голос Лена.

– Ты филолог по образованию? – будто не знал.

– И что?

– Ты можешь сказать, зачем Пушкин написал «Евгения Онегина»?

– Ну ты спросил!

– Ну ты спросила!

Они произнесли это почти одновременно, как в старые добрые времена. Стали улыбаться и даже потянулись друг к другу. Именно в такие моменты в душах давно расставшихся людей работают машины времени. И такая случается нежная ностальгия, что возвращение неминуемо, если, конечно, не задавит эту ностальгию прагматичный расчет или какая-либо другая страстишка. Лену вернул в зону дебита-кредита мобильный телефон. Он промурлыкал из-под вороха накладных тему из сороковой симфонии Моцарта, правда, не в соль-миноре.

Лена приземлилась:

– Вы сначала разберитесь с грузом, а потом думайте о его хранении. Договариваться с таможней – это ваше дело... – и понесло минут на пять.

Кошкин от скуки и нетерпения выпил еще полбокала коньяка и прилично после бессонной ночи опьянел.

– Так на чем то бишь мы? – посмотрела на него уже директор магазина, как на инопланетянина.

– Я на машине времени, ты на таможне.

– И зачем она? Ты так и не ответил.

– Я могу вернуть тебя, и, кстати, хотя бы для индивидуального подпольного прочтения второй том «Мертвых душ», хоть и не по душе мне это.

– Я не по душе? – игра такая.

– Возвращать сожженные рукописи, если об этом не просит автор.

– А меня ты, как вещь, планируешь вернуть?

– Как любимую… Как самую любимую в мире женщину.

– Пафоса не надо. Ты, Сережа, все-таки не переболел фантастикой. Это невозможно! Тем более с помощью машины времени.

– Я бы думал так же, если б сегодня утром ко мне не вернулся парень из Чечни. Этот майор за одну ночь прожил новую жизнь и из солдафона стал почти философом! Ты не знаешь, что может случиться в твоем прошлом.

– Но так же нечестно, Кошкин! Это как в туалете подсматривать!

– А кто мне только что глаголил о благе для всего человечества? Я ж не таблетки от СПИДа придумал!

– Это точно! Ты можешь придумывать только оружие.

– Это все равно, что упрекать Калашникова в том, что полмира бегает и стреляет друг в друга из его автомата.

– Милый Сережа, давай договоримся, если ты не оставишь своей безумной идеи и решишь вернуться за мной в прошлое, то хотя бы предупреди меня.

– Предупреждаю... – Кошкин встал, аудиенция у директора супермаркета была закончена. Это была не та женщина, к которой он шел утром, к которой он шел всю жизнь.

– Я вынуждена буду сказать об этом Рузскому.

– Ай-яй! Если даже он тебе поверит, как поверит в возможность существования такого прибора, то что он сделает? Купит тебе машину времени, чтобы ты могла сразиться со мной в прошлом?

– Он может сразиться с тобой в настоящем.

– Если я захочу в него вернуться... Да и сам он ни с кем сражаться не будет, у него для этого целая армия громил есть. Это весь город знает.

– Ты, случайно, в КПРФ не вступил?

– Ты же знаешь, я даже в КПСС не был, потому и не могу похвалиться успехами в приватизации общенародной собственности.

– Ты стал злой, Кошкин.

– Наверное... Прости. Я пошел. Пьян... и спать хочу.

* * *

Вечером они встретились с Дороховым в лаборатории. Майор пришел, хотя в эту ночь не дежурил. Он сразу стал грузить Кошкина деталями вновь разработанной операции по спасению старшего лейтенанта Китаева. Кошкин еще не проснулся и, выплывая из неопределенной задумчивости, остановил его словесную пальбу и рекогносцировку.

– Вась, я тут крепко поразмышлял. Вот ты хочешь спасти Китаева, а чем он лучше рядового Иванова? Или какой-нибудь бабы Мани, которая попала под бомбежку родной российской авиации?

Дорохов замер. Его будто пристрелили на месте. Смысл последующей логики исчез полностью и безвозвратно. Он молча опустился на табурет и достал из пакета неизменную фляжку.

– Выпить надо, – сказал так, словно только что вновь похоронил всех близких и родственников, умерших за последние сто лет.

Выпили по полстакана. Кошкин вдруг подумал, что зачастил с алкоголем и вроде как ему даже нравится это состояние. Машина времени есть, жены нет, сын за границей, зарплата, как у мойщика посуды в Нью-Йорке, что еще делать русскому человеку? Пить!!!

– Наливай, – махнул он Дорохову, и тот разом уловил состояние своего товарища, спасти положение могла только задушевная кухонно-философская беседа, не позволяющая русской интеллигенции провалиться в банальную разнузданную пьянку с тяжелыми последствиями для себя и общества.

– Знаешь, Серега, мне кажется, мы проигрываем локальные войны, потому что упорно считали себя великой державой. При этом мы всегда думали, что великость идет откуда-то: из Кремля, из ядерных центров, из ракетных шахт... В общем – из глубоких тылов. А великость должна исходить из сердца, из мозга каждого! В такой войне тылов не бывает...

– В чем-то ты прав. Но я думаю, что дело тут еще в великом обмане. Например, когда мы воюем с чеченами, мы забываем, что воюем с первобытным народом. И дело тут не в пассионарности, любовно выведенной Гумилевым, дело во внутреннем осознании. Ведь еще в девятнадцатом веке они переживали разложение родового строя, а такие процессы требуют не одного столетия. Через это прошли все народы. И появление сотовых телефонов и межконтинентальных ракет не является катализатором исторического состояния той или иной нации. Неандерталец с автоматом Калашникова и «стингером» на плече вполне возможен, но невозможно,

чтобы он начал жить и воевать по правилам кроманьонцев. Но главное: это миф о суверенности. Даже те из них, которые искренне считают, что воют за независимость, не понимают, что, по сути, воют за исчезновение своего народа.

– То есть?

– Тебе ли, Вася, не знать, что у малых народов не бывает независимости, даже если она очерчена виртуальными границами суверенного государства. Они все равно вынуждены жить под кем-то. То есть они воюют только за иллюзию независимости. К ним приезжают арабы, которые сами этой независимости со времен арабского халифата не нюхали. Тому есть несколько признаков: воюют не по своему сценарию, воюют, оплачивая бесчеловечные поступки своих солдат долларами, зачастую фальшивыми. Обрати внимание, не динарами какими-нибудь или, на худой случай, турецкими лирами, а долларами – деньгами страны, которая должна быть ненавистна всем арабам! Проблема заключается в том, что когда они осознают, что Россия гарантировала им тепличное существование и отеческую заботу, на что они ответили взрывами женщин и детей, отрезанием голов, как и положено первобытным людям, когда они осознают, что втыкали кинжал в грудь своей матери, может статься – будет уже поздно. Даже во время Великой Отечественной войны, как и во время первой кавказской, когда они тщетно рассчитывали на турецкого султана, каковому было абсолютно наплевать на их независимость, они полагались на Гитлера, который заигрывал с ними в союзников, но, не питая иллюзий в их верноподданности, дал приказ Гиммлеру (и это не тайна за семью печатями): когда войдут на Кавказ, уничтожить этот дикий народ. Так и было указано – дикий!

– Выходит, стреляя в спину красноармейцам, они стреляли в спину тем, кто защищал их от полного уничтожения?.. Но потом-то была депортация?

– А что было делать? Из пятнадцати тысяч призванных в Красную Армию в сорок первом году чеченцев и ингушей четырнадцать с половиной тысяч сбежали с призывных пунктов, чтобы поднять оружие против этой самой Красной Армии. А с предателями во время войны не церемонятся.

– Я бы расстреливал предателей...

– Расстрелять целый народ? Но можно просто показать ему его слабость, невзирая на гордость и воинственность, что и сделал Сталин. Между прочим, во время Первой мировой войны «дикая дивизия», в которой служили исключительно горцы, была одной из самых лучших и надежных.

– Я понял: надо было дать им возможность служить России так, как они умеют!

– Вот именно! И мы получили бы самых боеспособных союзников. Но в нашу внутреннюю и внешнюю политику слишком долго гадило геморроидальное Политбюро или выходцы из него, типа Ельцина, который, кстати, тоже вместе с вождями сепаратистов работал за доллары...

– Сегодня твоя очередь умничать, – Дорохов вспомнил беседу предыдущего вечера.

Кошкин промолчал. Договорить им не дала Мариловна.

Она вошла с ярко читаемой надписью на лице: «Помогите, а то сейчас помру».

– Вот вы тут бойцов оживляете, а это только Христу и великим святым дано! Простите старую, что суюсь. Я бы тоже у тебя, Сережа, можа, и попросила бы моего отца вернуть. Он даже до Сталинграда не доехал, в его вагон бомба жахнула. Мы с того даже пенсию не получали, не воевал ведь. Я бы вот тебя попросила, чтоб ты меня туда, на станцию отправил, я бы его в другой вагон уговорила сесть...

В глазах Мариловны появились слезы, Кошкин и Дорохов проглотили по комку.

– Да вот думаю, – продолжила дрожащим голосом, – вместо него кто-то в этот вагон сядет, и придет похоронка в другую семью, и куплю я себе счастье через чужое горе… А уж мы с мамой и тремя братьями меру того горя до самой изнаночки знаем.

– Ты не рви душу, Мариловна, – сломанным голосом попросил Василий Данилович, – что случилось-то?

– Да беда небольшая, но неприятная, – вернулась из 1943 года и загорелась другим интересом Мариловна. – Пенсию я куда-то дома положила, вспомнить не могу, хотела днем в магазин сходить – нигде нету. Совсем старая стала. Склероз. Ты бы, Сережа, отправил меня во вчерашний день, а то зарплата еще далеко.

– Не вопрос, Мариловна, но что ты во вчерашнем дне найти хочешь?

– Память свою старушечью! Память, милый! Глядишь, и пенсия найдется. Ты ж за своей Еленой Прекрасной успеешь еще... А?

Кошкин улыбнулся одними глазами, чтобы не обидеть Мариловну, которая готова уже была заплакать в случае отказа.

– Отправлю-отправлю, полы потом помоешь, ищи свою пенсию.

– Во-во! А вы с майором-то пока все свои умные разговоры переговорите. Я мигом!

Кошкин с уже нескрываемой улыбкой пощелкал тумблерами, покрутил одному ему ведомые настройки, и Мариловна, всплеснув руками, исчезла, оставив в наследство друзьям пустое ведро и швабру.

* * *

Что-то не то… Кошкин озадаченно смотрел на стрелки-мигалки своего агрегата. Дорохову передалось его волнение.

– Нет субъекта!

– Что?

– Мариловны нет!

– Что, решила остаться во вчера?

– Ее вообще нет.

– Доигрались, бля… – Дорохов заранее разделил вину с Кошкиным.

– Поехали, возьмем такси.

– Куда?

– К Мариловне, она недалеко от моего дома живет.

Они мчались на частнике через ночной, но не спящий город. В машине блатным баритоном страдал по воле не видавший тюрьмы арестант. Сочувствовать ему не хотелось. Водитель специально включил музыку громче, надеясь ублажить поздних пассажиров или показать им, какого он мира.

– Окна не горят, – Кошкин почувствовал, как растет в его сердце напряжение, сжимается пружина.

– Эх, Серега, не дай Бог, мы старушку нашу на растерзание Батыю какому-нибудь отправили, – Дорохов уверенно делил ответственность на двоих.

– Вот этого быть не может. Не далее вчерашнего полудня. Машина у меня еще слабенькая, мощности лет на пятьдесят-шестьдесят назад хватит, не более, а вперед я даже рисковать не стану. В стране с непредсказуемым прошлым подглядывать в будущее опаснее, чем смотреть в ствол заряженной винтовки.

Все двери в подъезде были металлическими, кроме одной. Поэтому она казалась беззащитной и единственная напоминала семидесятые годы своим стандартным некрепостным исполнением. Это и была дверь Мариловны.

Стучали в нее долго и громко, не заметив в подъездном полумраке, что чуть ниже замочной скважины приклеена бумажная полоска с печатями.

Стучали, пока не скрипнула настороженно соседняя дверь на площадке. А приоткрылась она только благодаря камуфляжу Дорохова.

– Вы из милиции? – повелся в его сторону гнутый, как дамасский булат, старушечий нос. – Ключи у меня, вам не передали?

– Мы с работы, мы работаем вместе с Марией Гавриловной, – ответил Кошкин, а Дорохов успел вставить в поспешивший захлопнуться проем свой десантный ботинок.

– А где Мария Гавриловна?

– Где и положено, – над крючковатым носом появились едкие, недоверчивые, вылитые из темных маслин глаза и кудрявая седая челка, – в морге.

– Как в морге? – вопросительно и нагло расширил пространство проема Дорохов. – Не бойтесь, я майор Дорохов.

– Вы неправильно ставите вопрос, молодой человек. В вашем случае следует спрашивать: «В каком морге». И я вас узнала, вы же бывали у Машеньки, мы с вами чай пили, беседовали.

– Он действительно сослуживец, – кивнул на Кошкина Василий Данилович. – Он тоже здесь бывал, любимец Марии Гавриловны.

– А вот как. Он что, тоже моет полы в секретном институте?

– Нет, он изобретает утюги с вертикальным взлетом.

– А-аа... – в голосе старушки появилось уважение, – тогда милости прошу на порог, если б вы хотели убить меня из-за пенсии, то уже убили бы, а так – дома у меня взять нечего, все, что было можно, Боречка превратил в доллары, чтобы превратить их в шекели на земле обетованной. Меня зовут Амалия Гвидоновна, не помните? Милиция три раза переспрашивала, при этом не постеснялись даже спросить возраст...

– Мы про возраст не будем, и так видно, что вы вчера поздно вернулись с дискотеки, – Дорохов уже пыхтел в прихожей, а Кошкин выглядывал из-за его широкой спины.

– Вы не могли бы, уважаемая Амалия Гвидоновна, повторить еще раз все по порядку, – вежливо попросил Сергей Павлович.

– Это всего лишь в третий раз за сегодняшний день! Но в комнату я вас, извините, не приглашу, у меня там женский беспорядок.

– Нам на пороге очень удобно, – искренне улыбнулся Дорохов.

– Ой! Только не надо считать меня старой дурой! Я, между прочим, доктор медицинских наук!

– Упаси Бог, Амалия Гвидоновна, – успокоил Кошкин, – что же все-таки случилось?

И тут Амалия Гвидоновна позволила себе прослезиться.

– Да что! Нет теперь у меня единственной подруги! Не с кем поговорить. Нам ведь как, старухам, было бы с кем поболтать... Во что превратился этот мир? Откуда в нем столько жестокости?!

Вопрос повис обвинением на шее Дорохова, на которого в этот момент смотрела Амалия Гвидоновна. Он предупредительно молчал.

– Есть теперь новые русские, новые евреи, – продолжила, чуть успокоившись, доктор медицинских наук, – есть и новые Раскольниковы. Только вот Машенька никому деньги под проценты не давала. Обычно я ей ссужала, без процентов, конечно... В магазин она еще с вечера собиралась, пенсию принесли – вот и решила отовариться. Пенсия она что – сегодня есть, завтра за квартиру заплатил, в гастроном сбегал – и все! Так вот, Машенька вчера в гастроном и сбегала, купила себе нехитрый продуктовый набор, и, вероятно, сумки у нее в обеих руках были, дверь входную не захлопнула, сразу к холодильнику – выгружать... Там ее и нашли. Новый этот Раскольников, наркоман какой-нибудь, от магазина, наверное, за ней шел. От вашей-то военной конторы, – она кивнула на Кошкина, – ей неплохую доплату к пенсии платили, да еще и приработок Машенькин за половую гимнастику. Каждый день я ей поясницу вправляла. По две тысячи квадратных метров вылизывать не всякий молодой сможет. Вы бы не ракеты изобретали, а машины по облегчению непривлекательного физического труда. А то у вас и на международной космической станции техничка со шваброй понадобится.

– В какой морг ее увезли? – Кошкин не узнал свой голос.

– В областную больницу, там испокон веку у нас судмедэксперты работают.

– Спасибо, Амалия Гвидоновна, – откланялся Дорохов и попятился, отжимая на лестничную площадку растерянного и подавленного изобретателя. – Пойдем, Сергей Павлович, нас с тобой время уже не ждет...

Снова мчались на такси обратно на завод, а между двумя КПП уже спорили о том, кто вернется во вчерашний день. На пороге лаборатории их ждал сюрприз. Девушка лет двадцати пяти мыла пол, в руках у нее была швабра Мариловны. Мужчины замерли на входе. Девушка распрямилась, смущенно глядя на неожиданных для нее смотрителей. У джинсового комбинезона на ее груди отстегнулась лямка, и она под сверлящими взглядами двух ошарашенных мужиков никак не могла ее пристегнуть.

– Я – Варя, Варвара, я на третьем этаже обычно мою, меня из отдела кадров прислали, Марию Гавриловну заменить... Горе-то какое... Я думала, только из-за миллионов убивают.

Неловкое молчание продолжалось. Кошкин и Дорохов не знали, что им сказать. И Варе приходилось оправдывать, объяснять эту натянутую тишину.

– Меня предупредили, что Сергей Павлович по ночам часто работает, я мешать не буду, скоро закончу...

Сергей Павлович между тем залюбовался растерянной девушкой. Она в конце концов пристегнула лямку комбинезона и теперь стянула с головы косынку, наехавшую на лоб, обнажив темную челку и опускавшийся на плечо стянутый резинкой хвост. Почему мужской взгляд заставляет женщин поправлять волосы?

Из-под челки на друзей смотрели немного печальные яркие синие глаза. Настолько синие, что встретить такие можно только у сказочных красавиц. Вспомнилась вдруг выходящая из моря Венера Боттичелли. Только у той, помнится, волосы были посветлее. А у Вари, кроме того, были точеные черты лица, тонкий прямой нос и немного угловатые скулы. «На какой древнегреческой амфоре я видел ее лицо?» – спросил себя Кошкин, но тут же потер кулаками усталые глаза: никаких наваждений! Где-то между тем и этим светом ждала Мариловна. Каждая красивая женщина похожа только сама на себя, а некрасивая – тем более.

– Меня зовут Василий, – представился Дорохов.

– Я знаю, вы должны быть на вахте, внизу, вы дверь не закрыли, и я сегодня прошла, не предъявив удостоверения.

– Оп-паньки... – скис Дорохов.

– Не переживайте, я никому не скажу.

– Тогда скажите мне, почему такая красивая девушка моет полы?

– А что, внешний вид каким-то образом определяет род занятий? – девушка улыбнулась. – У каждого есть свои причины быть там, где он есть.

– Извините, Варя, во мне порой просыпается солдафон. Вы нам позволите заняться своими делами?

– Конечно-конечно, я заканчиваю.

Уже у рабочего стола, Кошкин поймал себя на мысли, что ему хочется оглянуться, еще раз увидеть Варю, а главное – он сравнивает ее с Леной Варламовой. С той Леной, которую он знал почти двадцать лет назад. Сравнение ни к чему не привело, а только мешало сосредоточиться. Дорохов уловил заминку и шепнул:

– А брюзжанье Мариловны тебе меньше мешало.

Потом они некоторое время спорили, кому вызволять Мариловну, но Дорохов буквально задавил Кошкина офицерским авторитетом и орденом Мужества. Сергей Павлович махнул рукой:

– Только не геройствуй лишнего!

– Я просто посижу у нее в гостях. В магазин, если надо, мы сходим вместе...

* * *

Следующий вечер был спокойным и тихим. После работы Кошкин некоторое время бесцельно бродил по городу. Скорее, он прогуливался не по улицам, а где-то глубоко внутри себя. Поэтому окружающее его, заполненное заходящим солнцем пространство казалось виртуальным, и ощущение это усиливалось отсутствием ветра и голодных весенних комаров. Взгляд изобретателя был проникновенно печален, отчего прохожие иногда смотрели на него с тревогой и непониманием. А Кошкин нес на своих плечах тяжелое депрессивное чувство бесцельности своего существования, которое накатывало на него последние годы и усиливалось приступами жуткого ночного одиночества, от которого он спасался работой. Он не только метался и потел в своих коротких сумбурных снах, но и плакал, а по утрам ему было стыдно своей слабости и никчемности. Тогда он подходил к недавно купленной в церковной лавке иконе Сергия Радонежского и подолгу смотрел в глаза великого подвижника. Смотрел до тех пор, пока стыд и молчаливое покаяние не восходили до обретения силы, позволяющей преодолевать самого себя.

Он вернулся в лабораторию, когда над городом стали сгущаться сумерки. Дорохов облапил его на входе:

– Ты гений, Серега! Мариловна ворчит наверху со своими тряпками!

– Слава Богу, – тихо выдохнул Кошкин, а потом вдруг вспомнил: – А Варя?

– А она еще выше, сегодня-то я ее заметил!

– Ну что? Попробуем? – Кошкина слегка трясло.

– Ты, часом, не заболел, или у тебя мандраж? – заметил Василий.

– И то и другое, пойдем?

– Пойдем. Родина ждет!

Пока они мараковали над приборами, Мариловна озвучивала суть несанкционированных испытаний:

– Вы не шибко-то кспереминтируйте, жуткое это дело – мертвых оживлять. Вы тут бойцов оживляете, а это только Христу и великим святым дано! Простите старую, что суюсь. Я бы тоже у тебя, Сережа, можа, и попросила бы моего отца вернуть. Он даже до Сталинграда не доехал, в его

вагон бомба жахнула. Мы с того даже пенсию не получали, не воевал ведь. Я бы вот тебя попросила, чтоб ты меня туда, на станцию отправил, я бы его в другой вагон уговорила сесть...

Кошкин вздрогнул. Он испугался, что Мариловна сейчас вспомнит вчерашний день.

– Да вот думаю, вместо него кто-то в этот вагон сядет, и придет похоронка в другую семью, и куплю я себе счастье через чужое горе... А уж мы с мамой и тремя братьями меру того горя до самой изнаночки знаем.

Друзья замерли.

– Я, Мариловна, не за мертвецами, я нынче за живыми, – оглянулся Кошкин.

– Дак это другое совсем дело! Я ж тебе говорила – за Леной собрался! Привет ей от меня, старой, передавай. Танцует она у тебя красиво! Прямо как на балах, которые в фильмах про старые времена показывают. Наташа-то Ростова у Бондарчука, помнишь? Твоя-то не хуже...

– Не моя она теперь, Мариловна, – сдвинул брови Сергей Павлович.

– А это, Сережа, испытание! Не верю я, что любовь бесследно исчезает. Всякого в жизни насмотрелась, и знаю, если была любовь, то никуда она не денется. Ее, как самого Господа Бога, обмануть нельзя. Можно только самого себя обмануть, да будет потом наказание не хуже Страшного суда! И знаешь еще что? Никакой второй любви не бывает! Она, как и душа, одна человеку дается. Первая и все! Не сберег – и все, мучайся всю жизнь. Вторая – это уже не любовь, а сожительство! Блуд!

Ох и разгорячилась Мариловна, ох и разошлась! Но Кошкин подмигнул Дорохову и повернул одному ему понятные рукоятки. Мариловна еще ворчала, а Сергей Павлович уже стоял у здания лаборатории, любуясь нелепым выцветшим еще во времена Брежнева лозунгом на растяжке: «решения партии в жизнь».

До университета пришлось идти пешком, советского пятачка на автобус в кармане не предвиделось. Ноги сами несли Кошкина в нужном направлении, и он даже не успевал ностальгически удивляться полуголым витринам магазинов с манекенами в стандартных одеждах, пионерам, гурьбой идущим с уроков, молодым людям в самопальных джинсах и кроссовках фабрики «Кимры», автофургонам ГАЗ-52 с лаконичной, но теплой надписью «Хлеб», самодостаточным, но добрым милиционерам... Подумать только, страна скатывается вниз по нефтяной трубе, старческие пальцы Политбюро не способны цепко держаться даже на достигнутой высоте, несколько месяцев отделяет этих, ни о чем не подозревающих лю-

дей, от эры предательства, всего десять лет – от полного развала и еще десять лет от времени, когда самый большой лоскут державы все же поползет вверх по той же самой трубе, ломая ногти, сдирая на ладонях и груди кожу, а вместе с ней еще что-то, какой-то иммунитет к всемирной эпидемии прогрессивного апокалипсического разрушения.

В квартале от альма-матер располагался ломбард, куда и зашел Сергей Павлович, дабы разжиться денежными знаками, не знающими инфляции и сравнения с долларом. Он респектабельно выложил на прилавок перед круглоголовым лысоватым мужчиной золотой портсигар, подаренный коллегами на день рождения. Этой ненужной роскошью Кошкин никогда в жизни не пользовался. Мужчина внимательно осмотрел «товар» и произнес заветное слово «паспорт». Кошкин начал сосредоточенно рыться в карманах и притворно тяжело вздохнул.

– Вот, ё-моё, неужели дома оставил! Все! Накрылся взнос за кооператив. Не успею...

Мужчина пожал плечами и молча положил портсигар обратно на прилавок. Кошкин с повторным вздохом медленно стал укладывать его в карман, весь его жалкий вид подсказывал: ну придумай что-нибудь, дядя. И дядя придумал, когда Сергей Павлович нарочито неуверенно потянулся к дверной ручке.

– Знаете, я могу его взять... Ну, как на свой паспорт, но, знаете ли...

– Да в полцены! – радостно выкрикнул Кошкин, одним броском вернувшийся к прилавку.

– Не ворованный? – для приличия спросил приемщик, отсчитывая свеженькие красные червонцы.

– Подарок, – успокоил инженер.

Около часа он бродил у входа в главный университетский корпус, где еще не сидели хмурые и скорые на едкий окрик охранники и где последние двадцать лет располагались филологический факультет и факультет романо-германской филологии. Нужно было решиться и зайти внутрь, заглянуть в расписание. Номер группы Лены Сергей Павлович помнил, и узнать аудиторию, где находилась Лена, не составляло труда. Но он, ностальгически очарованный, стоял у парадного крыльца, задумчиво всматриваясь в лица проходивших мимо людей.

– А я поспорить с вами готов, что сегодня мы проигрываем весь геополитический расклад! Мы должны сейчас иметь союзником Китай, а не рассчитывать на благодушное отношение Соединенных Штатов Америки

и соединяемых штатов Европы. Эти нас никогда такими, какие мы есть, не примут. А такими, какие мы должны быть по их меркам, мы никогда, даже если очень стараться будем, не станем... Они же сами нам и не позволят! В этом главная стратегическая ошибка всех тех, кто наивно или ерничая, как Бендер, скандирует: заграница нам поможет!.. Россия не может оставаться Россией без мессианской идеи, она развалится, как лоскутное одеяло на однородные, но занятые собственными интересами члены, и тогда мир содрогнется...

– Да ерунда, объективный исторический процесс идеей не обманешь…

– Не обманешь, но предать можно. Это же как поцелуй Иуды! Объективно процесс остановить было уже нельзя, но для чего-то поцелуй этот был нужен!

Два преподавателя некоторое время спорили неподалеку от Кошкина, остановившись на ступенях. Задора хватило на две сигареты, и они расстались, как добрые друзья. А в 91-м побьют, наверное, горшки на всю жизнь.

И вот, наконец, на крыльце появились студенты. Юноши торопливо и жадно закуривали, стреляли друг у друга сигареты, девушки группами шли к автобусной остановке. Последние анекдоты и курьезы, принесенные с семинаров, рассыпались взрывами хохота, шел оживленный обмен конспектами и учебниками. И во всей этой кутерьме Сергей Павлович очень боялся просмотреть Лену.

Она вышла из корпуса в числе последних в обществе худого чернявого паренька, который что-то весьма эмоционально ей декламировал. Паренек явно не вписывался в планы Кошкина. С минуту инженер стоял в растерянности, а оживленно беседующая парочка двигалась в сторону книжного магазина «Букинист». Излюбленное русское «авось», замешенное на отчаянном «будь что будет», подтолкнуло Сергея Павловича к действию. В России алкоголь и любовь являются причиной 99% безумных поступков. Хорошо начинать разговор, если имеешь способности удава: посмотрел на собеседника внимательно, как на любимое блюдо, и он уже никуда не денется.

– Здравствуйте, Лена, – Кошкин придал голосу тон судебного исполнителя. Никакой вкрадчивости, смущения: а у самого холодный пот на спине и всю душу обожгло зеленоглазым взглядом.

– Ой, а я вас где-то видела! – и с таким интересом посмотрела на Сергея Павловича, точно он только что с телеэкрана сошел. – Точно видела, я никогда не ошибаюсь, – мигнул зеленый семафор из-под пушистых ресниц.

– Вопрос в другом: в прошлом или в будущем вы меня видели, – поддал интриги Кошкин. – Меня зовут Сергей Павлович, я руководитель одной научной лаборатории, которая исследует пространственно-временные взаимосвязи. Понимаете, Лена, некоторые наши эксперименты выходят за пределы обычного человеческого понимания... – начал «мести пургу», как говорят в новейшее время.

– Но я в этом ничегошеньки не понимаю? Я филолог. Я только учусь. Какое отношение такая наука может иметь ко мне. Правда, Давид?

Чернявый Давид растерянно пожал плечами. Он мешал Кошкину, Кошкин помешал Давиду.

– Подозрительно все это… – начал, было, размышлять Давид, но Кошкин посмотрел на него так, как смотрели приходившие в его лабораторию бандиты для обсуждения вопросов приватизации оборонной промышленности. Давид временно умер. Удав у Сергея Павловича получился отменный.

– Все просто: не все индивидуумы имеют показания для участия в подобных экспериментах. А вот вы, Лена, имеете все к этому данные. Я понимаю, что посторонний человек с подобными речами внушает мало доверия, но я готов показать свое удостоверение сотрудника оборонного НИИ, и, кроме того, наглядно продемонстрировать вам некоторые результаты нашей работы. Вы не согласитесь выпить со мной по чашке кофе вон в том кафе? – поблизости находилось «Театральное», на двери которого указал Кошкин.

– Давид, ты не хочешь кофе?

Давид пожал плечами, но Сергей Павлович продолжал наступление.

– Видите ли, Лена, речь идет о секретных разработках, и ваш друг Давид не относится к числу посвященных и посвящаемых. Чтобы у вашего друга не возникло подозрений, вот мое удостоверение, – и с чувством победителя Сергей Павлович развернул красную корочку оборонки, как бы случайно прикрыв большим пальцем год выдачи.

Давид, едва скрывая зависть и раздражение, утвердительно покивал головой. Да, мол, вижу: дядя ты серьезный.

– Лена, завтра на лекциях увидимся, – откланялся он.

– Конечно, Давид.

– Всего хорошего, – пожелал инженер, который едва скрывал ехидную улыбку: не фиг делать всяким там Давидам рядом с его будущей женой. Знать раньше, еще в студенчестве морду бы набил.

Несколько секунд они провожали сутулую фигуру Давида разнополярными взглядами, а потом Сергей Павлович окончательно осмелел и

взял Лену Варламову аккуратно под локоток, чтобы рассказывать ей по ходу движения к кафе о возможности перемещения во времени, разумеется, оговариваясь, что речь идет о небольших расстояниях, если, конечно, слово расстояние уместно в отношении измерения времени.

– А вы, вероятно, хотели бы прочитать рукопись второго тома «Мертвых душ»? – кинул он очередного козыря.

Лена посмотрела на него внимательно и очень пронзительно, даже приостановилась.

– Нет, я точно вас где-то видела! Такое чувство, что все это когда-то со мной уже было...

– Или будет, – не дал ей задуматься глубже Кошкин и снова понес свою научную околесицу.

В кафе на радость изобретателю сидели только две пары студентов, в обществе стаканов какао и ливерных пирожков, что скромно ютились на тарелках с раритетной и лаконичной надписью «общепит». Они не обратили внимания на новых посетителей, не столько утоляя голод, сколько поглощая друг друга влюбленными взглядами. Кошкин с разрешения Лены победно заказал «Хванчкару» (он-то знал любимое варламовское вино в будущем), себе армянский трехзвездочный коньяк, вареные сосиски и пирожное – престижные строчки из «театрального» меню 80-х годов. После того, как официантка принесла заказ на столик, студенты с легкой завистью отвлеклись от своих бесед и покосились на соседей, точнее на спиртное и закуску. Кошкин старался держаться непринужденно, но вдруг подумал: не дай Бог встретить самого себя! Следовало увести Лену подальше от университета, но, с другой стороны, на это могло не хватить ее доверия к постороннему человеку. Посторонним быть не хотелось... Трудно было убедить себя, что эта очаровательная девушка, с восторгом и одновременно легким шармом взирающая на окружающий мир, в обтягивающих вельветах и водолазке не имеет к нему на данный момент никакого отношения.

Пригубили, и Лена посмотрела на своего «нового» знакомого с легкой хитрецой в глазах.

– Из ваших объяснений, Сергей Павлович, я поняла, что у вас на руках чуть ли не машина времени? – прищурилась с недоверчивой с улыбкой.

– Да, – спокойно подтвердил Кошкин и достал из кармана дистанционный пульт с многочисленными кнопками. Известный российскому будущему логотип «Toshiba» никого здесь не мог ввести в заблуждение.

– И это все? – еще более недоверчиво спросила Лена.

– Нет, это малая толика, пульт управления.

– Вы хотите сказать, что, нажав на одну из кнопок, мы могли бы сейчас отправиться на встречу, скажем, с Овидием?

– Нет, так далеко не можем. Пятьдесят-шестьдесят лет – назад, пятьдесят лет – вперед.

– Странно, почему такие ограничения?

– А вы спросите у космонавтов, почему они не летают в другие галактики или хотя бы на Марс?

– Сергей Павлович, я жутко люблю тайны, но не военные. Вы, наверное, с меня какую-нибудь подписку о неразглашении будете брать?

– Да нет, только устное согласие. Вы человек гражданский. Конечно, это обязательные формальности, но никто вас не собирается посвящать в конструкторские чертежи, технологии и прочую дребедень, которая, к тому же, покажется вам китайской грамотой.

– Тогда зачем вам именно я?

«Да потому что я люблю тебя!» – хотел откровенно крикнуть Сергей Кошкин, но удержался, вместо этого он наморщил лоб, что предполагало усиленное движение мыслительного процесса.

– Если сказать честно, то без вас вообще ничего не получится…

– Странно. Вы сами-то, Сергей Павлович, хорошо представляете себе, о чем говорите? А то являетесь как Воланд Берлиозу. А потом головы покатятся... – Лена не на шутку насторожилась.

– Ну, уж только не Берлиозу, а – Маргарите. Вот если б вам предложили сейчас полетать на метле и в доказательство сего продемонстрировали, что это возможно?.. – Кошкин вторично наполнил бокалы.

– Я начинаю вас бояться, – и, тем не менее, взяла бокал.

Да! В 90-х годах такой номер не прошел бы. Порядочная девушка рванула бы с криком «караул!» от навязчивого незнакомца, который с маниакальным спокойствием декламирует безумные, с точки зрения современного технического развития, идеи. Получить по морде белым днем на улице стало проще, чем увидеть приветливую улыбку. И туда ее следует позвать?.. Жаль, что на маленькой приборной доске не предусмотрена, просто невозможна третья нейтральная сторона: маленький домик в горах, в полях, в лесах, подальше от смрадного дыхания этого гниющего, саморазлагающегося мира.

– Не бойтесь меня, Лена... Если и есть на земле человек, который никогда вам не причинит вреда и, напротив, отдаст все, чтобы заслужить ваше расположение, то это я. Во всяком случае, единственный – на расстоянии сорок тысяч километров.

– Ого! Это похоже на признание! Так, может, этот прибор на нашем столе всего-навсего предлог для знакомства? – лукавинка вылетела из зеленых глаз.

– И то и другое – верно. Если вам знакомо понятие предопределенности, то я объяснил бы происходящее весьма... М-мм... Проще говоря, не будь вас, не было бы этого прибора... Подождите! – он перебил ее желание что-то сказать, остановил ее удивление. – Я приглашаю вас на небольшую прогулку, на двадцать лет вперед.

– Это не бред? Даже если это возможно, меня потеряют дома. И предупреждаю сразу же, ни в какие машины я садиться не буду, никуда не поеду, даже если у вас найдется удостоверение КГБ.

– Что вы?! Поймите, Лена, в вашем времени, которое, кстати, и мое, со своим паспортом я как раз могу быть интересен для КГБ, а вот вы в будущем со своим паспортом можете существовать и перемещаться совершенно спокойно. Что же касается родителей, не беспокойтесь, я верну вас в эту самую минуту, за этот самый столик. При этом не надо садиться ни в какую машину. Она – вокруг нас! А если вам не понравится совсем, то – в тот момент, когда я подошел к вам на улице, и вы будете иметь возможность дослушать развесистые рассуждения Давида о творчестве Байрона и о плагиате Пушкина по отношению к первому. Об этом, кажется, он вам говорил?..

– Фантастика какая-то... И что вы сделаете?

– Нажму вот эту кнопку, и мы окажемся в лаборатории, где нас ждет мой друг майор Дорохов.

– А потом?

– Мы прогуляемся с вами по улице этого самого города двадцать лет спустя. Вот, посмотрите... – Кошкин достал из внутреннего кармана черно-белую свадебную фотографию 1987 года. Свадебную фотографию, на которой студент Сережа Кошкин обнимает за талию Лену Варламову – Это через три года...

– Монтаж? – вскинула брови. – Н-но... Это же вы... Только моложе... Господи! Как здорово сделано! Пусть все это отдает совсем не легкой стадией сумасшествия, но это удивительно интересно. Нажимайте свою кнопку, надеюсь, взрыв за этим не последует...

– О нет, эта атрибутика совсем другого времени.

* * *

Дорохов от неожиданности крякнул. Он как раз от вынужденного безделья потянулся к заветной фляжке, а тут прямо перед его протянутой рукой появилась девушка и шлепнулась на пол, вскрикнув то ли от боли, то ли от неожиданности.

– Простите, Лена, я не предупредил вас, что нужно встать. Здесь нам забыли подставить табуретки, – Кошкин быстро вскочил и протянул девушке руку.

– А я то тут при чем? – принял на себя упрек Василий Данилович.

– Да нет, Вась, это я размечтался. Ты тут точно ни при чем. Знакомься, моя будущая и бывшая жена Елена Андреевна Варламова.

– Даже так? Тогда можно просто – Лена. Вот здесь и есть секретная мастерская? Пока что все происходящее больше похоже на фокус.

– Вы ему не верите? Вы ему не верите... – задумчиво посмотрел на девушку Дорохов.

Кошкин предпочитал не торопить события. Он просто стоял рядом и любовался на извлеченное «из глубины веков» прекрасное юное создание. Сергей Павлович был пьян первой и единственной любовью. Никакой эротики, просто головокружение от нежности. Нужна была сублимация, будь проклят Фрейд, чтобы выйти из этого штопора. Со стороны он начинал походить на юродивого, которому понравился цветочек у дороги.

И в этот момент в лабораторию заглянула еще одна прекрасная девушка по имени Варя:

– Василий Данилович, там внизу кто-то стучится. Спрашивают, где охранник.

– Какого лешего? – поморщился Дорохов. – Спасибо, Варя, – и глянув на задумчивого Кошкина: – Проснись, я скоро...

Лена посмотрела на Варю со спортивным интересом и, прежде чем та успела закрыть дверь с той стороны, спросила:

– Извините, девушка, а вы тоже тут летающие тарелки изобретаете?

– Нет. Я их мою. Предполетная подготовка, понимаете? – не растерялась Варя.

– Понимаю, а то мне показалось, что в нашем с вами возрасте военные тайны противопоказаны.

– И я вас здесь раньше не видела...

Следующим актом произошло явление Мариловны, которая бранилась, поднимаясь по лестнице:

– Нет, ну ты посмотри на него, запер все двери – а мы с сантехником должны под дождем мокнуть.

– Я думал, ты уж здесь, Мариловна, – бурчал, оправдываясь Дорохов.

– Так я и ходила в центральный, за сантехником, в туалете опять бачок побежал. Днем-то этим академикам наплевать. Они только ракеты запускают, а горшки – это по нашей части... – с этими словами она замерла на пороге, вытаращив свои выцветшие глаза на Елену Варламову в юности.

– Кра-со-та… – врастяг прошептала старушка и для усиления визуального эффекта покачала головой. – Получилось, Сережа? Ай, молодца! Чудеса…

Лена, ощущая сконцентрированное на ней всеобщее внимание, переключилась на Мариловну.

– А вы, простите, майор или генерал?

– Я? – расплылась Мариловна от оказанного доверия. – Я главный инженер по швабрам с оптическим прицелом. – И в подтверждение сказанного водрузила на свой нос очки с мощными линзами.

– Красавица!

– Вы хотите сказать, что вы меня знаете?

– Хочу. Как же мне тебя не знать...

– Мариловна, дорогая, наша гостья еще пять минут назад... – проснулся, было, Кошкин.

– Да чай не дура совсем, понимаю, – обиженно всколыхнулась на него старушка, и далее расставила все точки над «и» без сожаления и реверансов: – Ты не сомневайся, милая, не сомневайся, он тебя в другое тысячелетие прогуляться пригласил. Имел на это полное право, как любящий муж и порядочный человек, он у тебя гордость оборонной промышленности. Ты, Сережа, не впадай в кому, а своди ее в нынешние магазины, она вмиг все поймет.

– При чем здесь магазины? – насторожилась Лена. – Мне подарков не надо.

– Да не тушуйся ты, Лена. Идите, пройдитесь по городу, это тебе не заря перестройки! Ты только не подумай ненароком, что мы тут коммунизм построили. Ну это тебе Кошкин лучше меня, старухи, объяснит.

Похоже, Мариловна, предлагала подходящий вариант этой самой сублимации.

* * *

Дождь был буйным, но недолгим. Пару раз громыхнуло вместо артподготовки, потом залп из всех стволов, потом кончились патроны и на десерт – озоновая атака.

Дышалось легко. Влажная зелень роняла капли. Лена позволила Кошкину взять себя под руку, под локоток, потому как шла точно по минному полю. Она с нескрываемым удивлением смотрела на снующие иномарки, внимательно читала названия улиц, рассматривала прохожих, как инопланетян, но продолжала искать подвох. Окончательно доконал ее электронный плакат мигающий призывом не пропустить выборы в Государственную Думу.

– Как в начале века? – поморщилась она, вспоминая школьный курс истории.

– Так и есть, в начале двадцать первого века, – подтвердил экскурсовод Кошкин.

– А здесь же были разные конторы – хозы-мозы? – так определила Елена Андреевна старую улочку, где сверкали начищенной до мраморного блеска древностью купеческие особняки. Теперь там располагались многочисленные бутики и офисы фирм.

Кошкин легким, но требовательным усилием завел Лену в парфюмерный магазин. Он ехидно любовался тем, как она ошарашено скользит глазами по прилавку.

– И «Черная магия» есть? – проверила свои советские знания в области французских духов.

– Что? – изогнула брови продавщица.

– «Черная магия», духи такие... Или «Же о зе»...

Продавец безнадежно присвистнула...

– Вроде помню что-то… Но это можно поискать в универмаге... Но лучше в музее. Вы скажите, какое направление вас больше интересует? Может, я смогу вам что-то порекомендовать...

– А маме нравится «Пани Валевская», – сказала зачем-то Лена.

– Вам точно в антикварную лавку. У нас только последние поступления. «Дживанши», «Кензо», «Кляйн», «Наоми», «Давидоф»...

– Дайте нам «Дживанши облик», – поставил точку Кошкин.

Девушка у прилавка изобразила радостное обслуживание, достала нужную коробку, протянула сдвоенную оригинальным дизайном склянку Сергею Павловичу.

– Прекрасный подарок для любимой, – поддела она старого карася на крючке. – 70 у-е...

– Уе? – вопросительно повторила Лена.

– Ну да, у нас по курсу доллара, на евро еще не перестроились.

Кошкин молча достал портмоне и отсчитал нужную сумму в рублях. Причем продавщица успела увидеть в другом отделе свеженькие советские червонцы.

– Ух ты, извините, я такие только в детстве видела... Вы коллекционер?

– Типа того, – парировал Кошкин, пристрелив ее жестким взглядом.

Девушка запоздало, но предупредительно замолчала, без того уж сунула нос в чужой кошелек, так и клиента недолго потерять. Парфюм-бутиков за окном пруд пруди. Быстро завернула коробку и протянула Елене.

– Я вам завидую, – честно сказала она, компенсируя комплиментом Кошкину свою болтовню.

– Что? – не поняла Варламова. И уже на улице сказала сама себе: – Без очереди... – Потом Кошкину. – Сергей Павлович, давай где-нибудь присядем, мне здесь страшно...

– Если честно, мне тоже, но и у вас мне тоже не по себе. Нет теперь подходящего времени. Особенно для влюбленных.

– Странно... Французские духи... Рядом можно купить свежие цветы... Белье... И не гэдээровское какое-нибудь... Ужас последний стадии империализма. Ленин в мавзолее переворачивается!

– И поделом ему. Знаешь, у меня есть мысль, давай вернемся в «Театральное», оно до сих пор существует, правда выглядит немного иначе. Там теперь интеллектуальная тусовка для богатых и тех, кто себя к таким причисляет.

– А ты богатый?

– Нет. Скажем так, я по нынешним меркам, несколько не дотягиваю до среднего класса.

– Это дорого? – кивнула Лена на коробку с духами.

– Ну, как сказать. Каждый день я такое покупать не могу. Сказать больше, это будет уже не подарок.

– Вон там был портрет Брежнева и надпись: «Мир отстояли – мир сохраним!» А теперь... «Соло – мебель для офисов». Значит, ты меня не обманул... Театр такого масштаба невозможен.

Кошкин устало, но победно вздохнул. Из всех чувств человек более всего доверяет зрению, не понимая, как оно бывает обманчиво. Зато слух Кошкина не обманул, Лена Варламова назвала его на «ты».

По пути до кафе «Театральное» они молчали. Окружающий мир говорил Лене больше, чем мог рассказать ее очарованный гид.

– «Хванчкару»? – спросил Кошкин уже за столиком. – Может, ты проголодалась? Здесь прекрасно готовят пиццу с грибами и куриные отбивные, есть пельмени.

– Нет, немного вина – не откажусь.

Некоторое время они сидели молча. Лена теперь уже с нескрываемым интересом смотрела на Кошкина.

– Я боюсь... – шепнула она.

– Чего?

– Я боюсь этого мира. Твоего мира.

– Он не мой.

– И еще я опасаюсь: вдруг у меня не получится вернуться.

– Ты сейчас думаешь об этом?

– Да. Не обижайся, пока у меня нет желания перепрыгивать свою собственную жизнь. Ты сам бы согласился? Наверное, ты даже не думал об этом.

– Если честно, не думал.

– Это не укладывается в голове. До последнего момента я полагала, что это какая-то шутка. А теперь все похоже на сон.

– Не переживай, я верну тебя – куда скажешь, хоть в раннее детство. Или в ту минуту, когда я вломился в вашу с Давидом беседу. Главное – не потерять точку разделения.

– Что это?

– Долго объяснять. Если просто: есть такая точка, где возможно разделение тебя на тебя. То есть место, где возникает вторая ипостась.

– Жуть, я домой хочу!

– Но, уверяю тебя, здесь есть еще, что посмотреть.

– На сегодня – хватит, а то я точно разделюсь сама в себе. Ты удивительный человек. Я думала, машина времени так и останется прерогативой Герберта Уэллса, Клиффорда Саймака или Азимова. А ты...

– Почему-то мне не хочется называть ее машиной времени. Громоздкое название, многообещающее. А у меня так, игрушка для детей среднего школьного возраста.

– Когда ты меня вернешь, я все забуду? – потрогала коробку с духами: вещдок.

– Не знаю. Все эти парадоксы времени – только теория. Мне кажется – это субъективное, индивидуальное... Опять же я могу вернуть тебя в

это самое кафе. Если смотреть на проблему просто технически – я всего-навсего разрываю энергетическое поле, перемещая объект из одной точки поля в другую. Мы мыслим трехмерно, а я тебе сейчас пытаюсь объяснить вообще в горизонтальной плоскости. Для точности же необходимо выпрыгнуть из наших представлений о законах физики. Ну, если перенести наш разговор в сферу филологии, то представь себе, что тебе надо перевести и попытаться донести «Евгения Онегина» для африканского племени, словарь которого составляет не более 100 слов. Перевести, конечно, можно, передать, так сказать, суть – но будет ли это роман в стихах? У каждого времени свои вопросы, на которые, кажется, нет ответа. Вот у нас сейчас стоит научно-этическая проблема – можно ли клонировать человека?

– Клонировать?

– Ну да, создать копию. Взять ДНК, вырастить эмбриональную ткань… Впрочем, зачем тебе эти дебри! Просто я часто думаю, не сорвал ли я очередной плод с дерева, у которого змей подкараулил Еву. Я не думаю, что с помощью моего прибора можно корректировать историю, а теперь уже сомневаюсь, что и жизнь отдельного человека, но тот, кто изобрел колесо, вряд ли предполагал, что другой деятель присобачит к нему двигатель внутреннего сгорания. Будешь ли помнить? Мариловна наша, к примеру, не помнит. И, Слава Богу.

– Вы что, на ней проводили испытания?

– Пришлось, в гуманных целях. Пенсию помогали искать.

– Нашли?

– Нашли.

– Значит, в вашем мире копируют людей?

– Пока только овечек. Но от этого не легче. И хотелось бы тебе напомнить, что это не только наш мир, это и твой мир. Не хотел тебе говорить, но ты в этом мире устроилась намного лучше, чем я.

– Хочется остановить тебя, попросить – не рассказывай. Но любопытство сильнее...

– Ты директор крупного магазина, названного твоей фамилией. Могу тебе показать.

– Не надо, я боюсь.

– Я тоже.

– И?..

– У тебя богатый муж, говорят, что с криминальной начинкой, твой сын... Наш сын учится за границей.

– Муж... С криминальной начинкой... Я не хочу мужа с криминальной начинкой.

– Это сейчас, точнее – тогда, а в двадцать первом веке – такой муж находка, такими гордятся, они делают нынешнюю историю, а такие, как я, разочарованно и плаксиво копаются в своем прошлом.

– Поэтому ты изобрел экскаватор и выкопал меня.

– Можно и так сказать, но тебя я не выкопал, тебя я потерял. И вся жизнь следом потеряла смысл. Глупо, банально... Мой друг пытается остановить пулю, которая давно уже пробила сердце его боевого товарища и подчиненного, а я пытаюсь вернуть любовь, хотя пулю, как мне теперь кажется, остановить проще. Она хотя бы движется по физическим законам. Это только в театре любой акт можно переиграть в следующем спектакле, сделать хуже или лучше. Но даже по правилам театрального искусства плохого актера отправляют на вторые роли. А в реальности – естественный отбор. Его можно обмануть, но ненадолго. Кто-нибудь из стаи все равно заметит: Акело промахнулся!

– Маугли! Мой любимый мультфильм.

– Я помню, потому и помню. Тебе вообще нравился Киплинг.

– И Гумилев.

– И Гумилев. И Гоголь. А помнишь, мы читали друг другу вслух «Альтиста Данилова»? – голос Кошкина надломился, Лена еще не могла этого помнить.

– Тебе удалось найти Орлова? У нас вся группа охотится на эту книгу.

– В своей группе ты будешь первая. Я выменял его на пластинку «Beatles», которую мне подарили на восемнадцатилетие.

– И не пожалел?

– Ни разу.

Минуту-две помолчали. За окном сгущались неторопливые майские сумерки, и кафе стало наполняться посетителями. Разношерстные компании и пары обозначались в стильном полумраке зала только обрывками фраз и звоном бокалов. Рядом со столиком Кошкина и Лены приземлились два женоподобных юноши с аккуратными серьгами в ушах и неаккуратными прическами. Уже через несколько минут они стали смачно целоваться, отчего у Лены широко открылись глаза.

– Это не норма, это распущенность нашего времени, – грустно пояснил Сергей Павлович. – Издержки свободы.

– Я думала, что свобода подразумевает свободу созидать.

– Я тоже так думал, но разрушать легче. В том числе моральные нормы.

– Хочется спросить, где и когда мы с тобой встретимся, но, наверное, не стоит.

– Не надо. Я теперь уже не знаю, как мне жить дальше. Я слишком многого ждал от сегодняшнего дня.

– Я тебя разочаровала?

– Нет, что ты, я сам себя разочаровал. Ведь получается, я хочу отбить тебя у самого себя. Обманываю самого себя. Пусть юного и заблуждающегося, но это ничего не меняет. Смешно, но этот путь мне подсказала старая добрая Мариловна, а я, такой же стареющий дурак, начал охоту на миражи. Но главное: я снова увидел девушку своей мечты. Звучит банально, но это правда. Ради этого стоило корпеть над чертежами и микросхемами несколько лет. Не хочется верить, что эта работа стала причиной твоего ухода. А если и так, ничего другого делать я не умею. Высокоточное оружие и слабомощные машины времени. Кошкин исчерпан. Мой однофамилец стал конструктором лучшего танка времен второй мировой войны. А я вот… Ладно, ерунда это все.

Кошкин, как и полагается после такой тирады, выпил залпом полбокала коньяка. Лена кинула ему спасательный круг:

– Могу я тебя попросить?

– О чем угодно!

– Пригласи меня еще раз когда-нибудь на такую прогулку, только забери из того времени, когда мы уже знали друг друга.

– Ты, правда, этого хочешь?

– Если честно: и боязно, и любопытно, и еще что-то. Самое удивительное, что никто не поверит!

– И мне тоже. Я с удовольствием прокачу тебя по нынешним ухабам.

Лена взяла Кошкина за руку, и у него перехватило дыхание. Тихая грусть до немоты наполнила сердце. Ни в прошлом, ни в будущем счастливому Кошкину не было места. Время любви нигде себя не обозначало.

– Здесь становится душно, мне пора, – Лена чуть сжала его руку, и Кошкин окончательно поплыл.

Пришлось собираться с силами, чтобы не броситься сейчас к первому попавшемуся такси, увлекая ее за собой.

– Возьми коробку, держи ее в руках, все-таки подарок.

– Мне придется там объяснять, откуда у меня такая роскошь.

– Придумаешь что-нибудь. Скажешь, получила по переписке от друга из Франции, убежденного коммуниста или социал-демократа. Ну ладно. Все. Действительно пора. – Кошкин достал из кармана пульт и направил невидимое поле на Елену.

Голубые за соседним столиком даже не заметили, как в воздухе растворилась красивая девушка с коробкой духов в руках. Да это и неудивительно, зачем им красивые девушки. Конкуренция.

Кошкин заказал официантке бутылку коньяка. Та с подозрением глянула на опустевшее кресло напротив, но ничего не сказала. Зато сказал Сергей Павлович, обращаясь к вселенской пустоте:

– Духовное обновление русской интеллигенции в девяносто пяти случаях из ста начинается с обычной попойки, мотивируемой сакральными движениями самой загадочной в мире души.

– Сам-то понял, че сказал? – буркнула себе под нос официантка.

* * *

В последнее время Владимир Юрьевич стал замечать за женой непривычную в мясорубке современного бизнеса задумчивость. Последнюю неделю она плавала взглядом в запредельных далях, отвечала невпопад, а главное – нарушила выработанный и негласно утвержденный паритет: хоть светопреставление – но во вторник и субботу постельный режим со всеми вытекающими для супружеской жизни последствиями. Сам Рузский ради этих вечеров мог бросить переговоры в Лондоне или на Кипре и примчаться самолетом к стройным ногам своей очаровательной супруги. По ритуалу все начиналось с ужина, за которым они никогда не говорили о делах, а потом включали инструментальную музыку... Двуспальный аэродром – эклектичная, но очень удобная смесь классики и модерна – располагал к неудержимому полету фантазии. Кувыркались по полной программе, перемешивая любовные игры с напитками и нежными словами, но более всего Рузский любил встать у окна с сигаретой и смотреть на обнаженную Лену. Не само обладание этой удивительной красивой женщиной сводило его с ума, а возможность такового. И ради того, чтобы два раза в неделю испытывать высший частнособственнический инстинкт, Рузский готов был начать Троянскую войну с кем угодно. Первые два года он просто не мог поверить, что она досталась ему так легко. Бросила своего инженера-оборонщика, грустного интеллектуала, оставшегося на обочине экономической жизни, и попыталась начать с нуля. Сама. Без чьей-либо помощи. Влезла в долги, открыла цветочный салон, но, как водится у таких горе-предпринимателей, благополучно прогорела. Оставалось продать родительскую квартиру, потому как семейное гнездо она оставила мужу в качестве запасного варианта и, если вздумается, то и как возможность вернуться.

Вот тут и появился в роли благородного компаньона-спасителя Владимир Юрьевич. Цветочный салон арендовал помещение на одной из его торговых площадей. Во всех других случаях Рузский даже не поинтересовался бы – кого там в очередной раз «раздевают», но Елену Андреевну он приметил сразу и долго за ней наблюдал. Высшее образование позволило Владимиру Юрьевичу произвести определенное впечатление, а криминальный авторитет сделать жест, от которого Елена Андреевна предпочла не отказываться. Цветочный салон продолжал существовать. Рузский частенько наведывался, чтобы справиться о здоровье Елены Андреевны и в очередной раз пригласить на ужин. Но Варламова играла тихую скромницу, хотя отказывала не как безнадежно больному, а, скорее, из соблюдения собственных моральных норм и устоев, которые Владимир Юрьевич решил не ломать, а разбирать по кирпичику. Когда же почувствовал, что образовалась достаточная брешь в стене холодного шарма, пошел на абордаж. Однажды утром к цветочному салону подъехала грузопассажирская «Газель», водитель в униформе открыл задние дверцы, оставил их открытыми и только потом нашел у прилавка инструктирующую продавцов Елену Андреевну. Вручил ей большую (1x0,5 м) открытку, на развороте которой рукой Рузского было кратко выведено: «Если потребуется мужчина, чтобы выгрузить, позвоните мне...» И ниже – номер мобильного телефона. Елена Андреевна вышла на улицу, чтобы заглянуть в грузовой салон, и оторопела. Дно его было сплошь уставлено корзинами с исключительно белыми розами, так что могло показаться, будто к магазину подъехал благоуханный сугроб.

– Это что, под реализацию? – спросила Елена Андреевна у водителя.

– Что вы, это подарок! – удивился такому невежеству человек в униформе, от чего в свою очередь смутилась Елена Андреевна.

Вечером она набрала номер, выведенный каллиграфическим почерком Рузского на открытке, и согласилась на ужин с настойчивым и галантным компаньоном.

После совместного турне по Европе Рузский и Варламова по-тихому расписались, без церемоний, застолий, фуршетов и подарков от богатых друзей Рузского. Причем на таком варианте сошлись оба. Бракосочетание отметили ужином втроем, на котором сын Лены Виталий Сергеевич узнал, что будет продолжать свое образование вдали от нищающей Родины и богатеющей матери. Виталий воспринял второй брак Елены Андреевны и свой отъезд спокойно, но испросил разрешения посоветоваться с отцом. Сергей Павлович забугорное обучение сына благословил, но ве-

лел помнить, что нормальные русские, а не Рузские, Родину на бизнес не меняют. Банально. Совково. Виталий, разумеется, отчиму суть разговора с отцом не передал. Отца он уважал, сочувствовал ему, но знал, что за мозги сентиментального инженера Кошкина Пентагон ежемесячно готов был выкладывать сумму, которая превосходит годовой оборот компании Рузского. Последний, кстати, в этот же вечер подарил молодой жене новый супермаркет. Втроем они поехали осматривать блистающую неонами стеклянную громадину, и, увидев его название, Елена Андреевна не удержалась: впервые при сыне поцеловала Владимира Юрьевича с такой силой, что потом трудно было понять, кто из них произвел на другого большее впечатление.

В лице Елены Андреевны Рузский обрел не только обаятельную жену, но и серьезного партнера, она заставила уважать себя всех друзей и врагов нового мужа. И жизнь пошла по маслу. Хотя по маслу ходить опасно, можно поскользнуться. Поэтому в субботу, когда Лена во второй раз сослалась на головную боль, Владимир Юрьевич не поверил, но, продолжая играть заботливого мужа, принес ей таблетки и стакан с водой, сел рядом на диван, чтобы параллельно уставиться в телевизор.

Елена Андреевна уловила подозрительную фальшь в стакане с водой и предупредительном молчании Владимира Юрьевича и вынуждена была заговорить.

– Что-то не то, Володя, – нужно было начать.

– Я готов превратить любые помехи в твоей жизни в пепел и развеять их над Антарктидой! Непременно над Антарктидой! Чтоб из огня да в полымя, – и нежно погладил ее по голове, ожидая дальнейших объяснений.

– Этот пепел не развеять. Это воспоминания.

– Неужели призрак Сергея Павловича? – и чуть было не спросил о посещении конструктором «Варламовского». Уж тут бы Елена Андреевна за соглядатаев оторвалась по полной программе.

– Да нет, точнее, не совсем он. Это воспоминания, которых раньше не было.

– Не понимаю. Вспомнила что-то новое?

– У-ку... – покачала отрицательно головой. – Вспомнила того, чего точно раньше со мной не было, а теперь, получается, было...

– Лен, ты меня пугаешь, может, это результат перегрузки. Я постоянно тебе напоминаю, что женщина не должна столько и в таком ритме работать.

– Я работаю с удовольствием. Так и думала, что ты начнешь связывать это с психическим здоровьем. Нет, здесь все нормально. Я скажу тебе, что я предполагаю, но пообещай мне, что ты не будешь предпринимать каких-либо мер, пока я сама не попрошу тебя об этом.

– Обещаю, – твердо, холодной сталью в голосе пообещал Рузский.

– Думаю, что Сергей действительно изобрел-таки машину времени. Помнишь, я тебе рассказывала о его безумном увлечении?

– Помню, но разве можно относится к этому серьезно? Это даже больше, чем фантастика, это бред!

– Да, за двадцать пять лет до полета Гагарина примерно то же самое говорили Циолковскому.

– Ну, уж тот однозначно был глухим шизофреником.

– Ни глухота, ни шизофрения не мешали ему быть гением технического предвидения, причем настолько точным, что он назначил срок полета в космос – двадцать пять лет.

– И?

– Сергей приходил ко мне в офис...

Слава Богу, сама сказала!

– Приходил, чтобы сообщить: машина времени готова и даже прошла первые испытания.

– А ты тут при чем?

– Он полагает, что с помощью этого прибора сможет вернуть меня.

– Что?! – брови Рузского обрели изгиб татарской сабли, а потом устремились друг к другу.

– Успокойся и помни о своем обещании. Должен же рядом со мной быть хоть один трезвомыслящий и уравновешенный мужчина.

Владимиру Юрьевичу последняя фраза очень понравилась, но виду он не подал.

– Похоже, – продолжила Лена, – он встретился со мной в прошлом. Тогда, когда мы еще не были знакомы... Представляешь, я пару дней назад могла встретиться сама с собой в юности!

– Бред. Не может быть.

– Видимо, все-таки может.

– Черт! Такие эксперименты, даже если они возможны, должны проводится с высочайшего разрешения. Его за это можно привлечь к суду и раскрутить по полной программе!

– Володя, ты забываешь, что это не кинувший тебя партнер, а неизлечимый романтик, тем более, мой бывший муж, отец моего сына. Позволь,

я попробую разобраться с этим сама. Никаких новых чувств у меня к нему не возникло. Только жалости стало больше.

– Ты, правда, считаешь, он мог изобрести эту штуку?

– Да. Он гений, нравится это нам или нет. Между прочим, это он вместе с Марченко развил идею кассетных боеголовок, делающих стратегические ракеты неуязвимыми для ПВО противника. Он же придумал начинку ракет с нехарактерными траекториями.

– Что, и такие есть?

– Скоро встанут на вооружение.

Рузский присвистнул. Грустного инженера-конструктора следовало уважать, даже если он сам не уважал себя.

– Конечно, это не только его идея, там труд целого бюро, нескольких лабораторий, мозговой штурм... Но семьдесят процентов – это они со стариком Марченко.

– Лена, можно я тебя поцелую? – вдруг попросил Рузский, словно ему захотелось проверить, значит ли что-нибудь он сам рядом с таким гигантом технической мысли.

– Нужно, – ответила Лена, и голова ее оказалась на его коленях. Полные темно-красные губы позвали.

Владимир Юрьевич оттаял, но задним умом занес в бортовой поминальник: к Лене приставить дополнительную охрану, инженера тоже начать пасти, а на машину времени обязательно следует посмотреть.

* * *

Май, побаловав горожан погожими деньками, ушел в хмарь. В середине недели небо вдруг посерело, поползло от горизонта к горизонту одной унылой мыслью. Мир стал напоминать черно-белую фотографию. Притихли птицы, бездомные дворняжки грустно восседали у магазинов, провожая покупателей вечно голодными и на всякий случай преданными взглядами, народ привычно сдвинул брови. Ничего не изменилось только в телевизоре.

Определенное разнообразие вынесли на улицы гордые, громкие и пьяные пограничники в свой праздник. Зелень на их головах была всегда свежей, а количество ее в городе определяло протяженность границ великой державы. Шумной, отнюдь не строевой колонной они прошли по городу, а затем повзводно и поротно разбрелись по паркам и дворикам, разливая неподдельный патриотизм по звонким стаканам, воспевая хриплыми голосами под расстроенные гитары боевое братство, и снова смотрели сле-

зящимися глазами на воды Пянджа, амурскую тайгу, седой Кавказ, облизанные холодными волнами камни Русского острова…

А через три дня в стране предполагался День защиты детей. Но в последние годы он выглядел кривой ухмылкой папуасского капитализма на просторах России. Детей убивали, вырезали у них внутренние органы для больных, но богатых, увозили их в рабство, вынуждали стоять на паперти и просто украли у них будущее. На словах же – детей любили и защищали все, кто умел говорить в микрофон на радио или по телевидению, давать интервью журналистам.

Между двумя этими праздниками Кошкин выполнял срочное задание министерства обороны, и Дорохов тоже сидел за чертежами, в сущность которых не хотел пока посвящать даже своего друга. Мариловна только раз спросила о Лене, но Сергей Павлович отрезал: «У себя». Во всех смыслах. Несколько выбили конструктора из прямой рабочей колеи пограничники, охранявшие подъезд Кошкина от вражеских вторжений. Бутылки пустыми гильзами стояли под лавочками, а мужики в зеленых фуражках, на чем свет стоит, материли правительство, штабных крыс и обнимались с периодичностью произносимых тостов.

Сергей Павлович уже шагнул в темное жерло подъезда, когда один из них очень сердечно попросил:

– Брат, водку пьем, как воду, хоть бы огурец какой. Не выручишь? Уважь братишек.

– Одну минуту, – сказал Кошкин, но вернулся через три, зато с литровой бутылкой «Родника» и пакетом снеди, где, кроме прочего, нашлась и банка с любимыми в народе маринованными венгерскими огурчиками.

Погранцы выразили свою благодарность крепкими объятиями, а Кошкин с трудом убедил их, что не заслуживает «качай его!». Следуя движению штрафной, вечер вылетел в трубу и захватил с собой половину ночи. Но за несколько ночных часов у Сергея Павловича появилась дюжина новых друзей, каждый из которых побожился, что пойдет за него в огонь и в воду, только позови. Подтверждением служил исписанный именами, адресами и телефонами пакет, правда, разобрать эти иероглифы на трезвую голову не представлялось возможным. С последним и самым стойким защитником границы Кошкин расстался в половине четвертого утра, когда топленое молоко майской ночи сменялось мутной водой в ожидании первых солнечных лучей.

– Если что, если не дай Бог кто, если не так – ищи Григория! Понял?! Ищи Гришу Корина! Придешь или позвонишь в Промстройбанк, там сразу найдут. Понял, Серега?!

До обеда Кошкин дожил, как узник концлагеря. Голова напоминала ту самую боеголовку за секунду до взрыва. Хватило глупости еще и за пивом ходку сделать. Ох уж эта русская пьянка. После обеда чуть отпустило, но мир прекраснее не стал. Пришедший под вечер Дорохов мгновенно оценил обстановку и сбегал вниз на пост, где в сейфе дежурила заветная фляжка. Кошкин откровенно поморщился, увидев, как он наплескал ему полстакана в лекарственных целях.

– Нет, ты, Сергей, не пренебрегай. Так и сердце может заклинить, инсульт и прочие непроизводственные травмы нажить недолго. Разве можно так над организмом издеваться? Дед мой, потомственный казак, говаривал, бывало: за похмельную рюмку только шашку отдавать нельзя.

– Да я уж скоро алкоголиком стану. Вторая стадия обеспечена.

– Мусоргскому это не мешало быть гениальным композитором, – обосновал Дорохов, и сам удивился своим познаниям.

– Спасибо, друг, утешил.

– Ты все-таки накати, я тут новую идею принес, ты мне живой нужен. Протолкни ее, родимую, а я тебе еще морсика накапаю, Наталья из клюквы сварила. Тоже природная микстура. Давай, брат.

При слове «брат» Кошкин глубоко вздохнул и на выдохе опрокинул содержимое стакана внутрь. Водка показалась по вкусу застоявшейся в трубах водопроводной водой и, если бы не чудный рубиновый морс в следующем стакане, непременно вернулась бы обратно.

Дорохов удовлетворенно крякнул вместо Кошкина и даже отер губы.

– Себе, – напомнил Сергей Павлович, но Дорохов отрицательно покачал головой с видом безнадежно больного человека.

– Я ж тебе говорю, есть у меня некоторые соображения.

– Китаева спасать будем? – дошло до Кошкина, и он обреченно налил себе вторую дозу.

– Будем, брат, на хрена ты тогда машину свою мастерил. В любви, как я понял, с нее толку мало, так, может, хоть на войне пригодится.

– Излагай, – занюхал рукавом Кошкин. – Хотя, если честно, я разочаровался в собственном проекте. Сначала это была просто мечта, но мечта должна быть обоснована светлыми побуждениями, а я тут пытаюсь сам у себя жену отбить.

– Не у себя, а у Рузского, – поправил Дорохов.

– Жена Рузского – это уже не моя жена. Вот если б, прости Господи, она умерла, скажем, от рака, а я в горе и печали бросился спасать ее в прошлое, предупредил бы развитие опухоли на ранней стадии или прита-

ранил лекарство из будущего – совсем другой расклад. А в моем случае безнадежно больным являюсь я сам.

– Ты, Серега, русскую хандру подхватил, пасмурно на улице. Изобретение твое... Я даже не знаю, с чем сравнить. Атомная бомба по сравнению с ним пустяк, и – пустяк убийственный.

– Еще неизвестно, какой вред можно причинить людям, используя кнопки на этом пульте.

– Ладно, я сейчас не хочу с тобой спорить, я хочу у тебя индульгенцию получить...

– Индульгенцию?

– Ну да, у меня, Серега, есть карабин СКС. Зарегистрированный, все как полагается.

– И ты хочешь с этим карабином начать охоту на снайпера, – Кошкин вздохнул так печально, что Василий Данилович снова наполнил его стакан.

– Да не надо, хватит, – раздраженно отмахнулся Сергей Павлович, – меня уж можно в кунсткамере выставлять, как заспиртованного уродца.

– Вот, смотри, я тут некоторые чертежи набросал. По траекториям и карте местности я точно вычислил, где мог находиться снайпер в обоих случаях. И до нашего появления в истории и после него. Он не был в доме, где мы накрыли боевиков, он сразу находился в зеленке. Скорее всего в момент начала стрельбы во второй раз он находился как раз напротив дома, начал менять позицию вдоль дороги, оставаясь невидимым для наших бойцов...

– Я все равно в этих стрелках, точках и пунктирах ничего не понимаю. Верю на слово, – отмахнулся Кошкин. – Чего ты хочешь от меня, Вась? Чтоб я тебя с карабином, который ты, конечно, уже перетащил в сейф, что стоит у стола дежурного, отправил спасать твоего Китаева? Да делай, что хочешь. Мне не то чтобы все равно, я просто почему-то очень устал. Знаешь, Вась, захотелось вдруг хоть немного пожить для себя, поехать к морю… Я не помню, когда последний раз видел море, я не помню, когда хотя бы задней мыслью не помнил о работе... – еще немножко и Кошкин заплакал бы от жалости к себе.

Дорохов этого ему не позволил.

– Вот и отдохни, Сергей Павлович, плюнь на все, потребуй отпуск и валяй куда-нибудь в Крым, Сочи, в Испанию, в Таиланд, чтоб тебя замассажировали до полного изнеможения! А меня отправь на три-четыре часа к моим любимым чехам! Я убью этого гада, и никто никогда не предъявит тебе по этому поводу никаких претензий.

– Хорошо, – Кошкин покрутил в руках пульт, – ты только сам обязательно возвращайся. У меня, Вася, получается, кроме тебя и Мариловны, никого нету. Марченко только.

– Ты ему-то про свой прибор рассказал?

– Нет. Думал, проведу положительные испытания, уж потом. А положительных, как видишь, не получается.

– Как же, а Мариловна?

– Ну, там свои следы пришлось заметать. Мне вот интересно: Амалия Гвидоновна нас помнит или нет?

– Эта? Эта тетя, как в песне, то, что было не со мной, вспомнит.

* * *

Низкая, глухая облачность. Поэтому темнота. Как тут не вспомнить о приборе ночного видения? Без кошачьего или совиного глаза здесь делать нечего. Дорохов тенью в ночи крался вдоль дороги. В коленях гулял предательский мандраж, отчего он боялся ступить как-нибудь не так, и в результате получалось еще хуже: то ветка под ногой хрустнет, то задетый кустарник «загуляет»... «Слон, слон, слон! Старый слон!» – мысленно ругал себя Дорохов и замирал, прижимая вспотевшую ладонь к камуфляжу, перехватив СКС в другую руку. А ведь совсем недавно сам учил молодых ходить бесшумно. Еще издевался: заставлял надевать противогазы и «змеиться» по густым кустарникам, каменистым склонам. А в противогазах они действительно были похожи на молодых неуклюжих слонов с широко открытыми от испуга глазами.

А теперь сам каждый пятый шаг делал неправильно. Нет, для любой теории нужна постоянная практика. Хоть бы Бог включил настольную лампу, а то никакой тебе луны! Спит и укрылся мягкой нестираной периной серых облаков. Ничего, утром пополощет...

Рука уже не находила нужной сухости на одежде. Бессмысленно было тереть ее хоть об штанины, хоть об куртку. Вспотел насквозь. Забытое волнение распирало организм, по каплям сочилось через поры, липкой солью разъедало глаза. Надо же так постареть!

Где-то в поселке заблажили собаки. С подвывом, словно увидели мертвых хозяев. Дорохов не испугался, наоборот – успокоился. В некоторых домах тускло мерцал, качался, играл с тенями огонь то ли керосинок, то ли свечей. В других увереннее лимонились небольшие лампы, хозяева ушлые: купили, выменяли или украли у военных аккумуляторы. Бензо-

агрегаты нигде не урчали, в том числе и там, где сейчас спал тревожным сном батальон Дорохова и откуда двигалась группа Китаева. Их еще не было слышно.

До расчетной точки оставалось метров триста и полчаса времени. Майор заставил себя дышать глубоко, но очень медленно. В воздухе пахло войной и почему-то сыром. Твердым и долго сохраняющимся.

Дорохов шагнул, и в настоящий миг ему показалось, нет, даже откуда-то из глубины снов вспомнилось: он уже делал этот шаг. Было уже все это, было. И липкая эта тьма, и запах войны и твердого кавказского сыра. И выстрел хрустнувшей под ногой ветки, от которого порхнуло испуганной птицей из грудной клетки сердце, вырвалось и остановилось. Говорила бабушка: ночью в лес – только бес!

* * *

Алейхан лежал с закрытыми глазами. Слушать было важнее, чем напрягать глаза в такой темноте. Покружив вокруг дома, где беззаботно играли в нарды бойцы Бекхана, он все же предпочел более надежное место. Густой кустарник на другой стороне дороги. Подаренную братом СВД он нежно прижал к груди. За год он выучился стрелять на дальние расстояния не только с оптическим прицелом, но мог попасть навскидку в подброшенную консервную банку, выстрелить на взмах крыльев и убить птицу. А уж убивать русских офицеров – это вообще не составляло труда. Алейхана поощряли: за большие звезды двести долларов, за маленькие – сто. И не надо платить никаким хохлам или высокомерным прибалтийским красавицам, которые перепутали биатлон с джихадом. Куда этим самовлюбленным хладнокровным цивилизованным девицам до тихой и грациозной, как лань, Айзы! Ох, Айза! Когда Алейхан станет богатым героем, они уедут с Айзой... Вот только куда? Здесь война, похоже, не кончится. Никогда.

Звезды спрятались за облаками, как и Айза прячет глаза, когда Алейхан приходит в дом Дамана. Почему Даман не воюет? Он же не очень старый? Иногда Алейхану кажется, что седой Даман с кривой ухмылкой слушает его рассказы о ночных засадах, горных переходах, о плачущих в плену федералах... Да под густой бородой этого не заметно. Только в глазах появляется холодный блеск. Говорят, что в сундуке у Дамана есть золотая звезда Героя Советского Союза, но теперь он ее не цепляет на грудь. А еще говорят, что эту звезду Даман получил в Афганистане. Ну и что! Великий

Джохар тоже бомбил Афганистан. Но своей мученической смертью он искупил эту вину перед Аллахом. Вот и Даман стесняется своей награды... Но не воюет. И не держит в своем доме оружия. Все-таки странный отец у Айзы.

Алейхан слушал ночь, и ему казалось, что эта ночь наступила уже в сотый, в тысячный раз. Тысяча и одна ночь. Снилась она ему или вынырнула откуда-то из далекого детства? Ощущение повторяемости было настолько навязчивым, что вызывало мистический страх. От него хотелось вернуться в дом, похохотать над трусливыми, забившимися в углу гяурами с ефрейторскими лычками на плечах. Свинопасы из хозвзвода. Грязные животные, которые пасут грязных животных...

Немного отпустило. Недалеко забрехали собаки, следовало бросить туда гранату, чтоб не мешали слушать. Днем надо уговорить Бекхана – перерезать всех собак, не только двуногих. Не надо нам друзей человека, мы волки. Эта мысль очень понравилась Алейхану и чуть не помешала ему услышать шаги. Шли по дороге... Несколько человек. Легкое бряцанье обмундирования выдавало военных. Куда это федералов ночью понесло?

Инстинкт охотника подавил запрет Бекхана на свободный поиск. Угрозы группе никакой не будет, Алейхан сделает два-три правильных выстрела и уйдет в ночь. Федералы будут утром чесать зеленку, поселок они прочесали сегодня. Но Алейхан за ночь обойдет его с другой стороны и похвастается Бекхану новой победой. Старший брат простит и похвалит. Главное – высмотреть в этой тьме офицера. Просил же специальный прицел! Обещали привезти из Турции. Обещанного, что у русских, что у горцев три года ждут. Особенно на войне. Хорошее оружие – как награду.

Алейхан аккуратно перевернулся на живот, теперь нужно было не слушать, а смотреть. Но именно в это мгновение рядом сухо переломилась под чьей-то ногой ветка. Вот это точно уже когда-то было! Он резко крутнулся обратно на спину и выстрелил в нависшую над ним тень. Но выстрел Алейхана до доли секунды совпал с выстрелом того, кто так долго шел за ним в эту ночь. Глупая, невозможная в этом времени и в этом пространстве пуля пробила сердце снайпера навылет. Вместе со смертной темнотой на него упало тело убитого им майора в отставке. Последнее, что с тающим удивлением увидел Алейхан, это ярко-белые и совершенно неуместные кроссовки на ногах своего врага. А еще Алейхану показалось, что из темной пелены небес выглянуло лицо убитого им когда-то русского инженера. Он подстрелил его у вышки ЛЭП, которую они только что подняли, и, получив пулю в сердце, этот инженер еще долго стоял на ногах

и совершенно беззлобно, немного удивленно смотрел в ту сторону, откуда она прилетела. Алейхан внимательно разглядел в оптику засаленный воротничок его рубашки, нелепый клетчатый галстук под фирменной зеленой курткой, которая, по всей видимости, заменяла несуществующий пиджак, и серые, в кровавых прожилках, усталые глаза. И сейчас они смотрели на Алейхана так же беззлобно, с некоторой долей удивления. С какого света они смотрели?

Ночь, как собака, залаяла автоматными очередями, желтыми мечами проткнули ее прожектора бэтээров, из дома, где только что играли в нарды, неосторожно выскочил на улицу Рагиб, чтобы наткнуться на гроздь пуль старшего лейтенанта Китаева. Два солдата из хозвзвода в эту ночь поверили в чудеса.

* * *

Кошкин бессмысленно смотрел в одну точку. Этой точкой была вмятина на боевой фляжке Дорохова. Будто гипнотизировал ее. Смотрел-смотрел, и она вдруг исчезла, но не вмятина, а вся фляжка.

Почувствовав неладное, Кошкин стремглав бросился на пост охранника. Он вдруг без всяких приборов увидел и понял происходящее. Хотелось крикнуть сквозь бетонные стены, сквозь грустные, бесконечные российские просторы, сквозь низкую облачность над седым Кавказом, сквозь неисчислимые пустующие парсеки Вселенной, но не получалось крикнуть даже сквозь собственное горло. Да ведь это уже было с ним! Это уже было с Кошкиным! Он потерял лучшего друга! Он также явно помнил это ниоткуда, как помнил свои сны про Александра Невского из пионерского детства.

За столом Дорохова (еще стул не успел остыть!) сидел молодой парень под два метра ростом. Светло-русые, чуть вьющиеся волосы, темно-синие глаза под добродушным изломом бровей, прямой нос и, как полагается природному русаку, – широкие татарские скулы. Парень, увидев взволнованного Кошкина, привстал.

– Что-то случилось, Сергей Павлович?

Кошкин замер на последнем пролете лестницы и бессильно опустился на ступеньки. Сдавил виски ладонями.

– Китаев? Анатолий Китаев? – уже знал Кошкин.

– Да... вы же меня не первый год знаете, Сергей Павлович.

– А сына ты, конечно, Васей назвал?

– Ну я же вам рассказывал, в честь командира.

– Василия Даниловича Дорохова...

– Так точно... Но я ж вам рассказывал.

– Конечно... конечно...

– Что случилось то, Сергей Павлович, помощь нужна?

– Нет, спасибо... А как погиб твой командир?

– Не помните? Странно, это же удивительный случай, я думал – вам интересно.

– Толик, мне это и тогда было интересно, а сейчас особенно, считай что меня током ударило, и я свою память проверяю...

– Током? Крепко, получается.

– Крепче не бывает, извини... Ну так как же про командира?

– Сейчас, – Китаев полез в сейф за спиной и достал оттуда фляжку, ту самую.

– Его фляжка...

– Точно, его. Давайте по маленькой, Сергей Павлович, а то вид у вас, как будто над головой восьмидесятимиллиметровая гаубица долбанула.

Тут же нашелся и стакан. Выпили, отдышались.

– В ту ночь...

– Полковник Старцев ни с того ни с сего потребовал отделение лучших разведчиков, – продолжил Кошкин.

– Ну вот, а говорите – память отшибло. Комбат еще недоумевал, что за срочность, не поддержку же просил.

– А дальше. Начинай с того момента, как в зеленке вы услышали выстрелы.

– Один выстрел. Это потом мы узнали, что он двойной. СКС и СВД слились буквально. Унисон – в музыке так говорят. Потом чехи из дома напротив повалили. Я первого на крыльце по полной программе нафаршировал. Но остальные умнее, из дома стали отстреливаться. Там уж наши подтянулись. А чехи из дома орут, чтоб мы не стреляли, а то своих подстрелим или они им головы отрежут. Слышим голоса: сержант такой-то, ефрейтор такой-то, часть называют. Проверять? Не верим, отвечаем. А чехи: сейчас мы их на крыльцо выведем, но если кто из вас дернется – смерть вашим солдатикам. Вывели. Точно, стоят наши чайники и еще улыбаются от счастья. Думали, это мы их вызволять пришли. Чайники-то чайники, а все равно наши, жалко. Командир торговаться начал, а я, между тем, уже в огороде позицию занял. С фланга заполз. Того, что за спиной у пленных, на мушку взял. Все бы

ничего, но тут еще дождь моросить начал. Противный такой, мелкий вроде, а мокро сразу все стало, как от проливного. Этакая взвесь в воздухе. И появилось вдруг у меня жуткое ощущение...

– Будто это все уже с тобой когда-то было...

– Я вам рассказывал. Жуткое такое ощущение. Как будто такой поворот у жизни сейчас, что либо в кювет, либо... Не знаю. Бывало и раньше такое, но не с такой яркостью. Если б в этот момент летела мимо пуля, я бы ее увидел. Это точно. Время точно замедлилось, размазанное какое-то стало. А тут еще земля слизкая под пузом. И дернул меня черт, показалось мне, что хорошая у меня позиция, нажал я на курок и снял чеха. Солдатики не дураки, сразу с крыльца бухнулись и покатились. Наши с гранатомета в окно засадили, а дальше уже тишина. Думаю, кончилось. Поднялся я, уже печалиться начал, как сейчас пред светлые очи Старцева покажусь – весь грязный. Данилыч к пацанам подошел, опрашивает, где и как их чехи взяли. И тут чех мой, что на крыльце до этого мертвым лежал, зашевелился, достал из-за пазухи легендарный ТТ и решил меня отблагодарить. Но Данилыч его опередил, на долю секунды... В прыжке. Чеха добил, но мою пулю на себя взял. На моих руках умер... Я, говорит, знал, Толик, что так будет, а тебе еще сына растить. Сказал и умер... – Китаев беззвучно плакал. Твердости в его голосе не убавилось, но из глаз текли крупные слезы.

Кошкин плакать не мог, потому что ему было намного хуже, чем мужчине, который может себе позволить слезы.

– Он действительно знал, – сказал Сергей Павлович. – Он сознательно на это шел. Всю жизнь...

Китаев вытер слезы и с некоторой настороженностью посмотрел на Кошкина.

– Да не думай ты ничего, не сошел я с ума, запри дверь, пойдем ко мне в лабораторию, кое-что покажу.

– Но я еще не все рассказал?

– О том, что в зеленке вы нашли человека как две капли воды похожего на вашего командира, в белых кроссовках и камуфляже? Я помню... Догадываюсь...

– Он точно очень похож, только седой весь.

– Пойдем в лабораторию.

В лаборатории Сергей Павлович протянул Анатолию Китаеву служебное удостоверение Дорохова, по привычке оставленное им перед выполнением боевого задания. Раскрыв его, Китаев изменился в лице.

– Толик, я чуть позже тебе все объясню. Мне самому еще многое понять надо. Скажу одно – твой командир спасал тебя последние пять лет. Просто всему есть своя цена.

– Я на такую цену не согласен, – глухим голосом сказал Китаев, глядя на служебную фотографию.

– Приказы не обсуждают, старший лейтенант Китаев.

– Я майором демобилизовался. После ранения.

– Неважно. Командир приказал тебе жить. Долго жить.

– Это как-то связано с вашей лабораторией?

– М-да... – кивнул Кошкин, – еще два часа назад... Нет, пока я не готов, что-либо говорить. Мне нельзя сейчас пороть горячку, достаточно ее уже было. Я могу рассчитывать на твою помощь, Анатолий?

– Всегда.

– Тогда дай мне день или два, чтобы я подобно твоему командиру продумал план операции. Детально.

– Этот чертеж... Это же не ваши прибамбасы ракетные... – Китаев рассматривал прикрепленные на кульмане листы Дорохова. – Вот снайперская точка. Кто это рисовал? Местность...

– Та самая, – кивнул Сергей Павлович, – но дай мне немного времени. Если у смерти могут выигрывать врачи, могут приказывать ей святые, может, и старый советский инженер на что-нибудь сгодится.

– У меня, честно говоря, башка раскалывается. Я как будто за пару минут целую жизнь прожил. Пока рассказывал, все явственно так вспомнил, – Китаев вопросительно посмотрел на Сергея Павловича.

– Так оно и есть.

* * *

«Эх, сколько вас, майоров неприкаянных, по земле русской бродит, – думал про Китаева и Дорохова Кошкин, неровно вышагивая по ночной улице (нужно было поймать такси, а он просто шел на автопилоте в сторону своего дома), – и здоровые сорокалетние мужики, сломанные уже, и этой своей надломленностью, наоборот, сильные. Сильнее, во всяком случае, слюнявых интеллигентиков, сильнее голубоватых журналюг и синеватых министров, сильнее инфантильных европейцев и не в меру жизнерадостных американцев, кровожадных азиатов и тщедушных монголоидов, но слабее самих себя... Слабее вездесущей водки и хандры. Не-

изжитое веками мессианство не дает им покоя, а заряд пассионарности иссяк, Евразия тлеет, и на просторах ее десятки раз обманутый народ».

На входе во двор его окликнули:

– Сергей Павлович, одну минуту, можно вас...

Автопилот завис. Кошкин посмотрел в сторону черной лаковой иномарки, сиявшей отмытостью и чужеродными раскосыми фарами. От нее браво двинулся к нему молодой человек со страниц какого-нибудь престижного журнала. Черный стильный костюм отливал лаком даже ночью.

– Сергей Павлович, извините, я к вам по поручению Владимира Юрьевича, думал, не дождусь уже, он очень просил вас встретится с ним в клубе «Эльдорадо», будет ждать вас там вплоть до двух часов ночи... – и замер, настороженно выжидая.

– Что-то случилось? Может, с Виталием?

– Ничего такого мне не сообщали, просили только о встрече.

Кошкин посмотрел на часы: до двух оставалось тридцать пять минут.

– Я потом привезу вас домой, – прочитал его мысли курьер. – Меня зовут Андрей. Я водитель Владимира Юрьевича.

– А я думал – телохранитель, – высказал свои обоснованные соображения Сергей Павлович.

– Это уже по совместительству. Там без меня хватает, – и предупредительно открыл перед Кошкиным дверцу «Лексуса». Последнему же пришлось сделать вид, что это для него обычная процедура.

Клуб «Эльдорадо», где обычно тусовались известные бандиты и бизнесмены, находился на другом конце города, но Андрей превратил машину в пулю, которая пронеслась по ночным улицам, презирая светофоры и знаки, встречных и поперечных, и через пять с лишним минут доставила Сергея Павловича к сияющему неонами крыльцу престижного клуба. Мордовороты на входе молча кивнули Андрею и пропустили Кошкина внутрь, где у него мгновенно закружилась голова. Играла музыка, похожая на однообразный электронный чес, этакая смесь морзянки и тамтамов. Длинноногие девушки в трусиках танго (и только в них) плавали по залу с подносами, одаривая посетителей напитками и угодливыми улыбками, некоторые из них сидели на коленях у крутолобых лысеющих русских джентльменов, промышляя руками у них под рубашкой, а то и в штанах, на что те старательно не обращали внимания. Над всем этим плыло дымчатое марево различных видов табака, запаха яств, пота, дезодорантов и дорогого парфюма, отчего могло показаться, что здесь вовсю идет процесс

фумигации. Одна из алкогольных наяд одарила Кошкина огромным бокалом с каким-то коктейлем и взяла под локоток:

– Вас ждут, я провожу.

Водитель Андрей исчез, и Сергею Павловичу ничего не оставалось, как последовать за юной официанткой, чуть покусывая свою губу от желания внимательно изучить ее весьма недурственную грудь, которая благодаря ее десятисантиметровым каблукам и метровым ножкам маячила перед его глазами, когда она шептала ему какие-то правила заведения. Она проводила его до отдельного кабинета, у дверей которого многообещающе чмокнула конструктора в щечку. И Кошкин с бокалом оказался на пороге небольшой комнаты, обитой темно-зеленой тканью, и увидел Рузского, сидящего за стеклянным (почти журнальным) столиком в обществе чашки кофе, сигарет, бутылки «Арарата», нескольких газет и блокнота с ручкой. Интимная обстановка была подкреплена, кроме описанного, двумя огромными кожаными креслами, в одном из которых утонул Рузский.

Сергей Павлович был явно удивлен.

– Рассчитывали увидеть здесь полный бардак? – догадался Рузский. – Напрасно. Я брезгливый, чистоплотный и очень люблю... – он немного подумал, но все-таки сказал: – нашу жену. Именно поэтому я имел наглость пригласить вас для разговора. Вас это, конечно, не радует.

– Меня радует, что ничего не случилось.

– Присаживайтесь, – Владимир Юрьевич не сдержал улыбку: Кошкин с бокалом в руке, сбившимся набок галстуке и ярким отпечатком губ наяды на щеке выглядел весьма комично.

Кошкин это понял и, прежде чем сесть, осмотрел себя с ног до груди, поправил галстук, Рузский протянул ему салфетку.

– Помада... Ох уж эти нимфетки. Полагаю, она рассчитывает срубить с вас сотню долларов этой ночью, видимо, почувствовала какой-то интерес, от вас исходящий.

– Наверное, – не стал кривить душой Кошкин, – грудь у нее великолепная, куда ж деваться, если тебе такое под нос суют.

– Никаких проблем, ваше малейшее желание будет удовлетворено и оплачено.

– Спасибо, конечно, но позвали вы меня явно не для того, чтобы удовлетворять и оплачивать мои желания.

– Разумеется, хотя основная часть разговора не отменяет развлекательную. Коньяк?

– Давайте уж. Я коктейли не пью. И, честно говоря, вообще пить не хотел, но последнее время в меня просто вливают, как в бочку, а я не имею сил и желания сопротивляться.

– Обмываете гениальное изобретение? – перешел сразу к делу Владимир Юрьевич, разливая коньяк. – Кофе, бутерброды, салат, горячее?

– Всего понемногу, – согласился Сергей Павлович, который только сейчас вспомнил, что не обедал и не ужинал.

Рузский нажал кнопку на подлокотнике кресла.

– Сейчас принесут. Не возражаете против банальной «Столичной», свинины, запеченной с сыром, и большой кружки «Мокко», я уж на свой вкус заранее заказал, так бы ждать пришлось...

– Не возражаю. Значит, Лена вам уже рассказала...

– О машине времени?

– Не нравится мне это название, но пусть будет так, лучше я пока не придумал. Вторично получается.

– Где уж там вторично! Кому это еще удалось? Если все это правда, то это самое яркое изобретение со времен атомной бомбы или лазера.

– Да бросьте вы, тут людей клонируют, как штамповки, а я всего-навсего сделал маломощный опытный образец.

– Но, позвольте, от опытного образца при достойном финансировании один шаг до полноценного агрегата!

– Агрегат... Ваш-то какой в этом интерес?

– Ну, знаете, я мог бы начать наш разговор с претензий по поводу того, что вы пытаетесь отбить у меня законную жену, или, считаете, не имею морального права?

– Имеете... Честно говоря, я уже сожалею о своем безумном поступке. Не надо было ее тревожить. Тем более что она полностью погружена в свою новую жизнь и, как я понял, любит вас.

– Мне приятно это слышать, Сергей Павлович, хотя, думаю, вам нелегко откровенничать на эту тему, но позволю себе заметить: я не отбивал ее у вас, она была свободна.

– Я помню...

Кошкин не договорил, в комнату, как кошки, вошли сразу две наяды с подносами. Помимо перечисленных Рузским яств, на столе появились фрукты, сок и маринованные вешенки, которые Владимир Юрьевич сразу пододвинул на свою сторону. Видимо, был любителем грибов. Девушки справились, не желают ли господа еще чего-нибудь, на что Рузский слегка раздраженно отмахнулся, и они также быстро исчезли.

– Над чем вы сейчас работаете? – продолжил разговор Владимир Юрьевич, когда они выпили и наполовину опустошили салатницы.

– Военная тайна, – без иронии ответил Кошкин.

– Совсем?

– Дорабатываем ракету с изменяемой траекторией полета.

– Что, уже и такие есть?

– Были бы еще раньше, если б последние десять лет было упомянутое вами достойное финансирование.

– И я об этом, – понимающе улыбнулся Рузский, наливая по второй, – я хочу сделать вам деловое предложение.

– Я смотрел как-то фильм, хотя у меня нет времени дружить с телевизором, но этот фильм посмотрел от начала до конца. Наш, российский. Сюжет таков: девяностые годы, жалкому эмигранту-пьянице достается в наследство чемодан с советскими рублями и машина времени от гениального дедушки. Бывшая женушка сдает его с потрохами мужу-бандиту-коммерсанту.

– Прямо-таки знак равенства... коммерсант – бандит.

– Ну, сами знаете, в восьмидесяти процентах из ста. Так вот, алкоголик этот таскает из советских времен золото и продает. Там на него охотится КГБ, здесь – бандиты, там еще, к тому же у него любовь... В результате его и девушку обложили со всех сторон. Так что, Владимир Юрьевич, вы предлагаете мне банальный сценарий.

– Да мне не надо золота! – нарочито отмахнулся Рузский. – Это уже пройденный этап. Нельзя бесконечно богатеть, можно лопнуть. Да и не дадут выпрыгнуть выше отведенной ниши. Это я вам честно и без обиняков докладываю. Не-да-дут! И хорошо если только без штанов останешься, а не под мраморной плитой. Все уже поделено и распределено. Войны за передел порицаются, а агрессоры наталкиваются на мощную систему коллективной безопасности.

– Тогда в чем ваш интерес?

– Допустим, хочу быть сопричастным гениальному проекту. Только не ищите за моей спиной тень Герострата. Ничего подобного. Но, разумеется, как всякий прагматичный человек, я рассчитывал бы как на моральные, так и на некоторые материальные дивиденды. Тем более что мало кому из коммерсантов средней руки удается завязаться с оборонкой. А это в наше условно стабильное время всегда верный кусок хлеба. Позволю себе напомнить вам, что значительная часть этого ломтя достанется в обязательном порядке Виталию.

Кошкин замер с вилкой у рта. Напоминание о сыне болезненно его укололо.

– О! О! О! Только не примите за упрек или форму шантажа! – натурально испугался Рузский, поняв, что ляпнул не то.

– Не приму, – задумчиво согласился Кошкин.

– Вы же понимаете, Бог каждому из нас дал свое. Вы родились, чтобы держать в руках карандаш и паяльник, а я – калькулятор, счета-фактуры и накладные...

– И пистолет, – добавил Сергей Павлович.

– Не скрою, приходилось, – невозмутимо продолжил Рузский, – в средние века все бегали с мечами и кинжалами, перераспределяя собственность, и никого это не смущало.

– Да, похоже, мы вернулись в пещерные времена, как будто сработала огромная машина времени...

– Ну, если так, то точнее будет сказать, что качнулся маятник истории, причем качнулся он еще в начале двадцатого века. И качнулся так, что снес по пути десятки миллионов человек.

– Чего же вы хотите от прошлого?

– Упаси Бог! От прошлого я ничего не хочу. С прошлым все ясно. Пусть туда смотрят историки. Меня, Сергей Павлович, больше интересует будущее. Прогнозы, новые технологии, расстановка политических сил. При этом меня интересует обозримое будущее. Я так понимаю, перемещаться туда вы еще не пробовали?

– Не пробовал.

Бутылка коньяка кончилась как-то быстро, но, видимо, это был настоящий коньяк, от которого внутри разливается приятное тепло, а голова не становится похожей на мешок с цементом, который вот-вот превратится в коллоидный раствор. Кошкину, невзирая на легкую неприязнь к собеседнику, было хорошо и уютно. И он позволил себе высказать некоторые соображения по поводу путешествий в будущее.

– Знаете, Владимир Юрьевич, я не признаю эйнштейновских предположений по поводу парадоксов времени, но, полагаю, заглядывать в будущее намного опаснее, чем лезть в прошлое. Как человек верующий, я считаю, Бог дает дар провидения только своим величайшим святым. А мы хотим походя подсмотреть в замочную скважину. Как бы глаз в таком деле не потерять.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского... Кстати, как насчет продолжения банкета? Коньяк, или сменим тему?

– Лучше тот же коньяк, – согласился Кошкин. – И пусть еще лимончик порежут.

Тут же появились наяды, приняли заказ, а через пару минут его выполнили. Рузский засунул обеим за лямочки трусиков зеленые купюры, отчего наяды коньячной реки мяукнули, как кошки, обласканные добрым хозяином.

– Я, Сергей Павлович, предлагаю вам полноценное сотрудничество. Если нужно, готов предоставить площади, построить научный центр, обеспечить всем необходимым. Но, разумеется, в обмен я попрошу, чтобы над всем делом сиял знак моего холдинга, а также пожелаю выполнения некоторых личных заданий в этом самом обозримом будущем. Смею предположить, что государственное финансирование будет не таким обильным и, главное, не таким быстрым. Более того, вас, скорее всего, засекретят настолько, что вы забудете собственное имя и домашний адрес. Помимо прочего, я гарантирую вам максимальную защиту, вас будут охранять не хуже, чем меня. Подумайте, я не рассчитываю на быстрое согласие. Тем более что у вас есть все основания меня если уж не ненавидеть, то хотя бы недолюбливать. Подумайте...

– Подумаю... Во всяком случае, обещание меня ни к чему не обязывает, а последние годы научили, что отказываться от помощи неразумно и непрактично.

– Можно считать это предварительным согласованием? – лучезарно улыбнулся Владимир Юрьевич, щедро наливая из второй бутылки.

Изобретатель печально вздохнул, наблюдая за этим процессом. Шел третий час ночи.

* * *

Утром Кошкин проснулся за минуту до телефонного звонка, как по наитию. За эту минуту он успел оценить свое состояние. Похмельного синдрома в его ярких проявлениях не было, а вот провал памяти присутствовал. Кроме него все измученные внутренности Сергея Павловича были заполнены тревожно гудящей пустотой. Прошло несколько секунд после пробуждения, и он испытал такое чувство одиночества, что чуть не заплакал. Напрягая память, он вылавливал из нее обрывки прошедшей ночи. Разговор с Рузским, потом появление наяд, какая-то глупая музыка... Точно! Наяды танцевали, и Кошкину хотелось сразу обеих. Что было дальше? Как же он оказался дома?

Поиск ответа на этот резонный вопрос был прерван телефонным звонком. Но говорить Кошкин пока не мог, требовалась санация рта, поэтому он добрел до холодильника, в запущенной утробе которого скучала бутылка минеральной воды. Поглощая ее крупными глотками, обливаясь, Сергей Павлович снял трубку и услышал хрипловатый голос Марченко.

– Сережа, ты сегодня на работу собираешься? Что у тебя случилось? Раньше ты никогда не опаздывал.

Кошкин, наморщив лоб, взглянул на циферблат настенных часов. Было около одиннадцати.

– Михал Иваныч, я вчера имел честь получать предложения о сотрудничестве от деловой элиты нашего города. Предложения сопровождались обильными возлияниями, извините.

– Сережа, и это в тот момент, когда решается судьба института! Я двигаю его в генеральные, а он пьет горькую с коммерсантами! Ты что, хочешь оказаться в услужении у бездарного Яковлева? Тот спит и видит себя начальником.

– Простите, Михал Иваныч, я исправлюсь, сегодня же... Но все немного сложнее. Я все-таки сделал ее.

Марченко на том конце провода крякнул:

– И ты молчишь?! Я почему-то верил, что у тебя получится. Но ты представляешь себе меру ответственности?

– Теперь представляю.

– Ох! Значит, уже испытал и накуролесил. Когда ты повзрослеешь?

– Так точно, накуролесил.

– Что-то случилось?

– Я сейчас приеду, все расскажу.

– Поторопись. Мне еще в больницу сегодня надо. Из министерства звонили, надо готовить документы на замену, так что приводи себя в порядок и дуй сюда.

– Есть, – Кошкин картинно приложил руку к пустой голове.

Через час они встретились в кабинете Марченко. Старик выглядел неважно: руки, покрытые коричневыми пигментными пятнами, слегка тряслись, полуопущенные веки над выцветшими глазами Михаил Иванович, похоже, удерживал каким-то неимоверным усилием, черты лица заметно обострились, а цвет кожи больше походил на могильный мрамор. Стыдно, но за последний месяц Кошкин ни разу не навестил своего покровителя, который маялся по больницам. Генеральный конструктор заметил смущение своего любимца.

– Что, Сереж, худо я выгляжу? Не переживай, рак у меня не нашли, а вот сердчишко последнее время совсем никуда. Пора мне к другим старикам на лавочку лясы точить, нет уже сил ковать меч империи.

Сказал он последнюю фразу без всякой помпезности и очень грустно.

– Прости меня, Михал Иваныч, – опустил голову Кошкин, – я тут совсем закрутился.

– И что говоришь, работает твоя машина?

– Да вроде работает. Но это как посмотреть: клонировать человека можно, да что из него вырастет?

– Ты хоть подстраховался?

– Да, машину могу запустить только я, и работает она только с помощью дистанционного управления, пульт я всегда таскаю в кармане, код известен одному мне, – и тут же полез во внутренний нагрудный карман, чтобы показать его Марченко.

Сердце чуть не остановилось, пульта там не было. Первая мысль: вытащили наяды по приказу Рузского, вторая – просто потерял по пьяни. Теперь ничего никому не докажешь. Нашел время расслабляться. Стал суетливо бить себя по карманам. И отпустило: нашел в боковом.

– А что? Внешне ничего примечательного, в качестве коробки использован небольшой аккуратный пульт от телевизора «Toshiba». Специально покупал в магазине. Теперь это не редкость. А вот нутро набил своими микросхемами.

Марченко хмыкнул:

– Хитро! Со стороны и не подумаешь...

– На это и рассчитывал.

– И каких глупостей ты успел наделать этой штукой?

Кошкин вкратце и сбивчиво рассказал все, что случилось за последние дни. Марченко слушал внимательно, и когда Сергей Павлович замолчал, подошел к сейфу, откуда достал фляжку коньяка. Кошкин поморщился.

– Ты тоже неважно выглядишь, Сережа. Давай по рюмочке за гениальное, но опасное изобретение.

Разлив по серебряным рюмкам, которые представляли собой уменьшенные отработанные ступени межконтинентальных ракет, генеральный конструктор подмигнул ученику:

– Давай, Сереж, мне даже доктор по пятьдесят капель разрешает.

– Угу, – Кошкин опрокинул в себя рюмку с видом человека, у которого нет выбора.

– И ты не догадался забегать хотя бы на день вперед, чтобы не совершать ошибок в прошлом?

– Я вообще боялся лезть в будущее. Табу какое-то во мне, что ли? Погружение в прошлое показало, что изменить его можно только с равноценными потерями. Грубо сказано, но точно: против Бога не попрешь. Я ведь, всего-навсего, Лену хотел вернуть...

– Ни хрена себе – всего-навсего! Ты, сынок, будто не знаешь, что любовь рычагами и кнопками не управляется. Никакое сочетание электромагнитных полей не способно вызвать или реанимировать это самое сильное на земле чувство. А если когда-нибудь некий дока ради зеленых денег умудрится напаять торсионный генератор, влияющий на это чувство, – все равно это будет имитация. Самая подлая и самая безбожная.

– Знаю, – потупился Кошкин. – И уже понял, что люблю ту девушку, которую встретил на капустном поле. Смешно... Нас соединил подневольный сельскохозяйственный труд. Михал Иваныч, они настолько разные... Директор супермаркета и романтичная студентка. Земля и небо! У меня всю душу на куски рвет от этого, сопьюсь скоро.

– Эх, Сережа, ты же знаешь, как я любил твою Леночку! Мы все ее любили. И она это чувствовала. Иногда, думаю, переборщили, наверное... Мне вот Евдокию Артемовну некогда холить было, то война горячая, то война холодная, то перестройка, то капитализм, то кретинизм... Мы и прожили вместе полвека, как на войне.

– Да я вроде тоже не на Канарах пузо грел...

– Знаю-знаю... Что мне тебе сказать? Да нечего... Это ж метафизика, а не наши с тобой, мать их, траектории. Ты мне другое скажи: у нас что, действительно был охранник по фамилии Дорохов?

Кошкина передернуло, как затвор винтовки.

– Да как же, Михаил Иванович, он же несколько лет у нас.

– И вот, представь себе, я еще подумал склероз у меня. Но не помню, хотя и на память не жалуюсь. Значит, ты его стер своей стиральной машинкой у всех, кроме себя.

– Он сам себя стер... С моей помощью.

– Ты, конечно, позаимствовал изотопы?

– Пришлось...

– Во! А министр обороны на международном уровне докладывает, что у нас нельзя красть радиоактивные материалы, – Марченко улыбнулся.

– Я же не вынес, – смутился, как провинившийся школьник Сергей Павлович, – предпочитаю, чтобы прибор оставался в лаборатории, там меньше влияние флуктуации.

– Какова главная идея?

– Не моя, вычитал еще в юности: для любой точки пространства всегда существуют другие точки, в которых относительно этой точки время либо стоит, либо течет быстрее, либо идет в обратном направлении. Соответственно в этой же точке время либо стоит, либо ускоряется, либо течет в обратном направлении по отношению к какой-либо другой точке. Главное – найти линию, соединяющую эти точки. В истории есть масса курьезных случаев и необходимых примеров, которые позволили мне предположить о существовании, пусть не константном, линий, или туннелей, если хотите, которые соединяют эти точки, возникая под влиянием и сочетанием самых различных обстоятельств. Помните, эти истории про исчезновения военных самолетов и кораблей и появление их через десятки лет в других обстоятельствах. Целые железнодорожные составы «гуляли» по этим туннелям.

– Действительно просто, полагаю, техническое решение основано именно на излучении сверхбыстрых частиц?

– Так точно, командир. Необходимо было что-то, что если не быстрее времени, то хотя бы близко ему по скорости. То, что мы видим сию секунду – уже прошлое. Именно поэтому я и боюсь забежать вперед. Кто знает, куда кривая вынесет. Нельзя написать книгу в будущем времени. Человеческому разуму это не под силу. Чем дальше я копал, тем больше убеждался, что каждую долю секунды мир осуществляет один из тысячи возможных вариантов своего развития. И над всем этим довлеет Общий Смысл, не позволяющий шагнуть раньше времени туда, куда шагать нельзя.

– Это уже теология.

– Куда без нее в таком вопросе.

– Но ты не опровергаешь догадок Эйнштейна и Лоренца.

– В их догадках не хватало Бога. Парадоксы-догадки Эйнштейна включаются там, где речь идет о скорости света и больших массах, звездах, квазарах, черных дырах... Но что может быть больше массы Высшего? Что быстрее Его, если он присутствует в каждой секунде, в каждом элементе движения, независимо от того, о чем идет речь: времени или пространстве? Именно поэтому я боюсь прыгать, как в омут, в будущее. Можно перепрыгнуть самого себя. Ведь я не знаю, сколько мне отпущено там. С моей точки зрения, которая в этом случае не базируется на законах физики или теории относительности, на своих похоронах можно быть только в гробу. Поэтому увидеть будущее желательно не посредством собственного перемещения в пространстве и времени, а желательно наблюдать его на

специально созданном для этого экране. Такая оптика мои мозги еще не посетила.

– Вот это уже витиевато. Значит, ты попросту оседлал туннели.

– Не совсем так. Я моделирую их на короткие промежутки из разных точек пространства благодаря именно этому блоку дистанционного управления, который соединяет меня в нужное время с базой. При этом существует постоянный риск: перепад энергии или другие форс-мажорные обстоятельства, и пульт останется у меня в руках, где бы я ни был, как кусок бесполезной пластмассы. И еще: вследствие моих неудачных опытов у меня есть два предположения: первое – система пространства-времени самодостаточна и отвечает на всякое вторжение самозащитой, второе – в ближайшем прошлом мы можем оперировать эпизодами прошлого в рамках одной человеческой памяти. То есть я утверждаю, что феномен человеческой памяти напрямую связан со временем не только как с величиной, измеряемой хронометрами, но и как с постоянным вселенским течением. Предполагаю, что каждый человеческий мозг каким-то непостижимым образом связан с головным компьютером, прости меня Господи, за такое сравнение. И всякий вирус, пытающийся взломать систему в целом, будет стерт или по-своему излечен...

В это мгновение в дверь кабинета постучали. Марченко недовольно проскрипел свое «да», и на пороге появилась взволнованная Варя.

– Извините, Михаил Иванович, может, я и зря вас беспокою, но уборщица второго этажа Мария Гавриловна вчера не вышла на работу. Боюсь, не случилось ли чего, все-таки человек пожилой. А я не знаю адреса...

– Так это не ко мне, это в отдел кадров, – замахал руками Марченко, но, глянув на вмиг побледневшего Кошкина, осекся.

– Я знаю адрес... – почти прошептал, переворачивая комок в горле, Сергей Павлович, – и я догадываюсь, что там случилось.

– Так... ну да... – Марченко явно растерялся. Полез в карман за нитроглицерином.

– Я съезжу, Михаил Иванович?

– Возьми мою служебную «Волгу». Я сейчас свяжусь по селектору с гаражом.

– Варя, побудьте, пожалуйста, с генеральным конструктором и всем своим обаянием не позволяйте ему волноваться. Произошло то, что должно было произойти. – Кошкин уже на пороге взял Варю за плечи и внимательно посмотрел ей в глаза. – Вы сами-то ничего не помните?

Она не испугалась, но также серьезно спросила:

– А что я должна помнить?

– Что это уже не в первый раз.

– Что не в первый раз?

– Ничего. Красивая вы, Варя. Вам бы на подиум, а вы полы моете.

– Вот это вы мне, Сергей Павлович, кажется, уже говорили...

* * *

Войдя в знакомый подъезд, Кошкин некоторое время стоял на первом этаже, бессмысленно читая молодежные и совсем не безобидные граффити на стенах. Потом медленно поднялся, словно хотел обмануть судьбу. Но не вышло: будто и не менялось ничего – дверь опечатана в том же самом месте. Не раздумывая более, постучал в соседнюю. Амалия Гвидоновна долгое время рассматривала Сергея Павловича в глазок, потом, как и в прошлый раз, открыла проем на ширину своего узкого лица.

– Я же уже все рассказала, сколько можно, товарищ следователь?

– Но... – странно, удивительная старуха никак не могла запомнить Кошкина. Был в этом какой-то особый фатум.

– Это всего лишь в третий раз за сегодняшний день! Тем более вы, мне кажется, уже приходили в составе следственной группы.

Кошкин не стал развеивать ее заблуждения. Напротив, сдвинул брови и не терпящим возражений тоном начал «допрос».

– Амалия Гвидоновна, вам ли, заслуженному врачу Российской Федерации, доктору медицинских наук не оказать помощь в расследовании убийства вашей соседки и, насколько я понимаю, подруги?

Старушка посмотрела на него каким-то новым оценивающим взглядом, хмыкнула и распахнула дверь.

– Входите. Но дальше прихожей я вас не пущу, не взыщите, молодой человек.

– Все понимаю, не всякой женщине хочется открывать тайны своего маленького мира.

– Нет, вы не следователь, вы психоаналитик какой-то?! – хитро прищурилась Амалия Гвидоновна, и у Кошкина на спине выступила капля холодного пота, будто под рентген попал.

– Так вы утверждаете, что этот новый Раскольников сопровождал Марию Гавриловну от самого магазина?

– Утверждать я ничего не могу, потому как этого я не видела. Но окна у меня выходят во двор, я как раз раскладывала пасьянс Марии Антуанет-

ты, и когда он неожиданно совпал, по наитию подошла к окну. Машеньку с пакетами увидела издалека, но берусь утверждать, за нею никто не шел. А вот у подъезда стоял подозрительный парень в спортивном костюме да еще в кожаной куртке.

– Чем же он показался вам подозрительным?

– Ну я же уже говорила, самому-то вам невдомек? Язык с нашей милицией смозолить можно. Вот вы, молодой человек, в чем одеты?

– В костюм...

– И вам не хочется прибавить к этому кожаную куртку?

– Так ведь жарко уже на улице... – дошло до Кошкина.

– Ну вот, милый мой комиссар Мегрэ, у вас заработали нужные извилины.

– Он стоял у подъезда?

– На том месте, где стоит черная «Волга», которая вас привезла.

– Ого! Да вы просто миссис Марпл!

– Нет, – улыбнулась Амалия Гвидоновна, – я несколько младше.

– У него были какие-нибудь особые приметы?

– Он явно нервничал... Но при этом не плевал себе поминутно под ноги, а значит, он лицо не славянской национальности.

– Не понял, какая связь?

– Наблюдательность, молодой человек! Вы видели когда-нибудь, чтобы кавказец или житель Средней Азии поминутно плевал себе под ноги, как любят делать разбитные представители славянских дворовых и бандитских группировок? Кроме того, так не делают порядочные евреи, а также чукчи, якуты и эскимосы.

– Ну, знаете, это все же не аксиома. Национальная дискриминация по слюноотделению. Утверждать железно в этом случае нельзя.

– Нет, конечно, но, как у вас говорят, зацепка.

– Кроме того, на ногах у него были не кроссовки, как хотелось бы рядом со спортивным костюмом, а такие армейские ботинки на шнуровке, как у джин-грин, штаны в них заправлены.

– Лица вы не разглядели?

– У меня глаза, а не бинокли, да он и не задирал голову. Поэтому могу повторить только то, что уже говорила: коротко остриженный брюнет, – тут Амалия Гвидоновна тяжело вздохнула: – Вы себе не представляете, молодой человек, как мне теперь хочется вернуть минуты моих наблюдений обратно, чтобы вылить на этот ежик только что сваренный бульон. Из-за этого бульона, который я варю по рецепту доктора Фришмана, я и

припозднилась к Машеньке. Как же мне теперь хочется выплеснуть его на голову этого наркомана!

– Это ничего бы не изменило.

Амалия Гвидоновна посмотрела на Кошкина с явным подозрением.

– Вы фаталист?

– Нет, я фаталист-практик.

– А в чем, позвольте спросить, разница?

– Я проверяю неизбежность происходящего на практике.

– У вас, конечно, богатый опыт. Сейчас так трудно жить. Так страшно. Новые Раскольниковы не брезгуют смертью старух ради дозы! Ужас! Я как раз хотела пойти вправить ей поясницу. У нее после похода за продуктами всегда осложнения, остистые хрустят, как и после смены в этом засекреченном институте, где она занималась половой гимнастикой. Мыла, знаете ли, всякие там радиоактивные полы...

– Так уж и радиоактивные!?

– Ну вы мне будете спорить! Она по секрету показывала мне свой пропуск за семью печатями и говорила, что в этом институте делают эти самые ракеты! А ракеты все радиоактивные.

– Возможно, – согласился Сергей Павлович, а что еще ему оставалось, как представителю следственных органов, не имеющего отношения к ракетным технологиям?

– Стоило мне прийти к ней несколькими минутами раньше...

– И было бы два трупа, – глухо отрезал Кошкин.

– Вы так думаете?

– Точно знаю. Спасибо, Амалия Гвидоновна, вы мне очень помогли. У меня последний вопрос, который может показаться вам странным. Но это важно. Не жаловалась ли вам Мария Гавриловна, что она не помнит, где спрятала в этот раз свою пенсию?

В глазах Амалии Гвидоновны вновь вспыхнула искра подозрения.

– Это относится к делу? – голос ее взмыл на октаву.

– Теперь все относится к делу.

– Да, она жаловалась. Но все обошлось.

– А охранник Василий Данилович приходил?

– В этот день – нет. Может, вы подозреваете этого очаровательного вояку? Не смейте, я кое-что понимаю в людях, я с ним как-то разговаривала, мы пили чай на кухне у Машеньки, я еще принесла французский сыр, правда, в немецком исполнении. Да! И клубничный джем у нас был. Так вот, этот охранник очень галантный мужчина и порядочный человек. И вы

знаете, в отличие от многих солдафонов, он был начитан и мог поддержать беседу на самые разные темы. Мы как раз говорили о жизни после смерти. Машеньку этот вопрос очень волнует, а этот охранник, так он в этом вопросе оказался вообще дока. Я же, как убежденная сторонница теории Дарвина, не верю во всю эту теологию, не приходилось мне за время моей долголетней практики ни разу сталкиваться с проявлениями жизни, после того как я или мои коллеги констатировали состояние организма, называемое смертью. Печально, конечно, но это факт.

– Печально, а главное – бессмысленно, – кивнул Сергей Павлович.

– Но, знаете ли, я горжусь тем, что мне удавалось побеждать смерть в самых безнадежных и, как вы изволили выразиться, бессмысленных случаях. А этот Василий с уверенностью утверждал, что смерть можно победить только на каком-то духовном уровне, в противном случае – ее можно только искупить. Странные рассуждения. Видимо, смертей ему тоже довелось повидать. Но все эти его околонаучные кармические рассуждения, скорее всего, дань моде. Но говорил он очень убежденно. Очень, знаете ли. С этаким пафосом. Будто сам не раз воскресал или имеет инструкции от самого Господа Бога. Главное, уверяю вас, это порядочный человек и старый друг Машеньки. Так что, отбросьте эту версию.

– Обязательно. Спасибо, вы меня убедили, Амалия Гвидоновна. А теперь я пойду, мне еще надо в областную больницу.

– Да, Машеньку увезли именно туда, я позвонила своему знакомому патологоанатому, чтобы он не пластал ее... Там и так все ясно. Удар тупым металлическим предметом по голове.

И как-то странно посмотрела, прощаясь, Амалия Гвидоновна на псевдоследователя, который не выдержал этого взгляда и опустил глаза.

– До свидания, Амалия Гвидоновна, – откланялся Кошкин.

– Прощайте, – вдруг веско и уверенно сказала Амалия Гвидоновна и, пока он не спустился на два лестничных пролета, смотрела ему вслед.

* * *

В это время Владимир Юрьевич Рузский сидел в своем кабинете и безрезультатно гипнотизировал монитор компьютера. На экран были выведены две цифровые фотографии пульта дистанционного управления от телевизора «Toshiba». Снимки сделали в номере клуба «Эльдорадо», когда Кошкин «поплыл» с наядами в райские кущи. Больше всего приковывало взгляд предпринимателя изображение вскрытого блока, глядя на который специалисты, собранные Рузским из всех возможных институтов и даже

привезенные из Москвы, разводили плечами: это может быть, что угодно. Но это не банальный пульт дистанционного управления. И только один из них сделал предположение, что пульт, возможно, связан с генератором, который управляет электромагнитными полями, а запускается вся эта система только после введения длинного цифрового кода. Именно это и предполагал Рузский. Никто из деятелей науки и техники не взялся за расшифровку прибора ни за какие деньги, после чего Владимир Юрьевич похвалил себя за осторожность и выдержку. Значит, Кошкин нужен как друг. Значит, Кошкина нужно купить, если не деньгами, то чем угодно.

В то, что машина времени существует и разработана провинциальным инженером, верилось с трудом. Зато состояние жены не только вызывало опасения, но и подсказывало, что Кошкин не блефует. Лена, что называется, ушла в себя. Стала вдруг перечитывать Бунина и Орлова. Нет, она не отстранялась, не избегала нежности, но что-то было не так. Куда-то схлынула ее предпринимательская энергия, она перестала интересоваться маркетингом, листать каталоги и толстые престижные журналы, рассчитывать прибыль от возможных проектов, не задерживалась на работе и не рвалась в командировки в Европу. На вопросы Рузского отвечала спокойно, но пресно: не переживай, все хорошо, нужно немножко сосредоточиться, каждому порой нужно медитировать.

И Рузскому очень захотелось добыть этот медитатор. При этом он сам еще не знал, что в большей мере является мотивацией его поведения: возможная прибыль, прикосновение к тайне или вероятность почивать на лаврах, отмахиваясь от навязчивого благодарного человечества. Все лестные предложения изобретателю были сделаны, но Кошкин мутил какие-то свои дела. Сегодня вдруг поехал на место банального убийства уборщицы из своего института, потом к одинокой женщине по фамилии Дорохова. Новая любовь? Вряд ли. Муж ее погиб на Кавказе, и до сих пор Кошкин ни разу с ней не встречался. Он был у нее всего пять минут. На свидание не похоже.

Больше всего настораживала Владимира Юрьевича встреча Кошкина с его начальником и покровителем Марченко. Если тот в курсе, то дело может стать делом государственной важности, и к нему уже ни на сивой кобыле, ни на «Мерседесе» не подъедешь. Значит, следует торопиться. Давить на Кошкина было делом бесполезным. Такие самоотверженные патриоты – они, как генерал Карбышев, превратятся в глыбу льда, но на сделку с совестью не пойдут. Оставалось искать слабое место Сергея Павловича, но получалось, что по большому счету их только два: жена Влади-

мира Юрьевича, которую он очень любил, и сын Кошкина и Лены, которого очень любила Елена Андреевна. Рузский же не относился к категории людей, способных за деньги доставить вред или даже малейшие неприятности своим близким. Поэтому, перебрав в уме весь этот неутешительный расклад, ему оставалось только глубоко вздохнуть.

Выключив ноутбук, Рузский вызвал к себе начальника охраны Паткевича. Друг детства Вадик Паткевич остался единственным, на кого Владимир Юрьевич мог положиться, как на самого себя, и кому мог доверить самое сокровенное.

Грум (такое у него было погонялово, уменьшительное, но не ласкательное, от слова угрюмый) молча сел напротив и насупился. Это было обычным выражением его лица. Имидж помогал Груму наводить ужас на подчиненных, сохранять достоинство в любых ситуациях и молча трахать проституток, которые от такого вида боялись даже профессионально стонать. Стороннему наблюдателю могло показаться, что Грум лишен эмоций, как рыба голоса.

Внешность Вадима Паткевича, между тем, вовсе не была угрожающей, скорее всего, он напоминал чем-то роденовского «Мыслителя». Но вот тяжелый подбородок никогда кулаком не подпирал. Садистом и прирожденным убийцей он тоже не был. Паткевичу было восемнадцать, когда он убил двух парней, которые напоили и изнасиловали его девушку Аню. Убил без лишних слов и рисовок. Каждому досталось по три ножевых ранения в сердце. Милиция вычислила Грума уже на следующее утро.

После этого его серые холодные глаза не выражали ни радости, ни добра, ни сострадания. Единственным человеком, который тогда не отвернулся от Вадима из комсомольских соображений, был Володя Рузский, и Грум запомнил это на всю жизнь. Пройдя через камеру смертников и психушку, Грум вышел на свободу, чтобы сесть по новой уже в соавторстве с Рузским, втянувшим его в аферы с кооперативами. Но из СИЗО снова перекочевал в психушку, потому что ни один следователь не мог поверить, что человек, абсолютно лишенный эмоций, страха и чувства боли, может быть нормальным. Медики эту версию, на счастье Грума, поддерживали. С того самого случая Грум, насколько помнил Рузский, улыбнулся только раз, когда Владимир Юрьевич подарил ему на день рождения машину его мечты: «Ягуар» индивидуальной сборки.

– Вадик, я тут подобрался близко к новейшим технологиям. Таким, что относятся пока еще к жанру фантастики. Сейчас у меня не должно быть срывов и слабых мест.

Обращение по имени означало, что задание носит интимный характер, а дивиденды рассчитаны только на двоих – Рузского и Паткевича.

Грум слегка кивнул.

– Да, и пошли кого-нибудь, пусть подстрахуют Виталика. Но так, чтоб и муха не... А инженера нашего береги. Нежно, Вадик. Потом я тебе все объясню.

– Не надо, Вова, у нас думаешь ты, делаю я, – напомнил Грум.

Они встали и обнялись. Какой-то леший вдруг дернул Рузского спросить:

– Вадя, а если бы у тебя была возможность все переиграть?

– Что? – не понял Паткевич.

– Ту ночь... Если б можно было в ту ночь Аню спасти. Ну, чтоб вообще ничего не было?

– Не понимаю тебя, Вова, куда ты клонишь?

– Да я тут думал, – спохватился Рузский, – если б вдруг всю жизнь переиграть было можно?

– Лирика, – бесцветным голосом сказал Грум, – говно. Меня моя жизнь устраивает. Не в буру режемся. А этих двоих я бы все равно замочил.

– Ты прав, вздор все это!

Услышав любимое слово друга, Грум перестал смотреть на него выжидательно, но, уходя, намекнул:

– Ты, Вова, на ночь валерьянку иногда пей. Че тебе еще не хватает? При пацанах такого не ляпни...

– Угу, – согласился Рузский и расслабленно упал в любимое кресло.

После того, как дверь за Грумом закрылась, он повертел в руках мобильник и набрал номер Кошкина. К телефону долго никто не подходил, но потом прозвучал сонный голос инженера:

– Я слушаю.

– Добрый вечер, Сергей Павлович, как самочувствие?

– Здравствуйте, Владимир Юрьевич, похвалиться нечем. Вам не терпится услышать от меня согласие на сотрудничество?

– Не буду кривить душой, но мне действительно этого хочется.

– Знали бы вы, уважаемый мой меценат, какую оперу заказать хотите. Нам только кажется, что мы пишем либретто. А оно написано ой как давно. Полагаю, еще при большом взрыве.

– Каком взрыве? – не понял Рузский.

– Да это я так. Об акте творения всего из ничего.

– А-а, – выдохнул Владимир Юрьевич.

– Вы мне, убогому, скажите, что вы хотите заполучить с помощью прошлого или будущего? Какова ваша цель?

– Сергей Павлович, сейчас даже в космос за деньги летают! Что в этом плохого? Для начала просто покажите мне, как это действует.

– Выходит, Лену это не интересует.

– В последние дни у меня возникает такое чувство, что она куда-то улетела и не вернулась. Ее вообще ничего не интересует. Так что мою жену вы уже своим изобретением охмурили.

– И этого я не хотел... В том-то и дело, Владимир Юрьевич, что на сегодняшний день мне не удалось предсказать ни одного природного катаклизма, я не смог уберечь ни одного близкого мне человека от неверного шага, напротив, только усугубил и прошлое, и будущее. А тут еще вы со своими амбициями.

– Я от вас не отстану, – как-то по-детски сказал Рузский.

– Хорошо, – сдался Кошкин, – я обещаю вам путешествие во времени, но только дайте мне пару дней, чтобы разобраться со своими неудачами.

– Надеюсь, ваше обещание – не пустые слова, – вернул себе сталь в голос Рузский и отключил телефон.

Рузскому было страшно. Страшно, что его кто-нибудь опередит. Состояние Владимира Юрьевича по своим психофизическим показателям напоминало стремление человека, идущего по немноголюдной улице и видящего в нескольких метрах перед собой солидную пачку денег. Этот человек огромным усилием воли подавляет в себе желание подбежать к легкой добыче, чтобы не привлечь внимание ротозействующих прохожих.

* * *

Сначала Лена перечитала «Окаянные дни» и вдруг поняла: дни эти для России, начавшись почти сто лет назад, так и не кончились. Сумбур, суета и непредсказуемость нынешних времен были их логическим продолжением. По дороге домой она специально заезжала в пригородный парк, чтобы немного подышать свежим воздухом. Там, на неприбранных после растаявших сугробов аллеях, ветер носил клочки окаянных дней: обертки от заграничных сладостей и снеди, неимоверное количество разнокалиберных окурков, пустые пачки от презервативов и сами презервативы, мятые одноразовые стаканы, яркие обрывки газет и апельсиновую кожуру. Субботник в парке еще не провели, и поэтому всепобеждающий мусор казался здесь более уместным, чем ярко-зеленая трава и первые одуванчи-

ки. Казалось, тут зимовал шумный табор, а с первым теплом он снялся и двинулся разорять новые земли. Парк очень походил на Россию в целом...

После Бунина наступил черед Орлова. Откуда взялся у нее этот томик «Аптекаря», изданный еще в конце восьмидесятых? Купить в те времена эту книгу было настоящей удачей. Но сама Елена Андреевна факта приобретения не помнила. Может, Сережа когда-то ухватил? У Рузского были другие литературные вкусы, поэтому книжные полки Варламовой стояли в доме отдельно. Читала больше по инерции, пытаясь вспомнить свои предыдущие ощущения, а возможно, и вкус литературы как таковой. Снова ловила себя на мысли, что Орлову не удалось перепрыгнуть собственного «Альтиста Данилова», как, скажем, Булгакову, не удалось бы перепрыгнуть «Мастера и Маргариту», если бы жизнь отпустила ему чуть больше времени. Вспомнились их старые споры с Кошкиным, которому больше нравилась «Белая гвардия». Сергей именно «Белую гвардию» и «Дни Турбиных» считал главными произведениями Булгакова. А «Мастера» называл мистической конъюнктурой. Лена просто зверела от таких высказываний. Она терпеть не могла, когда кто-то пытался критиковать ее любимые книги. «Ты же сам чем-то похож на Мастера!», – упрекала она Сергея, и он сдавался, такое сравнение ему было по душе.

Что она хотела найти в этих книгах сегодня? Вчерашний день?

Из всего мысленного сумбура и осадка от встречи с Кошкиным у нее постепенно, по буковкам, по слогам стало выстраиваться аксиомообразное утверждение: победителями сегодняшнего времени являются не такие, как она и Рузский, а такие, как Кошкин, потому что они не играют в догонялки за повседневными потребностями, не следуют моде, они вообще не действуют в рамках одного дня, они действуют в границах вечности, которая этих границ не имеет.

Елена Андреевна смотрела в книгу и тосковала. Выходит, Сергей теперь запросто может вернуться в дни их безоблачной юности? От этого сладко и одновременно печально щемило сердце. Что там осталось? В сущности, ничего: время, когда времени не было. Время для счастливых, которые часов не наблюдают. Время любви.

Что им тогда было нужно? Ничего, кроме друг друга. Порывы страсти и нежности перемежались с многочасовым лежанием на видавшем виды диване, разговорами о литературе, околофилософской болтовней, прогулками по вечерним улицам. Никто из них не думал, на что купить завтра буханку хлеба или в какой валюте хранить сбережения. Материальный мир, как таковой, присутствовал плывущими за окном рассветами и зака-

тами, летящими дождевыми каплями или снежинками, шепотом старых кленов, взлетающими на экране черно-белого телевизора «Союзами» и был всего-навсего продолжением мира чувственного, духовного. Наверное, поэтому Лене казалось, что именно тогда счастье можно было потрогать руками.

И, казалось бы, сегодня у нее тоже есть любовь. Причем любовь, помноженная на благополучие и все мыслимые в этом мире гарантии. Но, как ни крути, есть в ней привкус расчета, меркантильная затравка, зернышко такое. И расчет этот то тут, то там выползает, как кривая строчка на платье. То секс по расписанию, чтоб бизнесу не мешал, то полеты в Европу на уик-энд, чтоб романтизмом запитаться или создать его видимость, то определение будущего для сына на десять лет вперед, с уже тикающими на его личном счете дивидендами. И при этом, глянь со стороны: живут душа в душу два любящих друг друга, два удачливых партнера и в высшем свете показываются, как эталон современной семьи. Книгу для домохозяек написать: заплачут от умиления, если жаба зависти не задавит.

А тут на огонек в прошлое заглянул совковый инженер Сережа Кошкин и сказал: любовь заработать нельзя, она сама по себе. И зачем этому Сереже хронолеты из фантастических романов, если ему вообще наплевать на то, какая эпоха за стенами его лаборатории ползет или летит?

Нет, не хотелось Елене Андреевне вернуть сегодняшнего Сергея Павловича Кошкина, человека, погруженного в себя, имеющего налет седины на вечно неприбранной голове и прописанное на лице ироничное пренебрежение ценностями этой эпохи. Нет, Елене Андреевне не хотелось вернуться к нему, даже после того, как он изобрел эту треклятую машину времени.

За последние годы Лена постоянным напряжением воли и стремлением к собственному успеху все же смогла уйти от него навсегда, вывести его накопившееся в ней присутствие за рамки души, за пределы сердца. Единственным, кто их связывал, был Виталий. Но отчего же так тоскливо и облачно было в последние дни? Еще труднее становилось, когда она замечала беспокойство Володи, который, в отличие от Сергея, готов был бросить ради нее все. А Кошкин так и не смог выбрать между семьей и военной техникой. Между детской мечтой о покорении времени и временем любви. А, может, он и не выбирал никогда, не стояло перед ним проблемы выбора, а просто плыл Сережа Кошкин из самого безоблачного детства по течению, принесло это течение Лену Варламову, поплыл рядом, стала она грести к берегу благополучия, а его понесло дальше?

Отложив книгу, Елена Андреевна взяла телефонную трубку. Услышав глухой голос Кошкина, спросила:

– Ты все-таки был там?

– Тебе Рузский рассказал?

– Нет, я что-то такое помню... Наслоение воспоминаний. Зачем ты делаешь это?

– Прости, это было ошибкой.

– Ошибкой? Ты во мне разочаровался?

– Да нет, не то... Это надо увидеть и почувствовать. Прости, но с той Леной вы совершенно разные люди. Как будто соединенные только внешними признаками, красотой, но уже разделенной возрастом, несколькими привычками, голосом, именем... Но в то же время очень разные. Получилось, что я причинил новую боль и себе, и тебе. Действительно, нельзя войти в одну и ту же реку дважды.

– А ведь хорошее было время.

– Оно и сейчас не хуже. Не время меняется, меняемся мы. Мы бездумно растрачиваем данное нам от Бога наивно-почитательное восприятие мира, становимся прагматичными, растворяемся в быту, как в кислоте, и умираем еще до того, как наше тело прекратит свое физическое существование.

– Пытаешься философствовать?

– Отнюдь. Я очень устал, Лена. Я потерял друга, совершил массу глупостей, я очень много пью последнее время, я не вижу своего будущего и не хочу его видеть. У меня его нет! Потому и машина времени мне сейчас нужна, как попу гармонь. Ничего мне не надо. Покоя хочется.

– Это ты сам для себя придумал. Ты опустил руки еще десять лет назад. Ты сдался обстоятельствам...

– Опять ты о своем. Проехали уже. Не надо, Лен. Я не пытался тебя перевоспитывать.

– Может быть, зря.

– Чего теперь говорить. Знаешь, за минуту до тебя мне звонил твой муж.

– Угрожал? – насторожилась Елена Андреевна.

– Нет, но очень хотел приобщиться к эксперименту.

– Из меркантильных интересов?

– Мне так не показалось.

Елена Андреевна облегченно вздохнула. Полминуты они молчали.

– Спасибо тебе, Сереж. За все. И за прошлое и за настоящее. За все.

Кошкин не видел, как по щеке Елены покатилась единственная, но очень крупная слеза. В несколько каратов грусти. Эта слеза была признанием глубинной правоты Сергея, исходящей откуда-то из самых основ мирозданья, правоты, которую женщина может чувствовать, но с которой никогда не согласится. Корни ее переплетаются с корнями того самого древа познания, поливаемого слезами теряющего любовь человечества. Елена всхлипнула, но Кошкин уже не слышал, потому что трубка в его руках запела отбой. Тем не менее он еще сказал навстречу гудкам:

– Я больше не буду беспокоить наше прошлое, Лена. Может, только попрощаюсь. Ты же разрешишь мне?..

* * *

Этот телефон в кабинете Марченко звонил крайне редко. Вместо «вертушки» на этом телефоне с незапамятных времен красовался старый советский герб. Михаил Иванович не разрешал менять ни аппарат, ни герб. Строго предупреждал секретарей: «Умру – меняйте, что вздумается, а сейчас не трогайте». За последние тридцать лет в трубке этого аппарата сменилось 5 голосов. Вообще-то шесть, но Черненко в кабинет Михаила Ивановича позвонить не успел. Электронное нутро боевого оружия его интересовало меньше, чем кардиостимуляторы. В последнее время телефон звонил чаще, и генеральный всякий раз радовался, что он словно по наитию оказывался в кабинете, а не на больничной койке.

– Здравствуйте, Михаил Иванович, – сухо и вежливо сказала трубка.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, – ответил Марченко и поймал себя на мысли, что выговаривает это имя с определенным трудом.

– Как продвигается ваша работа над изменяемыми траекториями? Установленные правительством сроки выходят.

– Работа закончена. Можно начинать испытания, – доложил генеральный тем же тоном, каким дворники докладывают домкомам о подметенном тротуаре.

– Хорошо, я дам команду главкому определить сроки и точку запуска. А вы представьте в ближайшее время список ваших работников на награждение. Есть какие-нибудь проблемы, трудности?

– Нет, все по плану. Есть только некоторые интересные наработки. Мой заместитель, Сергей Павлович Кошкин, я вам его представлял, когда вы приезжали, ведет работу в направлении пространственно-временных изменений, есть определенные успехи. Думаю, это позволит нам поставить на новый уровень понятие превентивного, упреждающего удара.

– Поясните, Михаил Иванович.

– Представьте себе, что у нас появилась возможность ответить на сегодняшний выстрел противника вчера. То есть днем-двумя раньше.

– Вы считаете – это реально?

– До нынешнего дня считал, что нет. Но сегодня видел опытный образец генератора. Сергей Павлович, правда, еще не афиширует свои наработки, последние годы он занимался этим в свободное от работы время на свой страх и риск.

– Какое необходимо финансирование? Оборудование? Когда можно ознакомиться с этим чудом техники? Полагаю, секретность данного проекта соблюдается?

– Разумеется, Владимир Владимирович. Думаю, в ближайшее время я приглашу вас в наши пенаты. Смету финансирования представлю на этой неделе.

– Хорошо, Михаил Иванович. Если будут какие-то проблемы, трудности, сразу выходите на меня. Успехов вам, до свидания.

– До свидания.

Опустив трубку на рычаги, Марченко еще долго смотрел на герб. В нем боролись два чувства. С одной стороны, он был доволен: теперь он мог не сомневаться, что место генерального при таком-то фантастическом запале обязательно достанется Кошкину, с другой – он не знал, как к его поступку отнесется сам Сергей. Ведь он мастерил свое детище явно не для военных целей и даже вряд ли подумывал о подобном его применении. Это неизлечимый профессионал Марченко еще утром дотумкал до превентивных ударов, но Кошкину ничего об этом не сказал. М-да... Если об этом узнают в ЦРУ... То в принципе им можно всем увольняться. Интересно, кого сейчас вызовет к себе в кабинет президент, чтобы справиться о психическом здоровье Марченко? Или не вызовет? Да какая разница, имя Кошкина застолбить удалось, можно засыпать спокойно, в том числе – вечным сном.

* * *

Две трети ночи Кошкин потратил на чтение Корана. Под утро успел еще проштудировать Сунну. На сон ему осталось часа три. И эти три часа он видел яркие короткие сны из истории Арабского Халифата. Видел, как легкая арабская конница рассекает надвое легионы византийского императора Ираклия, видел погрязших в роскоши халифов Багдада, для

одного из которых придуманы были Шахразадой сказки тысячи и одной ночи. Снилось ему загадочное святилище Кааба, доставшееся мусульманам еще со времен туманного язычества. Крутились сквозь эти сказочные картинки арабской вязью изречения пророка, но нигде не встречал он обожествленного Мухаммадом требования «убей». Если и произносилось это слово пророком, то только касательно случаев, когда нужно было защищаться от язычников или нападать на язычников, коими христиане или даже иудеи не являются. Сюжетом Коран тесно переплетается с Библией, но часто упрекает иудеев, что скрыли они в Ветхом Завете упоминание о пророке Мухаммаде, а к христианам мусульмане не повернули, потому как понятие триединого Бога не осилили. Да и не считали, что Богу нужен Сын. Поэтому почитали Ису (Иисуса Христа) как пророка. Не умещалось в восточном сознании картина Всемогущего, но распятого за грехи людей этими же людьми Бога! А тут еще учение о Святом Духе... Чего уж там... И не каждый христианин до конца понимает, как Один может быть Тремя. Хотя возразить этому непониманию можно, скажем, так: Бог может быть по воле Своей и Тремя, и Четырьмя, и Тысячью, и все по воле Его, и нет ничего, что было бы для Него невозможно. И при этом ОН ОДИН! Один на всех...

Но тут выясняется, что у каждого было свое Писание. И все, как школьники, заспорили, кто лучше понимает Главного Учителя. Да подождите вы! Придет учитель в класс Сам и всем выставит оценки! Если вы до этого не перебьете друг друга. Потому что Учитель не учил вас убивать... Иначе для чего он создавал этот мир? А пока вы убиваете друг друга, банкиры-ростовщики считают дивиденды, полученные от этих убийств.

«Сколько тысяч лет человечество учится любить, но совершенствуется в качестве и количестве убиения себе подобных?» – этот вопрос свербел в голове Кошкина по дороге на работу.

Проскочив мимо незнакомого охранника, Сергей Павлович вспомнил, что сегодня вечером должен был бы дежурить Дорохов. Значит, будет Китаев. Можно попробовать воплотить задуманное. Первый делом зашел в кабинет к Марченко. Секретарша приветливо кивнула: ждет.

Михаил Иванович корпел над какими-то бухгалтерскими бумагами, и Кошкин с грустью подумал, что ему, в случае чего, придется заниматься той же скучнейшей работой, а также подмахивать всякие приказы и вести кадровую политику. Только от мысли об этом Сергея Павловича передернуло от плеча до плеча. Марченко засиял навстречу отеческой улыбкой.

– Здравствуй, Сергей! Рад видеть тебя во здравии. Да и бодрый ты сегодня.

– Взаимно, Михал Иваныч. Вы тоже как огурчик.

– А я хочу порадовать тебя. Разговаривал с самим. Скоро испытания. Вот, собираюсь подписать наградной список, готовь дырку под орден и карман под премию!

– Спасибо. Но это труд всего коллектива.

– А я и пишу весь коллектив, просто ты у меня проходишь под номером один. Так что не обольщайся. Думаю, в недалеком будущем ты сам будешь подписывать такие приказы и представления, не имея права вписать в них собственное имя. И еще, Сереж, мы говорили с президентом о перспективных разработках, и я поимел наглость выдвинуть проект упреждающего удара из прошлого... – Марченко замер, ожидая реакции Кошкина.

– Зря, – опустил глаза Сергей Павлович, – я не буду говорить банальных фраз о том, что человечество еще не готово к использованию такой техники не то что в военных, но даже в мирных целях.

– Да я ничего особенного не сказал, но мне, Сереж, надо думать не только о моральной стороне вопроса, но и судьбе всего конструкторского бюро, всего института, всего завода. Между прочим, мы тут кормим свыше тысячи человек. Это тоже моральная сторона вопроса. Пойми меня, я не посягаю на твою тайну, просто не было времени с тобой посоветоваться. Я выдвинул предложения некоего хронологического опережения ракетного удара, делающего бессмысленным любую внезапность! А значит – и само понятие войны! Я помню, каким шоком для нас стало двадцать второе июня! А ты – нет!

– Михаил Иванович, но вы же знаете, что такую тайну, будь она хоть трижды военной, не спрятать! Как не удалось американцам спрятать атомную бомбу!

– Мы сделаем по-другому: ничего официально даже для правительства объявлять не будем. Основная версия: мы разрабатываем опережающее нутро для ракеты, пусть шпионы ищут новый тип двигателя... В конце концов не использовать такой шанс для разоренной, окруженной мнимыми друзьями страны – это тоже форма предательства. Ты, Сергей, главный конструктор направления, а это не хухры-мухры. Мы тут не телевизоры ремонтируем.

– Я помню, Михаил Иванович. Дайте мне пару-тройку дней. Я хотел бы закончить испытания на семейном уровне. А там посмотрим, стоит ли ломать копья.

– Смотри, вместо копий не наломай дров. Знаешь, мне, старику, даже не хочется ни в прошлое, ни в будущее. Я настолько устал от жизни, от

постоянного напряжения, что мне гроб кажется мягкой периной... Но мне не все равно, в какой стране будут жить мои внуки.

– Мне тоже, Михал Иванович, а про гроб вы зря. Дай вам Бог здоровья.

– Знаешь, я тут намедни пришел в церковь. Свечки за упокой ставил, молебен заказал. Постоял среди прихожан. Вот где я почувствовал покой. Вся суета за порогом. Вечность, что ли, ладаном пахнет? И помыслил вдруг, что я всю жизнь делал оружие, находил тому оправдание, но только в первый раз в жизни задумался, а как на это посмотрит Господь Бог?!

– А я о чем, Михаил Иванович? Дай нашему либеральному быдлу машину времени, и начнутся платные полеты в космос. Откроют парк культуры и отдыха имени Рокфеллера, наставят агрегатов и давай народ за двадцать долларов на двадцать минут в прошлое запуливать. А на государственном уровне задумают выправлять ошибки прошлого да закрашивать белые пятна истории. Там же о Божьем Промысле понятия не имеют, а если и имеют, то полагают, что и его купить или под себя подладить можно.

– Да знаю я это все, – махнул рукой Марченко, – но если генеральным станет Яковлев, то, во-первых, всем даровитым ребятам он укажет на дверь, чтоб не создавали яркого фона его серой личности, во-вторых, он уже на второй день сдаст площади лабораторий и кабэ всякого рода бизнесменам, в-третьих, откуда нам знать, что где-нибудь в пещерах Пентагона нет своего Кошкина. Ты можешь дать такую гарантию?

– Нет.

– То-то и оно. Поэтому давай остановимся на осторожном, поступательном развитии событий с учетом всех возникающих обстоятельств. И помни, Сереж, кроме тебя у меня наследников нет. Надеюсь, что для тебя это не пустые слова.

– Не пустые. Я даже представить себе не могу, что бы я тут без вас делал.

– Ну вот, признание в любви состоялось, теперь иди, выправляй свое прошлое, только будь осторожен.

– Постараюсь.

Выходя с тяжелыми мыслями из кабинета Марченко, Сергей Павлович, буквально налетел в коридоре на Варю.

– Сергей Павлович, что там с Марией Гавриловной? Меня вызвали по поводу второго этажа. Чтобы я соглашалась его мыть. Мол, зарплата будет больше.

– Соглашайтесь, Варя, – грустно ответил Кошкин.

Варя плеснула на него синеву своих глаз, и вдруг взяла за руку.

– Я, конечно, простая техничка, и вы можете мне не отвечать. Но у меня стойкое чувство, что я соглашаюсь на эту работу уже второй раз. Что происходит, Сергей Павлович?

– То, что и должно происходить. Уж не знаю, Варя, на каких скрижалях написаны наши судьбы, и я никогда не относил себя к убежденным фаталистам, но, похоже, что в этом случае все происходит по Высшему сценарию.

– Мне бы не хотелось выглядеть в ваших глазах дурой или сумасшедшей, у меня все-таки три курса физмата за плечами...

– В моих глазах вы выглядите, как очень красивая девушка, которая выполняет тяжелую, не предназначенную ей работу, – попытался обратить все шуткой Сергей Павлович, но следующая фраза Вари заставила его вздрогнуть.

– Просто мне кажется, что у нас был другой охранник, я его часто видела с вами, и даже помню его лицо и застиранную тельняшку.

– Вы, правда, это помните? – сердце Кошкина подпрыгнуло.

– Да, не знаю, как это объяснить самой себе.

– Пока ничего не пытайся объяснять, не ломай голову, будет время – я сам тебе все расскажу, – Кошкин не заметил, как перешел на «ты». – Другой вопрос, ты единственная, кто по каким-то выходящим за рамки правил происходящего причинам помнит об этом. Странно это.

– Наверное, потому, что вы мне нравитесь, Сергей Павлович, – Варя осторожно высвободила руку, которую Кошкин держал так же, как держал бы сейчас какую-нибудь случайную вещь.

Озадаченный Кошкин остался стоять в коридоре, а Варя направилась в сторону отдела кадров. Он еще что-то хотел сказать ей вслед, но только прикусил нижнюю губу. Перед внутренним взором по-прежнему стояла двадцатилетняя Лена Варламова, заполняя своим образом натруженное и усталое сердце Сергея Павловича.

* * *

Как много приходилось слышать вам грустных историй о солдатах, которых не дождались невесты и даже жены? А как часто вы слышали рассказы, где главные персонажи меняются местами?

Варя Истомина ждала своего Сашу. Раз в три дня отправляла ему письмо. Сначала в учебку, потом в линейную часть, потом на Кавказ...

Саше Ермоленко не повезло в жизни два раза. В первый раз, когда он не поступил в университет, второй раз, когда попал в плен к чеченам. Но оба раза «не повезло» имели свои веские основания. Во время вступительных экзаменов Саша расслабился по полной программе, и вместо того, чтобы морщить лоб над учебниками и штудировать билеты, он гулял с друзьями по барам и дискотекам, да еще пытался увлечь с собой Варю. Обижался на ее правильность, когда она предпочитала его компании сухие формулы и русскую классическую литературу, ибо в школе читала нахрапом и «под вопросник» учителя. После неудачного поступления на факультет менеджмента Саша окунулся в менеджмент реальный и до весны проработал на оптовой базе у чеченца Халида и азербайджанца Теймура, что держали ее на паях. Там он, таская коробки с ширпотребом и продуктами, дослужился до звания старшего экспедитора и научился влет читать счета-фактуры и накладные, легко определяя местоположение требуемого товара в огромном ангаре. Так и понесло его по складам и амбарам. Правдиво заполнил анкету в военкомате и попал из учебки в хозвзвод. Конечно, на вещевом складе служба лафа, но только на второй год. Первогодка гоняет по-черному начальник склада прапорщик, и тот, кому на смену был взят молодой. Самой неприятной работой для Ермоленко был сбор грязного, благоухающего солдатским потом белья. Хорошо, когда сдавать белье приходили духи. Их можно было пинать, тыкать мордой в это самое белье на радость подбадривающему прапору и сержанту.

Между тем в письмах Варе Саша, ссылаясь на военную тайну, намекал, что служит в специальном подразделении, в разведроте, а в ответ получал полные восхищения его героизмом и стойкостью, выведенные каллиграфическим почерком строки.

Второй раз Саше не повезло, когда ему захотелось расслабиться по полной программе в условиях боевых действий и партизанской войны. Он договорился с местными на выгодный бартер: несколько комплектов новой формы, инженерное снаряжение и кое-какие мелочи в обмен на ящик водки. Всю водку, конечно, не выпить, но можно выгодно продать своим. Саша старательно откладывал деньги на дембель, мечтал открыть собственное дело. Прапорщик Стуцаренко такой «чендж» молчаливо одобрял, имея с каждой операции две третьих от денежной суммы или литровой массы. Сам же хитро оставался в стороне, потому как последнее время за такими аферистами внимательно следили особисты. Но что такое мешок тряпок и обуви по сравнению с двумя зенитно-ракетными комплексами

«Игла», которые намедни исчезли у соседей! И ведь никого не посадили! Начальник склада отделался досрочной демобилизацией, а срочников перекинули в другие части.

Обмен происходил уже не первый раз, поэтому ефрейтор Ермоленко ничего не опасался и даже не стал осторожнее, когда на «стрелку» вместо почтенных стариков, с которыми он всегда имел дело, пришли два молодых чеченца и пригласили его проехаться на соседнюю улицу. Посомневаться в целесообразности и безопасности такой поездки не успел, подтолкнули стечкинским стволом. Ефрейтор Ермоленко вместе со своим мешком плюхнулся на заднее сиденье потрепанной «Нивы» и спустя несколько минут оказался на окраине соседнего поселка, но об этом он мог только догадываться, потому как глаза ему завязали, а рот заклеили скотчем. Чуть ли не носом он сосчитал лесенку на крыльце, когда его втолкнули в дом. А когда развязали глаза, коленки ефрейтора заметно ослабли, холодный пот выступил на спине. В доме на полу сидели семь бородачей, семь «воинов Аллаха», которых Ермоленко до этого видел только издалека, пленными. Сейчаҫ же перед ним сидели, ухмыляясь, вооруженные до зубов боевики, попивали зеленый чай и неспешно о чем-то говорили. Старшего ефрейтор вычислил быстро. Он и по возрасту был старше, и держался несколько свысока, он и заговорил с Ермоленко.

– Ну что, свинопас, не ожидал?

– Почему свинопас?

– Потому что русские свиньи едят поганую свинину, потому что в хозротах служат свинопасы. Я, когда в Советской Армии служил, у нас в хозроте одни урюки служили. Пасли свиней и жрали сало прямо со щетиной, в то время как остальные учились рыть окопы. Понял, свинопас?

Ефрейтор молчал, опустив голову.

– Кофе хочешь? По-турецки... – вроде как смягчился старший.

– Хочу, – Саша позволил себе поверить, что его привезли все-таки для совершения обмена, вот даже и кофе предлагают.

Один из боевиков пододвинул в его сторону ногой дымящуюся турку и эмалированную кружку.

– Сам наливай.

Руки ефрейтору стянули тем же скотчем еще в машине, но не за спиной. Тем не менее он сумел налить себе кофе, сделал несколько глотков и попросил сигарету.

– А бабу тебе, ефрейтор, не надо, для полного удовольствия? – сказал самый младший, и остальные хохотнули над его шуткой.

– Нет, сигарету. Для курильщика кофе без сигареты, как половой акт без оргазма, – попытался острить Ермоленко.

Над его шуткой тоже посмеялись. Но потом выражение лица старшего изменилось, он смотрел на пленника уже явно враждебно.

– Ты, наверное, умный?

– Был бы умный, не сидел бы здесь с вами.

– Да нет, ты умный, – он иронично растянул последнее слово, – но ты жадный, и твоя жадность больше, чем твои мозги.

Боевики снова засмеялись.

Старший что-то сказал на чеченском самому молодому, тот взял СВД и, небрежно пнув ефрейтора ногой, чтоб не занимал проход, вышел из дома.

– Ты прав, – продолжал старший, – умные в институтах учатся, а не портянки в армии стирают.

– Я думал, мы обмен будем делать, – попытался восстановить статус-кво ефрейтор, – я же принес все, как заказывали.

– Заказывают в ресторане, а мы приказываем, понял? – для усиления понимания, ближний к Саше боевик приложил ему подошвой в челюсть, но не сильно. – А обмен мы будем делать. С твоим прапором. Поменяем тебя на несколько гранатометов и патроны.

– Но на нашем складе нет гранатометов!

– Зато на соседнем есть. Не переживай, прапор уже не в первый раз, вот только последнее время честным стал. Не хочет друзьям помогать. Старым друзьям!

– Там особисты лавочку закрыли, – сам себе сказал Ермоленко.

– Нычего, хорошие магазины круглосуточно работают. Если прапор не принесет, мы ему твою голову отправим, а в рот тебе вставим письмо для начальников, о том какие вы с прапором крысы. Видишь, какой у нас хороший план.

– Хороший, – голос ефрейтора надломился и поплыл.

– А пока мы тебя даже обижать не будем, потому что ты не воин, ты – крыса. И если все для тебя хорошо кончится, ты будешь нам приносить со склада то, что мы тебе скажем. Понял?

– Понял...

– Вот и хорошо, а то твои товарищи захотят твоей головой в футбол играть. Али, привяжи его.

Ефрейтора привязали к стулу, больше с ним никто не разговаривал, боевики достали нарды, а говорить продолжали на чеченском. В голове

Александра Ермоленко прокручивались возможные сценарии развития событий. Разумеется, очень хотелось, чтобы прапорщик выполнил требования чехов, а там уже... Страх не позволял думать, что может быть дальше. Приблизительно через час в дом втолкнули сержанта с соседнего склада. С ним уже никто не разговаривал, и ефрейтор понял, что ситуация накаляется. Боевики явно теряли терпение. Во всяком случае лежащему на полу сержанту крепко досталось под дыхало. Пару раз его пнули, словно до этого он успел чем-то им насолить. А может, и успел...

Время медленно тянулось к вечеру. Саша закрыл глаза, то ли нервы перегрелись, то ли страх перевалил ощущаемую норму. Сон навалился, как неподъемный груз, и наполнил темноту в голове вспышками короткометражных сюжетов. Приходила во сне голая Варя. Он как-то вошел в незакрытую ванну, где она принимала душ, обомлел и тут же на нее накинулся. Но Варя вдруг стала отбиваться и выставила его за дверь. Даже во сне вспомнилось чувство обиды. Ему в армию через пару недель, а она из себя недотрогу корчит. А вот сейчас пришла... Стройная и гладкая, сверкая своими синющими глазами, смоляные пряди волос падают на плечи, покачивая двумя клубничками, маня упругим животом... Так и кончить можно. Но вот уже другая вспышка: мать ругает Саню, корит его, на чем свет стоит: променял образование, променял свое будущее на друзей-собутыльников, и даже Варя-красавица его остановить не может, отец-то в твои годы на заводе вламывал... И знает Саня, что права она, но злость в нем еще больше закипает. Что она понимает в этой жизни?! Что она знает о настоящих друзьях? А вышло, что знала больше. Потому как один купил себе военный билет, другой сумел закосить под жутко больного, а третий за мелкое воровство предпочел париться на нарах, чем на солдатском матрасе. Следующая вспышка сопровождалась взрывами и летящими во все стороны осколками. Позже Александр Ермоленко готов был голову дать на отсечение тем же чехам, что он видел все происходящее не во сне, а реально: видел, как одна за другой, точно в замедленном кино, влетают в окно гранаты, и по комнате разлетаются ошметки человеческих тел и одежды, как дюжина кусков горячего металла врезается в его грудь и живот. Он даже посмотреть на них успел, прежде чем умер...

Но в другой реальности все произошло иначе. Сначала раздались выстрелы на улице, потом посыпалась штукатурка над головой. Ночная мгла еще только-только начала смешиваться с предрассветным туманом. Автоматные стволы, выплевывая пули, больше походили на газосварочные агрегаты в руках неумелых людей. За окном, на недалекой улице матерились

по-русски, в доме – говорили по-чеченски, но матерились тоже по-русски. Потом старший крикнул в окно, что здесь пленные солдаты. И все затихло. Ермоленко и сержанту развязали ноги, старший вывел их на крыльцо.

Где-то рядом были свои, но ефрейтору Ермоленко в этот момент больше всего хотелось в туалет. От этого он почему-то улыбался. Какой тут бой, если утренняя моча в голову ударяет со страшной силой. И когда слева – из кустарника на огороде – жахнул выстрел, Ермоленко «щучкой» нырнул с крыльца в сторону, секундой позже его движение повторил сержант, а из окон дома полетели стекла от разорвавшейся внутри гранаты. «Ну вот, и побывал в настоящем бою», – подумал ефрейтор, лежа на мокрой траве и торопливо расчехляя единственное оружие, которое у него с собой было, чтобы не налить в штаны.

Потом был еще один выстрел, это недобитый чех застрелил майора, который разговаривал с сержантом. Но в общей суматохе Ермоленко этого не заметил, он в первый раз в жизни подумал о Боге, потому что остался жив. Остальные его не интересовали. Уникальная и единственная жизнь Саши Ермоленко продолжалась. Можно было даже рассчитывать на награду.

Про спасение ефрейтора Ермоленко и героизм майора Дорохова написали в газетах, пленников даже мельком показали по телевидению. Саша, прочитав заметку, облегченно вздохнул: «...в результате операции разведчиков были освобождены попавшие в плен к боевикам накануне сержант Андросов и ефрейтор Ермоленко...». Получалось, что Саня вроде как имеет отношение к боевой разведке. Поэтому свежеиспеченный младший сержант Ермоленко вырезал заметку из газеты и отправил ее Варе. Пусть полюбуется – он герой, он не врал ей про тяжелые боевые будни.

У Вари, когда она читала, навернулись слезы. Вот ведь Саня – был в плену, а ни слова об этом не писал. Друзья-разведчики спасли его. И скоро он приедет домой... Вся жизнь превратилась в ожидание. На своих сокурсников мужского пола Варя стала смотреть с некоторым недоверием и даже пренебрежением: отсиживаются тут, пивко попивают, дрыгаются на ночных дискотеках, рефераты в Интернете воруют и экзамены покупают. А настоящие парни, настоящие мужики тянут лямку и гибнут на войне!

Саша вернулся сразу после Дня Победы. Сколько нежности Варя подарила ему в первый день! Он же смотрел на нее с некоторым высокомерием, как на старшеклассницу, которая дорвалась до кумира. Но это она заметит потом. А он в первый же день овладел ею, довольно грубо, но очень страстно. Зато Саша после этой ночи стал смотреть на нее, как победитель, ко-

торому она обязана чем-то основательным: то ли свободой, то ли вообще своим существованием. Странным ей также показалось, что он вернулся при деньгах. Уже на второй вечер сводил ее в шикарный ресторан «Венский вальс», где больше старался произвести впечатление на официантов своей щедростью, чем на Варю своими чувствами. Слышала, что солдатам в горячих точках платят боевые, но также слышала, что повсеместно выплаты эти задерживают.

После нескольких рюмок водки он плаксиво рассказывал ей, как вытаскивал под вражеским огнем раненого товарища, как свистели вокруг пули. А потом этого раненого бойца у него с рук на руки принял старший лейтенант, которому дали орден, а младшего сержанта Ермоленко, как водится, забыли. Но он не в обиде, боевое братство важнее, чем побрякушки на груди. Да и кто знает, может, еще дадут орден Мужества, многих награды на гражданке догоняют... Нет, Ермоленко еще всем покажет!

Варя всматривалась в своего возлюбленного и старательно отгоняла навязчивую мысль, что все происходящее ей кажется фальшью. Что с Саней происходит что-то не то, что он вернулся домой с печатью какого-то ущербного эгоизма на лице. И когда он, провожая ее домой, попытался овладеть ею прямо в подъезде, она залепила ему пощечину. Этого герой кавказской войны ей простить не мог. Вытолкнув пьяным перегаром матерную скороговорку в адрес Вари и, по ходу, всех остальных баб, он порекомендовал ей «сдать свой орган в аренду физикам и лирикам, что отсиживаются под мамиными юбками», а такие, как младший сержант Ермоленко, не нуждаются в подачках. Развернулся и, нетрезво маршируя вниз, чуть не упал с лестницы.

Всю ночь Варя плакала. Рано утром он позвонил ей, долго и нудно извинялся, молил о встрече, называл ее смыслом жизни, и когда она «сломалась» и позволила ему приехать, примчался на такси с огромным букетом алых роз, которые бросил к ее ногам, упав на колени. Варя слышала, что тем, кто воевал в горячих точках, нужна реабилитация, что психика у них все равно повреждена, поэтому списала ночной эпизод на эти боевые издержки. Другой вопрос, что чем дальше, тем больше Варя ловила себя на мысли, что ей не о чем разговаривать с Сашей. Он ни о чем, кроме денег и своего будущего автомагазина, говорить не хотел. А об этом он молотил бесконечно, как ди-джей на радиостанции, поэтому Варя замолкала и потихоньку уходила в себя. Так и ушла. И осталась сама с собой.

Как-то вечером они прогуливались по вновь отстроенной, залитой в мрамор набережной. Саша сыпал своими бизнес-прожектами и детальны-

ми расчетами их с Варей светлого обеспеченного будущего. К тому времени он на «свои сбережения и боевые» уже купил автостоянку в центре города, договорился обо всем с бандитами, державшими район, и собирался начать строительство автосалона. А Варя в этот момент думала, как ей рассказать о своей беременности. И решила сделать это одним махом.

Остановила, приложила палец к его губам, когда они обещали поездку в Париж, и спросила:

– Втроем поедем?

– В смысле? – озадачился Саша.

– У нас будет ребенок.

Ермоленко сначала растерялся, потом побледнел, потом покраснел и в итоге выдал на-гора следующие соображения:

– Варя, мы только начинаем подниматься! Какие дети?! Что ты, Варенька, это отвлечет нас, – тут же поправился, – это не позволит мне сделать нас счастливыми!

– О каком счастье ты говоришь? – похолодела внутри Варя.

После этого вечера они больше не встречались. Через месяц у нее произошел выкидыш, а через полгода, немало повалявшись в больнице и покинув очное отделение университета, Варя узнала, что удачливый бизнесмен Александр Ермоленко женился на дочери известного рыбного магната Шумилова. О ней она знала немного. Внутри: самовлюбленная дура, снаружи (судя по фотографиям в толстых лаковых журналах) – рыжая стерва. Не узнала Варя только одного, что однажды в автосалон Ермоленко пришел мужчина кавказской наружности и, нагло потеснив охрану, ввалился в кабинет владельца со словами:

– Давно не виделись, свинопас.

Свою жизнь Варя с тех пор считала банальной мелодрамой. Некоторое время ничего не могла делать, а потом устроилась в КБ Марченко уборщицей. За последние пять лет она несколько раз пыталась восстановиться в университете, но, похоже, заочников там держали только за деньги. Так и размазывала свою жизнь верная Варя шваброй по кафельному полу секретного оборонного предприятия. И теперь в отделе кадров ей предложили размазывать ее сразу по двум этажам, правда, зарплату обещали почему-то увеличить не в два, а только в полтора раза.

* * *

Вадим Григорьевич Яковлев нервничал. Старик Марченко опять вернулся к делам, ломая все планы своего зама по общим вопросам. Ему дав-

но прогулы на кладбище ставят, а он на работу приполз. И надо же было именно в этот момент позвонить президенту! А ведь Марченко прочит на свое место этого забулдыгу Кошкина. Небось успел замолвить слово за своего любимчика. Да, Кошкин, талантлив, Кошкин, может быть, гений, но разве можно доверять этому, витающему в облаках, совковому интеллигенту оборонное предприятие? Он же – ни денег выбить, ни выставку провести, ни готовый продукт продать! Все это делает Яковлев. В Рособоронэкспорте...

Вадим Григорьевич сидел в парке, ожидая деловой встречи. В начале недели на рабочем столе зазвонил телефон, и мужской голос с легким кавказским акцентом предложил встретиться для удовлетворения обоюдного коммерческого интереса. Вадим Григорьевич поначалу отмахнулся: военными тайнами и ракетами не торгую. Кавказцы уже не первый раз пытались подобраться к заводу, но сразу исчезали по мановению волшебной палочки ФСБ. Но этот сразу сказал, что его интересует вполне мирная продукция, а выгоду обещал с шестью нулями. Поворчав, Вадим Григорьевич на встречу согласился, но подстраховался: неподалеку скучали два офицера ФСБ, курирующие предприятие. Как назло, кроме них троих в парке никого не было. Кураторы зачитывали до дыр газеты на соседних скамейках, а Вадим Григорьевич поминутно вытирал носовым платком пот, выступавший на лысине. Хорошо хоть микрофон ни к какому месту не приклеили. Внешне Вадим Григорьевич очень напоминал Хрущева, и, зная об этом сходстве, даже любил копировать советского горе-реформатора, и по возможности не пропускал ни одного кадра кинохроники, где был запечатлен поклонник кукурузы. Но для данного момента подходящего выражения лица и даже позы найти не мог. «Партнер» либо опаздывал, либо засек опекунов, поэтому Вадим Григорьевич решил выждать еще минут пять и протрубить отбой.

И все же минуты через полторы на скамейку рядом с ним присел рано поседевший мужчина средних лет в темном костюме и черных лаковых туфлях. Небритое два-три дня лицо, темные, с блеском презрения ко всему окружающему глаза, гнутый кавказский нос, два симметричных округлых шрама на обеих щеках и полный рот золотых зубов, сияющих из-под всплывающей ухмылки. Выглядел он подчеркнуто независимо, на

контрразведчиков бросил опытный взгляд и, цокнув по-восточному, покачал головой.

– Меня зовут Бекхан, я – чеченец, в федеральном розыске не нахожусь. А вот в контору вы зря доложили, это может осложнить наши взаимовыгодные отношения.

– Страховка не помешает, – прищурился Яковлев, – я, знаете ли, ни менеджером в магазине женского белья работаю...

– Знаю, но теперь вам придется придумывать для них всякие отговорки, потому что у меня есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Чего я только не слышал! Мне один цэрэушник дом в Калифорнии сулил и счет в швейцарском банке.

– Я предлагаю вам пока сто тысяч долларов. Для начала. А вообще-то речь пойдет о миллионе. Возможно и больше.

– И что вы хотите за такие деньги?

– Машину времени.

Яковлев внимательно посмотрел на собеседника, который глаз не отвел и никак не отреагировал на весьма показное на лице Вадима Григорьевича сомнение в его психическом здоровье.

– Плохо работаете, Вадим Григорьевич, если не знаете, что у вас под носом делается.

– Прошу запомнить: фантастические проекты – это не по нашей части, вот это я точно знаю, – и Яковлев, промокнув в очередной раз лысину, сделал вид, что собирается уходить. Время дорого.

– А в лаборатории Сергея Павловича Кошкина вы последний раз когда были? – властно положил ему руку на плечо собеседник, и опекуны тревожно захрустели газетами.

– Вчера, – не особо напряг память Вадим Григорьевич, неожиданно осознав, что испытывает на себе наглое, неотвратимое давление чужой воли и ничего с этим поделать не может.

– Что-нибудь необычное видели?

– Да генератор какой-то на столе... Так. Ничего подобного там быть не может! Надо представить себе огромные затраты энергии, речь ведь идет о космических, вселенских мощностях, такое в лаборатории не спрячешь, тут даже специально построенного ангара может не хватить... – вот это уже была хрущевская речь, еще про водородную бомбу добавить, чтоб у проклятых империалистов в зобу дыханье сперло.

– Вам знаком паровоз братьев Черепановых? – перебил просветительскую тираду Яковлева Бекхан.

– А что?

– Так вот, прежде чем появились современные тепловозы и электровозы, была сначала паровая самодвижущаяся телега крепостных мастеров братьев Черепановых. И ездила она на расстояние всего три с половиной километра.

– Вы хотите сказать, что на столе Кошкина стоит эта самая тележка... – Вадим Григорьевич вдруг вспомнил, что когда-то был комсоргом МВТУ им. Баумана.

– Да, и перемещается она во времени.

– Откуда вы знаете?

– Катался на ней, как случайный пассажир. А вот если узнают ваши друзья из ФСБ, которые сейчас пытаются щелкать фотоаппаратами, вы никогда этот прибор не увидите, богатым не станете, генеральным тоже... И вообще никем не станете.

Вадим Григорьевич помрачнел. Сдавив пальцами виски, в которых назойливо застучала фамилия Кошкина, он, как первоклассник у незнакомого дяди, спросил:

– Вы точно не из разведки? Ну, какой-нибудь там... Может, Саудовской Аравии. Или Палестины... Хрен знает.

– Нет. Я вообще ниоткуда. Меня нет. Хотя вот мой паспорт, посмотрите и успокойтесь. Но для любых органов власти меня нет, хотя одновременно я есть. И у меня есть деньги. Представьте себе, что я умер уже два раза. Первый раз меня взорвали, второй раз пристрелили дуплетом. Я это четко помню, каждое мгновение боли. Но я жив. Хотя где-то в Чечне есть как минимум две моих могилы. Даже по телевидению передавали об устранении разведчиками известного полевого командира... – в темных глазах полыхнула злоба, золотой оскал подсветил ей.

– Вы же сказали, что вы ни в чем не замешаны?

– Именно так, Вадим Григорьевич, как не может быть замешан в чем-либо мертвец! В конце концов даже с юридической точки зрения расстреливать меня неправомерно. Я понимаю, что для вас это звучит, как бред сумасшедшего, особенно, когда вы чувствуете, что я говорю неуверенно. Но как может говорить человек, у которого прострелена челюсть, и ему пришлось заново учиться ворочать остатками языка? Зато я теперь почти без акцента говорю по-русски. И знаете, прочитал много книг. Просто не вылажу из Ленинской библиотеки. А в технической тоже не один день штаны протирал.

– Похвально, – буркнул Яковлев, который вдруг почувствовал ростки мистического страха в душе и больше всего мечтал, чтобы этого разговора никогда не было.

– Не бойтесь. – Бекхан считывал внутреннее состояние Вадима Григорьевича, как сканер. – Я больше никого не хочу убивать, никому не хочу угрожать, кроме одного, быть может, человека... Я просто хочу вернуть себе самого себя. Хотя бы что-то одно: либо свою смерть, одну из двух, либо свою жизнь, потому что последние пять лет я не помню, я также хочу найти своего младшего брата, о котором ничего не знаю, я хочу понять смысл, всего что происходило, происходит и будет происходить.

– Тогда вам надо занять очередь в небесной канцелярии, запишитесь у секретаря. На последние вопросы ответы можно найти только там, – Вадим Григорьевич иронизировал, но уже понял, что избавиться от этого человека не получится.

– Может, и так, господин Яковлев, но разве вас не волнуют те же самые вопросы? Хотя бы на ближайшую перспективу в свете предстоящей смены руководства?

– Значит, вы утверждаете, что на вашу судьбу повлияла машина времени, изобретенная посредственным советским инженером Кошкиным?

– Он не посредственный. Он талантливый, и вы это прекрасно знаете. А судьбы у меня нет! Как бы вам еще понятнее объяснить. Ну представьте себе, что вы сели в поезд, а там с вами случилось несчастье: вы ударились головой и впали в кому. А когда пришли в себя, то очутились на незнакомой станции, в районной больничке, куда вас сдали сердобольные проводники и пассажиры. Вы пришли в себя и не помните ничего, кроме того момента когда теряли сознание. И еще лицо человека...

– Кошкина? – догадался Вадим Григорьевич.

– Ну вот, вы уже начинаете понимать.

– Что вы от меня хотите? Я не смогу вынести из лаборатории машину времени, паровоз Черепановых или как там она называется. Я даже паршивый конденсатор не стану выносить!

– Не надо, успокойтесь, – негромкий, но властный голос Бекхана, заставил Владимира Яковлевича замолчать. – Примите меня на работу каким-нибудь лаборантом. До войны я окончил машиностроительный техникум. Так что на лаборанта потяну. При этом платить буду вам я. За первый месяц сто тысяч долларов, за второй – тоже... А если все получится, то обещаю вам, что мы оба разбогатеем.

– У вас что, счет в швейцарском банке?

– Нет, у меня счет в лесу под Ведено. И я хочу найти пару схронов, чтобы получить оттуда свою зарплату. Страховые выплаты по двойному тарифу, за две смерти сразу.

– Но у нас есть предписание о проверке всех поступающих на работу, за вами все равно будут следить.

– Пусть, мне кажется, я вам ясно и четко сказал, что не собираюсь нарушать закон. Документы у меня в порядке. Ваших знаний хватит, чтобы разобраться с машиной Кошкина?

– У меня высшее техническое образование, но это не мое направление. Потребуется время...

– Я ждал пять лет, а последний год я искал. Поэтому я умею ждать. На ваше имя открыт счет в Промстройбанке, там оговоренная нами сумма.

– Но я еще не дал согласие, – Яковлев сам не знал, возражает он или нет, чужая воля парализовала его. В любом случае, он рассчитывал на тайм-аут, а уж потом он разберется, что со всем этим делать. Но маленький червячок страха, поселившийся в его сознании, шептал ему: никуда ты, Вадим, от этого человека не денешься. Да и кто знает, уже оправдывал свои будущие действия заместитель по общим вопросам, может, и не помешает хороший напарник, у которого четко определенные интересы, не входящие в противоречие с его собственными интересами.

– Я могу обратиться к другому человеку, но тогда проиграем мы оба, – спокойно заметил Бекхан.

Нужно было только определить грани сотрудничества и, вытерев в очередной раз пот с лысины, Яковлев прощупал характер будущих отношений:

– Я должен быть уверен в своей безопасности и не потерплю, чтобы мне диктовали.

– Любого, кто будет угрожать вашей жизни, вашему благополучию и здоровью, я убью, – Бекхан сделал театральную паузу, чтобы Вадим Григорьевич, пряча глаза, мог оценить уверенное и необратимое звучание этой фразы. – Что касается «диктовать», то мы с вами с этого момента партнеры, при этом, вы – начальник, а я – подчиненный. Если позволите, я буду вам только подсказывать, потому как посвящен в существо вопроса чуть больше вас.

– Хорошо, – облегченно выдохнул Вадим Григорьевич и поднялся со скамейки, – приходите завтра в отдел кадров.

– Сегодня, вы уже сегодня можете зайти в банк.

Вадим Григорьевич замер, определяя, диктуют ему в данный момент или нет, но вслух сказал:

– Хорошо, приходите сегодня.

– Да, и скажите этим... – Бекхан передумал употреблять обидное слово, – скажите этим фээсбэшникам, что я родственник вашего студенческого друга, беженец, попросился на работу.

– Я найду, что сказать, – небрежно бросил Вадим Григорьевич и зашагал по аллее.

Бекхан покачал ему вслед головой так же, как сделал это в начале разговора. Один из опекунов поднялся вслед за Яковлевым, второй дождался, когда своей дорогой пойдет Бекхан, чтобы вести его. Но уже через десять минут он потеряет цель, причем будет абсолютно уверен, что объект буквально растворился в воздухе.

* * *

Утро в автосалоне можно было назвать удачным. К одиннадцати часам в обширном мраморном зале, где блистали разноцветным лаком достижения автомобильного производства со всех концов света, бродили два реальных покупателя. Именно реальных, а не пустые зеваки, из тех, что всю жизнь мечтают. Менеджеры услужливо пружинили вокруг них, рассыпая преимущества и технические характеристики моделей, у которых останавливался взгляд толстосумов. Один из них, пожилой и толстый, выбиравший авто для молодой жены, прицелился на ярко-желтый кабриолет «Лотус элиз 07», второй – худой, молчаливый, с неприятным холодным взглядом, по-хозяйски откинул капот коллекционного «Эмджи экс пауэр», отчего сопровождавший его менеджер лишился дара заученной речи и с минуту стоял с открытым ртом.

– Если вы что-то желаете посмотреть, мы сами вам откроем и покажем, – выручил его подоспевший охранник.

Клиент даже не удостоил его взглядом. Зависнув над сердцем автомобиля, Грум думал: стоит ли ему в первый раз в жизни принимать самостоятельное решение, позволить себе немного импровизации, чтоб не потерять вкус к «творческой» работе. В сущности, Вздор в курсе, что Грум пошел пробивать автосалон, а значит – можно сослаться на обстоятельства. Вдоволь налюбовавшись мощным двигателем, он захлопнул капот и повернулся к остолбеневшему менеджеру.

– Карточки «Виза» принимаете?

– Разумеется, – облегченно выдохнул продавец.

– Оформляйте, – небрежно сунул ему в карман форменной куртки свою карточку Грум, – а я бы хотел поговорить с вашим директором. Возможно, речь пойдет о приобретении партии машин.

Менеджер торопливо поднес к уху мобильный телефон:

– Александр Евгеньевич, с вами желает встретиться клиент... Да. Да. Он сейчас приобретает «Эмджи». Именно этот экземпляр. Хорошо, я скажу Олегу, он проводит.

Олегом оказался тот самый охранник. Теперь уже он молча указал Груму направление движения (мстил или принял правила игры?). Вместе они поднялись на второй этаж, охранник открыл перед Вадимом дверь приемной и буркнул в проем:

– Инна, доложи шефу.

Александр Евгеньевич Ермоленко последние дни был не в духе. Что с того, что объем продаж растет, если к нему в кабинет может нагло вломиться полоумный чеченец и уйти со свежей пачкой долларов? За молчание! Урод! Точно надо сбросить на весь этот Кавказ атомную бомбу, как предлагал прапорщик Проценко! И все, и никаких проблем, в том числе у Александра Ермоленко. Дал бы команду ребятам замочить его, разорвать на куски, но хитрый Бекхан предупредил: случись с ним что, правда о подвигах Ермоленко станет достоянием больших красивых журналов и ляжет аккуратной папочкой на стол деятелей ФСБ. Ох! Если ты хоть раз дал ухватить себя за яйца, то будь уверен, что их будут выкручивать до конца жизни. Так ведь сказал еще в следующем месяце придет! Двадцать процентов прибыли! Не хухры-мухры...

Трудно теперь было улыбаться клиентам. Откуда эти уроды берут деньги на такие дорогие машины? Тесть еще умничал, предупреждал: прогоришь ты с новьем, бери в оборот подержанные. Да вот хрен! Берут машины, еще как берут, ради престижа последние штаны снимают. И все довольны. В том числе бандиты, которым Ермоленко лохов сдает, и они лишаются своих новехоньких иномарок посредством угона в течение месяца.

Глянув на клиента, который вошел в кабинет, Ермоленко похолодел. Это был известный всему городу Грум. Про него говорили, что он может человеку голыми руками вырвать печень и заставить ее сожрать еще до того, как он умрет. И взгляд его не обещал Александру Евгеньевичу ничего хорошего.

Не дождавшись приглашения, Грум сел напротив, примораживая своим немигающим взглядом Ермоленко к кожаному креслу.

– Радуйся, я у тебя машину купил, – сказал он.

– Всегда рад, – очень хотелось не показать своего страха, но Грум лез в заячью душу почище Бекхана. Что называется, без акцента.

– Что нужно было от тебя чечену?

– Какому чечену? У меня их тут немало перебывало.

– Не юли, не люблю длинных бесед. – Грум достал из кармана выкидной нож и, щелкнув лезвием, принялся демонстративно вычищать грязь из-под ногтей кончиком лезвия.

– Я когда воевал, ну, там, в зоне боевых действий службу нес, в общем, там мы познакомились. Так что это старый знакомый.

– А что твоему старому знакомому надо от секретного оборонного предприятия?

– Откуда мне знать, он мне не докладывал. Просил помочь материально. Хочет здесь остановится. Денег на первое время взял.

– А на второе время скоро за деньгами придет?

– Не сказал, – опустил взгляд Ермоленко.

– Значит, ты и на Кавказе торговал, раз тут благотворительностью занимаешься? – Грум пальнул своим ледяным рентгеном.

– А там не хлебом-солью встречают.

– Угу, поэтому хлебом-солью ты там торговал... Значит, так, я у тебя не был, ничего не спрашивал, если еще раз придет, позвонишь мне. Понял? Если что не так, я тебя заставлю свой собственный язык съесть. – Грум встал, миссия была выполнена. – А если наврал или недоговорил чего, я тебе еще твои уши скормлю.

Когда Паткевич уже открывал двери, Ермоленко, проглотив несколько комков страха, позволил себе спросить:

– Грум, ты машину-то, правда, купил?

– А что, надо было угнать? Скажешь торпедам своим, чтоб пригнали к нашему офису, – и ушел, оставив дверь открытой.

* * *

Вечером Кошкин пригласил в лабораторию Китаева. День он провел в раздумьях и сомнениях. Не знал, обижаться на Марченко или уж махнуть на все рукой, пусть все будет, как будет? Кроме одного, Дорохова и Мариловну Сергей Павлович решил у смерти выиграть. Чего бы это ему ни стоило. И пусть все парадоксы Эйнштейна и прочие научные казусы идут ко всем чертям. Но если план спасения Дорохова у него был, то с Мари-

ловной было сложнее. Поэтому Кошкин выбрал поэтапное решение всех стоящих перед ним задач. Задачи, поставленные временем, со временем и решаются, особенно если берется за них человек решительный. Каламбур ему этот понравился, и, приглашая Китаева в лабораторию, Сергей Павлович старательно отгонял ироничное настроение. Улыбка была бы неуместна.

– Толя, давай попробуем воскресить твоего командира, – и, не давая Китаеву осмыслить сказанное, добил, – необходимая аппаратура для этого имеется. Ничему не удивляйся, ничего не спрашивай. От тебя требуется немного: первое – не считать меня сумасшедшим, второе – когда я растворюсь на твоих глазах в воздухе, не впадать в истерику, не терять сознание и не вызывать милицию, третье – никого не подпускать к этому прибору до тех пор, пока я не появлюсь обратно. Думаю, что буду отсутствовать два-три часа. От силы четыре.

– Это секретная техника? – не стал спорить Китаев, потому как с сумасшедшими и одержимыми спорить бессмысленно.

– Ты готов мне помочь? – не ответил Кошкин.

– Я же говорил, за Данилыча – хоть грудью на амбразуру. Возьмите меня с собой, если это действительно возможно, в конце концов я умею обращаться с оружием, а вы, скорее всего, нет.

– Вот как раз оружия там не надо. Я не раскидывать пули собираюсь, а остановить для начала хотя бы одну. Сделай доброе дело, ограничься пока выполнением моей просьбы. Обещаю тебе, если только понадобится стрелять, резать, связывать, ломать челюсть – я обязательно позову тебя на помощь.

– Мне что? Просто сидеть здесь?

– Для начала надежно закрой центральный вход, проверь, закрыты ли запасные, а потом... Потом нужно будет сидеть и ждать. Я не знаю ничего, что было бы страшнее, чем просто сидеть и ждать. Так что потребуется немало мужества. Главное: кто бы ни появился, ни за какие коврижки не подпускай его к этому прибору, – Кошкин похлопал ладонью по генератору.

– Хорошо, – Китаев пожал плечами и отправился закрывать двери.

Прошло несколько минут, и Кошкин появился в своей лаборатории, чтобы увидеть самого себя плаксиво беседующего под бульканье армейской фляжки с Дороховым. Василий стянул с кульмана собственноручный чертеж и толковал Кошкину:

– Вот, смотри, я тут некоторые чертежи набросал. По траекториям и карте местности я точно вычислил, где мог находиться снайпер в обоих случаях. И до нашего появления в истории и после него. Он не был в доме,

где мы накрыли боевиков, он сразу находился в зеленке. Скорее всего в момент начала стрельбы во второй раз он находился как раз напротив дома, начал менять позицию вдоль дороги, оставаясь невидимым для наших бойцов...

– Я все равно в этих стрелках, точках и пунктирах ничего не понимаю. Верю на слово, – отмахнулся Кошкин позавчерашний. – Чего ты хочешь от меня, Вась? Чтоб я тебя с карабином, который ты, конечно, уже перетащил в сейф, что стоит и стола дежурного, отправил спасать твоего Китаева? Да делай что хочешь. Мне не то чтобы все равно, я просто почему-то очень устал. Знаешь, Вась, захотелось вдруг хоть немного пожить для себя, поехать к морю... Я не помню, когда последний раз видел море, я не помню, когда хотя бы задней мыслью не помнил о работе... – еще немножко, и оба Кошкина заплакали бы от жалости к себе. При этом второй до мельчайшего поворота души вспомнил, как его крутило и мутило. И все же быстро собрался и огорошил беседующих:

– Не помешал?

Следует признать, что младший Кошкин ничему не удивился.

– Я ждал чего-то подобного. Если ты не вмешиваешься в будущее, то будущее вмешивается в твое прошлое, – философски заключил он.

– Ни фига себе война, смерть фашистским оккупантам, – пропел Дорохов. – Я такое относительно себя уже видел.

– Чем обязаны? – иронично спросил Кошкин-младший.

– Тем, что тремя днями позже в этой лаборатории меня ждет Анатолий Китаев, а майор Дорохов похоронен со всеми воинскими почестями пять лет назад. Еще вопросы? Карабин СКС уже отрекламировал? – сдвинул брови на Дорохова. – Тоже мне друг называется...

Пару минут тянулось молчание. Все трое то смотрели друг на друга, то пялились в пол.

– Выпьешь? – разрулил тишину Дорохов.

– Нет, и тебе, Вася, не рекомендую. Ты же хочешь по горам своей памяти прогуляться. Вот и пойдем вместе. А этот вчерашний пусть тут сидит, и думает: зачем он тебя отпустил.

– У тебя есть какой-то свой план?

– Есть.

– Мне бы на секундочку Толяна повидать... – поканючил Дорохов.

– Вась, хватит импровизаций! – взмолился Кошкин. – Откуда я знаю, что произойдет, если я сведу двух погибших боевых товарищей. Не хватало только вас обоих потерять.

– Блин... – майор опустился на табурет, и стал усиленно растирать ладонями виски.

– Вот так, товарищ майор, и никаких диверсий.

– Что ты придумал, Сергей Павлович?

– Ничего особенного, ты проведешь меня к этой точке, – Кошкин ткнул пальцем в план Дорохова, – и будешь смотреть со стороны. Ничего не предпринимай. Ничего! Если тебя засекут – мне конец. Это, как говорит Жириновский, однозначно. И в прошлом останутся два Дороховых, а в будущем не будет одного Кошкина. Усек?

– Не совсем, но, надеюсь, что ты действительно все продумал.

– Ночь не спал, – уверил Сергей Павлович.

– Может, тебе сначала отдохнуть?

– Отдохну... в будущем, – многозначительно улыбнулся Кошкин. – Если доживем.

Младший Кошкин все это время молчал, но потом вдруг озарился мыслью, которую почти выкрикнул:

– Я понял! Смертью смерть остановить нельзя! Я об этом последние дни думал.

– Пару дней тебе не хватило, – кивнул старший.

– А любовь?

– Любовь? Любовь, брат, сложнее смерти... От нее жизнь. От любви и рождаются и умирают. Не знаю вот только, живут ли без нее.

* * *

Ночью в горах холодно. Даже летом. Кошкин сразу почувствовал это, его слегка потрясывало, и он пожалел, что не остограммился из фляжки Дорохова в лаборатории. Они не шли, почти крались: Кошкин за Дороховым – след в след.

– Только не лезь, пожалуйста, что бы ни случилось, – прошептал Кошкин.

Дорохов в ответ кивнул и прижал палец к губам. Сергей Павлович впервые увидел, как его друг становится воином. Как-то в один из вечеров майор ответил на его вопрос, как нужно себя вести на войне, коротко и просто: нужно научиться бояться без страха. В каждом шаге Василия сейчас пружинила опаска, и пружина эта в любой момент готова была разжаться в целый каскад движений, который завершится на последней фаланге указательного пальца правой руки. И все же он оступился, под ногой предательски выстрелила ветка. Оба замерли, по лицу Дорохова

Кошкин понял, что снайпер засек их, и в любой момент может прозвучать выстрел.

В это мгновение Кошкин, не особо раздумывая, начал свою версию событий:

– Кто бы ты ни был, не стреляй, я пришел с миром, – негромко, но вполне уверенно сказал он, и Дорохов после этих слов лег в траву. – Посмотри на меня в оптический прицел, если темнота позволяет тебе сделать это, у меня нет оружия, но я принес тебе слова пророка.

Ответная тишина наматывала нервы на секундную стрелку. Казалось, недалекие в обступившей темноте горы тоже задержали дыхание.

Алейхан уже видел в оптический прицел силуэт, и палец его сливался с курком. Дорохов закусил губу.

– Если второй поднимется, я тебя застрелю.

В это время в невидимо плывущем облачном покрове на пару секунд мелькнул лунный просвет, этого было достаточно, чтобы Алейхан увидел в прицел глаза Кошкина. Это были серые усталые глаза инженера, которого он в своей жизни убил первым. Снова отчетливо услышал над ухом требование Бекхана: «Тебе уже семнадцать лет, а ты еще не убил ни одного русского!» Вздрогнул... И совсем нелепо смотрелся на нем костюм со сбившимся набок галстуком. А ведь подумал еще, что у русского инженера денег даже на костюм не хватает, и он едет туда, где его могут убить, чтобы прокормить семью. Зачем он вернулся? За Алейханом? Но Алейхан может убить его еще раз... И еще раз...

– Подходи медленно, – скомандовал вполголоса Алейхан. – Второму – лежать.

Кошкин шел с поднятыми руками. Именно в этот момент Алейхан услышал на дороге приближающиеся шаги отделения Китаева. Снайпер стремительно сменил позицию, чтобы иметь возможность держать под прицелом все цели, но и Кошкин по движению кустов определил теперь точное направление. Дорохов ловил оптикой темноту...

Солдаты Китаева молчали, но теперь даже Сергей Павлович слышал звуки, издаваемые плохо закрепленной амуницией. Расслабились ребята... Алейхан держал теперь на прицеле головного.

– Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахиим, – сказал Кошкин в слепящую мглу, рассеченную узором ветвей, снайпер был где-то рядом, – во имя Бога милостивого, милосердного, так должен думать всякий мусульманин перед всяким делом. И сейчас, целясь в человека, ты произнес эту молитву? И веришь, что убиваешь во имя Аллаха? Он просил тебя об этом? Или пророк? Может быть, эти солдаты не позволяют тебе ходить в мечеть? Или ты уверен, что убиваемый тобой не угоден Всевышнему? Ты решаешь за Все-

вышнего, кто Ему нравится, а кто нет? Бог создал и тебя, и того солдата напротив тебя не для того, чтобы вы убили друг друга, но чтобы любили и молились перед Богом. И если он делает это не так, как ты, то пусть Аллах будет судьей, но не твоя слепая пуля. Читал ли ты когда-нибудь слова одного из его знаменитых сподвижников Абу Хурайры, приводимое Муслимом – одним из наиболее авторитетных собирателей хадисов. Он сказал: «Клянусь тем, в чьей деснице душа моя! Истинно доживут люди до времен, когда не будет знать убивающий, за что убил кого-то, а убиенный – за что был убит». А теперь произнеси «Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахиим», и выпусти смерть на волю... Ты же считаешь себя умнее Аллаха. Стреляй, и начнется бой, в котором погибнут многие и многие. И ты тоже...

– Ты говоришь, будто ты Джабраил, – глухо ответил со своей позиции Алейхан. – Я послушаю тебя, и не буду стрелять. Пусть проходят, но теперь молчи, иначе они выстрелят первыми, а потом я посмотрю, какой ты знаток хадисов и мудрости Корана, какой ты русский Джабраил. Может быть, действительно Аллах послал тебя с того света... – шепотом закончил Алейхан.

Отделение Китаева молча, но все-таки с шумом прошествовало мимо. Темнота поглотила сначала их силуэты, а потом и шаги.

– А теперь я могу убить тебя, а потом второго, – сказал Алейхан, ему очень захотелось добавить, что потом из дома выбегут Бекхан и его бойцы, и тогда никому не уйти от пули или ножа, но козыри он решил приберечь.

Дорохову многого стоило в этом случае промолчать и не ляпнуть чего-нибудь типа: «Как бы не так!». Но Василий Данилович времени даром не терял. Пока внимание Алейхана было отвлечено на группу Китаева, он сантиметр за сантиметром, сведя дыхание до минимума, менял позицию. Теперь он на выстрел был впереди.

– Да, сейчас ты можешь меня убить, – согласился Кошкин, – если слова пророка для тебя ничего не значат, а пророк учил: тот, кто убивает, не вдохнет ароматов рая.

– Не тебе, неверному, говорить словами пророка! Вы отняли у нас рай на земле, вы хотите отнять у нас Родину!

– Тогда для начала покиньте русские города, съезжайтесь все сюда и отпустите отсюда тех, кого вы предпочитаете держать в рабстве. Прекратите убивать для начала женщин и детей, или ты не знаешь, что говорил Мухаммад Абу-Бакру, идущему в поход: не воюй со стариками, женщинами и детьми. Как вообще вы можете ссылаться на пророка, если многие из вас не брали в руки ни Коран, ни Сунну?

– Ты много говоришь, гяур!

– Вот какое слово ты знаешь! Но теперь пусть будет тебе знамение: сейчас я исчезну, как исчезают духи, выполнив свою миссию, а тебе советую уходить отсюда, иначе ты погибнешь. Погибнешь именно в эту ночь... Я пришел предупредить тебя. Пусть сегодня смертей будет меньше. Поверь, с тобой говорит будущее.

– Если ты провидец, тогда скажи, где еще сейчас находится твоя смерть?

– Моя смерть не здесь, но если ты говоришь о шести боевиках и двух пленных в доме напротив, то советую тебе еще раз не возвращаться туда. Через несколько минут никого из них не останется в живых.

Сердце Алейхана на миг замерло, страшный, могильный холод поселился в нем в это мгновение. Он вдруг действительно почувствовал близость и возможность своей смерти и спросил себя: готов ли он к ней? Сам себя он не раз убеждал в этом, но убеждение растворялось в одном единственном образе, имя которому – Айза. Будет ли она ждать его на небе? И можно ли там вкусить земной, сжигающей душу страстью, любви? О, Айза! Глаза ее темнее этой ночи, но в глубине их живут зовущие звезды! И что бы ни говорили приехавшие в Чечню за долларами и подвигами самовлюбленные арабы, в словах русского была истина. Как-то, еще до войны, он слушал потомков пророка из рода Курейшитов, что жили с незапамятных времен на Кавказе, неся учение пророка и совершая суд по законам шариата, и что-то созвучное было в их речах. Интересно, о чем они учат сейчас?

Отца и сына Салиховых, которых вспомнит Алейхан, убьют в ноябре 2001 года. Убьют те, кто называет себя воинами Аллаха и воюет за американские доллары, посягнув даже на потомков пророка.

Слова русского все еще звучали где-то внутри, но думать об этом сейчас Алейхан не мог, ему хотелось просто уснуть. Уснуть не тревожным сном лесного воина, а как в далеком детстве, когда дед рассказывал ему удивительную историю любви поэта по имени Маджнун.

Теперь ему действительно хотелось, чтобы русский растворился, как дым.

– Если ты сейчас не исчезнешь, я выстрелю.

– Прощай, – ответил Кошкин, и на том месте, где он стоял, сгустилась ночная тьма, и даже воздух вокруг не дрогнул, когда он исчез.

* * *

Отсиживаясь в бытовке, где стояли швабры, ведра и другой хозяйственный инвентарь, Бекхан удовлетворенно думал о том, что пока есть жадные и глупые русские, воевать с ними можно. Нет, речь не о трусах, потому что Бекхану доводилось видеть, как еще минуту назад пугливые солдаты-первогодки превращались в безумно храбрых, под перекрестным огнем поднимающихся с перекошенным от крика «ура!» ртом и с остекленевшими от презрения к смерти глазами и бросающихся в рукопашную на бородатых джигитов. Да, были и те, что, попав в плен, ползали в ногах, ныли, как русские проститутки, когда вместо одного их трахают пятеро, молили о пощаде, обещали выкуп, но были и те, в глазах которых вместо страха было странное и непонятное горцу смирение. Не рабское смирение перед сильным, а смирение перед обстоятельствами, перед течением жизни.

После оформления пропусков и оформления документов в отделе кадров, после беседы с местным «кумом» из ФСБ, Бекхан собрался, было, уходить. Дело шло к концу рабочего дня, но, увидев, какой охранник пришел на смену, он остолбенел на последнем пролете лестницы. Потом повернулся на сто восемьдесят градусов и пошел обратно. Интуиция подсказала ему, что именно сегодня здесь должно что-то произойти. А интуиция Бекхана подводила редко. Не так давно он легко обходил расставленные спецназом ловушки и засады, не покупался на уловки особистов, знал, с кем из русских можно «работать», а кого лучше сразу отправить на суд к Аллаху.

Лицо Китаева Бекхан помнил, последним всплеском сознания, угловым зрением помнил. И очень жалел, что ни за какие деньги он не смог бы пройти сюда с оружием. Теперь он неторопливо искал в полумраке что-нибудь, что могло послужить ему оружием. В тумбочке, которую следовало выставить в специально созданном для этого музее советской канцелярии, Бекхан нашел столовый нож. Он вряд ли сгодился бы для того, чтобы перерезать горло барану, даже напластать колбасу, но вполне мог быть воткнутым в мягкие ткани или между ребрами. С ним он и шагнул в коридор, когда понял, что тишина говорит об отсутствии ненужных свидетелей.

Спустившись со второго этажа, он обнаружил, что охранника на месте нет, а входная дверь закрыта на ключ. Это обстоятельство не огорчило Бекхана, пусть не будет путей к отступлению, в нужное время они по-

казывают себя сами. Хуже было другое, он не знал, где искать бывшего российского офицера, и пошел, крадучись, вдоль многочисленных дверей, обратив все свое внимание в слух, только слегка прикасаясь к дверным ручкам, дабы узнать, заперта или нет дверь. Когда он поднялся на второй этаж, то вдруг почувствовал, что на лице его что-то меняется, причем меняется со знакомой болью, от которой Бекхан едва не закричал. Приложив ладони к щекам, с ужасом обнаружил, что с них исчезли шрамы, а изо рта пришлось выплюнуть груду золотых коронок. Едва успокоилась боль, он позволил себе улыбку удачливого охотника, интуиция не подвела: именно сегодня он должен был попасть в это здание и оказался в нужное время в нужном месте. Сегодня он никому не позволит украсть у него прошлое, будущее, или смерть, если она должна его настигнуть, и любимого брата. Даже если сам Микаил выйдет с огненным мечом, чтобы остановить Бекхана, Бекхан не испугается.

На втором этаже он нашел наконец-то нужную дверь. При этом мысленно выругал себя, что сразу не обратил внимания на таблички, среди которых помимо аббревиатур и просто цифр были и прямые подсказки. С легкой руки Марченко на некоторых дверях иронично красовались надписи, перекочевавшие сюда из прифронтовой полосы времен Великой Отечественной. На двери, которую искал Бекхан, висела табличка: «хозяйство Кошкина».

Ему показалось, он приоткрыл дверь совершенно неслышно. Китаев сидел на табурете, тупо глядя на громоздкий прибор на столе. Но стоило Бекхану сделать шаг в лабораторию, разведчик вскочил, и табуретка оказалась в его руках.

– Ты? – спросил и ответил Бекхан.

– Ты? – спросил и ответил Китаев.

Некоторое время они стояли молча, потом Китаев сказал:

– Я же прострелил тебе челюсть. А Дорохов добил тебя.

– Я тоже так думал, – криво ухмыльнулся Бекхан, – лет пять над всем этим думал, но они опять что-то уже изменили, – и он удовлетворенно погладил себя по небритой, но совершенно здоровой щеке.

– Значит, все-таки она работает.

– Работает. Еще как работает. Но сейчас работать перестанет. – Бекхан уверенно двинулся на Китаева.

– Ничего, мы клин клином вышибем, – поднял над собой табурет Китаев.

– Послушай, – на минуту замер Бекхан, – неужели тебе нравится умирать несколько раз? Этот конструктор влез в святая святых! Он зубилом пытается править скрижали Аллаха! Пусть останется там, куда сунул свой нос! Или ты хочешь умирать еще и еще раз?

– А мы пьем не меньше трех, а умирать за други своя можно и больше. У нас только многоженство не поощряется и предательство. А умирать нам религия не запрещает.

– Нам тоже! – с этими словами Бекхан попытался прыгнуть под руку Китаева, но та с треском опустилась на его спину. Стянутый стальными уголками табурет не разлетелся, и потому удар получился страшный. Бекхан упал на четвереньки, но тут же получил ногой в челюсть и, сглатывая кровь из разбитого рта, отлетел обратно к двери, в которую недавно вошел. Нож по-прежнему оставался у него в руках. Хотел, было, его метнуть, но почувствовал неподходящую для этого легкость хлебореза.

Китаев продолжал стоять над ним с табуретом в руке.

– Еще? – спросил он.

– Шакал, – выругался Бекхан, сплюнув кровавый сгусток.

– Ну на медведя я бы еще согласился, а шакал – это по вашей части.

Превозмогая боль и ненужную в бою слепую злобу, Бекхан сделал еще один бросок. Этот оказался более удачным, ему удалось ввести противника в заблуждение своей напускной слабостью. Ох, и доверчивые эти русские. Как дети. Нижней атаки Китаев не ожидал, табуретка опустилась на пол, пробив застарелый линолеум, а нож воткнулся в его голень. Другой рукой Бекхан попытался схватить Китаева за горло. Но это ему не удалось. Вскрикнув от боли, Анатолий резко отпрянул назад и здоровой ногой успел-таки оттолкнуть Бекхана в грудь. Теперь оба они сидели на полу, готовые в любой момент броситься друг на друга. Но момент был не любой, момент был особенный.

В воздухе вдруг запахло озоном, как после сильной грозы, и на полу появились еще две фигуры. В той, что лежала в обнимку с карабином, Анатолий узнал своего командира. Рядом стоял с пультом в руках Кошкин с видом заклинателя змей. Бекхан на эту картину выругался то ли по-арабски, то ли по-чеченски.

– Ни фига себе – война! – изумился Дорохов.

– Вот, значит, за кем ты ходил в этот раз? – сказал Бекхан. – А брата моего вы, конечно, убили. В спину, наверное.

– Это по вашей части, в спину, – спокойно ответил Дорохов.

– Если снайпер твой брат, то он остался жив. Теперь все зависит от него, – тяжело вздохнул Кошкин и опустился на второй табурет, который Китаев не успел сделать оружием. – Я просто вернул того, кто не должен был там оставаться. Другой вопрос, откуда ты обо всем узнал?

* * *

Русские исчезли, как джинны. По воле Аллаха или действием шайтана? Кому из фаршитов – Ридвану или Малику они подчиняются? Иса их послал или Азазил? Что там говорил русский про смерть? Сегодня? Надо предупредить Бекхана, пусть уходят, наверное, федералы устроят засаду, или кто-то предал...

Оставшись один в наступающем сумраке рассвета, который смешивался с моросящей взвесью невысокого дождя, Алейхан не мог заставить себя встать на ноги и выбрать путь: или подальше отсюда, как советовал русский, или наоборот – метнуться к дому, вывести братьев. А если ничего не будет, и тогда Алейхана объявят трусом, которому приснился страшный сон, и он, как ребенок, испугался? Может, действительно это было видение? И пока он беседовал тут с тенями, выпущенными Маликом из ада в наказание Алейхану, разведка федералов прошла мимо, а сейчас жди налета?

Ответы на вопросы посыпались мелкими шагами по дороге. Русские уже окружали дом, вот-вот полетят в окна гранаты. Больше у Алейхана не оставалось времени, и он, не выбирая цели, выстрелил в окно, так, чтобы пуля, пробив лампочку, ушла в мягкую штукатурку потолка. И тут же, будто сшивая пространство огненными нитями, полетели со всех сторон и во все стороны трассеры.

– Пацанва голопузая! У кого очко без регламента, мать вашу! – выругался командир, приняв выстрел Алейхана за выстрел кого-то из своих солдат.

Страшный сон Алейхана продолжался. Он видел, как выскочил на крыльцо отважный Рагиб, но даже не успел выстрелить, рассеченный пополам длинной очередью из РПК. Потом услышал голос брата, который пытался перекричать сбивчивый стрекот смерти.

– Не стреляйте, у нас пленные! Или вы их убьете, или мы кинем вам их головы! Не стреляйте! Пленные!

Русский командир тоже стал кричать, чтобы солдаты прекратили огонь. Минуты через три все стихло.

– Эй! – крикнул Дорохов. – Моя бабушка говорила: полонен вскликнет, а убит – никогда.

– Умная бабушка, – ответил Бекхан, – слушай своих поросят!

– Ефрейтор Ермоленко, хозяйственный взвод комендантской роты!

– Сержант Андросов!

С минуту Дорохов молчал, вспоминая, что еще говорила его бабушка в таких случаях, и вспомнил-таки!

– Бабушка предупреждала: не верь чужим речам, а верь своим очам! Да и приговаривала: не доглядишь оком, доплатишь боком!

– Скажи твоей бабушке, чтобы очки одела, а щенкам своим скажи, чтобы стрелять или ползать не вздумали. Я их сейчас на крыльцо выведу, если что – дырок в них будет, как звезд в небе.

– Сегодня облачно, звезд не было, – буркнул Дорохов.

– Я вывожу их!

На крыльцо вытолкнули двух идиотов. Во всяком случае, один точно был идиот, он улыбался, как блаженный. Обкуренный, что ли?

– Спереди любил бы, сзади убил бы, – вспомнил еще одну поговорку Василий Данилович.

– Ну что, посмотрел? Как товар? – Бекхан стоял за спиной у пленных. Карты были в его руках. Снайпера у Дорохова не было.

– Моя бабушка говорила: на торгу два дурака: один дешево дает, другой дорого просит.

– Скажи бабушке, что пару этих внучат я отдам за возможность уйти! И еще: ты скажешь мне, кто нас предал?

– На первое, может, и сговоримся, все равно я тебя в горах достану, вот-вот вертушки будут, а второму ты просто не поверишь.

– А ты меньше болтай, а то один внучек уже в штаны наделал, мне рядом стоять противно. Скажи бабушке, пусть быстрее памперсы русским солдатам готовит. Может, мне ему отстрелить кран, чтобы не текло?

– Стрелять – не думать!

– Тогда думай быстрее, я тут вашего усиления ждать не собираюсь. Могу и по частям их тебе продать. Так что давай машину – «таблетки» или штабного «уазика» хватит. Зассанца я тебе здесь, как аванс, оставлю, второй поедет со мной. На десятом километре подберешь.

– А откуда мне знать, что ты мне его там по частям не оставишь?

– А ниоткуда. Но я тебе Аллахом клянусь!

– Слышал я ваши клятвы. Для тебя ж это, как бездомной собаке кость пообещать. Да и бабушка сказывала: много обещателей, да мало испол-

нителей. Ты мне тут своего одного оставь, а я его на десятый километр привезу.

Некоторое время Бекхан молчал. Он едва сдерживал злобу, и холодная взвесь мелкого дождя освежала его раскаленный лоб.

– Ты уже убил моего человека, не тебе ставить условия.

– А что мне было делать? Встречать его на крыльце хлебом-солью?

Эти слова несколько успокоили Бекхана. Если бы русские убили или захватили Алейхана, то майор из кустов непременно похвастался бы этим. Значит, надо принимать их условия игры. Пусть они думают, как им хочется, а Бекхан будет делать, как ему нужно.

– Тогда пусть зоркое око Аллаха следит, чтобы неверные не обманули его воинов, – и добавил еще что-то на чеченском.

Фраза эта была адресована Алейхану, но Дорохов понял ее по-своему.

– Даю честное офицерское слово, что с твоим человеком ничего не случится. Если только ты моего солдатика не изувечишь до десятого километра.

– Подгоняй машину, – скомандовал Бекхан.

Теперь Алейхан лежал, уткнувшись лицом в мокрую зелень. В первый раз в жизни ему не хотелось стрелять. Он не мог объяснить этого себе сам. Всю жизнь он мечтал стать воином, прославиться во имя Аллаха, но проклятый русский заставил его усомниться: а нужна ли Аллаху проливаемая кровь? Жаль, не успел спросить в ответ: а нужна ли проливаемая кровь Исе-Иисусу, который сам принял муки от жестоких людей? Нет, глупая все-таки вера у русских. Кто ж будет уважать Бога, которого убили позорной смертью? Как можно спасти всех, принимая муки и смерть? Потом вдруг осенило: а в бою можно! Остался прикрывать отход своих товарищей, и умирай, сколько влезет. Но Бог – не воин! Он за одно желание распять Его должен был сжечь всю землю! И осекся, вспомнив слова русского: Алейхан за Бога решает? И сник, ответа не было. Книг не читал, больше дрался и стрелять учился. Алейхан вспомнил, что сказал ему Даман, когда он пришел к нему в дом с новым оружием. Покрасоваться, конечно, пришел, но Даман, словно и не заметил, тяпку точил и, будто к тяпке обращаясь, сказал: «Убивать умеет каждый, но никто из людей не умеет воскрешать. Даже пророк не мог этого. Он всегда говорил, что он смертный и не совершает чудес. Грабить и убивать научиться легко, труднее научиться молиться и строить». «Я буду защищать Родину!», – гордо ответил ему Алейхан, хотел сделать это с презрением, но сдержался: во-первых, это отец его любимой, во-вторых, он умеет воевать, он герой. «Ты

же герой, Даман?» – позволил себе только напомнить. «Да, я ношу звание героя несуществующей страны. Герой Советского Союза..., – он горько покачал головой, точно сам над собой смеялся. – Нет больше такой страны, Алейхан. И никто не успел ее защитить, потому что враги были внутри. В самом сердце были враги. И у каждого человека внутри есть враг. И если ты пустишь его в свое сердце, то для Аллаха ты потерянный человек. Враг будет управлять тобой». Больше ничего не сказал Алейхану рано поседевший Даман. Старший брат, выслушав рассказ Алейхана, отмахнулся: да у него Аллах, за то, что стрелял в братьев-мусульман, отнял разум! Не слушай его! Он вообще еще жив, потому что сам Джохар велел его не трогать. Почему? Одному Аллаху известно...

Из разговоров на родном языке Алейхан понял, что Бекхан оставляет русским самого молодого и немного трусливого Усмана. Русские вроде не юлили, подогнали «таблетку» из хозвзвода, за рулем тот самый прапорщик, которого ждали для обмена. Пора было уходить, но Алейхан хотел дождаться, когда брат благополучно сядет в машину и они отъедут хотя бы на километр.

* * *

Китаев, услышав выстрелы, остановил отделение. Минуту он колебался, но потом дал команду: все в зеленку, рассредоточиться и на цырлах в обратном направлении! Старцев подождет. В конце концов тут форс-мажорные обстоятельства. Не преминул еще удивиться: как им удалось не нарваться на засаду каких-то четверть часа назад? С досадой глянул наверх – светало. Небо, похожее на кусок грязного пенопласта, давило на бреющем полете, и не дождь даже, а конденсат какой-то летел с него, точно каждую каплю дробили на миллионы частиц.

Прошло еще минуты две, когда по дороге, подпрыгивая на ухабах, проскочил неуклюжий «уазик». Китаев узнал его, это была машина из обеспечения полка. Тут же выглянул из-за соседнего куста снайпер Назиров, шепотом доложил:

– Чехи в машине, но я без приказа стрелять не стал. Да еще сержант там сидел. Со склада. Я раньше его видел.

Старлей кивнул. Выходит, Данилыч нащупал их в каком-то доме уже после зачистки, но у них были пленные, и они договорились на обмен. В дивизии, конечно, по головке не погладят, но у войны свои правила. Стоит ли возвращаться обратно? А вдруг еще что? Китаев махнул бойцам: двигаемся в расположение батальона. Смотреть в оба!

Уже на подходе услышали голоса своих, традиционный мат сержантов. Пролетел штабной «уазик», прохрипел следом БТР. Китаев уже хотел, было, дать команду выходить на дорогу, чтоб свои с перепугу не подстрелили, но вышел на небольшую поляну и замер. В центре ее стоял на коленях молодой парень и совершал намаз. Рядом лежала СВД с несколькими зарубками на прикладе. Увидев Китаева, он даже не попытался к ней потянуться. Что он, на мине сидит? Ловушка какая-нибудь? Взгляд чеченца был спокоен, словно к нему вышел не враг, а ежик какой-нибудь. Узкое лицо было бледным и возвышенно-задумчивым, жидкая бородка едва прикрывала щеки и подбородок. Китаев передернул затвор и сел напротив.

– Я не стал в тебя стрелять, как просил меня русский инженер. Он сказал, если я не выстрелю, то и в меня не станут стрелять.

– Логично, но не обязательно, – ответил Китаев. – Ваших же отпустили? Почему остался?

– Не знаю. Я воюю давно, но, мне кажется, так может продолжаться целую жизнь. Я мог бы тебя убить сегодня два раза: первый раз, когда ты шел туда, второй, когда ты возвращался обратно. Я спрашивал у Аллаха, что мне делать, но Он не ответил. Он хочет, чтобы я понял это сам.

Китаев вдруг увидел и поверил, что перед ним действительно не воин. Он закусил губу, раздумывая как ему поступить в такой ситуации. На поляну выкатился вездесущий Назиров с винтовкой наперевес. Хотел что-то спросить, но Китаев отрезал:

– Все нормально, дуйте к нашим, идешь за старшего. Если от майора Дорохова команд не было, возвращаемся к выполнению задания и бегом к Старцеву. Я догоню.

Раскосый снайпер пожал плечами: наше дело выполнять и так же бесшумно исчез в мокрой зелени.

Русский старлей и двадцатилетний чеченец смотрели друг на друга. Глаз никто не отводил, и думали они об одном и том же: кто или что заставляет их убивать друг друга? Мутно-серый рассвет, такой же нелепый и грязный, как и вся эта война, плыл над их головами. Небо Ичкерии или небо империи? От серости и сырости зелень вокруг такая же неясная, как на долларовых купюрах. С чего это о валюте подумалось? Оттого ли, что вся кровь на них здесь замешена? И кто остановит эту войну, если восьмилетний чеченец, что попросил у Китаева патрон, повертев его в руках, сказал ему: «Спасибо, вырасту – убью тебя этой пулей». «А я уже никого этой пулей не убью», – ответил Китаев. Он тогда вспомнил рассказ деда. Во

время штурма Берлина меткий фриц сжег наш Т-34 фаустпатроном на глазах взвода, которым командовал дед. Выстрел был сделан из окна первого этажа полуразрушенного здания. Взвод деда ворвался в дом, и в пустой комнате, посреди обломков мебели и кусков штукатурки бойцы увидели трясущегося от страха паренька лет двенадцати. Он плакал и шептал что-то про своего любимого Гитлера. Дед сказал, что никогда до и после этого не видел в глазах одновременно столько страха и решимости умереть. Пацан был уверен, что русские его сейчас расстреляют. И расстреляли бы, будь ему хоть на пару лет больше. А так... Снял бывший донской казак с себя ремень, стянул штаны с этого гитлерюгенда и давай охаживать по голой заднице. И вот тогда немчонок совсем по-другому завыл, по-детски. И звал уже на помощь не Гитлера, а маму-муттер.

– Так ты говоришь, появился русский инженер и?..

– Он предсказал, каким будет этот бой. Я не выстрелил в тебя, когда ты шел со своими солдатами по дороге. Потом он исчез. Растворился в воздухе, как джинн. С ним был еще один. Он тоже исчез.

– Фантастика какая-то. Откуда ты знаешь, что он инженер?

– Я сам убил его. Они ставили новую вышку...

– А ты решил, что лучше жить без электричества?

– Он часто приходит ко мне. Это был единственный человек, которого я убил не в бою.

– Тогда зачем?

– Брат приказал.

– А если бы брат приказал стрелять в ребенка?

– Я не зверь. Поэтому ты сидишь здесь живой и думаешь, что можешь взывать к моей совести. Ты уверен, что ни одна твоя пуля, когда вы врываетесь в наши села, не попала в женщину или ребенка? А, может, бомбы ваших самолетов умные и гоняются только за вооруженными мужчинами?

– Мы не штурмуем роддома, не прикрываемся беременными женщинами, не отрезаем головы восемнадцатилетним парням и не превращаем людей в рабов, – опустил голову Китаев.

Снова зависло молчание.

– Я отпущу тебя, – решился наконец Китаев. – Но без оружия. Я не буду брать с тебя клятву, что ты не будешь больше воевать, это бессмысленно.

– Я тоже не буду брать с тебя клятву, что ты не будешь воевать. Это бессмысленно. Но я хочу, чтобы ты понял, что я не трус. Поэтому я остался. Я просто устал убивать.

– Я понял, что ты не трус. Знаешь, я сам себе не поверил бы еще пять минут назад, если б кто-нибудь мне сказал, что я отпущу боевика.

– А я еще пару часов назад не поверил бы, что не выстрелю в такую прекрасную мишень, как ты.

– Уходи, – сказал Китаев, – надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

– На все воля Аллаха, – ответил Алейхан, поднимаясь.

На мокрой серо-зеленой траве осталось лежать любимое оружие.

Он пошел в сторону, откуда только что пришел Китаев. Под одним из кустов по ходу движения машинально поднял плоский картонный прямоугольник. Это было новое служебное удостоверение Кошкина. «Инженер-конструктор», – прочитал Алейхан, минуту постоял, но возвращаться к старшему лейтенанту не стал. На дату выдачи удостоверения Алейхан не обратил внимания. Сунув его в карман, он побежал в сторону от дороги.

* * *

Бекхан привязал русского сержанта к дереву. И даже подмигнул ему.

– Что, лапоть, будешь жить? Повезло тебе. Но если ты еще раз попадешь мне в руки, то я этими руками обязательно буду держать твою голову. Отдельно от туловища. Понял?

Сержант промолчал.

– Хорошо, что ты не обоссался, как твой напарник, а то от вас русских и так пахнет псиной.

Больше Бекхан не разговаривал. Кивнул четверым спутникам, и они быстрым шагом стали подниматься в гору. Бекхан знал, что Дорохов его не обманет, но ждать здесь вертолетов не собирался. Усман был ему больше не нужен. Усман попробовал наркотики, Бекхан видел руки этого сопляка с метками смерти. Усман больше не воин. Теперь он вообще больше никто. Он забыл, что наркотиками надо кормить русских свиней, чтобы у них совсем не осталось мужчин. Усман боялся смерти, попробовал героин и думал, что станет асассином. А стал ишаком! Можно было бы зарезать русского сержанта, но тогда майор будет гнаться за группой до тех пор, пока не сотрет подошвы своих сапог, а если сотрет, то погонится босиком. Этот офицер из тех служак, что кладут свою душу не за страх, а за совесть. Таких любят солдаты... и снайперы. Нет, есть другой план: пусть русские привяжут на это место Усмана, обложат его со всех сторон и ждут, что Бекхан придет за своим человеком. Дождутся... когда Усмана начнет ломать. В такой ситуации не пожертвовать слабаком, тем более из другого рода, было бы неразумно.

Бекхан вел своих людей в горы, где его ждал Руслан. Хотелось принести с собой побольше оружия и обмундирования, но вот – не получилось. Ничего, зато есть еще деньги. На них можно купить у продажных гяуров целый танк. Но пусть пока полежат... Руслану идут деньги из Аравии, а у Бекхана тоже должна быть своя сберкасса. И не одна. В конце концов их род собирал эти деньги не только на войну с кафирами, а точнее – вообще не на нее. Сколько русских, ингушских и армянских домов продали! Вместо этих халуп виделся Бекхану дворец на берегу моря, и ради этого дворца он готов был бежать вверх по этому склону бесконечно. А еще ради этого дворца он продавал не только отобранную недвижимость, но и тела погибших воинов. Русские не знают цену мертвым. Их покойников выкупают только матери с бесцветными, выплаканными глазами, с которых нечего взять, кроме собранных сослуживцами мятых рублей, в лучшем случае – цену проданной «хрущевки» или дома на окраине рабочего поселка. А чеченцы уважают своих покойников больше, чем живых. Перед покойником у родственников две обязанности: похоронить до обеда и отомстить, если он убит. Русские за одного живого пленного десять убитых чеченцев готовы дать. И тогда главное, чтобы эти люди оказались из другого тейпа, а уж тейп их всегда выкупит. В этом нет ничего предосудительного, нормальный бизнес по-кавказски.

Подумав об этом, Бекхан покосился на сродного брата Ибрагима, который шел рядом и пыхтел под тяжестью двух автоматов (один – Усмана) и гранатомета. Ибрагим был из бедной семьи и воевал, рассчитывая разбогатеть. Поздно спохватился. Надо было делить дома русских, когда их еще из них не выжили, а он играл в благородного, даже позволил переночевать в своем доме хирургу из районной больницы, который бежал в Ставрополь. А потом спохватился и перепрофилировался из водителя большегрузных машин в специалиста по тяжелому вооружению и минированию. Воевал без рвения, но был исполнителен и надежен. Правда, Бекхана несколько беспокоило, что Ибрагим знает, где они с Алейханом сделали тайник. Тогда подумалось: пусть прикрывает от лишних глаз, а теперь думается – не будут ли его глаза лишними? Неразговорчивый и сдержанный Ибрагим ни разу не спросил, что братья прятали в землянке. Его устраивали триста долларов и трофеи, которые он ежемесячно отправлял семье, но как долго такое положение вещей будет его устраивать? По себе Бекхан знал, что жить хочется только лучше и лучше, и он предпочел бы не воевать сейчас с русскими, а нанимать их в качестве дешевой рабочей силы или вообще покупать за бесценок рабов. Только вот работу для них осталось придумать. Дом у моря в воображении вырисовался до мельчайших деталей, а

из чего потом делать деньги, чтобы превратить дом во дворец, Бекхан не знал. Единственное, что он умел – убивать.

Услышав в небе гул вертолетов, Бекхан остановился. Они оказались рядом раньше, чем он рассчитывал. А нужно было еще дождаться Алейхана. Место было назначено заранее.

* * *

До 8 часов вечера Грум выкурил полпачки сигарет и переживал только о том, что салон новой машины быстро пропахнет табаком. После восьми он позволил себе прикурить одну сигарету от другой, потому что ни один из ведомых объектов за воротами КПП не появился. Ни этот задумчивый инженер, ни кавказец с откровенно хищной мордой. Попиликав на цифрах мобильника, он услышал усталый голос Рузского.

– Вова, это я, тут нерусский никак не обозначился, и твой клиент появляться не хочет.

– Вздор какой-то! Я ему сейчас позвоню... Черт! У меня нет его рабочего телефона! Там же, блин, сплошные секреты. Ты думаешь...

– У нас ты думаешь, – поправил Паткевич.

– М-да... Вадик, а как этот... нерусский туда попал?

– На работу устроился.

– И ты никого из наших людей не ввел туда следом?

– Да он только сегодня оформляться стал. Кто ж знал?!

– А-а-а, блин! У тебя есть план?

– Да, лобовая атака, стоимость – пару штук зеленью.

– После твоей сегодняшней покупки я ничему не удивляюсь.

– Тебе жалко?

– Нет, извини.

– Ладно. Ну так делать?

– Делай.

На параллельной улице, где располагалась промышленная зона еще не загнувшейся от рыночных к ней отношений автоколонны, Грум нашел все необходимое в виде самосвала марки КрАЗ и малорослого, слегка поддатого водителя, который, матерясь, заполнял в кабине путевку.

– Братан, – окликнул снизу Грум, – красные раздвижные ворота на соседней улице знаешь?

– Это у ракетчиков, что ли? А че?

– Твой зверь пробить их сможет?

– Как два пальца обоссать!

– Ну так давай, пробьем.

– Ты случайно не чирикнутый?

– Тебе случайно не все равно? Я бабки плачу. Закосишь под пьяного. С рук сойдет.

– Да ты че?! На фиг мне такие приключения? Меня ж с работы выпрут!

– Штуку баксов, – отрезал Грум.

– Не-ее... Че я потом начальству скажу? Вдруг охрана стрелять начнет.

– Ну ладно, я думал КрАЗом сподручнее, там, в переулке, КамАЗ стоит, водила за две штуки согласился, боится только, что кабина отстегнется... – и Вадим сделал вид, что уходит.

– Две штуки? – переспросил вслед водитель.

– Ага, – не оборачиваясь, подтвердил Грум.

– Это... А если меня судить потом вздумают.

– Не суди, и не судим будешь! Отмажем, – остановился Вадим. – Выгонят с работы, обещаю, что без работы не останешься. А зарплата еще больше будет.

– Врешь ведь?

– Я никогда не вру, мне это незачем.

– Ну, смотри, – водитель погрозил невозмутимому Груму пальцем, отчего тот чуть не улыбнулся третий раз в жизни.

В ста метрах от цели КрАЗ замер, урча перед стартом. Растрепанная голова водилы вновь высунулась в окно, он поманил Грума рукой и, вытирая со лба пот, потребовал:

– Давай деньги вперед. Так не поеду.

Грум слегка испепелил его взглядом, плюнул под ноги.

– Ладно, стой здесь, через десять минут буду.

И в этот раз Паткевич позволил себе малость поволноваться из-за того, что придется рвать движок новой машины. Но, с другой стороны, была оправданная возможность отвести душу. «Эмджи» рванул с места так, словно ему, а не КрАЗу предстояло пробить ворота. Вписавшись в поворот под прямым углом на скорости, близкой к ста километрам в час, Грум оставил изумленного напарника-подельника с открытым ртом.

– Такие вместо водки чистый адреналин хлещут, – резюмировал тот, вспомнив приговорку автопарковских.

* * *

Горы протолкнули, стряхнули со своих вершин серую промозглую серятину. На востоке, где, казалось, еще минуту назад должна была разразиться гроза, а из темно-фиолетовой гущи посыпаться стрелы молний, вырвался ослепительно яркий луч солнца. Он словно пробил дорогу ветру, и в течение получаса видимая часть неба очистилась. Запоздало проснулись птицы, и лес наполнился звуками жизни. Алейхан воспринял это как знамение.

Больше двух часов он шел на восток, в сторону Дагестана, а не на юг, в сторону Грузии, где его должен был поджидать Бекхан. Алейхана ноги сами несли к уютному тихому жилищу Дамана. Он прекрасно понимал, что теперь становится изгоем для всех: на первом же блокпосту его, появись он там, если не сразу поставят к стенке, то профильтруют по полной программе, и вся жизнь закончится где-нибудь на кошмарной зоне в средней полосе России, если же свои узнают об отступничестве – то уж точно – в лучшем случае расстрел. И заступничество брата, что ходит в друзьях у Гелаева, вряд ли поможет. Поэтому Алейхан испытывал два чувства. Чувство страха, похожее на то, что может испытывать изгнанный из стаи волк, и другое – похожее на величайшее душевное облегчение. Последнее подпитывалось неясными надеждами и туманными видениями новой жизни. Нет, волчья судьба с постоянной беготней по лесу за кровожадными вожаками, которые забирают себе лучшие куски добычи, эта тошнотворная боязнь красных флажков и открытых пространств и смутная надежда стать вожаком, чтобы, опьянев от ночных вылазок и сомнительных побед, наступить на мину, – нет, такая жизнь больше не манила Алейхана.

В древней полуразрушенной башне на окраине аула Алейхан перевел дыхание. Пытался обдумать, что сейчас скажет Даману, как подойдет к Айзе, но ничего не получалось – в душе, в сознании – полное смятение, ветер, который дует во все стороны.

Даман как всегда с утра работал на своем огороде. Рабов у него не было, хоть не раз предлагали. Бекхан даже хотел подарить ему раненого русского контрактника – подлечишь, твой будет. Но Даман наотрез отказался. Жена, мать Айзы, умерла два года назад от рака груди, новую женщину Даман в дом так и не привел. Еще одна странность седого героя...

Увидев Алейхана, да еще и без оружия, Даман воткнул лопату в скудную землю и замер, пытаясь взглядом прочитать смятение на лице воина. Алейхан выдержал взгляд и, подойдя ближе, сказал:

– Мир тебе, Даман.

– И тебе мир, Алейхан, если ты его действительно несешь, – странно ответил отец Айзы.

– Я ушел из отряда, решил – больше не буду воевать. Ты знаешь, почтенный Даман, что я давно люблю твою прекрасную дочь, но сейчас у меня нет сватов, чтобы они пришли в твой дом. У меня нет калыма...

– Постой, – прервал Даман, – разве я говорил тебе хоть раз о калыме. Если ты пришел просить у меня руки моей дочери, спроси сначала у нее. Я думал, ты меня знаешь. Меня не интересуют деньги, меня не интересуют отары овец, меня в этом случае не интересует даже мнение Аллаха, меня интересуют только покой и счастье моей дочери. Я хочу увидеть здоровых и жизнерадостных внуков, Алейхан. Сможешь ли ты понять это?

– Прости, отец, – тихо сказал Алейхан и с огромным трудом сдержал подступившие к глазам слезы.

Мудрые глаза Дамана уловили минутную слабость молодого человека, он положил руки ему на плечи.

– Это неправда, что мужчине нельзя плакать. Я не знаю, как по-другому можно очистить, облегчить душу. У христиан это называется катарсис. Знаешь, я плакал, когда умерла моя Сана. И мне было наплевать, что скажут об этом другие мужчины. Требуется больше мужества, чтобы оставаться самим собой, чем играть по придуманным кем-то глупым правилам, – Даман отпустил плечи Алейхана и повернулся в сторону дома. – Айза, дочка, выйди на улицу, к тебе пришли.

И Айза вышла. Черные алмазы глаз только раз сверкнули в сторону Алейхана, который потерял дар речи, ибо особенно прекрасной казалась она ему в этот решающий час. И стояла она, склонив голову, опустив руки, стройная, в облегающем темном платье, черная прядь волос на мраморном челе. Воистину велик Аллах, дыханием которого живет красота в этом мире. И хотелось легким движением сорвать с нее платок, чтобы густые, черные, как ночь в горах, волосы, опустились на хрупкие плечи.

– Айза, доченька, Алейхан решил уйти от войны, он просит твоей руки, – вкрадчиво сказал Даман.

Айза еще больше опустила голову.

– Я знаю, что он тебе нравится, и если ты согласна, то я хотел бы, чтобы вы уехали. Уезжайте куда-нибудь подальше от этой грязной бойни. Хочешь к тете Радиме в Красноярск? Там Сибирь, холодно, но там красиво и спокойно. Если Алейхан останется здесь, его либо заставят продолжать воевать, либо убьют.

При этих словах Айза вздрогнула, подняла глаза на отца.

– У меня есть деньги, я отдам их вам, на первое время хватит. Тебе надо учиться, ведь ты даже не закончила школу. Не верь тем, кто говорит, что женщина не должна учиться! Твоей матери институт не мешал быть хорошей женой и настоящей матерью. Ты знаешь, до конца жизни она учила детей...

Здесь в разговор вступил Алейхан.

– У меня тоже есть деньги. Много. Там – в лесу, – он кивнул на склон ближайшей горы. – Половина там моя. Мы можем уехать в Турцию. У меня есть загранпаспорт, есть связи в Аджарии. Уедем через Аджарию. Можем уехать в Эмираты. Можем даже в Японию... Куда скажешь?! Я люблю тебя, Айза, люблю так, что жизнь моя без тебя может быть только мучением.

– Я боюсь оставлять отца, – тихо ответила Айза.

– Не бойся, дочка, – обнял ее Даман, – ты же знаешь, у меня есть бумага от самого Джохара, а для русских у меня есть орден. Я не могу бросить здесь могилу твоей матери. Когда все кончится, вы вернетесь.

– Это еще очень долго не кончится, – Айза посмотрела в глаза отца, и он промолчал, знал, что она права.

– Куда бы ты хотела поехать?

– Помнишь, ты мне рассказывал про Ленинград, что он красивый, мосты и дворцы...

– Теперь он называется Санкт-Петербург.

– Поедем туда! – Алейхан мог сейчас задохнуться от наступающего счастья. – Я сегодня же пойду и принесу свои деньги!

– Не ходи туда, Алейхан, – попросил Даман, – не надо. Эти деньги вряд ли принесут вам счастье. Да и кто позволит тебе их забрать?

– Я заберу только свою долю. Бекхану сейчас не до меня, он идет на юг, на соединение с отрядами Руслана, там они планируют какую-то крупную операцию.

– Ты думаешь, Бекхан не будет тебя искать?

– У него на хвосте очень настырный русский майор. И ему еще надо вызволить Усмана.

– Плевать ему на Усмана, а вот тебя он будет искать до конца жизни. Не ходи, Алейхан. Деньги нужны, но это не самое главное. Главное сейчас – не терять времени.

– Я не могу быть нахлебником, – твердо возразил Алейхан, – и я хочу, чтобы наша поездка была не хуже, чем свадебное путешествие.

Даман в ответ только покачал головой.

* * *

Погода переменилась, становилось жарко. Уже больше двух часов Бекхан ждал Алейхана. Нервничать начал даже Ибрагим. Неужели русские смогли его захватить? Бекхан отгонял эту мысль и проклинал себя за то, что выставил чересчур горячего брата в охранение. Ведь это он предупредил выстрелом, что дом окружают. Почему не сделал этого раньше? Мало ли какие были вокруг обстоятельства. Так или иначе, Алейхана не было, и нужно было менять все планы.

– Будем возвращаться, – объявил остальным Бекхан. – Вернемся сначала на базу, потом узнаем, что могло случиться с Алейханом.

В этот момент у Бекхана была только одна мысль: если Алейхан попал в плен живым, его можно обменять или выкупить. Поэтому он решил идти к заветной землянке.

Никто из бойцов не возражал. Да и не стали бы. Последнему, кто осмелился возражать командиру, Бекхан сделал лишнюю дырку в голове, чтобы из нее улетучились дурные мысли. Правда, рассчитал верно, за убитого некому было мстить.

Когда они уже подходили к базе, которую предусмотрительный Бекхан приказал сделать еще до начала войны, прошло несколько часов. Начинало темнеть. Усталость и нервное напряжение заставляли всех молчать. На подходе к лагерю Бекхан в полголоса отдал распоряжения: Ибрагим страхует Бекхана на случай засады, остальные залягут и возьмут лазы под перекрестный огонь. Свидетели в землянке ему были не нужны.

Велико было удивление Бекхана, когда он по дальнему лазу тихо, как кошка, приблизился к землянке и увидел там Алейхана, который укладывал в спортивную сумку пачки долларов. На врытом в грунт столе горел фонарь. В зияющем своей беззащитностью тайнике еще оставались деньги и документы. Зато не осталось никаких мыслей в голове у Бекхана, только затаилось нехорошее предчувствие, похожее на то, которое испытывает старый пес, наблюдающий щенка, крадущегося к его миске с мясом.

– Что ты здесь делаешь, брат? – слова из Бекхана вышли как по лезвию кинжала.

Алейхан вздрогнул и обернулся. Он был настолько занят своими подсчетами, что его уникальный слух не включился на приближающуюся опасность.

– Бекхан? Я все тебе объясню...

– Объясни. Начни с оружия, где ты его оставил? – Бекхан сел на лавку, поставив у ног «Калашникова».

– Бекхан, сегодня мне было видение... Ты можешь мне не поверить. Но мы все должны были погибнуть. Я решил, что больше не буду воевать...

– Поэтому ты пришел забрать наши деньги?

– Нет, брат, я беру только свою долю.

– И ты хочешь, чтобы я этому поверил? Ты пришел сюда один, как вор, ты бросил оружие, как последний трус, бросил нас, и ты хочешь, чтобы я поверил? – Бекхан накалялся, как бывало с ним в последнее время. – Что я сделал тебе плохого, Алейхан, чтобы ты так поступил со мной? Ты не подумал о том, что я мог вернуться сейчас туда в поселок и начать бой, думая, что ты убит или попал в плен?

– Бекхан...

– Молчи, щенок! Я научил тебя самому главному, я научил тебя быть мужчиной, быть воином! И теперь ты предаешь меня! Наверное, уже мечтаешь о русских телках в Сочи! Курортный сезон начался. Но мы могли бы поехать отдыхать вместе. За что ты так со мной? Ведь я отдавал тебе последнее! Я нес тебя на руках, когда тебе прострелили ногу! Ты собрался отдохнуть? Устал? Почему ты не позвал брата?

– Бекхан, мне не нужны русские телки, мне не нужны Сочи, я собираюсь жениться на любимой девушке...

– А о моей семье ты подумал?! – в этот момент сознание Бекхана помутилось от злобы и обиды, схватив автомат, он с размаху ударил Алейхана прикладом в лоб.

Тот отлетел к дальней стенке и осел в углу, потеряв сознание. Но Бекхан еще несколько раз ударил его, тряс за грудки и все время кричал. Потом снова отшвырнул Алейхана на скамью. Из куртки его выпал красный прямоугольник. Удостоверение, очень похожее на те, что таскают с собой вездесущие чекисты. Бекхан поднял его и раскрыл. С фотографии три на четыре смотрел мужчина средних лет в штатском. Полумрак землянки не позволял рассмотреть его лучше, хотя Бекхану показалось, что он видел это лицо раньше. Больше всего его удивила дата выдачи удостоверения. Две тысячи первый год... Подделка?.. Алейхан предался русским? Не может, не должно быть! Теперь Бекхан не мог верить никому. Что? Позвать Ибрагима и начать пытать родного брата, чтобы позор упал на весь род? Нет, только не позор. Струсил Алейхан или предал, решил ли в одиночку откупиться от федералов –

лучше ему навсегда остаться в этой землянке, а в памяти остальных он будет жить отважным снайпером, о котором будут рассказывать мальчишкам. Бекхан передернул затвор, но потом отложил автомат в сторону, достал дедовский еще кинжал, которым гордился. Кинжал, что резал и протыкал кафиров еще в ту, далекую войну, закончившуюся, по мнению наивных историков, в ауле Гуниб. Кинжал, который дед смог спрятать во время депортации... Кинжал, которым Бекхан хотел сейчас убить брата, и удерживало его руку только одно сомнение: он не знал, хочется ли ему, чтобы Алейхан пришел в себя. Так и замер он, вскинув руку, глядя на лезвие, по которому, предваряя кровь, текла арабская вязь: Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахиим...

* * *

Так и замер он, вскинув руку с нелепым, но все же опасным кухонным ножом, обретая новую память и еще до броска убивая ненавидящим взглядом русского инженера Кошкина, удостоверение которого носил в кармане все эти годы. Замер одновременно и в прошлом и будущем. И Сергей Павлович правильно оценил растяжимость этого решающего мгновения, в котором переплелись судьбы прошлого и будущего, и, в сущности, не было настоящего, потому что оно уже произошло, и ход его был другим. Нет, это не Кошкин менял посредством своего изобретения настоящее, прошлое или будущее, если здесь и присутствовало движение человеческой воли, то оно являлось всего лишь усилением векторной тяги высших сил, нисходящих оттуда, где давно уже был решен исход главных событий. Но он был единственным, кто оценил эту минуту верно, ибо две пули одновременно прервали безумный и отчаянный рывок Бекхана, и столкнулись в его сердце, расплющив друг друга, что по теории вероятности может случиться раз в миллион лет на одной из миллиардов планет. Столкновение пуль выпрямило Бекхана, лицо его не искривилось от смертельной боли, наоборот, осветилось торжествующей улыбкой, словно он только что узнал что-то самое важное в этом мире.

– Аллаху акбарэ, – был последний выдох Бекхана, но не потому, что акт его смерти был освящен глубокой верой, просто угасающее сознание подвело черту своей деятельности именно этой фразой.

Медленно оседая на пол, он одновременно исчезал, растворялся в застоявшемся воздухе лаборатории, который пришел в движение от незнакомого запаха сгоревшего пороха и оружейной смазки.

– Я не помешал? – сухо осведомился Грум, пуля которого догнала Бекхана в спину, дабы обозначить свое неожиданное присутствие, и замолчал, пораженный увиденным. Даже забыл опустить пистолет.

На полу, где только что лежал Бекхан, осталась лишь маленькая красная книжка – удостоверение Кошкина. И ни одной капли крови. Вот, пожалуй, это и был тот ненаучный, мистический момент, когда время, несмотря на все открытые и неоткрытые, действующие, теоретически обоснованные и необоснованные законы физики, остановилось.

Сергей Павлович первым пришел в себя.

– Зря вы стреляли, все должно было решиться там, а не здесь. Я даже представить себе не могу, какой ворох причинно-следственных связей мы в очередной раз нарушили. Я не берусь и приблизительно предполагать, что может стать с человеком, которого убили в несовершенном будущем.

– Но он мог убить тебя? – начал оправдываться Дорохов, что продолжал лежать на полу в обнимку с карабином.

– Хорошо, что следов не осталось, – добавил Китаев, который до сих пор был разгорячен схваткой с Бекханом.

– Что значит несовершенное будущее? – вновь проявил себя Грум.

– А вы, позвольте спросить, кто будете? – прищурился на Паткевича Кошкин.

– По просьбе Владимира Юрьевича Рузского я слежу за тем, чтобы вы не порезались случайно кухонным ножом, а также оберегаю вашу персону от всяких возможных неприятностей, – доложил Грум. – А теперь все-таки ответьте на мой вопрос: что значит несовершенное будущее?

– С моей точки зрения – это будущее, решение главных событий которого, еще не определилось в прошлом.

– Как здесь может происходить будущее? Что может быть вообще кроме настоящего?

– Как, к примеру, вон тот табурет, – Кошкин кивнул на «оружие» Китаева. – Вам только кажется, что он присутствует здесь – в настоящем.

– Не понял? – Грум догадался, что пора спрятать пистолет.

– Чтобы убедиться в его реальном существовании, в том, что это, скажем, не оптический обман или мираж, вам придется подойти к нему и дотронуться, а значит – затратить несколько секунд, которые отделяют вас от него. А это, согласитесь, уже будущее. Через несколько секунд – это уже будущее.

– Черт! – оценил короткий научный экскурс Вадим Паткевич. – Но вы все же не волнуйтесь на счет пальбы. Когда одного урода хотят убить сра-

зу два человека, а он находится на линии их огня, вряд ли ему удастся укрыться или увернуться, хоть в настоящем, хоть в прошлом, хоть в будущем. А эти люди вам ничем не угрожают? – осведомился Грум с показным безразличием осмотрев Дорохова и Китаева.

– Это охранники, они здесь работают, – поспешил сообщить Сергей Павлович.

– Тогда позволю себе откланяться, – вспомнил Грум красивую фразу из какого-то одного или сразу из нескольких фильмов. – У вас тут даже мобильный не берет. Да, там, на выходе, небольшой кипеж. Вздорный алкаш на КрАЗе вынес ворота. А в кабине у него нашли две тысячи долларов. Бывает же. Так что будьте осторожнее, – более Груму присутствовать здесь не полагалось, и он, красиво повернувшись на месте, так что черные круги от каблуков остались на кафеле, вышел из лаборатории.

После того, как шаги его стихли на лестнице, Кошкин обратился к своим воякам:

– Я думаю, вам есть о чем поговорить, а я очень устал, хочу спать. Завтра днем прошу вас обоих быть здесь. В полдень. Находиться рядом с этой машиной становится опасно, а мне нужно... нет, я просто обязан, завершить еще два важных дела и выполнить одно обещание. Так я могу на вас рассчитывать, господа офицеры?

– Так точно, – ответили оба и, наконец-то, пошли навстречу друг другу, раскрыв объятия.

Уже на пороге, Кошкин остановился и, оглянувшись, предупредил:

– Я не думаю, что это чистый хэппи-энд, Лена мне всю жизнь вдалбливала, что таких в русской литературе не бывает, а жизнь, не зря говорят: как по книжке.

И все же сегодня Кошкин уходил победителем. Впервые за последние месяцы он почувствовал, что жизнь имеет смысл, а у побед еще может быть настоящий, нефальшивый вкус.

* * *

На следующий день в букинистическом магазине Сергей Павлович нашел нужную книгу: первое издание орловского «Аптекаря» 1989 года. Сразу после публикации в «Новом мире». Еще он купил «Окаянные дни» Бунина. Подарок получился, что надо. Боевые действия против тевтонских рыцарей и монголо-татарских захватчиков решено было отложить на послезавтра в пользу лирики.

Дорохов и Китаев ждали его внизу. Похоже, ночь они не только не спали, но и опрокинули литр-другой водки.

– Ребята, у меня, как уже знаете, просьба одна, никого не подпускайте к прибору. Даже Марченко.

– Будет сделано, командир, – устало качнулся Китаев.

– Серега, ты имеешь полное право на свидание! Мы в наряде! Враг не пройдет, граница на замке. – Дорохов еще был пьян.

– Братцы, вас же могут выгнать, рядом с вами опасно пользоваться открытым огнем и курить.

– Не, все нормально, я только что покурил, – успокоил Василий Данилович. – Может, тебе тоже плеснуть для храбрости?

– Вася, ты мне еще лучку закусить предложи!

– П-понял! Отставить сто грамм! Почетный караул готов заступить на боевое дежурство.

Время для своего появления Кошкин выбрал сознательно позже, чем в первый раз. Но все же постарался до встречи на колхозном поле. Кинуло наобум – в летнюю сессию. К тому же парадному крыльцу и носом к носу с тем самым Давидом. Худосочный кучеряшка, то ли грузин, то ли еврей, сразу и не разберешь, ожидал на крыльце сокурсницу Варламову, чтобы продолжить беседу о романе Пастернака «Доктор Живаго», который тогда только начали публиковать. Но тут опять как из-под земли вырос похожий на сексота дяденька с подозрительным свертком в руках. Ну что поделаешь, не везло Давиду, хоть и не тянул Кошкин на Голиафа, но при всей своей внешней интеллигентности был куда наглей и напористей, что во времена бесшабашной комсомольской юности, что тем более в эпоху озверелого капитализма, откуда он имел честь только что явиться.

– Снова вы? – только-то и смог сказать Давид, переминаясь с ноги на ногу.

– Запомнил?! – обрадовался Кошкин.

– Опять по заданию партии и правительства? – попытался иронизировать студент.

– А ты, случаем, не агент ЦРУ, парень, что так интересуешься государственными секретами?

От этих слов Давид заметно отшатнулся в сторону, и неизвестно, куда зашла бы эта беседа, если б на крыльце не появилась Лена. Она сразу и легко предпочла общество Кошкина, дружески пожав руку Давиду, ограничив его пресным «до завтра».

Потом Лена и Сергей Павлович снова сидели в театральном кафе.

– Знаешь, я долго не могла поверить в то, что произошло со мной. Если бы не двойной флакон чудесных духов, я посчитала бы все за странный сон или ложную память.

– Это тебе, – Кошкин, опережая официантку, положил на стол сверток.

– Снова духи? – улыбнулась Лена.

– Нет, книги. Ты же уже читала «Альтиста Данилова», здесь продолжение. Роман «Аптекарь». Несколько уступает «Альтисту», но все равно сочно, интересно, правда, местами затянуто. Потом еще будет о домовом и привидении. «Шеврикука, или Любовь к привидению» называется.

– Не может быть! – Лена развернула сверток. – О! Бунин! Ни фига себе! Я слышала, что «Окаянные дни» еще только собираются печатать, – она нежно погладила переплеты, потом не удержалась и открыла томик Орлова. Углубилась в первую страницу, перевернула лист и, как водится, прыгнула в середину, прицениваясь к языку и содержанию, но вдруг разочарованно сникла.

– Сереж, тут половины книги нет! Чистые белые листы!

– Неужели полиграфический брак?! – вскинулся Сергей Павлович, не выдержал, в два шага обогнул столик и заглянул в книгу.

Под длинными тонкими пальцами Лены мелькали чистые, но пронумерованные страницы!

– Найди, где обрывается.

Лена стала торопливо листать в обратную сторону. Наконец где-то в середине книжной толщи, они нашли обрыв текста. Последнее предложение, к удивлению обоих, располагалось в самом начале листа, фраза была оборвана на полуслове.

– Тут что-то не то, – насупился Кошкин.

– Смотри... – прошептала Лена, и Сергей Павлович почувствовал, как его охватывает мистический ужас: на белой странице появлялись буквы, слова, фразы, точки, запятые, некоторые из них исчезали, и на их месте появлялись новые. Так или иначе, текст продолжал расти.

– Он ее пишет... Сейчас... – догадался Кошкин. – О, Господи! Никогда бы не подумал... Нерожденное слово не явится раньше! Пулемет, машину, атомную бомбу можно, а слово, мысль – нельзя! Здесь не действуют никакие законы.

– Я смогу читать роман первая?

– Выходит, так.

– Теперь я действительно верю, – Лена как по-новому посмотрела на Кошкина. – И боюсь. Боюсь закрывать книгу. Представляешь, я ее закрою, а там все будет продолжаться...

– Представляю, – и Кошкин захлопнул книгу сам.

Перемешивая кофе и коньяк, они долго разговаривали о времени, об ушедших и грядущих (для Лены) эпохах, о смысле жизни, о малоприметных, но становящихся важными на изломе времен мелочах. Рассуждая, Сергей Павлович увлекся собственной теорией структуры пространственно-временных отношений. Девушка слушала задумчиво и отрешенно. Запредельное слияние физики, философии и теологии она могла воспринимать только трансрационально. По Кошкину получалось, что соприкосновение времен происходит на точках излома, которые Флоренский называл трещинами реальности, и соприкосновения эти порождают мощнейшие противоречия, сходные по качеству с теми, что ждут мир на полях Армагеддона. При этом мир сам по себе рождает все новые и новые трещины, новые противоречия, накапливается страшная антиномичная энергия, которая, обретая силу, толкает мир к концу света. Поэтому и сказано было Господом, что нет других слов, кроме как «да» и «нет», определяющих отношение человека к добру и злу, не оставляющих ему возможности соскользнуть в эти трещины и кануть в небытие. Ибо определившийся человек посредством теодицеи движется к Свету, остальные же самоизолируются от Божественной Сути. И единственным связующим звеном между Богом и человеком, между людьми, между временами остается любовь. Ее пытаются подменить культурологией, экономикой, товарно-денежным оборотом, но это и есть проявление сатанинской деятельности, деятельности зла в человеке, который позволяет злу в себе взять верх над любовью. Любое время (летел мыслью Кошкин) – это время любви. Не от черных дыр и звезд, не от скорости света зависит время и его характеристики, а от умножения и уменьшения любви. Тому можно найти подтверждение в жизни любого индивидуума. Взять, к примеру, любовь двух молодых людей. Пока она сжигает и вновь выстраивает их души, время становится для них отсутствующей субстанцией, не имеющей значения как такового. И лишь разлуку они подразумевают временем, определяемым характеристикой томления. Не время суток, не повороты Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца определяют движение двух любящих сердец. Потому и говорят: счастливые часов не наблюдают. И как только любовь исчезает из жизни человека, время становится бесцветным и безвкусным. Оно становится уже и не временем, а страшным бременем, невыносимой тя-

жестью борьбы за проживание каждого дня, проползанием вдоль каждой секунды или, напротив, бесконечной суетой вокруг хлеба насущного. И только похороны близких людей ставят на этой невидимой линии точки-кресты. Летит или тянется время, в этом случае уже неважно – оно напоминает жвачку, давно утратившую вкус, которую и выплюнуть жалко, и челюсти уже болят. Далее же – человек должен сделать шаг на новую ступень любви. Эта любовь, по сути, уже есть вера, а экстракт ее выжат в пять хлебов Нагорной проповеди. Но не всякому под силу подняться на эту ступень. Хотя можно еще продлить любовь первой ступени любовью к детям, любовью к Родине, и тогда откроется другой путь... А находятся и те, кто, имея высокое дерзновение, могут перескакивать несколько ступеней вряд – подвижники и святые. Вряд ли возможна гармония в мире, о которой говорили Шеллинг и Веневитинов, без прямого вмешательства Бога. А вот в «великое назначение России», тем же Шеллингом оговоренное, хочется верить. Если не верить, то уже и жить остается только ради мелких шкурных интересов, ради того только, чтобы поглощать и потреблять, наслаждаться плотскими утехами и в конце концов кануть в одну из тех самых трещин, которые видел Павел Флоренский. Но время действительно ускоряется. Кто-то думает, что планета становится легче. И только немногие понимают, что в мире становится меньше любви. И время, как ржа, съедает суета вокруг меркантильных интересов. Если любовь – это красота, то именно об этой красоте идет речь в знаменитом утверждении о спасении этого мира.

– Ты не пробовал писать стихи? – вдруг спросила Лена.

– О нет. Для стихов душа должна уметь летать. А моя так – копошится чего-то сама в себе.

– Я думала, что теория пространства и времени – это физика. Эйнштейн.

– Что ты? Это еще у древних греков, позже у Канта... Диссертация русского философа девятнадцатого века Алексея Козлова, между прочим, называлась «Генезис теории пространства и времени Канта».

– Ты ее читал?

– Нет, так, верхушек нахватался. Понял, к примеру, что прежде чем понять и объяснить Бога, следует для начала понять и объяснить собственное «я». Возвратное местоимение «себя», вот отправная точка познания...

– Но Бог – это абсолютное Добро, а человек – отнюдь не абсолютно светел.

– В этом то и заключается главная антиномия человека, в этом, по сути, смысл его существования и путь, у которого есть только два направления по одной прямой – к Богу и от Бога.

– А нам там, – Лена кивнула в сторону предполагаемого университета, – грузят до сих пор Белинского и Чернышевского как величайших мудрецов. Никто из нас не хочет смотреть на русскую литературу узким и часто мелко злобненьким взглядом неистового Виссариона.

– Знаю, помню. Темочка для сочинения: «Пролетарская несознательность и классовое соглашательство Герасима в рассказе Тургенева «Муму» с точки зрения классиков марксизма-ленинизма».

– У-у... Какая муть!

– Вот уж действительно, кирпич на шею – и в омут!

– Нет, оставим омут для «светлого луча в темном царстве», а мы лучше поедем ко мне.

Нутро Кошкина содрогнулось. У шкалы Рихтера явно не хватило бы баллов. Сергей Павлович прекрасно помнил трехкомнатную квартиру Варламовых в послевоенном сталинском доме, где потолки – это космос, а комнаты – залы, где не стыдно проводить совещания Большой Тройки.

– А родители? – неуверенно возразил он.

– На даче. Кто ж в такую жару дома сидит. У них руки к земле растут. Копаются на участке, домой приезжают только по вторникам, пополнить запасы продовольствия, посмотреть программу «Время» и отлежаться в ванне. Ну, идем?

Кошкин хотел, было, сказать, что сегодня «приехал» попрощаться до лучших времен. Что проект «машина времени» закрывается, потому что становится опасным. Хотел, но не смог.

В автобусе он ностальгически наблюдал, как Лена опустила в кассу два медных пятака и открутила билеты. Вспомнил, как в студенчестве собирали мелочь на пиво, которое брали на разлив в трех- и пятилитровые банки. А на остановке долго стоял у киоска «Союзпечать» с интересом рассматривая газеты «Правда», «Советская Россия», «Известия» и журнал «Коммунист». А вокруг – по улице, предупредительно обтекая его, шли люди, и у них были совсем другие лица, нежели у тех, что окажутся на этом же месте двадцать лет спустя. Он с нескрываемой нежностью посмотрел на Лену. В задумчивом оцепенении даже не заметил, как на него налетела цыганка. Хотела, было, открыть рот, но заглянув в его глаза, отследив траекторию его взгляда, хитро улыбнулась и растворилась в людском потоке.

– Тебе купить свежие газеты? – спросила Лена.

– Свежие? – усмехнулся Сергей Павлович.

– Ах да... – смутилась Лена.

Еще больше затосковал Кошкин, когда они вошли в просторный подъезд, стены которого не были сплошь испещрены похабными граффити, не ощетинились железными дверями, а на первом этаже, как полагается, ровными рядами висели почтовые ящики.

– Надо было ирис «Кис-кис» купить, – сказал он.

– Зачем?

– Как в детстве...

– А мне больше нравится ирис «Прима» и «Барбарис».

– Мне тоже, но они, насколько я помню, не каждый день на прилавке залеживались.

– Ты так говоришь, как будто в будущем это страшный дефицит.

– Нет, напротив, там вообще все есть. Все можно купить, были бы деньги. Но там нет главного...

– Чего?

– Времени. Нет времени остановится, оглянуться, подумать, нет времени по-настоящему любить, нет времени вчитываться в книги, нет времени съездить на кладбище, чтобы помянуть родных, нет времени отстоять службу в церкви, нет времени полистать семейный альбом с фотографиями, нет времени написать письмо, нет времени быть беспричинно счастливым, когда выходишь утром из дома и радуешься свежему ветру, дыханию зелени или скрипу снега под ногами, восходящему солнцу и этому неторопливому божественному движению природы...

– Но почему нет времени?

– Потому что, если есть время – нет денег, и наоборот. Опять же, если нет денег, то вынужденная созерцательность приведет к прилавку магазина, а не к философскому настроению и упоению природой. Тут сработает еще один парадокс: денег нет, а бутылка всегда найдется.

– А у меня бутылки нет, даже шампанского. Очереди после двух...

– Ну и хорошо, что нет, у нас – хоть залейся. И заливаются. И я... Тоже.

– Тебе не страшно там жить?

– Человек ко всему привыкает. Ко всему, кроме одиночества, если только не выбрал его сознательно.

– А какой буду я в это время? – и тут же остановила: – Нет! Не рассказывай! Ничего не хочу об этом знать! – в глазах ее полыхнул игривый

огонек, словно она только что решилась на какую-то авантюру. Полыхнул и исчез в зеленой глубине, но глаза сияли уже по-иному.

– Я все же скажу. – Кошкин мечтательно улыбнулся. – Ты будешь такая же красивая.

В зале Сергей Павлович остановился у книжных полок, но Лена решительно повлекла его в спальню. Он хорошо помнил эту комнату с бежевыми обоями и огромной румынской кроватью, что на закате социализма считалась роскошью. Сергей и Лена проводили в этой кровати «дачные» дни, когда Варламовы-старшие уезжали. Вот где без всяких приборов, полей, изменения силы тяжести, кварков и прочего волшебства останавливалось и вместе с тем летело время!

Стенам этой комнаты еще предстоит впитать тысячи нежных слов, потешную и, казалось бы, бессвязную болтовню, эпизоды романов и повестей, теорию расширяющейся Вселенной, гипотезы и концепции о четвертом измерении пространства и длительные размышления Сергея Кошкина о возможности замедления времени, что доказывают современные опыты с неустойчивыми частицами, – и все это будет снова кончаться и начинаться нежностью.

Лена потянулась к нему, спрятав за пушистыми ресницами зеленые глаза, и он не нашел в себе сил отстраниться. Вкус ее губ напомнил ему самое сокровенное, что было в безоблачной и счастливой юности. Душу закрутило и сладостно понесло, и провалилось в нежное никуда усталое сердце. А она ласково повлекла его к этому румынскому раритету супружеских долгов и стала вдруг расстегивать легкий сарафан, обнажив небольшую с двумя земляничками на вершинах грудь. А он зачем-то пытался вспомнить в деталях, как это было в первый раз, и сочувствовал праотцу Адаму, и готов был в этот миг съесть все плоды древа познания. С ужасом осознавая свою победу, такую легкую и неожиданную, облеченную в стройное, еще никем не тронутое девичье тело, Кошкин готов был заплакать. В нежности, наполнявшей окружающий мир, можно было утопить эскадру «Титаников» и никогда не найти. Не та машина времени! Не та! Нужна такая, что растянет эти мгновения до пугающе неисчислимых нолей вечности, и тогда в мерцающем мареве Млечного Пути, как и обещано, сольются параллельными прямыми не только тела, но и любящие души, и не упадут, а загорятся новые звезды.

Притягивая его к себе, Лена что-то шептала, но он сначала не слышал или не понимал, а когда стал понимать, со стоном откинулся на соседнюю подушку, сжав руками виски.

– Ты же ради этого вернулся?.. Ради этого? Я думала о тебе все это время, ждала, и верила, и не верила... Я же все равно твоя, правда?..

Следовало выбежать на лестничную площадку и застрелиться! Кошкин проклинал себя, свое изобретение, свою слепую страсть, помноженную на эгоизм.

– Лена, я не могу отбивать тебя сам у себя... Я не должен делать этого вперед него... Нет, себя... Бред. Прости, просто я люблю тебя, именно тебя, там мы с тобой разговариваем на разных языках. В моей жизни не было ничего лучше, ближе и светлее, чем ты. Разве что маленький Виталик, но там совсем другое. И теперь в сердце такая пустота, такая ежедневная сосущая боль, такая сырость и тоска в душе, что я посчитал возможным вернуть тебя, украсть у самого себя.

– Это я виновата, – она сидела близкая и нежная, завернувшись в плед, поджав ноги, подбородок на коленях, – я будто фантастики начиталась, захотелось в большой и светлый мир, захотелось умчаться куда-нибудь... Еще полчаса назад я ни за что бы не решилась на такое. Порыв какой-то. Но он настоящий, честный, понимаешь?

– Да. И у меня настоящий, честный... Но все должно произойти так, как произошло. Я уже немало накуролесил. Помнишь, у Стругацких – «Трудно быть богом». Я бы изменил название: невозможно и опасно быть богом.

– Я найду Сергея Кошкина. Пусть и на капустном поле.

– Глупо, но теперь мне кажется, что ты найдешь меня лишь потому, что я тебя к этому подтолкнул. Замкнутый круг получился, кольцо времени.

– Ты не пробовал заглянуть в будущее, которого ты не знаешь?

– Нет, честно говоря, боюсь. Что-то подсказывает мне, что это невозможно. Технически – да, но с нравственной точки зрения известное будущее теряет смысл. Полагаю, исследователь, который решится на такой шаг, будет рисковать значительно больше, чем те, кто пытается в экспериментальных условиях воссоздать черную дыру. Иногда я думаю, Бог в наказание может вообще исключить меня из книги судеб. Пшик – и не было никогда Сергея Кошкина!

– А ведь мне ты это будущее вскользь, но показал!

– И теперь страшусь содеянного...

Лена посмотрела на растрепанного и растерянного инженера с испугом и сочувствием.

– Ты верующий?

– Знаешь, чем больше пытаешься разгадать мироздание, тем больше ощущаешь Его присутствие, Его замысел, Его гениальность. Поэтому могу

сказать честно и уверенно – я верующий. Правда, в храме бываю редко. Уж когда совсем душа мхом покрывается, смердеть начинает, иду в храм. Таких, как я, маловерами называют, невоцерковленными. И поделом...

– Сереж, ты удивительный человек, тебе памятник за твое изобретение при жизни надо поставить... И если Бог есть, Он это видит, Он сам расставит точки там, где они должны стоять. А твоя машина...

– Забудь о ней. Мне вдруг пришла в голову аналогия о хирурге, который вскрывает людей на операционном столе ради любопытства. Так, знаешь ли, посмотреть, чего там у человека внутри? И делает это без наркоза. Лезет с умным видом ранорасширителями в жизненно важные органы. Я похож на этого хирурга с той разницей, что я вскрываю время, лезу в судьбы... – Кошкин замолчал, закрыл лицо ладонями и там, в замкнутом пространстве своих рук, горько ухмыльнулся: – Если какой-нибудь одержимый психоаналитик возьмется за мое сознание, начнет искать причины, побудившие меня изобретать фантастический прибор, машину для перемещения на границе измерений, он обязательно накопает какие-нибудь гадкие комплексы в детстве, нагадит Фрейдом в мою биографию.

– Я только слышала о Фрейде.

– Да уж, в советское время наши мозги берегли от таких научных монстров. А я действительно мечтал. Представлял, как на Чудском озере залягу в кустах с пулеметом и буду косить псов-рыцарей длинными очередями. Пару гранат кину, чтобы лед под ними еще раньше проломился. Смешно...

– Смешно.

– Думаю, Александр Ярославович не сказал бы мне спасибо за то, что я у него украл честную победу, а немецкие хроники приписали бы ее «быстрому летящему огню», производимому демонами. Детская литература! Сюжет для Кира Булычева. Кстати, понятия измерений тоже великий блеф науки. Измерения – это как хронометр. Нужен только нам, чтобы делить единое и целое на части. Хотя в природе отделить пространство от времени... Широту от долготы... Не представляю... Надо видеть мир в целом. Как это пытались делать Лобачевский и Риман... – Сергей Павлович осекся, виновато посмотрел на свою будущую жену и окончательно сник.

Лена придвинулась ближе, и нежно провела рукой по его голове. Кошкин закрыл глаза.

– Хочешь я тебя долго и сладко поцелую? – шепнула и прижалась щекой.

* * *

Вадим Григорьевич Яковлев шел по коридору второго этажа лабораторного корпуса, поминутно прикладывая к потной лысине большой клетчатый носовой платок. Потел он и от жары, и от нервов. А нервничать было от чего: у него под носом кустарно мастерят паровоз времени, вчера он позвонил в банк, и ему подтвердили, что на его имя открыт валютный счет, на котором покоятся сто тысяч долларов, новый лаборант, что так рвался к производству российского оружия, на работу сегодня не вышел, ночью пьяный водитель КрАЗа соседнего автопредприятия напрочь вынес ворота КПП №1. Утром же в кабинете зазвонил телефон, и взволнованный мужской голос попросил его о встрече. На просьбу представиться – назвался Александром Ермоленко, владельцем автосалона «Хайстар». Что-то подобное вроде слышать приходилось. Но более всего насторожил Вадима Григорьевича ответ господина Ермоленко на вопрос о причине встречи. Тот сбивчиво и путано заговорил о чеченце, с которым Яковлев встречался в парке, а также сообщил, что сам видел, как этот человек возглавлял банду чеченских сепаратистов и даже был у него в плену. Тут было над чем подумать. И теперь, во-первых, Вадим Григорьевич, понял, что игра намного шире, что кроме фээсбэшников за ними в парке следил еще кто-то, и как бы не пришлось объяснять появление ста тысяч долларов компетентным органам, а во-вторых, все это как-то упиралось в машину времени Кошкина.

Теперь он шел в лабораторию, дабы лично лицезреть этот агрегат, но был неприятно удивлен и одновременно раздражен, увидев там двух мирно беседующих охранников.

– У вас тут что – производственное совещание? – начальственно осведомился он.

Но те даже не соизволили встать с табуреток, а старший спокойно ответил:

– Нет, Вадим Григорьевич, мы тут выполняем поручение главного конструктора направления Сергея Павловича Кошкина.

– Какое еще поручение?

– Побыть здесь и не допускать сюда посторонних.

– Ни в одном помещении этого здания я, как заместитель генерального конструктора, не могу быть посторонним, – даже сам Яковлев почувствовал, что лысина у него краснеет.

– Да, – согласился охранник, – вы заместитель генерального конструктора по общим вопросам.

– И?

– И, – опять согласился Дорохов, – общих вопросов у нас к вам нет, как, впрочем, и частных.

– Вы меня что – как это говорят – подкалываете?!

– Да что вы, Вадим Григорьевич, мы просто выполняем поручение Сергея Павловича.

– У вас что – нет своих непосредственных служебных обязанностей?

– Сейчас нет, закончились вчера в ночную смену, но охранять чистоту эксперимента нам вроде как никто не запрещал, а если внимательно прочесть должностные обязанности, то и предписано.

– Какого эксперимента?! Какую чистоту?! Тут вам не баня! Здесь научное учреждение закрытого типа!

– Вот именно.

Далее Вадим Григорьевич предполагал перейти на соответствующий данной ситуации крик, чтобы урезонить распоясавшихся солдафонов, позволяющих себе высокомерное ироничное отношение к начальству. Но в этот момент в спертом воздухе лаборатории резко запахло озоном, будто недавно здесь разразилась гроза и прошел дождь, а кульминацией этого неатмосферного катаклизма стало явление Кошкина с пультом дистанционного управления (банальным инфракрасным излучателем) в руках, будто он срочно и неожиданно оторвался от просмотра любимых телепрограмм. Пришлось еще раз промокнуть лысину платком.

– Сергей Павлович? Что тут у вас за цирк происходит? Что за несанкционированные эксперименты и опыты?

– Здравствуйте, Вадим Григорьевич, – невозмутимо ответствовал Кошкин, по лицу которого блуждала неуместная блаженная улыбка, словно он только что прибыл из рая. – Во-первых, эксперименты санкционированные, во-вторых, секретные, в-третьих, я попрошу вас удалиться. Уж извините. Получите сначала эту самую санкцию на присутствие здесь у Марченко, или на худой конец у президента.

– М-да! Полный бардак! – резюмировал Яковлев, поворачиваясь на сто восемьдесят градусов. – Полнейший!

Упоминание президента привело его в полное расстройство и замешательство. Должность генерального в исполнении Вадима Григорьевича становилась фантастичнее, чем изобретение Кошкина. Но, проиграв тактическое сражение, Вадим Григорьевич мгновенно принял решение поменять стратегию. Вечером на встрече он вытрясет душу из этого автомоби-

листа Ермоленко. Он узнает все! Нужно еще разобраться, какой интерес проявляют подозрительные чеченцы к оборонному предприятию? И президенту это будет небезразлично, контртеррористическая операция, что называется, в полном разгаре. Войдя в свой кабинет, он ринулся к столу и снял телефонную трубку.

– Здравствуйте, это Яковлев. Я вчера вам звонил по поводу счета... Какого? Ну, на мое имя, сто тысяч долларов. Я хотел бы знать, когда я могу их снять? Что значит – нет такого счета? Вчера был... Что значит – отозвали? Кто отозвал? Какая может быть тайна вклада, если он был открыт на мое имя? Да вы знаете, с кем вы...

* * *

Дорохов с лукавинкой смотрел на Сергея Павловича. Китаев же понимающе кивал, будто молча поддакивал.

– Да ты, брат, словно заново родился. Шерше ля фам?

– Ля фам, ля фам, – отмахнулся Кошкин. – Только не ждите эротических рассказов.

– От тебя, физика, дождешься. Но один вопросик у меня к тебе есть, из предыдущего, как изволил выразиться этот лысый хрен, эксперимента. Ты где так по исламу наблатычился?

– Почитай целую ночь Коран и Сунну – и ты наблатычишься.

– Ну ты даешь, Сергей Павлович! – восхитился Китаев.

Дорохов же, напротив, напустил на себя строгости, какой навидался у особистов.

– И что, понравилась тебе сарацинская вера?

– Да пусть они верят, как умеют, я ж не миссионер.

– А я уж подумал, что ты у нас, как это называется, когда разные веры...

– Экуменизм, – опередил Кошкин.

– Во-во!

– Да отстань ты, Вася. Это же убеждения для толерантных невеж. Бог не может быть двоеверцем.

– Точно! – включился Китаев: – Моя бабка всегда говорила: един Бог, едина вера, едино крещение!

– Эх! А я думал, что только моя бабушка так говорила, – не успел по привычке сослаться на свою бабушку Дорохов.

– Я просто говорил с ним на его языке, – устало вздохнул Сергей Павлович. – Невозможно себе представить, чтобы Бог или какой-либо из пророков сказал «убей».

– Да уж, – согласился Китаев, – когда побываешь на войне, особенно похожей на ту, что идет на Кавказе, начинаешь понимать, как нелепо и фальшиво звучат наши приветствия. Днем мы им «здравствуйте», а они нам «мир вам», а ночью летают другие «приветствия». Все войны, по большому счету, ведутся из-за денег... По большому счету и из-за больших денег.

Дорохов вмиг переменился и посерьезнел.

– Да ладно, я не об этом. Обнять тебя, Серега, хотел. Не умею я «спасибо» говорить. А ты, выходит, меня, дурака, из-под пули вытащил...

– И меня, – добавил Китаев.

– Да ладно вы, мужики, итак не по себе, осталось только заплакать от умиления и счастья. А у нас еще одно дело есть.

– Мариловна? – догадался Дорохов.

– Мариловна.

– У тебя есть какие-то соображения?

– Да. Я тут подумал, помучился, и у меня появилась интересная гипотеза. Понимаешь, в тот раз, когда мы отправили Мариловну за пенсией, я смею предположить, что она не встретилась с собой. Оказавшись там, она вспомнила, куда спрятала пенсию, и тут же рванула в магазин, не дожидаясь встречи со своим двойником.

– Интересно, – наморщил лоб Дорохов, – но к чему ты ведешь?

– Уж если б она встретилась, нам бы она с тобой рассказала все в мельчайших подробностях.

– Ну, так в чем же суть?!

– Вопрос в том, у какой Мариловны ты был в гостях. Вспомни, не показалось ли тебе что-нибудь странным?

– Ну, я к ней зашел, повод какой-то глупый придумал. Типа шел мимо, спичек нет, а курить хочется – уши пухнут. Она, конечно, коробок да не один мне дала, чаю предложила, я согласился. И болтали мы часа два, я теперь юность Мариловны пересказать в мельчайших подробностях могу. Короче, я только пару раз выходил покурить на лоджию...

– И ничего странного?

– Да нет вроде. Чайник вот все никак не мог закипеть. Минут пятнадцать ждали, я уж хотел спираль проверить. Да! И тишина! Точно! У нее же

всегда радио включено! А тут тишина. То ли не работало, то ли старушка выключила?

– Не могло оно работать! Еще скажи: ты курить ходил, на улице кого-нибудь видел?

– Да я бы любого подозрительного, сам понимаешь... Стой! – сам себе скомандовал Василий Данилович. – Там же вообще никого не было! Ни души. И ни одна машина во двор не заехала. Тишина. Глухо, как в танке. Я бычок вниз кинул, а он, как гайка, об асфальт сгрохотал! Подумал еще – не двор, а каменный мешок.

– То-то, – облегченно выдохнул Кошкин, – это как раз говорит в пользу моего предположения. Отсутствие встречи с двойником повлекло за собой параллельное существование. Проще говоря, наша с тобой Мариловна попала в несовершенное время. Бред, конечно, еще один парадокс. Нечто подобное я, по-моему, у Стивена Кинга читал, но кто сказал, что у создателей триллеров не бывает научных прозрений?

– Ты хочешь сказать, что все эти дни она там одна в целом мире?

– Да, с того момента, как зашла домой с покупками. Потому что вторая зашла долей секунды, минутой или часом позже. Цифровое выражение здесь принципиально неважно. И эта вторая стала жертвой убийцы. Проще говоря, я полагаю, что если есть незаселенные пространства, резонно было бы предположить, что есть и незаселенное время. И есть определенные точки соприкосновения, как, скажем, проселочные дороги. Именно в такой необитаемый промежуток попала наша Мариловна.

– Бр-р-р... – тряхнул головой Китаев, который все это время пытался вникнуть в суть разговора.

– Какой у тебя план, Палыч? – спросил Дорохов.

– Думаю, есть определенная связь между тем и другим промежутком, то есть нам следует восстановить последовательность событий, разумеется, предварительно убрав опасность, а потом просто вернуть нашу пропащую на место.

– Тогда я иду с тобой. А Толик посторожит.

– Там, Вася, стрелять не надо, хватит стрелять. Ты же понял: для пули нет временных преград.

– Ну я тебя во всяком случае подстрахую.

– Хорошо, тогда попробуем.

* * *

В первый раз в жизни Ермоленко решил сражаться. После ухода Бекхана он метался по кабинету, швыряя рекламные буклеты и канцелярские

принадлежности, и остановился только после того, как разбил в порыве гнева дорогую пепельницу. Пепельницу, как и переведенные на личный счет какого-то типа сто тысяч долларов, было жалко. Глядя на осколки, Ермоленко осознавал, что психовать бессмысленно. Убытки будут расти, а толку будет мало. И тогда он «упал» на телефон и стал собирать информацию. Это было не просто, но ему все же удалось узнать: кто такой Вадим Григорьевич Яковлев, которому он пожертвовал выручку автосалона за два последних дня. А служба безопасности аккуратно отследила маршрут Бекхана до парка и далее. Страсть к деньгам оказалась сильнее страха. И он решил сражаться за свои деньги. Уже вечером он отозвал из Промстройбанка платежку на имя Яковлева, а утром добился встречи с этим человеком. Два обстоятельства не давали ему покоя: интерес Грума во всей этой кутерьме, а также исчезновение Бекхана, которого аккуратно сопроводили до ворот «ящика», из которых он уже не вышел.

Ермоленко сделал несколько звонков, в том числе обеспокоил свою крышу, намекнув, что есть некоторые силы, пытающиеся его шантажировать и заиметь под это дело приличную сумму из общего котла. Заручившись бандитским подкреплением, он почувствовал себя увереннее и вызвал к себе начальника охраны, который, собственно, и был протежирован на это место покровительствующей группировкой.

Мастер спорта по боксу, а по совместительству зэка с пятилетним стажем Верхотурцев как всегда развязно плюхнулся в кресло напротив, закинув ногу на ногу. Такие манеры не раздражали Ермоленко, потому как они и были манерами, а свою работу Верхотурцев и его бригада выполняли неплохо, даже если от нее за версту отдавало свежими сроками. Правда, и платить им приходилось соответственно. Но главную часть своей прибыли они брали с перепродажи угнанных у лохов машин.

– Петр Матвеевич, – уважительно начал Ермоленко, так уж они величались с самого начала.

– Слушаю, Александр Максимович, – в тон ответил Верхотурцев.

– Нам, вероятно, придется начать маленькую, а может, и большую войну... – издали подступал Ермоленко.

– А че, надо так надо, не в первый раз. Я вам, Александр Максимович, вообще удивляюсь. Надо было этого хамовитого чечена тут на куски порвать. Он же не железный. Они щас припухли. Так что без особых последствий. Да и Грум тут зря выпендривался. С ним, конечно, мало кому стрелы набивать вздумается, но и он не на танке ездит.

– На нашем «Эмджи», – театрально вздохнул Ермоленко. – Но дело не в нем. Я хочу, чтоб вы собрали всех ребят, да и подкрепление обещано.

Чечен, если объявится, нужен мне живой, но связанный. Мне с него сначала поиметь кое-что надо. Я, кстати, не удивлюсь, если он среди живых не числится.

– Свяжем и живого, и мертвого, – заверил Верхотурцев, – а если надо, то и в двух экземплярах.

Начальнику охраны понравилось собственное остроумие, но он не позволил себе хохотнуть. Не принято.

– Угу, – кивнул Ермоленко. – Сегодня вечером у меня важная встреча с одним чиновником, вы там попасите нас незаметно. На всякий случай.

Верхотурцев просекал ходы на два вперед.

– Из «ящика», что ли? На которого чечен выползал?

– Точно.

– Сделаем, прессовать будем?

– Если потребуется. Но пока не стоит горячиться.

– Да, я вам забыл еще сказать, – вот тут Верхотурцев не сдержал победной улыбки, – в этом «ящике» еще одна знакомая вам личность работает.

– Что за личность? – насторожился Ермоленко.

– Да деваха молодая, красивая. Я у вас раньше фотографию видел, где вы с ней. Вы уж извиняйте, в сейф забыли кинуть, ну я и глянул. Видать, от жены прячете...

На последние слова Верхотурцева Ермоленко не обратил внимания, он вдруг ушел в себя.

– Варя? Она ж институт так и не закончила. Что она там делает?

– Хотите – пробьем?

– Пробейте, Петр Матвеевич. Аккуратно.

– Сделаем.

У Ермоленко в душе пронесся ностальгический ветерок. Образ тихой и прекрасной Вари заслонил на минуту стройные ряды нолей на счетах. Подумалось, а почему бы не взять ее на содержание? Каждый порядочный бизнесмен имеет любовницу.

Вечером Ермоленко встретился с Вадимом Григорьевичем в ресторане «Париж». Здесь можно было не только отведать французскую кухню и оставить несколько зарплат врача или учителя за бокал вина, но и полюбоваться точной мини-копией Эйфелевой башни, а также уединится в отдельный номер для приватной беседы. Так и сделали Ермоленко и Яковлев, чтобы подальше от посторонних глаз провести пристрелочную беседу. Долго они ходили вокруг да около, подороже продавая информацию и нащупывая возможность союзнических отношений. Но к десерту, ког-

да после бутылки арманьяка 1914 года они перешли на божоле, разговор стал конкретнее и даже, если это возможно между двумя такими людьми, теплее.

– За что вам хотел заплатить Бекхан? – спросил Ермоленко.

– За то, чтобы я его устроил к нам на работу.

– И?

– Он начал с прогула.

– Я уверен, что он искал у вас нечто весьма важное.

– А то, для меня это уже не секрет. Но для всех остальных – государственная тайна.

– Хм, сколько стоит?

– Ну, знаете ли, может, у вас жучок под столом.

– Да это вы, милейший Вадим Григорьевич, водите за собой на стрелку офицеров ФСБ. А я бизнесмен, я готов вкладывать деньги. К примеру, в наш союз. За мной, знаете ли, тоже люди стоят.

– Догадываюсь, – показал на пальцах братковскую козу Яковлев.

– А что? Это настоящие хозяева страны, а не продажные чиновники. Эти, если обещают, делают. Они пустых звуков не издают. И я тоже. Вот, – Ермоленко достал из-под стола кейс, – здесь, Вадим Григорьевич, ваши деньги, сто штук, и не на бумаге, а наличкой. Я отдам их вам как вклад в наш долговременный союз. Но!.. Никаких лиц кавказской национальности! Никаких подстав. Работаем честно на общую выгоду. Думаю, ваша военная тайна стоит такого предложения.

Яковлев не удержался и щелкнул замками чемоданчика:

– Меня, знаете ли, со вчерашнего дня пытаются обмануть, – и умолк, пораженный красиво упакованными пачками. Такое ему доводилось видеть только в кино.

– Хотите, чтоб не возиться с крупными суммами, я оформлю на вас хорошую тачку из своего салона? Вам бы очень пошел «Линкольн-навигатор». Такой солидный черный вседорожник. Сказка! – владелец автосалона выдержал многозначительную паузу. – Так что от вас было надо Бекхану?

– Машину времени, – испытующе посмотрел на собеседника Яковлев и пригубил вино.

– Шутите? – даже ухом не повел Ермоленко.

– В том-то и дело, что нет, – ответил, выдержав паузу Вадим Григорьевич. – Так сказать, опытная модель. Паровоз братьев Черепановых представляете?

– Не очень.

– Ну тогда, скажем, первый автомобиль. Паровой был. Ползал кое-как, но все же ползал. Ну а теперь представьте себе то же самое относительно времени.

– Черт! Неужели такое возможно. Не, – точно испугался, усомнился Ермоленко, – лабуда, наверное...

– Проблема в том, что изобретение уже на контроле правительства.

– А при чем здесь Росвооружение? Что, на машине времени воевать можно?

Яковлев едко ухмыльнулся:

– Не умеете вы мыслить масштабно. Даже если не удастся создать в ближайшее время мощный агрегат, то и маломощная машина представляет себе ужас для противника. Вы ж были в горячей точке?

– Ну? – этого Ермоленко вспоминать не любил.

– Во-от! Сидите вы на каком-нибудь блокпосту, а на вас совершают нападение. Вы сообщаете в штаб. И тут вылетает с базы вертолет, на котором стоит этот агрегатик. Догадываетесь дальше?

– Нет.

– Прилетает он сразу на полчасика раньше чем произошла заварушка, и от нападающих еще до боя остаются рожки да ножки. Вот вам и настоящий превентивный удар.

– Ё-моё! Так такую штуку и на ракету присобачить можно. С ядерной боеголовкой. Ё-моё, – уже не скрывал восторга Ермоленко, – это ж какие бабки! Ну теперь понятно, чего этот чечен так тут вертится. Вадим Григорьевич, это надо быстро и по-тихому поджимать под себя. Любыми путями. Вы можете на меня рассчитывать по полной!

– Я вообще удивляюсь, Александр Максимович, что наш город еще не заполонили агенты ЦРУ. Эх, если бы вы знали, какой тюхля додумался до этого изобретения!

– Лох?

– Полный лох! Из этих, знаете, сознательных, с повернутым патриотическим сознанием.

– Меня еще в армии от них тошнило... – зло выдавил Ермоленко, но тут же переменился: – А не подскажете, Вадим Григорьевич, что в вашем ведомстве делает девушка по имени Варя Истомина?

– Не припомню, – наморщил лысину Яковлев.

– Ну, такая черноволосая, стройная, глаза горят!

– Одна такая моет каждый вечер мой кабинет. Точно! Ее Варя зовут!

– Моет кабинет? – то ли спросил, то ли получил огромное удовлетворение от ответа Ермоленко. Идея о содержанке-любовнице вновь посетила его коммерческие мозги.

– А деньги вы, Александр Максимович, – улыбнулся Яковлев, – верните лучше обратно в Промстройбанк, мне так спокойнее. С таким чемоданом по городу ходить – роту охраны надо.

Образ Вари в сознании Ермоленко снова заслонил полевой командир. Злоба и стыд за свое малодушие были сильнее всех других чувств. Теперь, думая о Бекхане, Ермоленко позволил себе едкую парафразу: «Свинопас, говоришь? Вот мы тебя и выпасем, свинья».

* * *

Они вошли во двор в строго рассчитанное время. Показания Амалии Гвидоновны были точны. У подъезда Мариловны топтался худощавый парень, одетый не по сезону. Кожаная куртка под июньский тополиный пух никак не подходила. Зато хорошо сочеталась с армейскими бутсами. Он нервно переминался с ноги на ногу и озирался по сторонам.

– Он, – уверенно сказал Кошкин.

– Пойдем, поглядим, что за фрукт.

Чем ближе они подходили к незнакомцу, тем больше менялся в лице Дорохов.

– Ни фига себе война! – оценил он ситуацию. – Знал, что земля маленькая, но чтобы настолько!..

Сергей Павлович вопросительно посмотрел на друга.

– Это Усман Джабраилов. Мне его Бекхан оставил в качестве гарантии, – вполголоса пояснил Дорохов. – Навсегда оставил. Не нужен он ему был. Кому наркоманы в армии нужны? Мы потом его отфильтровали по полной. Наверное, под амнистию попал. Как его сюда-то занесло?

В это время парень повернулся и тревожно замер, впившись взглядом в глаза Дорохова.

– Ну, здравствуй, Усман, – прищурился Василий Данилович, – что, совсем худо жить стало, старушками промышлять начал?

– Ай! – Усман аж подпрыгнул. – Ты откуда, майор? – и попятился. – Ты... Как ты узнал?! – в руках его появился обрезок арматуры.

– А вот железом махать не надо, – вкрадчиво попросил Дорохов, – а то я тебя вместе с твоей палкой переплавлю, сукин ты сын.

Усман продолжал пятиться, а Дорохов наступать. В какой-то момент изъеденные героином нервы Усмана лопнули, он кинул в Дорохова арматуру и, резко повернувшись, побежал. Дорохов кинулся следом, а Кошкин в растерянности остался стоять у подъезда.

– В одном Амалия Гвидоновна была не права: этот точно Достоевского не читал, и мук совести у него не будет, – вслух подумал Сергей Павлович и приветливо глянул на окна доктора медицинских наук. Седая носатая головка приветственно покивала ему: мол, молодцы ребята, подозрительного типа прогнали.

Спустя пять минут вернулся запыхавшийся Дорохов.

– Никогда бы не поверил, что наркоманы так бегают. Запрыгнул гад в маршрутку, а я не успел. Тачку ловить бесполезно. Может, в милицию ориентировку дать? Он ведь другую жертву найдет.

– Это ты себе в прошлом посоветуй, – охладил его пыл Кошкин. – Ничего, Вась, у него теперь все не так пойдет. А мы, считай, провели самое безболезненное хирургическое вмешательство. Пошли, пока Мариловна не появилась, а то будем чай до второго пришествия пить. Нам теперь нашу бабульку вернуть самое время, если она там с ума не сошла.

– У-ё, – поежился Дорохов, – ты ж боялся в будущее.

– Да уж, – признался Сергей Павлович, – но мы, как говорится, на минуточку и недалеко, будем посекундно проверять. Типа как по секторам.

– Прочесывать, – подсказал майор запаса.

* * *

– Ого! – воскликнул адвокат Михаил Маркович Бирман, рассматривая содержимое большого конверта, который получил позавчера из рук нового и странного клиента.

По предписанию того самого клиента в условленное время, когда в кабинете адвоката не раздался контрольный звонок, и был вскрыт этот конверт, в котором оказались фотографии, аудиокассеты, расписки, видеокассета и две тысячи долларов гонорара, что причитался Михаилу Марковичу за предстоящие заботы о содержимом пакета.

На снимках сержанты и прапорщики российской армии находились в кругу боевиков. По всему было видно, что они не в плену, а заключают сделки. На кону стояло обмундирование, патроны, автоматы, гранаты и даже гранатометы. К фотографиям прилагались расписки. Красным маркером было выделено на фотографиях только одно лицо, а на расписках – звание и фамилия: «мл. с-нт. Ермоленко». Видимо, круто держали этого

парня боевики за одно место, раз он оставлял им такие компрометирующие бумаги. По привычке Михаил Маркович заглянул в городской справочник «Деловые люди» и не ошибся. «Ермоленко А.М., директор автосалона «Хайстар», владелец автозаправочных станций, соучредитель...» И т.д. И т.п. Особо отметил для себя адвокат, что сей удачливый молодой бизнесмен является зятем известного рыбного магната. Данное обстоятельство несколько настораживало и сулило непредсказуемые последствия, но, в сущности, никто не мешал Михаилу Марковичу честно отработать полученные деньги, выполнив поручение, и остаться в тени. Другой вопрос, сколько можно было получить с противоположной, не менее заинтересованной стороны, использовав при этом подставных лиц.

– Надеюсь, тут засняты не пытки пленных российских солдат, – брезгливо поморщился адвокат, вставляя кассету в видеомагнитофон.

На экране телевизора адвокат увидел мусульманское кладбище и своего клиента рядом с одной из могил. Клиент с ухмылкой объяснял, что это его могила, потом перешел к следующему надгробию и заявил, что это тоже его последнее пристанище, а в конце попросил найти его третью могилу. Такие мистические загадки Михаилу Марковичу были не по душе. Он был лучшим и самым высокооплачиваемым в городе адвокатом, а не охотником за приведениями. Далее на видеокассете следовала хроника жизни боевиков, сцены обмена пленных и убитых, мелькало там означенное красным маркером лицо младшего сержанта. На аудиокассете был записан разговор клиента с тем самым лицом, но уже в роли бизнесмена. Следовало разбавить странную задачу клиента рюмкой коньяка, и Михаил Маркович не преминул это сделать. А после второй он решил не искушать судьбу попыткой из одного гонорара сделать два и взялся за телефон. Набрав номер, адвокат тяжело вздохнул и, стараясь выжать из себя тон огорченного человека, коротко сказал собеседнику.

– Андрей Викторович, у меня для тебя интересные материалы. Приезжай. Нет, журналистам я не звонил. Да, и сделай так, чтоб мое имя в связи с этим нигде не всплывало. Ссылайся на каких хочешь информаторов. Жду.

Положив трубку на рычаги, Михаил Маркович откинулся в большом кресле, покусывая губы и щурясь на содержимое пакета. Так легко еще никогда не удавалось заработать две тысячи долларов, и это ему, как прагматичному трезвомыслящему юристу, не нравилось.

* * *

Едва ли можно не испытывать тихого ужаса в городе, наполненном давящей со всех сторон тишиной. Где каждый шаг на пустой улице отзывается эхом, как выстрел в горах. Окна любого дома – как глаза слепца, и манекены на витринах – как самые подходящие жители. Ни капли мусора, потому как его не успели еще ни уронить, ни убрать... И небо, которое больше похоже на вывешенную над крышами фотографию облачной пелены, которую забыли мало-помалу двигать для оживления общей картины.

– Слушай, Сергей, для воров твоя машина тоже мечта, сунулся на секунду вперед и посещай магазины и банки, – голос Дорохова полетел по трубе пустой улицы.

– Я вот о другом думаю, лишь бы у Мариловны инфаркт не случился. А то прахом пойдут наши старания.

– А почему бы нам сразу не появиться у подъезда или у дверей нужной квартиры?

– Скажи спасибо, что попадаем в пределах трехсот метров. У меня же в руках не снайперская винтовка с оптическим прицелом. Хоть и говорят, что в науке не принято что-либо делать на глазок, но это только говорят. Куча открытий были сделаны методом тыка.

– А я думал методом тыка только детей делают и напряжение в розетке проверяют.

– Понимаешь, Вась, если верить фантастическим романам, а им стоит верить хотя бы потому, что в них были предсказаны сотни открытий, то будущее, кроме неизменяемого общего направления, имеет вариативный ряд решений. К примеру, вот ты покурил, а мог и не курить именно в этот определенный промежуток времени, и это уже вариант развития будущего, включающий в себя миллионы возможных последствий, начиная от твоего здоровья, кончая общим загрязнением атмосферы.

Лицо Дорохова обиженно вытянулось.

– Ну ты сейчас меня заводской трубой выведешь, которая дымит и небо застит.

– Да нет, я просто тебе на пальцах объясняю.

– Но тогда получается, что от Бога мало что зависит?

– Я же тебе сказал: главное – то есть точка прибытия – неизменна, а вот варианты движения к ней могут быть самыми разными. Это уже складывается из участия человеческой воли. А сумма созидательных и

разрушительных действий индивидуумов, населяющих нашу планету, это уже сложение картины главного, большого варианта. Проще говоря, Бог наделяет человека свободной волей, об этом ты, надеюсь, слышал, именно в этом проявляется божественная природа человека. А вот качество использования этой индивидуальной воли – есть собирательная сила, формирующая будущее. Но, по сути, конечной точки нет, она замкнута на какую-то первичную точку. Получается кольцо. Не спираль, как думают многие. А кольцо. Оно, как башня, может строиться только вверх. Это наше сознание может двигаться, взбираясь по стене этой башни по спирали, как по винтообразной лестнице, а стена, собственно, и есть история. То есть, здесь нужно мыслить не отрезками, прямыми или даже лентами Мебиуса, а объемно, хотелось бы сказать – трехмерно, но, получается, наш умишко просто не способен к более многомерным решениям и картинам.

– Понятно – что ничего не понятно. А кольцо, то бишь башня, бесконечно в обе стороны?

– Смею предположить, что башня в огромных пространствах Вселенной тоже замыкается кольцом. То есть нам не заметно, как она наклоняется по типу пизанской, потому как на миллионы световых лет зрение наше не простирается. Ну и так до той самой бесконечности. С ростом времени растет Вселенная. Между прочим, это и ты понял после своего первого похода в прошлое, философствовал тогда о времени, как о фигуре, которая недоступна человеческому воображению. Ну что, угловато, но, по-моему, доступно объяснил.

– Доступно. Если твои башни во все стороны начать укладывать, окосеть можно. – Дорохов поиграл бровями, проверяя, не окосел ли и безнадежно вздохнул. – Воздух здесь какой-то... Вроде и свежий, но привкус у него странный. Скорее, безвкусный.

– Откуда тут взяться вкусу? – обвел рукой гулкую пустоту Кошкин. – Соседи капусту не тушат. Рыбу не вялят. Нет тут соседей.

– Ты только Мариловне про ее убийство не рассказывай.

– Да уж сам знаю, лишь бы у нас еще кто при памяти не оказался, а то и в отделе кадров могут с легкой руки порадовать. Любит у нас народ бразильские фильмы и отечественные некрологи. Честно говоря, не представляю – какие могут быть последствия у такой вилки времени? Слепой котенок лучше ориентируется в пространстве...

Они вошли в подъезд и замолчали. Шаги в мертвом доме звучали будто аккорды абстрактной пьесы. И кульминацией ее стала дверь Мариловны, что распахнулась навстречу, когда они были на последнем пролете.

– Господи! Да наконец-то! Уже и не чаяла живую душу увидеть! Сереженька, Вася! Это ж какая атомная война приключилась? – и прямо на

пороге старушка зашлась навзрыд, повиснув на крепких руках подоспевшего во время Дорохова.

Кошкину оставалось только гладить ее по руке и причитать, что все нормально, все позади, домой поедем...

– Сходила за пенсией, – пробурчал Дорохов.

– Так ведь вспомнила! – причитала Мариловна. – Вспомнила! Деньги взяла и сразу в магазин. Купила чего надо и – домой. Там же сериал любимый начался. Телевизор включаю – пусто! А потом уж, на второй, кажись, день дошло, что на всей улице пусто. Беда-то какая! Думала, с ума, старая, съехала. Уж не чаяла никого увидеть. А потом, мнила, умерла я, и это ад для меня такой специально придуман. На улицу боялась выходить. Чего же это такое?..

– Ничего, Мариловна, ничего, милая, теперь – все позади. Заблудилась ты у нас чуток. Ты ж сама с собой не разговаривала?

– Заговоришь тут!

– Ну ладненько, сейчас домой отправимся... – сказал Кошкин и поймал себя на мысли о том, что, в сущности, Мариловна и так дома. Ему стало неуютно, даже тряхнуло все тело: а вдруг они все втроем застрянут тут?

– Ага, Сереженька, ага, подожди малехо, я только пенсию возьму, зря что ли мучалась?

– Нет, Мариловна! Ни в коем разе! Отсюда мы ничего брать не будем. В нашем времени она тебя на том же месте ждать будет, и даже потраченное в магазине на месте останется.

– Да шут с ней, с пенсией, – успокоилась вдруг Мариловна, – но чтоб я еще хоть раз на твоей машине путешествовать намылилась!.. От такой тишины и похоронный марш любимой песней станет. Мы точно домой попадем?

– Точно, – Сергей Павлович отбросил всякие сомнения, иначе становилось жутко и страшно, хуже, чем в детстве заглянуть в приоткрытую дверь морга.

– Ну тогда я тебе покажу чего: может, для науки твоей это важно будет, – и она поманила Кошкина пальцем в глубь квартиры.

Тот послушно, но осторожно направился следом.

Мариловна сначала подвела его к радиоприемнику, который висел на кухонной стене. Включила его на полную мощность и приложила палец к губам, словно сейчас будут передавать сводки Совинформбюро. Спустя минуту Сергей Павлович стал различать легкое потрескивание эфира, а уже потом, ему показалось, будто он слышит отдаленные голоса. Правда, возникало чувство, что голоса эти живут не в динамике, а где-то рядом с

ним, а репродуктор выполняет роль лампочки, на которую летят ночные бабочки и мотыли. Как ни силился он разобрать этот тихий говор, но получалось только додумывать, угадывать значение слов. Голоса же были и мужскими, и женскими, и детскими, и никак не походили на размеренную речь дикторов и запальчивые уловки уличных репортеров. Мариловна спросила взглядом: слышишь? Кошкин кивнул: слышу.

– Чего это? – спросила старушка.

– Ума не приложу, – признался Кошкин, – возможно, радиоприемник в этом случае является слабым ретранслятором каких-то неизвестных физике волн. Не знаю, Мариловна, но это действительно странно, удивительно и жутко.

– Во-во, и я о том. Может, это вообще не из нашего мира?

– Кто знает? – пожал плечами Сергей Павлович и выкрутил до минимума регулятор громкости.

– А пойдем еще? – поманила рукой в комнату Мариловна.

Там она подвела его к стене, где висели в картонных и деревянных рамках старые черно-белые фотографии. Кошкин сразу отметил, что их стало больше. Историю каждой из них он знал весьма подробно. Когда Мариловне удавалось заманить Сергея Павловича на домашние блинчики да поболтать, она обязательно приносила за стол одну из фотографий, оживляя изображение подробнейшим рассказом. Вот, к примеру, с подписью «Крым 1949». Мать получила за самоотверженный труд на ферме путевку и повезла семью к морю. Маше тогда было уже почти восемнадцать лет. Старший брат служил на Дальнем Востоке, средний – в Германии, куда не дошел, не доехал... И тут Кошкин осекся, вспоминая рассказ Мариловны. На снимке рядом с мамой Маши Рассохиной стоял молодцеватый мужчина с орденской колодкой на груди. Лихо закрученные усы, а ля Буденный, наигранно суровый взгляд. Значит, в этом мире он все-таки дошел!

– Отец, – с дрожью в голосе подтвердила догадку Мариловна.

Был он и на других фотографиях вплоть до семидесятых годов. То с женой, то с Машенькой, то в обществе сыновей, то все вместе... До тех самых пор, пока старший Павел не спился, не шагнул в пьяном бреду под поезд, оставив жену и двух дочерей на попечение престарелой матери и младшей сестры. Сердце матери не выдержало...

– Это, Мариловна, вариант времени, когда твой отец остался жив.

– А нельзя мне, Сережа, пожить в этом времени? – подбородок старушки дрожал.

– Можно, милая, но ты здесь будешь одна. Все будут там, где прошла колея истории человечества, – опустил голову Кошкин.

Дорохов шепнул какое-то ругательство, а вслух сказал:

– Хороша колея, когда на обочину миллионы выбрасывает. Да по такому дерьму кто ж колеи прокладывает?

– Мы. Какую проложили, такая и есть, – упрекнул человечество Сергей Павлович.

Он подошел к Мариловне и обнял ее за плечи:

– Прости меня, лучше бы я ракеты делал. Больше пользы.

– Ты так не говори, – погладила его по щеке Мариловна, – не говори так. Нешто ты виноват, что Гитлер родился. Ты же не отец ему! А машина твоя... Я вот помню, малая еще совсем была, когда первый трактор в колхоз пришел. Смотрели на него, как на зверя заморского, рычал он. На фига, думали, нам такая каракатица? Так и гадали, пока он первую межу не провел.

– В том-то и дело, что я не знаю, где поле для моей машины. Вслепую я немало еще человеческих судеб перепашу, – Кошкин нервно покусывал губы, поглядывая на фотографии.

– Опять же, думаю, – утерла слезы Мариловна, – не всяким трактором не всякому полю поможешь, – и завернула тут длинную байку, что всем пришлось присесть на скрипучие стулья, ибо остановить воспоминания Мариловны было невозможно, а в этой ситуации еще и неделикатно.

Приземлились мужики крепко и вынуждены были сначала с напускным, а потом и с живым интересом прослушать историю о том, как во время войны в деревне, где жила Маша Рассохина (Мариловна в юности), девушка по имени Татьяна проводила на войну любимого парня – Андрея. Свадьбу сыграть не успели. Было это в начале сорок второго. И попал он во вторую ударную армию предателя – а тогда бравого, но интеллигентного по виду генерала Власова. И канул парень где-то в Мясном Бору, во время неуспешного наступления. И ни похоронки на него, ни другого какого свидетельства. Татьяна ждала его, потому что любила. О такой любви, как у них была, книги пишут. Уж и сорок пятый прошел, и сорок шестой, а она все ждала. Тем, кто с фронта вернулся – раздолье! Девок и вдов вокруг, хоть промискуитет объявляй! Промискуитет – это Мариловна от учителя истории запомнила. Безрукий он был, и парни в классе все потешались вопросом: как он в туалет ходит по малой нужде, кто ему хозяйство в нужном положении держит? Кружку со спиртом он, к примеру, сам зубами брал и в себя, как божью росу, опрокидывал. Зато рассказывал всегда без всяких бумажек и учебников, а слушали его, разинув рты. Эх! Много мужиков война покалечила, кому не тело – так душу! Быстро эту войну забывать стали.

У Дорохова заходили желваки, про войну он тоже мог кое-что рассказать. Но Мариловна рассказывала про любовь.

И хоть выбор у парней был, и медали на груди звенели, многие из них сватались к Татьяне, но всегда получали отказ. А она писала письма во всякие военные инстанции, надеялась разыскать след своего Андрюши, а когда отпуска снова разрешили, насобирала денег, взяла платья красивые и поехала туда, где полегла вторая ударная армия. Пусть с весны сорок второго по весну сорок восьмого много воды утекло, но Таня привезла оттуда горсть седых волос. На каждого непохороненного солдата – по одному. Но это она уже потом, много позже, рассказывала. А тогда ей товарищи из соответствующих органов посоветовали уезжать оттуда и никому не рассказывать о том, что видела. Потому можно считать, что Татьяна была одним из первых красных следопытов. Она после возвращения полгода письма писала по адресам, которые в солдатских нагрудных гильзах нашла. А про своего Андрюшу так ничего и не узнала. Замуж она вышла только в 1954-м, когда ей уже тридцать лет было. Аккурат в это время Хрущев с Маленковым тягались.

Замуж вышла за хирурга из районной больницы и перебралась в город. Не по любви шла, а от одиночества. Хирург же – Владимир Иванович – славился своими добрыми золотыми руками и тем, что спас на войне не одну сотню солдатских жизней, а жену у него случайной пулей убило. Шибко он по ней тосковал. Наверное, запил бы, да работы всегда у него было много, со всего района к нему болезных везли, даже Мариловне случилось у него чирьи удалять, вот и позволял себе сто грамм после операции. Пусть каждый день – но только сто грамм. Железно.

И ничего бы Мариловна про эту историю не узнала, если б не повстречала совсем недавно в областном центре эту самую Татьяну. Ей уже под восемьдесят. Рассказала она Машеньке свои печальные старые новости. В 1975 году поехали они с мужем в Прагу по туристической путевке от совета ветеранов. Да там, в самой что ни на есть Праге, в одном из многочисленных кафе, встретила она своего Андрея. И – никакой лирики! Андрей весной сорок второго отдал со своего плеча гимнастерку и шинель генералу Власову, которому в окружении захотелось выглядеть рядовым. Но когда в плен он сдался, узнал в лагере Андрея и чуть не силой затащил его в русскую освободительную армию, которую тот для службы у Гитлера создавал. Вот до чего добро Андрюшу довело. А в сорок пятом, хоть и стала помогать эта армия восставшим пражанам, но наши их не помиловали. Кого в петлю, как Власова (Иуде Иудина смерть), кого к стенке,

а кому большие сроки в лагерях. Андрюшу спрятала одна сердобольная чешка. А потом выдала за своего мужа, который у нее погиб. Правда, пока не выучил язык, прикидывался немым от контузии.

И что? И Татьяне и Андрею по пятьдесят лет. Ему никакого пути на Родину нет. Чем быть предателем Андреем, лучше быть краснодеревщиком Чеславом. У Татьяны трое детей, у Андрея-Чеслава двое.

– И ничем бы твоя машина времени им не помогла, Сережа, – оборвала вдруг Марья Гавриловна.

– Да, пожалуй, – согласился Кошкин. – Даже если б свадьбу успели сыграть. Вторую ударную армию моей «тачанкой» не уберечь, Сталину или генеральному штабу правильное решение не нашептать да и дырку в «железном занавесе» не пробить. Таким трактором колею, которую миллионы натаптывали, не повернуть, – поджал-прикусил губу и достал из кармана пульт. – Давайте, ребята, домой.

– А я, Палыч, думал в магазин сходить, – хитро прищурился Дорохов, хотел, наверное, разрядить обстановку, – сегодня, по-моему, распродажа по самым сниженным ценам. А для пенсионеров стопроцентная скидка, – подмигнул Мариловне.

* * *

После рассказа Грума Владимир Юрьевич бросил все дела и стал названивать Кошкину. Долгое время тот не отвечал ни дома, ни на работе. Рузский чуть было не позвонил самому Марченко, но правильно рассудил, что Марченко пошлет его дальше, чем партия комсомольцев. Наконец в трубке зазвучал усталый голос Сергея Павловича.

– Сергей Павлович, давайте я вам мобильный куплю, чтоб вы не исчезали, а то я беспокоится начал. Поверьте, искренне вам это говорю.

– Спасибо, Владимир Юрьевич, но там где я был, мобильник не пригодится.

– Вы все экспериментируете?

– Да нет, исправляю свои и чужие ошибки.

– А по моим данным вашей жизни недавно угрожала опасность.

– Спасибо опять же, но ваша, Владимир Юрьевич, опека чересчур уж безгранична. Опасности меня на каждом шагу подстерегают, вдруг поскользнусь, треснусь головой об пол, и если не сдохну, то забуду, что за прибор у меня на столе стоит и как им пользоваться. Так что не следует преувеличивать угрозы и оберегать мою персону, как премьер-министра какого. Обещание я свое выполню из уважения к вам и вашей деликатнос-

ти. Другой на вашем месте давно бы уже меня горячим утюгом по животу гладил.

– Ну... скажете...

– А знаете что? Приезжайте прямо сейчас, еще не вечер. Я хоть и устал чуток, но готов застрелить сегодня и трех, и четырех зайцев. Надо играть, пока везет. А мне сегодня, как мне кажется, удача улыбается как никогда.

– Куда прикажете? Или за вами послать машину?

– Нет уж, лучше вы к нам, я оставлю пропуск на КПП.

– Тогда, Сергей Павлович, на двоих человек. Второй – Вадим Андреевич Паткевич. Вы уже с ним знакомы.

– Для него оставлю обязательно, а то придется новые ворота за свой счет покупать.

– Через полчаса будем у вас.

Когда Кошкин опустил трубку телефона на рычаги, Дорохов с недовольным видом покачал головой.

– Зря ты, Палыч, с этой братвой дело имеешь, жди подляны.

– Вряд ли. Я им нужен живой, невредимый, при уме и памяти. Ну и к тому же Рузский муж моей жены.

– Ты сам-то понял, что сказал?

– Хорошо еще, что не отец моего сына. Я просто привык выполнять свои обещания.

– Тогда не забудь прихватить меня с собой, уж я тебе сегодня везде компанию составлю. А когда все закончится, давай возьмем Толика и все вместе хорошенько посидим где-нибудь под хороший коньяк. Толик, ты как?

– Всегда готов, командир! – отпионерил Китаев, который все это время отмалчивался в стороне.

– А пока нас не будет, ты карабинчик мой в чехол не складывай, вдруг два этих друга обратно без нас вернутся, ты их тогда отправь обратно.

– Думаю, эти предосторожности излишни, – поморщился Кошкин, – Рузский любит Лену и прекрасно понимает, что из-за меня ему придется с ней объясняться.

– Береженого Бог бережет, говорила моя бабушка, – резюмировал Дорохов. – Вздор – он и есть вздор.

До появления Рузского Сергей Павлович еще успел оформить пропуска и договориться с охранниками. Китаев заварил чай в легендарной банке, а Дорохов позвонил Амалии Гвидоновне и справился: как здоровье ее соседки Марии Гавриловны.

Грум и Рузский появились в лаборатории с небольшим опозданием. Паткевичу у дома Владимира Юрьевича показалось, что их кто-то пасет, и он погнал машину, визжа на поворотах покрышками, показал лучшему другу, на что способен новенький «Эмджи». Рузский пообещал, что все-таки отправит его выступать на «Формуле-1», на что Грум заявил, что со всякими Шунахерами ему соревноваться западло. А вот есть в городе еще пара «природных» ребят, что на «черных» гонках выступают, так они и на танке любого профессионала, как стоячего, заделают.

Они зашли в лабораторию и только там прекратили бессмысленный спор. Грум кивнул ожидавшей троице, что, видимо, означало: «Привет, ребята, сегодня я не на КрАЗе». Кошкин с интересом посмотрел на дорожную сумку в руках Грума. «Пулемет у него там, что ли?», – подумал он. Рузский ответил на его вопрос вслух:

– На КПП не хотели пропускать с этим баулом, пришлось показать, что там одни старые бумаги, – он дал знак Паткевичу.

Тот сбросил сумку на пол и расстегнул замок. Открывшееся чрево взбухло аккуратно упакованными, словно вчера из-под станка, пачками советских денежных знаков образца 1961 года. Китаев присвистнул, хотя по своей молодости не мог испытывать ностальгических чувств к валюте развитого социализма.

– Хотите поменять? Не успели в свое время? – предположил Кошкин.

– Что вы, Сергей Павлович, это же банально, – обиделся Рузский, – хотя, возможно, наше с Вадимом желание покажется вам еще более прозаическим, мы хотим в советский кабак. Гульнуть так, чтоб на следующий день в КГБ сводка была. Вадик, ты куда хочешь?

– В «Рассвет», – коротко ответил Грум, определив местом проведения застолья весьма посредственный ресторан.

– Почему?

– Потому что его больше нет.

Рузский понимающе покачал головой.

– Не возражаете? – спросил он у Кошкина.

– Желание клиента – закон, – пожал плечами Сергей Павлович, – но есть встречная просьба. Вы не могли бы спонсировать присутствие за столом еще одного человека? – кивнул на Дорохова, который старательно делал вид, что все происходящее ему сиреневенько, и только исподлобья постреливал на Грума.

– Да нет проблем! Что не сможем пропить, оставим вышибале на чаевые, – улыбнулся Рузский.

Прошло несколько минут, и все четверо сидели за столиком в отдаленном, слева от эстрады, углу ресторана «Рассвет». Этому предшествовал торжественный вход сквозь табличку «закрыто на обслуживание», смазанный немятым красным червонцем. «С образом Ленина нам все пути открыты», – пошутил по этому поводу Рузский. Потом долго ждали официанта. Ненавязчивый советский сервис являлся бесплатным приложением к увеселительной прогулке. Наконец подчеркнуто нерасторопно прибыл официант, холодно осведомился «что желают товарищи», но Владимир Юрьевич растопил его служебный лед полтинником, изъятым из пачки на его глазах и шепнул, указав взглядом на Сергея Павловича, что за столиком присутствует «ответственный товарищ» из Москвы, проверяющий инкогнито сферу обслуживания, а уж гулять он будет по полной.

– Меню не надо, – застолбил Рузский, – несите все лучшее, и чтоб ваши знаменитые цыплята табака были не синие, как от реального никотина.

Официант понимающе кивнул и помчался выполнять заказ на первой космической скорости. Развить вторую ему не позволяли застойные явления в экономике СССР. Да и зачем она нужна, если необходимо крутиться вокруг одного столика?

Пить пришлось «Старку», «Арарат», «Кинзмараули», «Вазисубани», клюквенный напиток, «Боржоми» и «Тюменскую минеральную №1». При этом Дорохов, поднеся к губам первую рюмку, вдруг остановился:

– Ну, скажем, за это я не боюсь. Это не скиснет, – повел он носом над поверхностным натяжением жидкости, подняв волну. – А закусывать? Палыч, как ты думаешь, от пищи, срок негодности которой почти двадцать лет, пучить не будет?

– Думаю, нет. Мы ведь, как это говорят, трапезничаем в режиме реального времени. А уж с точки зрения всякой там генной инженерии и чистоты продуктов, то здесь можно быть более чем спокойным. Глянь, каких цыплят принесли. Райские птички, а не цыплята. А зелень? Явно не тепличная. Это, Вася, настоящие ароматы, а не реликтовое излучение.

– М-да, это, Сергей Павлович, точно, здесь и Грум в гурмана превратится, – подмигнул компании Рузский.

– Ну, тогда за режим реального времени, – поднял рюмку, как знамя, Василий Данилович.

– За оперативно-тактическое оружие нового поколения, – многозначительно добавил Владимир Юрьевич. – За нашего гения, за Сергея Павловича, который подарил нам этот вечер.

Никто не возражал, хотя Кошкин подумал, было, возразить, что без советских денежных знаков в таком количестве вечер мог ограничиться

безобидной прогулкой по аллее трудовой славы. На эстраде как раз в это время появились опохмелившиеся в своей подсобке музыканты, и длинноволосый усатый гитарист озвучил в микрофон первый заказ, что лег сиреневой четвертной на барабан ударника:

– А теперь для уважаемого Дмитрия Михайловича звучит эта песня... – и после знакомой до боли во всех местах увертюры хрипловато запел: – Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе видна...

– Черт! Прослезиться можно! – воскликнул Владимир Юрьевич.

– Кураж, – согласился Грум.

– И верю и не верю! – Рузский быстро переключился на Кошкина. – Сергей Павлович, вы волшебник! Удивляюсь, почему вы делаете из вашего изобретения тайну.

– Плохо у меня получается с тайнами, – буркнул Кошкин.

– Вы не представляете себе, от каких перспектив вы отказываетесь! Уж если за полет в космос миллионы долларов выкладывают, то за полет в прошлое, а тем паче будущее народ будет раскошеливаться со страшной силой! Состояние Билла Гейтса очень быстро станет пожертвованием на хоспис для почитателей «Майкрософт»!

Дорохов согласно крякнул, они с Грумом после «Старки» перешли на коньяк, в то время как Кошкин и Рузский осторожничали с вином.

– Нет, мне определенно никто не поверит, что я бухал в советском ресторане, – расстраивался Владимир Юрьевич.

– В натуре, – согласился Паткевич.

– Вадик, какую песню закажем?

– Мне у «Лесоповала» нравится, сам знаешь...

– Извини, Вадик, этого вокально-инструментального ансамбля еще нет, а если и есть, то в подполье. Вспоминай, друг мой, советскую эстраду. Песню за мир хочешь? Или «яростный стройотряд»?

Грум никак не среагировал на пассаж Рузского. В это время музыканты уже горланили нелепую песню Леонтьева про светофор. «Все бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, а он им светит!»

– Бегут, бегут... У нас на зоне – это очень популярная песня была, а теперь поют «нас не догонят», петушиные какие-то песни, – заметил Грум. – Что-нибудь душевное хочется, русское, про ямщика... Чтоб размах был. А то поют для гаишников и педерастов, для нормальных людей музыки не стало.

Рузский поманил пальчиком официанта и пошептал ему на ухо. Тот попытался, было, возмущенно удивиться, но пачка купюр вернула на его

лицо угодливую улыбку. Пританцовывая от предстоящей авантюры и ожидаемого эффекта, он подошел к эстраде, где с ходу взял на абордаж кассира-барабанщика, выложив главный аргумент – пачку купюр – на дребезжащий под палочками пластик. Песню про светофор, не обращая внимания на недовольный гул в зале среди танцующих, быстро свернули. Музыканты «извинились» за ложные неполадки с аппаратурой и тут же провели короткое производственное совещание. Решение озвучил сияющий, как новый полтинник из той самой пачки на барабане, вокалист:

– Дорогие друзья, уважаемые гости, сегодня у нас в зале находится очень уважаемый и авторитетный в системе правоохранительный органов человек – Вадим Андреевич Паткевич. Весь вечер для него будут звучать русские народные песни. Просим всех гостей отнестись с пониманием, тем более что некоторые песни мы будем исполнять в эстрадной обработке, и вы сможете танцевать до упаду. Бережное отношение к народной культуре и традициям поддерживается дирекцией нашего ресторана. А сейчас – песня о ямщике!..

Зал озадаченно промолчал.

– Прикалывает другое, я сейчас на строгаче парюсь, а тут песни для уважаемого и авторитетного человека, – оценил подарок друга Вадим. – Слушай, Вова, может, мы еще и посылочку мне на зону отправим?

– Почему нет? – блаженно улыбнулся Владимир Юрьевич.

– Ну, за душевную русскую песню, – без доли иронии поднял бокал Дорохов.

Музыканты отрабатывали свой гонорар достойно. Сначала спели «Ямщика», потом обработали, как и обещали, «Калинку», при этом к эстраде ринулось немало желающих пуститься в пляс, потом спели «Ой, мороз, мороз», «Лучинушку», «Ой то не вечер»... Постепенно атмосфера в зале изменилась, менялись лица музыкантов, менялись лица посетителей. То плыла над столами безбрежная степная тоска, то завывал северный ветер, то летела задорная казачья вольница... И снился всем не рокот космодрома. Вокалист уже и не голосом, а душой выводил коленца, потому что иначе петь было нельзя. Кое-где в зале подпевали.

– Эх, сейчас бы пролетку нанять, да на крутой берег реки! – восхищенно озарился Рузский. – А что, Сергей Павлович, слабо в девятнадцатый век?! Мы по золотой цепочке с Вадимом ставим, в любом кабаке нальют! Мохнатый шмель... – запел Рузский, подражая артисту и режиссеру Михалкову.

– Боязно, Владимир Юрьевич, не вытянет так далеко моя машина. Все равно, что на «Запорожце» вокруг света махнуть.

– Жаль! Хотя, полагаю, инженерная мысль на этом не останавливается! Мое предложение о собственной лаборатории остается в силе.

– Спасибо, но последние опыты имели печальные и опасные последствия. Ладно, если б к прибору тянулись желающие гульнуть в кабаках или полюбоваться историческими достопримечательностями, подышать духом времени. Вы же прекрасно знаете, чем это может кончиться. Где гарантия, что завтра ко мне не придет ваш конкурент, который задумал убрать вас вчера? Он и предлог сочинит благовидный, любимую бабушку повидать или найти потерянный аттестат о среднем образовании.

– Справку об освобождении, – вставил Грум.

– М-да, – поежился Рузский, воображение которого развило мысль Сергея Павловича.

Между тем музыка неожиданно оборвалась, все невольно повернулись к эстраде. Там, прямо на сцене орудовал возбужденный человек, гортанно выкрикивая ругательства в адрес музыкантов. Те же беспомощно разводили руками, кивая в сторону путешественников во времени и «ответственного товарища из Москвы». Человек лихо спрыгнул с эстрады, бросив на пол вырванный из рук вокалиста микрофон, и направился к столику Рузского. Веселая четверка окаменела. С перекошенным от негодования лицом к ним шел молодой, но легко узнаваемый Бекхан.

Грум потянулся к пистолету, но Кошкин, уловив движение его руки, строго предупредил:

– Ни в коем случае! Иначе все вместе будем строить коммунизм до скончания века!

* * *

Вечер нахмурился грозовыми тучами. Темнело не по-летнему. И даже сорвавшийся с опустившегося горизонта ветер казался фиолетовым. Похозяйски хлопая дверьми, рамами и форточками, он поднял марево песка и пыли, вмиг прочитал брошенные на улицах газеты и журналы, пугая шелестящим размахом свободной прессы не успевших спрятаться птиц. Небо провисло синим животом прошлогоднего утопленника и было наотмашь вскрыто первым скальпелем молнии. Прорва воды обрушилась на крыши и землю, напоминая о потопе, прибила к земле даже ветер, и сотнями ручьев устремилась во все стороны и со всех сторон. Посредством воды небо и земля слились в единую серую массу, сквозь которую, как слепые без трости и поводыря, крались автобусы и автомобили. Зонты

редких прохожих за какие-то две-три минуты превращались в лохмотья, висящие на скелете.

Мистический страх охватил Елену Андреевну, когда она торопливо пробежала по комнатам, закрыв окна, и села на диване, отложив в сторону книгу. Буйство стихии, казалось ей, предвещает что-то недоброе, опасное для нее и ее близких, и чувство это росло с каждым раскатом грома, наполняло душу тревожным, бессмысленным, изматывающим ожиданием. В конце концов она не выдержала и схватила трубку телефона. Напиликала мобильный Володи, но трубка ответила женским голосом, что абонент находится вне зоны досягаемости, «пожалуйста, перезвоните позже». Набрала номер Виталика, но у того телефон оказался выключен. На занятиях? В последнюю очередь подталкиваемая овладевшим ею недобрым предчувствием позвонила Сергею. Домашний ответил длинными, как гудок парохода, прощальными нотами. Невольно она стала прислушиваться к своим страхам, перечисляла в памяти разные названия фобий, но именно в памяти сидела сердцевина ее непонятного ужаса. Там появлялось то, чего раньше никогда не было. Смутная догадка снова толкнула ее к телефону. Пролистала старую записную книжку, кое-как нашла рабочий телефон Кошкина.

Ответил Китаев:

– Слушаю.

– Сергея Павловича можно услышать?

– Нет, перезвоните позже, часа через два-три. Или утром.

– Позвольте, но через два-три часа будет глубокая ночь! Это звонит его жена... Бывшая. Но он мне очень нужен!

– Простите, сейчас Сергей Павлович в любом случае не сможет подойти к телефону.

– Куда я могу ему перезвонить?

– Никуда. Он участвует в важном научном эксперименте.

– Значит, он опять воспользовался этой своей машиной времени?! Только не пытайтесь меня обманывать, я все знаю, он сам мне говорил. Скажите, мой муж, мой нынешний муж, он сейчас с ним?

– Ннн... да... Но там все в порядке. Вы не переживайте.

– Да вы не понимаете!.. – она отбросила трубку и с этого мгновения страх растаял, уступив место яростному порыву русской женщины, о котором и сказал поэт: «в горящую избу войдет». Уж кто-кто, а настоящие русские женщины, как самые чувствительные радары, безошибочно чувствуют опасность угрожающую родным и близким.

Лена небрежно сбросила халат, почти запрыгнула в джинсы, натянула футболку, подержала в руках и посчитала бесполезным зонт, взяла с собой только ключи от машины. Благо, что «Форд-фокус» оставила у подъезда.

В ту минуту, когда хлопнула дверью, будто поставила точку, замерла, пораженная новыми воспоминаниями, которых у нее до сих пор не было. Все в них было на месте: сын, новый муж, новая работа, не было только Сергея Кошкина. Потом вдруг увидела бледного, как сама смерть, Володю. Живого и странно улыбающегося. Воспоминания наслаивались одно на другое, настоящие на вновь рождающиеся, проникали в уголки глаз и щипали до слез.

Прикусила губу до крови, когда ясно увидела играющего с трехлетним Виталиком Сергея. Виталик на спине отца, и они носятся по квартире – конная атака. Виталик кричит «быстлее», коленки Кошкина стучат по полу, на повороте в прихожую сын соскальзывает, но Сергей успевает как-то невообразимо подставить руку, и вот уже оба лежат на полу и смеются. А теперь ей кажется, где-то далеко падает со скалы Кошкин, и некому ему сказать, что он падает. Некому, потому что все его предали и оставили. И только старик Марченко машет трясущейся рукой... Где это? Что это? Игра напуганного воображения? Память ударила пронзительной болью. Так, что ноги подкосились, стали ватными. Ускользало что-то нужное, похожее на одну из сердцевин, на которых строится и обрастает ежеминутной кутерьмой вся жизнь. Исчезала первая любовь, пусть и оборванная, пусть недопетая, не вылившаяся в добродушную, чуть ворчливую старость, но такая же необходимая каждому, как первое узнавание мира, как первый поцелуй матери...

Кошкин стирал себя в памяти Лены, а значит – первую любовь. Всё, что с ней связано. И только томик Бунина с закладкой оставался на диване.

* * *

Закончив работу, Варя не торопясь направилась к выходу. За порогом бушевала непогода, спешить некуда. Постояла немного на КПП, поболтала с охранниками и, поняв, что на улице ее просто-напросто смоет, что автобус все равно не придет, направилась обратно в корпус. Ноги сами принесли ее в лабораторию Сергея Павловича, где Китаев пил уже восьмую кружку чая и разгадывал кроссворд в старом журнале «Наука и жизнь». Варю он сначала не заметил, потому как сидел к двери спиной и вслух сам себе задавал вопросы.

– Оптический квантовый генератор? Пять букв... Блин...

– Лазер, – подсказала Варя, и Китаев чуть не упал с табуретки от неожиданности.

– О! Здравствуйте.

– Добрый вечер, а я думала тут опять Сергей Павлович ночует.

– Ну он как бы тут, и как бы его нет.

– Опять, наверное, навещает молодую жену? – предположила Варя.

– Нет, он вместе с ее нынешним мужем проверяет систему советского общественного питания.

– Ух ты. А можно я тут у вас посижу, там на улице дождь, гроза и вообще – внеплановое светопреставление.

– Конечно, у меня еще полкроссворда впереди, чай будете? С сушками...

* * *

Метаться по служебному кабинету, как тигр в клетке – дело театральное. Но если никто этого не видит, то можно еще при этом пинать урну, материться и пить дорогой коньяк, что ждал своего часа в сейфе с секретными документами. Вадим Григорьевич даже в своих просторных пенатах не находил себе места. Пятнадцать лет он уверенно маршировал вверх по карьерной лестнице, чтобы, находясь у самой вершины оглядеться и понять, что кожаное кресло, в котором до раздражения на коже потеет задница, ничего не значит. После третьей рюмки вспомнилось вдруг ежедневное мамино: «Вадик, не водись с этой шпаной, они тебе всю жизнь испортят». И Вадик не водился, во дворе появлялся редко, чаще всего, чтобы получить пинка, новое прозвище или быть до конца игры галящим. Шпана потом разошлась по тюрьмам и войсковым частям, а Вадик прилежно, как и все зубрилы, учился в институте, получив благодаря стараниям мамы справку об ограниченной годности к воинской службе. И вот повзрослевшая дворовая шпана добралась до его просторного кабинета, кидает ему дипломатами деньги и втягивает в игру, в которой он снова будет галить. Да еще и нерусская шпана нагло прет.

А Кошкин?! Кулибин, мать его! Каким, интересно, он был в детстве. Поди из тех, что и вашим, и нашим... Нормальные Кошкины-Котины танки изобретали. А этот... Целый час Яковлев смотрел на телефон, раздумывая кому позвонить, чтобы ситуация вновь оказалась в его надежных руках. Раньше-то понятно: первому секретарю обкома или первому заму по идео-

логической работе. А теперь? Губернатору по барабану, ФСБ вмешивается только по заказу Марченко, министр обороны тоже предпочитает разговаривать с последним. Насколько они в курсе всех этих экспериментов? Влезешь, как индюк в суп, сварят и съедят, а кости – дворняжкам.

Так и гипнотизировал телефонный аппарат, подбирая цифровую комбинацию к спокойному и обеспеченному будущему вплоть до солидного памятника на городском кладбище. Но телефон зазвонил сам. Из трубки нагло и уверенно зазвучал уже знакомый Яковлеву голос.

– Вадим Григорьевич! Добрый вечер!

– Кому какой, – буркнул Вадим Григорьевич.

– О! Да вы не в настроении! Но дела не терпят, – Ермоленко настырно напирал, голос его не оставлял шанса на возражения, и сорокасемилетний Яковлев снова вспомнил предупреждающие пассажи мамы.

К сожалению, он не знал, что звонивший ему Ермоленко недалеко ушел от дворовых шестерок.

– Вадим Григорьевич, лучшая защита – это нападение. Уважаемые люди, с которыми, сами понимаете, лучше не спорить, решили, что нам следует уже сегодня взять все в свои руки. Тот, кто может заглянуть в завтра, обязательно кинет нас уже сегодня. У меня к вам огромная просьба, выпишите, пожалуйста, пропуск на мое имя, со мной будут еще три человека, Петр Матвеевич Верхотурцев... – и Ермоленко назвал еще два имени.

– Рабочий день уже закончился, а у меня нет бланков.

– Встретьте нас сами.

Вадим Григорьевич держал трубку, как бокал с ядом. Он окончательно убедился, что только внешне выглядит респектабельным и независимым человеком. Ему захотелось в длительный отпуск. Подумалось вдруг, что это не поздно будет сделать завтра, особенно, если доллары лежат в том же Промстройбанке.

«Тот, кто может заглянуть в завтра, обязательно кинет нас уже сегодня», – повторил себе фразу Ермоленко Яковлев.

– Вадим Григорьевич, мы же с вами партнеры, – вежливо затягивал петлю Ермоленко, – мы сделали ставки и либо все потеряем, либо выйдем на новый уровень. Уверяю вас, люди, которые за мной стоят, их поддержка – это практически пропуск в Государственную Думу. Хотите в депутаты?

– Нет, не хочу, у меня более скромные амбиции.

– Любые, Вадим Григорьевич, любые, – подчеркнул Ермоленко. – Ну так что? Вы нас встретите?

– Приезжайте, – и дав отбой набрал другой номер.

– Код 101, – сказал он и положил трубку.

Там, куда он звонил, знали кто и откуда набрал номер.

Накрученные за последние дни нервы вытолкнули Вадима Григорьевича из кабинета, он, некрасиво семеня, спустился на второй этаж и ринулся в хозяйство Кошкина. Как и предполагал, в лаборатории горел свет, и он вошел туда, как хозяин, заставший слуг за мелким воровством.

– Что вы тут делаете? Вы абсолютно посторонние люди на секретном научном и военном объекте. Где Кошкин?

Китаев и Варя, застигнутые врасплох, подскочили. Только что с легкой руки Вари они вписали в кроссворд имя Пуанкаре, на очереди был химический элемент иттрий.

– Покиньте помещение!

– Я не могу этого сделать, – твердо ответил Китаев. – Сергей Павлович просил меня ждать его здесь.

Яковлев посмотрел на него с хладнокровным негодованием. Он готов был к этому ответу. И вообще, пока он спускался к нему вернулось самообладание и решимость. С этого момента он уже разыгрывал свою собственную партию.

– Я вернусь сюда через несколько минут с ребятами из внешней охраны и думаю, вам лучше покинуть лабораторию до этого времени. Нарушение внутреннего распорядка налицо. Поэтому лаборатория будет обесточена и опечатана, – он победно глянул на прибор, генератор которого надсадно гудел на огромном рабочем столе Кошкина. – У нас тут работают с оперативно-тактическим и даже стратегическим оружием, а не кроссворды в обществе девиц гадают.

* * *

– Ни фига себе война, – что еще мог сказать Дорохов, наблюдая приближение Бекхана.

– Ви что, фашисты-националисты?! Пачаму все должны слушать эти ваши русские песни?! – Бекхан метал молнии, каждому «выстрелил» в глаза и особенно задержался на Дорохове, который привстал.

– Ты потише с фашистами, тут есть офицеры Советской Армии, – сухо сказал майор.

За дальним столиком у входа встали готовые в любую минуту ринуться в бой земляки Бекхана. Кошкин за рукав усадил Дорохова, Бекхан кивнул своим, и они сели, высокомерно посматривая в сторону конфликта.

– Уважаемый, – заговорил Рузский, – мы просто заплатили сегодня за музыку, что в этом такого?

– Я тоже хочу заплатить! У вас что – капитализм!? Карочи или вы скажете музыкантам, чтобы они сыграли маю песню, или пайдемте на улицу разговаривать.

Грум при этих словах едко ухмыльнулся, что не осталось незамеченным. Бекхан скривился:

– Что ты лыбишься? Ты думаешь – ты король?

– Слышь, – в голосе Грума зазвучал смертельный холод, – дергай отсюда. Расплодились по всей России, интернационал хренов.

– Что ты сказал? – лицо Бекхана окаменело серым мрамором, ненависть замаячила оскалом из-под вздернутой губы.

– Послушай, Бекхан, – забылся от волнения Дорохов, – никому сейчас не нужны лишние проблемы. – Тебе сказали – иди – заказывай, скажешь музыкантам: мы не против.

Бекхан просверлил Дорохова взглядом:

– А ты, дядя, откуда маё имя знаешь? Мне тоже кажется, где-то я тебя видел?

«О-ё! – подумал Кошкин. – Не только Земля, но и время на ней, соответственно, круглое. Какой же он навязчивый. Задолбали со своей кавказской честью. Понты сплошные. Вот так и начинается бытовой национализм, а потом драка, а потом ненависть на всю жизнь, а потом война...». И, словно подтверждая мысли Сергея Павловича, Бекхан наклонился над их столиком и, брызжа слюной, ядовито прошептал:

– Вы, русские, только водку пить умеете, а ваш Сталин...

– Сталин был грузин, – отрезал Кошкин.

– Тебя я тоже где-то видел. Мы еще пагаварым, – и, прежде чем повернулся, чиркнул себя пальцем по горлу – подписал всем секир-башка.

Невозмутимый Грум прокомментировал:

– Убитый он мне нравился больше, хотя я видел его всего несколько секунд. Любовь с первого взгляда, наверное.

– Ты некрофил, Вадик, – попытался разрядить обстановку Рузский.

– Этот, по сути, ничего помнить-знать не должен, а у меня такое чувство, что я с ним с детского сада воюю, – включился Дорохов. – Знаешь, Сереж, даже не возникло понимания, что здесь он меня младше. Какого хрена он здесь делает?

– Пляшет, – ответил Кошкин.

Музыканты заиграли какой-то вариант лезгинки, и гордые горцы бросились удивлять народ задорным танцем. Кое-где подпитые советские

граждане улыбчиво хлопали в такт музыке, некоторые смотрели с недоумением, другие – с плохо скрываемым недовольством. А горцы плясали так, будто через минуту они вынут из ножен кинжалы и бросятся в атаку.

– Махмуд Эсамбаев на халяву, – прокомментировал Рузский.

Когда постоянно ускоряющаяся лезгинка наконец оборвалась, танцоры замерли в последнем па, со вскинутыми вверх руками, выкрикнули что-то гортанное, затем поаплодировали сами себе и всем гуртом отправились за свой столик. Бекхан только ошпарил компанию Кошкина презрительным взглядом. Вспотевшие и немного нервные музыканты взяли тайм-аут и, объявив перерыв, ушли в подсобку промочить горло.

– Всегда найдется какой-нибудь урод, чтобы испортить вечер, – покачал головой Дорохов.

– А не попробовать ли нам советскую проституцию? – подмигнул компании Рузский.

– Секса у нас нет, – вспомнил табу прежних времен Грум.

– Интересно, конечно, но мне как-то не хочется, – смутился Кошкин.

– Да мне, собственно, тоже, просто хотел разрядить обстановку, – признался Владимир Юрьевич.

– Ну, за разрядку, – пригласил всех выпить Василий Данилович.

Все, кроме Грума, выпили, и никто не заметил, что он неотрывно смотрит на одного из друзей Бекхана, а когда поняли, то было уже поздно. Бекхан вновь подорвался, вскочил со своего стула, чуть не отбросив его в сторону и направился к ним. Его компания поднялась следом, но пока что осталась выжидательно стоять. Бекхан же уже не мог контролировать себя.

– Чё ты хочешь?! А?! Чё ты так смотришь?! А?! Хочишь пагаварить? Ну пайдем! Пайдем-пайдем! Я тебе твои глаза на жопу натяну! – от эмоций, а может, и специально Бекхан коверкал русский язык.

Кошкин понял, что конфликта не избежать.

– Извини, Вова, – обратился к Рузскому Паткевич, словно Бекхана вообще не было рядом, – мне показалось, что вот тот был тогда в компании. – Грум слегка кивнул в сторону нукеров Бекхана. – Он не участвовал, просто был... – Паткевич выдержал паузу. – Вова, ты можешь не беспокоиться. Я быстро, – голос Грума отдавал таким холодом, что Бекхан должен был упасть без сознания, еще не доходя до столика Кошкина. Но Бекхан был не Ермоленко, его еще больше взбесило, что на него не обращают внимания. К этому моменту он проклинал не только Грума и всю его компанию,

но и всех их родственников до десятого колена и гарантировал каждому индивидуально такие пытки, на которые у маркиза де Сада не хватило бы фантазии.

– Мы тут никого не должны калечить или убивать, – последний раз предупредил Кошкин, доставая из кармана пульт, но уже понял, что его никто не слышит.

– Чтобы ты сделал, Сергей Павлович, – вдруг перешел на «ты» Рузский, – если бы нашу с тобой Лену кто-нибудь унизил и растерзал, – он не смог при Вадиме произнести страшное слово, – и теперь этот человек был бы в зоне твоей досягаемости?

– Нельзя, – вздохнул Сергей Павлович, – и нажал комбинацию кнопок.

Ничего не произошло. Грум уже шел впереди орущего на двух языках Бекхана к выходу. Следом двинулись обе компании. Кошкин удивленно потер левую половину груди, где неприятно, но очень веско напомнило о себе сердце. Засеменил последним, еще раз набирая код, но время вокруг не изменялось.

«Лучше бы я изобрел газонокосилку или летающий фаллоимитатор», – выругал себя Сергей Павлович. Он не знал, что его лабораторию обесточили, чего не решался до этого сделать даже Чубайс.

– Вы на коленях будете ползать! – кипятился Бекхан.

– Обязательно им надо, чтоб перед ними кто-нибудь стелился, что за народ?! – буркнул Дорохов.

Они вышли в темный закрытый дворик ресторана, где находились складские помещения, молотили допотопные холодильные установки, и куда, кроме того, ходили справлять нужду знающие об этом закутке прохожие.

Драка началась спонтанно. Как говорят военные: без оперативной паузы. Кошкин, пытавшийся выдавить из пульта новое тысячелетие, даже не заметил, как получил удар в челюсть и упал спиной на железную сетку предбанника холодильной установки. Сунув бесполезный прибор в карман, он ринулся в бой.

Грум с первого удара уложил Бекхана, который выбрал его своим противником, а потом ринулся на помощь Рузскому, у которого не было таких спортивных качеств. Дорохов с ходу завалил того, кто напал на Кошкина. Поднявшийся Бекхан достал из кармана выкидной нож и двинулся на Паткевича. Грум с едкой ухмылкой достал пистолет. Щелкнул предохранитель. Сергей Павлович Кошкин, не раздумывая, бросился наперерез пуле

и успел. Грум стрелял с бедра, и пуля, двигаясь снизу вверх, вошла в правый бок, отбросив Кошкина на два метра, буквально на нож Бекхана.

«Сходили в ресторан», – подумал Сергей Павлович, сливаясь с болью и наплывающей на глаза темнотой.

Говорят, умирающие видят в последние мгновения всю свою жизнь, словно на разогнавшейся кинопленке. Кошкину мнилось другое. Ему вдруг привиделось, что в темный глухой двор ресторана вошел Бекхан с простреленной с двух сторон грудью. А потом ему показалось, что вместо крови из его собственной раны сочится обманутое им время. Он уже не слышал выстрелов Грума, не видел озверевшего в бою Дорохова, что ломал ребра, челюсти и ключицы противников, как щепки. Он не слышал Рузского, что держал его голову на своих коленях и шептал: «Что я скажу Лене и Виталику?».

Зато инженер-конструктор Сергей Павлович Кошкин смог увидеть несколько вариантов собственной жизни. Так, как будто это была мыльная опера, а лежал он не на пыльном, залитом кровью, покрытом трещинами асфальте, а на диване у телевизора, и одновременно являлся и зрителем и главным героем.

И непонятно было: то ли Кошкин вспоминает новое будущее, то ли новое прошлое затягивает его в свою темную бездонную воронку.

* * *

Был момент, когда, думалось, удастся вернуть Лену. В 1997-м зарплату почти не платили, давали какие-то смешные авансы, инженеры и техники стали уходить. Кто подался в челноки, кто в частные конторы, некоторые предпочли тихо спиваться, два-три человека вырвались за границу. Остальные жили, как в дурном сне, ожидая пробуждения. По предприятиям ходили непонятные агенты, вербующие специалистов в Республику Ичкерия, с которой недавно был подписан такой же непонятный договор о разграничении полномочий. Дудаева уже не было, был Масхадов. Главное: там обещали платить: много и регулярно. Гарантировали безопасность и признание Родины. Требовались строители, энергетики, нефтяники... На энергетика Сергей Павлович мог потянуть. Вопреки увещеваниям Марченко он записался волонтером на восстановление ЛЭП. Конечно, сподручнее было бы налаживать работу некогда известных в Грозном заводов «Электроприбор» и радиотехнического, но новое руководство республики интересовали только дешевый бензин и халявная электроэнергия. Осталь-

ным предполагалась свобода. Свобода ходить по улицам с автоматами и уважать только самих себя. Этакий вооруженный этноэгоизм.

Где-то у реки Сунжа поднимали порушенные войной вышки. Никакой безопасности не было. Солдаты внутренних войск, что охраняли строителей и энергетиков, сами боялись мирных жителей. Последние же надеялись на авось и на то, что их труд по восстановлению разрушенного войной хозяйства мятежной республики заслуживает если не уважения, то хотя бы признания в форме иммунитета от ночных обстрелов, дневных оскорблений и постоянных похищений. Наивные.

Стрелять начали в первую же ночь. Точнее – утром. Стреляли для развлечения с большого расстояния. Это ж какая радость прострелить рукомойник или угол нужника в самый ответственный момент! Главного инженера украли уже через неделю. Требовали выкуп сто тысяч долларов. Чубайс платить отказался, перевел стрелки на военных, а те развели руками: нам на кашу и патроны не хватает, и вообще это не по нашей части. Родственники продали трехкомнатную квартиру в Саратове и дачный участок. Скинулись сотрудники, которым год не платили полноценную зарплату. С трудом собрали двадцать тысяч. Долго торговались через всякие там каналы, и каждый, кто имел к этому отношение, хотел от этой двадцатки отщипнуть свои дивиденды. В результате выкупили похудевшего до мраморной белизны и землистого цвета лица, абсолютно сломанного мужчину без двух передних зубов и правого уха. Видимо, зубы и ухо стоили остальные восемьдесят тысяч долларов.

Кошкин быстро понял что ничего, кроме нервного тика, он здесь не заработает, но, как многие русские, продолжал работать по какой-то никому непонятной безропотной инерции. Этого не понимал и зарубежный журналист Франсуа Кретьен, что пытался найти на Кавказе третью правду, которую французы и бельгийцы съедят с круасанами за завтраками и обедами. Последней новостью для них станет похищение самого Кретьена, за которого «бескорыстные» борцы за независимость затребуют объективную сумму в 1 миллион долларов, и главный редактор начнет торговаться с теми, кому делал имидж несгибаемых борцов на первых полосах своей почти независимой газеты. Кретьена все же выкупят, и даже зубы и уши у него останутся на месте. Но писать о русском и нерусском Кавказе он больше не будет. Потому что взгляд у него теперь будет предвзятый, а не такой, какой нужен для формирования независимого объективного мнения европейских обывателей. Во всяком случае, пока их самих не начнут взрывать, травить и высылать родственникам по частям.

Будучи уже на свободе, Франсуа не бросился сломя голову в квартиру-студию на Монмартре, содержание которой оплачивал гонорарами из горячих точек, а повидался с русским инженером Кошкиным, у которого еще до плена взял интервью. Статью о нем он назвал «Русский мечтатель», потому как простодушный Сергей Павлович на вопрос, чтобы он делал, если бы ему платили достойную зарплату, ответил не кривя: «Машину времени». Чем-то глянулся бесстрашному французу меланхоличный русский изобретатель. И он навестил его перед отъездом домой в сопровождении нескольких автоматчиков, оставил свой адрес, телефоны и настаивал на приезде Кошкина в Париж, обещая оплатить все накладные расходы.

– Может быть, – вздохнул Кошкин, прощаясь.

Лицо Кошкина при этом настолько ничего не выражало, что Кретьен вдруг увидел на нем ответ на долго мучивший его вопрос: почему Наполеон, войдя в Москву, проиграл-таки войну с русскими. И прозорливыми своими журналистскими глазищами накопал в душе оппонента беспросветную апатию ко всему окружающему и собственной жизни. С каких-то пор Сергей Павлович жил, потому что жить было надо. Надо и все! Расписание такое. Жить сегодня, завтра, послезавтра... А если вдруг не придется, значит, и не надо.

– Я знаю, почему крепостные крестьяне воевали с Наполеоном, – сказал он Кошкину.

– Я тоже знаю, – улыбнулся тот.

«Потому что вы, русские, настолько смиренны, что уже и несгибаемы, хотя упрямством это не назовешь», – подумал Кретьен.

«Потому что считали Наполеона антихристом», – подумал Кошкин.

Франсуа улетел, а Кошкин стал поднимать новую вышку. Он не знал, что из кустарника в полуверсте от места работ, его рассматривают в оптический прицел. Именно туда привел младшего брата Бекхан.

– Стреляй, давай, – командовал он, – хватит уже на банки патроны тратить.

– Но этот человек мне ничего плохого не сделал, он даже не солдат!

– Какая разница, солдат не солдат, он русский!

– Но они восстанавливают для нас электричество!

– Дурак! Не для нас, а для себя, чтобы вернуться и снова топтать нашу землю. Стреляй, или никогда не станешь мужчиной! Думай, что ты застрелишь собаку, которая укусила твою мать. Тебе уже семнадцать лет, а ты еще не убил ни одного русского!

Алейхан снова приник к оптике. В этот момент русский инженер словно почувствовал смертоносный взор прицела и взглянул навстречу свои-

ми чуть печальными серыми глазами. Алейхан внимательно рассмотрел засаленный воротничок его рубашки, нелепый клетчатый галстук под фирменной зеленой курткой, которая, по всей видимости, заменяла несуществующий пиджак, и серые, в кровавых прожилках, усталые глаза. Он вдруг понял, что этот человек не боится смерти, хотя он не отчаянный храбрец и не воин. Такие же глаза были у Дамана. Похоже, они оба уже прочитали книгу жизни и теперь им абсолютно наплевать на все, что происходит между первой и последней страницами, они просто знают нечто самое важное и грустно посмеиваются над теми, кто суетится и барахтается, полагая, что они эту самую книгу пишут.

Однажды случайная пуля залетела в сад Дамана и попала в его любимое дерево – старую яблоню Эта яблоня, как старушка с клюкой, последним усилием тянулась к небу, опираясь на специально сделанную Даманом подпорку. Пуля угодила в самый центр ствола там, где от основного устья расходились вверх тяжелые плодоносящие ветви. Даман, точно хирург, вынул пулю и закопал ее рядом, а ранку смазал воском, чтобы не было заражения. Когда Алейхан спросил, почему Даман так упорно ухаживает за старой яблоней, тот ответил:

– За этой яблоней ухаживал мой отец, а до него – его отец, мой дед, а до него – его отец, мой прадед... У этой яблони я встречаюсь с ними чаще, чем на кладбище. Когда меня не будет, мой внук сорвет яблоко, и оно достанется ему от меня. Дерево единственное, как человек, всю жизнь стремится к небу, а корнями уходит в землю. Человек – наоборот, корни в небе, а уйдет в землю. Ты же знаешь, что говорят: мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Сейчас времена другие: сейчас надо не сломать дом, не сгубить дерево и уберечь сына. Сына мне Бог не дал...

Алейхану понравились слова Дамана, они были красивыми, но далекими. Неужели жизнь нужна для того, чтобы подпирать деревья?

А на следующий год произошло нечто странное. Семечки во всех плодах с этой яблони были в форме маленьких пуль. Все до одного. Заметила это Айза, которая первой сорвала яблоко на пробу. Потом Даман сосредоточенно разрезал их одно за другим и удрученно качал головой:

– Эти горы скоро оглохнут от выстрелов. У русских говорят: что посеешь, то и пожнешь.

Вслед за тем выкопал прошлогоднюю пулю и унес ее куда-то за пределы села. Странный человек Даман, отец самой красивой девушки...

Голос Бекхана вернул начинающего снайпера в реальность.

– Стреляй же! Не позорь наш род!

Что изменится, если на этой земле одним русским инженером станет меньше? Ждет ли его кто-нибудь дома? Зачем он приехал сюда? Неужели он верит, что эта война кончилась или когда-нибудь кончится? Наверное, у него все же нет своей яблони, как у Дамана. Если б у русских были свои яблони, они бы не стали расползаться по окраинам и лезть в чужие горы. А может, кто-то вырубил яблони русских?..

Указательный палец едва уловимым движением потянул курок. В это мгновение Алейхан вдруг увидел, как родной брат занес над его грудью легендарный дедовский кинжал.

* * *

Во втором классе мама почти силой отправила Сережу в музыкальную школу. Он начал обучение по классу фортепиано. В отличие от остальных ребят своего набора Кошкин прекрасно справлялся с нудным сольфеджио и любил музлитературу. А вот с хора сбегал. Всё бы ничего, но над Сережей и его огромной папкой для нот стали потешаться дворовые ребята. Быть отщепенцем и, хуже того, прослыть маменькиным сынком Кошкину не хотелось. И тогда он вместе с самым отчаянным драчуном записался в секцию бокса. Посещал тренировки стабильно, но регулярно ходил с синяками и разбитыми губами. Единственное, чему он там научился, – без слез терпеть физическую боль. Хотя и это достижение обеспечило Сергею уважение дворовой ребятни. Но подтрунивать над ним все равно продолжали, потому что Кошкин в любом случае рос не таким, как все. Если все мучают кошку, проверяя, сколько у нее жизней, не следует бросаться кошке на помощь, чтобы потом, спрятавшись от всей братии в подъезде, со слезами на глазах одиноко жалеть несчастное животное. Не побьют, но статус «достойного пацана» потом придется возвращать каким-нибудь дурацким, с точки зрения взрослого человека, поступком. К примеру, бросить в милицейский «уазик» бумажную водяную бомбочку, или отвлечь на себя контролера в кинотеатре, позволяя своим подвигом остальным бесплатно проникнуть в зал.

Боксер из Кошкина был никудышный. Какой боец может получиться из паренька, если на ринге во время тренировочного боя он впадает в непостижимую в данной ситуации задумчивость и нелепо пропускает банальные апперкоты и прямые удары? Правда, если удавалось устоять на ногах, Сергей пытался реабилитироваться в глазах недоумевающей пуб-

лики и с невиданным отчаянием бросался на соперника, осыпая его скорострельной серией ударов, не оставляя и малейшего шанса ответить. При этом ему удавалось сохранять такой темп весьма долго, вследствие чего Сергей Кошкин мог неожиданно выиграть бой даже у тех, на кого тренер возлагал особые надежды. Поэтому Сергея из секции не гнали, а юные боксеры так до конца и не поняли, как к нему относиться. После одного такого боя тренер потрепал Кошкина за вихор:

– Побереги лучше голову, Серега, она понадобится тебе для чего-нибудь другого. Думающий боксер – это находка. Но думать в нашем случае надо руками, а мысль должна иметь продолжение в точном ударе, как и в правильно выстроенной защите.

Год спустя Сергей Кошкин ушел из секции. Для поддержания авторитета в компании на должном уровне этого срока хватило. Чуть позже, невзирая на причитания матери, он покончил с занятиями музыкой. Ковырять этюды заплетающимися пальцами? Лучше слушать беглые рок-н-роллы в исполнении других.

Во дворе он прослыл книгочеем, а кличку заслужил отнюдь не фамильную – Паяльник. Но в глаза его никто так называть не смел. Зато в девятом классе, когда Сергей собрал из металлолома мощный усилитель для школьных дискотек, уважение к нему возросло многократно. Девушки посматривали на него с интересом, но гулять и целоваться предпочитали с теми, кто танцевал под мощный рев этого самого усилителя. А Кошкин предпочитал смотреть на эту дерготню со стороны. Зато постоянно совершенствовал аппаратуру и смог собрать коллекцию магнитофонных записей, коей завидовали взрослые ди-джеи.

Потом был университет... И совхозное поле. Увидев на своей меже Лену Варламову (филологи шли встречным планом), Сергей Кошкин вдруг понял, что это его будущая жена. Для такого сердечного знания не требовалось машины времени. Наверное, именно эта метафизическая уверенность позволила ему войти в сердце одной из самых недосягаемых красавиц вуза. А может, еще что-то, что не известно ни физикам, ни лирикам. В любом случае Давид так и остался на соседней меже, даже не замеченный будущим гениальным изобретателем.

Легко обретенное также легко можно потерять. Когда Лена уходила, Кошкин был погружен в ту самую задумчивость, как когда-то на ринге. И позже оставалось только молотить в исступлении воздух. Он так безумно любил ее, что, как это ни парадоксально, но вполне объяснимо – сдался без боя.

Заглянувшему в глаза смерти Кошкину впервые показалось, что он простил и отпустил Елену из своей кончающейся жизни. Ничего, кроме благодарности за подаренное ему счастье быть рядом с ней, Сергей Павлович не испытывал. В гулкой темноте бессознательного он оставался теперь один на один со своим проросшим из детства, тщательно маскировавшимся все эти годы одиночеством.

И Фрейд тут ни при чем.

* * *

Шум морского прибоя для человека, который живет в средней полосе России, а то и в Сибири, это намного больше, чем для жителя Сочи снегопад, метровые сугробы или баритон соснового бора в ветреную погоду. Во всяком случае слишком мало можно найти сочинцев или крымчан, которые заплатят большие деньги, чтобы поиграть в снежки или покормить комаров. Зато сребролюбивые москвичи, трудолюбивые уральцы и «гуляй душа» – сибиряки с легкостью отдают годовой бюджет за то, чтобы пару недель слушать шум прибоя. Справедливо было бы, если бы одни везли деньги летом к морю, а другие бы зимой приезжали с этими деньгами кататься на лыжах. Об этом подумал Михаил Маркович, укладывая две тысячи долларов в свой кейс. Легкий гонорар был кстати, дочка настырно просила как раз столько для поездки в Италию. Что делать, родители зарабатывают, дети тратят? Юля, конечно, абсолютно еще не поняла, в чем цимус: деньги лучше иметь, нежели бездумно их тратить. Но чего не сделаешь для единственной дочери? В конце концов все равно все достанется ей. И тому гаду и лентяю, который завладеет ее сердцем! Наливая себе отходную с устатку Михаил Маркович с особой ненавистью думал о своем будущем зяте. До сих пор Юля приводила в дом каких-то потусторонних людей. Ни одного реального, твердо стоящего на ногах мужчины. Все какие-то «летчики», что витают в облаках собственных идей и полагают, что кто-то будет вкладывать деньги в их проекты, отчего они неминуемо разбогатеют и обеспечат семейное счастье Юлечки. Хоть бы один сын порядочного ювелира или банкира. Одни будущие менеджеры. Менеджер – это тот же официант, только не в ресторане, а в офисе. И живет на чаевые. А то еще журналиста приводила... «Бзззз», – поморщился Михаил Маркович, усилив кислую кривизну рта долькой лимона.

Он еще раз вынул деньги, чтобы подержать их на весу, словно хотел определить, перевесит ли средиземноморский прибой тонкую, но приятную

тяжесть свежих стодолларовых купюр. Юля очень похожа на итальянку. Черные вьющиеся волосы ниже плеч и миндальные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами. И, разумеется, чуть гнутый «итальянский» носик. Надо только предупредить ее, чтобы не брила подмышки. В Италии так делают только проститутки. По крайней мере в шестидесятые годы делали, и так их определяли. Ну кто ей сказал, что Рим – это великий древний город? Вертеп с античным стажем, такой же дрянной, как автомобиль «Рено». Над Ватиканом разве что похихикать. Дряхлого папу поглядеть. Какой же это папа, если у него под боком нет мамы?..

Михаил Маркович улыбнулся, но вспомнил, что в ближайшее время придется попотеть над делом Касимова, где из хладнокровного убийцы нужно вылепить благородного джентльмена, который в состоянии аффекта превысил пределы допустимой самообороны. Адвокат брезгливо поморщился. Губами сыграл нечто вроде лошадиного храпа, брызнул слюнкой на служебные бумаги. Зато гонорар там ломился в десять раз тяжелее. Придется попотеть, у друга Пети в банке эти деньги будут расти, как на дрожжах.

Закрывая сейф и сбрасывая бумажный хлам в кейс, Михаил Маркович не заметил, как со стороны улицы сквозь незакрытые ребра жалюзи в его уютный кожаный кабинет заглянули безумные темные глаза. Полыхнули мутными адскими огоньками на болотную зелень долларовой пачки, что легла в чемоданчик, и погасли где-то в глубине арки недалекого проходного двора. Обычно адвокат всегда зашторивал жалюзи от посторонних глаз, но сегодняшний конверт и общение с полковником ФСБ выбили его из привычной колеи.

Выйдя из офиса на вечернюю улицу, Михаил Маркович подчеркнуто шаркающей походкой направился к автобусной остановке. Давно ему советовали машину с водителем, но он считал это ненужной роскошью. Если ноги носят, чего не ходить? Пусть молодежь себе лбы на иномарках расшибает.

Адвокат ничего не успел подумать, когда чья-то наглая левая рука рывком втащила его в гулкую темноту арки, а правая – опустила на его голову половину силикатного кирпича с такой силой, что сознание в котором еще миг назад роились сложные расчеты и шахматные партии предстоящих процессов, тут же покинуло ее сквозь безнадежный пролом в черепе. Тем же, но уже окровавленным обломком кирпича были сбиты замки на кейсе, а освободившаяся от воротника адвоката левая рука жадно выхватила из его чрева две тысячи долларов Бекхана.

Убегая, Усман ни разу не оглянулся. День все же удался.

* * *

Далее Кошкин видел...

Рузский все-таки уговорил его махнуть в будущее. Недалеко. Года на три. Риск решили поделить на двоих. Кошкин ничего не сказал Дорохову и Китаеву, Владимир Юрьевич обошел вниманием Паткевича. И машина сработала...

Глобальное потепление еще не наступило. Льды Гренландии и Антарктиды были на месте. Земля не поменяла полюса. Третья мировая война не началась. На красивых машинах по неизлечимым русским дорогам все так же носились богатые, а вдоль них все так же рылись в мусорных баках самые нищие. Золотой век не наступил. Зато с торговой империей Рузского что-то было не так. Это они поняли, беспечно гуляя по городу, отгородившись от возможных знакомых темными очками и надвинутыми на глаза козырьками бейсболок. Деньги не брали с собой принципиально. Владимир Юрьевич решил подшутить над самим собой: снять в банке энную сумму, дабы отведать кухню будущего. Сергей Павлович не возражал, шутить с будущим казалось ему легкой забавой по сравнению с изменениями прошлого.

Первый раз Рузский был озадачен, когда обнаружил, что на улице Грибоедова закрыт принадлежащий ему игровой центр. Точнее, вместо него там располагается офис какой-то неизвестной ему фирмы.

– Что делает, гад?! – ругал он самого себя. – Здесь же верная прибыль! Место бойкое, народ свои тугрики в игровых автоматах оставлял с таким удовольствием, точно это сберкасса, а не денежный пылесос! Неужели конъюнктура в городе так поменялась? Нет, Сергей Павлович, я этому бизнесмену, мать его, скажу, как надо правильно вкладывать деньги.

– Не стоит, Владимир Юрьевич, – равнодушно пожал плечами Кошкин, который своих банков и магазинов на улицах города обнаружить не планировал, – он умнее тебя на три года. Значит, так было надо. Может, он закрыл центр здесь, а открыл в другом месте?

– Но зачем же площади кому попало отдавать?

– Может, выгодно продал?

– Может... может... Не нравятся мне эти «может». Мужику слово «может» только в одном случае рекомендовано. В остальных – предпочтительнее слово «надо».

– Надо держать себя в руках и уважительно относится к себе в будущем, – с улыбкой подхватил Сергей Павлович, – следует сравнить, к примеру, третьеклассника и первоклассника, разница в три года, но первый

уже уверенно читает, складывает, умножает, делит... Если, конечно, он не безнадежный дебил...

– А еще третьеклассник умеет курить и материться! Лучше проверим наши счета, – волнение не покинуло Владимира Юрьевича.

Еще минуту назад уверенный в себе до полного пренебрежения к окружающему миру мужчина и деловой человек заметно сдал. Кошкин даже подумал, что именно сейчас он постарел на три года. Ну что делать с этими денежными воротилами? Без пачки долларов в кармане, без связей, без лакированной тачки с престижным лейблом на борту, без одобрительного гогота братвы за спиной они выглядят уже не так эффектно. И Рузский в этом случае не составлял творческого исключения, хотя отличался от многих продвинутым интеллектом и здоровой иронией.

В просторном холле банка, где шелестели прохладой кондиционеры, Владимир Юрьевич уверенно избавился от кепки и очков и подошел к менеджеру. Увидев солидного клиента, тот угодливо расплылся улыбкой и с вкрадчивым участием спросил.

– Здравствуйте, Владимир Юрьевич, вы уже вернулись из Германии?

– Как видите, – буркнул Рузский.

Кошкин в этот момент поймал себя на мысли, что так рождаются легенды, пополняющие толстые сборники разных необъяснимых случаев и страницы журналов типа «НЛО». Вот вам еще одна: человек одновременно находится в двух местах. Это, конечно, выяснится потом, и несчастный менеджер будет бить себя кулаками в грудь, доказывая, что имел дело именно с Владимиром Юрьевичем Рузским, а графологи будут давать уклончивые ответы, сверяя подписи в расходных ордерах, а сейчас...

– Я надеюсь, лечение прошло успешно? – с мимолетной учтивостью спросил менеджер.

– Полагаю, что так, – кивнул Рузский, не обратив, в сущности, внимания на вопрос.

– Очень рад за вас, Владимир Юрьевич, такая болезнь...

– Ерунда, – еще раз отмахнулся Рузский, но на виске у владельца холдинговой кампании начала пульсировать быстрая жилка. – Я хотел бы снять небольшую сумму.

– Как вам будет угодно. В валюте? Рублями?

– Рублями...

– Желаете пройти в кабинет?

– Не стоит, это мелочи. Да, и справку о балансе дайте пожалуйста. – Владимир Юрьевич теперь уже заметно нервничал.

– Елена Андреевна два дня назад брала, прежде чем к вам в Германию полететь... – теперь уже озадачился менеджер.

– А что, с этим есть какие-то проблемы? – наддал недовольной твердости в голос Рузский.

– Да нет, я просто подумал...

– Давайте, думать буду я!

– Несомненно, Владимир Юрьевич, вот бланк, вы заполняйте, а я распечатаю справку.

Менеджер поспешил исчезнуть, а Рузский обернулся к внешне скучающему Кошкину:

– Как думаешь, Сергей Павлович, какой процент инфляции?

– Правительство всякий раз обещало не выше двенадцати, – не задумываясь, ответил инженер, припомнив бравые речи министров.

– Ладно, с таким запасом и напишем, – решил Рузский.

Получив деньги, он нарочито небрежным движением отправил требуемую справку о балансе в карман брюк, точно это была квитанция из прачечной. Холодно распрощался с растерянным менеджером и, резко повернувшись, двинулся к выходу. Кошкин, вздохнув, последовал за ним. Терпения у Владимира Юрьевича хватило до небольшого сквера. Облюбовав свободную от подростков-пивоманов скамейку, он наконец развернул сложенный вчетверо листок.

– Я стал беднее на три миллиона. Чепуха. Я думал хуже, – заметно повеселел Рузский, – есть повод выпить. Знаешь, Сергей Павлович, я бы с удовольствием сейчас пригласил в нашу компанию Елену Андреевну.

– Ты же слышал, она в Германии, ухаживает за больным старшим Рузским, – задумчиво и не очень осторожно напомнил Кошкин.

– Ах да! Черт! Я чуть не забыл! Главное, я по-прежнему богатый человек.

– Главное ли? – усомнился больше для самого себя Сергей Павлович.

– Ну да, ты у нас аскет, тебе деньги по барабану.

– Ну не настолько. Я бы не отказался жить в доме у моря, заниматься наукой и не думать о хлебе насущном. Макароны опять же с сосисками жуть как надоели.

– Жениться надо. Настоящая жена из любых продуктов кулинарный шедевр сделает.

– Где ее найти – настоящую?..

– М-да... – несколько смутился Рузский, вспомнив на ком он женат.

Со стороны могло показаться, что в сквере притомились от безысходности жизни два прилично одетых безработных. Посидят, и пойдут

дальше – каждый в свое никуда, где жизнь вопреки мыльным сериалам заканчивается ничем и никак. Но картину эту разбила на куски изысканная мелодия мобильного телефона Рузского, что в самый неожиданный, а может, напротив, самый подходящий момент, когда разговор стал напоминать натянутую струну, исполнил «Половецкие пляски» Бородина из оперы «Князь Игорь».

Владимир Юрьевич с удивлением извлек его из элегантного кожаного футляра на поясном ремне.

– Я что, за три года не удосужился поменять мобильный?

– Привычка свыше нам дана, замена счастию она, – прокомментировал откуда-то из своего далека Кошкин.

– Лена звонит, странно...

– Чего странного, телефон не человек, работает и в прошлом и в будущем. Сохранился, стало быть.

– Ответить?

Но мелодия уже прервалась.

– Думаю, ответил тот, кому звонили, – объяснил Кошкин.

– Прости, Сергей Павлович, имею полное право подслушать, звонят-то все-таки мне, – оправдался Рузский, нажимая зеленую трубочку на клавиатуре, а другой рукой прикладывая палец к губам: мол, помолчи, брат.

Кошкин пожал плечами: ваше будущее, что хотите, то и делайте, но к голосам в трубке невольно прислушался.

– Лена, я же просил тебя не приезжать, – совершенно загробным голосом – хриплым и глухим говорил тот Рузский.

– Но, Володя!.. – голос Елены Андреевны заметно дрожал.

– Я имею право умереть, как мужчина. Не хочу, не желаю плакать от боли и безысходности у тебя на коленях.

– Но у нас еще есть шанс! Надежда всегда есть!

– М-да... Каламбур, надежда умирает последней, она умрет секундой позже меня. Логично и поэтично. А вообще, любимая, мне тяжело даже придумывать мысли... Представляешь?! Тягучая постоянная боль вышибает все, даже мысли! Их нужно придумывать, они больше не текут сами по себе, и единственное комфортное состояние – это забытье. Я, Лена, таким образом, похоже, заглядываю в предстоящий мне мир. Предполетная подготовка... Кхы-кхы... – И не смех даже, и не кашель...

– Скажи, чтобы меня пускали к тебе в палату! Завтра приедет профессор Ротбергер. Он специалист высокого класса.

– Специалист... И гонорары... у них... Они еще просто не знают... Вроде всю жизнь работают со смертью, и все никак не дотумкают... И я вот тоже... Сколько еще я могу оплатить операций?.. А?..

– Сколько потребуется, столько и оплатим!

– Лучше часовню построй или в детдоме ремонт сделай. Неужели ты еще ничего не поняла.

– Я просто хочу за тебя бороться!

– Вот и борись. Может, мне и зачтется. А эскулапам, Лена, завязывай платить. Хитрый у них счетчик: чем ближе смерть, тем секунда жизни дороже.

– Скажи, чтобы меня пустили к тебе! В конце концов завтра вторник! Я имею на это полное право по вторникам и субботам, у меня уже биоритм сложился, если я тебя не увижу, я сама слягу в соседнюю палату. Слышишь, Рузский?!

– Мне будет стыдно... За себя... Пррр-отивно! Виталика только отправь домой... Знаешь, я бы сейчас уехал куда-нибудь на берег Волги, а то и на Байкал. Никогда не был на Байкале...

– Вот поправишься – и поедем.

– Прекрати, твой доморощенный киношный оптимизм вызывает у меня раздражение... Всё. Мне пришли ставить укол. Надо, кстати, отказаться, сдохнуть наркоманом – противно. Как по-немецки: мой дедушка не дошел до Берлина...

– Скажи, чтобы меня пропустили!.. Я – твоя жена!

– Слава Богу, мне хоть с этим повезло... Я скажу, только не уговаривай меня умирать с придурковатой улыбкой большого жизнелюба. Обещаешь?

– Не буду...

На этих словах связь прервалась.

Потрясенный Рузский смотрел на замолчавший телефон так, словно это было жерло пушки, направленное в его голову. Кошкин поежился.

– Это что, выходит, через три года я умру? – наконец прорвало Владимира Юрьевича.

– Ну не умер же еще, – неуверенно возразил Сергей Павлович.

– Может, позвонить в клинику, спросить, сколько мне осталось? – криво ухмыльнулся Рузский.

– Не надо. Тот, который лежит в больнице уже знает, что ты здесь, Владимир Юрьевич. Лучше вернуться обратно и пройти обследование.

– Но у меня ничего не болит!

– А это хуже всего.

– Глупо как-то, бессмысленно. У меня же все есть! Деньги, положение, планы на будущее! Знаешь, Сергей Павлович, я тебе всегда завидовал, – неожиданно признался Рузский.

– Ты – мне?.. – брови Кошкина изогнулись удивленной дугой.

– Да-да! Не смотри на меня, как Ленин на портрет императора. М-да... У тебя есть сын от Лены. А у меня вот не получается. И, похоже, уже не получится. Все впустую... Кому, на хрен, нужны теперь мои миллионы? Нет, я, конечно, все оставлю Лене и Виталику, но... Ты же понимаешь?

– Понимаю, – по инерции согласился Кошкин.

– В голове не укладывается... Не жизнь, а пшик какой-то получается. И ведь не от пули!

– Да, может, не все потеряно. Бороться надо. Во всяком случае попробовать.

– Не смеши меня, Сергей Павлович.

Некоторое время они помолчали. Потом Рузский вдруг взял Кошкина за руку.

– Думаешь, Сергей Павлович, я такой дурак, что полагал главным смыслом своего существования накопление материальных благ и создание комфорта для собственной персоны?

– Думаю, Владимир Юрьевич, ты не дурак, – уклончиво ответил Кошкин.

– Деньги нужны, чтобы быть независимым. Я с детства шел к этому.

– Независимость при деньгах порождает зависимость от денег, – философски заключил Сергей Павлович.

– Угу, – горько усмехнулся Рузский, отпуская руку инженера. – Тебе проще, государство похоронит тебя, как бескорыстного патриота. Унылые граждане периода развития рыночных реформ даже пару дней посудачат: какой хороший человек отбыл в мир иной и как он служил отечеству. А мне братва отгрохает памятник в стиле эпохи сталинского ампира. А уже через неделю и про тебя и про меня забудут, поглощенные кутерьмой и суетой о хлебе насущном. Это только в бразильских сериалах и богатые, и бедные плачут триста серий и сочувствуют друг другу высосанной из своего бразильского пальца любовью, чтоб домохозяйки со станции Суходбезводное утирали слезы у ламповых телевизоров марки «Рекорд» и негодовали на мешающую сострадать донам Педросам рекламу.

– Владимир Юрьевич, ты сейчас, главное, ничего не предпринимай на горячую голову, – попросил Кошкин.

Рузский кивнул, и они снова замолчали.

– С другой стороны, – спустя какое-то время заговорил Владимир Юрьевич, – у меня есть теперь целых три года. У Христа было столько, когда Он начал проповедь... Не для сравнения говорю, просто теперь у

моего времени другая цена. Ведь каждый Божий день думал – пора остановиться, оглядеться, спрыгнуть с этого безумного поезда вечных челночников. Ты никогда не думал о том, что жизнь, в сущности, очень грустная штука, и страданий в ней больше, чем чего-либо другого?

– Думал.

– Спасибо тебе, Сергей Павлович.

– За что?!

– За время... Время Любви.

* * *

Проваливаясь в оглушительную нирвану, Усман еще порадовался, у толстого Асифа можно будет брать товар еще и еще... И еще... И еще... Асиф даже предложил своему клиенту подсобку, где стоял топчан, накрытый засаленным, но мягким матрасом. Доллары в руках Усмана произвели на маленького круглолицего азербайджанца нужное впечатление. Он стал называть чеченца братом и вскользь поинтересовался, какой бизнес принес ему столько зеленых, если еще сегодня утром он просил дозу в долг? Разомлевший Усман сбивчиво рассказал, что пробил башку богатому старикашке, который таскал эти деньги в своем дипломате.

– Седой такой старикашка, хи-хи, с крючковатым носом? – переспросил Асиф, словно был в тот момент рядом, но это не насторожило Усмана.

– Ага, с крючковатым носом! Я еще завалю сто таких старикашек, и у меня всегда будут доллары. Их еще много в этом городе, а когда богатые старики кончатся в этом городе, я поеду в другой... – пролепетал, погружаясь в героиновое безумие Усман.

– Хорошо! Смелый Усман! Джигит! – кивнул в закатывающиеся зрачки Асиф и вышел из подсобки, нажимая на кнопки своего мобильного телефона. – Алле, человек, который убил адвоката лежит в моей подсобке. Нет, ближайшие два часа он никуда не уйдет. Харащё...

Через полчаса к рынку, где находилась овощная лавка Асифа подъехали два джипа. Четверо мужчин в цветастых рубахах, негромко разговаривая на шамхорском диалекте азербайджанского языка, даже не скрывая от посторонних глаз, вытащили из подсобки бесчувственное тело Усмана и бросили его в багажное отделение одного из автомобилей. Пока они несли его, из нагрудного кармана рубахи выпала пачка долларов. Асиф, семенивший рядом, подобрал ее и бережно пробежав по ребристому краю толстыми пальчиками, сунул в такой же карман своей рубахи. Потом вернулся в

подсобку и взял кожаную куртку, что осталась на лежаке. Товарный вид у нее был не очень, но на что-нибудь она еще сгодится. Можно, к примеру, отдать таджику, который работает грузчиком. Вместо зарплаты.

* * *

Теплоход медленно, но уверенно поднимался против течения могучей реки. Ра, Итиль, Волга... Издалека, долго... Благодаря каналу можно подняться от Астрахани до Москвы. Астраханского ханства будто и не было никогда. От Волжской Булгарии – только археологические памятники, упоминания в исторических документах и голубоглазые татары в Казани. От Руси да России – все остальное: от тихого, но приметного историческим убийством Углича до Родины-матери на Мамаевом кургане.

Двое молодых людей целыми днями стоят на верхней палубе, любуясь проплывающими за бортом пейзажами. Взявшись за руки, склонив друг к другу головы, они восхищенно смотрят в постоянно открывающиеся, сменяющие друг друга бесконечные дали, на тихие поселки, на высокие колокольни, на остатки крепостей и разговаривают. Если невольно или специально подслушать их, то покажется, что невзирая на смену дней они говорят об одном и том же.

– Я никогда не думала, что Россия такая большая, – шепчет Айза, стесняясь своего незнания, – отец рассказывал, что имам Шамиль после пленения путешествовал по России и был поражен ее просторами. И мама тоже рассказывала. Детям в школе. Пока не запретили.

– Я тоже не думал... – шепчет Алейхан, вдыхая аромат ее волос и закрывая от счастья и накатывающей нежности глаза.

– Это хорошо, что мы выбрали теплоход.

– Хорошо.

– Представляешь, люди всю жизнь живут на берегу этой реки... Вон в том маленьком домике!

– И ходят ловить рыбу!

– Да при чем тут рыба, Алейхан! У них есть свой дом на берегу реки! Понимаешь?!

– Понимаю.

– Ничего ты не понимаешь, – она трется головой о его плечо, на котором еще несколько месяцев кряду будет исчезать след от приклада.

И если в большом русском городе стражи порядка проверят паспорт Алейхана, а бывалые вояки поглядят на этот знак войны да на указательный палец, то не миновать ему тюрьмы и долгих суровых допросов. Но

сейчас он ничего не хочет знать, кроме того, что рядом с ним Айза, а впереди огромная Россия, где человек может потеряться, как искра в Млечном Пути.

– Ты бы хотел всю жизнь прожить на берегу великой реки?

– Я хотел бы всю жизнь прожить рядом с тобой, качать на руках наших детей и любить тебя до последнего вздоха! И хотел бы умереть первым, потому что я твоей смерти все равно не переживу.

– Все мужчины эгоисты.

– Почему?

– Все лучшее выбирают себе, даже смерть. Значит, ты умрешь у меня на руках, я тебя буду оплакивать, а потом сойду с ума от тоски?

– Гм...

– Надо, чтобы мы умерли в один день и даже в один час. Согласен?

– Да, я буду молить об этом Аллаха...

– Сначала моли Его о том, чтобы у нас была долгая и счастливая жизнь.

– Знаешь, когда Бекхан замахнулся на меня дедовским кинжалом, мне не было страшно. Мне было горько от того, что это брат поднял на меня руку. Брат, которого я любил больше самого себя и которому верил. Мне не было страшно. А теперь, если кто-нибудь замахнется на меня кинжалом, мне будет страшно, потому что я не хочу покидать тебя, Айза.

– Спасибо...

– За что?

– За то, что ты любишь меня больше жизни... и больше смерти.

– Говорят, что мужчина не должен так сильно открывать свое сердце женщине, это проявление слабости.

– Это дураки придумали. Они сами любить не умеют, а других учат.

– Бекхан меня так учил. Все переживал, что я тебе много уделяю внимания, много думаю о тебе. У меня до сих пор перед глазами его гаснущий удивленный взгляд. Это колдовство какое-то. Он заносит надо мной кинжал, а его грудь разрывается, словно ее прострелили!

– Ты говорил... Прости, мне страшно об этом слушать. Отец никогда не рассказывал мне о войне, даже когда я его об этом просила.

– Извини, я больше не буду.

– Ничего... Я хоть и дочь своего народа, но эта война мне противна. Я никогда не верила, что она была войной за народ и для народа... – с минуту Айза помолчала, прислушиваясь к себе. – Вот стою сейчас без чадры, что сказал бы твой брат?

– Ты никогда не скрывала от меня волосы и руки.

– Отец не требовал от меня. Я сама одевала, когда выходила на улицу. А к тебе я привыкла с детства.

– Сейчас не надо выделяться. Пусть на нас поменьше обращают внимания. Но ты и в чадре красивая. В чадре ты похожа на Мариам, так, как ее изображают в русских храмах.

– Мне кажется, все женщины, все матери, которые любят своих детей немного на нее похожи. Отец прячет в сундуке икону из разрушенного русского храма. Рядом со своей медалью. Я спросила зачем, а он сказал: Бог поругаем не бывает, веру нельзя топтать сапогами, даже если она чужая. В конце концов даже по нашей вере это Мать пророка. Можно ее изображать или нет – другой вопрос, особенно, когда лик Её уже смотрит на тебя немного печальными глазами.

– Иногда мне кажется, что до этого времени у меня не было жизни. Был какой-то страшный сон. И я все время боялся проснуться мертвым. А теперь думаю, был ли я тогда живым? Может быть, правда: в образе этого инженера ко мне приходил Джабраил?

– Может быть.

– Я теперь ничего точно не знаю. Кроме одного...

– ?

– Я люблю тебя.

– А я тебя. Говорят, в Сибири тоже есть великие реки. Мы их увидим?

– Возьмем билеты на теплоход и увидим.

– Так можно всю жизнь идти по этой огромной стране.

– С тобой я готов – хоть на край света.

– Все равно надо будет вернуться домой.

– Вернемся.

Теплоход разминулся с тружеником-сухогрузом, они обменялись долгими приветственными гудками. Наверное, капитаны знали друг друга. Пронзительным «у», гулким низким баритоном устремились голоса теплоходов в мудрое русское небо, седеющее на горизонте волнистой полосой облаков, а с берега ответил им первым вечерним ударом колокол недавно восстановленного храма. Звуки эти, как длинные ноты волжских песен, пробили небо и унеслись в космос. Для Вселенной они означали: Россия жива и по-прежнему прекрасна.

Э-эй, ухнем... Сама пойдет...

* * *

Поднимаясь на второй этаж, Марченко держался за сердце, но не из-за быстрой ходьбы, а только ощущая тревожное волнение. Лена для страховки держала его под локоток, впереди маршировал начальник охраны и его растерянные подчиненные, которым за последние полчаса пришлось выполнять противоречивые распоряжения.

– Рубильник! – хрипел Марченко, осознав, что дотошный Яковлев отключил электроэнергию в лаборатории Кошкина. – Щитовая!

– Рубильник! Щитовая! – повторил за ним начальник охраны, и один из его парней устремился вниз, в подвальное помещение, чтобы сорвать свежие печати Яковлева на железных дверях электрощитовой.

На пороге лаборатории группу встретили Китаев и Варя, которые так и не сдались осаждавшим их охранникам. Вадим Григорьевич стоял, прикладывая к лысине носовой платок, чуть в стороне. Увидев Марченко, он не сник и не растерялся:

– Михаил Иванович, мною пресечена попытка проведения незаконных несанкционированных опытов, которые могут привести к самым неожиданным последствиям.

– Знаю, – зыркнул на него генеральный, и лысина зама буквально задымилась. – Где Кошкин?!

– Где Рузский? – эхом ответила Елена, заглядывая в комнату.

В это время у главной проходной суетились люди в масках и камуфляже. Они вдруг высыпали из ниоткуда, как сказочные братцы из ларца, заблокировав входы, переулки, распахнув дверцы машин на стоянках. Из этих машин они вытаскивали и роняли лицом в землю не успевших удивиться мужчин в кожаных куртках. А некоему щеголю пришлось лечь в лужу, невзирая на дорогой, стального цвета костюм от Гуччи. Это был Ермоленко. Рядом с ним, матерясь до удара прикладом в затылок, лежал Верхотурцев. Один из людей в маске слегка наклонился в сторону Александра Максимовича и глухим голосом сообщил:

– Тебе привет от Бекхана.

Сердце бизнесмена Ермоленко после этих слов провалилось в глубокую пропасть, на дне которой клубился ядовитыми парами всепожирающий страх. В сознании его, как перед смертью, мелькнули лица сослуживцев, что не вернулись с кавказской войны, офицеров, что освобождали его из глупого плена, и лицо Вари. Но не стыд, а страх и отчаяние парализовали Александра Максимовича, и весь ужас предстоящего возмездия не смог

вместиться в сжавшуюся, трясущуюся душонку. Зато рядом лежавший Петр Матвеевич Верхотурцев улучил момент, когда безликие камуфляжи отвлеклись на его сопротивляющегося подчиненного, и, пользуясь тем, что на запястьях еще не застегнули наручники, всеми четырьмя конечностями оттолкнулся от земли и рванул в сторону частного забора, каковой перемахнул единым прыжком под окрики спецназовцев и длинную автоматную очередь в небо. Несколько быстрых теней бросились следом, но уже стало понятно, что в «шанхае», испещренном частными огородами, покосившимися заборами, хозяйственными постройками и хмурыми домами у Верхотурцева очень много шансов уйти, затаится между поленницами и даже нырнуть в навозную кучу, которую никто, конечно, раскапывать не будет.

В то же время Марченко сосредоточенно смотрел на вновь заработавший генератор Кошкина, словно сквозь его оболочку можно было узреть, где и что сейчас делает изобретатель.

– Я вынужден буду доложить о ЧП руководству и министру обороны, – едко готовил собственную оборону Яковлев.

– Заткнись! – обрубил его Марченко, и тот, как от удара, качнулся, чтобы скрыться за спинами охранников.

– Там что-то произошло, я чувствую, – теребила за рукав Марченко Елена Андреевна.

– Случилось, чувствую, – хмыкнул Михаил Иванович. – Случилось, когда ты, Леночка, являясь самой красивой женщиной, имеющей отношение к обороне России, покинула свой боевой пост, и оставила Сергея... – но потом вдруг осекся, – Ладно, извини, не время сейчас. Я, вишь, тоже старый дурак уже.

Марченко трясущимися от волнения руками стал открывать ящики стола.

– Где-то должен быть у Сережи здесь страховочный пульт. Не мог он бездумно рисковать с одним дистанционным управлением. Должен быть... Он ни о чем не предупреждал? – с надеждой повернулся к Китаеву и Варе.

– Просил только никого к этому агрегату не подпускать, да вот не мытьем дак катаньем, – процедил сквозь зубы Китаев, с неприязнью глядя на Яковлева.

– А у нас тут не частная лавочка! – попытался вспылить Вадим Григорьевич, но по взгляду Анатолия понял, что легко может получить по лысине, если сейчас же не замолчит.

Наконец Марченко нашел под бумагами клавиатуру от персонального компьютера, хотя ни монитора, ни системного блока на столе у Кошкина не было. Компьютер дремал на соседнем столе. Простым методом тыка Михаил Иванович нашел в генераторе подходящее гнездо.

– Неспроста же она здесь валяется, – объяснил он, щурясь сквозь мощные линзы очков.

Оставалось разобраться со значением клавиш, но тут на помощь пришла Лена. Она ткнула пальцем в помеченную красным маркером клавишу.

– Скорее всего, эта. Бэкспэйс.

– Чего такое бэкспэйс? – спросил Марченко.

– Буквально с английского: обратно пространство. – То бишь – возвращение. Назад.

– Похоже на то, – согласился генеральный конструктор и успокоил сам себя, – хуже не будет.

После нажатия клавиши, генератор загудел чуть надрывнее, в воздухе резко запахло озоном, на всякий случай вся группа отошла подальше.

– В другое время я бы по рукам себе надавал, – пробурчал Михаил Иванович.

– А я бы этому Кошкину по рукам надавал, – опять решился вставить Яковлев.

– Шли бы вы, Вадим Григорьевич... Писать объяснительную о нарушении чистоты эксперимента, находящегося под контролем Правительства Российской Федерации, – заткнул его окончательно генеральный конструктор.

В этот миг в пространстве лаборатории вместе с туманом непонятного генеза стали проявляться знакомые фигуры.

* * *

Кошкин по-прежнему лежал на коленях Рузского, сознание его периодически покидало. А Владимир Юрьевич уже отчаялся вернуться назад, когда единственный выход из ресторанного дворика закрыл милицейский «уазик», озарив площадь битвы въедливой фиолетовой мигалкой. Грум дрогнул первый раз в жизни, потому что не хотел сесть в одном и том же времени во второй.

– Всем оставаться на своих местах! – прозвучала суровая команда стражей порядка из мегафона на крыше, но Марченко уже нажал кнопку “Backspace”.

Пространство и время не рванулись, а как-то, словно по слизкому коридору, в котором прилипают подошвы, потянулись обратно. Машина времени словно определяла и раздумывала, кого ей следует забрать в счастливое капиталистическое будущее, а кого оставить на допрос советскому прокурору, а то и въедливым чекистам. Грум, осознав, что теряет драгоценные мгновения, не обращая внимания на бегущих к нему милиционеров начал разряжать остатки обоймы в лежавших после ударов и стоящих на ногах противников. Именно поэтому стражи порядка первым делом кинулись к нему. Кодекс советского милиционера не позволял им, как сейчас, сразу открыть огонь на поражение. Сначала надо дать залп в небо, а потом все равно попытаться задержать преступника голыми руками, что они и начали делать. Но их голые руки повисли в пустоте... Грум, не выражая никаких эмоций и не попрощавшись, исчез. Зато потерянное на поимку миража время и нескрываемое удивление ментов, вызвавшее естественную заторможенность их реакции, позволило раненному в плечо Бекхану вырваться из двора, сбив по пути попытавшегося остановить его милиционера-водителя. Бекхан ушел, мысленно и вслух обещая отомстить всем и вся до третьего колена.

Увидев Елену, Владимир Юрьевич облегченно вздохнул, Дорохов же первым делом закричал:

– Скорую! Палыч умирает!

Китаев, который знал цену этим секундам, кинулся к телефону. Елена Андреевна склонилась над двумя своими мужьями, потом обняла голову Кошкина, который на какое-то время пришел в себя.

– Сережа, что ты наделал?

– Это я виноват, – объяснил Рузский.

– Это я виноват, – опустил голову Грум.

– Нет, это он виноват, – кивнул Марченко на Яковлева.

– Мне все равно в этом времени нет места, – прошептал Кошкин, выдавливая через боль грустную улыбку. – Юрьич, а ты сделай обязательно томографию! Обязательно!

– Чего? – не понял Рузский.

– Всего... Томографию... Кровь сдай... К врачам сходи...

– Да это тебе, Сергей Палыч, к врачам надо...

– Мне, к Господу Богу... Если пустят...

Он хотел еще что-то сказать Лене, но уже не смог, сознание вновь провалилось в страшную тьму, которую весьма сложно разорвать искрой между контактами дефибриллятора. В этой тьме он почувствовал себя об-

наженным, и ему стало зябко. «Тамбур какой-то, здесь, наверное, дезинфекцию прибывшим на тот свет делают», – то ли подумал, то ли мысль эта парила свободно от сознания Кошкина. Во всяком случае она была гулкой и такой же пустой (черный юмор во вселенской темноте), как окружающее мрачное пространство. «А как насчет полетов через туннели?» – спросил пустоту Кошкин. «Не налетался еще?.. Через туннели?» – вопросом ответила пустота. «Ну хотя бы луч света!» – взмолился Сергей Павлович. И действительно, откуда-то с недосягаемых высот, пробив целый космос мрака, ударил луч света, и Кошкин оказался в центре этого луча, точно актер на авансцене. Луч этот не просто светил, но пронизывал своими корпускулами эфирное тело Кошкина насквозь. «Господи, это я грешный...» – представился Сергей Павлович. «Знаю» – сказал голос. «Я не ведаю, что мне делать, Господи, душу я спасти, судя по всему, не сумел...» – «Об этом не тебе судить... Зачем пытался проникнуть в запретное и распознать Промысел Мой? Ужели не знал, как за этот дар платят избранные?» «Как?» – не успел спросить Кошкин.

И тут же неумолимая сила вдруг подхватила Кошкина и в один миг бросила в сырой каземат, где на стенах горели факела, а на столе, за коим сидел суровый вельможа, горели две свечи. Тут же, на столе, раскрыта была весьма объемная тетрадь, исписанная где полууставом, а где и вообще непонятными знаками. Вельможа, листая ее, сурово допрашивал сидевшего напротив монаха, глядя на которого Сергей Павлович содрогнулся – настолько он похож был на самого Кошкина. Разве что борода да смиренное выражение лица не совпадали. Зато усталость в серых глазах – почти родная. Но кроме усталости тихо сияла в них какая-то запредельная уверенность, граничащая по смыслу своему с безумной отвагой. Сосульки темно-русых волос ниспадали до самых бровей, от чего глаза казались меньше, но ярче. В целом же лицо не было красивым, но не было и отталкивающим. По возрасту монах и Кошкин также были близки. Лишь глубоких морщин, отражающих скорби, на лице арестанта было больше. Ни дознаватель, ни монах, судя по всему, не видели Кошкина. И тот примостился у стены между ними, чтобы понять происходящее. Главное, что удалось уловить сразу же: вельможа задавал вопросы, уже предполагая на них ответы узника, монах отвечал, уже ведая исход допроса в целом. Хоть и неплохо Сергей Павлович знал историю, но даже подозревать не мог, что суровый сановник – не кто иной, как генерал-прокурор, граф Самойлов, глава екатерининского Сената. Допрос этот, по всей видимости, был не первый, но последний.

– Так ты, Василий Васильев, крестьянского сословия, родом из деревни Окулово, что в Тульской губернии, в иночестве Авель, предсказуешь да и пишешь о том, что милостивая государыня наша императрица Екатерина Алексеевна упокоится скоропостижно в нынешнем, одна тысяча семьсот девяносто шестом году от Рождества Христова, а также предуказываешь день, месяц и даже час кончины?

– Истинно так, ваше сиятельство, так и воспоследует... – тихим голосом отвечал пленник. – Жаль государыню, однако конец ее земного пути близок и неотвратим...

Договорить монах не успел, генерал, с неподобающей ему прытью выскочил из-за стола, чтобы ударить Авеля по губам. И со стороны было непонятно, кто из них больше боится сказанных слов. Генерал имел волевое выражение лица, коим подчеркивал право свое решать людские судьбы, но и Авель ни внешним видом, ни тоном голоса, что был тих, но напорист, ему не уступал.

– Молчи, нечестивец! В помрачении ума ты речешь напраслину! Как смел ты возводить такие хулы на государыню?! – ударил еще и еще раз, но монах словно не почувствовал, даже голова не качнулась. Будто не его били. Оттого получалось, что генерал, несмотря на обстоятельства, выглядел слабее. Но опытный сановник вовремя почувствовал это и опустил руку.

Кошкину вдруг вспомнилось – он где-то читал, что Екатерина Великая умрет на ночном судне от апоплексического удара, не успев подписать манифест, лишающий наследника – сына Павла – права на трон. Не успела... Кошкин только подумал об этом, но, похоже, Авель услышал его мысль, во всяком случае пронзительно посмотрел именно на то место, где Сергей Павлович предполагал себя. Генерал же, ничего не подозревая, вернулся за стол, чтобы продолжать допрос.

– Уж не от имени ли Господа ты вещаешь, чернец?

– От имени Его глаголют пророки, мне же, грешному, видения бывают, – и он снова посмотрел в сторону Кошкина.

– А ежели бесовские твои видения?! Как ты, злые очи, смел писать такие титлы на земного бога?! Кто научил тебя сему?!

– Господь мне тайны отверз, я же ничего от себя не молвил. Голос мне был: иди и рцы северной царице Екатерине всю правду, аз тебе заповедаю, напише, яже видел еси, и скажи, яже видел еси. И я на том Господу обет дал. А за безумную мою книгу, говорено уже мной, государыня Екатерина Алексеевна пусть меня казнит.

– А я вот посажу тебя на хлеб и воду ждать исполнения пророчеств из неистовой твоей книги! А коли не сбудутся – еще пуще, по самые плечи расстрижем, язык поганый долой и в Сибирь куда! Разве что государыня тебя, юродивого, сама помилует...

Генерал поежился, окинув взглядом каземат, резко встал и вышел через железную дверь. С той стороны сразу задвинули засов. Авель и Кошкин остались наедине. Теперь монах уже не скрывал, что видит инженера.

– Зачем ты здесь из грядущего? – спросил он. – Мне ли, ведающему, хочешь рассказать? Тот ли ты, кто изобрел машину, могущую пронизать сущее? – он не сказал время, дабы не отделять его от пространства.

– Тот, отче, – признался Сергей Павлович. – А что я здесь делаю? Думаю, что получаю посмертное назидание, потому как несколько минут назад умер.

– Как же ты умер, если сердце твое заставляют биться, а воздух тебе подают машиной? Извлекут пулю, будешь жить.

– Так это у меня видения?

– Это у меня видения да голоса, а ты думай, что со своей машиной делать будешь. Я за свои пророчества двунадесять годов по темницам гнить буду и ни словом ни с кем обмолвиться не могу, разве с такими, как ты. И то мне мой венец не известен. А ты что готов претерпеть?

– Я? Не знаю, отче...

– А коли не знаешь, зачем на рожон лезешь? Любую истину выстрадать надо, или и того не знаешь? Я царям смертный час напоминаю, а ты?

– А зачем напоминать царям?

Авель на этот вопрос улыбнулся:

– А зачем в монашеских кельях пишут: помни о смертном часе?.. Монахи и так лучше других помнят, а все одно себе пишут. А у тех же, кто в богатых палатах век тянет, память во сто крат короче.

– За то ли страдаешь ты, отче? Что заставляет тебя идти по этому пути?

– Сила, которая говорит «иди», и нет другой, большей силы, что рекла бы «стой». Будь в тихой обители, зри и радуйся лепоту храмов Божьих! Знание – великий искус! Сказано в Писании: «Погублю мудрость премудрых и разум разумных отвергну». Вера выше разума. И есть знания, какие разуму не подвластны. И есть знания, что даются нам не через разум, а вопреки ему. Почему ты шел к своей машине?

– Я уж думал, что не время еще для моей машины, потому все чертежи только у меня в голове, на бумаге я их не храню, надеюсь, в голову чужие глаза не заглянут, а вот разбить ее на куски рука не подымается.

– Она сама себя разобьет, оттого что нет времени. Для нас смертных есть, а для Бога нет времени.

– И нельзя ничего изменить, даже зная грядущее...

– Себя только. Что изменилось оттого, что Спаситель знал о предательстве Иуды и предстоящих страданиях? Кому речено – «иди», тот идет, а кого надо Господь сам остановит. Тебе ведомо, будет на Руси государь, которого предадут и после мучений казнят, он будет знать о том, но не убежит от своего креста.

Лицо Авеля стало темнее и печальнее, на глаза выступили слезы. Вот каково иногда вспоминать будущее.

– Я, отче, с помощью этой машины хотел вернуть себе любовь.

– А кто тебе сказал, что любовь, это то, что ты о ней разумеешь? Ежели по твоей мерке брать, то и у Христа любви не было, а любви Его на весь мир хватило и на все времена.

– Отче, а нельзя тебе со мной? Чего в подвалах гнить?

– Гнить можно и во дворцах, и в господских палатах, а в темнице, брат, светить легче. Да и страшнее там у вас, чем в этом подвале. Мне ли не знать.

– Страшно, наверное, знать будущее?

– Дивный ты человек, люди грядущее прозреть ищут, а ты минувшее искал. А о грядущем Господь через пророков уже рек насущное. Чего ж еще бояться, кроме вечной смерти?

– Вечная смерть... Жуткое словосочетание.

– О том и помни... Да пора тебе. За мной, не ровен час, придут, в Шлиссельбургскую крепость спровадят конца государыни дожидать. Такова ее милость.

– Прощай, отче...

– Спаси тебя Господь, странник...

И защемило у Кошкина в груди, ибо хотел он еще что-то спросить у Авеля, что-то самое важное, но вопрос этот так и не пришел на язык. Вроде царапался где-то в самых глухих закутках сознания, вроде обозначался жмущим грудь чувством, но так и не родился, не вырвался. И удивительнее всего было Кошкину, что хоть и прозорливец сидел перед ним, но не задал он ему, Сергею Павловичу Кошкину, живущему на переломе тысячелетий, ни одного вопроса о будущем.

И защемило у Кошкина в груди и еле-еле затикало.

* * *

Кошкин пришел в себя без прелюдий. Будто проснулся после глубокого сна, вот-вот откинет одеяло и рванет под душ. Рука, было, потянулась к пододеяльнику, но боль в локтевом сгибе не позволила довести её до конца.

– Тише, тише! Вену порвешь, капельница же у тебя, – услышал он знакомый, чуть хрипловатый голос.

Не без труда повернул голову и удивился: соседом по обозримой больничной палате оказался Марченко.

– С возвращением тебя, Сережа. Я вот к тебе в нарушение всех правил напросился. Следом за тобой с инфарктом отвезли. Но я уже на второй день оклемался. Лекарства литрами в меня качают. Да что в паровоз дрова кидать, если котел прохудился.

– А сейчас какой день? – прошептал спекшимися губами Сергей Павлович.

– Третий, парень, третий. Так что ты, как Иисус, на третий день воскресаешь. Ну и Слава Богу, а то я тут скучаю один, читаю вот всякую ерунду. Во: «Пророчества о России». Про вещего Авеля вчера вечером прочитал. На всякий случай и тебе вслух читал. Чудно...

– Вещего Авеля? Я его, Михаил Иванович, живьем видел.

– Что – и туда твоя машина достала?

– Да нет, пока мне тут пулю извлекали.

– А-а-а? – настороженно потянул Марченко.

– Не-не, все пучком. Мозги работают, шеф. Я действительно с ним разговаривал, как вот сейчас с вами.

– О чем?

– Да, пожалуй, ни о чем, и обо всем сразу... О тяжкой доле пророков, наверное. Он в пыточной сидел. Допрашивали его.

– Ну да, я как раз об этом читал. Ты, Сереж, не напрягался бы с разговорами, надо сестру вызвать, щас, я кнопочку выжму. Тут у них целый пульт, как в самолете. На тебе – кислород, на тебе – стюардессу...

– Пить очень хочется.

Следом за сестрой в палату прибыл целый врачебный консилиум. Пощебетав над Кошкиным, они, удовлетворенные своей работой, разошлись, пообещав Сергею Павловичу, что скоро он будет на ногах.

– К вам еще милиция наведается, достали уже, – сообщил на прощанье врач, которого, по всей видимости, следовало принять за лечащего.

– М-да, Сереж, без милиции не обошлось. У нас на входе целую бригаду бандитов повязали. Один только ушел. Так мы твое ранение на них списали. Почему в тебя стреляли? Хотели получить ценные сведения для продажи иностранным разведкам. Усек основную версию? Не будешь же ты им рассказывать...

– Угу... А вы, Михал Иванович, выходит, из-за меня сюда попали...

– Да брось ты! Без тебя раздражителей хватает. Да и где это видано – на моей-то работе за восемьдесят лет ни одного инфаркта. Это ж наглое нарушение статистики! Я вот у друзей твоих спросить не успел, где вы-то повоевать успели?

– В ресторан совдеповский ходили. Драка на почве личной и национальной неприязни с применением холодного и огнестрельного оружия. То-то сейчас у бедных ментов головы болят!

– М-да-а... Ну ничего, вот выйдем на волю и тоже куда-нибудь махнем. Мне теперь коньяк в медицинских дозах показан. А то, может, попросим Варю, она тайком принесет.

– Какую Варю? – вскинул брови Кошкин.

– Да ту самую, уборщицу молодую с незаконченным высшим образованием, что от тебя без ума. Я ее сам на работу рекомендовал, – хитро прищурился генеральный конструктор. – Думал, привыкнет, потом молодого специалиста получим. Они тут с Мариловной всю мою тумбочку пирогами завалили, но их надолго не пускают, все-таки ПИТ.

– ПИТ? Пиво что ли?

– Кхы-хы... Пиво! Палата интенсивной терапии. Ну, типа, облегченный вариант реанимации.

– Реанимация-лайт, – прокомментировал себе Кошкин, пытаясь осмотреться.

Марченко, истосковавшийся за три дня по собеседнику, повернулся на бок и начал:

– Ну, теперь времени у нас вагон, ты мне расскажи, что же тебя к правильному решению привело? Я, помню, тоже всей этой пространственно-временной топологией в молодости увлекался. В конце сороковых читал чуть ли не подпольно работы Курта Геделя, но Эйнштейн, признавая их оригинальность, заметил походя, что на практике его идеи неприменимы. Главное, помню, что перемещение во времени по Геделю будет связано с пребыванием в условиях, где человеческий организм просто-на-

просто не выживет. Потом были работы Александрова, это уж в конце шестидесятых...

– Не знаком, – признался Кошкин, – хотя Геделя, конечно, в институте полистал.

– А в конце восьмидесятых, на волне перестройки, проскочили переводы Торна. Но там уж совсем нереально. Даже на уровне теории слабовато. Норы он в пространстве рыть собирался. Влез в такую нору в настоящем, а вылез при создании особых условий в прошлом.

– Я Кита Торна читал. Кое-что из его выкладок мне пригодилось. Но путь у меня был более обыденный. Я для начала отмел все уже существующие наработки и модели. Они, как известно, требуют огромных площадей и энергии нескольких ядерных взрывов. Потом я, как и многие, увлекся летающими тарелками, уфологией. Начитался Казанцева. Добрая советская фантастика. Короче, коммунизм на Марсе. Но главное – из всех свидетельств получалось, что летательные аппараты инопланетян сравнительно небольших размеров. А это значит, что, как минимум, речь идет о топологическом типе двигателя. Летай они по-нашему, им бы пришлось, как ты знаешь, Михаил Иванович, таскать за собой заправщик размером с Луну, а то и больше. Так я понял, что задачу следует решать не в максимуме, а в минимуме, но «холодный» термоядерный синтез как дорогостоящее удовольствие я сразу отбросил. Решение нужно было искать на квантовом уровне, но доступными средствами. Как говорится: ларчик открывается просто. Когда-то в детстве я засмотрелся на сильную грозу, меня поразило скопление энергии, прошивающее пространство. Разряд в одной точке. Мне тогда пришла мысль, что прошивает она не только пространство, но и время, потому как неразрывность их сама собой разумеется. Предположил, что в природе возникают спонтанные машины времени, а кое-где, где удерживается должная кривизна пространства-времени, эта дыра может быть долгоиграющей. Это могут быть своеобразные выбросы хрональных зарядов. В пользу данной версии говорят также десятки необъяснимых случаев, когда люди или техника, ничего не подозревая, попадали в такие туннели. Это был второй толчок. Разумеется, параллельно я зачитывался монографиями по истории. Особенно что касается загадок. И тут меня озарило: не было никаких древних цивилизаций! Не было! Ни гиперборееев, ни Атлантиды, ни египетских пирамид, ни дошумерских сверхдостижений...

– Как не было? Стоят же пирамиды...

– Да стоять-то стоят! Вопрос в другом: кто их ставил?! Он и у историков, и у археологов этот вопрос свербит: откуда у древних современные

технологии? Поэтому-то за главную рабочую гипотезу я принял следующее: древние цивилизации надо искать не в прошлом, а в будущем. Образно говоря, наши историки идут по трассе с односторонним движением и не догадываются, что можно нарушить правила и развернуться на сто восемьдесят градусов.

– Интересно.

– Каково нынче население планеты? Шесть миллиардов. А через сто лет? Проблема перенаселения, нехватки ресурсов. Техногенные цивилизации решают такие проблемы, кроме всего прочего, способом расширения ойкумены. И если невозможно расширить ее экстенсивно, то копайте вглубь. Там, в прошлом, решение массы проблем! Навалом чистой воды, воздуха, а главное территории и экологически чистых продуктов. Заселяйся, если можешь туда попасть! Десять тысяч лет назад, двадцать, сорок! Неандертальцы сами от страха вымрут. А хочешь – селись в парк юрского периода. Ящеров можно как бесперспективную ветвь в целях спасения человечества зачистить. Вот вам и древние сверхразвитые цивилизации. Вот вам и сбитые влет птеродактили! И кто знает, может, линии времени таким образом закольцованы. Мы считаем, там начало, а там и закат. Такая Шамбала получается, Михаил Иванович. Ищешь вчерашний день? Проверь в завтрашнем.

– Ух ты, – в глазах генерального конструктора полыхнуло вечное пламя неутомимого искателя. – Жаль, стар я уже. Всю жизнь ковал наперегонки с кем-нибудь оружие, а вот теперь так захотелось покопаться в твоих загадках.

– Мы считаем, что прошлое влияет на настоящее и будущее, и это верно. Тут нам и причинно-следственные связи, и теория относительности подпоют. Но почему не принять хотя бы за недоказанную теорему, что и будущее влияет на прошлое? Это же так элементарно.

– Знаешь, Сереж, когда я в конце тридцатых мечтал строить ракеты, я ведь вслед за Циолковским надеялся покорять космические пространства. То есть тянулся к будущему. Но получилось так, что пришлось делать реактивные снаряды, чтоб они сыпались на головы фрицев. Эх, как я просился на фронт! Но кому-то надо было собирать БМ-13. «Катюши», помнишь? Совесть мою успокоил капитан Флеров. Да-да, тот самый. Он дал мне пострелять по мишени из пистолета «ТТ», и высчитал, сколько я смогу убить фрицев за месяц при самом удачном стечении обстоятельств, если меня, очкарика, не убьют в первом бою. А потом попросил меня рассчитать сколько примерно погибнет фашистов, если, скажем, полк, находящийся

на позициях, попал в зону сплошного поражения наших снарядов. Даже при относительных, примерных подсчетах...

– Представляю, – присвистнул, опережая, Кошкин.

– Ага, но я отвлекся. Мысль-то какая? Вылетела! А! Ну так вот, думали мы о будущем, а пригодилось в настоящем. То же под твою теорию, хоть с натяжкой, но подходит. Я, правда, первых наших ракетчиков, не застал. Лангемака, Клейменова и других. В тридцать восьмом их расстреляли. За связь с Тухачевским. Эти маршалы своих подчиненных, как провинившиеся девочки в гимназии, сдавали. Но с Владимиром Андреевичем Артемьевым поработать довелось... Он, кстати, от Тухачевского был не в восторге. Зажравшийся барыга и садист был этот маршал, да и Сталина он, правда, свергнуть хотел. Другое дело, что хотел и болтал об этом, а до дела, может быть, и не дошло бы. Ну да бес с ним. Что я все о своем! Старческие излияния, понимаешь. Я ж тебя послушать хотел.

– Михаил Иванович, вы ж впервые за столько лет рассказывать начали. За вами мемуары записывать.

– Скажешь тоже… Рассказчик я не ахти какой. Да и кому оно теперь надо? Вот проблемы бразильской семьи – это актуально, размер груди какой-нибудь голливудской дивы – это интересно. А нам, Сереж, дозволительно девятого мая орденами побряцать, кто ходить может – по брусчатке мимо мавзолея прогуляться, и айда обратно – по «хрущобам» кефир пить. Это хорошо еще – что в России. А где-нибудь в Риге могут и в морду дать, если с советским орденом на груди выйдешь.

И Кошкин, и Марченко одновременно печально вздохнули.

– Лучше говорить о топологии, вам же волноваться нельзя, – вспомнил Кошкин.

– Да уж, давай про машину времени!

– Я, конечно, не против такого названия, хотя принципиально оно неверно. Так можно любой конденсатор, где есть электромагнитное поле, назвать машиной времени. Время, как говорил, по-моему, Аристотель, мера изменения вещей. А я бы добавил, что, в первую голову, это мера изменения людей. Бог ждет от нас не строительства материи, а строительства духа! В этой мысли я еще больше укрепился после беседы с Авелем. Был ли этот разговор только в моем сознании, или – какой-нибудь запредельной реальности...

В этот момент дверь палаты широко и довольно шумно раскрылась. На пороге сияла улыбками деловая чета Рузских-Варламовых. У каждого в руках было по огромного букету красных роз, словно они пришли к двум

счастливым роженицам, а за их спинами маячил суровый Грум с двумя пакетами деликатесов (как чуть позже выяснилось). После традиционных расспросов о состоянии здоровья, обязательного уточнения деталей недавних событий (при этом Паткевич предпочел сосредоточенно смотреть в окно, а Елена Андреевна сыпать ругательными прилагательными в его сторону) разговор перешел в серьезное русло.

– Слушай, Сергей Павлович, откуда ты взял, что мне надо пройти обследование?

– Трансцендентные знания, – улыбнулся Кошкин.

– Ну не юли. Ты что – экстрасенс? Мы вот прорвались сюда на взятках и напоре, потому как завтра в Германию летим. Там, говорят, лейкоз в ранних стадиях хорошо лечат. Пересадка косного мозга, стволовые клетки и все такое... Клиника солидная, где Раиса Горбачева... Умерла. Колись, давай, откуда данные? Я ж у врачей лет десять не был.

– Правда, оттуда, – показал глазами на потолок Сергей Павлович.

На минуту в палате повисла тревожная тишина. Потом Владимир Юрьевич собрался с мыслями.

– Ты на машине проверял?

– Да нет... Вроде... Но врать не буду, она здесь тоже какую-то роль сыграла. Помяли мы, наверное, своими неаккуратными руками ленту времени.

– Тогда уж, может, ты мне все до конца скажешь? Какой там прогноз в небесной канцелярии на Рузского? Тебя ж оттуда не зря отпустили?

– Правда – не знаю. Мы с тобой, Владимир Юрьевич, дальше трех лет не заглядывали.

– Со мной? Странно... Я думал, мы только по кабакам... А что сам посоветуешь, инженерный гений?

– Как и себе, о душе надо помнить. О смерти. Привиделся мне нынче вещий Авель, так и он своего конца не знал.

– М-да... Ну да ладно, три года – это уже что-то. Спасибо, тебе Сергей Павлович. Завтра, кстати, Виталик прилетает. Он давно бы здесь был, но у них там из-за опасности терроризма рейсы отменили. Трое суток в аэропорту сидел. Но завтра, обещали, начнут выпускать.

Когда все уже попрощались, Рузский на минуту задержался. Подошел к кровати Кошкина и низко наклонился.

– Вот, Серега, это я в целях конспирации прикарманил, когда ты, – Владимир Юрьевич кивнул в потолок, – в лучших мирах прогуливался. Возьми, сам решай, что с этим делать, – он вложил в руку Сергея Павловича

пульт дистанционного управления. – Но мое предложение о лаборатории остается в силе. Необязательно, кстати, время ворошить. Может, тебе еще что-нибудь в голову придет. С тобой я согласен даже кухонные комбайны выпускать. Ты гений, Серега, и настоящий мужик.

– Спасибо, – смущенно улыбнулся Кошкин.

– Ну бывайте, ребята, как только вернемся, устроим встречу ветеранов оборонной промышленности за мой счет.

Не прошло и десяти минут после этого посещения (Михаил Иванович даже не успел толком посокрушаться, куда теперь девать столько продуктов) на пороге, будто разведчик, появился Дорохов. Сначала он по-шпионски выглянул из-за косяка, а уж потом вошел, широко улыбаясь.

– Толик не смог, – извинился за друга, – он меня как старый боевой товарищ прикрывает. Ведет арьергардный эротический бой с дежурной по этажу. Думаю, все может кончиться ковровой бомбардировкой постельными принадлежностями. Кстати, Палыч, она действительно ничего, – подмигнул с намеком. – Михал Иваныч, как ваш мотор?

– Поршня пора менять, – в тон ему ответил Марченко.

– Нич-че! Проч-чистят, продуют, смажут, загудит, как новенький.

– Скажешь, Василий Данилович. У меня есть один друг моего возраста. Так вот, он недавно подошел к писсуару, посмотрел на свой отработавший прибор и философски его приговорил: ну все, теперь сливай воду...

Все трое хохотнули.

– Ой, а что там творит наш общий друг, который сейчас исполняющий обязанности! Этот доморощенный Хрущев напустил в бюро кучу бизнесменов, которые еще вчера стреляли на улице в своих сокамерников...

Тут Дорохов осекся, заметив, как сигналит ему глазами Кошкин. Между тем Марченко сел на кровати и нахмурился.

– Ну-ну, Вася, рассказывай, чего он там пакостит?

– Да ничего особенного, Михаил Иванович. Развивает коммерческую деятельность... У меня вот для Сергея интересное сообщение. В «криминальной хронике» показали труп молодого мужчины кавказской национальности. Нашли в канализационном колодце.

– Усман... – опередил Дорохова Сергей Павлович.

– Да. Сколько веревочке не виться...

– Что за Усман? – переключился Марченко.

– Да так, Михал Иваныч, общий знакомый. Я его еще по первой чеченской знаю, – объяснил Дорохов.

– А-а-а...

– С тех пор, как я пришел в себя, мне все время кажется, что Бекхан где-то рядом, – задумчиво сказал Кошкин.

– Да бес ему в ребро, Палыч! – вспыхнул Дорохов. – Уж в последний раз мы его точно аннигилировали. Я научно выразился?

– Научно, – в голос подтвердили Кошкин и Марченко.

Дорохова дежурная сестра вытолкала, когда принесли обед. При этом он выразил готовность, пользуясь служебным удостоверением, нести здесь круглосуточную охрану за такой же поднос и возможность неоднократно лицезреть такую распрекрасную женщину. «Вот когда я лежал в госпитале», – начал он, но продолжать пришлось уже за дверью. Количество и качество армейских комплиментов суровую медсестру не сразило. В заключение в дверном проеме все же успела обозначиться голова Китаева, который сумел за две секунды пожелать скорейшего выздоровления и был благополучно вытолкан взашей.

* * *

Посещения друзей утомили и Марченко, и Кошкина. Последнего, к тому же, еще кормили с ложечки. Сон пришел к обоим по расписанию – в тихий час. На закате, когда в окне кипела рыжая макушка солнца, настроились, было, продолжить разговор по душам, но пришла Варя. С порога начала смущенно оправдываться, что сегодня ее согласилась подменить Мариловна и даже силой отправила в больницу, хотя сначала они спорили, кто из них пойдет, чтобы успеть в часы приема посетителей. Увидев ее смущение, Михаил Иванович сел на кровати, вдел ноги в тапочки и очень правдоподобно ударил себя по лбу:

– Чуть не забыл! У меня же сейчас реабилитационные процедуры!

Кошкин судорожно вспоминал на какой день можно вставать после обширного инфаркта, но такой информации в его оперативной памяти не было. Пока он раздумывал, как возразить старику, тот уже довольно проворно выскользнул в коридор, побурчав для острастки о назойливых эскулапах.

Варя, между тем, села на табурет у кровати Кошкина. По ней было видно, что она обрела некую решимость и поэтому сразу пошла на абордаж.

– Сергей Павлович, давайте я вас покормлю.

– Спасибо, Варенька, но я еще едок никудышный, меня недавно накачали бульоном, и я даже вынужден был разжевать полкотлеты. Медсестра просто силой меня кормила. А я, видишь ли, – он кивнул на капельницу, – обленился, к жиденькому привык.

– А Мариловна сказала, что вы от ее пирожков не откажетесь, – смутилась Варя.

– В другой раз точно бы не отказался, а сейчас – увольте.

– Тогда, наверное, у меня и повода нет больше здесь оставаться, – опустила глаза девушка.

– Наоборот, я хотел, чтоб ты пришла. Можно, я буду на «ты»?

– Можно.

– И я буду тебе признателен, если ты будешь обращаться ко мне попроще, без величания. Ладно?

– Я попробую.

– А то начинаю чувствовать либо официальным лицом, либо пожилым человеком, который переживает за развитие пенсионной реформы.

Варя улыбнулась.

– Глядя в твои синие глаза, хочется жить, Варя. До твоего прихода жизнь казалась мне скучной, и возвращение в этот мир, по сути, не принесло особой радости. Ну не умер – и ладно.

– Это из-за любви к жене... – фраза Вари не была вопросом, но не была и утверждением.

– Не совсем так. Хотя огромная часть моего сердца принадлежала ей. Но не той красивой, уверенной в себе женщине, которая вместе с новым мужем принесла мне сегодня букет цветов, а другой, что осталась в идеализированном мною прошлом. Ту я любил так, что мог сойти с ума, а это нарушение меры.

– Неужели любовь может быть во вред?

– Может. Бог любит меру во всем. Безумная страсть порождает безумие. Но понял я это, когда было уже поздно. Я полагал, что любовь понимает и оправдывает все. Не тут-то было! В какой-то момент каждая женщина из романтичной, витающей в облаках или в море нежности своего возлюбленного начинает превращаться в прагматичную хозяйку. В ней добавляется уверенного шарма, но в то же время появляется трезвая расчетливость, и если желаемый результат расчетов не совпадает с системой координат, в которой она пребывает, то из этой системы она готова вычеркнуть любой объект, в том числе не удерживающего рост графика мужа. Тьфу, я как-то математически выражаю свою мысль.

– Мне понятно... Хотя банально и неправильно считать, что либо время побеждает любовь, или любовь побеждает время. Они параллельны и меняются вместе. Другое дело, если они пошли в разные стороны или пересеклись. Но мне кажется, в этом случае духовный разлад имеет первичное значение. К примеру, с точки зрения карьеры и быта мой отец – это

образец неудачника, но у мамы даже мысли не возникало с ним расстаться. Просто у них другая формула счастья, возможно, отличная от общепринятой. Хотя кто ее утверждал? А еще я знаю более драматичный, даже шокирующий пример. Одна женщина потеряла в результате травмы кисти рук. Представляете себе женщину без рук?! Даже если она Венера Милосская, она уже не может быть хозяйкой. Не всякий мужчина примет на себя груз, который полагается от природы женщине. Так вот, муж этой женщины остался с ней. Жизнь изобилует примерами как с той, так и с другой стороны. Все определяется состоянием души...

– Во! Сейчас, Варя, ты рассуждаешь пусть и красноречиво, но очень похоже на мою бывшую супругу.

– Простите, – смутилась Варя.

– Да нет, это ты меня прости. Но я закончу. Вторая причина моего разочарования – мое собственное изобретение. Замахнувшись на время, я опять же перешел грань, вышел из меры. В результате – у меня не осталось ни любви, ни времени. Есть только друзья...

– Но ведь это так много! А еще есть прошлое, есть будущее! Знаете, у меня в жизни тоже был момент, когда я перестала верить в любовь. Очень хотелось стать циничной и грубой. Но потом Мария Гавриловна рассказала мне о вас и Елене Андреевне... О том, ради чего вы по ночам паяете прибор, одно упоминание которого позволит окружающим записать вас в сумасшедшие. Я так завидовала вашей жене. Украдкой заглядывала в двери вашей лаборатории. Не понимала, как она могла вас оставить. Не понимала, наверное, еще и потому, что у меня перед глазами опыт моих родителей. Но главное, что я потом поняла – дело не в любви, не во времени, а в том, чего мы сами хотим и от того и от другого. Я, наверное, говорю банально?..

– А я? Не в театре, чтобы слова выбирать, – оправдался за обоих Сергей Павлович. – Никогда бы не подумал, что не самый яркий и весьма распространенный пример моей семьи станет притчей во языцех. Но ты права: есть прошлое, есть будущее. Есть возможность все исправить. Главное – самого себя. – Некоторое время Кошкин молчал, потом переменился в лице. Будто вернулся в утраченную реальность. – Но я хотел спросить о другом, Варя. Я не обидел тебя тогда своей напускной черствостью в коридоре? Мне показалось, что...

– Вам показалось. Все показалось. Кроме одного, я действительно испытываю к вам...

– К тебе, – волнуясь, поправил Кошкин.

– К тебе, – со вздохом согласилась Варя, но в этот раз глаз не опустила, а смотрела прямо.

– Господи! Какой же глубины синева в твоих глазах! Утонуть можно! – воскликнул Кошкин. – Известно, что первая жизнь мужчины начинается в утробе женщины, а остальные, я уверен, в ее глазах.

Почувствовав, что его пришпиленная капельницей рука оказалась в ладонях Вари, он замолчал. Более всего он стыдился сейчас своей беспомощности и слабости.

– Скажу тебе сразу, – теперь уже Сергей Павлович смотрел в сторону, – я слабо представляю себе свое будущее. Это, пожалуй, во-первых. Во-вторых, я не имею никакого морального права втягивать тебя в свою неустроенную и, возможно, бесперспективную жизнь.

– В-третьих, я уже давно втянулась в твою жизнь добровольно. И ни на что при этом не рассчитывала. И сейчас менее всего рассчитываю.

– Последнее время я тешил себя надеждой, что живу ради сына. Но, как мне сейчас кажется, он прекрасно справляется без меня. То ли я уже дал все, что мог дать, и этого было совсем немного, то ли он, как и Лена, ушел от меня в другое время. А я остался там, где мы с ним собираем модели кораблей и самолетов, в обнимку, сидя на потертом диване, читаем книгу... – Кошкин вздрогнул. – Не обращай внимания. Дурацкая ипохондрия. Я иногда просыпаюсь и собственному отражению в зеркале жалуюсь на жизнь. А ведь, по сути, мне надо благодарить Бога уже хотя бы за то, что у меня в жизни была такая любовь. Жутко подумать, но есть люди, которые, по большому счету, с этим чувством не знакомы. Опять же – вопрос меры. Но теперь уже с отрицательным значением.

– Зато таким индивидуумам чаще всего удается движение по карьерной лестнице и приобретение материальных благ, – улыбнулась Варя, словно сказанное ею оправдывало существование Вари Истоминой и Сергея Кошкина.

– Это – да, – согласился Сергей Павлович.

– Только ты не подумай, что мне просто хочется выйти замуж, – вдруг совсем по-детски испугалась Варя.

– А что в этом плохого? – вскинул брови Кошкин.

– Мне не хотелось бы стать тенью Елены Андреевны Варламовой.

Кошкин театрально наморщил лоб.

– Всё, даже тень Елены Андреевны принадлежит президенту холдинговой компании и удачливому бизнесмену Владимиру Юрьевичу Рузскому. Страшно представить, что будет с тем, кто посягнет хотя бы на тень Елены Андреевны Варламовой!.. Мне же принадлежит только память.

– А я о ней и говорю, – серьезно сказала Варя.

– Наверное, в прошлом можно остановить пулю, хотя и в этом я сегодня сомневаюсь. Но остановить разочарованную женщину... Для этого, по меньшей мере, потребуется энергия, сравнимая с той, которая выбрасывается во вселенский вакуум при рождении новых звезд. А, как мы знаем, новые звезды – это взорвавшиеся старые. Я, Варя, взорваться в свое время не смог, а теперь боюсь превратиться в черную дыру.

– Может, попробовать найти двойную звезду?

* * *

Вечером, когда вдвоем с Марченко смотрели по телевизору новости, Кошкин пытался прислушаться к себе. Пытался определить: так ли сильно болит то место в сердце, где жила все эти годы Лена. Стоило подумать, и в душе тоскливо засаднило. Но теперь он воспринимал эту боль по-другому: как осколок после давнишнего ранения, удалить который хирургическим путем невозможно в связи с угрозой для жизненно важных органов. С осколком придется жить. В конце концов живут же люди.

Другое дело: Варя. Думая о ней, Сергей Павлович покусывал от тревожащей неопределенности губу. Когда-то Лена ругала его за эту глупую привычку, из-за которой на нижней губе у него всегда ютился небольшой шрам. Теперь он останавливался лишь тогда, когда начинал ощущать во рту привкус крови.

Варя... Варя... Новое чувство или взаимная тяга двух пострадавших? Двух израненных, покореженных сердец... В ней есть какой-то тихий, именно тихий, неяркий свет. И Кошкин с содроганием думал о том, что он может к нему прикоснуться. С того дня, когда он впервые увидел Варю в своей лаборатории, он заметил этот свет в ее синих, как утреннее безоблачное небо, глазах. Нет, она не потеснила Елену. Она просто прикоснулась к его душе, робко и ненавязчиво, но прикосновение осталось там ждать своего часа. Потому что всякий нормальный мужчина (если только он сознательно не выбрал путь затворничества, стезю монаха) будет до конца жизни искать свою женщину. И если обретет ее, то вместе с ней получит право на вторую жизнь. Совсем другую жизнь.

* * *

Врачебный консилиум пообещал Кошкину, что следующим утром он будет вставать. На ночь даже отключили капельную подпитку. И Сергей

Павлович, не дожидаясь благословения из ординаторской, преодолевая сильное головокружение, осторожно сел на кровати лишь только плеснули в окно мутные волны рассвета. Сел, а потом и встал на ноги. Сначала сходил в туалет, где долго и с удовольствием плескал холодную воду на заросшее щетиной бледное лицо. Вдоль стеночки и спящей на дежурном стуле медсестры прогулялся по коридору до лестницы и обратно. Когда вернулся в палату, Михаил Иванович еще лежал лицом к стене. Тихонько лег на свое место, чтобы продолжить размышления о своем незавидном бытие, но мысли путались либо неслись лавиной, не позволяя зацепиться за что-нибудь существенное и важное.

На душе стало тревожно, когда чуткий к любому звуку Марченко не проснулся на добрый, но требовательный окрик медсестры:

– Мальчики, пора вставать, принимать лекарство!

Сестра подошла к кровати Михаила Ивановича и осторожно дотронулась до его плеча, склонилась чуть ниже, переменилась в лице и сначала негромко позвала врача. Потом, выбежав в коридор, крикнула громче:

– Олег Афанасьевич!.. Олег Афанасьевич! Срочно в пятую...

Олег Афанасьевич – встревоженный и одновременно заспанный – уверенно вошел в палату, прикоснулся к шее Марченко и, по-кошкински покусывая губы, заключил:

– Уже не срочно. Часа четыре назад... Холодный совсем...

– Ой, Господи, ведь на поправку шел, – всплеснула руками сестра.

– Это старость, – успокоил ее доктор, – умереть во сне не всякому дано. Вечный двигатель еще не придумали, а уж сердце...

Кошкин, который был сейчас слаб не только телом, но и духом, беззвучно плакал, даже не пытаясь скрыть слез. Потом вдруг достал из-под подушки дистанционное управление с никчемной надписью "Toshiba".

– Доктор, а если... – начал он.

– В этом случае «если» не бывает, – отрезал Олег Афанасьевич.

Врач собственноручно перевернул тело Михаила Ивановича на спину. Увидев как никогда умиротворенное вселенским покоем лицо старика, Кошкин сунул обратно пульт управления и тяжело вздохнул. Машина времени не нужна там, где нет времени.

Михаил Иванович Марченко был до мозга костей советским человеком. Родившийся на Дону во время Гражданской войны и уничтожения казачества как класса, он так всю жизнь и прожил на войне. Потому и хоронили его по-военному, отдавая все почести, включая прощальный залп. Кошкин этого залпа не слышал, на похороны его не отпустили. Но он совершенно серьезно полагал, что в честь Марченко можно было дать залп

боевых ракет хотя бы средней или малой дальности. Не видел Кошкин и бесконечную вереницу наград на красных подушечках, и погоны генерал-майора на плечах любимого старика. При жизни Михаил Иванович стеснялся и наград, и погон, считал, что носить их должны те, кто жизни свои кладет на передовой.

Все последующие дни Кошкин жил воспоминаниями. Его первые дни в конструкторском бюро были проникнуты пристальным вниманием и ненавязчивой заботой Михаила Ивановича, который пытался увидеть в каждом своем работнике искру Божию. В Сергее Кошкине Марченко увидел ее сразу. Когда ему что-то не нравилось в работе своих подопечных, он никогда не повышал на них голоса, не распекал почем свет стоит в кругу товарищей, а если ругал, то наедине, в своем кабинете. При этом всегда начинал: «Вот в наше время...» Однажды, обращаясь ко всем, Михаил Иванович закончил свою фразу так: «В наше время продавец пивного ларька не смеялся над инженером...»

И действительно – теперь время было другим. С такими, как Марченко, уходила целая эпоха. Она еще притормозила на изгибе тысячелетий, чтобы посмотреть, в какие кюветы летят вместе с ошметками грязи ее ценности, а потом помчалась – куда кривая вынесет.

Вспомнил Кошкин, какой праздник был в КБ, когда иракцы в 91-м сбили американский «Стелс» устаревшей советской ракетой С-75. Той, что еще в 60-е потрошила «фантомы» над вьетнамскими джунглями. «Он же невидимый!» – воскликнул, узнав об этом, Буш-старший. «Но иракцы об этом ничего не знали», – ответили генералы от ВВС. Но помнил Сергей Павлович и другое: как повесили головы, когда Ельцин и Черномырдин не продали Югославии зенитно-ракетные комплексы... Вроде как и денег в стране не хватало, да дядю Сэма боялись больше, чем нищеты. Правда, сербы все же завалили «Стелс», и диалог американского президента с его генералами повторился. Эх! А были такие новинки! Даже нищий с гвоздем в руках может воевать против танка. Главное – знать, где ковырять этим гвоздем. Помнил, как Марченко, узнав, что американцы назвали РС-20 «сатаной», брезгливо возразил: «Это у них сатана, а у нас – меч империи. Меч-кладенец!» «Американцы теперь наши друзья», – напоминали генеральному сверху. Он отмахивался: «Если у меня есть друзья, они не будут крушить мой дом, тащить к себе мои запасы, лазить в моем кошельке и рыться в нижнем белье!» «Дурачье, – кивал наверх Михаил Иванович, – не понимают что Штаты подогрели Чечню умышленно, дабы повернуть стрелки мусульманского мира на нас. Прикрыть больной Россией свои жирные бока». Кого другого давно бы списали на пенсию или куда подальше, но Марченко был неприкосновенен со времен Сталина.

Тяжелое, но удивительно братское время уныло тянулось в середине девяностых. Словно чувствовали наступление и скорую победу эгоистического индивидуализма. И все равно, хоть и ходили тогда без зарплат, собирая мелочь на общую пачку чая или бутылку палевой водки, но были вместе. Так вместе, как могут быть только солдаты в окопе. А это ощущение – чувство плеча – многого стоит. Наверное, больше, чем американская мечта. Почему-то подумалось, что главным генератором этого чувства был Марченко.

Задумываясь над связью поколений, над этимологией слова «поколение» и, подобно Марченко, присматриваясь к молодежи, Кошкин находил в этом слове новый смысл. Новому поколению было пока лень... Пока. И оно оставалось покуда покалением. Покалеченным. С видимой ущербинкой в душе, раной, полученной по наследству от поколений предыдущих.

* * *

Появление Виталика несколько развеяло тяжелые думы Сергея Павловича. В том числе – и о новом поколении. Сын появился в палате через два дня после смерти Марченко. Худой и высокий, в белом свитере и голубых, с модными пепельными подпалинами, джинсах. Зато голубые глаза под коротким ежиком русых волос были чистыми и сияющими. И так легко и приятно было смотреть в них.

В качестве подарков Виталик привез отцу портативный цветной телевизор, который можно было положить во внутренний карман пиджака, и – свою невесту.

Комментируя телевизор, сказал просто:

– Чтоб не скучал.

Комментируя невесту, сказал еще проще:

– Это Элен, можно Лена.

Элен-Лена, которая оказалась француженкой, замешенной на русских эмигрантских кровях, одета была, как и Виталий, в белый свитер и джинсы. Со стороны могло показаться, что это брат и сестра – двойняшки. Различались они только по цвету глаз. У Лены они были желто-зеленого цвета. На русском языке она говорила с легким акцентом, но в данный момент предпочла больше отмалчиваться.

– Лена учится на архитектора, – пополнил личное дело невесты Виталик.

– Прекрасный выбор, – улыбнулся Кошкин.

– А как твой сопромат?

– Как и положено, сопротивляется.

– Ничего, у меня тоже сначала не шел. Это как анатомия у медиков.

– Ты извини, пап, что я сразу не прилетел, там...

– Я знаю.

– Пришлось лететь через Питер. Почему-то рейсы на Питер открыли раньше, чем на Москву. А мест навалом. Народ боится летать.

– Я тоже, – признался Сергей Павлович.

– Ты не знаешь, у Владимира Юрьевича это серьезно? Мама так переживает... – спросил и осекся Виталий, закусил по-отцовски губу.

– Серьезно. Ей надо быть с ним. Я уже в порядке. Меня Бог, кажется, простил.

– Пап, ты правда все-таки ее сделал?

– Правда. Но еще не довел до ума. И, наверное, не буду.

– На Западе ты был бы миллионером.

– Или трупом. Хотя и здесь чуть было не стал, – грустно улыбнулся Кошкин.

– Мама сказала, что ты хочешь уничтожить машину?

– Не совсем так. Но пусть это будет моей маленькой тайной. Не возражаешь?

– Нет, что ты!.. Я горжусь тобой, пап. Всегда знал, что ты гений.

– Ну ладно, ладно, не хвали. Знаешь же – не люблю. Лучше расскажи о себе. По родимой стороне скучаешь?

– Если б не Лена, скучал бы. А если честно, скучать некогда, раз за меня платят, надо брать знания. Тем более приходится учить два языка: и английский, и французский да еще с техническим уклоном.

– Китайский надо учить, – в шутку посоветовал Сергей Павлович.

– У нас математику китайцы, между прочим, дают, – серьезно заметил Виталий.

– А философию – ученик Сартра! – гордо вставила Лена.

– Экзистенциализм, – вспомнил Сергей Павлович, – так себе. – Но заметив, как удивленно вскинула на его более чем легкое отношение к мировой знаменитости Лена, добавил: – Кстати, данное учение зародилось в России. Правда, в его религиозном варианте.

Сказать-то сказал, а подумать подумал: «Ну, вторая Варламова! За идею вместо ласк всю ночь будет с мужем спорить».

– А мы, пап, в Питере, познакомились с одной кавказской парой, у них свадебное путешествие. Они уже по Волге на теплоходе прокатились. Здорово. А я собственной страны не знаю.

– Еще не поздно.

– А знаешь, как познакомились?

– Нет, конечно, – хмыкнул Кошкин.

– В тире!

– А вы-то там что делали?

– Надо было убить время до нашего рейса. И мы от нечего делать зашли в тир. А этот парень, его Алейхан, кстати, зовут, стрелял так, что собралась целая толпа. Он, наверное, все призы для своей Айзы забрал. Она стояла, улыбалась и держала в руках кучу мягких игрушек. Я уж рядом с ним винтовку в руки брать не решился.

– И ты спросил его, где он так научился стрелять, а он после этого перестал, и они оба с девушкой поторопились уйти из тира?.. – задумчиво предположил Кошкин.

– Откуда ты знаешь, пап? – удивился Виталий.

– Я, слава Богу, не видел, как он стреляет. Могу только предполагать. Так, интуиция... Ну, что было дальше? – вынырнул из видений Сергей Павлович.

– Мне показалось, что я его чем-то напугал или обидел, мы с Леной их догнали, и я предложил сходить вместе в кафе. Тем более что и у нас, и у них оказался хороший повод. Мы подали заявление в загс. В России...

– В России... Это звучит...

* * *

Обложившись тремя мобильными телефонами, Петр Верхотурцев полагал сделать с каждого из них по одному звонку, дабы обеспечить себе безопасный выезд из страны и безбедное существование на первое время. В нынешней ситуации он не мог сходить в банк, чтобы воспользоваться честными сбережениями, а нечестных, разбросанных по разным берлогам, было маловато. Эх, знал ведь, что с этим мутноглазым сосунком Ермоленко кашу не сваришь! Александр Максимович, растудыть тя! Такие, как он, только сопли по нарам умеют размазывать. В одном у них сила – страсть к деньгам ведет их в точном направлении к прибыли, как лососей на нерест. Да на крутых порогах и поджидают жирных лососей рыбачки в погонах. Сейчас, поди, сотрудничает со следствием, метет, как диктор радио по заявкам слушателей.

Взяв в руку первый телефон, Верхотурцев позвонил своему знакомому умельцу и заказал заграничный паспорт. Разумеется, имя Петра Матвеевича теперь будет звучать по-другому. Но это его нисколько не тяготило.

Деньги можно приложить к любому имени. За деньги имя можно сделать если не кристально честным, то во всяком случае респектабельным. Вторым номером по второму мобильнику набрал номер приемной Яковлева. Но ушлая секретарша обломала его в два слова: «Звоните генеральному». О как! Пришлось нарушить правила безопасности и набрать еще раз с этого же телефона.

– Девушка, ты не гони, а у генерального номер какой?

На разговор с Яковлевым особо не настраивался, решил давить как не заплатившего клиента.

Уже другая секретарша, узнав, что звонят из администрации губернатора, соединила Верхотурцева с новым генеральным конструктором.

– Слушаю, – деловито начал разговор Вадим Григорьевич, у которого была масса дел по реорганизации производства.

– Вот именно, слушай, лысый! – наехал с ходу Петр Матвеевич. – Бросишь трубку, я с тебя это... Скальп сниму!

– Кто вы и что вам нужно? – не особо испугавшись, поинтересовался Яковлев, тут же нажав кнопку записи на встроенном диктофоне.

– Тебе сто штук отвалили, а ты условия не выполнил.

– Какие сто штук? Что за бред?

– Послушай, лысый, ты своей секретарше такие вопросы оставь. Я так маракую – друзей из конторы заинтересуют твои встречи с чеченом, который по секретному предприятию разгуливал. Как насчет фотографий? Да и базар ваш на пленочку закатан.

– Ты блефуешь, – Яковлев остановил запись разговора.

– Угу, а от моего блефа у тебя счет в Промстройбанке ломится.

– Что нужно? – Владимир Григорьевич еще не придумал, как ему избавиться от нового шантажиста.

– Бабки обратно и еще два раза по столько – за моральный ущерб.

– Сразу скажу, таких денег у меня нет. Тем более – два раза по столько. У меня зарплата советского инженера.

– Ага, ты еще заплачь, что тебе детское пособие вовремя не выплачивают. Нет денег? Ты ракету чеченам продай. Или китайцам. Мне без разницы.

– Какие гарантии, что этот разговор не провокация? – опомнился вдруг Яковлев.

– Хорошо, придешь сегодня в одиннадцать на то самое место, где встречался с чеченом, но без конторских хвостов. А то я из твоей башки одним ударом жопу сделаю. Все. Время вышло, – и дал отбой.

Третий телефон Верхотурцев положил в карман джинсовой куртки. Затем подошел к зеркалу и приклеил под плоский боксерский нос русую полоску усов. Сверху взгромоздил смешные, круглолинзовые очки в металлической оправе. Ухмыльнулся. Получился битый в нос интеллигент.

Яковлев на стрелку пришел один. Это Верхотурцев перепроверил несколько раз. Он приблизился к Вадиму Григорьевичу, когда тот уже собрался уходить из сквера, и, озираясь по сторонам, оторвался от скамейки. Верхотурцев неслышно вышел из кустов со спины и сразу предупредил:

– Сядь, лысый, и сиди тихо, не поворачивайся. Короче, я тут, типа, грибы собираю, а тебе до меня дела нет.

– Мне кажется, – спокойно заговорил Яковлев, – мы должны быть союзниками...

– Мои союзники сейчас показания дают, – зло оборвал Верхотурцев. – Ты бабки гони.

– Триста тысяч долларов, это не сумма, которая может фигурировать в таком деле, – с напускным безразличием продолжал Вадим Григорьевич. – Вы же утверждаете, что у вас есть пленка с записью моего разговора с кавказцем. Там он упоминает значительно большие суммы.

Верхотурцев сверху вниз посмотрел на ненавистную, покрытую мелкими капельками пота лысину Яковлева. Допер, ведь, гад, что его на лоха берут.

– Пленки у меня нет, но фотографии – как в аптеке. Резкость, как на портретах Ленина.

– Ну и пусть они у вас будут. Кроме вас за этой беседой наблюдали офицеры ФСБ, курирующие наше предприятие.

– Так чего там у тебя за большие суммы? – Верхотурцев вынуждено ослабил хватку. Его козыри не играли.

Яковлев облегченно вздохнул. Везет ему на бандитов. Липнут, как мухи на дерьмо, да там и остаются.

– Я так понимаю, вы подручный господина Ермоленко?

– Подручный?!.. Заплечный! Да я из него в любой момент терпилу мог сделать! Команды не было.

– Ну, теперь это не столь важно. Александр Максимович хотел заполучить один прибор. Однако, как вы ее называете, контора его опередила. Правда, не совсем. Сейчас, кстати, его проверяют у психиатра. Он считает, что охотился на машину времени.

– Псих, – определил Верхотурцев.

– Вот-вот. Но у одного человека действительно есть маленький пульт, за который любая иностранная разведка заплатит огромные деньги. Такие, какие не снятся даже мечтающим ограбить центральный банк. Хоро-

шо бы его заполучить, а лучше всего, если вместе с пультом мы получим комбинацию цифр. Код. Наша с вами сделка проста. Вы приносите пульт и получаете миллион долларов.

– А не мало?

– Попробуйте продать дороже, но для этого надо знать кому, как и в конце концов что это такое. А спрятан этот пульт в обычную лентяйку от японского телевизора «Тошиба».

– Ну если ты мне тут вату по ушам катаешь...

– Не горячитесь. – Яковлев выдержал паузу. Затем достал из внутреннего кармана свернутый вчетверо листок формата А4. – Так вот, сейчас я встану и уйду. Как вы и просили, не оборачиваясь. А на скамейке останется этот листок. Это ксерокопия из личного дела инженера, который завтра выписывается из больницы. Пульт у него. Добудете пульт, позвоните. Номер вы теперь знаете. Представитесь...

– Петром Модестовичем, – хмуро подсказал Верхотурцев, которому хотелось оставить себе хотя бы часть своего имени.

– Оригинально, – согласился Вадим Григорьевич. – Тут же в листке пятьсот долларов на возможные расходы.

– Ты, дядя, будто каждый день в такие игры играешь, – покачал головой собственной покладистости Верхотурцев. – Лихо ты мне тут наплел. Но помни, если за лоха меня держишь, я тебя с любой Лубянки достану.

– Знаю, что таких, как вы, лучше не обманывать, – очень серьезно согласился Вадим Григорьевич, подымаясь со скамейки.

Собой он был крайне доволен. В нем кипела своеобразная эйфория побед. Двух отморозков он поимел по полной программе за их деньги. Третий напрашивался сам. Фээсбэшники все же спросили про машину времени, но увидев выражение лица заместителя генерального конструктора, только поухмылялись. Мол, и сами понимаем, крышу сорвало у господина Ермоленко. Но чем он здесь интересовался? Ах, системой наведения ракет предупредительно залпа. Секретные разработки? А вы знаете, что данный фрукт еще в Чечне предал своих товарищей? Что вы говорите?..

Умер Марченко, а Кошкин проминал больничную койку. Карьерная лестница была свободна. Впереди никто не маячил, в спину никто не дышал. Фарт да и только! Но чистого фарта не бывает, головой думать надо. В том числе лысой!

* * *

Многие люди, покидая места, где им пришлось перенести страдания, мучения, терпеть невзгоды, испытывают при этом не только радость, но и

чувство непонятного им самим сожаления. Казалось бы, человек возвращается в привычный ему, по-своему комфортный, уютный мир, но нет, еще и еще раз оглядывается на узилище или больничную палату. Что-то еще осталось там, кроме печальных дней, кроме, собственно, времени? Приходилось слышать от ветеранов, побывавших в плену, в фашистских концлагерях, что возвращаясь туда через десятки лет, когда там были сооружены мемориалы, они ехали не только почтить память погибших товарищей, но и почувствовать еще раз то, что в обыденной жизни не уловить, не вырвать из суетливой вереницы мгновений. Но один из них сказал: «Это чувство очищения». Действительно, наверное, все просто: страдания очищают, перепахивают душу, и она становится благодатной почвой для Божьего Слова, а духу человеческому придают силу. И уходя из смрадных, пропитанных смертью бараков, они одновременно покидали место своего духовного восхождения. Ежедневное ожидание смерти и боль трансформировались здесь в любовь и сострадание. И это не парадокс, а освященный голгофскими страданиями Спасителя путь. С той разницей, что у Него он был в одну сторону – в небо, в вечную жизнь.

Сергей Павлович все вышеизложенное не подумал, а едва уловил в проскользнувшей, как искра, мысли, когда спускался в фойе городской больницы.

Внизу его встречали Дорохов, Китаев и Варя. Мариловну опять не взяли, потому как экономили место в дороховском «жигуленке». На последнем пролете, увидев друзей и Варю, Кошкин остановился. Именно так он представлял себе эту встречу все последние дни. И не представлял даже, но точно угадывал. А сейчас настолько вдруг поражен совпадением, что показалось: когда-то это уже было. Именно так – в мельчайших подробностях: Данилыч и Толик широко улыбаются, а Варя стоит чуть в стороне и смущенно отводит глаза. Всё! Этот момент, как жирная точка на общем течении времени. От нее начинается новый отсчет. И почему говорят, как в воду глядел? Что можно увидеть в воде? Ведь нельзя войти в одну и ту же реку два раза. И даже с помощью дистанционного управления, что оттягивает карман Сергея Павловича, тоже нельзя. Это он уже попробовал.

Вспомнилось, как однажды, во времена бесшабашной юности, остановился в пестрой толпе окруживших его цыганок, наперебой обещавших ему богатство и счастье. Они рвали его ладони на части, одновременно скользкими движениями оценивая его карманы, и каждая дополняла скорострельное предсказание предыдущей объемными, но размытыми под-

робностями и прицепным вагоном прилагательных и эпитетов. В итоге Сергей Кошкин остался без последнего червонца и обеда, зато с чувством, что он полный болван. Червонец красным юрким флажком уплыл по рукам, цыганки галдели в стороне, обрабатывая следующую жертву, а он еще стоял, как завороженный (хотя предлог можно и отбросить), и пытался уразуметь, что же заставило его сознательно и так неотвратимо позволить себя одурачить. И подумалось вдруг, что десять рублей, если и не плата за счастливое будущее, то хотя бы за его обещание. Одна из цыганок вернулась к нему и заглянула в помутневшие от досады и раздумий глаза. Сверкнула золотым оскалом да адской искрой в темном зрачке: «Чего стоишь?! Не жалей деньги! Деньги – это тьфу!..» «Поэтому они вам нужнее», – не выходя из штопора, куда-то в небо ответил Кошкин. Цыганка вдруг нахмурилась, тряхнула седой пядью волос посередь лба, и жутковатым тоном прорицательницы определила: «А тебе зачем деньги? У тебя их никогда не будет. У тебя глаза для этого умные слишком. Ты вообще не отсюда, сам себя ищешь. Зачем ищешь? Я вчера мужчину видела, на тебя похож, совсем ты, только старее, с сединой уже, а с ним – молодая совсем. Вот он – правильно ищет. Женщину ищи...» – хитро зыркнула напоследок да исчезла в той же яркоюбочной толпе. Ну прямо «шерше ля фам»! И только сейчас, глядя на Варю, понял: цыганка видела его – Сергея Павловича Кошкина...

– И как вы оба покинули пост? Или третий дежурит? – вместо приветствия спросил у Дорохова и Китаева Кошкин.

– Да нет, – обнял Сергея Павловича майор, – мы уж три дня как безработные. Уволены за нарушение пропускного режима.

– Из-за Рузского?

– Из-за него, милого, но он нам и работу обещает. Будем чуть ли не личными телохранителями у Елены Андреевны. Сам-то он без Грума ни шагу.

– Весело, – слил иронию в одно слово Сергей Павлович.

– Да плевать, прорвемся, герои нужны везде, – резюмировал Китаев.

– Здравствуй, Варенька, – нерешительно подошел к девушке Кошкин.

Варя ответила ему только глазами: да, я здесь, что же дальше? А он и сам не знал, что дальше. Поэтому стояли некоторое время молча, смотрели друг на друга внимательно, словно пытались разгадать будущее. Дорохов и Китаев предупредительно отстранились. Из оцепенения их вывел достопамятный Олег Афанасьевич, что торопился куда-то, но нашел секунду притормозить рядом с онемевшей парой:

– Что? Выписались? Ну всего вам...

– И вам, доктор.

– Поедем? – воспользовался пробуждением Василий Данилович. – Мы там у тебя дома немного похозяйничали. А Варя с Мариловной такой стол сварганили, что можно и свадьбу отгрохать. Моя бабушка говорила, хороший праздник под столом кончается. Виталик со своей Леной туда же приедет. Слушай, Палыч, они прямо, как брат с сестрой. Так что у тебя теперь и сынок, и дочка...

– Аж с французской родословной, – вставил Китаев.

– Да, поехали, – Сергей Павлович все еще был где-то в другом мире.

Уже в машине Дорохов продолжил разговор. Попытался вроде начать издалека:

– Ты, Сергей, только не волнуйся. Мы еще не такие сражения выигрывали, – многозначительно кивнул на сидевшего рядом на переднем сидении Китаева.

– Еще что-то? Генератор? – с ходу догадался Кошкин.

– Угу, Яковлев твой генератор арестовал, а лабораторию, разумеется, опечатал.

– Может, и меня уже уволил?

– Не имеет права, трудовой кодекс надо чтить, как говорила моя бабушка.

– А я думал Остап Бендер, – поправил Китаев.

– Остап Бендер чтил уголовный, – внес ясность Сергей Павлович. – Но с моим генератором у Яковлева ничего не выйдет. Даже если он лучших программистов и математиков привлечет, код они взломают недели через две, не раньше. А за это время революцию в отдельно взятой стране можно организовать.

– Ты что-то задумал? – насторожился Дорохов.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Кошкин.

Застолье сопровождалось не только краткими армейскими тостами, но и длинными причитаниями Мариловны, которая пыталась накормить Сергея Павловича с такой инициативой, словно он только что вернулся из концлагеря. Пришлось выслушать две длиннющие, унизанные подробностями истории про голод сорок седьмого года. А также рецепт супа из крапивы, включая его полезные свойства для человеческого организма. Мариловну слушали вполуха, иногда бесцеремонно перебивая торопливую речь старушки созревшими тостами и фразами «из другой оперы». Та не обижалась и, главное, поглядывала в тарелку Кошкина, обеспечивая

ее постоянное наполнение разнокалиберными закусками. То грибочками, что сама осенью собирала, то отбивными, что Варя утром делала (а мягкие какие!), то картошечкой рассыпчатой (Дорохова специально в погреб гоняла), то селедочкой под шубой (в нашем гастрономе, хоть и маркетом теперь называется, селедка еще со хрущевских времен такая вкусная-жирная, да и свеколка к ней ого-го-го, вот только майонез не для холостяков: «моя семья» и прицельный взгляд на тихую Варю), то зеленым салатом «Бабушкина грядка»...

Пробившись через эти многочисленные «то», Варя нашла повод юркнуть на кухню: заварить чай.

– Опять же с травками, чтобы поправлялся быстрее, – сопроводила неуемная Мариловна. – Там я в железную банку из-под импортного высыпала!

– Хорошо, баб Маш.

Через пару минут Кошкин тоже нашел предлог уйти на кухню, где застал Варю.

Чайник уже пыхтел. Она стояла у окна, но смотрела, похоже, не наружу, а внутрь. В себя. Было в этом ее оцепенении тихое очарование, что натягивает до предела нужную струну в мужском сердце. А у Сергея Павловича эта струна взвилась высокой нотой и лопнула. Он чуть не охнул от непонятной боли в груди.

– Варя, выйдешь за меня замуж? – спросил тихо и закусил по привычке от волнения губу.

– Выйду, – ответила так, словно решение было принято миллион лет назад, а сам вопрос Кошкина будто бы ничего и не значил. И не обязателен он был. Пуст по своему содержанию. И тогда, как водится у мужских особей, которые через отрицательные свои стороны умеют набивать себе цену, Сергей Павлович проронил:

– Но я ничего не смогу дать тебе!

– Мне ничего и не нужно.

И тихий ответ Вари опрокинул, оборвал на полуслове и без того израненное сердце Кошкина. Он вдруг без машины времени увидел близкое и возможное будущее. Нет, она никогда не заменит Лену Варламову с ее сокрушительным шармом и лилейно взращенным самолюбием. С ее богемным полетом (оттого ли часто просила – погладь меня между лопаток – крылья пробиваются?). И не будет у них с Варей по ночам сумасшедшей, почти неконтролируемой страсти, но будет другая – спокойная и нежная, какая только и может быть у двух обгорелых сердец, боящихся причинить

друг другу боль неловким, резким прикосновением. И не огонь это будет, но и не тление, а нечто другое, которое сподручнее из-за недостатка слов назвать свечением. И тихая эта нежность много стоит, потому как способна длиться, перетекая в вечность, туда, где сливаются в общий поток человеческие души.

Там, где продолжается пасмурный вечер, где можно подойти к стоящей у окна супруге (а за стеклом неровными пунктирами срывается с низкого осеннего неба бесконечный дождь) обнять ее за плечи и почувствовать, как сливаются ваши души. Как звучат на одной ноте! Как идут в одном ритме сердца. И безбрежная нудная сырость отступит, просто потеряет свое значение, как, в сущности, и весь окружающий мир. Где-то в космосе, как и полагается, пересекутся две прямые, и не пересекутся даже, а сольются в одну, похожую на луч, и пролетающие мимо ангелы будут любоваться ею.

А еще будет вечер, когда Варя положит свои ласковые руки на усталую голову Сергея. И прикосновение это будет сродни исцеляющему наложению рук. В нем сконцентрируется больше слов и многозначительных пауз, чем в мировой антологии любовной лирики. В нем – кульминация взаимопонимания. И будет безмятежно и покойно... Им обоим.

* * *

Утром следующего дня Кошкина разбудил телефон. Незнакомый хрипловатый голос с хорошо поставленной тональной наглостью осведомился:

– Спишь, болезный?

– Кто говорит? – безразлично спросил Кошкин.

– Твой здипец!

– Не оригинально...

– Зато правда! Короче, мне тут с тобой знакомиться некогда, базар по делу. Тебе здоровье надо?

– Кто говорит? – снова спросил Кошкин.

– Да не липни ты! Слушай что тебе говорят, олень долбанный! У тебя есть пульт, он мне очень нужен. Я у тебя его заберу у живого или мертвого. Поэтому выбирай. Если у живого, значит, я тебе даже бабла подкину...

– Бабла?..

– Ну да, бабок. Понял?

– Не очень.

– Ну ты думай, короче, вечером будь готов. Я тебя сам найду. Хорошо подумай. Нет такой штуки, будь она хоть гора золота, ради которой стоит сдохнуть в канаве или быть закатанным в асфальт. Сечешь?

– Секу.

– Думай... Да береги своих близких, если они у тебя есть.

Почему-то подумалось в первую очередь о Виталике.

Бросив трубку на рычаги, Сергей Павлович пошел умываться, но выражение недоумения с лица смыть не удалось. И сбрить тоже. Чуть не порезался. Нет, не мог он сказать себе, что хрипловатый голос его не напугал. Получалось, история с машиной времени в этом самом времени набирает слишком опасные обороты. Следовало немедленно позвонить Дорохову и элементарно подстраховаться. Но для начала Кошкин решил посетить Яковлева.

Покинув ванную, он вдруг поразился новому запаху, который ворвался в его холостяцкое жилье. Это был жгучий, зовущий аромат только что сваренного кофе. А поверх него уже подкрадывался, набирал силу, срываясь с шипящей сковороды, золотистый дух аппетитных гренок. Войдя на кухню, он ошарашено плюхнулся на табурет и как зачарованный стал смотреть на суетящуюся у плиты Варю. Телефонный звонок какого-то дебила чуть не вытолкнул из тела и души Кошкина одну из лучших ночей в его жизни, чуть не омрачил доброе утро.

И он произнес это утро вслух, и получил ответ вместе с поцелуем в гладко выбритую щеку. Потянулся к Вариным губам, но только услышал в ответ:

– Я тоже хочу почистить зубы.

И такая в этих словах была сермяжная обыденность, будто они жили вместе уже триста лет и еще три года, что захотелось просто плыть по течению, наслаждаясь уютом и покоем.

Еще вчера унылого вида квартира вдруг стала обретать новые черты – в сущности пока только одну, самую главную, в ней появился смысл человеческого бытия. Пусть мирского, ведущего отсчет еще от прародительского грехопадения, но едва ли не самого насущного, без которого – либо в монастырь, либо... А об этом лучше и не думать. Да и не думается в такое утро.

И хрупкая Варина фигура, облаченная в синюю махровость старого кошкинского халата (и где успела найти?) вдруг стала центром маленькой Вселенной, которую еще вчера можно было считать черной дырой.

Сергей Павлович закрыл глаза, чтобы вновь погрузиться в темноту прожитой ночи, и внутренне содрогнулся от понимания, к какой красоте он прикоснулся. А еще предстояло понять, какая душа дотянулась до его сердца.

Тем не менее все стало однозначно и просто. Как и должно быть в нормальной человеческой жизни. И можно ложиться в дрейф, плыть по течению. Но несла Сергея Павловича теперь совсем другая река.

* * *

Говорят, что власть и деньги портят людей. Портят, конечно, если они от сохи. Что называется, дорвались. К власти надо идти. К ней надо быть готовым. Власть – это такой же инструмент, как любой другой, который в неумелых руках, как хирургический скальпель, может неосторожно скользнуть по аорте... Вадим Григорьевич готовился к ней всю жизнь. Более того, полагал, что и так уже задержался на вторых ролях. Уж слишком долго сыпался песок из старика Марченко, не одни песочные часы заправить можно. Дал же Бог человеку здоровья! Точно подмечено: скрипучее дерево живет долго.

Первым делом Вадим Григорьевич, невзирая на косые взгляды своих подчиненных, провел генеральную уборку в кабинете генерального. Все, что могло напомнить о старике, перекочевало либо в подсобки, либо на свалку. Зато выстроилась манящим удобством свежая модерновая мебель, а дорогущее кожаное кресло само по себе – даже пустотой своей услужливо изогнутой – являло символ власти и стабильности. Да и стол, возле которого вращалось это кресло, подставив свою массивную дубовую спину под престижные письменные принадлежности английской фирмы «Эскалибурн», всем своим глянцем вещал: мы тут главные! По мне кулаком, по вам приказом!

От старого хозяина остался только знаменитый телефон с гербом СССР – «вертушка». К нему Яковлев отнесся суеверно. Пусть стоит, может, и Вадиму Григорьевичу сидеть в этом кресле тридцать лет и еще три года, если, конечно, не поднимут выше... Голова его, между тем, ломилась от планов и предстоящих свершений. Первым приказом Яковлев увековечил память Марченко, назвав его именем изделие номер сто сорок восемь, что гарантировало потенциальным врагам России перспективу получения «привета от Марченко» в особо точном ре-

жиме. В соответствии со вторым приказом все работники получили премию, обеспечившую, как ныне принято говорить, небывалое повышение рейтинга нового руководства. «А вот Кошкин бы не догадался!» – подумал Вадим Григорьевич и (свят, свят, свят!) увидел на пороге своего кабинета изрядно похудевшего и бледного Сергея Павловича.

– О, проходите, дорогой мой ведущий инженер! – при этом произнеся «дорогой мой», Яковлев невольно акцентировал на слове «мой».

– Здравствуйте, Вадим Григорьевич!

– Здравствуйте, здравствуйте! С выздоровлением вас, Сергей Павлович. Когда приступите к работе? Президент уже лично звонил, интересовался новым проектом.

– Хм... Вам виднее, когда я приступлю. Для начала хотелось бы узнать – за какими железными засовами находится сейчас генератор.

– Ой, только не драматизируйте, Сергей Павлович! Вы же понимаете, такой уникальный прибор не может просто так стоять на столе! Я велел закрыть его в моей личной секретке. Так что – не переживайте. Он даже не пылится, в целости и сохранности ждет вас.

– Меня?.. – Кошкин сверкнул глазами так, что Яковлеву стало не по себе. – Что-то слишком многие интересуются ныне сверхсекретным проектом.

– На что вы намекаете? – почти взвыл Вадим Григорьевич.

– Ни на что. Но хочу вас предупредить. У вас там много в вашей личной секретке ценного имущества?

– А что?

– Если в течение двадцати четырех часов я не получу доступа к генератору, он самоликвидируется. Силу взрыва желаете знать в тротиловом эквиваленте или мегатоннах?

Яковлев был более чем озадачен. Он даже повторил Кошкина и закусил нижнюю губу. Но быстро собрался, провел рекогносцировку и понес дальше.

– Да что вы, Сергей Павлович! Никто не претендует на ваше изобретение! Хотите – хоть сейчас начнем работу над патентом! Я просто взял эту работу под личный патронаж.

– Спасибо, – процедил Кошкин, – а сейчас, будьте добры, поставьте его на место. Если вам так хочется его сберечь, назначьте дополнительную охрану у дверей лаборатории. Можете даже посадить автоматчика прямо перед ним.

– Об этом обязательно подумаю. Не волнуйтесь, генератор через полчаса будет на вашем столе. Но будьте, пожалуйста, внимательны, с

вами, кстати, будут разговаривать товарищи из ФСБ. Да! И подготовьте в кратчайшие сроки отчет о проделанной работе в направлении создания ракет предупредительного залпа. Это просьба президента. Пока что еще просьба...

– Непременно, – облегченно вздохнул Кошкин, картинно откланялся и направился к двери. Уже на пороге остановился и повернулся к хозяину кабинета с неожиданно счастливым выражением лица: – Да! Поздравляю вас с назначением Вадим Григорьевич!

– Вы это серьезно? – приложил платок к лысине Яковлев.

– Абсолютно и чистосердечно. Во времена бурного экономического реформирования и создания партии нового типа лучшего руководителя и придумать нельзя.

Сказал без малейшей иронии в голосе и оставил Вадима Григорьевича переваривать: то ли его похвалили, то ли слишком хитроумно назвали дураком и карьеристом. Но, так или иначе, генератор через полчаса снова возвышался на рабочем столе Кошкина.

Яковлев пришел лично засвидетельствовать торжество справедливости. Он застал Сергея Павловича в раздумьях. При этом на лице инженера висела потусторонняя улыбка.

– Ну вот... – начал, было, Вадим Григорьевич.

– Ну вот, – поддержал Кошкин, нажал какую-то кнопку на известном уже пульте, в воздухе запахло озоном и генератор исчез. – Можете доложить президенту, что проект упреждающего ракетного удара оказался на сегодняшний день бесперспективным. Во всяком случае, пока он сам не сформулирует четкую оборонную доктрину, а не ту, которую ему диктуют из-за океана да из Лондона. Это, между прочим, не мои слова, а покойного Михаила Ивановича.

– Н... но... М-м-м! – тщетно пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица, Яковлев только демонстрировал свою растерянность. – Сергей Павлович, вы же сейчас ставите крест на своей карьере!

– А у меня ее никогда не было! Я жену из-за этого потерял. Красивую и умную! Теперь не хочу потерять вторую. А крест у меня и так есть, и я буду его нести, покуда хватит сил. Мне, кстати, предложили место в университете.

– О! Я вовсе не ставлю вопрос о вашем увольнении! Вы очень ценный специалист... Левша двадцать первого века!

– Вопрос о своем увольнении ставлю я. Мне тут по ночам и поболтать теперь не с кем.

– Хорошо подумайте, – примирительно попросил Вадим Григорьевич.

– Хо-ро-шо подумаю, – по слогам разложил акцент на слово «хорошо» Кошкин.

– Вы до какого на больничном? – будто и не было предыдущего разговора.

– Да я по жизни больной, Вадим Григорьевич, – подмигнул Кошкин, как будто похвастался долгосрочным освобождением от уроков физкультуры в школе.

– Ну вы, если надо, больничный пролонгируйте...

– Как? Пролонг... Чего? Есть же великий русский язык, Вадим Григорьевич! Это же так просто: продлите! Про-дли-те... Вы никогда не думали, что я могу сделать его бесконечным?

* * *

В аллее у подъезда своего дома Кошкин буквально напоролся на мощный кулак. И тут же услышал знакомый голос с наглой хрипотцой:

– Притормози!

Инженер от неожиданности оторопел и, прежде чем на его голову обрушился страшный удар, успел шевельнуть мыслью: до чего ж много подонков ныне развелось! Додумывать пришлось, падая, но та же тренированная рука быстро вернула Сергея Павловича в вертикальное положение, сдавив его горло воротом рубахи. Сокрушительная сила удара лишила Кошкина всякой воли к сопротивлению. Находясь в состоянии, которое боксеры называют «грогги», он одновременно слушал наседавший хриплый голос и судорожно пытался сообразить, каким образом он мог бы нанести хоть какие-то увечья своему неожиданному сопернику.

– Пульт! Врубаешься? Пульт. Чем быстрее, тем меньше мучений.

– Можно было и не махать кулаками, забирай... – Кошкин достал из кармана дистанционник с надписью «Toshiba».

Верхотурцев ослабил хватку на вороте сорочки Сергея Павловича, и тот получил элементарную возможность дышать полной грудью.

– Вроде сходится, – прищурился на прибор Петр Матвеевич.

– Он родимый, – сплюнул кровавую пену инженер.

– Ежели что не так, я тебя из любой секретной лаборатории выну и пошинкую.

– Одно непонятно, на хрена попу гармонь?

Верхотурцев ни иронии, ни вопроса не понял. «Опять придется новый пульт к телевизору покупать», – раздраженно подумал Кошкин. Еще ему очень захотелось саданут своему мучителю коленом между ног, но на всякий случай Сергей Павлович сдержался. Разумнее было предполагать, что, разогнувшись, господин Верхотурцев превратит скромного инженера в отбивную. Но хотелось очень...

Видимо, желание Кошкина было услышано. Некто, не уступающий габаритами Петру Матвеевичу, толкнул его со значительной силой в плечо, отчего тот временно оставил Кошкина в покое.

– Какого лешего тебе от моего лучшего друга надо?

Конвульсивно сработала память, вытолкнув на поверхность теплую майскую ночь у подъезда, шумное обилие зеленых фуражек, пустых и полных бутылок. И хрустящие маринованные огурчики.

– Гриша! Корин! – признал спасителя Сергей Павлович.

– Яволь, май френд! – расплылся в широкой улыбке Гриша, но тут же получил от Верхотурцева прямой удар в челюсть. Плюхнувшись на основную точку опоры, он озадаченно посмотрел наверх, но в состояние «грогги» в отличие от Кошкина не впал. Зато нападавшего он мгновенно опознал по удару.

– Петя! Какого лешего?.. Мы же не на ринге!

– Бля! – ругнулся Верхотурцев. – Земля круглее, чем я думал.

– А то! Пепел Джордано Бруно заровнял все ямки и выпуклости! Какого хрена ты лупишь моего друга Серегу?

– Друга? – Верхотурцев отступил на шаг, с ухмылкой глянул на пульт в левой руке, зло подмигнул Кошкину. – Да тоже по дружбе! – потом обратился к Корину, который напрасно ждал, что бывший напарник по спаррингу подаст ему руку. – Вот что, Гриша. Повезло сегодня нашему другу. Но у меня к тебе большая просьба, ты меня не видел! А лучше всего, если ты меня не знаешь, – и для вящей убедительности напоследок толкнул Кошкина в грудь.

– Не понял? – вскинул брови Гриша.

Но ответом ему хлопнула дверца иномарки, и взревел мотор.

– Он у тебя забрал что-то? – Корин неторопливо поднялся на ноги.

– Да так... Мелочь... Дистанционный пульт от телевизора.

– Зачем он ему?

– Наверное, у него дома такой же телевизор, как у меня, а пульт вышел

из строя. Мне, к примеру, нравится марка “Toshiba”. Баланс цветов гармоничный, – с блуждающей улыбкой на лице ответил Кошкин и вдруг захохотал. Корин посмотрел на него, как на юродивого, но потом заразился и тоже стал покатываться.

Из кошкинского подъезда выскочили Дорохов и Китаев. Дорохов, оценив ситуацию, сначала плюнул в сердцах, но потом тоже стал улыбаться.

– Во, блин, подстраховали!

– А моя бабушка говорила у семи нянек, – опередил со своей бабушкой Китаев, но поглядев на Кошкина, перефразировал, – с подбитым глазом!

– Надо бы позвонить, куда следует, – стал серьезнее Дорохов.

Корин протянул ему свой мобильник.

* * *

Есть точки, где пересекаются время, пространство, а главное – человеческие судьбы. Хаотичная траектория движения субъекта по жизни так или иначе выбросит его в эту точку, избежать которой практически невозможно, особенно если субъект о ней даже не подозревает. Такова сермяжная диалектика фатального стечения обстоятельств. Образно говоря, индивидуум находится в клубке неслучайных случайностей, посылов, закономерностей, причинно-следственных связей, ему мнится, что он участвует в написании своего жизненного цикла, а Некто сверху, Кому виден этот клубок насквозь со всеми его узлами и разрывами, пронзает этот путаный шар по Своему Промыслу этакой вязальной спицей, нанизывая на одну прямую и субъекты, и объекты, и сопутствующие им обстоятельства. И как ни уворачивайся от острия этой спицы, она рано или поздно настигнет тебя да еще и врасплох.

Юлия Михайловна Бирман, дочь покойного адвоката Михаила Марковича, после похорон отца находилась в полной растерянности. Свою судьбу она делать не умела и не хотела, эту нелегкую работу выполнял за нее отец, в руках которого находились бесчисленные связи с сильными и не очень сильными мира сего, от решения которых зависело строительство и разрушение карьерных лестниц либо, скажем, установка локомотивов истории на запасные пути. Юля бродила по городу с отсутствующим выражением лица, нехотя оформляла документы на оказавшееся солидным наследство и делала это лишь потому, что подталкивали коллеги покойного родителя, которые на поверку оказались все у него в долгу. Прагматизм

был для них превыше всего, в том числе – смерти. Какие-то люди с ярко выраженными криминальными повадками и суровыми лицами посещали ее дом, таскали на порог коробки с деликатесами и всяческой бытовой техникой, точно вороватые интенданты в блокадном Ленинграде. Они же организовывали поминки по высшему разряду. Но все это происходило не по, а помимо воли Юлии Михайловны. Связи в верхах также продолжали работать сами по себе. Количество соболезнований натерло мозоли в обоих ушах, а милицейские чины с большими звездами на погонах грозили самыми страшными карами в самые кратчайшие сроки хладнокровному убийце ее отца. Телевизионные проныры уже сыпали версиями собственного сочинения, городскими слухами, а один умудрился снять документальный фильм-расследование. Разумеется, Михаилу Марковичу подспудно да с эзоповыми вывертами вешали связи с криминальным миром. Но вся эта чушь летела мима Юлиных ушей.

Тысячи ниточек, стекавшихся в руки отца, еще дергались, словно получили импульс от его предсмертной агонии, но девушка знала наверняка, что уже через пару недель они будут порваны. Потянув за них, не найдешь ничего, кроме пустоты или, в лучшем случае, показной отстраненности. Потому и не цеплялась за всю эту суету. Знала, что все закончится помпезным мраморным памятником и завываниями раввина. Потом будет одиночество да пара-тройка верных отцовских друзей, периодически подкидывающих деньги и халтуру. Хотя нет. На сороковины некто кавказской внешности принес Юле конверт, в котором были фотографии трупа, который, следовало понимать, и есть уже наказанный преступник. Ничего, кроме отвращения, Юлия Михайловна, мельком глянув на снимки, не испытала.

Отцу действительно отгрохали помпезный памятник, коих удосуживались в прежние времена герои революции. Этакий порыв с трибуны с протянутой рукой. Почему-то вдруг вспомнилось, что первый памятник революционеры поставили Иуде Искариоту. Показательно... А вот папа в камне был почему-то похож на Карла Маркса. И цветов на черных мраморных плитах было море, будто свадьба, а не похороны. Или даже годовщина революции...

В один из бесконечных летних дней, когда солнце только делает вид, что заходит, Юлия неспешным шагом двигалась в сторону дома своего нового возлюбленного. Последний раз они виделись на кладбище, где ее тошнило от сладковатого запаха смерти, и она едва сдерживала горловые конвульсии, которые вся траурная процессия принимала за сдавленные

рыдания. Пришлось старательно имитировать поцелуй в перетянутый бинтами лоб покойного папеньки, чтобы потом уткнуться в платок обильно залитый духами «Мекс». И зачем потом вся толпа считала своим долгом подергать ее за руку, потрогать за плечи, утереть ей слезу? Они же бросали этими ладонями могильную землю! Юлия, как выяснилось, не выносила любого прикосновения всего, что связано с переходом в мир иной. Поэтому после похорон в отношениях с бой-френдом взяла тайм-аут. Теперь же одиночество толкнуло ее к скрипучему дивану в его квартире. Как ни странно, но скрип старых пружин заводил, жутко возбуждал ее. Эротические фантазии уносили ее на качели.

Но сегодня она шла упасть на этот диван, чтобы выплакаться милому в жилетку, рассказать ему о потерянном смысле жизни. Те ценности, о которых всю жизнь ей талдычил отец, вдруг растаяли и перестали, собственно, быть ценностями. Всё, ради чего он жил, вместе с ним превращалось в тлен. Он не взял с собой ничего!

За все эти похоронно-поминальные, тянущиеся, как нудный некролог, дни был только один светлый момент. Пришел молодой, деревенского вида человек и подарил ей коробку мороженого. Объясняя поступок он был краток, как новый президент. «Здравствуйте. Я прочитал в газетах. Соболезную. Ваш папа спас меня от тюрьмы. Я украл коробку мороженого, и меня хотели посадить по полной программе. Мне было шестнадцать лет. Из-за того, что рядом со мной был четырнадцатилетний, нам шили организованную преступность. Ваш отец смог нас отстоять. В память о нем я принес вам это мороженое. Его я купил на свои деньги». И пока Юля обдумывала сюжет этой нехитрой истории, поставил коробку на паркет и был таков. Но светлое чувство настоящей благодарности осталось... Потом она долго, до бесчувствия в горле ела мороженое и умиленно плакала, глядя на портрет отца, перечеркнутый траурной лентой.

Спустя несколько дней, когда почувствовала, что удалось смыть с себя пятна кладбищенских прикосновений, Юля направилась к любимому. Он, в отличие от всех окружавших ее в эти дни, был искренен. Всегда. И даже, с точки зрения затертой нравственности, чересчур. Во всяком случае говорил честно, что любит ее не за миндальные глаза (как папа), а за длинные смуглые ноги, которые она умеет раскидывать с таким беспрецедентным шармом. И эти откровения не казались Юле замешенными на пошлости и цинизме. В сущности, ей было без разницы, за что он ее любит. С ним было легко, просто и честно.

Одна беда – жил он на другом конце города, а общественного транс-

порта Юля (в отличие от отца) не переносила. Поэтому приходилось либо раскатывать на такси, либо идти около часа пешком, как сейчас. За время прогулки она предполагала написать сценарий театрализованного плача и ожидаемого в связи с этим отклика публики в единственном экземпляре. Плакать хотелось уже сейчас.

Какое-то время она не реагировала на окружающий мир, который обтекал ее то говорливой толпой, то унылой обшарпанностью производственных зданий, то даже подталкивал задумчивую неосторожным мужским плечом, то чуть не наехал на зазевавшуюся, шагнувшую на запрещающий глаз светофора. Последнее все же заставило Юлию внимательнее следить за автотранспортом. В том числе за тем, что ютился на стоянках или был припаркован к офисам и магазинам. Вдруг поедет! А красная «Лада»-восьмерка вообще стала для нее своеобразным маяком. Машина стояла у кафе «Тещины блины», за которым находился невзрачный пятиэтажный дом ее друга. Рядом с машиной нервно расхаживал такой же, как она, отсутствующий в этом мире человек. По мере приближения он превращался в средних лет мужчину восточного типа. И Юля готова была дать на отсечение накладные ногти, дабы доказать любому, что от него за версту несет смертью. Что-что – а запах и вкус смерти она теперь освоила, как спаниель – дичь. Жаль, что она не научилась читать по запаху имена, а заодно и досье. Но и данного в данный момент было достаточно, чтобы, с одной стороны, постараться обойти смертоносного человека по огибающей траектории, а с другой – не спускать с него прищуренных глаз. Мало ли что?

На всякий случай она ввела в поле своего зрения еще один персонаж. Скучавшего у входа на оборонный завод собровца. Он курил на крыльце КПП и всем своим видом гарантировал соблюдение порядка и законности. Прямо к крыльцу, подняв веер пыли, подкатила иномарка. А с крыльца спустился и сел на переднее сиденье лысый, очень похожий на Хрущева человек.

Между тем умный и придирчивый взгляд Юлии выделил и странно игравший блик в кустах на окраине завода. Будь она специалистом, то сразу определила бы прицел снайперской винтовки, направленный в сторону человека по имени Бекхан.

В это время в кафе «Тещины блины» скромно, но весело шла свадьба инженера Сергея Павловича Кошкина и студентки университета Вари Истоминой. На свадьбе присутствовали несколько коллег, Виталик с Леной, Дорохов и Китаев с семьями, неугомонная Мариловна и Гриша Корин. Не смогла прилететь из Германии только чета Рузских. Владимир Юрьевич

проходил курс химиотерапии. Но менеджеры холдинговой компании подогнали на стоянку рядом с кафе новенький «Nissan-terrano» (на что Кошкин обиженно замахал руками, мол, крутые подарки для крутых) и вместе с ключами от него вручили молодоженам два мобильных телефона, которые тут же дуэтом разразились оркестровой полифонией, и чета Рузских поздравила чету Кошкиных.

Бекхан открыл багажное отделение, чтобы еще раз убедиться – с контактами на заряде все в порядке... Времени, чтобы уйти, оставалось немного.

* * *

Когда отстреляли в очередь тосты и поздравления, а от криков «горько!» (в основном инициатива Дорохова, Китаева и рано захмелевшей Мариловны) действительно горчило на губах, умиленная официантка Нина тихо утирала слезы, а Сергей Павлович нежно шепнул Варе:

– Теперь мой подарок. Он необычный. Ничего не бойся, – в руках у него появился тот самый пульт. – Друзья! – обратился он ко всей компании. – Мы с Варей ненадолго исчезнем, можно?

– Дело молодое, – хитро прищурился Дорохов. – Моя бабушка говорила...

Что говорила бабушка Дорохова по этому поводу, Кошкин и Варя уже не услышали. Они оказались в квартире Сергея Павловича прямо у стола, на котором тихо гудел генератор машины времени.

– Это то, что я думаю? – спросила Варя.

– Да. Мы с тобой в нашем будущем. Всего лишь на полчаса вперед. У нас есть целый город, в котором никто, кроме нас, не живет. Я назвал его Городом влюбленных и решил подарить тебе. Всякий раз, когда нам будет надоедать наш суетливый мир, мы сможем уезжать сюда на любое время! Хоть на год, потому что всегда есть возможность вернуться в минуту отправления.

– С ума сойти! Это же чудо!

– Сам не верю.

Сергей Павлович повлек Варю на балкон.

– Взгляни, жизнь придет сюда через двадцать девять минут! Здесь еще нет времени. Потому что время измеряется только людьми. Даже для других живых организмов оно не имеет такого значения. Времени здесь нет, а любовь есть! Здорово, правда?!

Полная тишина сделала голос Кошкина гулким и мистическим. Варя инстинктивно прижалась к нему и зачарованно смотрела на затаившийся в ожидании город. Только едва заметное движение облачных полей создавало здесь хоть какую-то видимость жизни. Ниже космоса – только ожидание, обратный отсчет.

– Если мы будем здесь только одни... Немного страшно...

– Ты мэр города! – торжественно и шутливо объявил Сергей Павлович. – Город открыт для всех влюбленных.

– Здесь, правда, больше никого нет?

– Абсолютно.

– Мы здесь одни-и-и! – крикнула в раскатистое пространство улицы Варя, и стены соседних домов многократно отразили последний слог. Дни-и-и... дни-и-и... дни-и-и...

Кошкин наклонился к нежной бабочке Вариных губ и закрыл глаза. Вместе с долгим поцелуем окончательно исчезло чувство времени. Зато остальные ощущения хотелось длить и длить. Варя аккуратно отстранилась первая.

– Мне все равно кажется, что кто-то смотрит. Может, Он? – посмотрела на небо. – Мы тут, как на ладони. Интересно, а что сейчас идет по первому каналу?

– Единственная проблема, – признался Кошкин, – по телевизору и радио – только шум эфира. По телефону – тоже.

Варя игриво пожала плечами:

– Не очень-то и жалко!

– Да совсем не жалко, – подтвердил Сергей Павлович.

– Надо возвращаться, там все-таки гости...

– А я думал...

– Потом, – нежно шепнула Варя.

– У меня идея! Мы сейчас вернемся в кафе, сядем за стол, а только потом переместимся в нужное время.

– Угу, но давай появимся на полчаса позже. Не люблю я этих застолий. Хоть немного вырежем... Требую монтаж, как жена режиссера!

– Давай, я тоже, честно говоря, не большой любитель праздников и официоза. Но так уж друзья настояли...

Кошкин поколдовал над пультом, и пространство рванулось в сторону. То, что они увидели мгновение спустя, заставило их в ужасе прижаться друг к другу. Варя вскрикнула.

На месте кафе дымились развалины... Окна ближайших домов были выбиты. Где-то далеко истошно ныли сирены. На крыльце КПП стонал раненый собровец. На месте, где еще полчаса назад была стоянка, зияла огромная воронка. На краю ее стоял торжествующий Бекхан, шепчущий в небо не то молитвы, не то заклинания. Испуганная девушка в красном изорванном платье показывала на него пальцем и кричала что-то несуразное. Вдалеке, опираясь на снайперскую винтовку стоял растерянный Алейхан. Круг времени и судеб замкнулся в этой точке. Здесь еще никого не должно было быть, но они были. Произошло какое-то жуткое смещение. Но произошло оно давно. Задолго до того, как Сергей Павлович Кошкин закончил работу над своей машиной. Десятки, а может, и тысячи разрушенных причинно-следственных связей выбросили сюда свои незавершенные обрубки. Разумеется, и опыты Кошкина заканчивались здесь – в этой воронке. Здесь, по сути, должна была кончиться судьба инженера Кошкина, его друзей, близких и просто оказавшихся рядом людей.

– Бекхан! – надломленным голосом позвал Кошкин. – Бекхан! Я не знаю из какого ада ты опять выбрался, но ты все равно проиграл! Ты можешь возвращаться сколько угодно! Ты и такие, как ты! Любовь сильнее! Понимаешь, сильнее! Спроси у своего брата, если успеешь...

И, прежде чем Бекхан осознал тщетность своей мести, прежде чем он проклял всё и вся на свете и даже сами небеса, Кошкин и Варя исчезли, чтобы вновь очутиться за праздничным столом и услышать одобрительную фразу Василия Даниловича: «Дело молодое».

* * *

Кошкин подошел к Дорохову и, стараясь сохранить внешнюю невозмутимость, скороговоркой прошептал ему на ухо несколько слов. Тот глянул на бледную Варю и потянул за руку Китаева.

Юлия ускорила шаг. Она увидела в багажном отделении красной, как и ее платье, «Лады» то, что последнее время очень часто приходилось видеть по телевизору.

Алейхан задержал дыхание. «Пусть это будет мой последний выстрел», – молился он, стараясь не смотреть в горящие ненавистью глаза брата. «Может, он передумает? Главное – не упустить момент, когда он достанет пульт...» Бекхан, между тем, тяжелым, неторопливым шагом

двигался прямо на ствол брата. Походка неандертальца, сказал бы антрополог. Откуда антропологу знать, как ходят в горах люди, чьи плечи оттягивает оружие и амуниция. Бекхан подходил все ближе...

Дорохов буквально вырвал из рук Алейхана драгуновскую винтовку с насечками на прикладе.

– Опоздаешь, – прошипел он.

И действительно, Бекхан вдруг резко, но картинно выбросил вверх руку, и в ладони сверкнул пульт дистанционного управления целой связкой фугасных бомб, под которой просели рессоры легкового автомобиля.

– Стреляйте! – в этот раз на долю секунды раньше выкрикнула в сторону собровца Юля, и тому не надо было повторять два раза.

Пуля Дорохова встретилась с его пулей в мертвом от ненависти сердце Бекхана. От неожиданности он выронил детонатор, и тот разлетелся на части. Прежде чем рухнуть на землю, Бекхан стекленеющим взглядом, полным разочарования и удивления, различил поднявшиеся фигуры Алейхана и Дорохова. День продолжался...

– Почему это всегда приходится делать мне? – спросил у кого-то Василий Данилович.

– Ты мог промахнуться, майор, нельзя стрелять после бега.

– Я – нет! А тебе не пришлось стрелять в брата, – ответил Дорохов и, брезгливо бросив винтовку на траву, направился в сторону кафе.

Где-то в стороне истошно кричала девушка в красном платье. Собровец по рации вызывал подмогу. Лысый испуганно выскочил из машины и опрометью бросился к двери КПП. Из рук его выпал никем не замеченный пульт от телевизора «Toshiba», что секундой позже попал под взвизгнувшее колесо такой же, как сам он, иностранной машины...

А Кошкин с Варей на крыльце смотрели на молодцеватого Дорохова с нескрываемым умилением. Василия Даниловича от такой растроганности внутренне сплющило. И он выкрикнул полагающийся русскому майору защитный сарказм.

– Ну что смотрите на меня, как Леня Голубков на акцию эм-эм-эм! Я на свадьбе, а не на боевом задании. Моя бабушка по этому поводу... – и осекся, вспомнил: – Ой-ё! Моя бабушка выходила замуж в августе тысяча девятьсот четырнадцатого!.. Ладно, надо успеть выпить, пока менты не приехали, – и скрылся за дверью, откуда еще минуту назад испуганно выглядывала официантка Нина.

Кошкин и Варя остались на крыльце.

– Я хочу сделать тебе подарок, – прошептал на ухо невесте Кошкин.

Та настороженно посмотрела на его руки.

– Что это? – Варя удивленно разглядывала блеск драгоценных камней.

– Диадема царицы Савской.

– Что? Копия?

– Обижаешь, – притворно скуксился Сергей Павлович, – оригинал.

– Ты?!

– Я больше не буду... Зато никто не сможет подарить своей невесте такой подарок.

ЭПИЛОГ

Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола.

А.Ф. Лосев. «Диалектика мифа»

Страниц тридцать, а может, пятьдесят назад, читатель с досадой предполагал, что вот-де – сейчас по-накатанному – автор избавится от несуществующей машины времени, следуя принятым в таком жанре штампам. Мол, не время еще для такого изобретения, человечество не готово и т.д. и т.п. Оставит читателя в недоумении, а главных героев в патовом положении. Подберет подходящий постмодернистский хэппи-энд, с полагающейся ложкой дегтя, и поминай, как звали главного героя.

Возможно, некоторых читателей я разочарую. Дураков в России не так уж много. Просто они либо на виду, либо у власти, что равнозначно. Многие ли из нас, обладая машиной времени, добровольно ее изничтожат, зароют, прекратят ею пользоваться? Ау?! Задумались читатели. «А что бы я действительно сделал, будь у меня машина времени?» И тут уж планов громадьё! Многих потянет на благородные поступки. Этакая игра в маленького бога. Предотвращение мировых катастроф, войн, локальных конфликтов. Но, как показывает описанная выше практика, остановить даже единственную пулю весьма проблематично, а подобный опыт грозит непредсказуемыми последствиями. Есть путь более простой, но самый надежный – не стрелять! Да кто бы услышал!.. Из каких уст не слышали «не убий!»?

Но я не о том. Хотя – с какой стороны посмотреть? Я, как всегда, о любви, о времени, о времени без любви и любви без времени. Хочется добавить нечто свое к фундаментальным исследованиям физиков, философов, естествоиспытателей. Они представляют себе время и пространство единой субстанцией. И это верно, но – для двухмерного мира. Я смею предположить, что мир трехмерен, причем третья составляющая является основополагающей. Сделайте ваш мир трехмерным. Добавьте туда любовь.

Наивно получилось... Зато фундаментально. Сразу оговорюсь, в этой книге не высказано ни одной сколько-нибудь научной гипотезы. Только правда, выверенная практикой.

Да! Если вдруг вы увидели, как на ваших глазах посреди улицы исчезла влюбленная пара, не удивляйтесь. В Городе влюбленных ворота не закрываются никогда (ибо никогда по своей категоричности граничит с понятием всегда, а стало быть, с той самой вечностью). Кто знает, может, и вы сподобитесь там побывать.

Когда я последний раз встречался с Сергеем Павловичем, он читал лекции в университете. Его конек – опровержение теории относительности и развитие теории фундаментальных взаимодействий. Похвалившись смышленой дочкой Леной, он жаловался, что, кроме физики, мог бы читать историю в университете не хуже докторов наук.

– Времени нет, – оправдывался.

Времени нет. Есть любовь.

Прости мне читатель легкий налет иронии, ибо нам с Сергеем Павловичем в этом мире без нее не прожить.

2003–2004.
Горноправдинск, Тюмень, Алушта, Город влюбленных...

АНГЕЛ
И МУЗА

АНТИКАРМЕН

БЕДНЕЙШИЕ
ЛЮДИ

КРЕСТ
ПЕРЕКРЕСТКА

ОХОТА
НА ИЗМЕНУ

ИСТОРИЯ
БОЛЕЗНИ

НИКИТА
КОЖЕМЯКА

БЕКАР

АНГЕЛ И МУЗА

Октябрь тихо перебирал свои желто-красные листья. Они перетекали по асфальту причудливыми ручьями, следуя разнонаправленным порывам ветра, закручивались спиралями, расползались подальше от дымных куч, сложенных вдоль тротуаров дворниками.

Сухая осень прекрасна. Но всего один дождь, и все это золотое великолепие превратится в жухлую гниющую массу, прилипающую к подошвам и автомобильным покрышкам, которая оттает весной в том же неприглядном виде, невзирая на тщетный, хоть и почетный труд уличных подметал. А сейчас – солнце, пусть и еле теплое, зато ностальгически прекрасное. Будто в нарушение всех законов природы вернулось лето, а то и весна...

Денис Баталов прошедшую весну даже не помнил. Суета о хлебе насущном – и более ничего. Перебивался случайными заработками да обивал пороги издательств с книгой стихов. Меценаты лениво отмахивались, как от назойливого комара, знакомые газетчики сострадательно подбрасывали халтуру, но все было не так, все было не то. В этой бессмысленной суете прошло и лето, и сентябрь, а в октябре Денису вдруг все опаршивело: стремления и смыслы закончились ироничной апатией, а единственным маршрутом души стала ежедневная прогулка по улицам родного города. Тем более что погода к этому располагала.

Баталов в который раз открывал для себя знакомые улицы, завернувшись в плащ, как во взглядонепробиваемую оболочку, точно человек-ящик, он наматывал километры ногами и на автобусах, из тихого своего омута через триплексы глаз целился в озабоченных своими делами прохожих, и ему было хорошо, как хорошо бывает поэту, когда он чувствует обманчивую бесконечность вдохновения, и ему кажется, что если он и не сможет выговорить Слово, то, во всяком случае, чувствует, как Оно звучит, каково Оно на вкус, чувствует, какой радостью понимания красоты каждой крупинки мироздания Слово падает в сердце. И бродить бы ему

до второго пришествия за Божьим Промыслом, если б Бог за его наивную назойливость не повернулся вдруг к нему лицом.

Лицо девушки на задней площадке автобуса удивительно и впервые так досконально совпадало с представлениями Баталова о женской красоте. И само явление его было сродни маленькому чуду. Она обернулась в его сторону из густонаселенной, обыденно воспринимаемой картины (старушечьи платочки, модная трехдневная щетина, поднятые воротники, перемалывающие жевательную резинку челюсти, рассредоточенные отсутствующие взгляды), и глаза их встретились. В это мгновение Денис Баталов был пронзен не стрелой амура, а молнией совпадения их жизненных ритмов, при этом сразу и основательно осознав, что заряды у них абсолютно разнополярные. В ее глазах и по цвету и по смыслу – морская буря, у него – серые, грустные стихи. Несочетаемое? Но ритм был один. Там – волна, там – строфа... И еще Баталов понял: он один из тех индивидуумов, которые не представляют для нее никакого интереса, если вообще признаются органическими формами жизни. Бессмысленная скорость жизни еще больше наполнилась беспомощной грустью, что взвешенной пылью парила в последнем луче осеннего солнца.

Девушка отвернулась, доверив баталовскому взгляду фонтан темно-русых волос, перехваченный у затылка горлышком белой волнистой резинки. Всё – Баталов перестал быть, его даже стерли из всех видов памяти, как ненужный файл. В системе образов, воспринимаемых морскими глазами, не мог существовать худощавый, сутуловатый тип, облаченный в старый серый плащ, имеющий немодную стрижку и отрешенное выражение лица. Денис вздохнул так, что окружавшие его пассажиры встревожено посмотрели в его сторону. Все, кроме нее. Она же скользнула в открывшийся с шипением дверной проем, в пространство оказавшейся не к месту и не ко времени остановки. Ослепительно белый спортивный костюм начал исчезать в толчее осаждающих автобус фигур и удаляться в сторону старого, построенного еще при Сталине жилого массива. Жизнь кончилась бы, не успев начаться, но Денис сквозь ругань и недоумение ринулся следом. Он и не думал искушать провидение, он вообще не знал, что ведет его, ни на что не надеялся, просто хотел не упускать из вида легкую походку, придающую смысл хотя бы одному дню из его жизни.

Руки в карманы, и не семенить! Пусть это преследование приведет в никуда, и Баталов, никогда не веривший в уличные знакомства, просто вернется на исходную остановку, главное в настоящем – хотя бы еще раз увидеть ее лицо, пусть даже полные сочные губы будут криво ухмыляться его наивному поклонению, а из морских глаз окатит волной презрения.

Видимо, он шел за ней так неуклюже и откровенно, что пару раз она оглянулась, действительно облив его выразительным недовольством, но не увеличила скорость и не остановилась... А Баталов, включивший на полную всю возможную мощь своего зрения, с радостью обнаружил, что на пальцах ее нет обручального кольца, да и вообще нет никаких подобных украшений, что исключало ошибку и даровало надежду. Потеряв от волнения бдительность, Денис сократил дистанцию до неприличия и не заметил, что повернул следом за девушкой в арку пятиэтажного дома. Поэтому ему пришлось тормозить до жуткого содрогания в сердце. Девушка ждала его, сжав у груди кулаки, приняв какую-то боевую позицию, в наполненной сыроватым мраком нише. Баталов от растерянности даже начал читать непристойные и англоязычные надписи на стенах. Поворачивать было поздно.

– Ты что – маньяк?! – открыто и очень враждебно спросила девушка.

– Нет, вообще-то я поэт... Малоизвестный... Но уж точно не маньяк, – теперь Баталов ожидал от нее груду современных ругательств, типа: лох, тормоз и пр. Ожидал, чтобы разочароваться в этом наивно и/или походя опоэтизированном образе и спокойно повернуться к нему на сто восемьдесят градусов. Но ожидаемого не последовало.

– Тогда зачем ты наступаешь мне на пятки? Я же могла тебя побить! Ты не это? – она смутилась, подбирая слова, но Баталов уже понял смысл.

– И не это, – продолжил он, – с головой до сегодняшнего дня у меня было все в порядке.

– А что сегодня?

– А сегодня я увидел тебя, и... В общем... Я ничего прекраснее в своей жизни не видел... В нормальном состоянии я никогда не пошел бы вслед за незнакомой девушкой.

– И как следует воспринимать подобное признание?

– Не знаю, во всяком случае морду бить тут не за что...

Денису стало вдруг мучительно стыдно. Стыдно за всё: за свой вид, за свою неловкость, за отсутствие спортивной мощи, выраженной буграми тренированных мышц, за все написанные до сегодняшнего дня стихи, за потертые ботинки, за то, что именно в этот момент он не может подобрать нужных, сокрушающих своей очаровательной откровенностью слов.

– Как тебя зовут? – девушка опустила руки и подняла с асфальта спортивную сумку.

– Денис. А вас? – он отдалился на вы, потому как понял: сейчас она уйдет.

– Ксения, – ремень сумки взлетел на плечо. – Ну вот что, Денис, мы странно встретились и быстро разошлись, ладно? Честно говоря, я на дух не переношу мужиков, с детства. Так что поищи себе другую музу... – Уже повернулась уходить, но задержалась и продолжила с явным сочувствием к жалкому виду Баталова. – К тому же я, если верить моему тренеру, жутко упрямая и вредная стерва. Ну, пока...

Еще минуту он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью подъезда прямо напротив арки. Что оставалось делать? Как водится, ничего. Вздохнуть, покурить и повернуть назад. Курить Баталов бросил, а повернуть назад был не готов. Поэтому он для начала вздохнул и направился к скамейке у подъезда, в котором так безнадежно исчез предмет его обожания. Всё, и никаких стихов, только соль какая-то в душе...

Квадрат старого (сталинских времен) двора был обсажен по периметру старыми тополями и кленами, в центре, как положено, песочница и остатки детского городка, покосившаяся беседка, где в данный момент бурно распивали пиво четверо юных оболтусов.

Присутствие этой компании несколько насторожило и огорчило Дениса, так как он намеревался повздыхать в тихом одиночестве. Зато появление Баталова, напротив, понравилось подвыпившей компании. Уже через пару минут несостоявшихся размышлений о превратностях судьбы превратности подошли к нему в количестве двух развязных парней и попросили, правильнее сказать, приказали дать им закурить. Наверное, в Древнем Риме хозяева обращались к своим рабам и то почтительнее, потому как к рабам обращались, как к вещам, а к Баталову, как к пустому месту.

Стало ясно, что сейчас из тридцатитрехлетнего поэта сделают побитое посмешище. Денис раздраженно поморщился и решил сопротивляться всеми имеющимися средствами, силами и возможностями. Собрался, было, произнести традиционное за последние три года «не курю», но не успел. Не надо было морщиться, оставив вариант поступательно развития конфликта и хотя бы осмысления предстоящих действий. Короткий, но точный удар крючком опрокинул Баталова со скамейки и вызвал одобрительный гогот из беседки, где оставшиеся двое играли роль зрителей. «Идущие на смерть приветствуют тебя», вспомнилось вдруг в то время, когда надо было или убегать, или хватать черенок от лопаты. Но черенка рядом не оказалось. Подняться Денису не дали, следующий удар – тоже в лицо, но уже ногой. Нос предательски расквасился, из глаз произвольно брызнули слезы, зрение сначала вообще выключилось, а вернулось нерезким и размытым. Можно сказать, Баталов постиг Дао...

– Ты чё морщишься, олень, добрым людям закурить в ломы дать? Не уважаешь?! – прозвучало с хрипотцой откуда-то из недосягаемого неба.

Следующий удар ноги поддел Баталова в живот. Денис упредил его уже не зрением, а каким-то шестым чувством. Ему удалось схватить эту ногу обеими руками и выбросить все свое тело вверх. Противник получил неожиданную растяжку, и в самый ее центр, в тупой угол Баталов дотянулся кулаком. Враг упал, как подкошенный, но его напарник тут же уложил рядом Баталова. У этого удар был буквально сокрушительный. Видимо, они специально позволили «размяться» своему самому слабому компаньону. «Теперь убьют», – понял Денис, потеряв зрение во второй раз за каких-то пару минут, и приготовился как можно равнодушнее умирать. Тем более что он слышал, как из беседки ринулись к газонному рингу нетерпеливые зрители. Где уж там – большой палец вниз, самим попинать, отомстить за поверженного собутыльника. Воля к сопротивлению еще не совсем покинула поэта, и он внутренне сжался, чтобы вскочить и успеть зацепить еще хотя бы одного. Будь у него сейчас в руках автомат, он бы высказал все свои мысли по этому поводу длинной очередью и плевал бы на весь высосанный из пальца гуманизм.

Но разжаться пружине не пришлось. Он успел еще только встать на колени, когда вся троица уже лежала в самых отнюдь не живописных позах. И если бы в поле его зрения не появились знакомые кроссовки, он подумал бы, что кара Божья настигла его врагов в самый подходящий момент. Новоиспеченный ангел-хранитель произнес голосом Ксении:

– Давай я помогу тебе встать, тебе надо умыться и почистить одежду. Придется все же пригласить тебя в гости. Ладно, хоть одного ты устряпал. Теперь, наверное, кукарекать будет или как медведь в цирке ходить. А вам, придурки, я уже делала последнее предупреждение...

Один из поверженных врагов, видимо, еще мог возражать, поэтому ответил нагло, но почему-то не вставая:

– Да если бы, Ксюха, не твой брат, мы бы тебя... – далее следовал сленг, густо перемешанный с матом, который был прерван молниеносным выбросом ноги спасительницы. Причем это движение не помешало ей сравнительно нежно поднимать Баталова, поддерживая под локоть.

Уже в подъезде Баталов спросил:

– А кто твой брат? – одновременно поняв, что губы у него сильно разбиты, а вопрос пришелся Ксении совсем не по душе.

– Очень известный бандит, – холодно ответила девушка и, остановившись, продолжила, – подробности? Он убил нашего отчима, когда тот пытался меня изнасиловать. Вернулся из тюрьмы совсем обезбашенный.

«Почти по Фрейду», – подумал Денис, но вслух ничего говорить не стал, потому что от фрейдизма во всех его проявлениях его тошнило.

Между тем они поднялись на третий этаж и остановились перед самой массивной на площадке металлической дверью. Словно извиняясь за это помпезное убожество эпохи первоначальной стадии накопления, Ксения пробурчала:

– Брат поставил, бережет он меня так.

Двухкомнатная квартира была обставлена со вкусом; в обстановке, как и в Ксении, чувствовалась модерновая спортивность. Этакое сочетание серебристого металла и серо-белого пластика, выгнутого в услужливых формах. Особенно удивил Дениса торшер в виде нагромождения полых трубок, похожих на часть классического органа, верхушку которого венчала небольшая копия роденовского «Мыслителя». Правда, головой мыслителя служила матовая лампа с едва заметной надписью «General Electric's».

– Безвкусица, – уловила удивленный взгляд Баталова девушка. – Подарили почитатели карате-до.

– Ты именно этим занимаешься? – спросил Денис.

– Да не только. Всем до кучи.

– И на это можно жить?

– За участие в солидных соревнованиях и платных боях бойцы имеют немало…

Денис поморщился точно так же, как несколько минут назад на злополучной скамейке перед подъездом.

– Вот только не надо о том, что не женское дело!

– Я бы, если и подумал, то не сказал.

– То-то! Иди, умойся, в ванной найдешь и одежную щетку, а я пока поставлю чайник. Ты какой любишь – черный или зеленый?

– Тот, который нравится тебе...

– Тогда зеленый, «Японский завтрак»...

В ванной Денис не только смывал кровь с лица и чистил плащ, но и пытался хоть как-то осмыслить происходящее. Шестым, седьмым или каким-то еще чувством он уже давно определил, что в его жизни происходит нечто, которое способно изменить ее относительно всех существующих и предполагаемых координат. И чем больше он осознавал и накапливал разницу между собой и этой немного странной, ультраспортивной девушкой, тем больше ему хотелось быть рядом с ней. Причем желание это выражалось не только эротическими устремлениями, и даже не столько

ими, а каким-то трансцендентным, а то и эсхатологическим пониманием того, что Ксения представляет собой свершившийся во времени и пространстве образ – предмет его долгих и безуспешных исканий. Она являлась материализовавшимся сборником лучшей баталовской лирики. Обретение данного образа во плоти походило на творческое озарение, а чем-то – на награду Пигмалиона за любовь к мрамору. Или гипсу? Это уже было неважно, ибо, выходя из ванной, Баталов нес в себе безумное с точки зрения обывательского сознания, выстраданное только интуицией решение. Похоже, что Ксения это заметила и, усаживая его на кресло близ журнального столика, где по правилам классического натюрморта красовался чайный сервиз и ваза с крекером, настороженно спросила:

– Ты не собираешься объясняться мне в любви сейчас?

И эта контрартподготовка за минуту до его наступления окончательно убедила Дениса в правильности выбранного им пути. Пришлось только поменять стратегию и, отбросив авангард и резервы, бросить к очаровательным ногам «противника» главные силы:

– Выходи за меня замуж, – тихо, но твердо сказал разбитыми губами Баталов и опустил глаза.

Ксения посмотрела на него проницательно, и он ответил пронзительно честным взглядом, отчего она смутилась.

– Ты это серьезно? Может, ты действительно не в себе? – куда-то исчезла ее боевая запальчивость. Девушка поняла, что Баталов не шутит.

– В нынешнем мире почему-то принято обзывать наивную искренность каким-либо видом сумасшествия, вероятно, это форма самозащиты нашего погрязневшего, поросшего цинизмом мира от проявления светлых порывов, – Денис вздохнул. – Только не говори мне больше, что мы не знаем друг друга, что мы полярно разные люди, не говори всей этой обывательской чепухи, лучше вообще ничего не говори. Я тебе только что отдал свою душу, а ты можешь отмахнуться от нее, она вмиг застынет, упадет на пол и разобьется. Я не утверждаю, что свет для меня на этом кончится, но уже не будет чего-то питающего последнюю, пусть не безоблачную, но все же очень красивую надежду.

– Это философия или поэзия?

– Смотря с какой стороны, по сути или по содержанию, но именно данный вопрос абсолютно неважен и неуместен.

– Денис, я теперь не знаю, как с тобой разговаривать... Боюсь тебя обидеть. Мне, конечно, делали предложения... Даже витиевато, хоть и не поэты, но я никогда не относилась к ним серьезно, я даже заставить себя думать об этом не могла.

– Тут не думать, тут надо чувствовать. Каждой клеточкой. Всей аурой вибрировать.

Теперь Ксения смотрела в пол. Баталов понял, что ответа на главный вопрос не будет. Пробил ли он стену? Больше всего он опасался сейчас какой-нибудь расхожей современной фразы типа: «Ладно, забудем». Повисшее между ними молчание как сквознячок потянулось к входной двери, и Денису хотелось найти хоть какой-то повод не последовать за ним. Но, с другой стороны, иногда важнее вовремя уйти, чем ждать унизительного помилования. Он поднялся с кресла с полным осознанием безнадежности, а с другой стороны, абсурдности той ситуации, в которой оказался благодаря своим наивно-поэтическим представлениям о суровой действительности. Извинившись, направился к двери. Угловым зрением Денис заметил какой-то едва заметный порыв Ксении – как принудительно остановленный вдох. Видимо, она все же хотела его остановить. Подумалось: «Не дожал», и ухмыльнулся такому грубоватому итогу своего общения с прекрасной незнакомкой.

* * *

Прошло две недели. Пустые. Даже без стихов. Не изменилось ничего, кроме погоды. Серые промозглые дожди обрушились на город с такой силой, будто хотели его смыть, но от этих небесных стараний добавлялось грязи и уверенности в несокрушимости бетона и кирпича.

Дней через пять после встречи с прекрасной амазонкой Баталов начал философскую пьянку. Как всякий русский человек он был уверен, что водка – универсальное лекарство от всякой хвори, кроме дури. Он назначил себе трехразовый прием сорокоградусной микстуры три раза в день по двести грамм, но вечернюю дозу в целях расслабления нервной системы часто превышал, отчего возвращался домой, пусть и не пошатываясь, зато с абсолютно бессмысленным взглядом, которым можно целить только в телевизор. А в телевизоре вяло постреливала третья мировая война, или не кончившаяся вторая, или даже первая... А какой-нибудь Познер с плохо скрытой гордыней пытался стоять выше истины, защищая аморфные идеалы демократии, которые почему-то никак не приживались на российской почве. Потом тщедушный человечек по фамилии Галкин пытался найти в России хоть одного умного человека, чтобы сделать его миллионером. Похоже, он не знал, что миллионеру нужен не ум, а наглость, жестокость и разрешение от международного валютного фонда. Но страшнее всех была

женщина, похожая на смерть, которая точно пифия, определяла слабое звено в цепочке гадких людишек в еще одном денежном шоу. Баталову казалось, что лучше всего у нее получилось бы читать смертные приговоры. Веселый вампир Валдис Пельш был по сравнению с ней мальчиком из церковного хора! И как от такого паноптикума не убежать на кухню? Открыть там старый, советский еще, холодильник «Бирюса», чтобы «промыть глаза» рюмкой «Столичной» и очнуться уже утром в рюмочной, когда новая горячая волна в желудке пробудит псевдожизненные энергии, способные двигать вашими ногами до следующего приема топлива. Или все же лекарства?

Гадость внутри сравняется с гадостью снаружи, и даже захочется поболтать с любым мало-мальски интеллигентным пьяницей об униженной и преданной России, о глобальных проблемах человечества, о женском упрямстве, о чем угодно, лишь бы «размоченное» одиночество не хлюпало, не топталось на всю пустую голову.

В один из таких дней провидение толкнуло Баталова к афишной тумбе, невесть как уцелевшей со времени густых бровей во (на?) главе всепобеждающего социализма. С тумбы пел на него женоподобный Пенкин, целой группой пела «Агата Кристи», рычали дрессированные медведи и тигры уже уехавшего цирка, заезжий целитель кодировал от всех напастей и программировал счастливое будущее (к такому могли пойти только очумевшие – верившие Чумакам люди), лекторы всемирного храма науки обещали за два часа объяснить смысл жизни... Афишная тумба вдруг показалась Денису вавилонской башней. Она росла в небо цветастыми плакатами, и вокруг нее, по мысли Баталова, в образе змея должен был извиваться, искуситель. И суггестируются с этой башни-дерева плоды искушенного человечества. Вот, к примеру: «В постели с врагом». Суккубы – суки! Инкубы из инкубатора!

Но вдруг голова его резко прояснилась, мгновенно расхотелось быть пьяным. На одной из афиш он увидел знакомое лицо. С высоты вавилонской башни на него смотрела Ксения, одетая в кимоно. Надпись под фотографией гласила: «БОИ БЕЗ ПРАВИЛ. ВПЕРВЫЕ – ЖЕНЩИНЫ. ЖЕНЩИНЫ ПРОТИВ МУЖЧИН. ТОТАЛИЗАТОР. КСЕНИЯ РЕБРОВА ПРОТИВ ЗЛОГО ГРОГГИ». Посмотрев на дату, Баталов протрезвел окончательно. Ксения будет драться БЕЗ ПРАВИЛ против какого-то Грогги? Драться будет сегодня в 20.00 в спортивном клубе «Зевс». И озверевшая от жажды зрелищ, пьяная и обкуренная толпа будет делать ставки?

Грогги? Представился какой-то зомби-мутант, у которого гной вместо крови.

Баталов вместе с порывом ветра рванулся в сторону дома. Оставалось шесть часов, чтобы побриться, принять ледяной душ, наскрести по сусекам 500 рублей на входной билет, в крайнем случае, совершить очередной заем у соседа-коммерсанта Левы... И? А что дальше? «Идущие на смерть приветствуют тебя!» «Безумству храбрых поем мы песню»...

Не сдохнуть бы с похмелья.

Через два часа, глядя на себя в зеркало, Денис Баталов пытался понять, какой поступок он готов совершить ради возлюбленной. И пришел к выводу, что – любой, даже абсолютно безрассудный. Он попытался напрячь грудные мышцы, но зрелище было вялым и малоубедительным. Интуиция привела его к библиотечным полкам, где он выискал нужный раритет – самиздатовское пособие по системе рукопашного боя Кадочникова. Два часа он потратил на бой с тенью, отрабатывая два понравившихся приема, внимательно прочитав лишь введение. Руководствовался он тем, что слышал от одного мастера спорта: настоящий боец в совершенстве владеет только парой доведенных до автоматизма приемов, как фехтовальщик хитрым ударом, а остальное – импровизация и умственные способности. Правда, необходима была еще одна составляющая – ОФП, с которой у Баталова были редкие свидания (время от времени он усиленно начинал делать гимнастику, но вдруг заметил – в такие дни стихи не писались, поэтому приходилось выбирать – либо мышцы и растяжка, либо стихи). Результатом физических стараний стало сердцебиение (отбойный молоток в грудной клетке) и обилие пота, с которым выходили алкогольные шлаки. В душ пришлось идти еще раз.

Спортивный клуб «Зевс» находился на окраине города. К нему сквозь туманную морось съезжались иностранные машины, из которых, чирикая сигнализациями, выносили себя бритоголовые братки, респектабельные господа, хихикающие девицы разового, как и презервативы, пользования, светские львицы в вечерних платьях, брезгливо взиравшие на девиц, потому как вспоминали что-то о себе, говорящая на непонятном языке молодежь и еще какие-то люди, усредненное значение коих не позволяло определить их социально-сексуальную принадлежность. Баталов бегал вокруг клуба, пытаясь перехватить Ксению, чтобы отговорить ее быть зрелищем для этого бесовского стада. У черного входа его взял за плечо покатый верзила:

– Ты чего тут вынюхиваешь?

– Мне нужно увидеть Ксению Реброву.

– А ты кто?

– Знакомый.

– Мне ты незнакомый. Билет есть – увидишь.

Баталов достал билет, верзила добродушно кивнул и показал пальчиком:

– Иди через центральный, Реброва уже часа полтора здесь, а начало через пять минут. Потом и с билетом не пустим.

Зал был полон, в центре него находился ринг. Между рядами сновали мальчики-одуванчики в красных футболках с бейджами на груди – брали ставки. Общий гул был прерван ударом в гонг.

Первые два боя были для затравки, это понял даже профан Баталов. Сначала дрались два гуттаперчевых мальчика – кик-боксер и представитель школы змеи у-шу. Они вымотали друг друга «до полного не могу», всевозможных ссадин и синяков, и согласились, под общее недовольство зала, на ничью. Следом на ринг вышли две девушки. Баталов напрягся, но Ксении среди них не было. Первые раунды девушки дрались грациозно, но воинственно, как амазонки, публика одобрительно гудела, когда они пинали друг друга в живот, но кончилось все комично: в порыве гнева одна схватила другую за волосы, началось царапанье и визг (при этом помогали им разогретые зрительницы), а рефери (который по разумению Баталова из-за отсутствия правил должен был сталкивать с ринга тела) ничего не мог сделать в подобной ситуации. За попытку растащить их за те же волосы он получил удар в пах и был дисквалифицирован. Зато на ринге появились мальчики-качки, которые и вынесли визжащий комок в подсобку. И уже после этого конферансье во фраке и с розочкой в петлице пропел в микрофон: сейчас на ринг выйдет Злой Грогги. И тот вышел, сопровождаемый кровожадным ревом зала, подпрыгивая и пружиня, что выдавало в нем боксера, весь – сплошная многозначительная татуировка. Рост – 180, вес – 105, возраст – двадцать шесть, 40 побед (фрачные данные), и лицо серийного убийцы (баталовские наблюдения). Глаза его с наркотической поволокой смотрели на мир дрессированным презрительным превосходством и вбитой в рамки приличия ненавистью. С другой стороны на ринг выпрыгнула Ксения. Рост – 177, вес – 65, возраст – двадцать пять... Публике она улыбалась, на Грогги бросала быстрые пристрелочные взгляды, поймав один из которых, Грогги отбил неприличным натягивающим жестом обеих рук.

Конферансье женоподобно сиял, описывая победы и неудачи соперников, сыпал комплиментами публике, букмекеры с блокнотами едва успевали принимать ставки VIP и собирать жухлые купюры социальных

низов. Из окружающего шума Баталов уловил, что ставят один к десяти на Грогги, на Ксению ставят только великосветские феминистки, а юркий лысоватый сосед со знанием дела сообщил, что они отвалили Ребровой десять тысяч зеленью только за то, что она согласилась, и еще скинулись по пять за каждый раунд, который она продержится. А Реброва согласилась, потому что Грогги садист и насильник. Бои по Фрейду, брезгливо поморщился Денис. Инцестинировка – пришел в голову неологизм.

Подводя черту, конферансье предложил желающим из мужской половины зала провести пробный бой с Грогги, чтобы оценить смелость Ксении Ребровой. В зале повисла неудобная для его безреберной части тишина. Фрак уже взмахнул ручками, чтобы сквозь вышколенную улыбку объявить начало, и даже выхватил из петлицы розочку, стремясь поднести ее Ксении, но тут на задних рядах встал Баталов и глухо, плавающим от ужаса голосом произнес:

– Я хочу попробовать.

Фрак остолбенел. В сценарии такая выходка не была предусмотрена. В зале все также висела тишина.

– Молодец, мужик! – крикнул некто с другой стороны галерки.

– Камикадзе! – подвыл ему женский голосок.

– Подсадка, – добавил третий.

Кто-то в первом ряду одобрительно кивнул фраку, и тот мгновенно переписал сценарий.

– А вы имеете необходимую физическую подготовку? – уже вроде не возражал, а соблюдал формальности конферансье.

«Имею я всех вас», – зло подумал Баталов, но вслух произнес только первое слово.

– Вы спортсмен?

– Нет, я стихи сочиняю.

– Значит, вам захотелось острых ощущений?

– Нет, тупых.

– Ого! – взвизгнул по-радзински от удовольствия фрак. – Остроумие против сокрушительных ударов! Почему вы решились выйти на ринг?

Следующую фразу Денис Баталов произнес только для растерянной Ксении.

– Я люблю эту девушку и не могу позволить этому разрисованному Франкенштейну прикасаться к ней.

В зале опять зависла близкая к гробовой тишина.

– Бои без правил, любовь без правил! – огласил фрак. – Мы попросим Ксению Реброву уступить место для пробного поединка своему воздыхателю.

Слово-то нашел!

– Он же его убьет, – тихо сказала Ксения.

– Зато я не буду видеть того, что не хочу видеть, – ответил ей Баталов.

Грогги едко хохотнул.

– Может, мне их обоих упаковать? – предложил он конферансье.

– Сморщишься, – бросила ему Ксения.

– Тогда убери этого валидола с ринга, и будем начинать, – валидолом Дениса еще никто не называл. – И если тебе понравится, продолжим в подсобке. – Грогги похотливо облизнулся.

Баталов испытал к этому существу чувство крайнего омерзения. Страх в эти минуты в нем качественно переродился и обрел свойство отчаянной храбрости.

– С тех пор, как гориллы научились говорить, они хамят, – посвятил Денис Грогги.

Примерно через долю секунды последовал удар, оторвавший ноги Баталова от ринга и погасивший в его голове свет.

Поэт упал на цветочную поляну под безбрежным голубым небом. Некоторое время он рассматривал одну из тысяч травинок, по которой скрупулезно ползла к небу божья коровка. Чтобы определить размеры поляны, Денис сел и увидел, что рядом с ним сидит ангел, читающий книгу. Сущность ангела определялась наличием крыльев, белых одежд и просветленности всего представшего взору Баталова образа.

– Читаю ваши стихи, – пояснил ангел, не поворачивая в сторону поэта обрамленную нимбом голову.

– Но моя книга не издана! – удивился поэт.

– Это у вас, а у нас даже черновики сохраняются. В том числе музыка. У Бетховена, знаете ли, 10-я симфония хоть и не отдает революционной патетикой и больше похожа на лирическое раскаяние, значительно превосходит то, что можно услышать там, – ангел кивнул в неопределенную даль. Мне вообще больше нравится Шопен. Божественная музыка, божественные стихи – вам приходилось слышать такие похвалы?

– Позвольте поинтересоваться, как вы находите мои стихи?

– Очень хорошо, некоторые особенно, но мне иногда хочется кое-что поправить из-за спины... Неудобно вмешиваться в творческий процесс.

– Так вы – хранитель?!

– Да. Но, к сожалению, я не могу останавливать вас, когда вы совершаете опрометчивые и в том числе безрассудные поступки. Кроме того, я не могу защищать вашу любимую. Родители и не думали ее крестить.

– О! Я должен немедленно вернуться туда!

– Собственно, я вас не задерживаю, у нас еще будет вдосталь времени для беседы, но я взял на себя смелость предупредить вас о выборе.

– Я жутко не люблю это слово, от него веет демократией, лозунгами, партийной принадлежностью, карабканьем наверх к сытным кормушкам и просто обманом.

– Нет, ваш выбор – только ваш выбор. Он существует только для вас.

– И каков, простите за вульгаризм, расклад?

– Любовь или стихи.

– Неужели одно так мешает другому?

– Чаще наоборот, но дело не в этом, дело в выборе. По-другому я объяснить сейчас не могу.

– Но я уже сделал выбор, когда вышел на ринг. Когда я вижу эту девушку, жизнь обретает смысл. Даже без стихов.

– Жаль... Тогда вам туда... – взглядом указал в сторону, находящуюся за спиной Дениса. – Люди часто не знают, что для себя просят.

– Я прошу любовь.

– Может быть, вы правы, ибо настоящая любовь это поэзия человеческих отношений. Пока она не станет прозой жизни.

– Привычка свыше нам дана, замена счастию она?

– Что-то вроде этого. Но даже – если поэзия, то облекаемая формой, она может нести разные смыслы и заряды: то нежная лирика, то возвышенная ода, то реквием...

– О! Это уже математика, а там, между прочим, девушку избивают!

– Вот это вряд ли!

– И что? Если я сделаю другой выбор, я не выйду на ринг?

– Нет, вы не войдете в автобус, в котором ее увидели. Ее не будет, но будут стихи и будут книги.

– Стихи без нее? Какие? Слава в обмен на любовь? Это же искушение! Тот ли вы, за кого я вас принимаю?

– Для меня, друг мой, это тоже искушение...

– Выходит, у судьбы есть черновик?

– Черновик есть, судьбы нет.

– Неужели возможно убедить Бога?

– Для Него нет ничего невозможного. Историю человечества, конечно, никто переписывать не станет, но отдельно взятый, назовем так, рассказ – запросто. Как, собственно, тот, который сейчас пишется.

– Тогда зачем выбор?

– Человек рождается с выбором, живет с ним и даже умирает с ним. Остальные существа на этой планете не выбирают, а слепо подчиняются инстинктам. Единственный, кто еще обладает правом выбора – это Бог.

– А вы?

– Я не могу повлиять на ваш выбор, я даже не должен был его предлагать. Мне просто нравятся ваши стихи.

– А Ему?

Ангел промолчал, но ответил на другой вопрос:

– В этом случае я уважаю любой ваш выбор.

Баталов легко поднялся и повернулся. На западе, куда ему предстояло направиться, клубились неестественно фиолетовые тучи, словно кто-то выплеснул в небесное море цистерну школьных чернил. Он шагнул с какой-то детской уверенностью в том, что состоявшаяся беседа – это не более чем проверка, подобно той, которую проходят сказочные герои.

Глядя ему вслед, ангел сказал:

– Определенно, они будто охотятся на поэтов! А могло бы получиться... – он с небесным сожалением поглядел на книгу в своих руках.

Фиолетовые чернила поглотили хрупкую фигуру Дениса Баталова.

* * *

Серая утренняя хмарь крадучись входила в окно. Баталов открыл глаза, но сделал это неосознанно. Проснулся только один маленький нерв, один из сотен тысяч. Окружающий его мир состоял из незнакомой комнаты, точнее больничной палаты (что еще предстояло понять), и заполняемого робким рассветом окна. И были еще голоса...

– Он, конечно, хлюпик, но мужик... Я думал, стихоплеты – нытики и размазня. А этот... Уважаю! Единственный мужик среди этого откормленного быдла. Чертова машина! По закону подлости! Я бы не опоздал! Надо было тебя под домашний арест посадить.

– Я хотела сама заработать деньги!

– Зачем я подарил тебе цветочный магазин?

– Врач сказал: ему нужен постоянный уход. Надо будет кормить, учить говорить, ходить...

– Наймем лучших докторов.

– Знаешь, Олег, я решила бросить спорт. Впервые почувствовала, что кому-то нужна больше, чем себе.

– Поздно, конечно, но лучше поздно, чем женщина в космосе.

– А за этого Грогги у тебя опять будут неприятности.

– Главное, чтобы у тебя их не было. На нем, между прочим, тоже дерьма полно висит.

– Смотри, он открыл глаза!

Пройдет еще много времени, прежде чем Ксения Реброва выведет Дениса Баталова в больничный скверик. Они будут идти по грустной аллее, между заснувших тополей и кленов в тихое завтра. Кто-то из соседней палаты выглянет в окно, и ему покажется, что он увидел идущего вслед влюбленной паре человека с крыльями и раскрытой книгой. Но только покажется. По этой аллее они уйдут в другую жизнь.

* * *

Говорят, в небольшом цветочном магазине, в центре старого города, где улочки нельзя испортить иностранной машиной или рекламным щитом, у прилавка стоит удивительно красивая женщина. Плавными, как вечность, движениями она ухаживает за своими питомцами, а в глазах ее живет тайна, за раскрытие которой мужчины сжигают свои сердца. И еще говорят, если влюбленный мужчина купит у нее букет, то ему обязательно повезет. Но, скорее всего, это рекламный трюк или красивая городская легенда, как и та, что в соседнем книжном магазине сидит в кресле рано поседевший молодой человек, который якобы цитирует неизданные стихи Гумилева, Есенина, Рубцова... Спросите, откуда он их знает, и он с легкой улыбкой ответит: от ангела. Так или иначе, купленные в этом магазине учебники легко даются студентам и школьникам, а уж если покупатель выбрал томик стихов, то несколько дней его не покинет странное возвышенное настроение. Как бы там ни было, но в девятнадцать ноль-ноль оба магазинчика закрываются, а продавцы – цветочница и букинист – уходят под руку, слегка склонив друг к другу головы. Жаль, что со спины не видно ее счастливую ангельскую улыбку и не слышно ненаписанных великими и забытыми поэтами стихов. Они идут так в течение нескольких лет и будут идти вечно, хотя давно уже известно, что муза не может быть ангелом и наоборот.

Июнь, август 2003

АНТИКАРМЕН

Цыгане шумною толпой...
Пушкин

Вы на северах год корячитесь, чтоб к нам приехать, а нам надо из вас за две недели все вытянуть, чтобы год отдыхать...
Разговор сочинца с северянином

Казанский вокзал – ну как его миновать сибиряку, если едешь поездом через Москву? Ныне, правда, он вполне похож на опорный пункт современной цивилизации, есть даже зал ожидания с мягкими креслами и прочим комфортом для денежных людей, кофейные автоматы, как часовые, через десять шагов вдоль стен, многочисленные кафе с достаточно удобоваримым меню, магазины и киоски, телефоны на каждом углу и объявления диктора о бдительности в связи с угрозой террористических актов. Да всё так же шумно и многолюдно... Носильщики с тележками и бирками на груди и «неформальные» таджики с импровизированными тачками на подхвате у чемоданистых пассажиров. Цены как в Нью-Йорке, сервис как в Кологриве, апломб как в Лос-Анджелесе. И, вероятно, следствием обильной неподконтрольной миграции следует считать исчезновение привычного московского говорка с растянутым и ударным «а», который придавал речи москвичей этакое доброжелательное благодушие, позволяющее без лишних эксцессов предоставлять неоправданно дорогие услуги иностранцам и провинциалам, оказавшимся по тем или иным причинам в столице России. Но разве можно измерить в рублях, долларах или тугриках чувство сопричастности к сердечно-мозговым делам империи? И возникает это чувство у сибиряка или уральца уже через три минуты после выхода на перрон или входа в терминал аэропорта. Чувство это не зависит от времени года, времени суток и общественно-политического строя. В Кремле одно правительство, в Москве другое, в провинциях ни то ни другое не

любят, но в Москву ездят с той или иной периодичностью, словно каждому россиянину надо подзарядить имперские батарейки, даже если он законченный сепаратист.

Поезда, как гусеницы, сползаются с восточной стороны, топчутся на сортировках, ожидая своей очереди, чтобы на полчаса замереть у священного причала и, не превратившись в бабочек, уползти восвояси. Электронное табло едва успевает махать ресничками, моргая номерами и станциями назначения. Реки прибывших торопливо обтекают островки – милиционеров с металлоискателями и кудахчущими рациями, служебных собак, монотонно гнусавящих таксистов и встречающих туроператоров. И вовсе не багаж и ручная кладь, не временное железнодорожное братство роднят этот пестрый бурлящий поток – а выражение лиц. Такое можно увидеть у безнадежно больных, готовых ко всему, к любым приговорам и операциям людей.

– Пойдем в зал повышенной комфортности? – спросил Саша у Оли, когда они вошли в здание вокзала.

Двухлетний Санька еще толком не проснулся и, обнимая Ольгу за шею, вяло озирался по сторонам на непривычное для таежного жителя многолюдье.

– Сан Саныч, пойдем отдыхать, как белые люди? – шутливо спросил и у него Александр-старший.

Сан Саныч посмотрел на него весьма серьезно, но не ответил, в его лексиконе из двадцати слов нужного еще не было. Зато ответила Ольга.

– Пару часов побудем и в обычном, зачем деньги тратить, лишних не бывает.

«Резонно», – подумал Саша, внешне согласился, но недовольно вздохнул: причин прижиматься с деньгами нет, а скупой платит дважды.

В густо усеянном дремлющими, читающими и медитирующими пассажирами зале нашли три пустующих пластиковых кресла. Не успели устроиться, как прагматичная Ольга достала из сумочки вырванную страничку из записной книжки.

– Так, Ермакевич, дуй за соком, водой, возьми памперсов... Короче, здесь все написано, – и вручила листок мужу.

Тот второй раз за утро поморщился, но на этот раз не промолчал.

– Ермаковы – мы, – по-деревенски увесисто поправил он, потому как не любил, когда жена ерничала, соединяя свою девичью белорусскую фамилию Петкевич с его сибирской – Ермаков. Еще в загсе начала и до сих пор успокоиться не может.

Продуктовый магазин с прилагающимся к нему кафетерием находился слева у центрального выхода, и Саша направился сначала туда. В круглом зале по типу барной стойки (круг в круге) стояли прилавки, а за ними сновали усталые после ночной смены продавцы. У никем не занятых столиков разноцветной и оттого одинаковой группой спали цыгане. Спали на полу, будто рядом не было зала ожидания. Собственно говоря, столики потому и не были никем заняты. Желающие выпить кофе или чай с бутербродами, купив желаемое, просто уходили в зал ожидания. Пока Саша покупал сок, йогурт, минералку, печенье и копченую колбасу, вычитывая названия с Ольгиного листочка, продавщицы переговаривались между собой.

– Света, наряд-то был? А то я отлучалась, людям же невозможно покушать... – продавщица стрельнула взглядом в цыганский угол.

– Да был, – раздраженно ответила вторая, – сержант хотел их поднять, вывести, а они ему билетами и детьми в лицо тычут, махнул рукой и ушел.

– Видать, им на полу лучше, чем на стульях. Не завидую я плацкартному вагону, в который они набьются. Еще что-то? – это уже Ермакову, который задумчиво разглядывал кочевников третьего тысячелетия.

– Нет, вроде всё, – сверился с бумажкой. – А памперсы где можно купить?

– В платном туалете ближе всего будет, у них там ларек галантерейный.

– Спасибо...

Вроде его не было минут десять, а Ольга с Санькой уже дремали. Вымоталась жена за двое суток в поезде. Еще бы: Санька – это ЧП. Он покачал головой женской беспечности – Москва же! На всякий случай взял с собой барсетку с документами и основной массой денег, которую, по его мнению, Ольга должна была прижимать к груди вместе с Санькой. Она же не прижимала ни того, ни другого. На коленях у нее был только раскрытый журнал «Лиза»; сумочка, барсетка и Санька находились в соседнем кресле, а на третьем кресле (занятом для Александра-старшего) стояла большая спортивная сумка – караулила место. Вместо барсетки Ермаков поставил пакет с продуктами, еще раз глянул – все ли в порядке, с минуту смотрел в огромный экран телевизора, где пара хороших американцев азартно палила с четырех рук по дюжине плохих. Плохие старательно и красиво падали. В струю с этой стрельбой диктор из заоблачных вокзальных небес напомнила о бдительности, чтобы пассажиры сообщали о подозрительных оставленных сумках и багаже в связи с опасностью

террористических актов и наличием криминогенной ситуации. В фильме взорвалась машина, Ермаков вздрогнул...

– Такое чувство, блин, что у них там круглые сутки война... – выругался себе под ноги и пошел в другой конец зала, раздумывая над тем, что если сложить все голливудские стрелялки, принимая их за правду, то это не в России, а в Америке население должно исчезать каждый год миллионами. «Нас сто сорок пять миллионов, и мы все хотим...», – бодро слетела вслед с экрана политическая реклама очередной общенародной партии. «Опоздали, – подумал Саша, – два года назад могли бы сказать нас сто сорок семь миллионов... А лет пятнадцать назад? Ого-го!..» Да, нас пока еще сто сорок пять миллионов, и мы все хотим...

За присутствие в туалете пришлось заплатить 10 рублей, поэтому само собой захотелось справить нужду. Ермаков подошел, было, к писсуару, начал, что называется, расчехляться, но тут по его ботинкам проехали тряпкой, он поднял взгляд и с изумлением увидел невозмутимую женщину лет тридцати, которая мыла белый мраморный пол под соответствующее мужское кряхтение и журчание.

– Во, блин! – эпитетов не хватило, зато по малой нужде расхотелось.

– Извините, – бесцветно произнесла женщина (мол, задела ботиночек тряпочкой).

Памперсы продавали поштучно по туалетным ценам – 18 рублей. Ермакову подумалось: «рыночная экономика в дерьме», но каламбур удовольствия не принес, потому как памперсы все равно нужно было купить.

Выйдя в зал, Ермаков вдруг почувствовал что-то неладное. Сразу же стал высматривать в дремлюще-читающей, бутербродно-жующей пассажирской массе Ольгу с Александром младшим. Наконец увидел – Ольга уже крепко спала, неестественно запрокинув голову назад, чуть приоткрыв рот, а вот Саньки на соседнем кресле не было.

Скорость и длина шага стали увеличиваться синхронно с ударами сердца, которое билось уже не в груди, а в висках. Уже запинаясь за сумки и чемоданы «своего» междурядья, Ермаков начал звать сына по имени. Щупленькая вездесущая старушка (слава Богу, что такие еще есть) улыбчиво остановила его, робко прикоснувшись к руке.

– Так он в магазин, в магазин следом за вами ушел. Сказал «папа», показал пальчиком и потопал. Я думала, вы уже вместе. Там он, в магазине, – махнула рукой в ту сторону, откуда Ермаков недавно вернулся с пакетом напитков и продуктов.

«Спасибо», – не очень-то вежливо буркнул Александр-старший и всё на том же заведенном сердце рванул в указанном направлении. Ноги хоть и несли, но, что называется, становились ватными. «Ольгу не разбудил. Может, обойдется», – выстрелила в затылок задняя мысль.

Влетел в магазин и сразу увидел Сашку на руках цыганки в самой гуще проснувшегося, галдящего табора. Он заворожено улыбался в ответ на причитания, цоканья и побрякушки дюжины цыганок.

– Санька!!!

Увидев отца, Санька потянул к нему ручонки, но на пути Ермакова неожиданно появилась преграда из возмущенных, искаженных наигранным недовольством и отрепетированным возмущением лиц.

– Э! Куда прешь?!

– Не видишь – дети спят!

– Ты что? Выпить сюда пришел?

Ермаков чуть не задохнулся от охватившей его злобы.

– А ну-ка отвали, бесовское отродье! Давай сюда мальчика!

Но бесовское отродье не отвалило, а наоборот – привалило. Теперь вокруг него галдели не только цыганские бабы, не имеющие возраста, но и вся неумытая малышня. Кто-то толкнул его в грудь, кто-то лез в брючный карман, и здоровенный Ермаков сдал пару шагов назад, чтобы провести рекогносцировку.

Только сейчас он перевел взгляд с растерянного сына, на лицо цыганки, на руках которой он оказался. Эта, что бросалось в глаза, выгодно отличалась от остальных. Ее пестрые наряды отличала какая-то особая ухоженность, насмешливая улыбка не выявила ни одного золотого или серебряного зуба, и возраст вполне определялся – 28–30. И хоть была она чернява волосами, как и ее сородичи, лицо ее не было смуглым от природы, а скорее загорелым, и сияли на нем вечной хитростью не карие, а огромные темно-синие глаза, увенчанные длинными ресницами и тонкими бровями.

– Ну ты, Кармен, твою мать, верни ребенка, пока я все ваше стадо на забой не пустил! – рявкнул ей Ермаков, но опыт его подсказывал, что угрозы действия не возымеют и больше похожи на крики отчаяния. Правое полушарие судорожно подыскивало достойную цель увесистому кулаку, а правильное воспитание не находило ни одной мужской рожи.

– Ты чего орешь! Наш это мальчик! Видишь у нас их сколько!

– Мы матери героини! У нас медали есть!

– Щас милицию позовем!

– Это ее сын! Он ее мамой зовет! Вон у женщин спроси! – тыкали пальцами в оторопевших продавщиц.

У Ермакова побагровело в глазах, общий гвалт, мелькание наглых рук перед глазами, все это не позволяло принять ему единственно верного решения. Он отвлекся на одолевавших его ближних кричалок всего на секунду. А уже в следующую – не увидел на руках новоявленной Кармен сына. И вообще нигде его не увидел. Вскрикнув, как раненый хищник, Ермаков разметал вокруг себя окружающее пространство, не разбирая, где там грудастые обманщицы, а где облазившие под шумок его карманы пацанята. Сила была запоздалой, но действие возымела: крику поубавилось, кричали теперь о другом:

– Женщин и детей бьет, изверг!

– Надо романов на него с ножами!

– Омоновцев!

– Иди к своей русской дуре, ее бей, чтоб мордой не щелкала!

Но Ермаков ничего уже не слышал. Он прорвался к главной, по его мнению, виновнице, навис над ней двухметровым центнером безумной в гневе силы:

– Где сын?! – плечи ее хрустнули в его руках.

– Не ори! – из-под длинных ресниц брызнуло на него пренебрежение, с каким смотрели разве что древнеримские патриции на неумытых плебеев. – А то вообще мальца не увидишь.

– Ты тогда вообще ничего не увидишь, – уже взвешенно и совершенно серьезно пообещал Ермаков.

– Двести долларов, – Кармен с кривой ухмылкой посмотрела на барсетку, которая болталась на его запястье.

Ермаков замер на полувдохе. Примечательно, что после этих слов синеглазой атаманши многоюбочное товарищество замолчало, как по команде.

– Чего? – на всякий случай переспросил Александр-старший.

– Через минуту для глухих будет триста!

– Я вот сейчас оттащу тебя в отделение...

– А то я там не была ни разу! После отделения у тебя вообще денег не хватит, еще и ментам платить будешь. Думай быстро, осталось тридцать секунд. Плати, сына получишь, мы тебе еще и погадаем на сдачу. Что? Двести долларов за сына жалко? Жадный? Мы тебе его нашли, а ты вознаграждения не платишь! Нам тоже детей кормить надо!

Два миллиона мыслей и возможных вариантов развития событий атаковали кипящий разум Ермакова. Он уже не обращал внимания на разнузданную наглость, штампованные фразы «работать надо» и «бесполез-

ная нация» ухнули в темный колодец, только сердце все громче стучало: «Верни сына». И чем больше проходило опасных мгновений его отсутствия, тем громче кричало сердце: «Верни сына, любой ценой верни». В этот момент Ермаков знал только одно: если хоть один волос упадет с Санькиной головы… После этой мысли к нему вернулись вдруг силы и уверенность. Он стряхнул с локтей вновь нависших на них, лезущих к барсетке цыганок, обзывающих его жадным и бессердечным. Пара из них, шлепнувшись на мраморный пол, даже мявкнули, точно кошки, которым прищемили хвосты. Достал из сумочки сто евро (не было измельчавших вдруг долларов), и с перенятым у противника наглым спокойствием оттянул указательным пальцем разрез блузки вместе с неожиданным для цыганки бюстгальтером и опустил туда купюру.

– А еще одну? – невозмутимо потребовала Кармен. – И еще пятьдесят – за осмотр достопримечательностей.

– За твои сиськи, хоть они и ничего, пусть тебе цыганский барон отстегивает, а я дам еще двести, когда ты вернешь мне сына.

Подельницы опять что-то затараторили со всех сторон, но теперь уже на цыганском, и, судя по всему, обращались к Кармен.

– Теперь за каждую минуту, пока я его не вижу, минус десять, – прервал их галдеж Ермаков.

– Не тебе ставить условия...

– Потом я буду просто всех убивать, потому что мне будет все равно...

Кармен уже давно поняла, что он не шутит.

– Давай еще сто, я скажу куда идти.

Ермаков повторил процедуру оплаты.

– Камеры хранения, внизу, восьмое окно.

Дальше Александр-старший действовал уже по своему плану. Он резко рванулся через кольцо окружения, отчего пара цыганок буквально отлетели к прилавкам, и, схватив подмышку маленькую девчонку, рванулся к выходу. Девчушка истошно завизжала, цыганки взвыли, но было поздно. Уже на перроне он прижал заложницу к груди, так, что она глухо кричала ему в грудь, и, стремительно обходя людские потоки, озадаченных увиденным милиционеров, нырнул в подземелье. Проклятья и вопли цыганок остались где-то позади, гнаться за ним было бесполезно. У окружающих могло сложиться впечатление, что это опаздывающий на поезд пассажир с плачущим ребенком на руках. Да и не думал об этом Ермаков, он уже вообще ни о чем не думал, из всех последствий самым страшным

для него было не увидеть сына. Он несколько замешкался у камер хранения, потому как коридоров оказалось несколько, кто-то подсказал ему куда повернуть.

Санька стоял у восьмого окна и, казалось, слушал, как ему мелет что-то низкорослый таджик-носильщик. В действительности же стресс вызвал у малыша приступ аутизма. А таджикское «где мама?» на русском языке звучало для напуганного Саньки полной абракадаброй. Видимо, поэтому он даже не плакал, не в состоянии оценить происходящее, а только смотрел в сторону входа, откуда в конце концов появился запыхавшийся отец.

Ноги Ермакова снова стали ватными, сердце ухнуло в голову так, что заложило уши, но радостно-испуганное «папа» он услышал. Дрожащими руками опустил девчушку на землю (а ведь хотел вернуться, сторговать ее обратно за те же деньги – да что со злости не придумаешь!) и даже успел сунуть ей сотню, правда, русскую, прежде чем она с криком понеслась в обратном направлении.

Самый счастливый миг в жизни Ермакова наступил, когда он прижал сына к груди (перекрывая даже послероддомовские мгновения и первую брачную ночь вместе взятые), когда стал целовать его и дышать чудным, неповторимым запахом его золотистых волос. Санька же крепко обнимал его за шею и шептал одно из двадцати известных ему в этом мире слов: «Папа, папа, папа...»

Они уже шли обратно, когда их остановил наряд милиции. Озабоченный и усталый лейтенант спросил все ли в порядке с малышом.

– Нормально, – смог выдавить из себя Ермаков, который едва сдерживался, чтобы не заплакать.

– Чего ж так бежали? Цыган переполошили?

– Это еще кто кого переполошил.

– Документы есть?

Ермаков кивнул на барсетку, сына с рук он отпустить не мог. Но лейтенант проверять не стал, только внимательно посмотрел Ермакову в глаза и, вероятно, не нашел в них ничего подозрительного.

– Помощь нужна?

– Теперь уже нет... Можно мы пойдем, поезд скоро...

– Идите. Будьте внимательнее.

– Удачи, – добавил сержант.

Ольга встретила двух александров тирадой упреков: где были, что делали, да она вся извелась. Александр-старший посмотрел на нее так, что

ей пришлось замолчать, а Сан Саныч даже не удостоил радостным словом «мама», как обычно, когда они с отцом возвращались с прогулки.

Немного обиженная Ольга стала рыться в своей сумочке, перебирая косметику.

– Давай Саньку, бери сумку, пора на перрон, – снова попыталась взять инициативу в свои руки.

– Сама возьмешь сумку.

– Ну, знаешь, это мужская работа!

– Знаю. А женская – следить за детьми.

Жена посмотрела на него, было, убийственным взглядом, но тут же переменилась в лице.

– Саш, что-то случилось, – голос у нее задрожал, – у тебя это... У тебя виски седые... – Ничего в Сочах выцвету на солнце, незаметно будет. Пойдем, там нас ждут с распростертыми объятьями, им наши деньги ой как нужны.

Диктор словно подслушивала и тут же объявила уважаемым пассажирам, что на пятом пути начинается посадка в фирменный поезд «Москва – Адлер». Нумерация вагонов с головы состава.

Ермакова очень подмывало вернуться в магазин, но он не мог себе представить, как остервенело и от души бьет цыганок. А если не бьет, то, что им скажет? – представить не мог. Во всяком случае, он им вроде как тоже нервы помотал. За двести евро, правда. Можно было, конечно, сказать милиционерам, что видел у цыган порошок или даже что-нибудь похожее на взрывное устройство. Неправдоподобно? Но под антитеррористическую истерию их бы там вдоль стен для профилактики размазали. Но на руках сидел Санька, и ничего уже не хотелось. Даже в Сочи. Нет, хотелось: можно было бесконечно вдыхать запах его соломенных волос и слушать как он что-то щебечет в ухо. На своем маленьком, мягком русском языке.

Ермаков не чувствовал, как в спину ему смотрит пара темно-синих глаз, и теперь нет в них дрессированной наглости, а есть какая-то затаенная и бесконечная, как дорога, грусть и даже зависть. И тем более не слышал, и не понял бы без перевода, как цыганки окликнули подругу: «Пошли, Кармен, не зря тебя барон в Смоленске маленькую украл, ты нашего племени, такие деньги взяла».

Через тридцать шагов Ермаков начал прощать жену, все же это она родила ему такого славного сына. С трудом разогнул затекшие руки, протягивая ей Александра-младшего, взял сумку, но на минуту остановился.

– Слушай, Оль, почему мы, русские, такие великодушные, что многие это за трусость принимают? Или еще за что-нибудь?

Жена поняла по-своему:

– Саш, что-то случилось, когда я уснула?

– Нет, раньше... Может быть, когда Александр Невский пленных немцев домой отпустил...

Август 2003

БЕДНЕЙШИЕ ЛЮДИ

Март влетел в город на хвосте февральского ветра и резко затормозил, отчего сугробы на клумбах быстро съежились и потемнели, с крыш потекло, и мир зазвенел на все лады. Новое тысячелетие, новая весна, новая жизнь, новые магазины и новые русские... Добавилось света, цвета, суеты, громкой музыки и свежей мимозы. И внешне, в разрезе одного микрорайона, все было хорошо и благопристойно, если бы не три очень разных и одновременно очень похожих статичных фигуры на фоне быстрого лоска и упрямо развивающегося капитализма.

Это было их место. За спинами блистающая пуленепробиваемая витрина, под ногами выложенный цветной плиткой тротуар, рядом – вход в супермаркет, названный помпезно «Екатерининским», что подтверждалось только неуместным профилем императрицы над входом.

Трехэтажный стеклянно-бетонный куб, сияющий по ночам неоновыми знаками и буквами, менее всего можно было отнести к «веку просвещения» и ампирной архитектуре эпохи Екатерины Великой. Он и в окружающем его мире торчал как ящик Пандоры среди типовых «хрущевок», монументальных строений сталинского модерна и случайно уберегшихся от сноса деревянных лачуг. Да и печальная троица у входа вряд ли вписывалась в глянцевую, визжащую покрышками иностранных машин современность.

У самого входа сидел в инвалидном кресле безногий парень лет тридцати, на груди которого тускло ютились две медали. Был он нестрижен и небрит неподдающееся учету время, поэтому судить о выражении лица его было весьма трудно. Глаза же будто выцвели, не было в них ни глубины, ни цвета, разве что только блики серого да кровавые прожилки. И не было в его глазах ни ожидания, ни разочарования, ни тоски, ни горя, ни надежды. Проще сказать, в них было ничто – бесконечная и бесцветная пустота,

у которой нет ни прошлого, ни будущего, только притупленное, размытое алкоголем настоящее. Ног у него не было чуть выше колен, и на культях, одетых в спортивные штаны, покоилась жестяная банка для подаяний, в руках же он держал вечный, никогда не гаснущий окурок «Примы» и фляжку военного образца, из которой время от времени делал глоток-другой. При этом он всегда оставался в той стадии опьянения, которая, собственно, не позволяет считать человека пьяным. Коляска инвалида была оборудована так, чтобы он мог легко дотянуться до полки, размещенной под сиденьем, куда складывал пустые бутылки (предварительно перелив их содержимое во флягу), а также различную снедь, которую покупали сердобольные прохожие и посетители магазина. Звали этого парня Олег, и вся округа знала его по имени, и вся округа знала, что ноги он потерял в Афганистане, и вся округа знала, что у него никого нет... Утром пацаны из двора, в котором жил Олег, вывозили по дороге в школу коляску с инвалидом под витрины «Екатерининского», а вечером забирали домой. За это Олег покупал им пару-тройку бутылок пива. Парни же всякий раз заверяли, что катали бы его и просто так, но пиво все-таки пили, а после того курили термоядерные сигареты Олега. Они рассказывали ему свои новости за день, а он им не рассказывал ничего.

С другой стороны от входа стоял шестилетний Женька. В его глазах тоже не было надежды, но еще горел интерес ко всему, что происходит вокруг. На нем была смешная кроликовая ушанка и великоватое пальтишко, которое принесла к магазину какая-то добрая тетя. Жил он неподалеку, в пятистенном деревянном доме с резными, но потрескавшимися от времени и непогоды наличниками на окнах. У Женьки, в отличие от Олега, была мама, была младшая сестра, и когда-то был папка, который разбился на служебной машине. А еще был сосед дядя Веня, который каждый вечер приходил пьяный на их половину дома и звал маму к себе. Мама болела астмой и уже не могла мыть полы в большом институте, где она когда-то работала, а дядя Веня болел алкоголизмом и работать не хотел, зато каждый день обещал маме богатую жизнь. Мама отмалчивалась, а дядя Веня часто кричал: «Да выпей ты румаху, кашлю не будет!» Но мама только качала головой, а иногда тихо отвечала: «Шел бы ты, Веня, на свою половину, дети здесь». Дядя Веня мог махнуть рукой и уйти, а мог и остаться, чтобы громко рассуждать о политике и сегодняшней жизни, хотя его никто не слушал. Когда он все-таки уходил, мама горько вздыхала и говорила: «Некому ему по пьяной ряхе надавать, достал уже...» И Женька торопился вырасти, чтобы защитить маму.

Чуть поодаль стояла пенсионерка Зоя Ивановна. Одета она была так, как одевались в семидесятые годы: видавшее переразвитой социализм светло-синее демисезонное пальто и белый пуховый платок. Она не старалась выглядеть беднее, чем есть, и поэтому перед каждым прохожим опускала взгляд и каждому вслед шептала «спаси Господи», вне зависимости – подали ей или нет. Зоя Ивановна стеснялась и никак не могла привыкнуть к тому, что она нищая...

* * *

На пенсию Зоя Ивановна ушла в 1989-м, как теперь говорят – в эпоху поздней перестройки. До этого она сорок лет преподавала в средней школе русский язык и литературу. Провожали ее помпезно: в школьной столовой затеяли шикарный банкет, подарили цветной телевизор и два ведра цветов. Обещали не забывать...

Но забыли. Забыли, потому что через два года вся страна впала в жуткий летаргический сон, сопровождаемый мучительными судорогами, да так и расползлась по искусственным швам, которых раньше никто не замечал. Зоя Ивановна включала подаренный телевизор, смотрела по вечерам новости и плакала. Как-то хмурым осенним утром она собралась идти в магазин, но к удивлению своему обнаружила, что в кошельке грустно позвякивают несколько медяшек. Пенсию не приносили уже второй месяц, а если бы и принесли, денег с трудом хватило бы заплатить за квартиру, купить лекарства и запас продуктов дней на пять-шесть. И не оказалось вокруг никого, кто мог бы посочувствовать этому страшному положению бывшей учительницы. Сын Андрей уже двадцать лет как лежал в далекой германской земле, где служил военным вертолетчиком. Там и погиб, разбившись вместе с винтокрылой машиной так, что прислали Зое Ивановне вместо цинкового гроба лишь медаль на подушечке и фотографию того места, под каким-то там «...бургом», где в редком лесочке осталась от последнего сыновнего поцелуя с землей глубокая воронка.

Зоя Ивановна сходила в школу в надежде вернуться на работу, потому как слышала, что молодежь бежит от скудных учительских зарплат. Новый директор, не успевший запятнать себя наличием партийного билета, уважил ее дифирамбами о славном педагогическом прошлом, но беспомощно развел руками – ставок нет: учителя, чтобы заработать, берут по две, а то и по три нагрузки. Оставалось уйти домой, лечь на диван и умереть. Но и смерть не шла. Вокруг умирали здоровые молодые люди – нелепо и скоро-

постижно, а соседки на дворовых лавочках вздохами и сплетнями провожали их в последний путь. «Ой, а Николка-то спился да угорел, тридцати ишо не было», «...не слышала? Андрея застрелили прямо у подъезда, а я думала он с бандитами заодно!», «Сашка на новой машине угробился, она двести верст в час ездила, так ить он гонял и гонял, догонялся теперя, и провожают его сплошь на таких машинах»... Сами бабульки умирали неторопливо и в строго отведенный Господом срок, что переваливал кому за семьдесят, а кому и за восемьдесят. «Та еще закалка», – мыслила Зоя Ивановна. С соседками и поделилась своим пенсионным горем. Девяностотрехлетняя Клавдия Петровна из второго подъезда посоветовала: «Ты, Зоя, ишшо молодая, иди ты к храму или к магазину, люди подадут. Валя-покойница, как мужа схоронила, сразу на паперть пошла, и молилась там, и при деньгах всегда была. Даже на хорошие похороны себе отложила, – потом шепотом, – поговаривают, и внуку в Краснодар переводы делала. Иди, Зоюшка, а на гордость плюнь. Нет нынче ни гордости, ни чести. Президент под паровоз обещал кинуться, а не кинулся, живет себе – улыбается. Теперь, Зоя, токмо деньги верховодят».

От стыда и душевных мук Зоя Ивановна не отметила в памяти день, когда первый раз вышла к витрине нового магазина, и теперь не могла даже смутно представить лицо прохожего, который кинул ей первую монетку, зато ясно помнила, что в тот же вечер позволила себе купить кефир, свежий батон и немного колбасы, а деньги еще и остались. Груду мелочи ей каждый вечер с удовольствием меняла кассирша этого же супермаркета на бумажную купюру, а то и несколько новых бумажек. Одного все эти годы боялась Зоя Ивановна, что узнает её кто-либо из бывших учеников. Прятала лицо в платок, глаза опускала. Наверное, они не раз проходили мимо, может, подавали, может, и не помалу, но тот же стыд не позволял им встретится взглядом со своей учительницей. Чтобы побороть свое смущение и не получать денег просто так, Зоя Ивановна читала стихи. Негромко, но с выражением, как когда-то учила читать детей. Читала Пушкина, Лермонтова, Есенина, Некрасова, Кольцова, Рубцова, Цветаеву, Ахматову, Пастернака... Иногда прохожие останавливались и завороженно слушали, некоторые же считали ее душевнобольной и, подав милостыню, поспешно уходили, многие, как водится, просто проходили мимо. Несколько раз седая учительница читала стихи по заказу, зато платили при этом «по-настоящему». То подвыпившей компании поэзии захочется, стоят – угадывают, кто автор, то благородная мама заставит сына или дочку послушать, то самовлюбленный кавказец спросит: «А Шэкспыра можешь?». Почему ж

не мочь? «Гамлета» или «Макбета»? «Давай про бить или не бить»! Пожалуйста... Иногда в своей коляске «просыпался» Олег. «Зоя Ивановна, если не надоел, прочитай еще раз...» И она начинала: «Жди меня, и я вернусь». Олег, чтобы никто не видел слез, ронял голову на грудь, а минут через десять смотрел на мир все тем же пустым взглядом и, глотнув из фляги, замолкал до конца дня. Зоя Ивановна не раз звала его к себе, называла сыном, но он, глядя в бесконечное никуда, отвечал: «Да что вы, Зоя Ивановна, думаете, мне помощи не предлагали? Я сам так хочу... Мне так проще». И расходились вечером каждый в своё печальное одиночество.

* * *

– Мама, я не хочу, – канючил Женька, когда мать собирала его «на работу».

– Сыночек, ты же кормилец наш...

– Мама, на меня кричат, чтобы я в школу шел!

– Рано еще, на будущий год пойдешь.

– Ко мне там дядьки пристают!

– А ты убегай, а как они уйдут – снова возвращайся. Да и Зоя Ивановна тебя обидеть не даст.

– Не все верят, что я нищий, говорят, что ты меня специально нищим делаешь…

– Бог им судья…

– Мама, мне там холодно и грустно... А один дядя сказал, что у меня нет будущего... Мне обидно, мама...

Татьяна прижимала сына к груди и закрывала глаза, чтобы не разразиться рыданиями. Был бы жив Петр, этого никогда бы не произошло. И не хотелось разжимать веки, смотреть на этот страшный старый свет, потому что просвета в нем не было. Шесть раз в неделю ей приходилось стоять так на коленях, прижав Женькину головку к груди, целуя в макушку, перед тем как отправить его попрошайничать. В понедельник у них был выходной. Шесть раз в неделю в течение последних двух лет! И до сих пор жуткое триединое чувство боли, унижения и безысходности не притупилось. Каждый раз душа на части разрывалась, а в голову будто каленым шилом ударяло – это ж я свою кровиночку... За что, Господи?! И уже не верилось ни в каких реальных и сказочных принцев, ни в какое избавление, ни в помощь государства, потому как мир вокруг повредился в чем-то главном. И не могла понять Татьяна, как же ей защитить своих детей от этого страш-

ного мира, что сделать: или терпеть и молиться, или схватить кухонный нож и хоть одну свинорылую морду на «Мерседесе» прирезать в слепом гневе, потому как не верила Татьяна в честно заработанные миллионы. Да и никто не верил. Но потом накатывала ледяная волна: ведь и у этого буржуя могут детишки быть. Смотрела на Женьку и лопочущую Лизу и всех прощала. И молилась. Молилась об одном, чтобы не умереть и совсем детей сиротами не оставить. И ничего не ждала.

* * *

В то утро Рустам встал не с той ноги. Хмурый, злой, отлаялся бы на кого-нибудь, но в трехкомнатной квартире он был один. Даже девку никакую с вечера не позвал. Теперь оставалось отрываться на вещах, что он и делал: швырнул дистанционник от телевизора, пнул лежавший у дивана сотовый, выпил соку, а стакан бросил в мусорное ведро... Он не любил дни, когда нужно было собирать дань. Тем более не любил ходить в «Екатерининский», где лощеный и хитроглазый директор с каким-то едва скрываемым превосходством отдавал ему пачки денег. Того и жди, подлянку какую-нибудь заварганит.

В бригаде Рустама уважали и боялись. Боялись его азиатской заносчивости и неуступчивости. Он никому никогда не давал спуску. Обидное слово или косой взгляд, и он дыбился, хватал за грудки. Поэтому с ним не шутили. Не обиделся только тогда, когда назвали татарином. Ну что ж, татарин и есть. Так и звали его: либо Рустам, либо татарин.

Внутри себя Рустам знал, что он добрый. Просто дурацкая жизнь в волчьей стае заставляла быть злым или хотя бы выглядеть. Он и был в славянской бригаде, как Маугли: мы с тобой одной крови, только ты, брат, от своей стаи отбился.

Как же, отбился! Это ж не в Казани! Пришел из армии, а податься некуда, только в охранники. Куда ж еще бедному (в буквальном смысле) спецназовцу. Но татарина с души воротило услужливо открывать комунибудь двери и отвечать за чужое хамство. Помыкался-помыкался, в одну дверь постучал, в другую, в институт не пролез (даже медали не помогли, деньги давай), а вот братва приняла быстро. Пара проверок, пара глупых драк – и ты почти свой. Дальше притирайся. Притерся... И все эти годы думал, куда его кривая вынесет: на кладбище под красивый памятник и «мерседесовские» фанфары, в подворотню, если здоровье откажет, или в тихий европейский дворик, на который откладывал деньги. Один раз хотел, было, уйти, но не смог. Привык к такой жизни, как к табаку. И знаю,

что вредно, а бросить нет сил. Вот и пинал время от времени по утрам все, что под руку-ногу подвернется.

В «Екатерининский» шли на пару с Миколкой, бывшим боксером, тихим (до поры) и неразговорчивым парнем лет двадцати пяти. Бросили джип на стоянке и вошли через центральный вход: положено так, чтоб видели, встречали и ждали. Театр, а не бандитизм.

Охранники по рациям сообщили о прибытии баскаков директору, и в приемной их уже встречала длинноногая большеглазая секретарша. На Рустама она всегда смотрела, как на уродца из Кунсткамеры. Или, может, на варвара из диких доисторических племен? Но сегодня она почему-то улыбалась, прямо-таки сияла. Рустам на секунду остановился и объявил Миколке:

– Не нравится мне это, братуха, чего она улыбается, будто бояться перестала? – сказал так, как будто секретарши в приемной не было вовсе.

Миколка безразлично пожал плечами и рванул на себя дверь. Директор сиял и скалился как всегда, но вот за плечами его стояли два редкостных мордоворота, явно чемпионы по бодибилдингу. Одинаковые двубортные пиджаки и яркие галстуки делали их окончательно похожими на близнецов-даунов.

– Рад вас видеть! – ощерился директор.

– Так уж и рад? – ухмыльнулся Рустам, внутри которого сжалась пружина.

– Представьте себе... – осталось только допеть за него: «зелененький он был, но вот пришла лягушка…», директор деловито вздохнул и выставил на стол серебристый кейс. – Вынужден вам сообщить, что наша фирма прекращает с вашей все деловые отношения, так как у нас появились новые партнеры. Вот, – он кивнул в разные стороны на дутых мальчиков.

– Будешь платить гориллам? – съязвил Рустам.

Гориллы невозмутимо достали из-под пиджаков два новеньких «Макарова» и направили на баскаков.

– Вот видите, у них аргументы с собой. Я при вас передаю этот кейс представителям нового партнера. Сразу же устранюсь от каких-либо проблем в мой адрес, я здесь ни при чем. В нашем головном офисе в Москве так решили. Так что не обессудьте, – директор все-таки боялся.

– Свободны, – пробаритонил один из качков.

Рустам и Миколка попятились за дверь, молча закрыли ее за собой и молча достали свои пистолеты. Секретарша тихо сползла под стол. Миколка снова рванул дверь на себя и сразу стал стрелять. Рустам тоже высунул в проем руку. Гориллы даже не убирали оружие и начали стрелять

едва ли не раньше Миколки. «А если бы это секретарша кофе принесла?» – удивился такой огневой предусмотрительности Рустам.

Миколка поймал пулю в грудь и завалился за дверь. Но он же успел ужалить в голову одного из громил. Рустам и второй подстрелили друг друга. Рустам получил пулю в правое подреберье. «Печень, минут двадцать…» – подумал он. Почему-то не было боли. Списав отсутствие болевого синдрома на шок, Рустам рванулся к столу и схватил кейс. Уходя, пару раз выстрелил в директора, но тот залег за дубовым столом, а доставать его не было времени. Второй качок с простреленным правым плечом левой рукой тянулся к пистолету. Рустам прострелил ему второе плечо и ринулся в коридор.

Уже на первом этаже он почувствовал, что силы слишком быстро его покидают. Начала кружиться голова, а главное – ужасная опоясывающая боль заставила его согнуться пополам. Охранники с рациями шарахались от пистолета, но продолжали следовать за ним до самой улицы. На выходе он пару раз выстрелил в их сторону, отчего они попадали, как кегли в боулинге, и уже не решились следовать за ним на улицу. На крыльце Рустам осел и уже не смог подняться. Дополз до пуленепробиваемой витрины и выжался вдоль нее спиной, чтобы сесть.

Мир расплывчато качался перед глазами, и даже голые скелеты деревьев не могли его удержать. Стало до боли в сердце обидно умирать на крыльце блистающего супермаркета в эпоху всеобщего пресыщения да еще в самом начале весны… Представился вдруг почерневший сугроб вместо могильного холма, и внешне удрученная братва, что выпьет на поминках немало водки, и после первых поминальных рюмок пойдет обычный базар, кто какую тачку купил, кто какую бабу поимел и куда нынче лучше вкладывать «трудовые сбережения»... Захотелось кого-нибудь пристрелить. Того, кто во всем этом виноват. Из-за кого весь этот мир такой же, как сугроб: снаружи белый, а внутри сажа, окурки, плевки и собачье дерьмо. И пристрелил бы кого-нибудь... Жаль, не достал директора... Еще достанут... Злиться на горилл все равно что на заводных солдатиков. Пальнуть бы от отчаяния в серое, загрустившее небо, да кто-то его слегка заслонял.

Перед ним стоял дрожавший от холода и страха мальчишка лет пяти. Он смотрел ему прямо в глаза и что-то шептал. Рустам едва разобрал.

– Подайте, дяденька, на хлебушек...

Рустам истерически захохотал и заплакал одновременно, потом сказал мальчугану:

– Накрылся домик в Европе, накрылся тихий островок в Тихом океане... Сейчас меня Аллах или ваш Христос... А я, наверное, ничего в жизни доброго не сделал...

– Бедный... Надо вызвать «скорую»... – за спиной мальчика появилась пожилая женщина, заботливо склонилась над Рустамом.

– Уже вряд ли... – сказал с другой стороны мужской голос.

Говорят, перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь. Рустаму же увиделся всего один день. Улыбчивый татарчонок-первоклассник идет за мороженым для всей семьи. Ему доверили целый рубль! Идет и даже поет! Осталось только повернуть за угол, и там ждет заветный лоток с пломбиром в вафельных стаканчиках. Папа Дамир получил зарплату... Из-за угла выворачивают трое подростков. Они будто специально ждали Рустама и потребовали деньги так, как будто это не отец пять минут назад, а они сами дали ему желтую купюру. Как ни бился, как ни выворачивался Рустам, как ни сжимал в кулаке заветный рубль, деньги отобрали. А сам он с разбитым носом, в рваной безрукавке вернулся домой. Дома он не плакал, потому что выревелся в подвале, где они с пацанами играли в войнушку. Отец молча дал ему еще один рубль. Больше Рустама никто и никогда побить не мог, но и денег ему никто просто так не давал.

Рустам вдруг понял, что у этого мальчугана детство в сто раз хуже, чем было когда-то у Рустама. Что у него вообще нет детства, и на мгновение он даже забыл, что умирает, потому что душе его стало больнее, чем простреленной печени. «И что проку от всей нашей крутизны», – горько подумал он, глядя в широко открытые Женькины глаза.

– Вот, – Рустам пододвинул мальцу кейс, – бери на хлебушек. Бери и беги! Ну! Бери же!

Мальчонка испуганно попятился, не притронувшись к подарку.

– Возьми, пожалуйста, я очень прошу... – уже прошептал Рустам, пытаясь остаться в сознании из последних сил. – Ведь каким-нибудь гадам, уродам достанется... Типа меня... Возьми... А то сейчас торпеды выскочат, мне убивать их придется, а я не хочу... Уже не хочу... – но он для вящей убедительности еще смог перезарядить обойму. – Возьми же...

– Бери, Женька, и беги, я прикрою, – снова услышал Рустам, и теперь уже смог увидеть инвалида на коляске. – Давай пистолет, я тоже повоюю. У меня уж лет десять руки чешутся.

Рустам улыбнулся и закрыл глаза. Он всегда боялся умереть с широко открытыми от ужаса и боли глазами. Ему было стыдно за свое достойное тело.

Зоя Ивановна тяжело вздохнула, по щеке ее покатилась слеза, она перевела взгляд на малыша, который зачарованно смотрел на чемоданчик с неизвестным денежным содержанием.

– Если б это было в кинофильме или в рассказе, благородные люди отказались бы от таких денег, но мы совсем в другом измерении, – рассудила Зоя Ивановна.

Она все же сунула заторможенному от испуга и неожиданности Женьке в руки серебристый кейс, повернула его лицом к дому, и Женька, обняв его обеими руками, побежал, еще не понимая куда, зачем и от кого.

Мгновение спустя, после того как мальчик скрылся за углом, на крыльцо вышел, опасливо озираясь, директор. Со всех сторон его окружали охранники. Один из них торопливо подобрал пистолет, на что услышал замечание своего шефа:

– Дурак! Отпечатки!

Потом директор подозрительно посмотрел на двух нищих:

– У этого малого, – кивнул он на улыбающегося с того света Рустама, – был в руках кейс, который ему не принадлежал, который не принадлежал вам и даже мне… Где он?

– Откуда нам знать? Может, его здесь напарник поджидал, – прищурился Олег.

– Может или поджидал? – прищурился в ответ директор. – Мы ведь можем попросить вас сменить место работы...

– Очень страшно, – хмыкнул Олег, – мы к старому гастроному пойдем, там хоть и нет скатов для инвалидной коляски, но зато человеческие лица чаще встречаются.

– У вас могут быть большие неприятности...

Олег взглянул на него сначала с брезгливым пренебрежением, затем с искренним удивлением, а затем в ответ на нелепую, с его точки зрения, угрозу громко и раскатисто расхохотался. Так он не смеялся лет десять. До слез и колик. Пароксизм да и только. Зоя Ивановна, глядя на него, тоже стала улыбаться, одновременно вытирая слезы. Директору же вдруг показалось, что и мертвый Рустам улыбается его богатой, но глупой беспомощности. Перед ним стояли люди, которым нечего было терять. Они ничего не боялись, кроме завтрашнего дня, который мог стать для них таким же бесконечно беспросветным и нудным, как и сегодняшний, и мороза...

За углом заверещали милицейские сирены. Директор навстречу им многоэтажно выматерился, а Зоя Ивановна едва слышно покручинилась:

– Бедные вы, бедные, в сущности, несчастные люди. Чем же вы живете?

– Будто ты живешь, старая калоша! – зло огрызнулся директор.

– А если б кто-нибудь так сказал твоей матери?

* * *

За углом Женька по наитию завернул чемоданчик в свое пальто и, обняв сверток, как младенца, рванул к старым деревянным домам, где знал каждый закуток. Некоторое время ему чудился за спиной топот погони, и он еще с полчаса петлял среди проулков и сарайных застроек и лишь потом заявился домой, толкнув ногой незапертую дверь.

– Ты чего-то рано, сынок, – повернулась от плиты мать, – ой, Господи, а чего разделся?.. – и замолчала, увидев выпавший на пол кейс.

– Это премия, мама, – вспомнил Женька нужное слово.

– Ты украл? – руки у Татьяны заметно задрожали.

– Нет, нет, мама, мне дал дядя, он умер. У него была пуля в животе.

– Надо отнести это обратно. – Татьяну уже трясло.

– Чтобы всё досталось жирным и бандитам?! – Женька вдруг утвердился в своей маленькой правоте и решил ни за что не уступать матери. Зря, что ли, столько страху натерпелся.

За это убить могут...

– За это можно не ходить попрошайничать! За это можно учиться! За это можно вылечить тебя и Лизу! За это можно дяде Олегу ноги пришить, а тете Зое отдыхать! Ты хотя бы посмотри, сколько там! Им ведь все равно мало будет! Им всегда мало! – сначала Женька кричал, а потом просто разрыдался, упав на пол. И страх, и озноб, и унижение, и неизвестно откуда пришедшие в голову взрослые слова – всё перемешалось в его слезах.

Они еще долго не могли успокоиться, но уже не кричали друг на друга, а только плакали, обнявшись. Первой унялась Татьяна и уже по-другому взглянула на страшный подарок.

Надо посмотреть, что там и сколько.

Приоткрыла его чуть-чуть и тут же захлопнула. Женьке на миг показалось, что она испугалась еще больше и снова начнет отказываться. На всякий случай он снова начал всхлипывать, но Татьяна вдруг сказала совершенно твердо и уверенно:

– Я давно хотела уехать отсюда к маме, папина могила не отпускала да и не на что было. Давай-ка, сынок, быстро собираться, пока Лиза еще не проснулась. Фиг они нас найдут в сибирской глуши! У этих кровопийц не убудет... Скорей бы они все друг друга перестреляли.

– Эти перестреляют, другие будут, – совершенно по-взрослому рассудил Женька и вдруг спросил: – А на остров в Тихом океане поедем?

Почему нет?

* * *

У «Екатерининского» никто больше не видел нищих. Говорят, охрана их прогоняет. Но и у старого гастронома никто не появился. Только бабульки в соседнем дворе шептали друг другу на ухо, что Зоя Ивановна получила большие деньги от друзей сына, которые успели разбогатеть за эти годы, и уехала в Германию, на место его гибели. Не верила в это только одна старушка, Клавдия Петровна, до самой своей смерти не верила. Вечерами на тех же лавочках пацаны, отхлебывая пиво, слушали рассказы вернувшихся из Чечни сверстников и рассказывали им про афганца Олега, который хоть и без ног, но полюбила его красивая молодая женщина пусть и с двумя детьми, и он уехал с ней куда-то в глухую Сибирь, где еще можно жить. «Фигня, не бывает», – говорили одни. «Так ведь бедным для счастья много не надо», – говорили другие. А в газетах напечатали, что убили замечательного человека и бизнесмена – директора «Екатерининского» супермаркета, кандидата в депутаты областной Думы... «Бедный он, бедный», – жалели старушки. В районе стали сносить старые деревянные дома, чтобы на их месте строить новые, блистающие рекламой и роскошными витринами магазины.

Декабрь 2003

КРЕСТ ПЕРЕКРЕСТКА

Снег падал даже не пухом, а целыми лохмотьями. Будто тысячи рук наверху резали, кромсали зазубренными ножницами белый тюль. Рассвет был еще где-то в двух часах к востоку, а пока в свете уличных фонарей сквозь вселенское безветрие причудливо падал снег. Первым его заметил Миша. Он подошел с сигаретой к форточке и замер. В голове шумел пивной прибой и тупой негритянский рэп, от которого в восторге были Лариса и Андрей, что слились друг с другом, качаясь под барабанный речитатив, и готовы были слиться еще плотнее, но для этого Миша с Леной должны были уйти в другую комнату. А Михаил вдруг замер у окна...

Мир за спиной показался ему безобразно жухлым, как гниющая под дождями осенняя листва, перемешанная с грязью. Останки креветок, пакеты из-под чипсов, опустошенное стеклянное царство «Сибирской короны»... Подумать только: выпитая сибирская корона! Измеренная пузыристыми литрами и выпитая, «корона» давила на голову, соответственно, не снаружи, а изнутри.

Четыре свечи на столе теперь уже не казались интимным интерьером, а виделись факелами в разрушенном, разоренном городе. Только стеллажи с отцовскими книгами и стоявшие под торшером два наследственных кожаных кресла были последним оплотом романтической респектабельности. Даже родственный креслам диван уже опухал на глазах от возможных непристойных действий и небрежно брошенного на него свитера Лены. А за окном с темно-фиолетовых небес спускалось холодным пеплом очищение.

Музыка, в конце концов, затихла, а друзья не могли попросить еще – им мешал долгий поцелуй. Лена подкралась к нему на цыпочках и, обняв за плечи, поцеловала в ухо. Миша повернулся и приложил палец к ее губам, кивнул на окно. Она прижалась лбом к холодному стеклу, сжимая его руку, и затаила дыхание. Уловила его настроение и погрузилась взглядом в пушистую тишину. Наверное, небо шептало баркаролу. Всю многоэтаж-

ку, казалось, слегка укачивает, баюкает, и спать следует не до утра, а до весны.

Кто придумал сравнивать русских с медведями? Медведям суждено проспать всю эту красоту!

За спиной звонко чмокнули, разомкнувшись, губы друзей. Лариса обиженно вздохнула, Андрей предупреждающе кашлянул. Им ничего не оставалось делать, как только присоединиться к Лене и Михаилу.

– Лепота! – оценил и одновременно испортил все Андрей. – На улице сейчас кайф! Миха, погнали, прокатимся, а потом баиньки?!

– Правда! Поедемте! – порхнула руками Лариса, ей хоть ехать, хоть плыть, хоть лететь… Были бы у дивана или двуспалки колеса, плавники, крылья!

– Я тоже хочу, – шепнула в хранящее тепло губ ухо Лена.

Это уже был приговор.

– Я же гонщик, – буркнул Михаил, направляясь в прихожую.

– Ты го-о-нишь, – наигранно потянула Лариса, вытягивая следом за руку Андрея.

Громкой компанией они вырвались из подъезда, девушки тут же начали лепить снежки и бросать их в своих возлюбленных. Пришлось провести короткий позиционный бой вокруг ярко-красной машины Михаила – «Toyota Celica». Снег брали с капота и багажника. Потому скоро стала видна хищная мордочка приземистого японского покемона. Она тоже хотела принять участие в сражении. Раскосые аэродинамические фары ждали команды «банзай». Не самая крутая в мире спортивная машина, но Миша любил ее чуть меньше Лены и чуть больше родительской квартиры – родового гнезда. За нее (в материальном смысле) он отдал все, что у него было, и все, чего у него не было, но что смогли отдать ему родители. Да, она во многом уступала 924-му «Porsche», но это была его, Мишина, машина. Вообще-то он видел ее как машину для двоих, потому и предпочитал складывающиеся задние сидения, но в эту ночь ему пришлось сделать исключение. Пьяный азарт затолкнул четверых друзей в мягкий, завораживающий комфортом и обещанием покоренной скорости, стального цвета салон.

Даже в приличные морозы машина заводилась одним поворотом ключа, а в это утро – даже с каким-то, присущим живому существу, вожделением. Они еще не успели выехать из двора, как Андрей с Ларисой переплелись на заднем сиденье в долгом поцелуе, предполагающем полное отсутствие в окружающей действительности. Зачем тогда поехали? Михаил решил не смотреть в зеркало заднего вида, но несколько озлобился, нога невольно

придавила педаль газа. Лена на соседнем сидении ойкнула, но больше это походило не на испуг, а на подначку. Короткая юбка и телесного цвета колготки, подчеркивающие длину и стройность ног, падающие на них через верхний люк снежинки – куда ехать?! Приехали...

Улицы были пусты, как марсианские каналы. Переулки кончались, не успевая начаться. Дворники с трудом разгоняли звездопад на лобовом стекле. Красная японская пуля по имени «Celica», заправленная русским адреналином, «Сибирской короной» и смятением чувств, неслась к сердцу города, рассчитывая пробить его навылет, чтобы широкой аортой проспекта уйти в сторону окружающего жилые массивы леса. Эх, катались раньше на тройках да в санях, а тут ревут под тобой сто девяносто лошадей, и уже не клиренс нужно измерять, а высоту воздушной подушки! Как в анекдоте: я слишком быстро еду? Нет, вы слишком низко летите.

Ноги и глаза Лены, разрез джемпера, где глубоко и часто вздымалась аккуратная и красивая грудь с вишенками на вершинах, закручивающийся спиралями снег и растворяющийся в нем свет фонарей, мерцание приборной доски... И вышедшая из рассветной мглы на дорогу фигура старушки – светло-серое в свете фонаря пальто и пуховый платок.

Михаил увидел ее слишком поздно. Слишком поздно для скорости, которую можно развивать в пустыне, если она это позволяет. И снег, поднявшийся волной до самого бампера, не сократил самый длинный в жизни Михаила тормозной путь. Нажимая короткими движениями на тормоз, он осторожно выворачивал руль, выигрывая у пространства хоть какие-то сантиметры, но последние метры машина снижала скорость уже боком, шла к цели задним правым колесом.

А старушка, как завороженная, замерев с прижатой ко рту вязаной варежкой, ждала. Косоглазая, злая с виду, «Toyota» пренебрежительно ударила пожилую женщину красным, дразнящим едущих за ним водителей, задом, отбросив ее на несколько метров. Лена вскрикнула, на заднем сидении прервался без звука поцелуй. У Михаила подпрыгнуло и остановилось на мгновение сердце.

– Жми на газ! Дергаем отсюда! – крикнул с заднего сидения Андрей, на что Михаил только зло зыркнул в зеркало и дрожащей рукой открыл дверцу.

Как в триллере, в тихую ночь ворвался ветер, утробно загудел вдоль улиц и, разбрасывая рыхлый белый прах, стал биться в темные глазницы окон, стекла витрин и двери подъездов.

Старушка была жива. Михаил опустился рядом с ней на колени и провалившимся в сердце голосом позвал:

– Бабушка...

Она открыла глаза, и стала шептать сквозь рваное, неровное дыхание.

– Ты не виноват, не виноват ты...

– Бабушка, простите меня...

– Господь простит. Ты не виноват, а то они поломают тебе жизнь-то. Я сама, дура старая, на дорогу выскочила. По сторонам не смотрела... Ты не говори им...

– Скорую! Вон автомат! – крикнул Михаил Лене, которая все же решилась выйти из машины, и теперь стояла в нескольких шагах, боясь подойти ближе.

– Быстрее!!! – Михаил крикнул с такой силой, что замер даже ветер. Лена очнулась, бросилась к телефону-автомату.

Старушка то замолкала, то снова начинала шептать. Минуты неповоротливыми валунами падали одна на другую, секунды стучали в висках.

– Я-то пожила уже... А тебе жить надо... За меня и помолиться некому будет. Ой, больно чего-то в груди, дышать больно...

– Бабушка, вы молчите, силы берегите, я боюсь вас на своей машине в больницу везти, вдруг вас трогать нельзя, носилки надо.

Михаил стянул с себя «Аляску» и укрыл женщину. Та шепотом запричитала:

– Чего ты?.. Простудишься сам...

Скорая «примчалась» минут через двадцать, из кабины вышел подчеркнуто нерасторопный доктор, а увидев лежащую на земле пожилую женщину, почему-то спросил:

– Милицию, ГАИ вызвали?

– Нет, – удивленно взглянул на него Михаил.

– Бабушка, ноги чувствуете, – соизволил наклониться к пострадавшей врач.

– Не знаю, сынок, не знаю... Ты вот что, главное, ты запомни, и милиции обязательно подтверди, парень этот не виноват, я сама неосторожно на дорогу вышла.

– Щас, фельдшер носилки подаст...

– Да ты главное-то запомни, а то если я вдруг не смогу потом сказать, свидетелем будь. Парню-то чтоб жизнь не сломали!

– Хорошо, хорошо, бабушка, сейчас мы вас аккуратно на носилки положим, а потом в больничку поедем.

– Да уж лучше сразу на кладбище, мне уж пора давно... – и замолчала, дыхание становилось тише.

Рядом ударил колокол. В Никольской церкви. Гул первого удара словно стряхнул с неба последние снежинки. Снегопад прекратился. Замер ветер.

– К заутрене хотела... – прошептала старушка, когда носилки ставили в кабину неотложки.

Под благовест гаишники пытались найти и измерить тормозной путь. Негромко и неуместно матерились. Михаил сидел на водительском сиденье боком, свесив ноги на улицу: подбородок на кулаках, локти на коленях. В глазах – бездна пустоты. У него что-то спрашивали, он отвечал невпопад, гаишники злились, пытались его растормошить, Андрей с Ларисой извинились, по-тихому поймали такси и уехали, Лена мерзла где-то рядом, но он не ощущал ее присутствия. Низкое небо остановилось над перекрестком, кто-то сверху смотрел в этот бетонно-кирпичный прицел, в центре которого замерла красная машина, похожая на монстра из иностранного мультфильма.

Самым удивительным оказалось то, что тест на алкоголь был отрицательным.

* * *

Старушка умерла в больнице через неделю. За эти дни Михаил, носивший ей фрукты и соки, узнал, что звали ее Антонина Павловна, что мужа и двух сыновей она потеряла на Великой войне, что с тех пор жила одна, как перст, и последнее, что связывало ее с этим да и с тем миром, была маленькая церковь.

До последнего своего дня, оставаясь в сознании, Антонина Павловна донимала докторов и приходивших к ней следователей упрямым враньем о невиновности Михаила. Ей никто не верил, задавали вопросы с подковырками, но старушка злилась, обижалась, требовала бумагу, чтобы парня «не замаяли», и периодически впадала в беспамятство, выходя из которого первым делом требовала: «Парня не трогайте! Сама перед его красной машиной, слепошарая, выскочила...» И парня не замаяли. А он часами сидел в коридоре все с тем же пустым взглядом, и легче ему не становилось. Хотел, было, напиться, но водка не пошла, почувствовал в ней какой-то сернистый привкус, будто кто добавил в нее сероводорода. Купил другую бутылку – то же самое. И вылил обе, соответственно запаху, в унитаз.

Андрей с Ларисой на похороны не пошли. Были только несколько старушек из храма, что шептали молитвы да косились, кто с неприязнью, а

кто с пониманием на молодого парня в джинсах и свитере, что сидел за поминальным столом, не решаясь притронутся к блинам или кутье. Лена пришла ненадолго, побыла для приличия, шепнула несколько слов ни о чем на ухо, повздыхала в тон старушкам, полистала альбом с фотографиями и удалилась, не рассчитывая вызволить за собой Михаила. Что тут скажешь: всем хочется быть подальше от смерти, потому как собственная кажется если и не невозможной, то, во всяком случае, маловероятной в данный проживаемый отрезок времени.

Одна из бабулек подсела к Михаилу и тихо посоветовала:

– Ты, паря, сходи на исповедь к отцу Михаилу. К нам, в Никольскую. А то ведь поедом себя съешь. Нельзя так. Сходи-сходи. Ему все расскажи, и на душе, увидишь как, легче станет.

– Машину, что ли, разбить? – спросил пустоту Михаил.

– Нет, ты наперво сходи, батюшка наш, тезка твой, он душу читать умеет.

Дома Михаил прочитал в отцовских книгах об исповеди, об епитимьи. Он мог часами лежать на кожаном диване, глядя в одну точку на потолке, и точка эта проецировалась куда-то в космическое пространство и витала там вопросом о смысле жизни, который, в свою очередь, распрямлялся в восклицательный знак, последующий за криком: «Жизнь – нелепость какая-то»! Никак не получалось хоть немного убедить себя в невиновности, хоть часть вины свалить на свою компанию, и не получалось это именно потому, что невиновным его назвала сама Антонина Павловна. Грубый реализм ситуации дополнился тем, что в один из дней к Михаилу явился Андрей и попытался его «успокоить»: ничего, мол, страшного не произошло, есть такие перекрестки, на которых две прямые обязательно пересекутся, и радуйся, что не ребенок выскочил под машину, а бабуля, которой прогулы на кладбище ставили... «Она не выскочила, потому что бабуля», – ответил Михаил, отвернувшись к стене – не нашел в себе сил послать друга подальше вместе с его демагогией. Тот же, в конце концов, успокаивать и сочувствовать пришел, облегчить страдания, подвести под научную основу оправдание ошибки.

Потом можно было продолжать жить дальше. Хочешь не хочешь, а двигаться во времени приходится. Лежа, сидя, ползая или на бегу, разговаривая или пребывая в глубокомысленном молчании. Человек ко всему привыкает, и к чувству вины – тоже. Лена приходила, бродила по комнатам, как привидение, гладила его по голове, когда он лежал на диване, и больше между ними ничего не происходило. Так или иначе, она была рядом.

На исповедь у Михаила духу не хватило. Он несколько раз вставал в очередь к амвону, но какая-то сила выбрасывала его из храма, ему становилось душно и тяжело, происходящее вокруг казалось нелепым и ничего не решающим. Так ходил он несколько дней между бесами и ангелами, что тянули его в разные стороны: одни в храм, другие из храма. И тогда Михаил сам на себя наложил епитимью. Каждый день после службы он подъезжал к храму и предлагал калекам, что просили милостыню у ворот, и старушкам, ковыляющим после службы домой, бесплатно их подвезти.

Первое время его чурались, отмахивались, не верили, что бесплатно, незаслуженно называли Михаила бандитом и машину бандитской. Но однажды из ворот Никольской церкви вышла та самая женщина, что уговаривала его на поминках пойти на исповедь.

– Ой, Миша, – обрадовалась она, – и правда подвезешь? Как раз у меня ноги чего-то болят.

И еще позвала с собой подругу.

С тех пор его не боялись, и машина всегда полная отъезжала от храма, чтобы петлять по узким улочкам старого города, а после забрасывать дальних в какой-нибудь из микрорайонов. Несколько раз подвозил опаздывающих на дом дьяконов, а один раз – даже благочинного.

Через месяц Михаил стал приезжать за полчаса, час до окончания службы, в зависимости от того, как позволяла работа. Теперь он без опаски и тяжести в душе входил в храм. Стоял на службе, подходил к иконе святителя Николая и подолгу смотрел в его строгие, но добрые глаза. Отец Михаил подарил ему молитвослов, и по вечерам Михаил открывал его, чтобы прочитать сбивчивым шепотом несколько молитв, которые казались ему белыми стихами. Дошли руки и до Библии, правда, Ветхий Завет осилить не смог, а вот Новый и Деяния – прочитал несколько раз. Он сам не заметил, как в жизни появился совершенно новый смысл, правильнее сказать, не новый смысл, а смысл вообще, ибо предыдущее существование представлялось ему теперь беспорядочной и глупой суетой. Друзья, которые, получалось, не были друзьями, постепенно отходили от него. Какой прок от человека, который не ходит на шумные вечеринки, не обсуждает новую серию «Властелина колец» или «Матрицы», не интересуется современным автомобилестроением и не волнуется о курсе доллара? Рядом оставалась только Лена, и ее Михаил вдруг увидел совсем другими глазами. В один из теплых февральских дней она перестала быть просто объектом вожделения, слепой страсти, у чувства появился совсем новый привкус. Нет, страсть не улеглась совсем, не исчезла, просто обрамилась

бережливой нежностью. Это когда женщин носят на руках не ради себя, а ради женщин.

В один из мартовских гололедных дней, перед страстной неделей, к машине Михаила раньше старушек или священников подошел бритоголовый здоровяк в кожаном плаще.

– Brателла, до Воровского не подбросишь? – попросил он. – У меня товарищ где-то завяз, а у мобилы батареи сдохли.

– Садись, – кивнул Михаил, обет есть обет.

Попали в «красную полосу», и на каждом светофоре приходилось стоять. Пассажир явно нервничал.

– А быстрее-то нельзя? Машина – зверь!

– Я по городу больше шестидесяти не езжу.

– Че так?

– Правила такие.

– Да ты че, братан, правильный? Ты че – нерусский? Быструю езду не любишь?

– Люблю, но только на трассе Париж–Дакар.

– О как, – и замолчал с таким видом, точно сидеть рядом с таким водителем для него жуткое оскорбление.

На улице Воровского остановились у одной из многоэтажек. Пассажир деловито полез в бумажник.

– Скока лавэ, брат? Сотки хватит?

– Я денег от храма не беру.

– Слышь, я тоже ведь не урюк какой, специально в церковь ездил Николе свечку поставить. Этта мой святой. Поэтому ты меня не обижай, одного бензина скока сжег. Короче, вот... – и оставил на сиденье сложенную пополам сторублевку.

Михаил посмотрел на нее так, будто она сейчас прожжет сиденье. Но успокоился, подумал: «Отдам нищим», правда, с места рванул, как давно уже не делал. «Toyota» утробно рыкнула и понеслась.

Уже после Пасхи Михаила разыскал Андрей, который иногда выступал его менеджером на гонках регионального масштаба. Нашел он его вечером у храма.

– Ну, не надоело еще извозчиком у Господа Бога работать? – это он сказал вместо «здравствуй» или хотя бы «привет».

– Нормально, – бесцветно ответил Михаил.

– Есть предложение. Тут областная федерация проводит кольцевые гонки по грунтовке. Первый приз – три тысячи баксов, второй – две, третий

– одна, участие – двести. Ну, разумеется, тотализатор, можно ой как накрутить. Заявки подают еще три дня. Я пока застолбил на нас местечко. Спонсором выступает банк «Коммерциал». Ну как?

Михаил закусил губу. Он не думал о соревнованиях уже несколько месяцев, упустил пару лестных предложений. В итоге его могли вообще списать со счетов. В кровь плеснуло адреналина, сердце ёкнуло и припустило, вспотели ладони: прямо таки почувствовал на своих руках беспалые кожаные перчатки.

– Ну?! Рожденный летать не может ползать! – Андрей растянул улыбку, замечая, как загорелся подзабытой страстью взгляд Михаила.

– Я ж не большой специалист по кольцевым, – последняя капля сомнения покинула душу гонщика.

– Чепуха! Ты прирожденный пилот! Ты и вокруг столба смог бы.

Михаил грудью лег на руль. Тихая улочка от Никольской церкви упиралась впереди в центральный проезд. Там наступающие сумерки разноцветными пулями рвали иномарки. Еще недавно – от светофора до светофора – Михаил всегда был первым. Прошлое поманило его азартом и беспечностью. Ну не в монастырь же теперь уходить…

– Садись, – кивнул он на соседнее сиденье Андрею и повернул ключ зажигания.

Включил фары и вдруг...

Всего на пять-семь секунд в свете фар появилось видение: старушка в сером пальто и пуховом платке, испуганный взгляд, прижатая к губам вязаная варежка... Антонина Павловна! Как в ту злополучную ночь. Холодный пот выступил на лбу, ледяными горошинами прокатился по спине.

– Ты видел? – спросил Михаил Андрея, успевшего сесть рядом.

– Чего? Кого? – улыбался Андрей.

– Нет.

– Чего нет?

– Я не буду участвовать.

– Да ты что, Михаил?! Тебя же спишут!

– Пусть...

– Ты же ничего больше не умеешь. У тебя же дар от Бога!

– А я, как ты заметил, на Него и работаю...

– Шум трибун на церковный хор поменял.

Домой Михаил вернулся поздно. Лена ждала его, давно приготовила ужин. С тревогой посмотрела в глаза, знала, что Андрей разыскивал его.

– Мне тут работу предложили.

– Ну и?

– Благочинному водитель нужен, пока со своей машиной, потом «Ниву» купят. Платить будут неплохо, не хуже, чем в какой-нибудь коммерческой фирме.

– А ты?

– Согласился.

– Слава Богу.

– Батюшка обещал нас обвенчать.

Через некоторое время Михаил прочитал в газете, что на областных кольцевых гонках произошло несчастье. Несколько машин попали в свалку, трое гонщиков крепко покалечились, двое погибли.

В этот день Михаил заказал сорокоуст за упокой души рабы Божией Антонины.

Ханты-Мансийск – Горноправдинск
Январь 2004

ОХОТА НА ИЗМЕНУ

Внебрачной (телефонной) связи
и моему другу Славе
посвящается

Прожили долгую, местами счастливую, местами сносную жизнь. В наше время, когда тебе за сорок, уже можно так сказать – прожили жизнь. Никто, конечно, никуда не торопится, но подобные утверждения существуют не только для последней точки, а хотя бы и для запятой, означающей переход к следующему этапу. Повидали все: многоклеточную прокуренную и пропитанную сыростью общагу, чуть-чуть нищеты, настоящее, прилагающееся как раз к нищете (и чаще всего только к ней) счастье любви и полной взаимности, медленный подъем с переменным успехом на крутую гору семейного благополучия. И, наконец, поднялись... Поднялись так, что сверху можно поплевывать на тех, кто когда-то посмеивался над их возможным будущим. Но не поплевывали. Без того хватало забот.

Нужно было обживать двухэтажный особняк со всеми вытекающими и затекающими, нужно было продолжать держаться в седле, а значит, много работать, мало видеться друг с другом и еще меньше отдыхать. Слава работал по деньгам, а Нина работала по инерции. Могла бы уже и не работать, но не могла, потому как блуждать с журналами и книгами между экранами телевизоров считала недостойным бывшей советской женщины, во всем, а главное в праве на труд, равной с мужчинами.

Дом обживался медленно. Неторопливо искала себе место у стен дорогостоящая аппаратура, мебель, опускались на окна портьеры и шторы, взлетала на пьедесталы сантехника, приравниваемая к шедеврам мирового искусства. Хуже было с телефоном. Городские связисты даже за большие деньги не успевали телефонизировать новые районы, но, в конце концов, и до этого особняка у них дошли руки. Правда, супруги по привычке больше общались по мобильным телефонам, пренебрегая элементарной экономией семейного бюджета.

И все же дома приходилось часто бывать одной, и по вечерам Нина порой грустно смотрела на себя в зеркало: никаким кремом молодость не вернуть. И хоть бодрилась, мыслила себе традиционное успокоительное: в каждом возрасте есть свои прелести, в каждом возрасте женщина по-своему прекрасна, но упрямым задним умом понимала: не то! Поздно, матушка, пить боржоми, когда почки уже отказывают... А вот Славу седина, напротив, не старила, а придавала солидности, а то и эротичности. Да и лукавинка у него в глазах как горела с бурной юности, так и до сих пор сияла, а могла так полыхнуть, что наивные девчушки начинали томно смотреть на него и сучить каблучками по полу. Только позови!

И что ему? Джип под задом, мобилы в каждом углу валяются, костюмы... Хоть отдельно тетеньку пожилую для глажения всех этих гардеробов нанимай. Заодно домину эту убирать! Каждая уборка, как Сталинградская битва, и огород еще – полигон для сталинской коллективизации. А он целыми днями мотается. Подпустишь ревности для проверки – лукавинка в глазах заискрит, улыбочка мелькнет, ответит чего-нибудь с издевкой про вынужденную импотенцию. Кольнешь другой раз – может и обидеться: тебе, мол, что, список любовниц обязательно нужен? Случайные встречи и минет в лифте тоже записать для отчета?

А тут еще старые подруги, у кого мужьям взлететь не удалось или у кого их никогда и не было, окружили едким сочувствием. И шепотком, вполголоса, стали проедать как маленькие мышки, душу: «Ой, Нинуля, за мужиками с положением надо глаз да глаз! У них ведь теперь как: смотрят друг на друга – кто на какой машине ездит и сколько у кого любовниц. Да и заводят себе – малолеток! Ужас, Нина, я тут такую историю слышала...» «Нинок, а ты слышала, что про твоего говорят...»

«Да где ж слышать то? Только от вас и слышу! Где? Когда? С кем?» – «Ну, Ниночка, об этом же так не говорят. А вот что он у тебя делал, когда ты к маме на три месяца ездила? У него тут знаешь сколько баб перебывало!» «Так это партнеры по бизнесу!» – «Дура ты, Нина, по сексу это партнеры, а бизнесом они в постели и занимаются, это у них шарм такой. Трахаются, а по ходу дела еще мобильники накручивают, распоряжения менеджерам дают. Ох, Нинок, я бы на твоем месте обязательно Славика за одно место поймала».

Поймала. Да самой-то это место по большим праздникам…

Мобильники? Мобильники! Когда Нина услышала это слово, она почувствовала себя охотником, находящимся в двух шагах отпопавшего в ловушку зверя. Мобильник – это ведь маленький компьютер, это такая

карманная пискля, которую пока щечкой непогладишь, не успокоится. Но с другой стороны, это маленькая злопамятная штучка... Она же все номера сохраняет! Эх! Аж рукизатряслись, так захотелось в памяти Славиного телефончика порыться. Он ему Чайковским поет, а кто его знает, кто за тем Чайковским прячется. Может, целое леблядиное озеро...

В этот вечер Нина выложилась на кухне на все сто. Такого от нее тоже только по большим праздникам жди. Будни – это марш полуфабрикатов и позавчерашнего борща. А тут: котлеты по-киевски, под картошечку с тушеными овощами, борщец такой, что ложка стоит, курица черносливом фаршированная (если вдруг котлеты не по настроению), зелень, приправы – острее только меч самурайский, ароматнее – да нет ничего ароматнее. Ну и, как на Руси водится, запотевшая бутылочка «Смирновки» из морозилки да под клюквенный морс – витамин «с» с рубином в стеклянном графине, чтоб глаза просили!

Он, конечно, за ужин такой отомстит. Будет ерничать про вчерашнюю яишню, куда ненароком лишняя горсть соли попала да еще скорлупу проглядела. Но отомстит по настоящему потом. Ночью. А это он умеет. По старинке. По-новому тоже умеет. И дух захватывает, как будто медовый месяц не кончился. М-дас... Воздержание с целью возникновения соответствующего голода имеет свои приятные последствия. Вот еще бы от себя кусок сальца отрезать, да кожу кое-где подтянуть без хирургической помощи, чтобы от упругости не только кровать гудела.

Телефон Нина читала ночью, сидя на унитазе. Оптимальный вариант для конспиративной деятельности. И хотя Слава утомленно похрапывал, не обещая проснуться ранее, чем минут через 300–400–500, Нина решила проводить расследование по всем правилам. Понятым выступал пришибленный кот, успевший юркнуть в дверь за хозяйкой. Теперь щурился на нее подозрительно и откровенно зевал: ты хоть сама-то знаешь, что ищешь? Знаю, милый, знаю... Все номера служебные наизусть... И по книжке читала и в компьютер, где тоже списочек есть, заглядывала. Успевай только сличать.

И нашла-таки! Нашла один номер, который не вписывался ни в какие служебные надобности. Вот те, котяра: 3-12-27! Чейный? Ась? И сердце заныло, и в голове засвистело: потому как пролетели в ней сто двадцать пять тысяч вариантов разборок с неверным мужем, а также их возможные последствия. Еле-еле удержалась не разбудить его сей момент, с холодным ведром, тихо легла, сунула Славин мобильник под свою подушку: вдруг ночью проснется, опомнится, сотрет заветный номерок из памяти! Нет! Ноль шансов.

И ворочалась, как барабан стиральной машины, до самого утра. Ни сна, ни дремоты, сплошные невеселые картинки и рефрен: давнишнее мамино предупреждение: за кого ты, Нинуля, бежишь? Ветер у него в голове! Сквозняк!

Вот и просквозило...

Но следует признать, ни слезинки! А под утро даже уверенность в себе, помноженная на женскую хитрость (в сущности читаемую и потому глупую, ибо другой Бог прародительнице не дал: хошь яблочка, Адамчик, а то мне одной в аду скучно будет!).

Утром лицо хоть и опухшее, мятое, но каменное. Кофе на стол, бутерброды и вопрос, чтоб подавился:

– Слава, я знаю, у тебя есть женщина.

Не подавился, гад. Только посмотрел опять, выстрелил своей лукавинкой:

– Давай, развивай мысль, обвинительную речь уже написала?

– Написала. Написала ее твоя телефонная трубка!

И бей подследственного, пока не начнет давать показания:

– Ты ей часто звонишь?

– Кому? – не удивился, не испугался. Тертый калач. Ну мы его во всех местах потрем, крошки посыплются.

– Женщине своей.

– Какой?

– Хватит юлить, Слава, я ее вычислила.

– Где расчеты? – еще шутить пытается.

– Вот здесь, – достала из кармана халата заветную трубку.

– Зачем тебе мой мобильник, там нет функции калькулятора?

– Зато есть функция половой связи. Я так и думала, что не может у такого мужика, как ты, не быть женщин на стороне. Правильно мне про тебя говорили...

– Ну тогда давай конкретно: имена, фамилии, сальные подробности, а то как-то невесело с утра. Ночью вроде хорошо обоим было.

– Это я твою бдительность усыпляла.

– Зато у тебя, вижу, от бдительности глаза опухли.

– Да уж, не от слез. Теперь скажи, чей это номер, – и высветила его – генеральный вещдок. Все! Теперь запрыгает карась на сковороде. Или, как Гитлер, отравит меня первую, а потом сам, если смелости хватит. А потом кота... Нет, кота в первую очередь.

– Хочешь разговор начистоту? – стал серьезным, держит марку. Держи-держи, скоро эту марку не на что клеить будет.

– Да, хочу. Чей это телефон?

– Одной женщины.

И все-таки сердце опустилось ниже всяких там женских органов.

– У тебя с ней что?

– Что?

– Близкие отношения?

– Да, у меня с ней близкие отношения.

– Очень?

– Как полагается.

– Ну, конечно же, она молодая...

– Да нет, она твоего возраста...

– Да?

– Да.

– Тогда, тем более, это любовь. С молодой я бы еще поняла...

– Да, это любовь.

В сердце образовалась такая пустота, что голос стал в нее проваливаться. Предательски… А еще говорят женщины выносливее мужчин. Вот сидит глыба мяса и еще бутерброд продолжает жевать. Все они – дети промискуитета. Собралась с силами и снова в бой:

– Старая любовь?

– Любовь старая не бывает, она бывает первая, юная и вечная.

– И как эту любовь зовут, если теперь уже не секрет?

– Как бы это сейчас ни прозвучало… Можешь удивиться, но ее зовут так же, как и тебя – Нина.

– Нина?

– Нина...

– Нина...

Минуту он жевал бутерброд, а Нина – тишину. Все: победила, но враг почему-то не разбит. Так, какой там у нас был вариант сценария на подобный случай? Ага, триста сорок второй...

Но нет, сюрпризы продолжаются, у него есть свой сценарий.

– Дай мне мой телефон, я ей позвоню.

– Сейчас? При мне?..

– А чего теперь... Познакомишься...

Сто лет проживешь с человеком, а меру его цинизма узнаешь только, когда станешь ему не нужна.

– На, дави свои любимые кнопки.

И он невозмутимо давит, а они ему сладенько подпевают.

И тут, в самый неподходящий момент, начинает трезвонить забытый домашний телефон. Въедливо так, мертвого подымет.

– Не вовремя, – ругнулась, но пока еще хозяйка – пошла сама брать трубку, угловым зрением отслеживая – не ответила ли Славина любовь. – Да! Слушаю! – и кому в такую рань звонить в радость?

– Это я, – знакомый голос в трубке.

В голове крутятся тысячи опознавателей. Ни один не срабатывает.

– А это ты, Нина? – и такой нежный голос, но почему-то в оба уха.

Тьфу, да это же Слава с другой стороны наклонился, да еще и за талию обнимает.

– Не поняла? Это ты?

– А что, тебе еще какие-то мужчины звонят? – и с лукавой своей улыбкой показывает ей номер, что высветился на трубке: «соединение с 3-12-27».

– Нина?

– Нина.

– Моего возраста? А это чей номер... Это наш номер? Это наш номер?!

Вы когда-нибудь слышали, как женщины идиотски хихикают сами над собой? И так до конца жизни и не поймешь: то ли от радости, то ли от несобранности своей постоянной, то ли яблочко Евино вспомнили, то ли от ревности, которая имеет место быть всегда. Как и любовь.

Не все истории заканчиваются любовью по телефону, но вы бы слышали, как хохочут после таких историй мужики! И в хохоте этом ломается в миллионный раз ребро Адама, и этим же ребром отходят нас по спине, если ревность окажется сильнее любви.

Февраль 2004

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Это была тяжелая школа. Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать...

Генерал вермахта Блюментрит

Старый, немного пьяный казах рассказал мне эту историю 9 мая 1985 года на КПП войсковой части 19880, где он ждал своего внука-солдата. И я ему поверил. Мой дядя, отстоявший Сталинград и оставивший свое имя на берлинских стенах, рассказывал не менее удивительные истории. В принципе – ничего для нас удивительного, верить в победу.

* * *

22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут люфтваффе вторглись в воздушное пространство СССР, чтобы обрушить смертоносный груз на спящие города и военные аэродромы. 23 июня 1941 года в 15 часов 30 минут Андрей Нилов вышел из больницы с убийственным диагнозом: рак легких на последней стадии. Да еще и эти, как их? А! Многочисленные метастазы! «Два-три месяца – в лучшем случае, две-три недели – в худшем», – признался тихий интеллигентный доктор. Видать, насобачился уже беседовать со смертниками из онкологического отделения. В сущности, Нилова отпустили домой умирать, и он, стоя на крыльце с папиросой во рту, раздумывал, как это лучше сделать. Пойти на завод и напиться с ребятами? Не поймут, второй день идет война. Завалиться с девчонками в кабак да гульнуть последний раз? Не поймут, второй день – война. Пойти и удавиться? Не поймут, скажут – слабак. Страха особого перед смертью у Нилова уже не было. Ему санитарки еще месяц назад нашептали, что отнюдь не бронхит у него с осложнениями. Было время подумать. Правда, с одним единственным вопросом так и не удалось разобраться – почему именно он – Андрей Нилов – двад-

цати восьми лет от роду, неженатый, комсомолец, передовик производства, награжденный за перевыполнение плана пиджаком фабрики «Большевичка» и прочая и прочая? Почему? За что? И как теперь со всем этим быть? Ни в Бога, ни в черта воспитанный в советском детдоме Нилов не верил, постперестроечных книг о всяких там кармических болезнях тем паче не читал. Вот и стоял он на крыльце больницы с давно потухшей папиросой в зубах, не имея ни малейшего желания идти в общежитие, где здоровые и шумные ребята собираются добровольцами на фронт. Еще бы, надо же успеть побить фашистов, пока они сами не убежали.

Очень хотелось обидеться на весь мир, но, миру, похоже, было не до умирающего Нилова. Точнее, мира не было, была война. Понедельник – день тяжелый. Пожалел его в пятницу доктор. Пока санитарки и сестры шептали, вроде как надеялся еще. А теперь...

А теперь плыли по небу редкие, странные, замысловатые облака, похожие на застывшие взрывы и на испуганные мысли одновременно. Солнце палило так, будто протуберанцами чаяло дотянуться до земли и выжечь на ней всю мерзость и гадость. И – вот удивительно – по-над улицей плыл военный воздух. Именно военный. Он был разжижен послеполуденным зноем, по цвету имел странный темный оттенок, делающий его ощутимым оптически, и весь насквозь был пронизан летящими отовсюду молекулами настороженного ожидания. Стоило вдохнуть его, и всё – человек уже не тот, что был вчера, час назад, минутой раньше. Он становится человеком военного времени.

Но вот этот воздух содрогнулся.

Распевая «Прощанье славянки», по улице мимо больничного крыльца прошел отряд еще гражданских, но уже мобилизованных мужиков. Сопровождал их малорослый, осунувшийся от двух бессонных ночей кадровый офицер. Его припухшие глаза, иссеченные видимыми даже на расстоянии кровавыми прожилками, являли выполнение сверхзадачи. Он мельком, но очень красноречиво посмотрел на внешне праздного Андрея Нилова. За отрядом бежали и подстраивались под шаг взрослых мальчишки. Они тоже с весьма недетским недоумением осмотрели мыслящего под больничной вывеской Нилова. Словно Нилов только что перед самым боем получил в больнице отсрочку, потому как в детстве переболел свинкой. И все вокруг об этом знают!

Постояв на крыльце еще какое-то время, Андрей решительно выплюнул папиросу и отправился обратно в кабинет тихого доктора. Тот без особого удивления встретил своего пациента и будто знал причину его возвращения:

– Нет, в ближайшее время лекарств изобретено не будет. Операция, как я уже сказал, вам не показана. Разве что – чудо...

– Да не-е, – равнодушно отмахнулся Нилов, – я про другое. Дайте мне справку, что я абсолютно здоров.

Вот теперь брови доктора взметнулись от удивления под самую челку. Он, покусывая губы, внимательно смотрел на пациента, вероятно, ожидая продолжения и объяснений. Руки чуть подрагивали.

– Война, – пояснил одним словом Нилов.

– Война, – согласился доктор.

– Дайте умереть с пользой! – занервничал от медицинского непонимания Андрей.

Доктор покачал головой, все так же участливо, но весьма отстраненно глядя на Нилова. Целый рой мыслей разлетелся в его голове в разные стороны.

– Вариант эвтаназии?.. – сказал он сам себе.

– Чего? – не понял пациент.

– Да нет... Это я так... Война, я понимаю. Поэтому вы меня решили под трибунал подвести?

– Что вы, доктор! – Андрея прямо-таки скрутило от обиды. – Вы тут со мной столько возились. Я же говорю, война! Я хоть умру с пользой! Неужели не понимаете?

– Да вы, может быть, завтра уже винтовку поднять не сможете!

– На войне до завтра еще дожить надо. Знаете, доктор, мне всего двадцать восемь лет. У меня девушка была, но замуж вышла за комсорга из нашего цеха. Родителей не помню, батя еще в Первую мировую сгинул, а мать – в Гражданскую. И я, доктор, я это... В общем – нет у меня никого. Никто я! Вам не понять, наверное. Я думал, добьюсь в жизни всего сам. Обязательно добьюсь. А теперь жизни нет. Всё! Приехали! – Андрей даже порозовел лицом, отступила вглубь болезненная пепельная бледность. – И вы не хотите мне дать шанс уйти из этой жизни, может, и не героем, но хотя бы... Эх, да что я вам тут... Пирамидон, а не жись...

– Я вас понимаю, – вдруг очнулся от своих невеселых мыслей врач. – У меня отца красные убили, а мать – белые. Я дам вам то, что вы хотите.

Андрей Нилов замер с открытым ртом, пытаясь всмотреться в грустные серые глаза тихого доктора, которого еще минуту назад хотел обозвать «врагом народа». Достаточно встретить соразмерное горе, чтобы не выпячивать свое.

– Вы тоже детдомовский? – только и спросил Андрей.

– Нет, меня бабушка воспитывала. Пока была жива. Но она тоже умерла. От рака...

– П-п-понятно...

Свою жизнь врач объяснил Нилову в двух словах.

Доктор же вспомнил сегодняшнее утро. Другого мужчину. Сытого, здорового и прилизанного, пытавшегося посредством перезрелой папилломы на ягодице получить отсрочку от призыва. Какие разные они были с Андреем Ниловым!..

* * *

Когда вам повезло в чем-то главном, то может абсолютно не идти в масть по мелочам, и наоборот, малые обстоятельства поворачиваются к вам лицом, а узловое, самое важное – проваливается, буксует или вообще остается недостижимым. Нилов считал, что в главном ему не повезло, зато остальное...

Уже в середине июля Андрей Нилов сражался под Смоленском. Первым вместе с командиром поднимался в атаку, а уже через минуту шел на неприятельские окопы без командира, сраженного вражеской пулей. Быстро научился у воевавшего под Минском старшего сержанта делать бутылки с зажигательной смесью, каковые следовало бросать на моторную часть танка. Главное, что понял – эта война надолго, а немцы умеют воевать – педантично и продуманно, и трусливыми буржуями их не назовешь. Главное, о чем думал – лишь бы не скрутило до срока. А срок всё не наступал. Очень не хотелось подвести доктора. Болезнь покуда напоминала о себе только давящей болью где-то в средостении да чрезмерной потливостью и неожиданной слабостью после боя, которая буквально валила с ног. Но потели вокруг все. Кровь, грязь и пот – без этих трех составляющих войны не бывает. Пули и осколки предательски пролетали мимо, выкашивая вокруг Нилова целые роты молодых и здоровых ребят. Наград Андрею не давали, ибо командиров убивало раньше, чем они успевали представить его к награде вышестоящим начальникам, кои, в свою очередь, были жертвами ускоренной ротации.

В конце июля бои под Смоленском кончились. Унылые, поредевшие на две трети колонны в облаках пыли двигались для переформирования на Восток. Среди прочих шел избежавший смерти и окружения младший сержант Нилов. Немцы давили на пятки моторизованными дивизиями. Хоть и вынудили их под Смоленском перейти к обороне, не нашлось еще

на всей Великой Руси необходимой силы, чтобы погнать тевтонов, не подтаял еще лед на Чудском озере, не раскисли еще проселки в подмосковных лесах да не выпал дружок-снежок.

О болезни в эти дни думалось меньше всего. Зато вспоминались детдомовские уроки истории. С какой болью в голосе седая и маленькая Ольга Александровна рассказывала о том, как соединившиеся под Смоленском русские армии отступали к Москве в 1812 году. И хуже того, как отступали после Бородино, не проиграв этого великого сражения... А потом покидали Москву. И не понимало сердце Андрюхи Нилова кутузовскую необходимость сдачи столицы при всей гениальности тарутинского маневра.

Среди идущих в колонне никто предположений не делал: удержим ли Москву? Предпочитали молчать или обмениваться ничего не значащими фразами. Многие оставляли за спиной свои города, поселки и деревни. Как там родные? И Нилов всё больше соприкасался всеобъемлющему, спаянному огненным июлем общему горю, на фоне которого свое личное казалось несоразмерно меньшим. Да и вообще несущественным. Никто из близких не остался у Андрея за спиной, никто не встречал впереди.

В октябре Нилов ждал смерти. Все сроки, определенные тихим доктором прошли. Особых болевых ощущений по-прежнему не было, да и мнить их было некогда, смерть снаружи гуляла куда как проворнее. Действительно – тайфун. После 7 октября под Вязьмой было жарче, чем в июле под Смоленском. Новый командир батальона истребителей танков, в котором служил теперь Нилов, был лет на пять младше Андрея. Фамилия у него была Костиков. Он был щуплый, угловатый и весь из себя интеллигентный. Солдат называл на «вы» и будто бы стеснялся отдавать приказы, иногда сопровождая их волшебным словом «пожалуйста». «Нилов, смените, пожалуйста, Фролова...» Сразу видно, успел окончить институт. И вместе с высшим образованием и ускоренными курсами комсостава на его плечи легли офицерские погоны. Но именно за неуместную вежливость бойцы полюбили лейтенанта Костикова.

Фрицы все отчаяннее сжимали кольцо окружения, а солдаты и командиры генерала Лыкова все отчаяннее сопротивлялись, не оставляя гитлеровцам шанса совершить увеселительную прогулку на Москву. Русская столица фон Боку выходила боком. До его отстранения оставалось чуть больше трех месяцев. Но об этом Нилов ничего не знал и не узнал значительно позже... Ему и фон Бок, и Гудериан, и сам Адольф были по боку. Мог бы достать – задушил бы, порвал на клочки голыми руками.

В середине октября стало особенно жарко. Остатки дивизий, сжатые в окровавленный кулак, предполагали прорваться на Восток. Туда, где не-

виданной доныне стеной стоял русский дух, стяжавший в себя дух многих народов. Тех, которых нацистская Германия официально не считала за людей, а если и считала, то – за неполноценных. И вот эти неполноценные с последней гранатой устремлялись под танк, с именем тиранившего их Сталина поднимались в заведомо проигрышную атаку, бросались с голыми руками в рукопашную, когда у них кончались боеприпасы.

Костикова берегли. Еще и потому, что была у лейтенанта несоответствующая боевой обстановке особенность. Он мог прямо в пылу боя впасть в задумчивость, и немалых усилий стоило его привести в сознание. Но оборону батальона он строил продуманно и четко. Берег солдат. И солдаты берегли его. Назначенный батальонным командиром из-за нехватки старшего офицерского состава худосочный Костиков не только справлялся, но мог бы, похоже, командовать полком. Голова у него варила лучше некоторых военачальников с лампасами.

Фрицы, между тем, озверели. Артобстрел и авианалеты прекращались только на обед, ужин и несколько часов, когда над полями сражений плыла дымная, наполненная удушливой гарью и сладким запахом разложения темнота. И вот наступило утро последней атаки. В это промозглое, уже пахнущее первыми заморозками утро остатки батальона да и прибившиеся к нему бойцы из других подразделений должны были подняться на прорыв вслед за своим щуплым парнишкой. И поднялись. Но так уж вышло, что именно на этом направлении немцы приготовили свою очередную атаку. Поэтому сошлись в низком редковатом подлеске сытый полк гитлеровцев при поддержке танкового батальона и голодные солдаты Костикова. Аккурат в этот момент, когда надо было принимать решение (а оно могло быть только одним – по одному и группами бежать в сторону на соседний участок прорыва, ибо героизм тут был более чем неуместен), Костиков впал в задумчивость. В таком состоянии его застали одновременно два человека: страховавший умного командира Андрей Нилов и розоволицый немецкий фельдфебель в серой, даже не испачканной грязью шинели. Будто только что со склада или с парада. Немец поспешно направил свой карабин в грудь русского лейтенанта, а Нилов понял, что, наконец, пробил его час. И не час, а миг, который он, не раздумывая, использовал для броска наперерез траектории пули.

И он уже не видел, как очнувшийся лейтенант Костиков выпустил в опешившего фельдфебеля последние патроны из своего «ТТ», как, откуда ни возьмись, появились на этом участке партизаны, внеся полную сумятицу в планы не только германского командования, но и растерянных

красноармейцев. Общей массой солдаты Костикова и разношерстная команда партизан просеялись на восток. И Костиков приказал нести Нилова на растянутой между двумя жердями шинели. Все полагали: Нилов – не жилец, но никто не роптал, и Андрея несли, сменяя друг друга, несколько километров. Потом – короткий привал, потом – снова несли. Нарвались на второе кольцо окружения, почти по инерции пробились, потому не остановить уже было, даже если против каждого красноармейца по танку выставить. Потом третье, там немцы и сами уже не чаяли сражаться с окруженцами. И так – до Можайской линии обороны, где обошлось без унизительных допросов СМЕРШа, ибо Костиков вывел свой батальон...

Нилов не умер. Не задела пуля жизненно важных сосудов. Но оставалась все это время там – внутри. Может быть, это было чудо, о котором упоминал тихий доктор? Но, похоже, чудо из другой оперы.

* * *

В осадном московском госпитале за Андрея взялся небритый широколицый хирург-казах. Он за последние сутки намахался скальпелем, как саблей, но, вняв мольбе Костикова, начал делать невозможное. В сущности, он делал это каждый день. Иногда получалось. Когда хирург уже подбирался к простреленному легкому, над столом склонился еще один доктор. Тот, который пришел сменить его.

Внимательно посмотрев серыми глазами в землистое лицо Нилова, он несколько удивился, а своему коллеге тихо сказал:

– Зря работаешь, Нурик, у него опухоль.

– Ты что – рентген? – не обратил внимания на его слова хирург.

Тихий доктор пожал плечами и отошел в сторону. Операционная сестра только стрельнула в его сторону быстрыми глазами: мол, устал, товарищ, военврач, бредишь уже. А военврач стоял немного в стороне, прикрыв рот ладонью, и размышлял о превратностях человеческой жизни.

– Как он? – заглянул в операционную другой интеллигент в лейтенантских погонах.

– Нармальна, да! – крикнул, не поворачивая головы, хирург.

– Он мне жизнь спас, товарищ военврач.

– Я понял, да-а-а! Не мешай, лейтенант. Сейчас извлекать буду! – Но потом замер на секунду. – Олег! Олег! Ты – рентген! Есть опухоль. Пуля прямо там. Ой, шайтан! Вот бы фотографию сделать... Вторая стадия, наверное, а он воевал.

– Четвертая, – поправил тихий доктор.

– Вторая, Олег, вторая! Или ты думаешь, только в Москве учат?! Или я меньше твоего видел? Метастазы нету еще! Даже регионально!

– Не может быть! Тогда – нету уже! Нурик, я сам... – и осекся.

– Ты что, Олег Игоревич? – остановился вдруг Нурсултан Бектимирович. – Это твой больной? – хитро прищурил монгольские глазки на операционных сестер: вы ничего не слышали. А те и не слышали: инструменты подают, расширители держат.

– Нурик, я потом тебе расскажу, не поверишь.

– Не поверю, Олег? Да я теперь чему хочешь – поверю. Ладно, будем удалять легкое, терять нечего. Крови он еще по дороге море потерял. Все равно – шансы мало, – помолчал некоторое время, собираясь с силами, подняв руки над головой, словно сдается в плен. – Тебя послушать, война лечит.

– Думаю, Нурик, она душу лечит, а душа – всё остальное.

– Ай-вай, Олег, чему нас материализм диалектически учит?! А?!

– Этот человек, помяни мое слово, Нурик, если вдруг выживет, попросит у тебя справку о том, что он здоров.

– Ты уже давал такую? – еще больше сузил глаза хирург, только бусинки-зрачки сверкнули, руки его, между тем, уже вовсю манипулировали. – Хороший человек, командира спас. Я бы такому пропуск в Кремль выписал, а не справку даже. Место в раю для него все равно забронировано, туда успеет еще...

– А я бы повременил удалять легкое, – загадочно сказал Олег Игоревич, – что-то мне подсказывает... Думаю, эта опухоль и так рассосется. Хотя, такого и не бывает.

– На войне?! На войне всё бывает! Может, ты тоже наденешь перчатки? Думать некогда! Думает он, понимаете! Ты хирург или философ?! Твоя смена, между прочим!

* * *

Сердце Нилова нашло свою пулю на Висле, когда Андрей Нилов уже передумал умирать... До победы оставались считанные месяцы. К этому времени он имел две нашивки за ранения и несколько наград. Может быть, и эта роковая пуля миновала бы старшину Нилова, но в сей ответственный момент Второй мировой войны пришлось ему поднимать в атаку бойцов раньше намеченного командованием срока. Недоукомплектованные пол-

ки и дивизии двинулись на озлобленных поражениями, вгрызшихся в мерзлую землю и бетон фрицев. По просьбе премьер-министра Великобритании Уинстона, мать его, Черчилля. Пошли в наступление, возможно, даже раньше срока, который предполагался Там, где решаются судьбы людей и определяется ход истории человечества. Советские солдаты спасали своей кровью драгоценную кровь солдат туманного Альбиона, английских же солдат за всю войну погибнет чуть больше двухсот тысяч. А наших – в одной Польше шестьсот тысяч...

Пуля пробила не только сердце отважного старшины, но и письмо в нагрудном кармане гимнастерки, написанное неразборчивым, быстрым почерком Олега Игоревича, химическим карандашом, испещренное какими-то странными медицинскими предположениями и терминами. Письмо это никто, кроме старшины Нилова, не читал. После войны Андрей Нилов хотел показать письмо своим близким, которые у него обязательно появятся. Но так получилось, что ближе детдомовских воспитателей, усталых солдат в холодном окопе и растерзанной Родины у Нилова никого не было.

Тихий доктор Олег Игоревич так и не узнал дальнейшей судьбы своего пациента. При всем желании не смог бы. Он погиб под Сталинградом двумя годами раньше. Бомба попала в госпиталь. Ведь, говорят, бомбы, снаряды и пули – не выбирают. Как и Родину.

НИКИТА КОЖЕМЯКА
(Реальная версия)

Сыну Арсению

Ой и жарким выдалось лето 992 года. Утренние росы на травах по берегам Трубежа висели на листьях крупными жемчугами, а к полудню даже птицы не могли пересечь небо из-за катившегося по нему раскалённого солнца. Вот, наверное, откуда легенда об Икаре. Поди – полетай, когда воздух подобен расплавленному железу. И только запах жареной конины или зверины плыл в знойном топленом мареве.

Три дня уже плавилось войско великого князя киевского Владимира на берегу, разметав вокруг шатров раскаленные кольчуги и шелома, даже деревянные доспехи прятали в тень, дабы случайный огонь не превратил их в пепел, и только с мечами не расставались ратники, что бродили по лагерю по пояс голыми. Да истекали потными реками те, кому в полном облачении был черёд стоять в дозорах и на страже у княжеского шатра. В самом же шатре третий день беседовал вперемешку с вином, что таскали сюда бочками из реки, Владимир Красное Солнышко с печенежским ханом. Упредил князь набег, когда донесли ему сторожевые отряды о движении печенежских орд из-за Сулы. О чем спорили? Слышали только иной раз стражники, как похвалялся печенег три года воевать русскую землю, если не получит от Владимира большого откупа. Знал, что дружина устала после недавних битв с хорватами.

С другой стороны реки галдел печенежский лагерь. Тем, как чертям в аду, жара была в радость.

Знал хан Илдея, что устали русы после недавних войн, но знал, что на испуг их не возьмешь. Потому и беседовал, попивая с Владимиром кислое греческое вино, не напирая, но въедливо и монотонно.

– Откупысся, коняз, зачема тебе война. Мене зачема? Уйду назад степь. Малый откуп возьму...

Владимир, поглаживая себя по окладистой бороде, как молнией сверкнул глазом в сторону хана, но сохранил достойное самообладание, только

приложился лишний раз к чаше с вином. Да уж! Пил киевский князь не помалу, пил да не пьянел. Только глаза наливались мрачной поволокой. Но даже умный хитрый язык не заплетался.

– Дань победителю платят, а ты кто?

– Знаешь, у меня в лагере есть одна отделанная серебром чаша... От отца досталась. Такой ум в этой чаше был!.. – подмигнул с намёком.

И теперь не вспылил Владимир, хотя понял, что речь идёт о слухах, по которым печенежский хан Куря сделал из черепа Святослава чашу и пил из неё, полагая, что передается ему сила великого воина. Да, скорее, просто похвалялся Куря. Если и пал на днепровских порогах отец, то шел туда сознательно, прикрывая основную дружину. Печенеги же думали, засада у них вышла. Свенельд, между тем, провел ополчение со всей добычей другим путём. И, скорее, предпочел Святослав утопнуть в днепровской волне, но оставить свою голову на поругание вряд ли. А уж кесарь Цимисхий помог Куре возвеличить его победу. И про чашу, поди, на пару выдумали. Не мог простить византийский император многих своих поражений от малой дружины Святослава...

– Ну что ж, ежели есть такая чаша, пусть из неё пьёт тот, кто хочет иметь долгую память. Мозгов и храбрости у него вряд ли прибавится. А вот память...

– Ну так как откуп? – нахмурился Илдея, который понимал, что слаб он спорить с Владимиром. – Будем биться?

* * *

Кегел, главный телохранитель хана бесцельно слонялся по лагерю. От нечего делать задирал разомлевших от жары русичей. Бывало, удавалось вызвать кого-нибудь на поединок, который заканчивался веселой победой: подняв над собой противника, двухметровый Кегел с криком бросал его на землю. Уж если тот потом и поднимется, то надолго калека. Хотелось бы побиться на мечах, да великий хан строго наказал оружия пока не вынимать.

Досадовал на одно. Говорят, в стане русских был настоящий силач Ян Усмарь. Видом невзрачный, мужичонка да и только. Ростом и то не вышел. Какой богатырь? Разве что руки у него необычайно жилистые. Уж как только не крутился вокруг него Кегел! Хотел испытать силу Усмаря.

– Эй, Ян, а почему у тебя два имени? И Никитой тебя кличут, и Яном. Это, наверно, потому что вас двое и один за другого прячется?

– Одно имя мне дали батюшка с матушкой, а другое – Господь Бог.

– Вот как! А почему твой Господь Бог с батюшкой и матушкой не посоветовался? – хитро прищурился Кегел, уж теперь точно зацепил молодца.

– Это они с ним не посоветовались, потому как Света Христова тогда не знали. Сами крещены не были.

– Раньше, выходит, в темноте жили?

– Выходит, – спокойно соглашался Никита.

– А правда говорят, что когда ты разгневался, то шкуру бычью руками на две части порвал?

– Да я потом три дня в Десятинной церкви этот грех замаливал! На отца ведь осерчал, грех это большой! Батюшка Димитрий епитимью наложил. Тысячу поклонов Пресвятой Богородице и молитву читал...

Ох и странные эти русские: и отца родного, и попов своих одинаково батюшками зовут, и Бог у них, говорят, Отец Небесный.

– Лоб не разбил? От поклонов?

– Не разбил. Только колени потом болели. Долго на коленях стоял.

– Вот мы вас, русов, побьём, будете тогда на коленях стоять.

– Может, и побьёте, но на коленях перед вами – агарянами – стоять не будем. – Ответил так невозмутимо, будто не о смертной битве речь шла, а об игре в кости.

– Не верю я, что ты шкуру порвал! – не выдержал Кегел, аж закрутилась серьга в ухе. – Сам пробовал, ничего не вышло! – сказал так, будто если у Кегела ничего не выйдет, то уж точно никто такую задачу не осилит.

– Не верь, кто неволит? Для этого сноровка нужна. Я кожу каждый день мну. Вечером рук совсем не чувствую.

Тут в поле зрения Кегела попал бык, что стоял рядом с повозкой у костра, на коем жарили конину. Оставив Никиту, Кегел как бы между прочим подошел к костру и сунул в него свой меч. Черным глазом одновременно прицеливал, куда понесется бык. Выходило – точно на круг, где сидел Усмарь. Вот и будет богатырская забава, пусть быка порвёт!

Раскаленным докрасна острием коснулся Кегел под хвостом у быка, предварительно разрезав стреножившую животное вервь. Дикий рёв пронесся над русским станом и эхом отозвался далеко за рекой, перекрыв шум обоих лагерей. Вырвав задними копытами огромные куски дерна обезумевший бык рванулся вперед и поскакал сначала именно в сторону Усмаря, но потом вдруг повернул и помчался, опустив огромную голову на шатер князя, где кроме Владимира находился и повелитель Илдей! Кегел оторопел, но ничего уже не мог сделать. Стражники у шатра ощети-

нились навстречу зверю копьями, но было видно, что вот-вот брызнут в стороны.

С боевым кличем кинулся наперерез быку Кегел. И совсем не заметил, что с другой стороны опередил его малорослый Никита. Правда, в руках у последнего ничего не было. Не было булатного меча, даже кинжала или ножа не было. Бык замер перед стремительным броском, метая из-под себя куски дёрна. Лагерь поднялся на ноги, заспешил к княжескому шатру. Кто-то бросил копьё да промахнулся, закачалось древко прямо под брюхом обезумевшего гиганта.

Не успевал Кегел. Зато Никита был уже рядом. Но бык рванул, набирая скорость, и прыгнул ему навстречу младший киевский кожевенник, голыми руками цепляя за бок. И, о чудо! Огромный зверь упал на колени, бороздя землю, страшно закричал и завалился. А над ним стоял Никита в руках которого остались после броска большой кусок бычьей шкуры, вырванный вместе с ребрами и мышцами заживо. Отбросив их в сторону, Усмарь навалился на шею, обхватывая её руками, и почти незаметно сдавил.

Из шатра на шум вышли князь и хан, оба встревоженные. От безделья ратники запросто могли начать биться не на шутку. Кегел вмиг оказался у ног господина.

– Прости, великий Илдей, я опоздал. Бык взбесился, но этот рус успел его остановить.

С другой стороны к ногам Владимира склонился седовласый ратник.

– Не гневайся князь, это мой младший сын, пятый, я и брать не хотел его ныне в поход, так он тайком за дружиной ушел.

– А я и не гневаюсь, – улыбнулся Владимир, – пускай вон хан поглядит, как у нас молодцы быков живьём на куски рвут.

Илдей сыпнул злобными искрами на Кегела, что стоял, склонив колено и опустив покорно голову.

– Этот, я слышал, – продолжил киевский князь, кивнув на Кегела, – за три дня немало дружинников моих покалечил.

– Мой лучший воин, – тихо сказал хан, и Кегел с благодарностью приложил к груди руку.

– Его ещё никто не победил! – гордо добавил хан и велел подняться телохранителю во весь рост.

Действительно, все окружающие стали вокруг жалкими середнячками, Никита в том числе. И, казалось, не найдется смельчака задирать такую силу, отлитую в смуглую груду мышц и огромный костяк. Но заговорил вдруг сморщенный старикашка, отец Никиты:

– А с моим в посаде просто никто не связывается. Боятся и всё. Сам-то он добрый, мухи не обидит. Но посадские его стороной обходят. Жалко, что и девки. Смеются, обнимет, говорят, Усмарь, до смерти. Так что над Никитой тоже ещё никто не брал верх. Старшие братья и те побаиваются.

– А по виду и не скажешь, – прищурился Владимир.

– Если урус такой богатырь, пусть бьётся с Кегелом! – решил вдруг хан. – Пусть бьются голыми руками до самой смерти. Если ваш Никита... Кожемяка, – пренебрежительно сказал Илдей, – победит великого воина, мы уйдем в степи. Три года не буду Русь воевать.

Кегел высокомерно посмотрел на простоватого с виду Никиту. Стоит мужичок, переминается с ноги на ногу. Видать, ему даже неудобно быть в центре внимания. То, что он руками шкуры рвет, ещё ничего не значит, в руках Кегела гнется булат!

– Если Никита победит, уедешь с Трубежа боярином, – молвил князь старику-отцу, а с Никитой никто и не разговаривал.

– Завтра, на рассвете, – решил хан.

– Завтра, на рассвете, – согласился Владимир, затем только посмотрел на Никиту: – Попытаешь, Никита?

– Отчего не спытать? – и потупил взгляд.

– За весь Киев ответ понесёшь? – хмуро предупредил князь.

Никита только вздохнул: чего, мол, говорить, надо – так понесу. На том и расстались.

* * *

Поутру, в густом предрассветном тумане, у трубежского брода сошлись две рати уже в боевом облачении. Ржали кони, тревожными колокольцами бряцал в утренней тишине металл, но воины с обеих сторон угрюмо молчали. Только немногие русские шептали молитвы. Варяги, как обычно перед битвой, подтягивались в центр. Вышел из шатра в сопровождении старшей дружины князь Владимир. Старик-отец Усмарь чего-то нашептывал задумчивому Никите у самой реки, смурные братья стояли в стороне.

Всё началось, когда князь и хан встали на конях друг напротив друга по обе стороны руки.

Илдей вскинул руку, и из печенежских рядов появился по пояс раздетый Кегел. Выйдя на центр брода, он вскинул к небу руки, сжав кулаки, и дико, подобно алчущему зверю не закричал даже, а завыл, и крик его подхватили печенежские ряды, и умноженный эхом он взметнулся к небу,

чтобы потом заставить вибрировать русские щиты и доспехи. А главное – сердца. Это был победный клич. Кегел шел побеждать и был абсолютно уверен в победе. Когда между травами да вдоль по воде вновь навязла тревожная тишина, со стороны русских полков вышел Никита. Раздетый по пояс, он не казался былинным богатырём, но торс его был как перевернутый колокол, да был рифлен натруженными тяжелой работой мышцами. Выйдя вперед, он не вскинул рук, не закричал, а поклонился в пояс сначала князю, а потом отцу. Широко перекрестился, но не на восток, а в сторону Киева.

Владимир засомневался: может, нужно было послать кого из старшей дружины? Эти ж целыми днями военное дело мыкают. А тут – младший кожевенник. Жутко пожалел, что любимый Илья был в эту пору в Новгороде, где тоже было неспокойно. Уж он-то, хоть и немолод, дохнул бы печенегу на маковку. Эх, а помнится в молодые годы, ещё до крещения, когда был Илья Добрынею, когда вел с молодым князем новгородскую дружину брать Киев, уж тогда забавлялся силою он своей богатырскою. Равного ему поединщика не было ни на Руси, ни в порубежных землях. Да что там поединщика! Добрыня мог один против пятерых выйти, а однажды против дюжины вышел. На пирах, правда, буен был, не унять, только держись подальше. Да и пить любил с голытьбой, кровь мужицкая в нем говорила. Зато после Корсуни вельми набожен стал. Богом дается таким людям сила, оттого и называют их богатырями. Будет ли ещё на Руси богатырь после Ильи?

Меж тем поединщики сошлись. На середине брода, стоя по пояс в студеной утренней воде, обнялись они будто родные братья. Кегел продолжал рычать, а Никита только молча сопел. Тишина среди ратников, только варяги меж собой лопочут, небось ставят на победителя, да поднялась в первый солнечный луч малая пичужка и неожиданно звонкой песней встретила новый день. Под эту песню и поднял над собой Никита своего врага. Поднял так, будто дуб с корнем вырвал. У Владимира отлегло на сердце...

– Ты его ручками сынок, ручками, чуть поддави... – услышал голос старого Усмаря.

Видать, Никита и вправду «поддавил», потому как захрустели мощные ребра Кегела, и не рык уже вырвался из его уст, а предсмертное издыхание. Так и забился в судорогах в руках Никиты.

– Чё с ним делать-то, батя? – повернулся к отцу Никита.

– Так это... Пусти его в воду... Може, и удержит его Трубеж.

Трубеж удержал. Сначала проглотил, а потом-таки поднял искаженным лицом вверх и тихо понес по течению тело печенежского богатыря.

И уж тогда только закричали воины Владимира. Забили мечами в щиты варяги. И настоящий победный клич волной ударил по стоявшим напротив неровным рядам Илдея. Горячие степные кони заволновались, сами стали поворачивать голову, норовя развернуться всем крупом. Илдей только кивнул князю Владимиру и даже взглядом не удостоил висящее поплавком тело Кегела, развернул коня и рысью поскакал в степь. За ним с диким, точно предупреждающим гиканьем понеслись его лучшие отряды, а там уж и остальные, втаптывая траву ниже земли. Да есть такое свойство у трав этих, как ни гни, как ни топчи, на следующее утро подымутся.

* * *

Как и обещал Владимир, род Усмаря по возвращении в Киев стал боярским. Ближним бояриным стал старый кожевенник, вот только Никита отказался идти в старшую дружину, в княжеские покои, вернулся в Посад. И, говорят, нашел-таки девицу, что не испугалась его железных объятий.

Три года после того было спокойно на Руси. Хоть и коварны печенеги, хуже греков, но Илдей сдержал слово. А может, помнил стоявшего посередь Трубежа улыбающегося Никиту? Тело Кегела унесла река в порубежные земли, чтоб и там знали, как на Руси встречают наглецов-гордецов. Чтоб знали, что остались ещё на Руси богатыри, пусть и не такие приметные, как почивший недавно Илья, про которого народ уже стал складывать песни былинные и небылинные. И про Никиту, как водится, сложит. И про стольного князя Владимира, прозванного Красным Солнышком, а позже названного святым, равноапостольным.

И потому еще, что жил в те времена в Посаде киевском Никита по прозвищу Кожемяка.

БЕКАР
(becarre)

Если ты не можешь подняться и не хочешь смириться – ты обречён на гибель... Талант (фанатичная работа в какой-либо области) – искрящее замыкание в цепи жизненной энергии.
В. Гаврилин. «О музыке и не только...»

1

Неистовая была пурга. Даже пушкинским бесам стало бы тошно.

«Невидимкою луна»? Белёсым размытым пятном в едва угадываемом направлении.

Снежные заряды били в лицо колкой слепящей массой, дороги и тропы сровнялись с единой волнующейся гладью кипенного моря, в котором, как корабли, терпящие бедствие, утопали двухэтажные типовые дома и разнокалиберные коттеджи. Вся окружающая действительность замыкалась вихрем в пространстве двух шагов видимости, и только низкий, но иногда срывающийся на фальцет, стон недалёкой тайги напоминал, что мир вокруг был огромен, а сегодня ещё и страшен. Редкие уличные кобры-фонари испуганно качали головами, но не могли толком раздвинуть бушующую мглу даже в метре вокруг себя. Минус тридцать на пару со шквальным ветром загоняли всё живое в любые возможные укрытия. И на обертон низкой протяжной ноты пурги срывались то пассажи, то длинные ноты с разрываемых струн-проводов, тянулись из арфы длящегося вдоль домов неровного штакетника и гуляющих в пределах снежных завалов ворот. След человека или автомобиля исчезал в молочном клубящемся вареве уже через минуту. Так, в ногу с ветром, наступала северная пустыня. Ёмкое и самое точное русское слово «стужа», выпав из звёздной стыни, пикировало в метровые сугробы, эхом неслось над землёй и снова дыбилось в мутное безразличное небо.

И хоть была у Василия распространённая русская фамилия Морозов, но ни тепла, ни комфорта в этот вечер она не добавляла. Согнувшись тупым углом, отталкиваясь от земли, словно каждый шаг – это предстоящий прыжок, он медленно преодолевал мятущееся пространство по направлению к музыкальной школе. И в то время, когда все пятнадцатилетние сверстники прилипли к экранам телевизоров, погружаясь в очередной сериал о бандитах, или, в лучшем (худшем?) случае, подпирали стены подъездов за ничего не значащими разговорами, он самоотверженно шёл на встречу со своей учительницей по специальности Изольдой Матвеевной. Три месяца назад паренёк из северного поселка победил на областном конкурсе юных пианистов, и теперь предстояло выступить на конкурсе всероссийском. Ради этого, говорила Изольда Матвеевна, надо работать и день и ночь, и в жару и в стужу, и не жалеть себя, потому как грани настоящего таланта оттачиваются кропотливым тяжёлым трудом.

Ох, уж эта Изольда Матвеевна. Худощавая высокомерная женщина с тонкими, как пишут в книгах, точёными чертами лица, тёмными, почти чёрными глазами, умеющими неморгающе долго и пристально смотреть на собеседника через линзы модных очков. В ней нельзя было угадать учителя музыки, больше она была похожа на строгого завуча или даже судью. Тонкие, но, тем не менее, красивые губы Изольды Матвеевны имели особенность мимически передавать тысячи выражений её отношения к происходящему. За семь лет работы с учителем Василий научился читать эту мимику, особенно в отношении проделываемой им за пианино или роялем работы. Малейший изгиб уголка рта – и Морозов уже знает: «загнал» пьесу или нарушил пальцовку, отчего можно впасть в «спотыкач». А вот когда всё шло, как по маслу, Изольда Матвеевна уплывала взглядом в задумчивую даль и начинала наматывать на длинный тонкий указательный палец локон каштановых волос у виска. Но – малейшая ошибка – и этот палец мог дёрнуться так, что из уст её вырывался ругательный шёпот от досады и боли одновременно, но смысла его Василий никогда не понимал. Казалось, учительница говорит на другом языке.

Все эти годы Изольда Матвеевна вела «сибирского самородка» (так она его порой называла) к большой сцене. Переживала только, что Василия поздно отдали в музыкальную школу, когда ему исполнилось девять лет. В музыке, как и в спорте, раньше начнешь – больше надежд на лавры. Но уже через год Морозов легко читал с листа пьесы, рассчитанные на пятиклассников детской музыкальной школы, а технике его нынешней игры могли позавидовать выпускники консерваторий. Кроме того, Василий пы-

тался сочинять сам, но именно в этом направлении творчества их взгляды чем дальше, тем больше расходились. Изольда Матвеевна пичкала Василия музыкой в её понимании прогрессивной: от «Прометея» того же Скрябина до Шнитке. Прослушав дома «Прометея», он тут же сел за пианино и на память сыграл скрябинскую «Прелюдию для левой руки»... До диез минор. Эта пьеса была похожа на полотна импрессионистов. От неё веяло дождём и туманом, под такую музыку хотелось созерцать... «Прометей» был похож на беспорядочную танковую атаку... И никакого света и цвета в этом произведении Василий не слышал и не видел. И удивлялся, как в одном композиторе уживались две таких разных стихии, и почему одна из них победила?

Василий покорно не на один раз прослушивал принесенные учительницей диски, хотя от авангарда и полистилистики его изрядно коробило. Да, соглашался он с Изольдой Матвеевной, мысль есть, техника изумительная, подходы неожиданные, но почему-то душа не поёт. Бьётся мысль, рвётся, но куда?! Из современных композиторов Василию больше нравился Георгий Свиридов. При упоминании о нём у Изольды Матвеевны один уголок губ приподымался, а второй, напротив, уходил вниз. «Ну это же лубок, Вася, – как-то снисходительно начинала говорить она, – конъюнктура. Ты же умный человек». Вася жал плечами. Спорить с учителем на полную катушку он не решался, да и не хватало ему всей этой терминологии, чтобы уверенно и аргументировано отстаивать своё мнение. Ему больше нравилось воспринимать музыку сердцем, а не рассуждать о том, из каких она сплетается форм, стилей и приёмов. Получалось, чем ближе музыка к какофонии, тем она прогрессивнее. И очень удивился Василий Морозов, когда на областном конкурсе услышал от продвинутых студентов музыкального училища, что Моцарт – это попса. Именно за его мелодизм и доступность. До сих пор он считал попсой то, что неслось со всех телевизионных каналов, радиостанций и миллионными тиражами наполняло рынки компакт-дисков и кассет. «Ну, тут они откровенно перебарщивают, хотят казаться умными, этакими избранными, – пояснила Изольда Матвеевна озадаченному ученику. – Моцарт – это классика. Возьмем, скажем, математику. Разве можно сейчас её представить без таблицы умножения? Моцарт – это таблица умножения в музыке». «Значит, – ещё больше удивился Василий, – Пушкин – это таблица умножения в поэзии?». «Ты, как всегда, быстро схватываешь, – вскинулись уголки губ, – но, заметь, я не сказала, что это просто, как дважды два, таблица умножения как раз позволяет нам

множить, преумножать, понимаешь?..» «Понимаю», – кивнул Василий, но сравнение всё равно показалось ему обидным. Изольда Матвеевна словно прочитала его мысли: «Но разве можно недооценивать изобретателя колеса, если теперь все им пользуются?! Но изобретать колесо во второй раз не стоит. Лучше попробовать найти что-нибудь своё...» «Самолётный двигатель?» – предположил Василий, чем вызвал восторг учительницы, но про себя продумал, что и взлёт, и посадка самолёта без колёс не обходятся. «Всякая настоящая поэзия должна быть глуповата», вспомнил вдруг прочитанное в дневнике у композитора Гаврилина, но приписываемое Пушкину.

Вчера ученик 10 класса средней школы и выпускного класса школы музыкальной Василий Морозов написал странную (наверное, под воздействием Изольды Матвеевны) с темпом prestissimo пьесу «Пурга». Построенная на беглых неправильных, каких-то кривых арпеджио и лихо закрученных вокруг едва заметной мелодической оси секвенциях, с вколоченными в этот водоворот внезапными синкопами, эта пьеса должна была определенно понравиться учительнице музыки. Но в этот вечер Василий невольно подумал о том, что накликал своей композицией пургу настоящую, именно такую, какую он представлял себе, нащупывая на клавишах мелодический ход, выстраивая общую картину над нотными листами. Есть общепринятое выражение: озвучить. Озвучить фильм, к примеру. А как быть с обратным? Скрябин вслед за Римским-Корсаковым попытался «расцветить» музыку, но, в сущности, синтез искусств от обратного так и остался уделом одержимых экспериментаторов. Нет, нельзя продуктами питания написать натюрморт, а раскрашенными электрическими лампочками излить душу. Впрочем, Изольда Матвеевна возразила бы на это развёрнуто и развесисто. Зато «Русский этюд», сочиненный Василием месяц назад она удостоила только одним словом: «вторично».

Нет, сегодня Василий шёл на встречу с Изольдой Матвеевной не спорить. На дебаты о вкусах времени не оставалось. Чуть больше месяца до конкурса. Хотя шёл он сквозь январскую пургу не только на занятие, не только на встречу со старым роялем “Petrof”, белые клавиши которого пожелтели, как зубы пожилого человека или курильщика (зато голос оставался, как у новорожденного), Василий надеялся застать в школе Аню. Несмотря на такой мороз.

Одноклассница Аня в достижении своих целей была такая же упрямая и целеустремленная, как Изольда Матвеевна. Мечтала поступить в консерваторию и потому уговорила родителей платить учителю за дополни-

тельные занятия, ковыряя часами сложнейшие фуги, чтобы развить технику. Изольда Матвеевна разумно совмещала дополнительный заработок с подготовкой Василия к конкурсу. Тем более что директором ему было дозволено заниматься в актовом зале, Аня же сидела в отдельном кабинете. Но после они обычно вместе возвращались домой. Иногда Аня заходила в зал, чтобы послушать игру одноклассника, и тогда сердце Василия тревожно саднило, зато выталкивало из своего объема душу прямо в руки, а пальцы, в свою очередь, колдовали звук... Изольда Матвеевна начинала крутить каштановый локон.

Ещё два года назад Василий не замечал тихую Аню Гордееву. Нет, не то слово. Замечал, конечно, но увидел её по-настоящему только 1 сентября этого года, когда она опоздала на линейку. Десятиклассники «пристреливались» друг к другу после прошедшего лета, иронически поглядывали на суетящихся учителей, деловито крутили в руках мобильные телефоны и делились последними новостями. И вот, когда физруки и преподаватель ОБЖ с трудом подогнали всех под одну линейку, вот-вот должен был появиться директор, из-за угла выбежала Аня. Увидев строй, резко остановилась, выискивая глазами своих. И Морозов опять же не заметил бы её, если б не присвистнул стоявший неподалёку Брагин из 11 «В». Василий отследил взглядом, разумеется, не свист, а взгляд Брагина, который восторженно и липко скользил по Аниной фигуре.

Рывок ветра поднял за её спиной русую волну длинных волос. Казалось, ветер подхватил их и замер в своём порыве, чтобы ощутить их чудесную шелковистость и слиться с ними по всей длине. Такие волосы у нынешних девушек даже в глубинке были редкостью. А ещё вихрь так облепил фигуру Ани лёгким платьем, что Василий поймал себя на мысли: ему тоже хочется присвистнуть вслед за Брагиным. Устыдившись такого неприличного порыва, он опустил глаза, но буквально через миг поднял их, приветливо помахал Ане рукой: мы здесь! И вот уже она рядом, благодарно коснулась его плеча: мол, спасибо, помаячил. А ученик десятого класса Василий Морозов вдруг перестал слышать многократно усиленный динамиками голос директора, да и всех вокруг, пытаясь определить, объяснить в себе совершенно новое чувство, каковое возникло от присутствия рядом Ани Гордеевой. Чувство, правда, было более похоже на мимолётное предчувствие, из тех, что яркой вспышкой высвечивают душу и не находят разумного толкования запредельной, мистической эйфории переживаемого человеком момента. Миллион пронёсшихся в голове недосказанных мыслей закончился неожиданным восклицательным

знаком: Василий понял, что с этого момента Аня для него значит много больше, чем все окружающие.

Ему захотелось заглянуть ей в глаза, и он робко повернул в её сторону голову, набивая на всякий случай в уме дежурную фразу. И (о чудо!) фраза не понадобилась, Аня тоже повернула к нему лицо, брызнула из-под прищуренных век приветливой лазурью, улыбнулась, и слова в этот миг перестали что-либо значить. В доли секунды Василий запечатлел в своём сердце образ девочки, именно в сердце, даже почувствовал, как он там отразился и запомнился. Весь, до последней пушинки на щеке и маленькой родинки под правым ухом. Отозвался и тёплой волной нежности вернулся в голову.

Аня смотрела уже в сторону командного действа школьной линейки, а Василий ещё некоторое время любовался её профилем и только сейчас заметил, что с другой стороны навстречу ему смотрит Витя Брагин, а рядом с ним ухмыляется его закадычный друг Макс Вознесенский.

Парочка эта (не разлей вода) слыла в школе отменной шпаной ещё с начальных классов, но при всём при том учились Брагин и Вознесенский неплохо, ибо другого им не позволял родительский статус. Отец Брагина был директором муниципального торгового предприятия, а у Вознесенского – не последней шишкой в администрации. Помимо повальных пропусков уроков Витя и Макс были инициаторами маленьких катаклизмов (от взрыва петард в школьном туалете до массовой драки после дискотеки) и водили дружбу со шпаной настоящей, которая есть ныне (да и была всегда) в каждом населённом пункте. За дружбу они платили родительскими деньгами в ближайших кафе, ночным извозом на отцовских иномарках, а в обмен имели угрюмую и вескую поддержку братвы в проблемных ситуациях. Какое-то время Василий находился в ближнем круге их компании, его ценили за ум (это неправда, что там признают и уважают только тупую силу) ну и за то, что он может, как Шарапов, и Чайковского, и «Мурку» слабать. Сам он не напрашивался, но как-то его позвали, и он пошёл. Пиво, карты, разговоры о драках, машинах, сексуальном опыте – всё это было для Василия пустым звуком, привлекало другое – в этом кругу ощущалось ни с чем не сравнимое чувство мужского единения, и он сам не мог себе объяснить, почему для него так важно быть своим для ребят, с коими у него совершенно разные интересы. Василию, согласно его наклонностям, придумали необидную (по сравнению со многими) кличку – Маэстро. Старшие ненавязчиво оказывали юному музыканту покровительство, не позволяя другим ни словом, ни делом задевать его самолюбие, и даже

шутки (приколы) в отношении Морозова были вполне безобидными. Зато Морозова в любое время могли попросить взять в руки гитару подыграть на трех блатных аккордах или самому исполнить какую-нибудь (чаще всего народную) песню. Василий не отказывал, а однажды даже пришлось играть на ультрасовременном синтезаторе в ресторане. Одной из девушек вдруг захотелось услышать Шопена. Ресторанные лабухи (так называли музыкантов) Шопена или не знали или забыли. Клавишник любезно (а может, за отдельную плату) выставил для Василия подходящий тембр, оставив в левой руке плывущую электронную массу для фона. В итоге получилось нечто современно-классическое: тема струилась электропиано, а общий гармонический фон витал в космосе, где парсеки отбивались редким мягким ритмом. Нечто подобное Василию приходилось слышать в исполнении японской пианистки Кейко Матсуи. Когда Морозов закончил пьесу, зал с минуту молчал, а потом взорвался рукоплесканиями и пьяным восторгом. Смягчился даже вышибала-охранник, который сначала не хотел пропускать Василия, потому как тот был в компании младше всех. И даже произнёс знаковое определение стилю: new age. Своеобразный и совершенно нехарактерный авторитет Василия в этой разношёрстной группе молодёжи рос, и долгое время он не знал, как к этому относиться.

Но этим летом Морозов резко устранился от общения с ними.

Как-то ночью после дня молодёжи накачанная пивом и чем покрепче толпа ребят отправилась к реке, чтобы у костра под рёв блумбоксов продолжить праздник. Собирались обычно у моста, где таёжная река делала небольшой изгиб, а кедровый бор переходил в песчаный пляж. В летнее время эта площадь обычно превращалась в импровизированную шашлычную, а вечером – в место романтических встреч (разумеется, если предварительно обработать себя жирным слоем репеллента). Сюда же приходили старшеклассники после выпускного бала, чтобы вдали от счастливых родителей и подобревших учителей устроить оргию прощания со школой.

Той ночью в гуле толпы обертонила какая-то тревожная нота. Василий слышал её чутким ухом, ощущал стороннее давление излишнего подзавода, агрессивной энергии, наперёд зная, что ничем хорошим она не выплеснется. Хотел уйти, но не уходил и сам себе не мог объяснить почему. Именно Брагин и Вознесенский были заводилами, от них исходил этот неспокойный фон. Сначала они заводили друг друга, а потом на пару заряжали (заражали?) всех остальных. Кричали громче обычного, задирались, а пьяная развязность уже давно вышла за рамки всех допустимых норм даже в таких компаниях. Старшаки делали им ленивые замечания, но, по

всему выходило, с плохо скрываемым интересом ждали какой-то неожиданной развязки.

В безумной дёрганой пляске, казалось бы, все должны были утратить бешеный пыл, но только не Витя с Максом. И когда уже сидели усталые в мутно-молочном предрассветном сумраке белой ночи тесным кругом у костра, поддерживая по очереди тему об инопланетянах, о параллельных мирах и прочей загадочной лабуде, они периодически вскакивали, с гиком гонялись за другом, пару раз чуть всерьёз не подрались. И вдруг Вознесенский откуда-то притащил к костру большого пушистого сибирского кота. Никто даже предположить не мог, что произойдёт в следующее мгновение.

– Шашлык! – дико закричал он и тут же бросил кота в бушующее пламя.

Запах палёной шерсти опередил несчастное животное. Горящий кот вылетел из пламени, не разбирая дороги, бросился в сторону леса. Душераздирающий вопль пронзил сонную дымку над рекой и больше был похож на охрипший предсмертный ужас, замороженный в бесконечно длящемся звуке. Добавившиеся к нему девичьи вскрики и приглушённая ругань парней колыхнули наступающее утро. Мыслью Василий опоздал за событиями, как, впрочем, и все окружающие, только почувствовал, как сжалось сердце, как будто его самого бросили в костёр. Обезумевшему коту не повезло и во второй раз: страх бросил его под ноги Брагину, и Витя «не растерялся», острым носком ботинка поддел его навстречу. Кот подавился собственным воплем, тело его с растопыренными лапами описало в воздухе правильную дугу, и он опять-таки оказался в костре, откуда выпрыгнул уже без крика и ещё раз рванул к спасительному лесу.

– Дурак, – сказал Брагин Максу, – надо было в воду бросить, я ни разу не видел, как коты плавают. Может, он и не умеет.

Даже видавшие виды девицы встали и, ругая напарников «придурками» и «дебилами», с разочарованием на лицах направились по домам. За ними потянулись старшие ребята, поматерив, скорее для порядка, закадычных друзей. Никто не назвал их извергами, и уж тем более никто не дал им в морду. Не сделал этого и Василий, в сознании у которого ощущение гадливости от увиденного сменилось презрением к собственной трусости. Он вообще промолчал и даже не решился уйти в числе первых, вынужденный слушать подробности впечатлений Брагина и Вознесенского о палёном коте. Ему вспомнился недавний разговор с отцом о человеческих слабостях. «Трусость, – сказал отец, – самое гадкое и самое плохое из того,

что может жить в сердце человека, потому как трусость позволяет злу существовать в этом мире». И в этот момент Василий больше ненавидел ни Брагина с Вознесенским, а самого себя.

– Как тебе ария кота, Маэстро?! – спросил его Макс.

– Фальшиво, – ответил более про себя самого Василий. – Пойду домой.

По пути в сознании печально звучало гениальное «Адажио» великого Альбиони...

2

Крыльцо музыкальной школы исчезло в снежной реке, которую гнал вдоль улицы ветер. Маленькие белые смерчи игриво намекали на место, где оно должно было быть. Нащупывая ступеньки ногами в сугробах, Василий подумал, что все эти снежные завихрения можно великолепно озвучить Фантазией-экспромтом до диез минор Шопена. Это было одно из обязательных произведений, на которое Изольда Матвеевна делала особую ставку на конкурсе. Ох, и летела эта шопеновская фантазия приручённым гармоничным торнадо из-под рук Василия Морозова. И, прикрыв глаза, учительница задумчиво теребила локон...

Дверь подалась с трудом, пришлось сдвигать добрый полуметровый сугроб. Так через пару часов занятий можно и не выйти из школы. Представилось: морозное утро, заваленные снегом по самые крыши дома и абсолютная тишина... Нет!.. Едва слышно над белой пустыней звучит первая токката Шпета! Неспешный орган славит готические сосульки, мёрзлую вечность или вечную мерзлоту.

Ожидая спасателей, придётся несколько дней сидеть взаперти... Но именно это Василия устраивало. А что? Чайник и печенье там всегда есть. Рояль и уйма времени, помноженная на долю романтики! Главное, чтобы помимо Изольды Матвеевны, а также единственной и ворчливой, но доброй технички Антонины Ивановны (похожей на «Рапсодию в голубом» Гершвина) в школе была и Аня.

– Ты выстрелил своего Гаврилина? – встретила на пороге Изольда Матвеевна вместо «здравствуйте», «как дошёл», акцентируя на «своего», как будто Гаврилин был родственником Морозова или соучастником в преступлении. Преступление заключалось в том, что Василий настоял: в первой части конкурсной программы, где требовалось исполнение произведений отечественных композиторов, он против угловатой сонаты №3

Шнитке (от Изольды Матвеевны) будет играть несколько небольших: коротенькую гаврилинскую «Русскую», «Вариации на тему Генделя» Эдисона Денисова и пьесу-фантазию Рахманинова. Сергея Васильевича они любили на пару. Василий смог убедить учительницу тем, что в разных пьесах он выгоднее покажет и технику, и разные настроения, короткие произведения можно подать эффектнее, как несколько выстрелов, главное – уложиться в отведенное время.

Но с простенькой (меньше минуты) пьесой Валерия Гаврилина досталось попотеть. Вначале был резвый пассаж, который у Василия получался не как гармонический старт-пробежка, а будто глиссандо заводящегося автомобиля. И дело было не столько в технике, сколько в извлечении звука. Нужно было найти какую-то маленькую тайну, заложенную в этот пассаж композитором. Этого требовала пьеса, этого требовала Изольда Матвеевна, каковая раскладывала музыку не только на математику, но и на движения души. Хотя иногда Василию казалось, что учительница ставит музыку на конвейер. Он жутко не любил «заигрывать» пьесы до автоматизма и возникающего к ним равнодушия. Говорил об этом Изольде Матвеевне, но та лишь сверлила его взглядом и твердила: в любое время дня и ночи ты должен быть готов выйти на сцену и оставить там душу. И заплетающиеся руки не должны тебе помешать сделать это!

– Выстрелил, осечки не будет! – улыбнулся в ответ Василий, он услышал, что в одном из кабинетов Аня «ковыряет» полифонические инверсии Мясковского. – А я тоже кое-что написал. Думаю, вам понравится.

– Надо тачать Баха, а ты занимаешься вольным сочинительством, – притворилась недовольной Изольда Матвеевна.

– Баха мы отбахаем! – с улыбкой пообещал Василий. – Здравствуйте, Антонина Ивановна, – поприветствовал появившуюся из подсобки уборщицу.

– Здравствуй, Вася. И на кой ляд вам все эти Бахи в такую непогодь? – проворчала она в ответ. – С прибамбахом все вы тут.

– Это точно, – согласился Морозов, подавая ей дублёнку и шапку.

– А девчонка-то, – кивнула Антонина Ивановна на сбивчивые звуки из-за соседней двери, – полчаса руки отогревала, какое тут играть? Что вам – памятник поставят?

– Может, и поставят, – холодно осекла её Изольда Матвеевна.

– Поставят, – хмыкнула уборщица, – как генералу Карбышеву. Кино-то, небось, про него смотрели?

– Так, Василий, горячий чай, грей руки, а потом в зал, – уже не слышала её преподаватель, – через четверть часа начинаем, можешь разогреться своим новым сочинением. Хочешь, чтобы Аня послушала?

– Если она захочет, – уклончиво ответил Василий и понял, что не смог скрыть от пронзительного взгляда Изольды Матвеевны нахлынувшего исподволь волнения.

Теперь она обязательно скажет, что ранняя влюблённость помешает ему достичь высоких целей. Именно такое от неё более всего ожидалось. Но она вдруг задумчиво произнесла нечто иное:

– Я в десятом классе влюбилась в стройного, атлетически сложенного гимнаста.

– И? – спросил Василий, который знал, что муж Изольды Матвеевны никакой не гимнаст.

– Он предпочёл другую, и это хорошо.

– Почему же хорошо?

– Я не пошла вслед за ним в цирковое училище, а поступила в музыкальное! – в глазах учительницы мелькнул озорной огонёк: – И теперь мне не надо мотаться по городам за каким-нибудь дешёвым шапито, а всю любовь я отдала музыке. Мой муж, ты знаешь, скромный экономист, которому, как вы выражаетесь, музыка по барабану. Поэтому он любит за двоих меня, а я за двоих люблю музыку, – заговорщически подмигнула, словно состояла с Василием в одной тайной организации.

– Мне кажется, вы любите музыку не только за двоих, а почти за весь наш посёлок.

На эти слова ученика Изольда Матвеевна расплылась в редкой благодарной улыбке и окрылённая отправилась ставить чайник.

Василий вспомнил, как нервно дёргаются уголки губ Изольды Матвеевны, когда волей-неволей приходится слышать несущиеся из автомобилей, квартир и частных магазинов блатные песни или тупую современную попсу. Всякий раз заметно, как она сдерживает себя, и учит этому Василия: нельзя называть всех людей дураками, они несчастные, они не знают величия гармонии… Можно рассказать слепым про голубое или покрытое тучами небо, но они его не увидят, так и с глухими. С той, правда, разницей, что эти глухие сами хотят быть такими.

Аня пришла, когда Василий уже был на сцене. Начал он, вопреки предложению Изольды Матвеевны, с Шопена. Воспользовался её отсутствием. Зато, когда обе уже сидели в небольшом актовом зале, учительница сама попросила:

– Ну, Василий, окажи нам честь своими новыми изысканиями. Как называется твоё новое произведение?

– Эклектичная музыкальная поэма «Пурга»! – наигранно помпезно объявил Василий.

– Это ты вслед за погодой?

– Нет, Изольда Матвеевна, это погода вслед за мной. Не поверите, я вчера сочинял, а сегодня моё сочинение материализовалось. – «Слово-то, какое вспомнил!», – сам себя подначил юный музыкант и заметил лёгкую улыбку Ани.

Пьеса начиналась с закрученного хода в контроктаве. Затем вступала правая рука, рассыпая те самые кривые арпеджио в щедром пространстве большой и малой октав, и вдруг обе руки начинали синкопировать аккордами от малой до субконтроктавы, откуда вновь нанизывался изначальный ход. И только теперь в общую музыкальную ткань стала пробиваться мелодия. Палец Изольды Матвеевны, наматывающий локон, выжидательно замер…

– Сначала я думала, что ты решил повторить «Время вперёд!», – сказала она после более чем минутного молчания, последовавшего за кодой. – Но ты меня приятно удивил, Василий. Твоя мысль начинает догонять твои руки. Эту пьесу не стыдно показать перед самыми взыскательными слушателями. Если это поэма, то очень похожа на стихи Максимилиана Волошина... Как тебе, Аня?

– Здорово, – ограничила свой восторг одноклассница.

На мгновение Василию показалось, что Аня ему завидует. На такой эффект он меньше всего рассчитывал. Не зря отец после ссор с мамой говорил: «Современную женщину не понять. Такое чувство, что она не хочет быть женщиной, или, во всяком случае, хочет быть немножко мужчиной. Трактор водила, в космос летала, джинсы надела, горы покоряла, начальниц-женщин полно... Но от этого мужчина всё равно не научится рожать!..» Опасность феминизма Василий до конца ещё не осознавал, но в главном был согласен: не понять...

Начиная с первого сентября, Аня благосклонно, но как-то меланхолично принимала его ухаживания. И самое обидное, не чуралась и Брагина, который ухаживал за ней, совмещая данное «увлечение» с девицами лёгкого поведения, кои были порой много старше его. В компаниях он щедро делился своим богатым сексуальным опытом. Не отставал от него и Вознесенский. Неужели она не видела и не понимала этого?

Во время осеннего бала на дискотеке Василий в первый раз пригласил Аню на танец. Её близость, её запах сладко вскружили голову, он лепетал ей на ухо что-то несуразное, хотел, но не решился сказать главное. Позволил себе только одно: его рука провела плавное легато вдоль её спины, и (о чудо!) Аня не воспротивилась этому! Но уже следующий танец она неспешно парила с Виктором и с точно таким же выражением лица слушала его бойцовские байки с обычным для него и глуповатым для окружающих похохатыванием. А под конец танца его руки уже свободно дирижировали вдоль её стана. И Аня не оттолкнула его (чего ожидал от неё Василий, который косился на них, безнадёжно подпирая спиной стену актового зала). После дискотеки Брагин предпочёл Ане шумную компанию, и Морозов воспользовался счастливой возможностью без соперничества проводить её домой. Дорогой он всё же решился сказать ей, что она очень много для него значит, что она прекрасна, как самая гениальная симфония... Аня с лёгкой блуждающей улыбкой слушала его, а у подъезда поцеловала в щёку, после чего ошарашенно счастливый Маэстро ещё час бродил по посёлку, раскручивая в уме нежную серенаду для своей возлюбленной. Казалось, до полной взаимности остался только шаг. Ведь на обратном пути он держал в своей руке её руку, чувствовал ласковую мякоть подушечек её пальцев и полагал это вершиной допустимой сейчас близости.

Дня через три, опасаясь неуловимой скоротечности и воздушности сказанного слова, он доверил его бумаге, и на уроке отправил ей пространную записку, где звучало таинственное и ничем не заменимое «люблю», а сверх того – готовность посвятить ей всю свою жизнь, всё творчество, как некогда безутешный Петрарка для своей Лауры. А в ответ получил краткое и половинчатое: «Васенька, ты мне тоже очень нравишься, ты талантливый, ты умница, но я пока не могу понять сама себя». Как человек может не понимать сам себя? Впрочем, бывает, конечно. Или: ах, да, речь ведь идёт о девушке! Но в данном случае это означало одно: полной взаимности, скреплённой молнией первого взгляда и притяжением, преодолевающим земное, здесь нет. Тут пахло каким-то не совсем логичным девичьим расчётом, обидным и осторожным. И тогда, разумеется, представилась спортивная, более зрелая фигура Брагина... В этот день Василий купил себе гантели, хотя Изольда Матвеевна не раз предостерегала ученика: на физкультуре надо быть предельно осторожным. Руки, данные от Бога для извлечения гармонии, следует беречь. Но с гантелями он явно припозднился, качаться надо было с раннего детства. Отец дал несколько советов, но, казалось, мышцы совсем не реагируют на упражнения. И по

утрам Василий печально смотрел на своё отражение в зеркале, всячески его критикуя. Мама, со своей стороны, попыталась его успокоить: мол, накачанные мышцы не главное, и каждого Бог создал для выполнения своей, только ему предназначенной задачи. Не могут быть все сильными, умными, красивыми... Это было понятно, но малоутешительно.

– Мама, а за что ты полюбила папу? – задал прямой вопрос Василий.

– За то, что он полюбил меня, – не задумываясь, ответила мать, – он поступал в наш нефтегазовый институт после армии, у него была медаль за Афганистан, пришел на вступительные экзамены в форме... Тогда многие девушки на него заглядывались. Но, честно тебе скажу, я в тот момент на него внимания не обращала. А вот когда он уже после первого курса прицепил к нашему окну в общежитии на третьем этаже огромный букет с запиской для меня... Представляешь, со стороны улицы?! Это показалось мне очень романтичным и оригинальным.

– И ты в него за это влюбилась?

– Нет, я всего-навсего заприметила, кто это сделал. А потом он ещё долго за мной ухаживал. После букета я только лишь позволила ему провожать меня после занятий. Хотя для меня до сих пор остается загадкой, как он забрался по абсолютно ровной стене, где зацепиться не за что, до нашего окна ранним утром...

Заметив на лице сына налёт многообещающей романтичности, способной подтолкнуть к безумным поступкам, папа Георгий Васильевич вздохнул и предостерегающе сдался:

– Я просто нанял за двадцать пять рублей автовышку...

– Автовышку? – разочарованно вскинула брови Наталья Павловна.

– Ну да, такая машина с выдвижной корзиной.

– М-да... – подытожил Василий. – Сейчас, чтобы удивить девушку надо нанимать, а ещё лучше – иметь лимузин. Или самолёт.

К слову сказать, Брагин частенько разъезжал по посёлку на серебристом «Форде-мондео» с тонированными стёклами. Частенько подвозил Аню...

– Вот видишь, сынок, ничего сверхъестественного, за шестнадцать лет последующей совместной жизни он больше ни разу не нанимал автовышку...

– Потому что надо было нанимать то детскую коляску, то стиральную машину, то ещё что-нибудь, но цветы-то дарил! – попытался защищаться отец.

– Да, – подтвердила Наталья Павловна, – два раза в год, на день рождения и день свадьбы. А на восьмое марта дарил бытовую технику или наборы посуды, говорил, что это и есть женские подарки!

В конце октября Аня пригласила Василия в гости. Родители у Ани уехали на несколько дней в областной центр по каким-то неотложным делам, решив, что дочь школу пропускать не должна. Ни общеобразовательную, где училась на одни пятёрки, ни музыкальную, где эти пятёрки с огромным трудом извлекались из потрескавшихся шафранных клавиш рояля “Petrof”. Осень была тёплая и удивительная: небо оставалось ярко-голубым и высоким, как в мае; тайга, прореженная берёзами и осинами, гроздьями примеряла золото, а местами смущалась до багрянца от восхищённых взглядов. Медлительный ароматный воздух еле плыл над водами великой сибирской реки, и оба они подражали неспешному времени, а может, отражали ту самую бесконечность, которую всю жизнь тщетно пытается охватить человеческое сознание. Вместе с рекой за шиворот горизонта неспешно тянулось небо. Ничто не предвещало суровой зимы.

Василий запасся букетом дорогих орхидей, кои привозили в эту болотную Тмутаракань вместе с голландскими розами и герберами коммерсанты, и, по всей видимости, бизнес этот имел успех. Облачился в строгий классический костюм, и, немного подумав, прихватил у Лёхи Скворцова бутылку шампанского, пообещав на днях вернуть. «Всё по-взрослому», – так, подбадривая сам себя, постучался в заветную дверь. И с порога был немного удивлён и даже разочарован: Аня встретила его в потрёпанном домашнем халатике, с неприбранной головой и какой-то повседневной озабоченностью в глазах. Точно Василий пришел не на свидание, а списать домашнее задание по алгебре или помочь ей прибраться в квартире к приезду родителей.

Но экзотический букет всё же возымел своё действие. Аня поцеловала Василия в щёку и долго пристраивала орхидеи в вазе на столе своей комнаты. Колдовала с водой и размышляла вслух, как заставить цветы постоять подольше.

– Ты, поди, разорился, Вася? – спросила лукаво.

– Это не имеет значения, – ответил внутренний рыцарь.

– А шампанское? Хочешь выпить?

– Н-ну... – растерялся, было, Василий, – я думал, букет и шампанское... Почти натюрморт.

– Ну так поставим рядом с букетом или всё-таки выпьем? – улыбнулась Аня.

В этой усмешке Василий интуитивно почувствовал подвох от пра-пра-прабабушки Евы. Не с такой ли покровительственной к чужой наивности улыбкой подавалось к столу яблоко с древа познания? В любом случае сердце ёкнуло, а внешне пришлось подпустить этакой развязности и для вящей убедительности без лишних разговоров пальнуть пробкой в потолок.

Пробка-дура срикошетила и вернулась в макушку Василию. Ойкнув, он хохотнул, Аня же залилась смехом надолго.

– Надо было чуть наклонить, – дала она поздний совет.

– Ничего, так смешнее, – собрался с мыслями Морозов.

Шампанское пили с шоколадом. Говорили о ничего не значащих пустяках, мыли кости одноклассникам и учителям. А после второго бокала Аня включила музыку и вдруг сама пригласила его на танец. Обомлевший Василий как-то неловко (по-пионерски) обнял её за талию. Она же внезапно прижалась к нему всем телом, отчего дыхание сначала остановилось, а потом стало синкопировать с ударами сердца. Нахлынувшая, как цунами, нежность всё же имела в себе холодный ручеек осторожности: как бы чего не сделать неправильно. Сначала он несколько раз поцеловал её в шею, а потом их губы, точно два магнита, нашли друг друга.

Вкус первого поцелуя ни с чем не сравним, нет в человеческих языках нужных прилагательных, если только речь идёт о настоящем поцелуе. Не о тех поцелуях, каковые иногда случаются между молодыми людьми ради эксперимента соответственно принижающему смысл происходящего слову «попробовать». Псчему любовь скрепляется устами? Потому ли, что в устах хранится и произносится это самое слово? И значит ли сам поцелуй, что слова больше не нужны? Может, так объединяются не только души, но и слова? Материализуются?

Именно ради того, чтобы продлить чувство первого поцелуя, люди отчаянно борются за любовь, совершают благородные рыцарские поступки, бесстрашно и без оглядки пересекают расстояния и время… Но первый поцелуй может быть только один. Первый. И сохранить его вкус человеческой памяти не под силу. Память о нём в чём-то схожа с общей памятью человечества об утраченном рае.

То, что произошло далее, вконец ошеломило Василия, и в первое мгновение он растерялся, а во второе – опустился на колени. Теперь стал ясен смысл домашнего халата, который так легко слетел с плеч его возлюбленной. А он-то, дурак, и не понял сразу!.. Пораженный девственной первозданной красотой девичьего тела он, содрогаясь, опустился на колени.

Как будто Аня являла собой памятник высшей гармонии. Но даже в момент этого таинства не забыло предательски мелькнуть в содрогающемся сознании и собственное жалкое отражение в зеркале. Тело Ани – это и была музыка. Симфония человеческого совершенства. Все античные Венеры мраморно отдыхали, топ-модели из журналов были глянцево и безнадёжно мертвы! И теперь эта детально выверенная божественная гармония открыта ему! Вмиг (и только сейчас) пришло глубокое осознание поэтического преклонения перед женщиной. Полки, нет, дивизии! Армии склонивших головы поэтов, композиторов, художников... И где-то в последнем ряду худой, ничего ещё не значащий юноша Василий Морозов.

Дверной звонок заставил вздрогнуть обоих. Аня посмотрела на Василия вопросительно (что делать?), а тот пребывал в беспомощной растерянности. Какой демон нажал эту фальшивую клавишу?

Пока в голове Василия рождалась эта смелая и нужная фраза: не открывай, Аня уже набросила халат, затянула на талии поясок, и с каким-то едва уловимым разочарованием, больше похожим на форму лёгкого презрения, протянула своему Ромео руку:

– Ты же не будешь стоять на коленях, когда я открою дверь?

Да, действительно. Нелепо.

И всё! Дверь в эту тайну так же неожиданно захлопнулась, как и открылась.

Или некто вломился в неё?

На пороге оказался улыбающийся Брагин. Без разрешения шагнул в прихожую и, увидев в проёме Василия, спросил:

– О, Маэстро! Ты чё, за нотами зашёл?

Как будто другого повода у Морозова оказаться в этой квартире не было. И, судя по тону брагинского голоса, он такого и предположить не мог. Маэстро по его понятиям был вне конкуренции.

– За нотами... – то ли повторил, то ли трусливо оправдался Василий, и тут же увидел, как окатила его гневной лазурью Аня. Взгляд её был окончательным приговором. А слова рассыпали в прах последнюю надежду реабилитироваться за малодушие.

– Да, Вася, вот твой «Детский альбом» Чайковского, – сказала Аня, акцентируя на слове «детский», отчего горечь и обида заполнили душу Василия, и в ней не осталось места ничему другому.

– Слышь, Маэстро, – снова обозначил себя Брагин, – ты извини, мне тут с Аней поговорить надо, – прямой намёк, что «детям» пора убираться...

– Да я вообще-то тоже хотел, – попытался зацепиться Василий.

Ну что было делать? Тут же броситься в драку, чтобы имеющий первый взрослый по боксу Брагин расписал его в этой прихожей и он выглядел бы ещё более жалким, нежели сейчас. Безумству храбрых не поём мы песню. Время, когда можно ещё было что-то изменить, безнадёжно утекало, измеряясь и без того краткими секундами.

– В музыкалке наговоритесь, – подмигнул Брагин по ходу в гостиную (мол, что не понимаешь?) и с удивлением покосился на початую бутылку шампанского.

– Иди, Вася, в музыкалке поговорим, готовься к конкурсу, – торопливо поставила заключительный аккорд Аня.

Он даже не помнил, как оказался в подъезде. И уже на улице вдруг осознал, что похож на испуганного, опалённого, выпрыгнувшего из огнища кота. Оставалось только напороться на чей-нибудь направляющий пинок. Ненависть к самому себе, ко всему миру чередовалась с какой-то необоснованной обидой на Аню: а может, она сама разыграла весь этот спектакль? Смысл? Показать Маэстро, что он только за роялем что-то значит. Нет, ерунда! Но почему пустила в квартиру этого крысиного короля?

Чтобы удержать подступившие слёзы, Василий до крови прокусил губу. А заодно скомкал в руке рулон «Детского альбома». «Надо же – совсем тряпка! Даже до Щелкунчика не дотягиваю...»

Вернуться! Пнуть дверь ногой и броситься в драку! Биться до последнего и лучше умереть, чем испытывать такой жуткий и невыносимый стыд! Так он думал, и, тем не менее, всё дальше уходил от дома Ани. Лёгкая расправа с противником могла быть только в воображении.

– Господи! – мысленно крикнул Василий в небо: – Почему Ты вместе с талантом не дал мне физическую силу? – И добавил самому себе: – И почему я такой жалкий трус?..

Словно в ответ на его слова из проулка лоб в лоб вывернул Вознесенский:

– Маэстро, привет, куда летишь?

Василий замер, примеряясь, как лучше заехать ему в челюсть. Макс спортсменом не был, и, в принципе, с ним можно было потягаться. Вознесенский не стал ждать ответа и добил лежачего ехидной ухмылкой:

– А Витёк к Аньке попёр. У неё родаки на Большую землю слиняли. Классная тёлка! – позавидовал своему напарнику.

– Да пош-шёл ты... – процедил сквозь зубы Василий и двинулся дальше.

Огорошенный таким поворотом Макс некоторое время смотрел ему вслед и будто опомнился:

– Ты чё, Маэстро, рамсы попутал?! Смотри, как бы похоронный марш не пришлось сбацать!

Похоронный – так похоронный!.. Вернувшись домой, Василий включил на полную катушку реквием Моцарта и плюхнулся на диван лицом к стене.

3

На следующий день они не смотрели друг другу в глаза. Но Аня при этом вела себя подчёркнуто весело. Много смеялась и шутила с подругами, примыкала к шумным компаниям, заигрывала с парнями, а в конце уроков вдруг сама подошла к Василию и прямо спросила:

– Вась, я не поняла, это ты обиделся, или я должна обижаться? Что ты ходишь, как в воду опущенный?

– Не надо было открывать дверь, – сказал Василий и тут же понял, что сморозил очередную глупость.

– А я и не собиралась, – надменно улыбнулась Аня.

И, чувствуя какую-то необъяснимую, но ранящую в самое сердце Анину правоту, он злился ещё больше и не мог понять, кто виноват, кроме него.

– Пора становится взрослым, Маэстро, – этак высокомерно посоветовала Аня, и прозвище вдруг показалось очень обидным.

– Угу, – с кривой ухмылкой согласился Василий, – взрослый – это когда ведёшь себя, как троглодит. Видимо, нынешним Джульеттам это больше по вкусу.

– Фи… – изогнула губки, и пошла по своим делам, будто они вообще не разговаривали.

И толкуй это «фи», как хочешь, в диапазоне от легкого пренебрежения до полного равнодушия. Но даже презрительный изгиб губ возлюбленной показался Василию привлекательным, и он понял, что никогда (во всяком случае, в обозримом будущем) не сможет её ненавидеть. Даже если Аня причинит ему боль. Вся мятущаяся буря обиды была направлена теперь только в одну точку – на образ Брагина.

Впрочем, образ не заставил себя долго ждать.

На выходе из школы Брагин стоял, поигрывая автомобильными ключами и, как выяснилось, ждал Василия.

– Маэстро, – окликнул он, – тема есть. Пойдем, пообщаемся. – И повернулся спиной, точно не оставляя никому выбора. По его виду было понят-

но: ничего хорошего эта «тема» не сулит. Но в данный момент Василию было по барабану. Ниже плинтуса не упадёшь.

Он молча, на автопилоте, направился следом. Но вёл его Брагин, на удивление, не к обычному месту мальчишеских стычек на задах школьного двора, а к своей машине. Ещё больше Василий удивился, когда увидел на заднем сидении Аню.

«Вот ещё закидоны? – подумал Морозов. – Он что: собирается меня отмутузить при Ане?» – и весь внутренне собрался. Тут же начал прикидывать, как подольше простоять на ногах и биться до последнего. Последнего чего? Прекрасно знал, что удар Брагина поставлен профессионально. Большинству его оппонентов хватает первого. Те же, кому удаётся устоять и дать сдачи, по меньшей мере, сами незаурядные спортсмены или от природы здоровьем и силой не обижены. Морозов же относился к группе этаких середнячков. Даже с точки зрения банального урока физкультуры – ничего примечательного.

– Садись, – деловито кивнул на сидение рядом с собой Виктор, – прокатимся.

Василий минуту раздумывал.

– Садись, не дрейфь.

Аня на вопросительный взгляд Морозова пожала плечами: ничего не знаю. Пришлось сесть и выдавить на лицо невозмутимый вид.

Машина резко рванула с места и, постукивая, словно вагон, на стыках бетонных плит, понеслась в сторону околицы. Выехав на просёлок в таёжном бору, Брагин заглушил двигатель. Для вящей значимости некоторое время молчал. Некурящему Василию в первый раз жизни захотелось помять в руках сигарету, глотнуть едкого дыма и не закашляться, как это было когда-то на школьном дворе.

– Чё, за дурака меня держишь? – оскалился Витёк.

Морозов промолчал, а молчание, как водится, знак согласия.

– Знаю, что держишь, – ещё кривее ухмыльнулся Брагин. – А зря, Маэстро. Мне бы щас по-простому и по-быстрому навалять тебе прямо при Ане, других-то способов у меня нет. Ты так и думаешь, правильно, Маэстро? Ду-умаешь, губёхи не криви. И окажусь я жестоким идиотом, а ты добрым пианистиком. Так? И Аня будет смотреть на меня, как на... – Он на мгновенье задумался, подбирая слово, насилу вспомнил, – на ископаемое. Как их там? Неандертальцы?..

– Да ни о чём я не думал, – раздражённо ответил Василий. – Это же я ушёл, трусливо поджав хвост, а не ты.

– Упс! Правильный ход, Маэстро, пра-виль-ный! – любовно разбил по слогам. – Признавать свои ошибки и слабости надо, особенно если ты намерен их исправить. Но лучше их не совершать. Поэтому я, Маэстро, морду тебе бить не буду. И Вознесенскому скажу, чтоб не лез, а то у него со вчерашнего дня руки чешутся. А всё будет по-джентльменски. Будем бороться за даму сердца. Но, чур, условие: я – без бокса, ты – без музыки! Что скажете, Джульетта? – повернулся к растерянной от происходящего действа Ане.

– Меня Аней зовут, – только и нашлась, что сказать.

– Извини, Аня, – тут же поправился Брагин. – Принимаешь наш стратегический паритет? – и даже сам поразился умному словосочетанию.

– Паритет, это когда вместе, а не когда против, – буркнул Василий, но, похоже, это была никчёмная информация.

Даже в этот (казалось бы, на равных) момент Витёк выглядел этаким старшим товарищем, учителем жизни, задающим тон в любом деле. И Морозову казалось, что он в очередной раз выглядит посмешищем.

– Да боритесь вы хоть с музыкой, хоть с боксом, я вам что – приз?! – Аня резко выскочила из машины и направилась в сторону посёлка.

– Ну вот, обнулила! – смущенно прокомментировал Брагин. – А значит, Вася, мы на равных, – впервые назвал Морозова по имени.

– Вряд ли, Витя, – сомнительно пожал плечами Василий, – я ведь не смогу ходить с ней в ресторан, подвозить её на иномарке после уроков. И что вы в этих тачках находите?

– Машинах! – уважительно поправил Брагин и нежно погладил руль. – Машина – тоже женщина!

– Урчит, дымит... – подлил масла в огонь Морозов.

Брагин мгновенно завёлся:

– Да ты, Вася, дурак полный или прикидываешься! У моей ляльки даже из выхлопа дорогим одеколоном пахнет! Ты с «уазиками» не путай! Не «Жигули» черметовские!

– Не, ну это болезнь какая-то, – пожал плечами Василий.

– Целыми днями клопов на пианино давить – это тоже болезнь. Ещё неизвестно – какая хуже.

– Ладно, пошёл я, – решился Морозов.

– Да уж я подвезу, вот жалко Аня ушла. Красивая она.

– Красивая. Женственная. Сейчас таких мало.

– Да мне тоже дуры с сигаретами во рту, краской измалёванные не нравятся. Да ещё металлолома, пирсинг этот, по всему телу навешают. Тату всякие... Дуры.

– Дуры, – согласился Василий. – Это у них самовыражение.

– Слышал я их самовыражение, такого даже такелажник не скажет, когда ему труба на ногу упадёт. В натуре.

– В натуре.

Беседа закончилась вполне мирно, и Брагин подвёз Василия до самого дома. И даже протянул на прощание руку, будто и не соперники они, а партнёры. А далее – каждый занял своё место. Брагин – в шумной команде местных хулиганов, Морозов – у фортепиано. Аня – между ними.

Самое удивительное, что Виктор частенько стал приходить в музыкальную школу, где ждал Аню в коридоре, а иногда приходил вместе с ней слушать Василия. Иногда по-своему выражал восторг исполнительским мастерством Маэстро. Хвалил его собственные композиции. И Василию пришлось ходить на соревнования по боксу и, в свою очередь, не раз восхищаться боевым искусством Брагина. Аня же старательно придерживалась напускного равнодушия ко всему происходящему. Более прислушивалась к себе. И каждый из этой троицы понимал, что бесконечно так продолжаться не может. Тем более что следом за троицей постоянно увивался разочарованный неожиданным джентльменством друга Вознесенский.

4

Конец пакта о ненападении наступил в конце ноября, когда Василий выиграл конкурс. Выиграл – для пианиста звучит особо.

В областной центр ездил не только он, администрация посёлка по просьбе директора музыкальной школы отправила туда ещё нескольких учащихся, среди которых была и Аня. И там Морозов, невзирая на фамилию, дал жару! Уже после конкурсной программы его просили играть ещё и ещё, студенты консерватории диву давались технике сельского школьника, маститые профессора одобрительно кивали, все с интересом слушали его собственные композиции... Когда Василий играл прозрачные «Септимы», «Квинты», «Терции» Игоря Ильина, разученные самостоятельно (и к большому удивлению Изольды Матвеевны), он увидел в зале глаза Ани. До сих пор он был целиком поглощен музыкой. И вмиг чуть не потерял контроль над скользящими вдоль зебры клавиш руками. Во всяком случае настроение сменилось. «Терции» добивал уже «на автопилоте», без души.

Аня смотрела на него совсем по-иному. Никогда раньше её глаза не выражали столько проникновенного интереса, будто Василий только что раскрыл перед ней сокровенные тайны бытия, и никто другой до него этого сделать не мог, и никто другой, кроме него. Растерявшись, к неудовольствию богемной публики, Морозов торопливо раскланялся, и уступил сцену джазовому дуэту студентов консерватории. На выходе те дружески потрепали его по плечу: «Далеко пойдёшь». Да Изольда Матвеевна метнулась откуда-то из подсобок, радостно (уже который раз за эти дни) обняла его и впервые, как собственного сына, поцеловала в лоб:

– Умница! Вася, ты божественно извлекал звук! У тебя на кончиках пальцев тончайшее чувствительное устройство. Ты превзошел сам себя. Вот из таких «превзошел» и получается настоящая музыка.

– Без вас, Изольда Матвеевна, ничего этого не было бы, – потупился ученик.

– На моём месте мог оказаться другой учитель, а вот на твоём уже никто не может оказаться. Дорога в мир большой музыки открыта! – и тут же прочитала его насквозь. – Ну, беги к Ане, я же вижу: тебе не хочется пожинать лавры, тебя интересует всего один цветок. Ах, как это романтично! Но не забудь, вечером у нас запись на телевидении, будешь исполнять что-нибудь своё. И ещё с тобой хотели поговорить журналисты. Не возражаешь, если я при этом буду присутствовать?

– Ну что вы, Изольда Матвеевна, я к ним без вас вообще не пойду.

– Хорошо, беги, Аня в зале.

Но Аня была уже не в зале. Она ждала его у окна в коридоре, задумчиво смотрела в окно. Когда повернулась к нему, взгляд оставался тот же, что заставил Василия вздрогнуть на сцене.

– Вась, ты – гений, – просто и тихо сказала она.

– Не знаю, – честно признался он.

В этот момент для него не имели значения все его таланты и стремления, потому как Анин образ полностью заслонял их, не оставляя малейшей возможности даже думать о чём-то.

– Ты меня любишь? – так же прямо спросила Аня.

– Да, – не раздумывая, ответил Василий.

– Больше, чем музыку?

– Музыка – это для тебя, – нашелся он.

Она вдруг переменилась в лице, в глазах сверкнула лукавинка от прародительницы Евы:

– А вот интересно, как бы ты это сказал музыкой, что ты чувствуешь?

На секунду Василий растерялся, но только на секунду. Уже в следующий миг он взял Аню за руку и увлёк за собой в первый же по коридору кабинет специальности, где стояло старое пианино «Тюмень». Сел и вдруг стремительно врезался в клавишный строй двенадцатым этюдом Шопена. «Революционным». И руки, впитывая бурю в душе, полетели... Каждая из них – со своей темой, словно отражали два различных начала, смешивающихся в общий мелодический водоворот. Только блестящий пианист и композитор Фридерик Шопен мог вложить столько порыва, столько страсти и на такой скорости в фортепианное произведение. И Василий Морозов был одним из немногих, кто, спустя почти двести лет, мог повторить его. За две минуты нанизанных друг на друга пассажей, пробитых насквозь аккордами возвышенной темы, Василий сказал больше, чем многолетнее томление и тихие разговоры при луне. Да и какая девушка устоит перед романтизмом Шопена, если только она не предпочитает ему одесские куплеты?

Когда в эфире растаял звук последней ноты, они ещё долго молчали. Первым заговорил Василий:

– Жалко, что мы не родились в девятнадцатом веке, а эту чудесную музыку написал Шопен. Я мечтал бы написать её сам и посвятить тебе. А сейчас я боюсь что-либо писать, сочинять, боюсь повторить, потому что для тебя надо сделать что-то такое, что не сможет сделать никто.

Аня положила ему руки на плечи и с блуждающей улыбкой спросила:

– А что в этом случае могу сделать я?

– Ты уже всё сделала...

– Как? Что?

– Ты – есть...

Не вставая из-за инструмента, Василий взял Анины руки в свои и с содрогающимся сердцем приложил ладонями к губам.

– Вась, я только сейчас заметила, какие у тебя красивые руки.

– Зато всё остальное... Так себе.

– Не себе, а мне! – шутливо поправила Аня.

– Ты серьёзно?

– Да.

Нужно было встать и повернуться к Ане лицом, а Василий не находил в себе сил. Боялся, что сердце от возвышенного и одновременно страстного волнения разорвёт грудную клетку.

– Я когда читаю книги или стихи о любви, мне не хватает параллельного звучания музыки, – пытаясь унять бурю, отвлечься, сказал он.

– На бумагу музыку можно записать только нотами.

– А жаль. Представляешь, кто-нибудь пишет о нас... И звучит Рахманинов.

– А мне почему-то слышится прелюдия и фуга Баха, до-минор...

– Это потому что ты её долго разучивала, – засмеялся Василий.

– А то, – сделала вид, что обиделась Аня, – там после хоть и быстрого, но размеренного тиканья тональной ноты, вдруг такое ускорение, и у меня всегда заплетались руки в этой части... И вообще, Бах такой наворочанный.

– Напротив, он математически выверенный. Как теорема Пифагора.

– О! А с математикой у меня – сам знаешь!

– А у меня?!

И оба засмеялись.

Виктор Брагин исчез. Его не было. Исчез криво ухмыляющийся за его спиной Макс. Единственное, чего ещё хотелось – чтобы вообще никого не было рядом. Самый лучший пейзаж: пустынный берег моря на закате... Банально? Зато красиво.

А за окном мелким зерном сыпал снег, зима вступала в свои права. И Брагин по российским меркам был не так уж далеко. Каких-то пятьсот километров. И он не исчез. Его просто оттеснила музыка, он отступил перед высоким полётом возвышенного чувства, но такие, как Брагин, не умеют и не могут проигрывать. Поражение для них – это конец всего. Но всегда ли нужна победа любой ценой? И кто определит, что можно вложить в эту цену, дабы не считать её непомерной.

Было ещё два дня, которые Василий и Аня смогли отдать растущему чувству, с перерывами на встречи с журналистами, мастер-классами, посещением концерта симфонической музыки столичных мастеров и ненавязчивой, но всё же осязаемой опекой Изольды Матвеевны.

Ох уж эта тактичная Изольда Матвеевна! Входя в последний день, уже ближе к полуночи в номер, где она жила вместе с Аней, смущенно произнесла:

– Простите, но вынуждена прервать вашу идиллию, завтра тяжелый день.

– Это вы нас простите, Изольда Матвеевна, – встречно извинился Василий, выпуская из своих рук Анины, – мы тут засиделись. Обсуждали последний период творчества… Балакирева.

– Последний период творчества! Балакирева! – и еле сдержала смех. – Может, мне тоже высказать свои суждения по этому поводу?

– Нет, не стоит, Изольда Матвеевна, мы уже всё обсудили, – и выскользнул за дверь.

– Ну-ну... – то ли одобрительно, то ли иронично качала головой учительница.

А Василий возвратился в номер, в котором жил вместе Антоном Брюховецким, весьма тучным флегматиком, которого в музыкалке прочили во всемирные теноры, а в школе общеобразовательной дразнили прозвищем Непаваротти.

– Завтра домой, – грустно сказал Василий.

– Завтра домой, – согласился Антон.

– Может, рванём куда-нибудь, когда ещё попадём в город?

– Да не-е... Не хочу. Надо выспаться.

Другого от Антона ждать не приходилось. Но и Василий быстро согласился с таким развитием событием. Спать – так спать. Во сне можно быть с Анной. И если правильно настроиться, никто не помешает, никто не ворвётся в загадочную и легкую ткань сна.

На обратном пути одиннадцать часов они сидели рядом в стареньком, скрипящем на каждом ухабе «пазике». Все одиннадцать часов тихо разговаривали, и Василий держал Аню за руки. Изольда Матвеевна маячила где-то впереди, перебрасываясь ничего не значащими фразами с водителем, Антон хрустел чипсами, другие пели песни или, наоборот, закрывались от мира наушниками плееров. В дорожном кафе Василий накрыл для Ани отдельный столик. Благо, что первое место в конкурсе сопровождалось премией, равной месячному заработку отца. На эти деньги он купил подарки и отцу, и маме. И Ане...

Велико же было их удивление, когда на свёртке к посёлку, они увидели знакомый «Форд мондео». На трассу Брагин без прав выезжать боялся, а в таёжных джунглях гаишников не сыскать. На этом повороте останавливались все поселковые водители, было такое неписаное правило. Традиция. И Брагин рассчитал точно. Как только ребята высыпали из автобуса размяться, он уже стоял у входа.

– Ну, как успехи?

– Мы везём первое место,– опередила всех Изольда Матвеевна.

– Поздравляю, Василий, – нисколько не сомневаясь, кто обладатель победы, протянул пятерню Виктор.

– Спасибо.

– А я, собственно, за вами. Чего вам в автобусе кости трясти. Долетим с ветерком. Аня, ты как?

– Я, как Вася, – робко ответила Аня.

– Ну, тогда поехали. Изольда Матвеевна, вы не возражаете? – спрашивал так, будто приказывал. Было что-то такое в голосе Брагина, какой-то особый тон врождённой наглости, возразить которому рискнёт не каждый.

– Но я отвечаю за жизнь и здоровье всех ребят, – смутилась Изольда Матвеевна.

– Да, если хотите, мы поедем сразу за вами или чуть впереди.

– Н-ну… Не знаю…

– Лады, Изольда Матвеевна, я вашего победителя сразу к пьедесталу доставлю.

Василий стоял растерянный. С одной стороны, Виктор не сделал ничего, что нарушало джентльменское соглашение, которое Морозов считал уже выигранным, с другой, надо было ещё об этом ему сказать, а сделать такой шаг по тем же условиям должна Аня, с третьей, не было ни одной маломальской причины, чтобы отказаться.

– А можно я с вами? – высунулся из дверного проёма Антон, который посчитал, что совместное с Морозовым проживание в гостиничном номере делает их почти друзьями.

– Не, там ещё Возя, – так ласково Брагин порой называл Вознесенского. – Тесно будет. Разве что стройная Изольда Матвеевна нам не помешала бы.

– Нет-нет, я с ребятами, – отмахнулась учительница.

– О! Паваротти, лови компенсацию, – Виктор с улыбкой бросил ему батончик «марса», чем вызвал бурю благодарности вновь проголодавшегося Брюховецкого.

Самое неприятное произошло в салоне «Форда». Макс с ехидной улыбкой сидел на заднем сидении, Аню Виктор посадил вперёд, рядом с собой, а Василию пришлось довольствоваться компанией Вознесенского, который не преминул поёрничать:

– Садись, Маэстро, места для пассажиров с детьми свободны.

5

Нет, это не был классический любовный треугольник. Это был отрезок, на разных концах которого были Василий и Анна, а в центре маячила точка Брагина. Плюс к тому отрезок этот то тут, то там пересекали хаотичные лучи Вознесенского. Стоило Василию выбрать время, чтобы

побыть с Аней наедине, как по наитию появлялся Виктор, а если не сам Брагин, то разыскивающий его Макс.

Аня снова ушла в себя, заставив Василия гадать и мучиться, что значат те три дня на конкурсе. Что, в конце концов, значат те минуты в её комнате, которые возвращались в его воображение всякий раз захватывающим дух видением. Но, как бы ни сильна была страсть, видение с каждым днём таяло. В него по-прежнему разнузданно врывался Брагин, который, к тому же, подчеркнуто соблюдал соглашение. Аня молчала, Василий мучился, Виктор не снижал молодцеватого напора.

Эх, должна же быть в поведении девушки хоть какая-то логика?

В Новый год Василий подарил Ане недорогую золотую цепочку, купленную в городе во время конкурса, Брагин часом позже ответил золотыми сережками, которые, разумеется, стоили много больше. Ни то, ни другое Аня не хотела брать, пришлось уговаривать вместе. Потом был новогодний бал, где два кавалера, как запрограммированные, приглашали свою возлюбленную на танец попеременке.

В конце концов, это стало настолько смешным, что Аня просто ушла со школьного вечера, попросив обоих не провожать её.

– Пат! – прокомментировал сложившуюся ситуацию Брагин и направился с друзьями в кафе.

Василий пошёл домой. Запершись у себя в комнате с телефонной трубкой, после некоторых сомнений он набрал номер Гордеевых. «Позвонил удачно», – ответила Аня.

– Это я, – начал он.

– Слышу, – ответила Аня.

– Я хочу спросить... – и получилось, что с мыслями так и не собрался.

– О чём?

– Ань, ты меня будто специально мучаешь.

– А ты меня?

Некоторое довольно длительное время они молчали, вслушиваясь в дыхание друг друга.

– Можно, я спрошу? – попытался унять сумбур в голове Василий.

– Ты и так всё время спрашиваешь. Ну, спрашивай…

– Ань, тогда у тебя дома... что это было? – и замер, чуть ли не зажмурился.

– Не знаю, дура я была, вот что. Мне показалось, что я именно так должна поступить. Хотелось чего-то... сама не знаю. Теперь стыдно, дура и всё!..

– Да нет, это я дурак был. И Брагин этот появился.

– Он всегда появляется, ты не замечаешь? Может, и сейчас наш разговор слушает.

Василий даже вздрогнул от такого предположения. И тут же стало стыдно от собственного малодушия. В конце концов, договор он не нарушал.

Или нарушал? В зале консерватории... Или – двенадцатым этюдом Шопена?..

– Аня, я тебя никому не отдам, – твёрдо сказал Василий.

– А я ни к кому и не ухожу, – спокойно, будто они триста лет живут вместе, ответила Аня.

– Наверное, мне с ним всё-таки придётся драться.

– Зачем? Чтобы он изуродовал тебя? Мне это не надо.

– Мне это надо. Иначе он всегда будет стоять между нами. Да ещё Вознесенский этот.

– У вас же пари.

– Не пари, договор.

Аня вздохнула так, что у Василия сжалось сердце. Нужно было задать ещё один вопрос. А он почему-то застревал, Василий боялся обидеть им возлюбленную, но всё же решился:

– В тот день, когда я трусливо ушёл, вы там остались... – и не смог договорить до конца.

– За кого ты меня принимаешь, Морозов?! – так и есть, Анин голос плеснул обидой и болью, и Василий от досады прокусил себе губу: ну что за идиот? Одна ошибка за другой!

– Аня, прости, я вовсе не хотел...

– Ты, Вася, ещё ему расскажи! Может, по вашему джентльменскому соглашению вы ещё рассказывать друг другу должны, кто и чего добился на любовном фронте?! Расскажи, Вася, лучше всего при Вознесенском. Представляю, его сальную мордочку!

– Ань, что ты! Да никогда! Ты – самая лучшая! Ты просто идеал!

– А ты Морозов!.. Маэстро... – и не договорила, бросила трубку.

И Василий чуть не бросил. В стену.

Но сколько может ещё продолжаться такое состояние? И тут вдруг осенило: ещё полгода! Потом Брагин уедет поступать в институт. Вроде как собирается на физкультурное отделение университета. И у Василия и Ани будет ещё целый год. А до этого? Трусливо ждать, когда ситуация разрешится сама собой? Но что-то подсказывало: сама собой она не разрешится. Где-то сойдётся минус на плюс и будет либо короткое, либо долгое замыкание.

Выдержав паузу, он снова набрал номер Гордеевых, услышал на другой стороне провода дыхание Ани и, не дожидаясь ответа, выпалил:

– Аня, я хочу, чтобы ты знала, я люблю тебя, люблю больше всего на свете, больше музыки, без тебя вся музыка теряет смысл! Прости меня... – и теперь сам первым отключился.

Каникулы прошли в мучительной тоске. Изольда Матвеевна в эти дни уезжала на родину, куда-то в Поволжье, а это значило, что встреч в музыкальной школе не будет. Работать не хотелось, и за все эти дни Василий только пару раз садился за инструмент, чтобы нехотя «проковырять» конкурсную программу. Пытался сочинять, но вдохновения хватило бы только на грустную колыбельную. Зато много и бесцельно слонялся по улицам посёлка, избегая встреч с кем бы то ни было. И много читал. За каникулы осилил книгу Георгия Свиридова «Музыка как судьба», которую привёз из Москвы отец. Гениальный русский композитор оказался ещё и гениальным мыслителем. Благодаря этой книге Василий изменил своё отношение к хоровой музыке, к каковой ранее относился весьма прохладно. Теперь специально выписал через Интернет несколько дисков с церковной музыкой и певческую капеллу Санкт-Петербурга, чтобы услышать хоры Свиридова на слова русских поэтов. После прочтения Свиридова взялся за программного Достоевского. Сначала пришлось заставлять себя идти через простую сложность другого русского гения, а потом захватило...

Аня не звонила. Зато один раз позвонил Брагин, спросил, не знает ли Василий что с Анной, она сидит дома, от тусовок отказывается. «Не знаешь?» – «Не знаю». «А сам чего сидишь?» – «К конкурсу готовлюсь». «Ну, лады», – вот и весь разговор.

Неожиданное произошло в первый день занятий, которого Василий ждал почему-то как решающего. Какая-то едва уловимая, внутрисердечная, не из ума исходящая интуиция подсказывала: что-то должно решиться. Откуда берётся такое знание?

После уроков, во время обычной толчеи у гардероба, Аня подошла к нему и спросила так, словно они расстались вчера:

– Вася, проводишь меня?

Рядом, как вечное наваждение, стоял, поигрывая ключами, Брагин:

– Да я подвезу, Ань.

– Нет, мы пешком.

В глазах его на секунду мелькнуло злое удивление, но он быстро взял себя в руки:

– Как хочешь. Сегодня вечером в клубе будет концерт. Банда какая-то выступает, из города приехали. Я заеду за тобой?

– Нет, не надо, не хочу я всю эту самодеятельность слушать, – с нескрываемым раздражением ответила Аня.

– Ну так, – скривился Виктор, – у тебя свой Маэстро есть! Да, Маэстро?

– Да, – спокойно ответил Василий, – но и на любительский бокс она бы не пошла.

– Ну-ну…

С этим «ну-ну» и пришлось уходить в неизвестность, спиной чувствуя въедливый взгляд соперника-партнёра.

– Хорошо, что ты вчера позвонил... второй раз, – сказала по пути Аня, – мне вчера так плохо было, а то сначала – со своим дурацким вопросом. Я, правда, не знаю, зачем я тогда так поступила. Взрослой себя посчитала. Теперь стыдно. Девчонки все про это рассказывают...

– Я ничего прекраснее в жизни не видел! – сколько мог – вложил в голос убеждения Василий.

– Молчи! А то больше не увидишь! – смущенно, но с едва скрываемой улыбкой отмахнулась Аня.

Мир вокруг изменился: стал осмысленно возвышенным, а за таёжными далями угадывалось зовущее будущее. Снова захотелось сесть за рояль и наполнить этот сияющий мир гармонией звука, выплеснуть переполнявшие чувства. Почти сразу закрутилась пока ещё в подсознании мелодия. Но сейчас у неё не было шансов прорваться в этот мир, рядом была Аня...

– Увидимся завтра, на репетиции, – сказала она на прощание у подъезда.

– Завтра обещают жуткий мороз. Я в Интернете смотрел.

– Ну ты же всё равно придёшь?

– Приду.

– Из-за музыки.

– Нет, потому что ты всё равно придёшь.

– Приду.

На том и расстались. И окрыленный Василий нёс на своей щеке легкое прикосновение губ Ани.

Дома же долго силился вспомнить мелодию, что звучала в нём, когда они шли по улице, но она исчезла безвозвратно, как многое из того, что уходит из нашего сознания в другие, неведомые миры, а может – к другим людям. Ведь бывает так: читаешь изложенные на бумаге чужие мысли, а кажется, что они твои собственные. Особенно, если изложены

эти мысли талантливо. Или стоящий рядом с тобой человек произносит фразу, которую ты сам хотел сказать, но опоздал на какие-то доли секунды. А бывает: вы оба говорите – одновременно. Чаще всего такое бывает с влюбленными.

Вместо лирической мелодии началась «Пурга». Зато как! Нет, вдохновение – дар Божий, его не заставишь молчать! Правда, можно не обращать на него внимания, как на погоду: ну идёт дождь, ну и пусть себе идёт, или погожий день за окном – а ты прожил этот день и ни разу красоте его не обрадовался.

6

– Здорово, – сказала Аня после похвалы Изольды Матвеевны.

На мгновение Василию показалось, что Аня ему завидует, но она так и сказала минутой позже:

– Вася, я тебе завидую, у тебя такой дар. Мне рядом с таким даром даже немного стыдно за то, что я инструменты мучаю, но просто приятно быть рядом.

– Да, быть рядом, – многозначительно подхватила Изольда Матвеевна. – Быть музой – это тоже дар, и, уверяю вас, даже более редкий, чем гениальность в любом искусстве или науке. Этот дар – дар терпения и самопожертвования.

И вдруг осекалась. Ученики смотрели на неё так, точно она вот-вот произнесёт пророчество, расскажет им всю их жизнь и любовь на сто лет вперёд. Изольда Матвеевна замолчала, выразительным взглядом ответила ученикам, потом сказала:

– Вообще-то талант существует чаще всего не потому, а вопреки. Но так как без труда он как неограненный алмаз, то теперь давайте продолжать работать. Аня – твоя очередь. А ты, Василий, сегодня будешь помогать мне, попробуй слушать Аню критически, мне интересно: какие бы ты сделал ей подсказки. Может статься, твои окажутся точнее, чем мои.

– Да ну что вы, Изольда Матвеевна, – искренне смутился Василий.

Из музыкальной школы они вышли после одиннадцати. Пурга ослабла, небо расчистилось, но звёзды отступили в глубь его из-за огромной полной луны, что склонилась над верхушками сосен, как настольная лампа Бога. Эхом пурги по улицам катилась позёмка. Студёная тишина белой пустыней легла вокруг человеческого жилья, и каждый шаг по свежим сугробам будто рвал из неё клочки газетной бумаги.

– Поздно уже, может, не стоит меня провожать? – засомневалась на перекрёстке Аня. – Тут мне рукой подать.

– Мы можем ещё немного постоять в подъезде, – почти взмолился Василий.

– Ну ладно, пойдём, только, чур, недолго, – и взяла его под руку.

– Как получится, – игриво буркнул Василий.

– Я вот думаю, а если ты выиграешь всероссийский конкурс, в чём я не сомневаюсь, то потом поедешь на международный. Выиграешь его...

– А потом?

– Ну... возьмут без экзаменов в консерваторию... Ты поступишь, будем вместе учиться.

– Мой папа данное высшее учебное заведение называет консервой. Представляешь?

– Да я слышал, студенты также говорят. Ань, а ты будешь ждать меня из армии?

– Из армии? Но зачем тебе туда? Там можно... Ты же талант можешь потерять! – Аня даже остановилась, тревожно всматриваясь в лицо Василия.

– Если я не пойду в армию, отец не поймёт. Ты же знаешь, он у меня в Афганистане служил, у него награды есть, ранения. И мне до конца жизни будет стыдно, если я не отдам долг Родине.

– Вася, ты отдашь его музыкой, неужели ты не понимаешь? Ты только посмотри вокруг, сколько сейчас ребят всеми правдами-неправдами увиливают от службы.

– Косят.

– Да какая разница, как это называется?!

– Так и остаются на всю жизнь кривые-косые. Нет, я так не могу и не хочу. Причем постараюсь попасть не в какой-нибудь музвзод, а в нормальные войска. У музыкантов, отец рассказывал, дедовщина жуткая. Да и играют они на разводах, парадах и на жмура...

– На жмура?

– Да, это на похоронах. А я терпеть не могу похоронных маршей. Зунывь нудная! Самому покойнику должно быть тошно. Но ты не ответила на мой вопрос: ты будешь меня ждать?

– Конечно, буду, – Аня остановилась и прижалась к Василию, будто он уже завтра должен был отправиться на службу, – конечно, буду.

– Знаешь, Ань, мне вот сейчас кажется, что такого счастья даже быть не может.

– Какого?

– Такого, когда ты рядом, когда ты моя. Мне кажется, что я тебя так люблю, что мои чувства невозможно выразить ни словами, ни музыкой, ничем нельзя. Откуда такая любовь?

– Не знаю…

– Ань, я тебя спросить хочу, не обидишься?

– Попробуй, – лукаво улыбнулась и прижалась крепче.

– Вот если бы я не был пианистом, не победил на конкурсе, ты бы меня вообще заметила?

– Дурачок ты, Вася, – наигранно обиделась Аня, – заметила бы! У тебя в глазах, когда ты смотришь на меня, знаешь что?

– Что?

– Сама не знаю, как объяснить, но что-то огромное-огромное, светлое и доброе!

– А у Брагина?

– Тьфу, опять вспомнил!

– Забудешь тут, всё равно он где-то рядом.

– А у него, Вася, похоть. Он на меня, как на любимую игрушку смотрит… Ты спрашивал, в тот день, когда ты ушёл, что было... Он почти с ходу целоваться полез.

– ??? – вскинул брови Василий.

– Я ему пощёчину влепила и сказала, что таким образом пусть подружек из своей компании обхаживает. Их можно даже не по одной, а сразу группой.

– Круто.

– Удивительно, но он понял. Сразу дал задний ход, разговоры умные повёл.

Они стояли у подъезда и входить в него не торопились. И тому и другому, казалось, что нужно сказать ещё что-то очень важное и нужное. Сказать что-то такое, что поможет им остаться рядом навсегда. Может, немного циничный философ назвал бы это доказательством взаимности, которому необходимо длиться, дабы не допускать и малейшей возможности опровержения. Доказательства должны нанизываться одно на другое, разжигать костёр веры. Они торопятся, потому что нужно сделать запас веры друг в друга на время пусть даже недолгой разлуки.

А поцелуй, который требует себе вечности? А долгое падение в бездонные глаза возлюбленного? А беззвучный и понятный только влюблённым язык прикосновений?

Но вот уже проскакали с телеэкранов лошади ночных «Вестей»... И на первом отзвучали аккорды Свиридова, отбивая неумолимое время...

– Пора, уже совсем поздно, – Аня шагнула в подъезд, Василий механически двинулся следом, втайне надеясь удержать её там хоть на пару минут.

Когда они преодолели первый лестничный пролёт и повернулись лицом ко второму, пришлось остановиться. Сердце Василия дрогнуло, но потом пошло ровно и спокойно: чему быть – того не миновать.

Прямо посреди лестничного марша сидели Брагин и Вознесенский. Судя по количеству окурков и плевков под их ногами, сидели уже давно. Под ногами у Ани звякнула пустая бутылка из-под водки. А на площадке были разбросаны ещё несколько пустых жестянок от колы и пива.

– А вот и наши голубки! – оскалился Брагин.

Он был сильно пьян, и, поднимаясь на ноги, крепко пошатнулся.

– Маэстры, – сплюнул на пол Макс.

– Ну что, Вася, выходит, ты нарушил наше джент... джень... тьфу... соглашение. Нехорошо, Вася, не по-мужски. А что ты, Вася, по-мужски можешь? – Виктор шагнул на одну ступеньку ниже, просверливая Морозова презрительным взглядом.

– По соглашению выбор должна сделать я, – встала между ними Аня, – и я его сделала. Витя, ты ещё найдёшь свою даму сердца.

– А тебя вообще кто спрашивает? – высунулся из-за спины Брагина Макс.

– Аня, иди, пожалуйста, домой, – попросил Василий.

Больше всего он не хотел, чтобы драка происходила при ней. То, что она вот-вот начнется, не было никаких сомнений. Был ещё какая-то надежда на то, что Брагин пьян, но, похоже, злость его быстро отрезвляла.

– Иди, Аня, – снова попросил он, – иначе я себя уважать перестану окончательно.

– Иди, Гордеева, – опять-таки встрял Вознесенский, – Маэстро нам серенаду споёт.

– Ты хоть знаешь, что такое серенада? – спросила его Анна, проходя мимо.

– А нам сейчас Маэстро расскажет.

– Если вы не уйдёте, я позову отца, – предупредила Аня, нащупывая ключом замочную скважину.

– Аня, прошу тебя, не надо, – глухим, не своим голосом напомнил Василий, выдерживая дуэль взглядов с Брагиным.

– Сейчас, я только скажу родителям, и вернусь, я провожу тебя, Вася, при мне они не посмеют...

– Аня, ты не понимаешь, что позоришь меня! – сорвался на крик Василий.

Брагин только скривил губы. Сплюнув на пол, под ноги Морозову, сказал ни к селу:

– Мальчик хочет в Тамбов... – и когда дверь за Аней захлопнулась, ударил неожиданно и резко.

Василий почти сразу «потерялся», не устояв на ногах, слетел с лестничного марша на промежуточную площадку и, утеряв шапку, сильно ударился головой о стену. Сознание замутилось до тошноты. Зрение ещё полностью не восстановилось, но следующие несколько ударов погрузили его в полную темноту... Успел только пожалеть об одном, что ни разу не ударил. И он уже не слышал, как Вознесенский, очень похожий в этот момент на шакала из мультфильма «Маугли», захихикал, взяв руку Василия:

– Ну что, проверим музыкальные пальчики? Пальчики-баянчики!

Он положил безвольную кисть на ребро ступени и со всей силы опустил на неё подошву берца.

Огненный фонтан боли прошил темноту перед глазами Василия. Дальше он уже не воспринимал происходящее абсолютно. И прежде чем озверевший Брагин вдруг замер, осознав мерзость происходящего, Вознесенский успел попрыгать на второй руке Василия, превращая её содержимое в груду осколков. Но остановить своего подельника не успел. Всё это происходило не больше двух минут, наверху распахнулась дверь, на площадку вышел отец Ани.

– Дёргаем! – крикнул полоумный Макс, и Брагин на автопилоте рванул за ним, в два прыжка преодолев пространство до входной двери.

– Стойте, изверги! – они уже не слышали, как не слышал и Вася Морозов.

В ушах у него совершенно неконтролируемо, но очень чётко звучала тема нашествия из седьмой симфонии Шостаковича. Она нарастала до пульсирующей боли, а когда ему поставили укол, как-то незаметно и плавно перешла в «Болеро» Равеля, чтобы потом затихнуть совсем. Музыка уходила...

На улице Брагин резко остановился и вдруг врезал хохочущему сквозь одышку другу. Макс сел в сугроб и, вытирая кровь с губы, оскалился:

– Витёк, ты чё?

– Ты ему руки сломал!

– Да он этими руками твою тёлку лапал!

– Без тебя бы разобрался! Ты обезбашенный, Возя, садист! – плюнул и пошёл своей дорогой.

– А ты добрый, белый, пушистый и летаешь! Сам-то ему лампочку не хило стрёс! – крикнул обиженно вслед Вознесенский.

7

Василий окончательно пришёл в себя, когда хирург Сергей Иванович вместе с медсестрой Валентиной Ивановной гипсовали ему обе кисти. Первое о чём подумал: «А как теперь ходить в туалет?» – и нешуточно от этого расстроился. Не просить же кого-то расстёгивать ширинку! В голове ощущался пластилин, который сам из себя чего-то лепил, отчего неслабо поташнивало.

– О! Герой окончательно пришёл в себя. Как самочувствие? – улыбнулся врач.

– Не знаю, – честно сообщил Василий.

– Ну да, мало тут никому не покажется. Сотрясение плюс десять переломов! Все пальцы, кроме больших, и ещё лучезапястные! В каком гестапо ты побывал?

– Да тут, недалеко, – попытался пошутить, но вдруг понял самое главное: – Играть смогу?

– Футбол, хоккей, шахматы, теннис, подкидного дурака, преферанс – никаких проблем! Не сразу, конечно...

– На фортепиано?

Хирург замер, заметно растерялся. Профессиональную деловитость в глазах сменило сочувствие. Но он довольно быстро нашелся:

– Так это ты, Вася, наш колхоз на всю область прославил? Говорят, у тебя золотые руки...

– Я про ваши то же самое слышал.

– А! – подмигнул доктор. – Резать не клеить! Но ты нос не вешай. «Повесть о настоящем человеке» читал?.. Там лётчик Маресьев без ног летать смог.

– Читал, – скептически согласился Василий.

– И в отрицательном следует находить положительное. Десять переломов дают тебе освобождение от воинской строевой службы.

– Это меня как раз не радует.

– Ты что, не современный молодой человек?

– Выходит так.

– Тогда тем более не имеешь права сдаваться. Валь, заканчивай, у меня там ещё клиент с рассечённой губой дожидается. Может, шить придётся, –

потом одобряюще посмотрел на Василия. – А одному ты, получается, врезал?

– Как врезал? – удивился Василий.

– Да сидит там у меня один... Вознесенский Максим Леонидович, дожидается, а по совместительству рассказывает участковому, как ты ему губу повредил, а Брагин тебе за это нанес несколько профессиональных ударов в голову, после чего ты упал и поломал себе обе кисти и восемь пальцев. Как в том анекдоте: и так восемь раз. Так зацепил ты его?

– Хотел бы.

– Понятненько, сейчас с тобой закончат, но вынужден оставить тебя в стационаре на ночь, всё-таки сотрясение, мы тебя немножко покапаем, а утром посмотрим.

– А домой нельзя?

– Вась, тебя в полуобморочном состоянии вырвало, вон Валентине Ивановне досталось...

– Извините, – смутился Василий.

– Ничего, – только-то и сказала молчаливая медсестра.

– В коридоре сидит Аня и твои родители, ненадолго я к тебе их пущу.

– Спасибо, Сергей Иванович.

– Да не за что.

Странно, но в этот момент ему больше всего хотелось остаться одному. Возникло странное и неотвратимое чувство мощного перелома, после которого жизнь должна пойти уже иным руслом. Не было обиды или разочарования, но нужно было свыкнуться с новыми обстоятельствами. Что произошло – то произошло, и, честно говоря, Василий вдруг понял, что ему стало легче. Легче потому, что, невзирая на внешнее поражение, подспудно он осознавал победу внутреннюю. В том числе – над самим собой. Нужно было побыть одному, да не получалось.

Труднее всего было успокоить отца, который обещал сломать руки обидчикам и их родителям. Метался по палате, выкрикивал ругательства, но Василий в ответ твердил своё:

– Папа, если ты вмешаешься, это будет не по-мужски.

Мать просто тихо всхлипывала и гладила его по голове. Наконец их оставили наедине с Аней.

– Теперь я вряд ли стану великим пианистом, – грустно, но спокойно констатировал Василий.

– Ты думаешь, это что-то меняет? – Аня гладила торчащие из гипса, покрытые белым налётом подушечки пальцев.

– Но ведь ты хотела меня видеть именно таким.

– Хотела, но ещё не всё потеряно. И это не самое главное. Твоя музыка позволила мне увидеть тебя. – Наклонилась к самому уху, обдав лицо чудным фонтаном забранных хвостом волос: – Если ты меня такую бесталанную не разлюбишь, то я выйду за тебя замуж, за тебя, а не за твои таланты. Понимаешь?

Василий чуть не задохнулся от окатившей его с ног до головы нежности, неловко обнял Аню закованными в гипс руками.

– Я ни о чём не жалею, – прошептал он, – главное, что ты есть у меня. Знаешь, мне даже не верится, что счастье может быть таким огромным, оно не вмещается в сердце.

– А я только сейчас начинаю понимать... – легко отстранилась, – войдёт кто-нибудь, мне всего три минуты дали. Я просто зашла сказать…

– Я знаю.

И действительно вошёл, правда, не кто-то, а совершенно конкретный участковый Фёдор Ильич Петренко. Усталый добрый майор милиции. С порога подмигнул ребятам:

– Прошу прощения, но мне тоже надо поворковать с Василием.

– Я пойду, приду сразу после уроков завтра, – понимающе встала Аня.

Василий театрально вздохнул. Мол, ничего не поделаешь.

– Заявление писать будешь? – сходу спросил Фёдор Ильич.

– Чем, дядь Федя? – кивнул на гипсы Василий.

– Я за тебя напишу. Фигуранты известны. Уж как-нибудь вдвоём закорючку-подпись поставим.

– Что это даст, дядя Федя? Даже если я соглашусь, дело всё равно замнут. Вы же знаете их родителей.

– Зря ты так, Вась, отец Брагина сам привёз его и сунул к нам в обезьянник. Но самое интересное, тот сам ему всё рассказал. Другое дело, что свидетелей нет. Вознесенский поёт, что ты ему первый въехал...

– Я знаю, всё произошло быстро, я выключился. Вот за это стыдно.

– Ты не обижайся, придётся взять у тебя кровь на содержание алкоголя.

– Пусть берут. Там всё чисто, – улыбнулся, – Изольда Матвеевна даже запаха не переносит, я себе сейчас представил, как я хотя бы с запахом пришёл на репетицию. Знаете, как она умеет одними глазами выражать своё презрение? Глянет – на месте сгоришь.

– Дело мне всё равно придётся заводить по факту, – сам себе сказал

участковый, – а будет, чувствую, висяк, как с мелкой кражей из ларька. Эх, тут же нанесение тяжких телесных... А свидетелей нет. Хреново, Вась.

– Да уж, – согласился Василий.

Рано утром в палату ворвалась Изольда Матвеевна, стряхивая с себя сонную медсестру:

– Почему я в этой деревне узнаю всё последней?! Не останавливайте меня, я должна его увидеть.

Увидела и тут же зашлась навзрыд. Жалостливо поджала свои тонкие выразительные губы и вся затряслась от рыданий.

– Да что же это делается?! Изуверство какое! Васенька, бедный! Ты только не расстраивайся, мы ещё выйдем на большую сцену, – верила сама или нет?

– Изольда Матвеевна, не плачьте, а то я тоже сейчас разревусь, а мне нельзя, – эти слова ученика немного привели её в чувство, хотя слёзы бежать не перестали.

В первый раз Василий видел, как его учительница безоглядно выражает свои эмоции.

– Вася, – продолжала причитать Изольда Матвеевна, – ты не переживай, этот случай всего-навсего бемоль. Временное понижение тона.

– Мне вчера Сергей Иванович про лётчика Маресьева напомнил, – понимающе улыбнулся Василий, – только, я думаю, это не бемоль, Изольда Матвеевна, это бекар. И ниже уже нельзя, и выше дорога закрыта. То есть – ищи третий путь. Я, конечно, буду очень стараться, Маресьев без ног летал, но, мне кажется, асом не был...

– Вась, ты чего такой не по годам умный?! – вспылила Изольда Матвеевна. – Ты сам как бекар! Ни выше, ни ниже! Ты мне это брось!

– Да ничего, Изольда Матвеевна, самое главное, любовь к музыке, которой вы меня научили – это навсегда, а если пострадает техника – сочинять я всё равно смогу.

– Сможешь, – утерла мокрым насквозь платком последнюю слезу учительница, – ты только не сдавайся. Аня как?

– Ночью у меня была.

– Ну и прекрасно, прости, что я так раскисла.

– Я знаю, вы очень на меня надеялись.

– Да я не надеялась, я точно знала... Уже продумывала программу для международного конкурса в Польше. Ах, как бы ты их удивил своим Шопеном. Они бы узнали, что такое по-русски мороз по коже... Нет, Морозов по коже!

Она так сказала, точно Шопен был близким другом Василия.

– Через сколько тебе снимут гипс?

– Сергей Иванович сказал дней сорок. Потом надо будет руки разрабатывать. Надо мячик для большого тенниса, – посмотрел на руки, – два мячика и два эспандера.

– Я поеду в город, хочешь – привезу? Да о чём я, привезу да и всё!

– Спасибо, Изольда Матвеевна.

На глазах её снова выступили слёзы, но в этот раз она справилась с собой. Встала, оправилась, глянула в маленькое зеркальце из косметички, хмыкнула на опухшие веки и нос и уже с порога подчеркнула:

– Бекар так бекар, Вася, это всего лишь временный знак! Главное – общая гармония. А знаки просто так не ставят!

Следующим гостем в палате стал отец Алексий. Его увидеть Василий никак не ожидал. Отец Алексий появился в посёлке недавно, после того как всем миром восстановили церковь. Был он молод и худощав, а вьющаяся русая борода была реденькой и несерьёзной. Зато добрыми и пронзительными были серые глаза, и взгляд был такой, точно у человека за плечами целая жизнь. Несколько раз он приходил в школу, разговаривал с ребятами и учителями. Интересно, что раньше некоторых учеников водили к психологам, а теперь – к священнику. Но Василию близко с ним сталкиваться ещё не приходилось.

– Позволишь? Я тут прихожанку соборовал в соседней палате, решил и тебя проведать.

– Проходите.

– Ты можешь называть меня отец Алексий, а можешь просто – батюшка, как тебе покажется правильнее.

– Батюшка? А вы такой молодой.

– Что ж, на Руси так принято, тысячу лет это никого не смущало. А русский язык не только самый красивый, но и самый точный.

Василий так и не знал, как ему лучше называть отца Алексия, потому немного смущался.

– Вы, наверное, пришли, чтобы я не отчаивался, но я не отчаиваюсь.

– Я пришёл, потому что твоя история очень похожа на мою.

– Вот как?

– Да-да, – располагающе улыбнулся священник. – Но сначала расскажи мне, как ты оцениваешь то, что с тобой произошло. Мне известно, что Бог одарил тебя большим талантом музыканта и даже композитора, о твоей победе на конкурсе весь посёлок говорил.

– Было, – согласился Василий, – а теперь уже и не знаю, что от этого останется. Знаете, батюшка, – так называть священника ему понравилось больше, ближе, что ли, человек становился? – все, что со мной произошло – из-за любви к девушке. Но она ещё одному парню нравилась. Он меня на год старше и сильнее. Боксёр. Кандидат в мастера спорта по боксу. Честно говоря, я сначала его боялся и чуть было не сдался. А вот теперь лежу битый, но мне всё равно кажется, что я победил. Потому что свою силу он в общем-то от слабости применил. Обидно, конечно, что я не могу ему как следует сдачи дать, но получается и он ничего не добился. С ним друг был. Кажется, это он мне руки сломал. Смутно всё помню. Участковый приходил, я не стал на них заявление писать. Жалко, конечно, что на конкурс не поеду. И больше всего почему-то учительницу мою жалко, Изольду Матвеевну, она столько сил в меня вложила, столько надежд, всё напоминала: руки береги… считала, что я запросто поступлю в консерваторию, без колледжа, на фортепианное отделение.

Василий замолчал, собираясь с мыслями, священник внимательно слушал. Почему-то захотелось рассказать ему всё без утайки. И Василий начал заново с 1 сентября. И когда дошёл до сегодняшнего дня, сам собой возник вопрос:

– Вот вы говорите, батюшка, Бог мне дал талант. Ещё я слышал, что зарывать талант нельзя. Притча есть такая, что слуга, который зарыл свой талант, его не преумножил, получается как бы не преумножил то, что ему было дано.

Священник кивнул.

– Тогда почему Бог позволил у меня этот талант забрать?

– А ты помнишь, как в притче? Таланты – это такие деньги были. Причем очень большие. Золото и серебро в талантах измерялось килограммами. Так вот, два других слуги свои таланты вложили в дело и удвоили их. Как ты правильно говоришь, преумножили. Но могло ведь повернуться и так, что дело не выгорело, и прибыли бы не было, и талант бы был растрачен. Могло?

– Могло, – согласился Василий.

– Итак, первое: Господь каждому даёт ту меру таланта, которую он может вместить. Поэтому: одному – пять, другому – два, третьему – один. И с каждого спросит за данное. И каждому даёт согласно его способностям. И важно не струсить, пойти на разумный риск, чтобы преумножить эти таланты, а не сидеть над ними, как Кощей над златом. Вспомни слова своего отца о трусости. Очень правильные слова. Ты не закапывал

свой талант, но и не ценил его. А кое в чём проявил малодушие. Та же история с котом. Так вот, Василий, до поры до времени у тебя шло всё, как по маслу. Так? Всё давалось легко, и не с легкой ли иронией ты смотрел на упорный труд твоей возлюбленной? То, что тебе давалось легко, она постигала с огромным трудом.

Василий потупился, он только что рассказал об этом сам, но другими словами.

– И ты полагал, что так будет всегда, – продолжал отец Алексий. – Ценил ли ты в достаточной мере, что было тебе дано? Помнил ли ты о том, кто тебе это дал, или ты горделиво полагал, что тебе это и так положено? И ещё вот о чём вспомним: Брагину тоже дан был талант, пусть не в искусстве, пусть в спорте. И вот два ваших таланта пересеклись. За то, как он употребил свой талант, он сам и ответчик. Господь дал, Господь спросит, и уж понятно, что не Он вёл руку Брагина, наносящую тебе удары, а неправильно понятая Брагиным высшая свобода, да бесы, которые под той рукой тут как тут. Но мы вернёмся к твоему дару. Твоему таланту выпали испытания, как выпали испытания твоей любви. Правильно?

Василий согласно кивнул. Теперь он уже опережал озвученную мысль батюшки. Он уже всё понял, но продолжал вежливо слушать.

– Любовь испытание выдержала и стала прочнее, так?

– Значит, испытание таланта тоже должно принести свои плоды! – не выдержал Василий.

– Да, я в это верю. Когда я учился в семинарии, нам рассказывали интересную историю из жизни Сократа. Этот греческий философ жил задолго до Рождества Христова. Однажды в день рождения этого философа к нему пришли его ученики, и каждый принес ему что-то в дар. Но один ученик был настолько беден, что не имел ничего и, пока шло поздравление Сократа, сидел, понурясь. Он встал самым последним и сказал: «Дорогой наставник! Ты знаешь, что я нищий, мне нечего дать тебе. Единственный мой дар – я отдаю тебе самого себя как раба. Делай со мной, что хочешь!» И Сократ сказал: «Это самый драгоценный для меня дар. Я принимаю его, но лишь с тем, чтобы вернуть потом тебя самому тебе в еще лучшем виде!»

– Здорово! – восхитился Василий. – Обязательно расскажу всё это Изольде Матвеевне! И Ане... Можно?

– Можно. Только помни о том, что понимание слова раб Божий разнится от принятого в обществе понимания слова «раб». Быть рабом Бога – это счастье и надежда. Если бы мы могли принадлежать Господу всем умом, всем сердцем и душой! Если мы не рабы Бога, значит –

мы рабы этого мира, рабы диавола, рабы собственного эгоизма. И тут как раз важно, чтобы Господь не прогнал нас во тьму, как недостойных рабов. Помнишь конец притчи о талантах?

– Да. Знаете, батюшка, я, честно говоря, читал только детскую Библию.

– Значит, настало время взять в руки, пусть и такие, – он улыбнулся, глядя на гипс, – Священное Писание. Я вот каждый день понемногу читаю. Это как родниковой воды испить, как чистого воздуха глотнуть.

– Но вы сказали, что моя история похожа на вашу? Расскажите!..

– Представь себе, что в школе я занимался парашютным спортом, удачно всё складывалось. А вообще я мечтал поступить в Рязанское военное училище воздушно-десантных войск. Слышал о таком?

– Слышал.

– И поступил! И всё было хорошо...

– Как по маслу?

– Точно. Но уже на третьем курсе во время одного из тренировочных прыжков я неудачно приземлился, повредил позвоночник. О дальнейшей службе не могло быть и речи. Никакое лечение, никакие тренировки не помогли бы. Точка и всё! Ни про какого Маресьева врачи и слышать не хотели. Честно говоря, я тогда думал, что жизнь моя на этом кончилась. Мечта в буквальном смысле разбилась о землю.

– Да... не позавидуешь.

– Не знаю, сколько бы продлилось моё безысходное отчаяние, а самое главное – я не понимал, почему так произошло именно со мной? Были ребята, у которых всё получалось много хуже, чем у меня. А они могли вновь и вновь подниматься в небо, с гордостью нести службу и называть себя десантниками. А я вдруг оказался на обочине, – отец Алексий на минуту замялся, снизил на полтона: – Только тебе скажу, никому не скажешь?

– Никому.

– Я тогда неумеренно пить начал. Это у русского человека блажь такая – горе заливать. Но было ли горе-то? Так вот, преподавал у нас один легендарный подполковник. Он побывал на всех войнах, которые в том числе называют локальными конфликтами. От наград у него левый борт кителя перетягивало. И когда я собирал уже вещи ехать домой, он пришёл ко мне и сказал: «Знаешь, Алексей, самое страшное в жизни это не то, что произошло, это когда не знаешь, почему. Я столько похоронил товарищей, что всякий раз, когда я думаю, что мне плохо, я вспоминаю их близких: жён, матерей, детей. И мне становится стыдно, потому что им хуже, чем

мне. Однажды я услышал одну важную мысль, которая теперь всегда со мной: Говорят, есть три главные тайны: когда мы умрем, от чего мы умрем и где мы будем после смерти». Где вы это услышали? – спросил я. «На проповеди», – ответил он. «Вы что, верующий?», «Конечно, – удивился он моему вопросу, – как же можно выбирать работу, на которой каждый день нужно быть готовым умереть и не быть верующим? А знаешь, что слово «служба» лучше всего соответствует только двум профессиям: военной и священника?» Так, Василий, я оказался в духовной семинарии... А бекар – это ты интересно придумал... Ниже нельзя и вверх. Я разовью твою мысль – вверх можно, но только согласно предписанной гармонии. Кажется, я не нарушил правил музыки, применяя их к правилам духа?

– Нет! Всё точно! У меня даже рифма родилась: если есть Икар – будет и бекар! Я бы так не смог мысль подвести и сказать.

– Смог бы, просто нужно немного опыта.

– Мой отец воевал в Афганистане, и когда мы приезжаем в город, он всегда идёт в церковь и заказывает там молебен за упокой. И всегда жалеет, что не все его погибшие сослуживцы были крещены. Он рассказывал, что сам крестился после войны, когда вернулся домой. А вы молитесь, за тех, кто когда-то с вами учился?

– Обязательно. И за победу, и за упокой. Некоторые из моих друзей уже погибли на Кавказе. И не только за них, а за всё российское воинство надо молиться.

– Хорошо, что вы пришли, – признал Василий, – мне намного легче стало. Теперь не кажется всё таким бессмысленным.

– Вот и слава Богу, а мне ещё надо с соперником твоим повстречаться. Ничего не имеешь против? – вопросительно вскинул брови отец Алексий.

– Нет, да и как я могу возражать. Может, ему даже нужнее, чем мне.

Соперник пришёл в этот день последним, когда Василий всеми правдами и неправдами отпрашивался у Сергея Ивановича домой.

Брагин хмурой тенью нарисовался в палате, молча сел на табурет у кровати Василия. Прежде чем сказать что-либо, он сидел некоторое время, опустив голову. Так и начал говорить в пол:

– Вась, я так не хотел. Участковый сказал, что ты не стал писать заявление, хотя Гордеевы готовы выступить свидетелями. Отец мне выговорил, что заступаться не будет... Короче, можешь сломать мне руки. Вот, – и в подтверждение он вытянул вперёд руки, кончики пальцев заметно подрагивали.

– Вить, ты же знаешь, что я этого делать не буду, – ответил Василий.

– Да, стрёмно получилось. Я себя таким дерьмом чувствую. Макс тоже хотел прийти. Но его отец запер. И правильно. Самое поганое то, что ничего исправить нельзя. Отец мне сказал: никаких тебе институтов, пойдёшь в армию. Я думаю, правильно. А тебе, что врачи говорят: сможешь играть?

– Они не знают. Наверное, так, как играл, уже не смогу. Буду сочинять. И буду много работать.

– Слышь, Вась, если чем надо будет помочь, можешь в любое время на меня рассчитывать.

– Ладно.

Снова повисла неловкая тишина. Каждый думал о своём. В какой-то момент, Василию вдруг показалось, что это не Брагин ему, а он Брагину изломал жизнь. Даже совестно стало. Не такое ли чувство выгоняло русских женщин на улицы, когда мимо шли этапом колодники. И подавали им еду или одежду – кто что может, хотя вчера каждый из этих угрюмых, закованных в цепи людей мог вынести всё вчистую из их небогатого дома, ударить ножом или топором, снасильничать... Надо спросить об этом у отца Алексия.

8

В июне Василий уже мог играть токкату и фугу ре-минор Баха, не очень ровно, но уже цельно. Руки, как раньше, не летели, более того, некоторые пассажи давались через боль. Между делом он мял в руках теннисные мячи, которые привезла Изольда Матвеевна, и эспандеры, что привез из города отец. Невзирая на предоставленную директором отсрочку, он пошел сдавать выпускной экзамен в музыкальной школе по специальности. Отыграл так, как это мог сделать любой среднестатистический ученик, но ему поставили явно завышенную пятёрку, хотя все, и в том числе Василий, понимали: это за прежние заслуги. Зато после обязательной программы он порадовал и учеников, и преподавателей двумя новыми произведениями: сонатиной, которую он написал специально, чтобы разрабатывать руки, и фортепианным ансамблем, который они исполнили в четыре руки с Аней.

Аня тоже сдала на свою заслуженную пятёрку. Теперь им оставалось главное: окончить общеобразовательную школу. Изольда Матвеевна продолжала заниматься с обоими. Василий нацелился на теоретико-композиционный факультет, Аня – на фортепианное отделение.

В июле Морозовы и Гордеевы, внимая просьбам детей, вместе выехали на юг. А остаток лета Василий ходил к отцу Алексию, чтобы поближе познакомиться с церковным пением.

Поздней осенью пришло письмо от Брагина, который лежал в ростовском госпитале после ранения, полученного на Кавказе. Сам он писать не мог, поэтому за Виктора это сделал сосед по палате.

«Здравствуй, Василий! У меня всё хорошо. После учебки попал в разведроту, а это очень почётно. Правда, повоевать толком не пришлось, да и реальных боёв теперь не так много. Не поверишь, к нам сюда приезжала группа «ДДТ» и Юрий Шевчук. Хорошие ребята, настоящие мужики. Они уже не в первый раз приезжают. Дали концерт. Знакомые песни подпевала целая дивизия. Слышал ведь: «Что такое осень?..» А вокруг действительно осень! А когда он пел: «Это всё, что останется после меня», пацаны даже плакали. Были и новые песни. Классно! Говорят, ещё приедет «Любэ». А я сразу вспомнил про тебя и твою музыку. Знаешь, здесь даже классику бы слушать стали, я представил, как бы ты мог здесь сыграть, и все наши парни тебе бы аплодировали. А я бы гордился.

Даже если ты мне не ответишь, хочу, чтобы ты знал, почему это письмо пишет под мою диктовку мой сосед Вадик. Рядом со мной взорвалась мина, и я получил осколочное ранение. Самое интересное, что два осколка прошили насквозь ладони, а один засел в черепушке. Из-за этого осколка и придётся здесь ещё поваляться. Ребята, глядя на мои руки, смеются, а я вспоминаю ту злополучную ночь. Наверное, теперь мы точно в расчете, хотя ты, я это знаю, зла не держал.

Кстати, а Макс сейчас в экономическом колледже. Замутил какие-то дела, уже купил себе тачку. Даже фотографию прислал. Странно, но у него всё хорошо. И – с руками, и – с головой. Но, может, так и должно быть?

Ане от меня огромный привет. Если бы мне сейчас писала сюда письма такая девушка, я был бы самым счастливым человеком на свете. Ну вот вроде и всё.

Хотя нет.

Хорошо, что я попал сюда, отсюда жизнь выглядит совсем по-другому. Если с руками и головой всё будет в порядке, попробую поступать в военное училище. Чувствую, это моё. Так что – держись, Маэстро.

Мл. сержант Брагин».

Содержание

ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К59

К59 – **Козлов Сергей Сергеевич**
Время любить: Роман. Повести. Рассказы. – Екатеринбург: «Издательство «Баско», 2006. – 448 с.: ил.

Главный редактор
И. Захарова
Руководитель издательского проекта
М. Гордиенко
Дизайн, верстка
М. Тихомиров
Корректор
Т. Зацепина
Предпечатная подготовка
А. Терёшкин
Менеджер заказа
Н. Овсянникова

«Издательство «Баско»
620075, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 81, 12-й этаж.
Тел./факс: (343) 355-21-35, 350-50-69.
E-mail: basko@basko.ru, basko@sky.ru

Подписано в печать 07.07.2006.
Бумага ВХИ 80 гр/м².
Формат 60x90/16. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04 .
Тираж 1000 экз. Заказ №589.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ЧПО «Книга».
г. Челябинск. ул. Постышева, 2.

Козлов Сергей Сергеевич родился 28 мая 1966 года в Тюмени в семье медсестры и инженера. Окончил среднюю школу №25, параллельно учился и в музыкальной школе. В 1983 году поступил на исторический факультет Тюменского государственного университета, после окончания которого работал учителем истории в школе №40, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве. С 1984 по 1986 годы, после окончания первого курса, служил в армии. Вместе с поэтом М. Федосеенковым играл в группе «Нефть».

С 1996 года проживает в поселке Горноправдинск Ханты-Мансийского района. Работает директором средней школы. Воспитывает дочь Дарью (1991 г. р.) и сына Арсения (2001 г. р.).

Пишет стихи, публицистику и в основном прозу. Стихи почти не публикует. Автор нескольких песен и музыкальных композиций. Его произведения опубликованы в журналах «Наш современник», «Подвиг», «Приключения – фантастика», «Мир Севера», «РФ сегодня», еженедельнике «Литературная Россия», альманахах «Эринтур», «Врата Сибири», «Лукич», коллективных сборниках и др.

С 1999 года – член Союза писателей России. Изданы его книги «Ночь перед вечностью» (Екатеринбург, ГИПП «Уральский рабочий», 2000) и «Последний Карфаген» (Екатеринбург, «Издательство «Баско», 2004).

Лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 1998 год. (за рассказ «Участковый»), премии губернатора Югры в области литературы за 2004 год, премии им. А.Н. Толстого за 2006 год.